42 7/78.

42 7/78

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ПРИГОТОВЛЯЮЩИХСЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ,

ЗА ГРАНИЦЕЙ И ВЪ РОССІИ,

НА СЧЕТЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

(Съ марта по іюль 1866 года).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Канонерской, домъ № 7/2.
1866.

962/2

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
на 1866 годъ.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 14905
VII 193 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченія изъ отчетовъ: стран.

1. В. Максимова 1
2. А. Вейсмана . . . . . 5 и 463
3. А. Радусъ-Зеньковича 9
4. А. Макѣева . . . . . 15 и 457
5. И. Добротворскаго 24
6. Н. Залѣсскаго 36
7. В. Миддендорфа 68
8. М. Суботина . . . . . 126 и 487
9. С. Костарева 133
10. В. Владимірова 138
11. П. Перемежко 144
12. Д. Траутфеттера . . . . . 149 и 474
13. А. Пассовера 174
14. І. Топаза 181
15. М. Ерофеева 184
16. И. Востокова 185
17. Булыгинскаго 186
18. И. Хрущова 196
19. Беллярминова 242
20. И. Ціона 268
21. Хупотскаго 282
22. Вл. Морковникова 292
23. А. Булыгинскаго 297
24. Н. Скворцова . . . . . 308 и 421
25. Г. Пассовера 319
26. Толмачева 331
27. Г. Кустовскаго 332
28. Выводцева 341
29. И. Смирнова 350
30. А. Орлова 364
31. И. Догеля 469

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченія изъ отчетовъ:	стран.
1. В. Максимова	1
2. А. Вейсмана	5 и 463
3. А. Радусъ-Зеньковича	9
4. А. Макѣева	15 и 457
5. П. Добротворскаго	24
6. Н. Залѣсскаго	36
7. В. Миддендорфа	68
8. М. Суботина	126 и 487
9. С. Костарева	133
10. В. Владимірова	138
11. П. Перемежко	144
12. Л. Граутфеттера	149 и 474
13. А. Пассовера	174
14. І. Топаза	181
15. М. Ерофеева	184
16. Н. Востокова	185
17. Булыгинскаго	186
18. Н. Хрущова	196
19. Белляриновa	242
20. Н. Шона	268
21. Хупотскаго	283
22. Вл. Морковникова	292
23. А. Булыгинскаго	297
24. Н. Скворцова	308 и 421
25. Г. Пассовера	319
26. Толмачева	331
27. Г. Кустовскаго	332
28. Выводцева	341
29. Н. Смирнова	350
30. А. Орлова	364
31. Н. Логина	469

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Кандидата Виктора Максимова.

Въ предшествовавшемъ отчетѣ, говоря о посѣщеніи конійскихъ библіотекъ, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія департамента о затрудненіи, встрѣченномъ мной при изъявленіи желанія осмотрѣть библіотеку при джамiѣ султана Селима.

Затрудненія эти состояли въ недовѣріи тогдашняго губернатора Караманіи къ мѣстнымъ жителямъ, которые могли быть обижены моимъ входомъ въ джамію, и какъ скоро они совѣщаніемъ Велійюддине паши съ хакимомъ и членами меджлиса были устранены, рано утромъ, со всѣми атрибутами секретнаго дѣла, я былъ впущенъ въ названную библіотеку.

Послѣдняя хоть и содержитъ въ себѣ болѣе 1000 экземпляровъ рукописныхъ сочиненій, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ комментаріи Сары Абдулла эфенди, драгоцѣнны по красотѣ письма; но для турколога библіотека эта не заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ большинство хранящихся здѣсь рукописей на арабскомъ языкѣ и относится къ мусульманской теологіи. Такимъ образомъ для турецкой поэзіи здѣсь только четыре сочиненія: диваны Атаи, Сабита, Нэдима и Нэфъи. Историческаго отдѣла въ каталогѣ нѣтъ, хотя біографію Джелялю-ддина Руми подъ названіемъ *Манкыбеи-мэвляна*, списокъ которой есть и въ библіотекѣ при мевлевійской тэкье, и надобно было бы отнести въ этотъ отдѣлъ.

Основана эта библіотека въ царствованіе Абдульмеджида и помѣщается она въ придѣлѣ, тогда же къ джамiѣ и пристроенномъ.

Книга касидъ и месневи Наби, составлявшія предметъ моихъ домашнихъ занятій во 2-й половинѣ августа, не могли прибавить особенно яркихъ матеріаловъ для характеристики трудовъ этого писателя, въ газеляхъ сосредоточившаго всѣ силы своего таланта. И такъ какъ въ трудахъ этого писателя, по отзыву самихъ турокъ, обнаружилась конечная степень развитія османской письменности, то мы и полагаемъ, что характеристика ихъ требуетъ болѣе широкихъ рамъ, чѣмъ предполагаетъ донесеніе.

Въ началѣ сентября мѣсяца я оставилъ Конію съ намѣреніемъ прослѣдить за караманскимъ говоромъ въ южныхъ и юго-восточныхъ каза этой области.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что какъ ни ничтожно разстояніе между Коніей и Эрегли черезъ Караманъ городъ и Карабунаръ; но въ Эрегли, какъ и вообще въ странѣ на сѣверо-востокѣ до Аксерая *) и Невшегера, обнаруживается въ языкѣ сходство съ восточнымъ малоазійскимъ говоромъ. Такъ и въ эреглійскомъ каза во всѣхъ временахъ, происходящихъ отъ повелительнаго наклоненія, въ 1-мъ лицѣ множ. числа встрѣчаемъ звукъ *ик*, *ук*, *ек* etc., а не *из*, *уз* и т. п.

Другія уклоненія общи съ конійскими, говорятъ: *фястäнкинä лакырды идäёнъ*, пустяки болтаешь; *нä уряджязъ штмяли*, что дѣлать! ѣхать надо; *сома бурда буламанъ*, *бизымъ äкмякъ иштä юфка*, каравайнаго хлѣба здѣсь не найдешь, нашъ хлѣбъ, видишь, лепешка (тонкая, какъ бумажный листъ, прѣсная); *гкаһвä нä бизä лязымъ*, *бизъ гядыёкъ*, къ чему намъ кофе, мы ѣдемъ; *шу дывиды бана андачъ веринъ-мы*, эту чернилицу дашь мнѣ на память; *ишьтä гкаһвäалты апарыкъ-та гидäлимъ*, позавтракавъ, поѣдемъ.

Кромѣ этихъ фразъ, мы могли бы представить еще доказательства въ пользу нами сказаннаго изъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и загадокъ, собранныхъ мной въ городѣ Барѣ, въ деревняхъ Халва-дэрэси (6 час. отъ Аксерая) и Эневи (20 час. отъ Коніи по ангорской дорогѣ); но такъ какъ эти матеріалы въ результатѣ своемъ имѣютъ только сказанное нами въ предъидущемъ отчетѣ, то сказаннымъ мы и позволяемъ себѣ окончить наши замѣтки о караманскомъ говорѣ.

---

*) Городъ, до котораго я доѣзжалъ и въ нынѣшнюю свою поѣздку по Караманіи, съ намѣреніемъ черезъ Когхисаръ и Кыршегеръ проѣхать въ Ангору; но вслѣдствіе бывшихъ тогда на этомъ пути разбоевъ, совѣтовали мнѣ ѣхать въ послѣдній городъ черезъ Конію, на что я и долженъ былъ согласиться.

По возвращеніи моемъ въ началѣ мѣсяца ноября въ Константинополь, занятія мои состояли исключительно въ изученіи книжной литературы, и только вечера мѣсяца рамазана посвящены были на слушаніе сказокъ меддаха или простонароднаго балагурства карагезовъ.

Сказки меддаха и притомъ единственнаго нынѣшній годъ въ Константинополѣ, извѣстнаго подъ именемъ Бруссалы, по складу чисто простонародная рѣчь: отрывистыя фразы, отсутствіе герундійныхъ формъ и предложеній сокращенныхъ въ неопредѣленное наклоненіе, простонародная манера произносить иностранныя (арабскія и персидскія) слова, въ сложныхъ глаголахъ — опусканіе связи и глаголовъ вспомогательныхъ, — эти и имъ подобныя замѣчанія высказаны были мной въ прежнихъ отчетахъ, отправленныхъ въ факультетъ восточныхъ языковъ, и я, дорожа короткимъ, оставшимся мнѣ быть за границей, временемъ, спѣшу перейдти къ указанію на свои работы по книжной литературѣ.

Послѣднія состоятъ: въ изученіи современной письменной рѣчи въ газетахъ и журналахъ, печатныхъ сочиненій турецкой изящной литературы, — что составляетъ предметъ домашнихъ занятій; въ чтеніи рукописей, — это занятіе въ здѣшнихъ библіотекахъ.

Послѣднее продолжалось только до мѣсяца рамазана, ибо съ 10-го числа этого мѣсяца вплоть до 23-го шеваля (26-го февраля) константинопольскія библіотеки закрыты за отсутствіемъ въ это время софта (семинаристовъ), для которыхъ исключительно онѣ предназначены.

Отъ того, начавъ чтеніе *тэзкереи-шуаро ашика челеби* въ библіотекѣ при медресе Хемидійе, я могъ довести свою работу только до буквы *чимъ*.

Сочиненіе это, написанное въ царствованіе султана Селима II, представляетъ богатый матеріалъ для изученія состоянія турецкой поэзіи отъ XV и до 2-й половины XVI столѣтія; сверхъ этого, въ предисловіи, заключающемъ 40 листовъ in 8^0, авторъ знакомитъ и съ теоріей поэзіи мусульманской. Здѣсь предлагаются имъ выписки изъ мусульманской риторики опредѣленій газели, касиды, мустэзадъ и т. п. Какъ и Лятыфи, отдѣляетъ понятія *шаиръ* (поэтъ) отъ *мутэшаиръ* (притворяющійся поэтомъ), громко жалуется на преобладаніе послѣдняго рода писакъ, хоть и въ его время жилъ Джаафферъ Челеби, маншаатъ, газели и Невесъ-Намэ котораго поль-

зуются и доселѣ между турками громкой извѣстностью *); жалуется на упадокъ въ его время поэзіи, хотя, судя по развитію послѣдней, въ его время, какъ и во время дѣятельности Лятыфи, могла только идти подготовка къ появленію Азми, Абдуль-Задэ гани, Надири, Меджди, воспитавшихъ Нафъи, Феһима, Вейси, Нэрси, Окчи-Задэ и другихъ, которыми такъ блестяще время отъ султана Мурада IV до появленія Наби эфенди.

Въ этомъ же предисловіи авторъ съ приличными похвалами останавливается на султанахъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ турецкой поэзіи, но съ особой любовью останавливается на султанѣ Сулейманѣ Конуни, силясь доказать божественный смыслъ въ появленіи его на тронѣ Османа десятымъ государемъ (аширъ), чему посвящено нѣсколько страницъ.

Впрочемъ, сочиненіе это, по отзыву и строго образованныхъ турокъ, отличается добросовѣстностью и отчетливостью въ исполненіи задачи; и я не могу не сожалѣть, что обстоятельства и время не позволили мнѣ окончить изученіе этого источника для исторіи турецкой литературы, который такъ рѣдокъ, что пріобрѣсть его возможно, только переписавъ экземпляръ, хранящійся въ названной библіотекѣ.

Чтеніе печатныхъ сочиненій Исмаила Хакки, Вегби и Иззета Муллы, знакомя меня съ литературой послѣдняго столѣтія, ясно показало только ея несостоятельность съ старой турецкой литературой. Тяжелый стихъ, бѣдность мысли, отсутствіе даже той малой доли ироніи, которая блеститъ иногда ярко въ газеляхъ Наби, тяжелая доктринальность въ направленіи,—преобладающія ихъ свойства. Желаніе сберечь время не позволяетъ намъ приводить цитаты изъ этихъ общеизвѣстныхъ сочиненій.

Исчисливъ свои работы въ теченіе послѣдняго полугодія, имѣю честь увѣдомить департаментъ, что черезъ десять дней, вслѣдствіе истеченія даннаго мнѣ для пребыванія за границей срока, я долженъ возвратиться въ Петербургъ, хоть незнакомый еще съ сочиненіями: Шейхи, Рухи, Ибнъ Кемаля, Азми-Задэ, Холети, Кара-Челеби Задэ, Сейидъ-Вегби, Кечеджи Задэ Вегби, Хашмета, сохраняющимися въ частныхъ библіотекахъ,—далеко не могу назвать своихъ свѣдѣній въ турецкой литературѣ полными.

27-го февраля 1866 года.

---

*) Къ этой же эпохѣ принадлежатъ и труды Ибнъ-Кемаля, Рухи, Джеляль-Задэ.

2) А. Вейсмана.

Занятія мои за прошедшіе три мѣсяца были частію домашнія, частію состояли въ слушаніи университетскихъ лекцій. Домашнія занятія сосредоточились преимущественно на изученіи того времени императорскаго Рима, къ которому относятся сатиры Ювенала. Для знакомства съ разными сторонами современной Ювеналу жизни, я счелъ необходимымъ прочесть письма Плинія, исторію Тацита, біографіи Светонія, эпиграммы Марціала и сатиры Персія. Кромѣ того разсмотрѣлъ я нѣкоторыя новѣйшія сочиненія, занимающіяся критикою самихъ сатиръ Ювенала. Между ними назову я трудъ Риббека «der echte und der unechte Juvenal» (Berlin, 1865) и диссертацію Бернгарда Лупа «Vindiciæ Juvenalianæ», написанную въ опроверженіе книги Риббека.

Риббекъ въ своемъ изслѣдованіи старается доказать, что изъ 16 сатиръ принадлежатъ Ювеналу только десять, первыя девять и XI, а что остальныя сатиры, то есть: X, XII, XIII, XIV и XV суть декламаціи неизвѣстнаго автора позднѣйшаго времени. Вопросъ о XVI сатирѣ оставляетъ онъ нерѣшеннымъ. Критика Риббека, не смотря на мѣткость и тонкость нѣкоторыхъ замѣчаній въ частности, не отличается вообще объективностью доказательствъ, и потому останется, вѣроятно, ни болѣе ни менѣе какъ куріозомъ въ литературѣ Ювенала. Въ сущности Риббекъ основываетъ свое мнѣніе на личномъ впечатлѣніи, какое произвело на него чтеніе тѣхъ и другихъ сатиръ: однѣ сатиры кажутся ему образцовыми и по силѣ стиха и по живости содержанія, другія—скучными экспектораціями посредственнаго декламатора. Риббекъ сравниваетъ это впечатлѣніе съ тѣмъ, какое читатель испытываетъ, перейдя напр. отъ прекрасной трагедіи Шиллера къ чтенію какой нибудь усыпительной проповѣди (стр. 25). Чтобы этому личному впечатлѣнію придать видъ научнаго доказательства, Риббекъ разсматриваетъ тѣ и другія сатиры Ювенала со стороны содержанія и со стороны языка. Считая неумѣстнымъ въ отчетѣ входить въ излишнія подробности, замѣчу только, что самая точка отправленія критики Риббека—ложная. Критика всего менѣе должна опираться на субъективномъ чувствѣ, которое, будучи въ одномъ и томъ же человѣкѣ подвержено частымъ измѣненіямъ, не можетъ быть хорошимъ судьею въ дѣлѣ науки. Притомъ мнѣніе Риббека отзывается сильно идеализаціей Ювенала. Все, что хорошо, приписывается Ювеналу, что

слабо — считается подложнымъ. Что подобная идеализація всегда отклоняетъ отъ истины и нерѣдко доводитъ до нелѣпости, это долженъ былъ испытать на самомъ себѣ и Риббекъ. Такъ Риббекъ не могъ не замѣтить, что даже въ тѣхъ сатирахъ, которыя онъ самъ приписываетъ Ювеналу, есть много такихъ мѣстъ, которыя не отличаются отъ декламацій. Чтобы остаться послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ всѣ подобныя мѣста принять за вставку неизвѣстнаго автора. Кромѣ того, не могъ онъ также не замѣтить, что даже въ отношеніи композиціи признанныя имъ сатиры страдаютъ тѣми же недостатками, какъ и декламаціи: такъ, напр., не вездѣ соблюдена правильная градація отъ картинъ менѣе сильныхъ къ болѣе сильнымъ. Чтобы спасти свой взглядъ о литературномъ совершенствѣ Ювенала, Риббекъ не задумывается измѣнить даже самый порядокъ стиховъ въ сатирахъ. Такъ въ первой сатирѣ онъ за 68 стихомъ ставитъ 73 и слѣдующіе до 76, за 76 — 69 до 72, за 72—77 и т. д. Во 2-й сатирѣ за 90 ст. помѣщаетъ 110 до 114, за 114 отъ 91 до 92, за 92—115, за 115—92 до 101, 102 и 103 выпускаетъ, затѣмъ читаетъ 104 ст. и слѣд. до 107, 108 и 109 опять выпускаетъ и т. д. Такое же перемѣщеніе стиховъ находимъ мы у Риббека въ III, V, VII и VIII сатирахъ. Но больше всего пострадала отъ критики Риббека VI сатира, въ которой ни одинъ стихъ не остался на своемъ мѣстѣ. Переставляя стихи Ювенала, Риббекъ долженъ былъ наткнуться на новыя трудности, которыя требовали новыхъ радикальныхъ средствъ. Вслѣдствіе измѣненія порядка, въ одномъ случаѣ оказывалось кое-что лишнимъ, въ другомъ прерывалась связь. Риббекъ лишнее выкидываетъ, недостающее считаетъ утраченнымъ и ставитъ для успокоенія читателя нѣсколько загадочныхъ точекъ. Такимъ образомъ Риббекъ, исходя изъ ложнаго принципа, впадаетъ изъ одной трудности въ другую, и вертится какъ бы въ заколдованномъ кругу, изъ котораго нѣтъ выхода.

Опроверженіе на книгу Риббека появилось въ диссертаціи Бернгарда Лупа, подъ заглавіемъ Vindiciæ Juvenalianæ (Bonn. 1865). Лучше всего разобраны въ ней тѣ доказательства Риббека, которыя основаны на прозодіи, метрикѣ и риторикѣ. За то гораздо слабѣе тотъ отдѣлъ диссертаціи, который разсматриваетъ сатиры Ювенала со стороны содержанія. Что есть разница между первыми сатирами и послѣдними, это можетъ замѣтить и самый поверхностный читатель. Разницу эту слѣдуетъ объяснить, отрицать же ее невоз-

можно. И Ювеналъ, какъ очень многіе авторы, могъ подъ конецъ жизни исписаться и потерять прежнюю силу мысли и слова. Риббекъ справедливо замѣтилъ, что начало IV сатиры (отъ 1 ст. до 35), а также начало XI сат. (отъ 1 до 55 ст.) совсѣмъ не идутъ къ содержанію этихъ сатиръ, что IV и XI сат. составлены какъ бы изъ двухъ частей, не имѣющихъ тѣсной связи между собою. Риббекъ считаетъ начало обѣихъ сатиръ подложнымъ. Лупъ, опровергая его, предлагаетъ со своей стороны, очень наивное объясненіе. Онъ говоритъ, что Ювеналъ написалъ IV и XI сатиры, но почему-то не кончилъ (!), затѣмъ, издавая свои произведенія, для полноты приписалъ къ нимъ начало. Но спрашивается: не странно-ли, что Ювеналъ, неокончившій сатиру, вмѣсто того, чтобы конецъ приписать, приписываетъ начало? Слабо и сбивчиво у Лупа изложеніе политическихъ и религіозныхъ воззрѣній Ювенала, Лупъ не отличаетъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ выражается истинный взглядъ Ювенала на религію, отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ для формы употребляетъ терминологію вульгарной религіи. Если сатирикъ, пишущій для массы, не избѣгаетъ общепринятыхъ фразъ извѣстнаго рода, то изъ этого нельзя еще заключить, чтобы онъ имѣлъ то воззрѣніе на предметъ, которое народъ обыкновенно связываетъ съ подобными фразами.

Представляя отчетъ о домашнихъ моихъ занятіяхъ, я долженъ присовокупить, что они не ограничивались изученіемъ литературы, имѣющей посредственное или непосредственное отношеніе къ сатирамъ Ювенала. Слушая лекціи Гаупта и Кирхгофа, я считалъ необходимымъ усвоить себѣ тѣ частности науки, безъ знанія которыхъ невозможно было бы слѣдить съ успѣхомъ за университетскими чтеніями. Предметъ лекцій Гаупта, какъ я уже въ прошломъ отчетѣ имѣлъ честь сообщить, былъ разборъ комедіи Плавта, «Хвастливый воинъ» и трагедіи Эсхила «Персы». Лекціи Гаупта состояли по преимуществу въ критикѣ текста разныхъ изданій. При разборѣ Плавта останавливался онъ въ особенности на Ричлѣ и Флекэйзенѣ, въ чтеніи Эсхила—на Германѣ, Диндорфѣ и Гейнзетѣ. Разбирая изданія новѣйшихъ ученыхъ, Гауптъ не забывалъ сообщать эмендаціи и конъектуры древнѣйшихъ филологовъ. Лекціи Гаупта производятъ на слушателя то же самое дѣйствіе, какъ чтеніе хорошей печатной рецензіи, съ примѣсью рѣзкой полемики. Слушатель узнаетъ разнаго рода свѣдѣнія, касающіяся грамматики, орѳографіи, прозодіи, метрики, палеографіи, и иногда, хотя и рѣдко,

археологіи. Слушатель узнаетъ также, какъ подобнаго рода свѣдѣнія примѣняются къ критикѣ текста древняго автора. Но, какъ ни полезны для филолога всѣ эти частныя свѣдѣнія, все же они не въ состояніи научить его самой критикѣ. Пассивнымъ слушаніемъ чужой критики нельзя себѣ усвоить критическаго метода. Для этого нужна собственная практика подъ руководствомъ опытнаго профессора. Поэтому тѣ, которые желаютъ извлечь пользу изъ лекцій Гаупта, обыкновенно записываются въ семинарію, въ которой единственно представляется возможность студенту упражняться самому въ разборѣ классиковъ. Такъ какъ я посѣщалъ семинарію, то считаю нелишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ университетахъ не существуетъ подобнаго полезнаго учрежденія. Подъ именемъ семинаріи должно понимать не то, что обыкновенно у насъ называютъ семинаріей. Этимъ именемъ обозначаютъ общество студентовъ, подъ руководствомъ профессора упражняющихся въ извѣстной наукѣ. Семинарія есть необходимое дополненіе къ чтеніямъ профессора. Семинарія, напр., для филолога или теолога есть то же самое что лабораторія для химика, анатомическій театръ для медика. Впрочемъ семинарію въ тѣсномъ смыслѣ слѣдуетъ отличать отъ частныхъ экзерцитаторій. Семинарія есть учрежденіе правительственное; частный экзерцитаторіумъ можетъ устроить всякій профессоръ. Семинарій въ Берлинскомъ университетѣ всего три: теологическая, филологическая и математическая. Между тѣмъ какъ экзерцитаторій, конверсаторій, частныхъ обществъ довольно много. Такъ Дройзенъ и Ранке имѣютъ свои историческія общества, въ которыхъ студенты упражняются въ историческихъ изслѣдованіяхъ; Гибнеръ имѣетъ свое филологическое общество, и т. д. и т. д. Филологическою семинаріею руководятъ Бэкъ и Гауптъ. Въ семинарію можетъ быть принятъ всякій имматрикулированный студентъ. Принятіе въ дѣйствительные члены семинаріи зависитъ отъ руководящаго профессора, который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ подвергнуть студента экзамену или же потребовать у него извѣстной работы. Дѣйствительныхъ членовъ въ семинаріи всего 10. Каждый изъ нихъ обязанъ представить въ теченіе семестра одну или нѣсколько работъ, смотря по требованію руководителя. Обыкновенныя же занятія членовъ семинарій состоятъ въ экзегетикѣ и критикѣ избраннаго автора. Дѣйствительные члены семинаріи получаютъ, по представленію профессора, незначительную стипендію, кажется—по 20 тале-

ровъ въ годъ. Кромѣ дѣйствительныхъ членовъ, могутъ посѣщать семинарію и всѣ прочіе студенты, но только въ качествѣ госпитантовъ. Госпитанты, разумѣется, ничѣмъ ни связаны; впрочемъ, если пожелаютъ, могутъ, съ согласія профессора, принять участіе въ занятіяхъ семинаріи. Въ прошломъ семестрѣ члены семинаріи занимались по два раза въ недѣлю: у Бэка — разборомъ Ифигеніи Аулидской Еврипида, у Гаупта — чтеніемъ эподъ Горація. Студенты очередовались въ занятіяхъ. По временамъ происходилъ диспутъ о сочиненіи, представленномъ однимъ изъ членовъ семинаріи на общее обсужденіе. И интерпретація и диспутъ происходили на латинскомъ языкѣ, впрочемъ не исключительно. И профессоръ и студенты нерѣдко прибѣгали къ родному языку, въ особенности когда нужно было выразиться ясно и коротко. Видно латинскій языкъ начинаетъ упадать даже въ филологическихъ семинаріяхъ. По крайней мѣрѣ онъ оказывается очень часто непослушнымъ орудіемъ для точнаго выраженія мысли.

Берлинъ, 28-го марта нов. ст. 1866 года.

3) Кандидата Антона Радусъ-Зеньковича.

Еще нѣсколько словъ о древнемъ Египтѣ, остатки богатой цивилизаціи котораго, представляя собою памятники древнѣйшаго человѣчества, даютъ намъ возможность не только знать самую полную исторію этой страны, но и разъясняютъ историческія проявленія въ первобытной Азіи.

Та могущественная государственная жизнь первыхъ народовъ, встрѣчаемыхъ исторіей въ Азіи, безъ сомнѣнія, выработана безчисленными смѣнами поколѣній, впродолженіи многихъ вѣковъ, памятники и историческіе документы которыхъ изчезли съ лица земли. Ограничиваясь разсмотрѣніемъ этой вполнѣ развившейся исторической жизни народовъ и памятниковъ ея, древняя исторія, предметомъ которой есть первобытный міръ и дѣйствія въ немъ человѣка, не можетъ удовлетворить самой существенной потребности науки, именно: представить начала развитія народнаго въ связи съ первыми внутренними стремленіями человѣка и внѣшними стихіями, окружающими его, и наконецъ разъяснить базисы, на которыхъ человѣкъ мало по малу создалъ общество и государство — это великое произведеніе ума человѣческаго. Египетскія изслѣдованія указываютъ намъ пока только направленіе и возможность прослѣдить

доисторическую жизнь народовъ въ Азіи и такимъ образомъ осмыслить ходъ и законы развитія человѣческаго рода въ предѣлахъ времени и пространства, о чемъ я говорилъ въ моемъ предъидущемъ отчетѣ.

Предстоящій отчетъ я посвящаю отличительному характеру Нильской долины и ея историческихъ проявленій въ отношеніи къ территоріи семитовъ и ихъ исторіи.

Раннему развитію египетской цивилизаціи во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни удивительно благопріятствовали климатическія и географическія условія страны. Этимъ благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ Египта соотвѣтствовалъ и особенно дѣятельный духъ народа, посвящавшаго все свое настоящее заботѣ о будущемъ и погибшаго въ напрасной борьбѣ съ неизбѣжнымъ закономъ природы—тлѣніемъ.

Многочисленные монументы и историческіе памятники, находимые нынѣ на египетской почвѣ, своимъ сохраненіемъ впродолженіи тысячелѣтій обязаны сухому и знойному климату страны и бездождному африканскому небу. Между тѣмъ какъ въ Азіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ древнѣйшей жизни народной, всякое искусственное произведеніе человѣка подверглось разрушенію отъ вліянія влажнаго климата и растительной силы природы. Особенно замѣчательно негніеніе животнаго и растительнаго матеріала, которымъ наполняются египетскіе музеи. Въ древнѣйшихъ гробницахъ въ Мемфисѣ находятся удивительно сохранившіеся различные предметы изъ дерева, хлѣбныя зерна, засушенные плоды, печеный хлѣбъ, издѣлія изъ тростника и тканей, безчисленныя муміи съ сохранившимися волосами и кожей, тѣла набальзамированныхъ животныхъ съ ихъ мѣхомъ и перьями, даже внутренности человѣка въ особо изготовленныхъ для нихъ вазахъ. Къ этимъ благопріятнымъ для сохраненія монументовъ условіямъ Египта, присоединяется еще обиліе въ немъ различныхъ каменныхъ породъ: известнякъ, песчаникъ, ассуанскій гранитъ—необходимый матеріалъ для монументовъ. Въ древнемъ Вавилонѣ этотъ весьма важный недостатокъ въ дикомъ камнѣ вознаграждаемъ былъ кирпичемъ весьма непрочнымъ и неудобнымъ для архитектоническихъ отдѣлокъ. Почему отъ этой богатой и роскошной столицы нѣкогда могущественнѣйшаго азіатскаго царства остались одни безформенные холмы, указывающіе только мѣсто древнѣйшей резиденціи царей вавилонскихъ.

Монументы Египта, сохранившіеся со всѣми своими украше-

ніями, поражаютъ не только своею многочисленностію, но особенною прочностью и громадными размѣрами. Пирамиды, самые обыкновенные надгробные памятники фараоновъ древняго египетскаго царства, сложены массивно изъ громадныхъ плитъ. Имѣя въ основаніи до 700 ф., вышиною въ 500 ф., онѣ воздвигались обыкновенно надъ скалою, въ которой на глубинѣ 100 ф. была высѣчена пещера, гдѣ помѣщался саркофагъ съ набальзамированнымъ тѣломъ умершаго. Твердая вѣра въ жизнь по смерти и въ безпрерывное соединеніе души съ тѣломъ побуждала египтянъ еще при жизни заботиться о приготовленіи себѣ будущаго вѣчнаго жилища. Каждый царь, тотчасъ по восшествіи на престолъ, начиналъ сооруженіе пирамиды; чѣмъ продолжительнѣе было его царствованіе, тѣмъ большихъ размѣровъ достигалъ его надгробный монументъ. Мѣсто погребенія было на западной границѣ Египта, на краю Сагары, такъ какъ умершій, по понятію египтянъ, отправлялся, вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца, въ подземное царство Озириса. Саркофаги, въ которыхъ хранились набальзамированныя и обвитыя тканями тѣла умершихъ, были обыкновенно двойные, даже тройные, запиравшіеся такъ искусно желѣзными прутьями, что тѣло могло быть вынуто только послѣ разломанія саркофага. Кромѣ того, входъ, начинающійся при основаніи пирамиды и ведущій въ пещеру саркофага, на всемъ протяженіи своемъ былъ заваленъ громадными массами камней. Эти муміи, саркофаги и пирамиды, съ ихъ безчисленными надписями и изображеніями и свитками папируса, представляющими остатки книжной египетской литературы, служатъ теперь весьма обильнымъ матеріаломъ для исторіи.

Особенно замѣчательна любовь египтянъ, съ которою они предавались украшеніямъ своихъ монументовъ. Первое между этими украшеніями — гіероглифическія надписи, которыми покрыты не только всѣ стѣны храмовъ, монументы, но даже самые мелкіе предметы домашней утвари.

Что касается туземныхъ египетскихъ преданій и существенныхъ историческихъ проявленій египетской цивилизаціи, то онѣ представляютъ такую же рѣзкую противоположность въ отношеніи къ народамъ Азіи, тѣмъ же физическимъ характеромъ страны обусловливаемую. Такъ, общее всѣмъ азіатскимъ народамъ преданіе о потопѣ чуждо для исторіи Египта. Несомнѣнная достовѣрность такого физическаго переворота въ Азіи ясна уже изъ того, что это событіе представляетъ намъ какъ бы границу между историческимъ

и доисторическимъ бытомъ этихъ народовъ. Въ Египтѣ же, разлитіе Нила, бывшее регуляторомъ общественной жизни и народныхъ обычаевъ, было для жителей этой страны символомъ плодородія и благоденствія и никакимъ образомъ не могло соединиться съ мыслію о разрушеніи и гибели. Менесъ является въ исторіи не какъ первый человѣкъ или начальникъ рода, но вступаетъ на престолъ какъ первый царь, соединившій подъ одною властью многочисленныя княжества страны. Династіи же боговъ, ему предшествовавшихъ, есть уже позже составленное жрецами предисловіе къ ихъ отечественной исторіи.

Первымъ историческимъ явленіемъ, послѣ письменности, въ жизни народа есть лѣтосчисленіе и установленіе календаря. Самая богатая историческаи литература, не имѣющая въ составѣ хронологическаго принципа, не можетъ служить матеріаломъ для исторіи. Этому примѣръ — обширная индійская литература.

Всякое расчисленіе времени и установленіе календаря предполагаетъ собою, необходимо, астрономическія наблюденія. Раздѣленіе времени есть первая необходимость образующагося общества. Безъ сомнѣнія, первое счисленіе времени было такъ же грубо какъ и первое состояніе народа. Исторія встрѣчаетъ обыкновенно формы лѣтосчисленія уже совершенно выработанныя народомъ. Исходнымъ пунктомъ есть лунное счисленіе, долѣе удержавшееся у бедуиновъ, какъ достаточно удовлетворявшее потребностямъ ихъ простой несложной жизни. У народовъ же осѣдлыхъ, занимавшихся земледѣліемъ, лунное лѣтосчисленіе рано замѣнилось солнечнымъ, которое мы находимъ у древнихъ египтянъ. Всѣ древне-азіатскіе народы Азіи, календарь которыхъ намъ извѣстенъ, также греки и римляне, употребляли въ ихъ обыденной жизни лунный годъ, или простой или уравнивая его съ солнечнымъ чрезъ періодичныя вставки. Послѣднее лѣтосчисленіе сохранилось донынѣ у евреевъ; мусульманскіе народы употребляютъ лунный годъ простой. Древніе вавилоняне, китайцы и индійцы, кромѣ того, употребляли 60-ти-лѣтніе циклы*). Семидневная недѣля есть общая у всѣхъ азіатскихъ народовъ и имѣетъ свое начало въ лунномъ счисленіи времени. Египетскіе же циклы: Сиріуса (1460 лѣтъ), Феникса (500—1500) и Аписа (25)

*) Вавилонскіе циклы: сары — 3600, неры — 600, соссы — 60 лѣтъ. 1-й вавилонскій періодъ отъ 1-го человѣка до потопа, 432,000 (120 саръ) совершенно равенъ 1-му индійскому періоду «кали-іуга».

не имѣютъ ничего общаго съ азіатскими; вмѣсто 7 дней недѣли, египтяне имѣли декаду; 3 декады составляли мѣсяцъ; 12 мѣсяцевъ, изъ которыхъ къ послѣднему прибавлялось 5 дней (эпагомены), составляли годъ обыденной жизни египтянъ изъ 365 дней. Каждое изъ 3 временъ года: время разлитія рѣки, созрѣванія плодовъ и убиранія плодовъ обнимало собою 4 мѣсяца *).

Со временъ глубокой древности, разлитіе рѣки наступало съ лѣтнимъ поворотомъ солнца и съ утреннимъ восходомъ Сиріуса, самой блестящей неподвижной звѣзды на египетскомъ небѣ. Египетскій гражданскій годъ начинается съ 1-го Тота **) въ началѣ ноября. Употребленіе такого подвижнаго солнечнаго года и означеніе мѣсяцевъ знаками соотвѣтствующими временамъ года, относится къ 3285 г. до н. л. Но такъ какъ этотъ египетскій годъ былъ на $^1/_4$ дня менѣе истиннаго года, что въ 4 года составляло день, то начало нормальнаго года постепенно переходило всѣ дни египетскаго гражданскаго года. Именно, если утреннее восхожденіе Сиріуса въ 2783 году д. н. л. приходилось на 1-й Тотъ, то по истеченіи 4 лѣтъ оно упадало уже на 2-е число этого мѣсяца и т. д. и новое совпаденіе Сиріуса съ началомъ гражданскаго года могло произойти только по истеченіи 1460 лѣтъ (365×4). Съ 1461 егип. года (1322-й д. н. л.) дѣйствительно 1-й Тотъ совпадалъ съ утреннимъ восходомъ Сиріуса, съ лѣтнимъ поворотомъ солнца и съ разлитіемъ рѣки.

Естественно, что совпаденіе этихъ двухъ явленій, разлитія рѣки и восхожденія Пса, было для египетской жизни весьма важнымъ событіемъ. Жизни человѣка достаточно было, чтобы замѣтить, что это совпаденіе нарушалось и именно, по истеченіи 4 лѣтъ, на одинъ день. Новое совпаденіе этихъ явленій по истеченіи 1460 лѣтъ (періодъ, въ который подвижной годъ уравнивался самъ собою съ астрономическимъ, такъ что 1461 егип. годъ равнялся 1460 году нормальному) ***) было, по пониманію жрецовъ, возстановленіемъ физическаго порядка въ природѣ, почему этотъ періодъ долженъ былъ завершать собою и ходъ великихъ историческихъ событій. Такимъ образомъ установился священный циклъ въ 1460 лѣтъ — циклъ

---

*) 1-е обнимало собою іюль, августъ, сентябрь и октябрь; 2-е начиналось съ ноября; 3-е — съ марта.

**) 1-й мѣсяцъ времени созрѣванія плодовъ.

***) Юліанскому, 365 дней и 6 часовъ.

Сиріуса (по егип. сотиса). По этимъ то періодамъ жрецы изложили свою отечественную исторію. Послѣдній годъ такого періода египетской имперіи есть 987 годъ Сиріуса или 340 д. н. л. Такимъ образомъ египтяне имѣли подвижной годъ въ 365 дней—гражданскій, и постоянный въ 365 1/4 дней, не входившій въ календарь и извѣстный жрецамъ. Они не уравнивали своего года съ постояннымъ, но записывали уклоненія ихъ, и періодъ времени, въ который они сравнялись сами собою, приняли за особый священный циклъ. Поэтому символическо-астрономическое выраженіе жрецовъ, передаваемое намъ Геродотомъ, —«съ Менеса до Сета солнце 4 раза восходило ненормальнымъ образомъ: гдѣ оно обыкновенно восходитъ два раза заходило, и наоборотъ; причемъ въ Египтѣ ничто не измѣнилось какъ относительно плодородія, такъ относительно болѣзней и смертности» — означаетъ прошествіе египетскаго года чрезъ противоположныя страны свѣта и заключаетъ историческій фактъ, именно, что отъ Менеса до Сета (773 д. н. л.) прошло два періода Сиріуса.

Періодъ Феникса (малый 500, большій 1500) имѣетъ религіозно-символическое значеніе и вмѣстѣ есть періодъ уравненія гражданданскаго египетскаго года съ тропическимъ. Сказаніе о прилетаніи птицы Феникса, чрезъ каждые 500 лѣтъ, изъ Аравіи въ Египетъ, именно въ Геліополисъ, городъ посвященный богу солнца Ра, есть миѳъ, въ основаніи котораго лежитъ вѣра египтянъ въ переселеніе и странствованіе души по смерти, продолжавшееся 3000 лѣтъ [1]). Первое мѣсто въ этомъ миѳѣ занимаетъ солнце, основной элементъ египетской религіи.

Циклъ Аписа (25 лѣтъ) представлялъ собою періодъ почитанія священнаго быка. Чрезъ каждые 25 лѣтъ этотъ быкъ, живой образъ Озириса, былъ убиваемъ, а на мѣсто его избирался другой. Всѣ эти циклы, не смотря на ихъ миѳологическое облаченіе, которымъ чувственная фантазія древнихъ народовъ всякое абстрактное явленіе природы переносило въ образъ дѣйствительности, были опредѣлены жрецами съ совершенною астрономическою точностью. Кромѣ этихъ періодовъ, найдены Лепсіусомъ на памятникахъ 4-й и 12-й династій самыя мельчайшія дѣленія времени, доходящія до 1/3600 минуты [2]).

---

*) Душа гіероглифически изображалась въ видѣ птицы съ человѣческою головою.

**) Самый большій періодъ — 36525 египетскихъ годовъ, по прошествіи котораго солнце, мѣсяцъ и планеты возвращались въ то положеніе, въ какомъ они были при сотвореніи міра. (Ideler).

Египтяне, говоритъ Иделеръ, въ его прекрасномъ сочиненіи: «Handbuch der math. und techn. Chronologie» были первымъ народомъ, роспространившимъ знаніе солнечнаго года изъ 365¼ дней. Безъ сомнѣнія, жрецы очень рано узнали невѣрность ихъ подвижнаго года, но не желали измѣнять его, считая передвиженіе ихъ года священнымъ, и поэтому цари, при вступленіи на престолъ, должны были присягать въ святилищѣ Изиды въ неизмѣненіи ими стараго года.

Составленіе и введеніе календаря въ употребленіе есть уже историческое проявленіе народнаго развитія, которому предшествуетъ огромный періодъ доисторической жизни, именно періодъ образованія языка, религіозныхъ миѳовъ и богопочитанія (Ѳеогоніи) и наконецъ образованіе письменности: съ этими зачатками общественной жизни народъ выступаетъ на историческое поприще. Въ этомъ отношеніи Египетъ, гдѣ въ началѣ 4 ст. д. н. л. мы находимъ самое полное развитіе языка, миѳологіи и письменности, представляетъ всемірно-историческое явленіе. Сродство языка древнихъ египтянъ (коптскаго) съ языками семитическими указываетъ на одинъ общій источникъ семитизма и хамитизма, погибшаго въ Азіи и уцѣлѣвшаго въ Нильской долинѣ. Слѣдовательно, только остатки египетской культуры могутъ привести насъ къ заключенію о началѣ и ходѣ народнаго развитія въ первобытной Азіи и согласить съ ними преданія азіатскихъ народовъ.

Берлинъ, $^{30}/_{18}$ марта 1866 года.

4) Доктора Александра Макѣева.

Послѣднее полугодіе моей заграничной дѣятельности я посвятилъ изученію современнаго состоянія акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ Англіи и притомъ старался познакомиться съ лучшими дѣятелями по названнымъ спеціальностямъ въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ.

Начну съ Лондона.

Необходимо вначалѣ предпослать, что устройство медицинскихъ учебныхъ учрежденій (Medical Colleges) въ Лондонѣ существенно отлично отъ таковыхъ въ Германіи и Франціи. Въ послѣднихъ изучающій находитъ себѣ полную возможность слѣдить опредѣленную спеціальность въ одномъ обширномъ учрежденіи — университетѣ, для котораго медицинскій факультетъ составляетъ одинъ

изъ его отдѣловъ. Совсѣмъ другое встрѣчаемъ мы въ Лондонѣ; тутъ при многихъ громадныхъ госпиталяхъ находятся медицинскія коллегіи, изъ которыхъ каждая, не имѣя отношенія къ какому-либо общему учрежденію, имѣетъ значеніе самостоятельнаго, отдѣльнаго медицинскаго факультета каждаго университета. Такія коллегіи снабжены всѣми необходимыми пособіями для изученія какъ теоріи медицины, такъ и вспомогательныхъ ей наукъ. При каждой коллегіи находится госпиталь для практическаго изученія медицины, снабженный обильнымъ матеріаломъ, къ чему въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ, представляется полная возможность. Госпитали эти составляютъ или одну общую группу зданій вмѣстѣ съ коллегіями, или находятся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, обыкновенно недалеко одно отъ другаго. Большее или меньшее число слушателей (отъ 150 до 300) причисляется къ каждой коллегіи, которую медицинскій слушатель избираетъ по собственному желанію. По мѣрѣ увеличенія числа слушателей, создавались новыя коллегіи, число которыхъ теперь велико и для Лондона. Одна коллегія соперничаетъ съ другою, приглашая къ себѣ замѣчательныхъ дѣятелей по разнымъ отдѣламъ медицины; трудно отдать предпочтеніе какой-либо изъ нихъ; каждая насчитываетъ своихъ авторитетовъ и свои права на самостоятельное значеніе.

Я не имѣлъ въ виду излагать въ подробности интересныя стороны оригинальнаго устройства медицинскихъ учрежденій въ Лондонѣ. Сказаннымъ уже достаточно уясняется та мысль, что для изучающаго какую либо спеціальность въ Лондонѣ необходимо ограничиться опредѣленнымъ числомъ медицинскихъ коллегій, и тѣмъ болѣе, что организація этихъ учрежденій существенно аналогична одна съ другой. Я избралъ для своего наблюденія по преимуществу слѣдующіе госпитали: King's College Hospital (Dr. Priestley), Bartholomew's College Hospital (Dr. Greenhalgh) и Gay's College Hospital (Dr. Braxton-Hicks), какъ наиболѣе значительные по объему и наиболѣе старые по происхожденію.

Акушерство преподается, какъ въ названныхъ коллегіяхъ, такъ и во всѣхъ другихъ, теоретически и практически однимъ профессоромъ, и притомъ теоретическія чтенія выполняются имъ въ теченіе лѣтняго семестра, а практическія занятія идутъ въ продолженіе всего зимняго, бо́льшаго семестра. Я не могу сообщить о свойствѣ и размѣрахъ теоретическаго курса, такъ какъ мои наблюденія ограничиваются однимъ зимнимъ семестромъ. Основываясь,

однако, на изученіи тѣхъ руководствъ, которыя назначаются профессорами въ пособіе слушателямъ, можно предполагать, что объемъ теоретическаго курса акушерства вполнѣ удовлетворяетъ основательному знакомству съ этою спеціальностію.

Для практическаго изученія акушерства при каждомъ госпиталѣ находится небольшое по объему отдѣленіе роженицъ, гдѣ слушатель пріобрѣтаетъ первоначальный навыкъ въ практическихъ пріемахъ.

Англійскіе врачи не допускаютъ существованія обширныхъ родильныхъ домовъ изъ опасенія имѣть дѣло съ опасными формами послѣродоваго періода, которыя такъ нерѣдки при скучиваніи въ одномъ зданіи многочисленныхъ родильницъ. Статистическія данныя убѣдили здѣшнихъ врачей, что со времени уничтоженія большихъ родильныхъ домовъ случаевъ послѣродовой горячки стало гораздо менѣе въ Лондонѣ, гдѣ при громадности населенія находится всегда значительное число родильницъ въ теченіе всего года. На основаніи сказаннаго, родильныя отдѣленія при госпиталяхъ допущены только въ небольшихъ размѣрахъ и притомъ при всѣхъ нужныхъ гигіеническихъ предосторожностяхъ.

Поэтому практическое изученіе акушерства въ Лондонѣ должно бы, по видимому, быть крайне недостаточнымъ для слушателей по недостатку матеріала, чему однако противорѣчитъ тотъ очевидный фактъ, что акушерская практика въ Лондонѣ, какъ и вообще въ Англіи, находится исключительно въ рукахъ врачей, а не повивальныхъ бабокъ, къ которымъ общество не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Чтобы объяснить кажущуюся невозможность въ пріобрѣтеніи прочнаго знакомства въ практическомъ акушерствѣ при существованіи только ограниченныхъ родильныхъ отдѣленій при госпиталяхъ, необходимо изложить мѣры, которыми восполняется, по возможности, недостаточное клиническое упражненіе слушателей при роженицахъ.

Въ Лондонѣ къ каждому госпиталю причислено опредѣленное число городскихъ кварталовъ, непосредственно прилегающихъ къ нему, и жители этихъ кварталовъ привыкли обращаться за пособіемъ всякаго рода къ назначенному имъ госпиталю. Такимъ образомъ и всякая роженица, въ случаѣ нужной помощи, обращается за пособіемъ непремѣнно въ данный госпиталь. И вотъ тогда-то наступаетъ практическая дѣятельность слушателя.

Замѣтить слѣдуетъ предварительно, что каждый слушатель обязанъ самымъ тщательнымъ образомъ прослѣдить явленіе родоваго процесса въ акушерскомъ отдѣленіи госпиталя на извѣстномъ числѣ роженицъ, что выполняется ими очень добросовѣстно, ибо довѣріе общества къ врачамъ побуждаетъ не мало слушателей къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній въ акушерствѣ. Когда профессоръ убѣдился въ достаточномъ знаніи слушателя всѣхъ явленій нормальнаго родоваго процесса, тогда послѣдній пріобрѣтаетъ право оканчивать роды на дому роженицы, какъ скоро такая дастъ знать въ госпиталь о требуемомъ для нея пособіи.

На каждый день недѣли назначаются въ госпиталѣ по нѣсколько слушателей для возможнаго призыва ихъ къ родамъ, и поэтому каждый практикантъ обязанъ вносить въ особую книгу адресъ своей квартиры, которая, конечно, находится не въ далекомъ разстояніи отъ госпиталя, такъ какъ слушателю необходимо присутствовать ежедневно на лекціяхъ.

При данномъ извѣщеніи со стороны роженицы, посылается госпитальный сторожъ къ одному изъ назначенныхъ слушателей, который отправляется на квартиру роженицы и оканчиваетъ тамъ роды, имѣя полную возможность слѣдить внимательно за всѣми явленіями родоваго процесса. Въ случаѣ, если слушатель встрѣтитъ какое-либо затрудненіе при своей практической дѣятельности, то онъ обязанъ тотчасъ дать знать въ госпиталь, гдѣ къ его пособію находится всегда госпитальный врачъ (House-Surgeon) или ассистентъ акушерскаго отдѣленія, знакомый хорошо съ практическою стороною акушерства. Если случай дѣйствительно требуетъ помощи опытной руки, то роженица или отсылается въ госпиталь для клинической дѣятельности профессора, или, въ случаѣ нужды, роды оканчиваются на дому роженицы со всѣми научными пріемами въ поученіе слушателю.

Въ госпиталѣ находится особая книга, куда вносится имя практиканта, и чѣмъ болѣе насчитывается случаевъ его практической дѣятельности, тѣмъ снисходительнѣе достается ему окончательное испытаніе на степень врача.

Такимъ образомъ, при кажущемся недостаткѣ въ практическомъ матеріалѣ при госпиталѣ, оказывается, что каждая коллегія насчитываетъ у себя отъ 2,000 до 3,000 родовъ ежегодно, такъ что прилежному слушателю представляется немалая возможность въ пріобрѣтеніи основательныхъ свѣдѣній въ практическомъ акушерствѣ.

Я вынужденъ повторить, что почетное положеніе врача въ общественномъ мнѣніи Англіи и исключительное довѣріе къ нему въ акушерской практикѣ много содѣйствуетъ прилежному изученію описываемой спеціальности со стороны слушателей. Только въ Англіи мнѣ удалось наблюдать, какъ женщина, со свойственной ей скромностію, но лишенная ложнаго стыда, простодушно передаетъ нужныя свѣдѣнія врачу, сознавая необходимость точнаго разсказа всѣхъ патологическихъ явленій, которыя такъ нужны при опредѣленіи данной формы страданія. Очевидно, что такія отношенія общества къ врачу узаконены временемъ, къ чести медицинскаго сословія и здраваго смысла націи, такъ всесторонне заявляющей прочныя стороны своей народной жизни.

Для образованія повивальныхъ бабокъ, въ Лондонѣ находится особый родильный домъ (Maternity). Матеріалъ этого госпиталя не великъ; 600 родовъ въ годъ служатъ научнымъ пособіемъ для 65 ученицъ, которыя проходятъ полный курсъ повивальнаго искусства въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ чего достойнымъ изъ нихъ выдается дипломъ на званіе повивальной бабки. Дѣятельность повивальныхъ бабокъ ограничивается исключительно деревнями, такъ какъ городская практика находится вся въ рукахъ врачей, какъ я уже имѣлъ случай объяснить выше.

Переходя къ изложенію современнаго состоянія гинекологіи въ Лондонѣ, я долженъ объяснить вначалѣ, что мои наблюденія по этой спеціальности не ограничивались только названными выше госпиталями, такъ какъ въ Лондонѣ существуютъ еще вполнѣ спеціальные госпитали для женскихъ болѣзней, находящіеся въ завѣдываніи замѣчательныхъ дѣятелей настоящаго времени. Изъ нихъ я назову въ особенности два: London Surgical Home for Diseases of Women (Dr. Baker-Brown) и Samaritan Hospital for Diseases of Women (Dr. Spencer-Wells); два послѣдніе госпиталя составляютъ совершенно частныя учрежденія, весьма интересныя для спеціалиста.

Къ дѣятельности врачей въ гинекологическихъ отдѣленіяхъ госпиталей Лондона принадлежатъ двоякаго рода занятія: пріемъ больныхъ приходящихъ (out-patients) и леченіе больныхъ женщинъ, помѣщенныхъ въ госпиталь (in-patients). Въ каждый госпиталь притекаетъ по два раза въ недѣлю значительное количество женщинъ съ разнообразными страданіями половыхъ отправленій, и всѣ такія больныя, по предварительномъ изслѣдованіи, или получаютъ нѣко-

торое пособіе непосредственно въ госпиталѣ, или пріобрѣтаютъ медицинское назначеніе для выполненія на дому больной.

Острыя формы болѣзней или случаи, поучительные для слушателей, принимаются въ гинекологическое отдѣленіе, гдѣ профессоръ постоянно обращаетъ вниманіе слушателей на что-либо интересное въ ходѣ или леченіи болѣзненной формы. Если въ отдѣленіи представляется оперативный случай, то профессоръ извѣщаетъ особымъ объявленіемъ о днѣ, въ который должна быть произведена операція. При большомъ запасѣ матеріала, слушатель знакомится въ теченіе семестра съ большинствомъ болѣзненныхъ формъ половыхъ органовъ женщины.

Но для спеціалиста представляютъ высокій интересъ два названные частные госпиталя въ Лондонѣ, которыми завѣдываютъ замѣчательные современные авторитеты: Dr. Baker-Brown и Dr. Spencer-Wells. Имъ обоимъ наука обязана разработкой одной изъ важнѣйшихъ операцій, которая составляетъ славу и гордость современной медицины. Я имѣю въ виду: удаленіе опухолей яичниковъ — Ovariotomia.

Въ предисловіи къ своему классическому труду Spencer-Wells говоритъ, что еще въ 1857 году въ Medical Society of London былъ обсуждаемъ вопросъ: слѣдуетъ ли допустить Ovariotomiam какъ лечащее средство, ибо раненіе при этой операціи такъ значительно и успѣхъ такъ невѣроятенъ, что едвали можетъ быть оправдываемо подобное пособіе со стороны врача. Но въ настоящее время, прибавляетъ тотъ же авторъ, такое возраженіе сдѣлалось преданіемъ, и операція ovariotomiæ узаконена неотразимыми счастливыми результатами, спасшими уже жизнь немалому числу больныхъ, которыя неминуемо должны были бы погибнуть безъ оказаннаго имъ научнаго пособія. Такой выводъ имѣетъ право дѣлать тотъ, который произвелъ уже 147 операцій ovariotomiæ, изъ которыхъ 101 случай увѣнчался полнымъ успѣхомъ, а 46 случаевъ окончились неблагопріятно. Не мѣшаетъ, однако, имѣть въ виду, что наибольшій процентъ смертности относится къ тому времени, когда операція, по новизнѣ своей, не могла еще давать тѣхъ благопріятныхъ исходовъ, которые такъ обычны въ настоящее время въ силу бо́льшаго изученія и навыка въ дѣлѣ.

Dr. Baker-Brown, одинъ изъ первыхъ врачей въ Лондонѣ, съ замѣчательною настойчивостію отстаивавшій операцію ovariotomiæ, даетъ слѣдующіе результаты этой операціи въ послѣднемъ своемъ

отчетѣ по госпиталю: изъ 57 произведенныхъ имъ операцій ovariotomiæ, въ 39 случаяхъ исходъ былъ вполнѣ благопріятный, а въ 18 — неблагопріятный. При этомъ Baker-Brown замѣчаетъ въ свою очередь, что наибольшая смертность относится ко времени введенія еще операціи въ рядъ научныхъ пособій, какъ единственнаго средства для спасенія жизни женщины.

При замѣчательной обязательности обоихъ знаменитыхъ спеціалистовъ, мнѣ представилась возможность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, проведенныхъ мною въ Лондонѣ, присутствовать при 12 операціяхъ ovariotomiæ, которыя, по счастливому случаю, окончились всѣ благополучно. Отрадно было слѣдить за больными, изъ которыхъ нѣкоторыя, будучи приняты въ госпиталь до крайности истощенными, оставляли его по истеченіи 3, 4 недѣль въ такомъ возстановленномъ состояніи здоровья, что съ трудомъ можно было вѣрить въ ихъ недавнія мучительныя страданія.

Я не могу входить въ подробное изложеніе условій и методовъ производства этой операціи, которые со всею полнотою изложены въ классическихъ сочиненіяхъ упомянутыхъ двухъ виновниковъ такого благодѣтельнаго оперативнаго пособія.

Dr. Spencer-Wells передалъ мнѣ, что изъ числа излечившихся операціею больныхъ (съ удаленіемъ, конечно, одного перерожденнаго яичника) въ 7 случаяхъ послѣдовала уже беременность, протекавшая правильно, безъ всякихъ непріятныхъ осложненій. Въ одномъ случаѣ женщина была уже два раза беременною и разрѣшилась въ первый разъ мальчикомъ, а во второй дѣвочкою — фактъ весьма интересный для физіолога, которому патологія объясняетъ несостоятельность прежнихъ смутныхъ предположеній въ физіологіи о присущности опредѣленнаго пола каждому яичнику.

Въ послѣднее время Dr. Playfair читалъ интересную записку въ Obstetrical Society of London, въ которой онъ указываетъ на очевидную пользу операціи ovariotomiæ при нѣкоторыхъ исключительныхъ къ ней показаніяхъ. Авторъ собралъ 50 случаевъ, гдѣ роды не могли быть окончены безъ пособія искусства по причинѣ опухолей яичниковъ, которыя стѣсняли вмѣстимость таза и не могли быть ни протолкнуты черезъ родовые пути, ни уменьшены при помощи укола. Болѣе половины этихъ случаевъ окончились смертію, такъ какъ необходимо было прибѣгнуть къ операціи прободенія головки. Авторъ думаетъ, что, при небольшихъ кистахъ яичниковъ,

съ большою пользою можно производить ovariotomiam, причемъ опасность для матери не болѣе той, которая угрожаетъ ей при операціи craniotomiæ, а для дѣтей предстоитъ спасеніе вмѣсто гибельнаго исхода для нихъ при craniotomia. При большихъ же опухоляхъ яичниковъ Dr. Playfair признаетъ возможнымъ производить кесарское сѣченіе вмѣстѣ съ операціею ovariotomiæ. Такимъ образомъ, счастливые результаты ovariotomiæ пролагаютъ путь къ дальнѣйшему приложенію этого благодѣтельнаго пособія.

Я долженъ еще упомянуть, что у Baker-Brown'a и Spencer-Wells'a мнѣ удалось прослѣдить рядъ другихъ интересныхъ операцій въ половой сферѣ женщины, которыя производятся ими съ замѣчательною техническою опытностію. Въ числѣ такихъ операцій я могу назвать для примѣра: операціи fistulæ vesico и recto-vaginalis, возстановленіе разрушенной во время родовъ промежности, оперативное леченіе при выпаденіи матки, Clytoridotomia—операція, доставившая Baker-Brown'y замѣчательные результаты при леченіи многихъ трудныхъ формъ женскаго организма,—и немалое количество другихъ, весьма поучительныхъ, операцій въ предѣлахъ гинекологіи.

Мнѣ предстоитъ теперь сказать немногое относительно госпиталей по дѣтскихъ болѣзнямъ.

Не смотря на значительное развитіе общественной благотворительности въ Англіи, въ Лондонѣ существуетъ одинъ только госпиталь, назначенный исключительно для пособія больнымъ дѣтямъ бѣдныхъ семействъ. Это Hospital for sick children, которымъ завѣдуетъ лучшій изъ современныхъ врачей по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Лондонѣ, Dr. West. Самые размѣры названнаго госпиталя далеко не такъ велики, чтобы они могли сколько нибудь удовлетворять громадному населенію города; въ немъ можетъ быть помѣщено только до 75 дѣтскихъ кроватей, такъ что количество всѣхъ дѣтей, пользуемыхъ въ теченіе года, простирается не болѣе 600; цифра, очевидно, незначительная для Лондона.

Комитетъ, завѣдывающій дѣлами этого госпиталя, въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ за прошедшій годъ, со всею откровенностію объясняетъ, какъ мало общество прониклось до сихъ поръ сознаніемъ необходимости въ настоятельной помощи дѣтямъ въ Лондонѣ, гдѣ тысячи бѣдныхъ семействъ не въ состояніи доставить нужнаго пособія своимъ несчастнымъ дѣтямъ. При этомъ комитетъ счелъ необходимымъ обратить вниманіе общества на сосѣднюю къ Лон-

дону столицу Парижъ, гдѣ такъ много уже сдѣлано для больныхъ дѣтей бѣднаго класса. На основаніи послѣдняго донесенія Dr. Husson (Chef d'administration générale de l'assistance publique), въ Парижѣ существуютъ два значительные дѣтскіе госпиталя: Hôpital des enfants malades и Hôpital S-te Eugénie. Въ первомъ находится 698 кроватей, а въ послѣднемъ 405, что составляетъ въ общемъ 1,103 кровати для обоихъ госпиталей. Такія данныя говорятъ сами за себя, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что въ Англіи устройство госпиталей есть дѣло одной общественной благотворительности, тогда какъ въ другихъ странахъ госпитали получаютъ, помимо частныхъ средствъ, опредѣленную сумму отъ правительства. Но, замѣчаетъ комитетъ, нельзя отвергать того, что незначительное пособіе дѣтямъ бѣднаго класса есть недостатокъ общественный для Лондона и требуетъ неотлагаемой помощи со стороны гражданъ.

Я съ намѣреніемъ удержалъ высказанныя комитетомъ нужды относительно устройства дѣтскихъ госпиталей. Дѣйствительно, недостатокъ этотъ рѣзко бросается въ глаза при существованіи въ Лондонѣ всякаго рода другихъ спеціальныхъ госпиталей.

Названный выше Hospital for sick children есть учрежденіе совершенно частное, не связанное ни съ одной изъ медицинскихъ коллегій; но дѣятельность въ немъ врачей приноситъ немалую пользу медицинскому сословію. Въ госпиталѣ читается теоретическій курсъ дѣтскихъ болѣзней, а Dr. West и Dr. Hillier занимаются, по два раза въ недѣлю, разборомъ дѣтскихъ болѣзней при постели больныхъ. Госпиталь снабженъ уже немалымъ количествомъ патологическихъ препаратовъ, между которыми встрѣчаются очень поучительные. Для хирургическихъ случаевъ, при госпиталѣ состоитъ хирургъ (Dr. Holmes), который одинъ разъ въ недѣлю производитъ операціи надъ больными дѣтьми. Я имѣлъ случай наблюдать нѣсколько резекцій у золотушныхъ дѣтей, нѣсколько случаевъ камнеизсѣченія и нѣкоторое число другихъ менѣе интересныхъ операцій.

Вообще, для желающихъ познакомиться спеціальнѣе съ дѣтскими болѣзнями предстоитъ возможность найти въ названныхъ врачахъ добросовѣстныхъ преподавателей и прослѣдить достаточное количество многихъ интересныхъ формъ дѣтскаго организма.

Въ слѣдующемъ отчетѣ я надѣюсь прослѣдить современное состояніе назначенной мнѣ спеціальности въ Эдинбургѣ и Дублинѣ.

5) **Магистра Ивана Добротворскаго.**

Занятія мои за послѣдніе три мѣсяца состояли по прежнему въ посѣщеніи лекцій профессоровъ Гефеле и Вейцсеккера и въ прочитываніи важнѣйшихъ сочиненій по церковной исторіи. Но главнымъ предметомъ домашнихъ занятій моихъ была исторія Фотія и вообще начало раздѣленія церквей. Изученіе этой исторіи по самымъ лучшимъ руководствамъ — католическимъ и протестантскимъ привело меня къ убѣжденію въ положительной невозможности изучать ее по этимъ руководствамъ. Исторія Фотія для католиковъ представляетъ такое больное мѣсто, что они не могутъ говорить о немъ равнодушно. Я не стану говорить о такихъ произведеніяхъ, какъ юродствующаго Хованеца, обратившагося изъ такъ называемаго новаго католичества въ старое и заглаждающаго свою вину жалкими выходками противъ восточной церкви, или устарѣвшаго Шмитта, 40 лѣтъ повторяющаго одну и ту же пѣснь о схизматической церкви: для научнаго изученія исторіи восточной церкви такія произведенія весьма мало полезны. Нѣтъ, говоря о католическихъ историкахъ восточной церкви, я разумѣю представителей науки въ этомъ отношеніи, каковы Гергенретеръ, Гефеле и даже Пихлеръ. Идея главенства папы надъ церковью, такъ рѣшительно высказанная папою Николаемъ I въ исторіи Фотія и такъ положительно отвергнутая послѣднимъ, доселѣ не даетъ возможности католическимъ историкамъ видѣть историческіе факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Чѣмъ строже понимается тѣмъ или другимъ историкомъ приматъ папы, тѣмъ несправедливѣе излагается исторія Фотія и раздѣленія церквей; истинные мотивы этой исторіи изчезаютъ изъ виду, и Фотій является чудовищнымъ интригантомъ, особенно въ сравненіи съ смиреннымъ Игнатіемъ, безъ котораго немыслима его исторія. Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить историческій очеркъ Гуго Леммера (Convertit): Papst Nicolaus der Erste und die byzantinische Staats-Kirche seiner Zeit (Berlin, 1857). Протестантскіе историки обыкновенно снисходительнѣе къ Фотію и справедливѣе въ изложеніи исторіи раздѣленія церквей; но и они не могутъ похвалиться полнымъ безпристрастіемъ въ этомъ отношеніи. Если исторія ихъ пишется не съ полемическими цѣлями противъ католической церкви, тогда они стоятъ недалеко отъ католиковъ во взглядѣ на дѣйствія Фотія. Причина очень понятна: Фотій, спасая самостоятельность восточной церкви, осуждалъ такія

ученія и обряды римской, которые доселѣ остаются общими католикамъ и протестантамъ (Filioque и пр.). Извѣстно, что даже Неандеръ, учитель почти всей настоящей генераціи церковныхъ историковъ, во многихъ отношеніяхъ смотритъ на Фотія довольно неблагопріятно; отъ учениковъ, безъ полнаго отрѣшенія ихъ отъ авторитета, другихъ взглядовъ ожидать нельзя. Но если протестантскій историкъ задается полемикой противъ римской церкви, то впадаетъ въ другую крайность: увлекаясь Фотіемъ, онъ становится несправедливымъ къ Игнатію и Николаю, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ достохвальныхъ качествахъ. Увлеченіе это простирается до того, что онъ отказывается отъ преданій своей церкви, отъ своего собственнаго догматическаго ученія, въ пользу Фотія, и является раціоналистомъ не только въ глазахъ католиковъ, но и во мнѣніи ортодоксальныхъ протестантовъ. Таковъ напр. Свалуе (Edelhardus Bernardus Swalue) въ своей докторской диссертаціи de discidio ecclesiæ christianæ in græcam et latinam Photii auctoritate maturato (1829). Безъ сомнѣнія, самое лучшее и самое справедливое сужденіе о Фотіѣ произнесла въ новѣйшее время греческая церковь, отвѣтившая на энциклику папы Пія IX отъ 6-го января 1848 года «службой иже во святыхъ отца нашего и равноапостольнаго Фотія патріарха константинопольскаго исповѣдника — въ даръ всюду сущимъ благочестивымъ и всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ» (Константинополь, 1848). Это сужденіе указываетъ церковному историку самый вѣрный путь къ изученію исторіи раздѣленія церквей: не отнимая заслугъ у св. Игнатія, глубоко-смиреннаго и свято-благочестиваго мужа, оно воздаетъ должную справедливость и святой горячности Фотія, съ которой онъ защищалъ права свои и своей церкви противъ деспотическаго вмѣшательства папъ. На этомъ пути историкъ съумѣетъ по достоинству оцѣнить недостатки и заслуги того и другаго, принимая во вниманіе всю совокупность тяжелыхъ обстоятельствъ времени, въ которое они жили и дѣйствовали. Но это изученіе, очевидно, болѣе, нежели изученіе всякаго другаго историческаго явленія, должно быть почерпнуто изъ подлинныхъ документовъ съ строжайшей критикой ихъ, такъ какъ они принадлежатъ почти всѣ или личнымъ врагамъ Фотія или по крайней мѣрѣ приверженцамъ партіи Игнатія.

Другая причина, по которой невозможно изученіе исторіи восточной церкви по католическимъ и протестантскимъ руководствамъ, безъ пользованія самыми источниками,—это необыкновенная крат-

кость извѣстій о ней. О греческой церкви послѣ Михаила Керулларія даже въ многотомныхъ сочиненіяхъ встрѣчаются самыя краткія замѣтки, въ руководствахъ — почти ни слова. Но и раздѣленію церквей — этому міровому событію, вліяніе котораго на судьбы народовъ доселѣ продолжается, обыкновенно посвящается нѣсколько страницъ, переписанныхъ изъ прежнихъ авторовъ съ искаженіемъ и объясненіемъ историческихъ фактовъ по мысли и умѣнью новыхъ компиляторовъ. То же должно сказать и о преподаваніи этой исторіи въ здѣшнихъ университетахъ. Въ примѣръ того, какъ кратко преподается здѣсь исторія раздѣленія церквей, я приведу преподанное въ Тюбингенскомъ университетѣ профессоромъ Гефеле, безспорно, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи. Его изложеніе покажетъ и степень безпристрастія въ сужденіи о раздѣленіи церквей одного изъ умѣреннѣйшихъ католическихъ богослововъ.

«Старое нерасположеніе грековъ къ латинянамъ, поддерживаемое (ученіемъ о) Filioque, въ IX столѣтіи привело къ полному разрыву. Въ 846 или 847 году императрицей Ѳеодорой былъ назначенъ патріархомъ константинопольскимъ Игнатій, а епископами избранъ. Онъ былъ сынъ прежняго императора Михаила Рангавея, по паденіи отца былъ оскопленъ и заключенъ въ монастырь; но Ѳеодора возвысила его за его благочестіе. Когда ея сынъ Михаилъ III, по прозванью пьяница, сдѣлался совершеннолѣтнимъ и дядя его Варда управлялъ имъ, патріархъ отказалъ послѣднему въ причастіи за кровосмѣшеніе, а также въ своемъ содѣйствіи, когда молодой императоръ послалъ мать и сестру въ монастырь. За это онъ былъ обвиненъ въ вымышленной измѣнѣ и изгнанъ. Преемникомъ ему императоръ назначилъ Фотія, ученаго мірянина и хитраго государственнаго мужа, бывшаго въ родствѣ съ царскимъ домомъ. Чтобы Фотій законно могъ сдѣлаться патріархомъ, Игнатій долженъ былъ отречься; но его не могли склонить къ тому, и такимъ образомъ Фотій принужденъ былъ принять посвященіе отъ одного запрещеннаго епископа — Григорія сиракузскаго. Но мало по малу Фотій пріобрѣлъ на свою сторону многихъ греческихъ епископовъ и созвалъ соборъ въ Константинополѣ, который отставилъ Игнатія. Для полной побѣды недоставало только признанія со стороны Рима, и Фотій съ императоромъ отправили въ 859 году въ Римъ пословъ съ большими подарками и еще съ большей ложью: что Игнатій самовольно оставилъ престолъ, поэтому соборъ отставилъ его, но что Фотій въ высшей степени неохотно принялъ на-

значеніе. Въ знакъ своего правовѣрія онъ приложилъ исповѣданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ папу прислать легатовъ, чтобы вполнѣ очистить это дѣло и уничтожить остатки иконоборства. (И Фотій былъ защитникъ иконопочитанія). Николай I послалъ легатовъ, окончательный судъ однакожъ предоставилъ себѣ, и порицалъ, что Игнатія отставили безъ согласія Рима и, вопреки канонамъ, избрали мірянина. Но легаты были подкуплены (какъ почти одновременно легаты въ Лотарингіи) и утвердили низложеніе Игнатія. Но папа отставилъ ихъ самихъ и въ 863 году произнесъ Фотію отлученіе и низложеніе. Раздраженіе усилено было еще споромъ о Болгаріи. Болгары были обращены греческими священниками, но вскорѣ потребовали и получили римскихъ миссіонеровъ вмѣстѣ съ превосходнымъ пастырскимъ посланіемъ Николая I, озаглавленнымъ: Responsa ad consulta Bulgarorum. Раздраженный этимъ Фотій издалъ письмо къ болгарамъ и многія письма къ восточнымъ патріархамъ, полныя жалобъ на мужей тьмы (западныхъ), которые исказили вѣру (Filioque) и развратили нравы (целибатъ и пр.). Онъ созвалъ теперь, въ 867 году, соборъ, который произнесъ низложеніе папы. Однакожъ, обстоятельства тотчасъ измѣнились; императоръ въ опьяненіи былъ умерщвленъ цесаремъ Василіемъ. Чтобы пріобрѣсть на свою сторону народъ, новый императоръ немедленно возвратилъ Игнатія, связь съ Римомъ возстановлена, Фотій заключенъ въ монастырь. Папа Адріанъ II, который между тѣмъ вступилъ на мѣсто Николая, созвалъ теперь съ Василіемъ *8-й вселенскій соборъ въ Константинополѣ* въ 869 и 870 годахъ. Акты его вполнѣ существуютъ только въ латинскомъ переводѣ; греческій текстъ составляетъ только сокращеніе. Папскіе легаты предсѣдательствовали; кромѣ ихъ присутствовали Игнатій константинопольскій и намѣстники прочихъ восточныхъ патріархатовъ. Число другихъ членовъ сначала было очень мало, потому что допущены были только тѣ, которые никогда не были на сторонѣ Фотія или прежде принесли раскаяніе въ этомъ; къ концу число сочленовъ возросло до 102. Фотій и его приверженцы были анаѳематствованы, равно и послѣдніе иконоборцы; было также запрещено ученіе Фотія о двухъ душахъ. Незаконное дополненіе къ собору образовало то засѣданіе, которое присудило Болгарію патріархату константинопольскому. Отсюда новый споръ съ Римомъ, и Игнатій умеръ еще во время, прежде чѣмъ былъ отлученъ. По смерти Игнатія, Фотій опять былъ возведенъ на престолъ и притомъ тѣмъ же императоромъ, который

низвелъ его. Папа Іоаннъ VIII призналъ теперь Фотія и рукоположенныхъ имъ, подъ условіемъ, что они дадутъ удовлетвореніе и Болгарія будетъ возвращена. Но три легата, посланные папою въ Константинополь, согласились (можетъ быть, по незнанію греческаго языка), чтобы на соборѣ Фотія 879 года восьмой вселенскій соборъ объявленъ былъ незаконнымъ; равно не сдѣлали они никакого замѣчанія и противъ того, что Фотій велѣлъ читать папскія посланія въ поддѣльномъ греческомъ переводѣ. Но папа теперь опять произнесъ отлученіе Фотію, и произошло временное раздѣленіе, пока императоръ Левъ Философъ не низложилъ во второй разъ Фотія въ 886 году. Чрезъ это расколъ оффиціально былъ уничтоженъ, но непріязнь продолжалась, и патріархъ Сисинній возобновилъ въ 995 году жалобы Фотія противъ латинянъ. Его преемникъ Сергій вычеркнулъ имя папы изъ диптиховъ; но расколъ возобновилъ (собственно) Михаилъ Керулларій въ 1053, бывши прежде самъ отлученъ папскими легатами. Къ старымъ обвиненіямъ на латинянъ онъ присоединилъ ἄζυμα, и прочіе восточные патріархи стали на его сторону».

Очевидно, изъ этого разсказа весьма мало можно узнать объ истинныхъ причинахъ раздѣленія церквей, и если онъ отличается сравнительной умѣренностью по отношенію къ Фотію, то ничего особеннаго не говоритъ и въ пользу папъ по дѣлу Игнатія. Но профессоръ Гефеле очень подробно разсказываетъ исторію Фотія въ своемъ извѣстномъ трудѣ — Conciliengeschichte (т. IV, 1860); за то подробное изложеніе далеко не представляетъ такого безпристрастія къ лицу Фотія, какого можно было бы ожидать, судя по представленной нами лекціи о томъ же предметѣ. Когда приходится подробно разсматривать такія незаконныя притязанія папъ и особенно Николая на главенство въ церкви, какихъ доселѣ ни одинъ изъ нихъ не рѣшался высказывать, и столь же незаконныя требованія относительно Болгаріи, при уступкѣ которой дѣло Фотія прекратилось бы въ самомъ началѣ, то католическому историку ничего не остается, какъ пожертвовать Николаю Фотіемъ, опираясь на дѣйствительно слабыя стороны его дѣла. Документы, составленные врагами Фотія, всѣ почти къ его услугамъ; а оправданія Фотія въ такомъ случаѣ являются плодомъ лицемѣрія и возмущенія противъ главы церкви. Въ послѣдствіи времени я постараюсь представить возможнобезпристрастное изложеніе исторіи раздѣленія церквей при Фотіѣ, а теперь коснусь только нѣкоторыхъ моментовъ ея.

Трудность исторіи Игнатія и Фотія зависитъ отъ того, что ее нельзя разсматривать только въ нихъ самихъ, въ ихъ дѣйствіяхъ; что ихъ исторія была только самымъ удобнымъ для папъ предлогомъ отмстить грекамъ за то пораженіе, которое они потерпѣли на пято-шестомъ вселенскомъ соборѣ, окончательно уравнявшемъ права константинопольскаго патріарха съ правами римскаго и осудившемъ нѣкоторые обычаи западной церкви; что какъ въ дѣлѣ Игнатія такъ и Фотія были такіе случаи, на которые легко можно было напасть и притомъ на основаніи каноновъ, но которые при другихъ обстоятельствахъ прошли бы незамѣченными; что исторія ихъ тѣсно связана съ дворцовыми интригами и переворотами, необращавшими вниманія на каноны, съ притязаніями папъ, подъ покровительствомъ коронуемыхъ ими западныхъ императоровъ нехотѣвшихъ знать византійскихъ и говорившихъ съ ними, равно какъ и съ патріархами, тономъ рѣшительнаго и слѣдовательно оскорбительнаго приказанія: volumus et jubemus. Естественно, что императоры и патріархи старались удержать свои права, а папы подъ знаменемъ абсолютнаго главенства не хотѣли уважать ничьихъ правъ. Оттого дѣла церковныя переходили въ личныя, и разсужденія мнимыхъ вселенскихъ соборовъ принимали характеръ личной перебранки. Такъ, напр., папа Николай пишетъ въ 865 году императору Михаилу: «вы грозите мнѣ, но лучше было бы, если бы вы наказывали язычниковъ, которые причинили столько вреда вашему царству, завоевали столько провинцій, сожгли предмѣстье Константинополя... Въ отношеніи Игнатія и Фотія повелѣваемъ, чтобы они явились въ Римъ для пересмотра ихъ дѣла; потому что римская каѳедра судитъ всю церковь, а ее никто не можетъ судить... Языческіе императоры были вмѣстѣ pontifices maximi *); но христіанство раздѣлило двѣ власти. Христіанскіе императоры теперь нуждаются въ первосвященникахъ ради вѣчной жизни, а первосвященникамъ императоры нужны только pro cursu temporalium rerum» и т. д. Или на такъ называемомъ восьмомъ вселенскомъ соборѣ,

*) Замѣчательно, что какъ папы укоряли византійскихъ императоровъ, такъ и доселѣ католическіе историки укоряютъ ихъ за то, что они въ ущербъ правамъ церкви перенесли на себя права языческаго Pontifex maximus. Самые безпристрастные изъ нихъ, какъ Пихлеръ, не хотятъ замѣтить, что упрекъ этотъ гораздо ближе идетъ къ папамъ, мало по малу присвоившимъ себѣ права и самый титулъ Pontifex maximus, отъ котораго очень рано отказались христіанскіе императоры, какъ отъ неприличнаго свѣтскимъ лицамъ.

на которомъ, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ восточныхъ епископовъ, константинопольская церковь поставлена была на степень служанки по отношенію къ римской *госпожѣ*, соборныя разсужденія о правахъ на Болгарію велись слѣдующимъ образомъ: «святой апостольскій престолъ, говорили папскіе легаты, не избиралъ васъ, низшихъ его, въ судьи въ этомъ дѣлѣ, и мы не дѣлали этого, потому что онъ одинъ имѣетъ право судить всѣ прочія церкви... Онъ имѣетъ достаточно основаній защищать свое право, и легкость, съ которой онъ презираетъ вашу сентенцію, также велика, какъ легкомысліе, съ которымъ вы ее высказываете. Непристойно, отвѣчали восточные, чтобы вы, отпавшіе отъ греческаго царства и заключившіе союзъ съ франками, удерживали права посвященія въ области греческаго императора, нашего государя, и мы присуждаемъ константинопольской церкви Болгарію, принадлежавшую Греческой имперіи. Вашу сентенцію, возразили легаты, мы объявляемъ властію св. Духа, до рѣшенія апостольскаго престола, совершенно недѣйствительной, какъ приговоръ судей ни избранныхъ, ни признанныхъ» и т. д. Притязанія папъ на абсолютное господство въ церкви зашли уже въ это время такъ далеко, что даже опредѣленія вселенскаго собора, ими же созваннаго и представляемаго въ лицѣ легатовъ, ничего не значили предъ ихъ волей, и легаты смѣли утверждать ихъ своей подписью только условно — usque ad voluntatem ejusdem eximii præsulis. Но если смиренный Игнатій, обязанный благодарностью своему защитнику — папѣ, не могъ во всемъ уступить ему; то тѣмъ менѣе Фотій, этотъ, по выраженію церковной службы ему, «защитникъ правовѣрныхъ и бичь зломудренныхъ», могъ встать въ служебныя отношенія къ папѣ.

Фотію обыкновенно ставятъ въ вину, что онъ принялъ патріаршій престолъ, который былъ занятъ Игнатіемъ, незаконно сверженнымъ; что чрезъ это онъ былъ причиной тяжелыхъ страданій послѣдняго и всѣхъ приверженцевъ его. Конечно, нельзя оправдывать незаконнаго низверженія Игнатія, но нельзя обвинять и Фотія въ томъ, что онъ принялъ назначеніе. Михаилъ и Варда, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, имѣли еще настолько благоразумія, что на мѣсто такого достойнаго мужа, какъ Игнатій, назначили еще болѣе достойнаго въ лицѣ Фотія и тѣмъ нѣсколько смягчили свой проступокъ противъ Игнатія. Фотій очень хорошо понималъ незаконное низверженіе Игнатія, но могъ ли онъ не принять назначенія? «Ваша святость, украшенная столь многими преимуще-

ствами, писалъ Фотій папѣ Николаю, должны бы были прежде всего обратить вниманіе на то, что я только по принужденію принялъ на себя это иго, и вмѣсто того, чтобы порицать меня, должны бы имѣть состраданіе ко мнѣ. Мнѣ сдѣлали насиліе, меня заперли какъ преступника, не смотря на мое сопротивленіе меня избрали. Я долженъ былъ отказаться отъ спокойной жизни и промѣнять ее на полную трудовъ». Это какъ онъ, такъ и другіе повторяли такъ часто и такъ торжественно, что въ высшей степени странно читать у такихъ историковъ, какъ Неандеръ и Гефеле, что только неумѣренное честолюбіе могло заставить его принять назначеніе. «Какъ хорошій канонистъ, говоритъ послѣдній, Фотій зналъ очень хорошо, что епископскій престолъ не могъ быть замѣщенъ, пока не сдѣлается законно вакантнымъ; поэтому простое благоразуміе предписывало ему разыгрывать упорнаго и только по принужденію принять предлагаемую должность. Все его поведеніе, именно жадность, съ которой онъ уцѣпился за епископскій престолъ и не страшился никакой неправды, чтобы удержать его за собой, свидѣтельствуетъ противъ искренности его первоначальнаго отказа, какъ еще Неандеръ и другіе замѣтили. Знаменитое nolo episcopari болѣе, чѣмъ у кого-нибудь, было у него пустымъ притворствомъ». Но это значитъ не писать, а *сочинять* исторію. По этому методу, съ такимъ же правомъ, если не болѣе, можно было бы упрекать въ неумѣренномъ честолюбіи и Игнатія, который, не смотря ни на какія угрозы и страданія, не хотѣлъ отказаться отъ патріаршества, хотя не могъ не понимать, что съ отреченіемъ его немедленно прекратились бы всѣ безпорядки и волненія. Сами Фотій и Игнатій, лучше историковъ, понимали свое положеніе. Все поведеніе Фотія по отношенію къ Игнатію свидѣтельствуетъ, что онъ не имѣлъ личной вражды къ нему, хотя нежеланіе Игнатія добровольно отказаться отъ престола причиняло ему много безпокойствъ и потомъ страданій, едва ли не тяжелѣйшихъ, нежели какимъ подвергался самъ Игнатій. При вступленіи на престолъ, Фотій обѣщался почитать Игнатія какъ отца и совѣтоваться съ нимъ во всемъ; онъ ходатайствовалъ предъ неистовавшимъ Вардой о смягченіи его участи и о прекращеніи гоненія на его сторонниковъ; послѣ перваго низверженія онъ спокойно прожилъ много лѣтъ въ самомъ Константинополѣ, не дѣлая ни малѣйшей попытки завладѣть престоломъ и пользуясь трогательной дружбой и довѣренностью Игнатія; и по смерти послѣдняго онъ опять только по принужденію занялъ патріаршій престолъ. На

соборѣ 879 года Фотій такъ разсказывалъ свое поведеніе относительно Игнатія, что подтвердили и другіе: «послѣ того, какъ я, Богу извѣстно — по какому суду, лишенъ былъ престола, я не причинилъ никакихъ безпокойствъ, не старался снова овладѣть престоломъ, терпѣливо переносилъ свою судьбу и не отягощалъ слуха императора (жалобами). Я даже не имѣлъ надежды на возстановленіе... Пока живъ былъ блаженный Игнатій, я отнюдь не хотѣлъ возвращать себѣ престола, хотя многіе настаивали на это, даже хотѣли принудить къ тому, и хотя обстоятельства моихъ приверженцевъ, которыхъ все еще преслѣдовали и лишали должностей, повидимому требовали этого. Но я дѣлалъ все, чтобы утвердить миръ съ Игнатіемъ, и дѣйствительно достигъ этого, когда онъ посѣтилъ меня во дворцѣ. Мы пали въ ноги другъ другу и обѣщали прощеніе, если одинъ согрѣшилъ противъ другаго. Потомъ, когда онъ сдѣлался болѣнъ, я много разъ по его желанію посѣщалъ его, утѣшалъ и подкрѣплялъ, сколько могъ, и въ такой степени пріобрѣлъ его расположеніе, что онъ поручилъ моему попеченію своихъ домочадцевъ послѣ его смерти; и я исполнилъ это. Но императоръ тотчасъ по смерти Игнатія потребовалъ, чтобы я снова занялъ престолъ. Два раза напрасно приходили ко мнѣ уполномоченные императора; я не давалъ согласія и просилъ только объ освобожденіи моихъ приверженцевъ изъ ссылки. Но тогда посѣтилъ меня самъ императоръ и сильно настаивалъ; что онъ говорилъ, теперь не время излагать. Но поелику всѣ были согласны, и три восточные патріарха своими синодальными опредѣленіями призывали меня на престолъ, и кромѣ того прежнее письмо папы къ императору обѣщало исполнить всѣ его просьбы; то я и возвратился на престолъ». Хотя заявленіе это засвидѣтельствовано соборомъ, при всемъ томъ Гефеле и другіе утверждаютъ, что «трудно повѣрить, чтобы онъ такъ серьезно и такъ долго противорѣчилъ самому императору, отказываясь снова занять престолъ». Но, безъ сомнѣнія, лучшій судья и защитникъ Фотія Игнатій: дружба этихъ святыхъ мужей доказываетъ, что если они обстоятельствами времени поставлены были во враждебныя отношенія, то лично не имѣли ничего другъ противъ друга, кромѣ взаимнаго уваженія.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на Фотія; это значило бы писать полную исторію его. Не было, кажется, ни одного дѣйствія въ его жизни, которое бы не было перетолковано въ дурную сторону. До какой степени несправедливы

къ нему историки, можно видѣть, напр., изъ того, что императорское повелѣніе, чтобы всѣ подаянія и завѣщанія въ пользу бѣдныхъ шли черезъ руки Фотія, конечно, какъ безкорыстнѣйшаго милостынераздавателя, разсматривается, какъ средство привлечь на его сторону народъ и такимъ образомъ утвердить незаконное возведеніе его на патріаршій престолъ. Посмотримъ только на главнѣйшее обвиненіе, по которому онъ будто бы былъ виновникомъ раздѣленія церквей. Именно ему ставятъ въ вину то, что онъ изъ частнаго спора съ папой сдѣлалъ общецерковный, что отъ нападеній на папу перешелъ къ нападеніямъ на всю римскую церковь — въ своемъ знаменитомъ окружномъ посланіи къ восточнымъ патріархамъ. Но если что особенно замѣчательно въ жизни Фотія, такъ именно то, что онъ никогда не нападалъ первый, что онъ только защищался, и притомъ вынужденный усиленными нападеніями на него враговъ. Въ своемъ защитительномъ письмѣ къ папѣ Николаю, Фотій противъ его обвиненій давалъ замѣтить ему, что пунктуальное примѣненіе каноновъ, недопускающее никакихъ изъятій, можетъ повести слишкомъ далеко, что нѣкоторыя отступленія отъ нихъ лучше прикрывать христіанскою любовію, чтобы сохранить общеніе между церквами. «Въ несущественныхъ вещахъ, писалъ онъ папѣ, всякій самъ себѣ законъ; вводить такія вещи и выдавать ихъ за законы, когда нѣтъ въ томъ никакой нужды, есть дѣло заблуждающагося нововводителя. Въ такихъ вещахъ поэтому не соблюдается единомыслія. Для однихъ важны многія учрежденія такія о которыхъ другіе даже не слыхали.... Есть вообще обязательные законы, какъ истины вѣры, есть и особенные церковные законы въ различныхъ странахъ. Такъ въ одной странѣ есть обычай стричь бороду, а въ другой запрещено даже соборными опредѣленіями; такъ мы не постимся въ субботу, а другіе постятся; въ Римѣ нѣтъ законно женатыхъ духовныхъ, у насъ трулльскій соборъ издалъ другія постановленія; мы сочли бы за грѣхъ производить въ епископы діакона до полученія священническаго посвященія, въ другомъ мѣстѣ совершается это безъ соблазна. Есть также разности въ молитвахъ, церемоніяхъ, обрядахъ, церковныхъ учрежденіяхъ, въ опредѣленіяхъ времени и въ дисциплинарныхъ распоряженіяхъ. Есть монашескіе уставы, которыми употребленіе мяса запрещено навсегда, и другіе, запрещающіе только въ опредѣленныя времена. Во всѣхъ этихъ вещахъ все зависитъ отъ того, какой обычай въ странѣ; никто не имѣетъ права порицать такія разности, если онѣ

не противны вѣрѣ и вселенскимъ канонамъ. Таково должно быть сужденіе всякаго благоразумнаго человѣка». Но папа не хотѣлъ слѣдовать совѣтамъ благоразумія; обычаи своей церкви и даже подложныя декреталіи онъ хотѣлъ сдѣлать обязательными для всѣхъ. Мало того, что онъ предавалъ проклятію самаго Фотія и употреблялъ всѣ усилія, чтобы свергнуть его; онъ не щадилъ нападеній, оскорбительныхъ и для всей греческой церкви, особенно въ своихъ отвѣтахъ болгарскому народу. Въ числѣ его отвѣтовъ болгарамъ, принявшимъ христіанство отъ греческихъ миссіонеровъ и съ греческими особенностями, встрѣчаются самыя мелочныя нападенія на грековъ. Въ 6 отвѣтѣ напр. онъ осуждаетъ наставленіе, преподанное греками болгарамъ, что нельзя мыться въ середу и въ пятницу; въ 54 — что нужно складывать въ церкви руки на груди; въ 55 — запрещеніе грековъ принимать причастіе не подпоясавшись; въ 57 — запрещеніе ихъ употреблять въ пищу животное, убитое евнухомъ; въ 78 — недопущеніе государственныхъ возмутителей къ покаянію. Но, кромѣ этихъ мелочныхъ нападеній, онъ въ 106 отвѣтѣ внушалъ болгарамъ не слушать никакихъ другихъ миссіонеровъ, ни греческихъ, ни армянскихъ, увѣряя ихъ, что римская церковь одна всегда сохраняла и доселѣ сохраняетъ истинное христіанство; а въ 92 — на вопросъ ихъ, какіе истинные патріархаты, отвѣчалъ, что собственно только три основанные апостолами — Римъ, Александрія и Антіохія; что хотя епископы константинопольскій и іерусалимскій также называются патріархами, но они не имѣютъ такой власти, потому что престолъ константинопольскій основанъ не апостолами, а государями, настоящій же Іерусалимъ — не древній, который былъ разрушенъ до основанія. Тогда только Фотій рѣшился обратиться къ восточнымъ патріархамъ съ своимъ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ излагалъ отступленія латинянъ отъ древней церковной практики и даже отъ догматовъ, именно, что они научили болгаръ поститься въ субботу, что запрещено 66 апостольскимъ правиломъ; что отсѣкаютъ первую недѣлю четыредесятницы отъ прочихъ постовъ и позволяютъ ѣсть сыръ, молоко и под.; что, по ихъ наущенію, законно женатые священники болѣе не уважаются, и это произвели тѣ, которые многихъ дѣвицъ дѣлаютъ женами безъ мужей и матерями дѣтей неизвѣстныхъ отцовъ; что осмѣливаются муропомазанныхъ священникомъ перемазывать, увѣряя, что священники не могутъ муропомазывать, ибо это пристойно совершать однимъ архіереямъ; и наконецъ, что они иска-

зили символъ вѣры прибавленіемъ Filioque, вводя такимъ образомъ два начала въ св. Троицу. Фотій просилъ патріарховъ прислать въ Константинополь уполномоченныхъ для исторженія этихъ плевелъ на соборѣ. Соборъ этотъ дѣйствительно состоялся, и папа Николай былъ отлученъ. Но было ли что-нибудь опредѣлено касательно выставленныхъ патріархомъ Фотіемъ латинскихъ отступленій, неизвѣстно; потому что дѣянія этого собора не дошли до насъ,—они были уничтожены по приказанію папы на соборѣ при Игнатіѣ. По всей вѣроятности, не было никакихъ опредѣленій; даже библіотекарь Анастасій не упоминаетъ о нихъ. Но на соборѣ 880 года въ присутствіи папскихъ легатовъ и ими самими былъ подписанъ символъ вѣры безъ Filioque, и было провозглашено съ намекомъ, но безъ указанія на это слово: «кто составляетъ другой символъ, или къ этому символу присоединяетъ самоизмышленныя слова и осмѣливается повреждать древній св. символъ неподлинными словами, прибавленіями или опущеніями, тому мы изрекаемъ, если духовный, низверженіе, если мірянинъ, отлученіе». И такъ очевидно, что только дѣйствія самихъ латинянъ вынудили Фотія выставить на видъ ихъ отступленія отъ ученія и практики древней церкви; что когда наступили болѣе миролюбивыя отношенія при папѣ Іоаннѣ VIII, то онъ болѣе не упоминалъ объ этихъ отступленіяхъ, отрицая только прибавленіе къ символу и не касаясь даже ученія о Filioque. Но сами папы, при существованіи уже въ западной церкви ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, долго не рѣшались внести въ символъ Filioque, какъ видно изъ опредѣленій Льва III и изъ письма къ Фотію Іоанна VIII (подлинность котораго впрочемъ одни оспариваютъ, какъ Гергенретеръ и Гефеле, а другіе съ большею основательностію признаютъ, какъ Пихлеръ).

Восточная церковь весьма рано понимала истинный смыслъ исторіи Фотія и Игнатія, умѣла достойно цѣнить этихъ невинныхъ страдальцевъ и никогда не отступала отъ своего взгляда на нихъ. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ Маркъ Ефезскій въ шестомъ засѣданіи ферраро-флорентійскаго собора (20-го октября 1438 года) кардиналу Юліану Цезарини, потребовавшему дѣянія такъ называемаго восьмаго вселенскаго собора: «Соборъ этотъ держанъ былъ противъ Фотія. Но вскорѣ потомъ былъ составленъ другой соборъ, возстановившій Фотія и уничтожившій силу перваго, который также называется восьмымъ вселенскимъ. А константинопольская церковь твердо держится того убѣжденія, что все написанное и высказанное, какъ

противъ Фотія, такъ и противъ Игнатія, должно быть предано анаѳемѣ».

Въ новѣйшее время исторія Фотія вновь пересматривается нѣкоторыми учеными. Такъ, недавно, профессоръ Гергенретеръ издалъ первый томъ исторіи Фотія. Сочиненіе это здѣсь еще не встрѣчается въ продажѣ; потому я ничего не могу сказать объ немъ опредѣленнаго. Но, судя по тому, что Гергенретеръ строгій поклонникъ папскаго абсолютизма, нельзя ожидать отъ него особеннаго безпристрастія къ лицу Фотія. Вѣроятно, благосклоннѣе относится къ нему Занесъ, ученый членъ греческаго посольства въ Константинополѣ, также недавно издавшій свое сочиненіе о Фотіѣ; но и этого сочиненія здѣсь пока еще не видно.

Лѣтній семестръ я пробуду также въ Тюбингенѣ, чтобы дослушать курсъ церковной исторіи у Гефеле и Вейцсеккера. Въ библіотекѣ здѣшняго университета можно найти всѣ важнѣйшія сочиненія и изданія по исторіи восточной церкви, за исключеніемъ весьма немногихъ. Но и недостающія я могу получать изъ штутгардтской библіотеки при благосклонномъ содѣйствіи обоихъ профессоровъ.

Тюбингенъ, $^{17}/_{29}$ марта 1866 года.

6) Докторанта Николая Залѣсскаго.

Такъ какъ занятія мои въ теченіе послѣдняго триместра, какъ и всегда, ограничивались лишь практическими работами въ лабораторіи по предметамъ физіологической химіи и токсикологіи, то естественно, что отчетъ мой, главнымъ образомъ, долженъ заключать въ себѣ результаты моихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ заразъ войдти во всѣ подробности вопросовъ, за которыми я слѣдилъ, почему я ограничусь здѣсь указаніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые по преимуществу въ послѣднее время обращали на себя мое вниманіе. Вопросы эти были: 1) *опредѣленіе элементарнаго состава полученнаго мною ядовитаго алкалоида изъ секрета подкожныхъ железъ саламандръ (Salamandra maculata)* и 2) *гематина свободнаго отъ желѣза (eisenfreies Haematin-Mulder)*. Эти двѣ работы, вполнѣ оконченныя и находящіяся уже въ печати, составятъ предметъ слѣдующаго отчета, въ настоящемъ же, я имѣю честь представить изслѣдованія мои о химическомъ составѣ костей.

Положительно утверждать можно, что ни одна изъ тканей жи-

вотнаго организма не была столь часто предметомъ химическаго анализа какъ костная. Въ литературѣ мы встрѣчаемъ не только бездну отдѣльныхъ статей, какъ результатъ изслѣдованія кости въ одномъ какомъ либо направленіи, но и много большихъ трактатовъ, изъ которыхъ легко видѣть, что ткань эта уже много разъ была изслѣдована подробно во всѣхъ ея частяхъ и мелочахъ, притомъ не у одного какого либо животнаго, но во всѣхъ классахъ животнаго царства и при многоразличныхъ условіяхъ. Далѣе, если взять во вниманіе то обстоятельство, что химическія изслѣдованія костей нерѣдко были производимы весьма опытными и учеными химиками, то естественно, почему вопросъ о составѣ костей разсматриваютъ въ настоящее время какъ вполнѣ рѣшенный. Дѣйствительно, имѣя такое множество работъ о составѣ костной ткани, казалось бы, что новыя изслѣдованія въ этомъ направленіи были бы если не совершенно излишними, то по крайней мѣрѣ необѣщавшими никакихъ новыхъ результатовъ. Заключеніе это есть, впрочемъ, только кажущееся; вопросъ о химическомъ составѣ костей, не смотря на многочисленныя объ этомъ предметѣ изслѣдованія, далеко нельзя считать законченнымъ, и всѣ доселѣ сдѣланные анализы костной ткани, за исключеніемъ весьма немногихъ работъ, нужно разсматривать какъ несовершенныя и вполнѣ ошибочныя. Мнѣніе это необходимо должно вытекать изъ того обстоятельства, что, не смотря на массу работъ, между ними мы даже и двухъ не встрѣчаемъ такихъ, результаты которыхъ были бы хоть сколько нибудь согласны другъ съ другомъ; напротивъ, въ большей части случаевъ, авторы расходятся между собою въ основныхъ вещахъ. Такимъ образомъ стоитъ только вникнуть въ отношеніе минеральныхъ составныхъ частей кости къ органическимъ, и мы тотчасъ замѣтимъ такое разногласіе, которое непозволяетъ намъ разсматривать существующихъ анализовъ иначе какъ крайне сомнительными. Тѣ же самыя неровности встрѣчаемъ мы не только въ отношеніи общей массы минеральныхъ частей къ органическимъ, но и отдѣльныхъ составныхъ частей костной золы другъ къ другу, такъ, что у одного автора мы встрѣчаемъ той или другой изъ солей болѣе а у другаго менѣе. Конечно, если бы неровности эти мы находили лишь при сравненіи составныхъ частей костей у различныхъ классовъ животнаго царства, то весьма естественно, что обстоятельство это можно было бы отнести на счетъ извѣстныхъ зоологическихъ разностей, въ силу которыхъ, весьма вѣроятно, должно существовать какое либо различіе въ составѣ кост-

ной ткани; допустить же подобное у животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же классу, одной группѣ, а тѣмъ болѣе у одного и того же индивидуума, положительно невозможно. Разсматривая далѣе анализы костей, насъ поражаетъ то обстоятельство, что не только количественный составъ ихъ на различныхъ точкахъ скелета различенъ, но часто даже одна и та же кость даетъ то болѣе, то менѣе минеральныхъ частей. Подобныхъ непослѣдовательностей можно бездну встрѣтить въ любомъ изъ существующихъ анализовъ. Чтобы избѣжать частностей, я считаю не лишнимъ представить здѣсь существующее въ настоящее время въ наукѣ ученіе о химическомъ составѣ костей, чтобы такимъ образомъ дать возможность обнять разомъ, на сколько оно заслуживаетъ довѣрія. Ученіе это, куда я принимаю за факты только тѣ, которые общи если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ большей части авторовъ, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Кости одного и того же индивидуума не имѣютъ постояннаго химическаго состава; онъ не только въ различныхъ анатомическихъ группахъ костей количественно различенъ, но даже одна и та же кость на различныхъ ея точкахъ имѣетъ неодинаковый составъ. Кости туловища бѣднѣе минеральными солями, чѣмъ конечностей, въ которыхъ плечевая и бедренная кости обильнѣе солями, чѣмъ всѣ остальныя цилиндрическія кости; черепныя кости, по количеству въ нихъ неорганическихъ составныхъ частей, приближаются къ костямъ конечностей; ребра и ключицы содержатъ болѣе неорганическихъ частей чѣмъ позвонки; кости же таза по составу близки къ позвонкамъ; вообще, цилиндрическія кости богаче солями, чѣмъ всѣ остальныя.

II. У млекопитающихъ и у птицъ кости молодыхъ индивидуумовъ богаче органическими частями чѣмъ кости старыхъ.

III. Компактное и порозное вещества имѣютъ различный составъ, именно — первый всегда содержитъ болѣе минеральныхъ частей, чѣмъ послѣдній.

IV. Кости травоядныхъ богаче известковыми солями чѣмъ плотоядныхъ.

V. Кости млекопитающихъ сравнительно бѣднѣе углекислою известью и SiO_2 чѣмъ птицъ, изъ нихъ у хищныхъ кости близки, по количеству въ нихъ неорганическихъ частей, къ костямъ млекопитающихъ животныхъ.

VI. Скелетъ амфибій содержитъ менѣе минеральныхъ составныхъ частей, чѣмъ млекопитающихъ и птицъ.

VII. Кости рыбъ суть самыя бѣдныя неорганическими веществами.

VIII. Количество $CaOCO_2$ и $CaOPO_5$ въ различныхъ костяхъ одного и того же индивидуума неодинаково; порозное вещество богаче углекислою известью, чѣмъ компактное. Отношеніе $CaOPO_5$ къ $CaOCO_2$ можетъ быть выражено какъ 3 : 1; пропорція эта непостоянна, она мѣняется отъ неизвѣстныхъ причинъ и, по мнѣнію большинства авторовъ, находится въ зависимости отъ лѣтъ, съ числомъ которыхъ количество $CaOCO_2$ пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ всѣми остальными минеральными частями костей.

Въ этихъ вышеприведенныхъ положеніяхъ, сгруппированныхъ мною по возможности въ систему, заключается все ученіе о химическомъ составѣ костей; принимая ихъ какъ вполнѣ справедливыя, мы необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны будемъ допустить, что кости не только у различныхъ индивидуумовъ и у различныхъ классовъ животнаго царства, но даже у одного и того же недѣлимаго, не имѣютъ постояннаго опредѣленнаго состава, но что этотъ послѣдній мѣняется на различныхъ точкахъ скелета отъ обстоятельствъ, для насъ вовсе неизвѣстныхъ. Предположеніе это во всѣхъ отношеніяхъ нелогичное, неимѣющее за собою никакихъ вѣрныхъ фактовъ, кромѣ ошибочныхъ, какъ мы далѣе увидимъ изъ анализовъ, вполнѣ опровергается гистологическимъ строеніемъ костной ткани, которое, какъ мы знаемъ, на всѣхъ точкахъ скелета положительно тождественно: кость, какъ въ компактномъ, такъ и въ порозномъ своемъ веществѣ, сохраняетъ одно и то же строеніе, лишь расположеніе гистологическихъ элементовъ въ обоихъ различное. Поэтому гораздо основательнѣе предполагать, что нормальная кость, принадлежа къ плотнымъ тканямъ, при физіологическихъ условіяхъ организма, необходимо должна имѣть на всѣхъ точкахъ скелета одинъ и тотъ же количественный составъ и притомъ такимъ образомъ, что этотъ послѣдній остается постоянно неизмѣннымъ, отъ вліяній пола, возраста, индивидуальныхъ различій и т. п. Что послѣднія три условія не вліяютъ на составъ костей, доказано положительно изслѣдованіями Stark'a [1]) Fremy [2]) и особенно Recklinghausen'a [3]). По-

[1]) Chemical Constitution of the Bones of the Vertebrated Animals — Edinburgh med. and surg. Journal; Vol 63. pag. 308. 1845.

[2]) Recherches chimiques sur les os — Ann. de Chimie et de Physiq. p. 47. 1855.

[3]) Die mineralischen Bestandtheile junger Menschenknochen — Virchow's Arch. Bd. 14, pag. 466.

слѣдній показалъ, что въ костяхъ младенцевъ и дѣтей находятся не только однѣ и тѣ же составныя части какъ и въ костяхъ взрослыхъ людей, но и отношенія каждой отдѣльной изъ этихъ частей другъ къ другу въ обоихъ случаяхъ однѣ и тѣ же, т. е., что количественный составъ костной ткани какъ у дѣтей такъ равно и у взрослыхъ тождественно одинъ и тотъ же. Что касается вліянія индивидуальности и пола, то обстоятельства эти выражаются лишь въ общей массѣ костей, но не въ количествѣ составныхъ частей ихъ, которыя какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ остаются однѣ и тѣ же.

Откуда же могли происходить и отъ чего зависѣть несогласія и неровности въ анализахъ костной ткани, которые наука наша имѣетъ въ такомъ обиліи? Причину этому найдти весьма нетрудно; стоитъ только лишь вникнуть въ матеріалъ, служившій предметомъ анализа. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая различныя работы, имѣвшія цѣлію изслѣдованіе химическаго состава костной ткани, мы тотчасъ замѣчаемъ, что всѣ авторы мало обращали вниманія на свойства самаго матеріала, изъ которыхъ нѣкоторые очистивъ лишь отъ окружающихъ кость тканей, подвергали ее химическому анализу, другіе же, хотя подвергали кость болѣе тщательной очисткѣ, однако же она была недостаточно обработана для того, чтобы можно было назвать ее вполнѣ чистою. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, вмѣстѣ съ костями, подвергались анализу и акцессорныя части, вовсе непринадлежащія имъ; присутствіе этихъ послѣднихъ, конечно, не могло оставаться безъ послѣдствій на вѣрность результатовъ, которые тѣмъ далѣе были отъ истины, чѣмъ болѣе находилось акцессорныхъ тканей при костяхъ. Отсюда понятно, почему нерѣдко весьма опытные химики, имѣя подъ руками подобный матеріалъ, давали результаты, которые ни въ одномъ случаѣ не были похожи другъ на друга. Къ подобнымъ работамъ я отношу всѣ, исключая двухъ (Recklinghausen, Milne-Edwards), гдѣ на приготовленіе матеріала къ анализу обращено было болѣе вниманія, а поэтому и результаты ихъ стоятъ болѣе близко другъ къ другу, чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Всякому, знакомому съ анатомическимъ устройствомъ кости, понятно, что послѣ удаленія periostei и костнаго мозга, если бы даже это сдѣлано было болѣе тщательно, чѣмъ мы это у многихъ видимъ, еще мы не въ правѣ разсматривать подобнаго рода кость какъ чистую костную ткань. Подъ именемъ акцессорныхъ тканей кости нужно понимать не только periosteum и костный мозгъ, отъ которыхъ кость довольно легко очистить, но и множество дру-

гихъ тканей, удаленіе которыхъ далеко не такъ легко и требуетъ много времени. Мнѣ кажется, что едва ли можно встрѣтить въ организмѣ животныхъ другую какую либо ткань, которую такъ трудно было бы получить вполнѣ чистою, какъ костную: я не говорю уже о трудности удалить клѣтчатку, сосуды и другія прибавочныя части, находящіяся внутри кости, но даже очистить ее съ наружной поверхности есть дѣло нелегкое, особенно отъ сухожилій, волокна которыхъ не только проникаютъ во всѣ углубленія, находящіяся на поверхности костей, но и входятъ въ толщу ихъ, гдѣ нерѣдко теряются въ глубокихъ слояхъ. Далѣе, костныя тѣльца и ихъ удлиненія, заключающія въ себѣ плазматическую жидкость, одѣты особаго рода оболочкою, которая, по отношенію ихъ къ извѣстнымъ реагентамъ, признана проф. Гоппе [1]) за ткань, близкую къ роговой. Наконецъ, кромѣ указанныхъ здѣсь мною частей, къ акцессорнымъ тканямъ необходимо отнести еще животныя жидкости, проникающія всюду костную субстанцію, каковы: жиры, кровь, вода съ растворимыми въ нихъ солями и т. п., которыхъ всегда болѣе въ порозномъ чѣмъ въ компактномъ веществѣ костей. Всѣ эти сказанныя акцессорныя части,—удаленія которыхъ можно достигнуть только лишь отчасти средствами механическими, но вполнѣ простыми химическими операціями, сообразно свойствамъ прибавочныхъ частей,—не будучи вполнѣ извлечены изъ кости, даютъ, во первыхъ, ложные результаты при опредѣленіи количествъ тѣхъ или другихъ составныхъ частей костей, а во вторыхъ, нерѣдко влекутъ за собою открытія элементовъ, вовсе не входящихъ въ образованіе костной массы. Такимъ образомъ, присутствіе желѣза въ костяхъ, найденное впервые Fourcroy и подтвержденное послѣ него многими химиками, есть чистое заблужденіе; незначительное количество желѣза въ этихъ случаяхъ необходимо нужно отнести на счетъ худой обработки костей и, поэтому, присутствія въ нихъ крови. Я, на основаніи моихъ изслѣдованій, производимыхъ лишь надъ абсолютно чистою костною тканію, вполнѣ отвергаю присутствіе желѣза въ костяхъ, потому что ни въ одномъ случаѣ я не могъ открыть въ нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ сего послѣдняго.

Ниже я подробно опредѣлю цѣль, которую я преслѣдовалъ въ моей работѣ, здѣсь же замѣчу, что, изслѣдуя костную ткань хими-

[1]) Ueber die Gewebselemente der Knorpel, Knochen u. Zähne — Virchow's Arch. Bd. V, p. 170.

чески, я не имѣлъ въ виду искать въ ней какихъ либо новыхъ составныхъ частей, но старался лишь болѣе основательно опредѣлить количество тѣхъ изъ нихъ, которыя намъ уже отъ прежнихъ авторовъ извѣстны. Въ числѣ составныхъ частей костей мы встрѣчаемъ такія, существованіе которыхъ хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, однако, до сихъ поръ, мы не знаемъ положительно количествъ, въ которыхъ они входятъ въ образованіе костей, или если въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и были указаны эти количества, то считать ихъ вѣрными мы не въ правѣ, по той причинѣ, что они не были найдены прямымъ образомъ. Такимъ образомъ, напр., количество флуора въ костяхъ извѣстно лишь приблизительно. Очевидно, что наука подобными результатами не можетъ довольствоваться. Въ другихъ же случаяхъ, нѣкоторыя изъ составныхъ частей кости хотя и были опредѣлены прямымъ образомъ, но методы, которыми пользовались для этого, были несовершенными или же недостаточно чувствительными, чтобы съ точностію указать на тѣ элементы, которые въ костяхъ встрѣчаются въ количествѣ весьма маломъ. Къ числу составныхъ частей костей, всего болѣе нуждающихся въ новыхъ изслѣдованіяхъ, я отношу углекислоту и флуоръ: на количественное опредѣленіе этихъ послѣднихъ я обращалъ особенное вниманіе, почему считаю не лишнимъ войдти о нихъ въ нѣкоторыя подробности.

Углекислота въ костяхъ, какъ извѣстно, находится въ соединеніи съ известію. Большая часть авторовъ дѣлала опредѣленіе ея въ костной золѣ; но мы знаемъ, что, при пережиганіи кости, CO_2 частію уходитъ, которую хотя мы можемъ снова возстановить помощію углекислаго амміака, однако, при неосторожномъ вторичномъ накаливаніи массы, снова можемъ ее терять, и вотъ поэтому-то, при опредѣленіи CO_2 въ костной золѣ, едва ли результаты могутъ быть вполнѣ безъошибочными. Это слѣдуетъ изъ того, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ анализы были дѣлаемы подобнымъ образомъ, CO_2 всегда находили меньше. Другіе химики, какъ Fremy [1]), Bibra [2]) и Edwards [3]), употребляли для этого свѣжія кости, очищенныя лишь отъ акцессорныхъ тканей; анализы ихъ близко подходятъ къ истинѣ,

---

[1]) Loc. cit. pag. 69.

[2]) Chemische Untersuchungen über die Knochen und Zähne etc. pag 118. Schweinfurt, 1844.

[3]) Études chimiques et physiologiques sur les os — Ann. des sciences naturelles (Zoologie). T. XIII, 1860, pag. 134.

однако тоже имѣютъ нѣкоторые недостатки, состоящіе въ томъ, что было употреблено слишкомъ слабое нагрѣваніе или недостаточно долго былъ пропускаемъ воздухъ чрезъ кислоту, безъ чего, какъ извѣстно, весьма трудно изгнать остатки CO_2 удерживающейся въ жидкостяхъ; наконецъ, методъ Бибры имѣлъ еще и ту невыгоду, что часть углекислоты терялась какъ вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, такъ равно и при внесеніи костей въ аппаратъ, наполненный для ихъ разложенія кислотою. Чтобы избѣгнуть этихъ неудобствъ, я пользовался при моихъ изслѣдованіяхъ методомъ, описаннымъ мною ниже; во всѣхъ случаяхъ, я получалъ большія количества CO_2, что ясно указываетъ на ошибки, какъ выше указанныя, такъ равно и многихъ другихъ авторовъ.

Флуоръ. Вопросъ о присутствіи флуора въ костяхъ, имѣющій на своей сторонѣ огромную литературу и составлявшій долгое время предметъ жаркихъ споровъ, въ послѣднее время,—благодаря изслѣдованіямъ Wilson'a [1]) и Nicklès'a [2]), показавшимъ, что флуоръ принадлежитъ къ постояннымъ составнымъ частямъ не только костей, но и всѣхъ остальныхъ, какъ плотныхъ, такъ и жидкихъ, тканей животнаго организма,—рѣшенъ на столько, что уже никто болѣе не сомнѣвается въ существованіи его въ костяхъ. Считая вопросъ этотъ не лишеннымъ интереса, я позволяю себѣ представить здѣсь историческое его развитіе. Италіанскій химихъ Morichini [3]) былъ первый, открывшій присутствіе флуора въ тѣлѣ животныхъ (въ зубѣ слона), а нѣсколько позже за тѣмъ John [4]) нашелъ его въ костяхъ допотопнаго мамонта. Изслѣдованія эти вскорѣ повторены были Klaproth'омъ [5]) съ положительнымъ результатомъ; но онъ разсматривалъ флуоръ, какъ продуктъ метаморфоза фосфорной кислоты; мнѣніе это, совершенно ложное, вскорѣ было опровергнуто Chenevix'омъ [6]), доказавшимъ несомнѣнно присутствіе флуора въ костяхъ допотоп-

---

[1]) Transactions of the royal society of Edinburgh Vol 16. part. 2. 1846 и Philosophical Magazine March 1857.

[2]) Présence du fluor dans le sang — Compt. rendus de l'académie des sciences, 1846, 2-me semestre, T. XLIII, № 18, pag. 885.

[3]) Analisi chimica del dente fossile — Memorie di mathem. et di fisica delle science, T. X, pag. 166; 1803.

[4]) Bulletin de la Soc. impér. des naturalistes de Moscou.

[5]) Untersuchung eines fossilen Elephantenzahns auf Flussspathsäure — Gehlens Journal, T. III, pag. 625, 1804.

[6]) Ann. de chimie T. LIV, pag. 207; 1805.

ныхъ животныхъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ изслѣдованія Gay-Lussac'a [1]) совмѣстно съ Моришини; они нашли флуоръ въ свѣжей слоновой кости, въ зубахъ кабана, равно какъ и человѣческихъ. Результаты ихъ, однако, вскорѣ опровергнуты были Fourcroy и Vauquelin'омъ [2]), разсматривавшими флуоръ въ костяхъ лишь за принадлежность ископаемыхъ костей. Мнѣніе этихъ послѣднихъ вполнѣ раздѣляли Wollaston и Brande [3]), которые, на основаніи ихъ изслѣдованій, вполнѣ отвергали присутствіе флуора въ костяхъ нынѣ живущихъ животныхъ. Въ этомъ состояніи вопросъ нашъ былъ до Berzelius'a [4]), который положительно доказалъ присутствіе флуора въ костяхъ человѣка и другихъ млекопитающихъ животныхъ; такимъ образомъ онъ нашелъ въ бедренной кости человѣка 2 на 100, а у быка 3 — 4 ч. на 100, флуористаго кальція. Какъ ни твердо обставленъ былъ Берцеліусомъ вопросъ о присутствіи флуора въ костяхъ, однако, уже въ 1839 году, Rees [5]), предпринявшій цѣлый рядъ изслѣдованій по этому предмету, не найдя флуора ни въ костяхъ, ни въ другихъ тканяхъ нынѣ живущихъ животныхъ, но лишь въ костяхъ ископаемыхъ животныхъ, пришелъ къ заключенію, что флуористый кальцій долженъ быть исключенъ изъ числа составныхъ частей животнаго тѣла. Rees полагалъ, что флуористый кальцій въ ископаемыхъ костяхъ есть посторонняя примѣсь, зависящая отъ минерализаціи животнаго вещества, и что ошибка Берцеліуса, равно какъ и многихъ другихъ химиковъ, принимавшихъ флуоръ за постоянную составную часть всѣхъ вообще, безъ исключенія, костей, должна быть отнесена на счетъ худаго качества стекла, на которое фосфорная кислота въ одинаковой степени способна оказывать дѣйствіе какъ и HFl. Наконецъ, Erdmann [6]) окончательно положилъ

---

[1]) Lettre à M. Berthollet sur la présence de l'acide fluorique dans les subst. animales etc. — Ann. de chimie T. LV, pag. 258, 1805.

[2]) Expér. faites sur l'ivoire frais, sur l'ivoire fossile et sur l'émail de dents, pour voir si ces subst. contiennent de l'acide fluorique. Ann. de chimie T. LVII, pag. 37, 1806.

[3]) Exper. showing contrary to the Assertions of Morichini that the Enamel of Teeth does not contain fluoric acid — Journ. of Natural Philosophy Chemistry and the Arts, by Nicholson T. XIII, pag. 214; 1806.

[4]) Lettre à M. Vauqnelin sur le fluate calcaire contenu dans les os et dans l'urine — Ann. de chimie T. LXI, pag. 256; 1807.

[5]) On the supposed Existence of fluoric acid in animal Matter — Philosophical Magazine T. XV, pag. 558; 1839.

[6]) Über das Vorkommen des Fluors im thierischen Körper — Journal f. prakt. Chemie 1841 T. XIX, pag. 446.

конецъ спору, доказавъ справедливость изслѣдованій Берцеліуса и показавъ существованіе флуористаго кальція въ костяхъ всѣхъ животныхъ. Послѣ этого, мы находимъ лишь у Girardin и Preisser'a [1]) попытки снова возстановить старое мнѣніе въ пользу ископаемыхъ костей; они отвергли мнѣніе Rees'a, приписывавшаго флуоръ, какъ мы видѣли, за продуктъ минерализаціи костей животныхъ, и показали, что, дѣйствительно, изъ всѣхъ лишь кости ископаемыхъ животныхъ содержатъ флуоръ, такъ что это одно обстоятельство можетъ служить несомнѣннымъ признакомъ ихъ древности, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія надъ лежавшими долгое время въ землѣ костями нынѣ живущихъ животныхъ привели ихъ къ отрицательному результату. Дальнѣйшіе затѣмъ анализы Middleton'a [2]), нашедшаго флуоръ въ костяхъ $6^1/_2$ мѣсячнаго человѣческаго зародыша, въ количествѣ, равномъ тому, въ какомъ встрѣчается онъ у взрослыхъ, равно какъ Daubeny [3]), Wilson'a [4]) и друг., ясно показали, что флуоръ на столько же принадлежитъ костямъ ископаемыхъ животныхъ, насколько и нынѣ живущихъ, хотя, правда, въ первыхъ количество его болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, Middleton старался, изъ процентнаго содержанія флуора, опредѣлить древность кости; онъ полагалъ, что въ теченіе каждой тысячи лѣтъ содержаніе CaFl растетъ въ кости на $1^1/_2\%$. Трудно сказать, на сколько справедливо это предположеніе; во всякомъ случаѣ, основываясь на многихъ, вполнѣ достовѣрныхъ, изслѣдованіяхъ, необходимо принять, что кости ископаемыхъ животныхъ богаче флуоромъ, чѣмъ нынѣ живущихъ. Такимъ образомъ, Lehmann находилъ 16% флуористаго кальція, Baumert [5]) $9{,}54\%$. Причина, почему кости ископаемыхъ животныхъ содержатъ болѣе флуористаго кальція, чѣмъ нынѣ живущихъ, положительно неизвѣстна; для объясненія ея существуютъ двѣ гипотезы, изъ которыхъ одна, какъ мы видѣли, относитъ обиліе флуора на счетъ минерализаціи костей, другая же менѣе справедливая, чѣмъ предъидущая, которой придерживается Liebig, допускаетъ, что кости ископаемыхъ уже въ свѣжемъ ихъ состоя-

---

[1]) Mém. sur les os anciens et fossiles etc. Compt. rend. de l'Académie des sciences T. XV, pag. 72, 1842.

[2]) Philosophical Magazine, 1844, T. XXV, pag. 14.

[3]) Ibid. pag. 122.

[4]) Transactions of the royal society of Edinburgh. Vol. VI. 1846.

[5]) Journ. f. prakt. Chemie, LIV, pag. 363.

нiи должны были содержать болѣе флуористаго кальція, вслѣдствіе употребленія въ пищу животными большаго количества флуористыхъ соединеній.

Этотъ историческій обзоръ, сдѣланный нами, ясно указываетъ на то лишь, что флуоръ существуетъ въ костяхъ и притомъ у ископаемыхъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ у нынѣ живущихъ животныхъ. Далѣе, если мы вникнемъ въ числа, представленныя различными авторами, для выраженія количества флуора, то легко замѣтимъ, что они далеко непостоянны. Такимъ образомъ мы видѣли выше, что по Берцеліусу количество флуористаго кальція въ костяхъ человѣка равно 2 на 100, въ костяхъ быка 3—4 на 100; по Marchand'у [1]) 1 на 100. Heintz [2]), результаты котораго близко подходятъ къ результатамъ Берцеліуса, находилъ въ костяхъ человѣка 2,51—2,25% у быка же 2,72 флуористаго кальція; наконецъ Folwarczny [3]), анализируя os temporis человѣка, нашелъ въ ней на 1,000 частей костей 1,51 CaFl. Числа эти мало заслуживаютъ довѣрія; всѣ они получены не прямымъ образомъ, но на основаніи простаго вычисленія. Извѣстно, что въ костяхъ находится болѣе основаній, нежели сколько ихъ нужно для совершеннаго насыщенія находящихся въ нихъ CO_2 и PO_5; случайное открытіе флуора въ костяхъ дало поводъ считать избытокъ извести принадлежащимъ флуору, и такъ какъ методовъ для количественнаго опредѣленія сего послѣдняго не было, то о количествѣ его заключали по остатку извести. Очевидно, что расчетъ этотъ имѣлъ бы смыслъ въ томъ случаѣ, если бы мы въ костяхъ не встрѣчали другихъ кислотъ кромѣ сказанныхъ трехъ; но изслѣдованія мои, какъ мы это далѣе увидимъ, показали, что въ костной землѣ есть еще Cl, находящійся въ соединеніи съ Ca, какъ CaCl; поэтому естественно, что подобный расчетъ ошибоченъ, и найденныя такимъ образомъ количества флуора слишкомъ велики. Послѣднее обстоятельство нерѣдко было причиною весьма курьозныхъ заключеній, изъ которыхъ особенно интересны сужденія Bird Herapath'a [4]). Онъ полагаетъ, что въ костяхъ человѣка находится 1 ч. флуористаго кальція на 100 частей костей consequently, as the ske-

---

[1]) Ibid. Bd. XXVII pag. 86.

[2]) Ueber die chemische Zusammensetzung der Knochen — Poggendorff's Ann. d Phisik u. Chemie, Bd. LXXVII, pag. 267; 1849.

[3]) Handbuch d. physiol. Chemie. Wien, 1863, pag. 306.

[4]) Med. Times and Gaz., August 15, 1863, pag. 178.

leton of man is about one tenth part of his living weight, it follows that there would be about two ounces of fluorid of calcium in the skeleton of a man of the average weight, and I have no hesitation in saying that in the bones of the various individuals there would be sufficient fluoride of calcium to produce enough hydrofluoric acid to dissolve half a hundredweight of glass, or to etch the plates necessary to engrave the whole of the *Pictorial History of England* or to illustrate the most copiously adorned Bible ever published to the world. A collection of 300 individuals would produce about 36,5 lbs. of fluor-spar, — a quantity sufficient to evolve hydrofluoric acid capable of darkening all the windows of the Crystal Palace, and rendering them opaque.

Хлористыя соединенія въ костяхъ можно раздѣлить на двѣ группы; къ одной изъ нихъ принадлежатъ соли растворимыя въ водѣ (KCl, NaCl), онѣ встрѣчаются въ костяхъ отъ 0,8—1%; другая же группа заключаетъ въ себѣ соединенія растворимыя лишь въ кислотахъ, эти послѣднія, какъ мы далѣе увидимъ, образуютъ лишь весьма незначительную часть костной золы. Всѣ почти авторы, писавшіе о химическомъ составѣ костей, разсматриваютъ хлористыя соединенія какъ постороннюю примѣсь, не принадлежащую костной ткани. Такимъ образомъ мы находимъ у Bibra [1]), Besanez'a [2]) и особенно у Heintz'a [3]), что собственно костная масса свободна отъ хлористыхъ соединеній, присутствіе которыхъ всѣ они относятъ на счетъ проходящихъ въ кости кровеносныхъ сосудовъ, содержимаго ихъ и вообще жидкостей, проникающихъ кость. Мнѣнія эти далеко несправедливы, потому что если свѣжую, очищенную отъ окружающихъ тканей, кость и притомъ приведенную въ возможно мелкій порошокъ мы обработаемъ послѣдовательно водою и алкоголемъ, то наконецъ дойдемъ до того, что въ водѣ, въ которой былъ вываренъ костный порошокъ, мы не въ состояніи открыть ни малѣйшихъ признаковъ хлоридовъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что удалены всѣ хлористыя соединенія, растворимыя въ водѣ и не принадлежащія кости. Пережигая подобный костный порошокъ до бѣла и измельчивъ его возможно мелко, мы, кипятя его съ водою снова въ фильтратѣ, найдемъ значительное количество хлора, который чтобы удалить вполнѣ, по-

---

[1]) Loc. cit., pag. 99.

[2]) Physiologische Chemie.

[3]) Poggendorff's Ann. d. Physik u. Chemie, Bd. 77, pag. 281 и 287.

требуется многократной обработки костнаго порошка горячею водою. Эти послѣднія хлористыя соединенія, состоящія изъ KCl и NaCl, уже не могутъ быть отнесены на счетъ постороннихъ примѣсей и особенно животныхъ жидкостей, но должны быть разсматриваемы, какъ принадлежность костной ткани. Отвергать ихъ мы не имѣемъ никакой причины, зная значеніе хлористыхъ соединеній въ организмѣ и богатство, съ которымъ они распространены всюду въ животномъ тѣлѣ. При повторенной нѣсколько разъ обработкѣ водою костной золы, эти хлористыя соединенія, растворимыя въ водѣ, легко можно удалить вполнѣ, причемъ, если мы подобнымъ образомъ извлеченный костный порошокъ растворимъ въ какой либо кислотѣ, напримѣръ NO_5, то въ фильтратѣ, при дѣйствіи на него $AgONO_5$, мы снова откроемъ присутствіе хлора, въ количествахъ хотя малыхъ, но вѣсомыхъ и довольно постоянныхъ, показывающихъ ясно, что соединеніе это не можетъ быть разсматриваемо какъ посторонняя примѣсь, но какъ существенная принадлежность костной ткани. Притомъ, такъ какъ анализъ этотъ всякій разъ производимъ былъ не иначе какъ надъ мельчайшимъ порошкомъ костной золы, предварительно вываренной многократно въ водѣ до тѣхъ поръ, пока въ фильтратѣ извѣстными реактивами нельзя было открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ хлоридовъ, то естественно, что образовавшійся осадокъ AgCl въ кисломъ растворѣ костной золы не можетъ быть относимъ на счетъ недостаточной обработки костнаго порошка водою и, слѣдовательно, присутствія NaCl или другихъ ему подобныхъ соединеній, растворимыхъ въ водѣ. Само собою разумѣется, что хлоръ въ этомъ послѣднемъ случаѣ долженъ принадлежать извести, оставшейся въ небольшомъ количествѣ, какъ избытокъ той, которая не вошла въ соединеніе съ Fl.

Я уже выше показалъ, что недостаточно чистый матеріалъ есть положительно единственная причина тѣхъ значительныхъ колебаній въ анализахъ костной ткани, какія мы встрѣчаемъ у всѣхъ авторовъ. На обстоятельство это впервые обращено было вниманіе Эдвардса, показавшаго своими изслѣдованіями, что дѣйствительно причина несогласій въ результатахъ анализовъ зависѣла отъ дурной обработки костей для анализа. Работа Эдвардса о химическомъ составѣ костей есть, по моему мнѣнію, лучшая изъ всѣхъ въ этомъ направленіи; въ ней мы находимъ уже весьма незначительныя разности въ числахъ анализовъ, которыя весьма вѣроятно могли бы быть еще менѣе, если бы на предварительную обработку костей обращено

было болѣе вниманія. Для доказательства я приведу здѣсь одинъ изъ его анализовъ [1]).

Кошка (fem.) — компактное вещество костей.

	Femur	Tibia
Хрящевой ткани . . .	31,40	31,80
Жира	1,04	1,10
$3CaO,PO_5$	58,33	58,00
CaO,CO_2	9,23	9,10
	100,00	100,00
Органическихъ веществъ .	32,44	32,90
Минеральныхъ » .	67,56	67,10

Подобныхъ результатовъ, столь согласныхъ, мы много встрѣчаемъ въ его работѣ; они указываютъ несомнѣнно на причину ошибокъ всѣхъ авторовъ, у которыхъ мы не находимъ даже двухъ анализовъ, гдѣ бы числа столь близко совпадали другъ съ другомъ, какъ это мы видѣли у Эдвардса. Изъ приведеннаго примѣра работы Эдвардса и нѣкоторыхъ другихъ, на которыхъ я укажу далѣе, необходимо слѣдуетъ принять, что *костная ткань представляетъ собою химическое соединеніе, въ которомъ всѣ слои, образующія минеральную часть костей, постоянно встрѣчаются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, которыя индивидуально у каждаго животнаго, принадлежащаго къ извѣстному роду, остаются постоянными и мѣняются лишь незначительно, сообразно зоологическимъ разностямъ животныхъ.* Положеніе это составляло цѣль моей работы, которая поэтому состояла изъ изслѣдованія костной ткани вообще у различныхъ животныхъ, съ цѣлію убѣдиться, на сколько предположенія мои были справедливы относительно неточности тѣхъ работъ о химическомъ составѣ костей, какія мы уже имѣемъ отъ другихъ авторовъ, и наконецъ — изъ экспериментовъ, которые окончательно должны были, такъ или иначе, рѣшить мой вопросъ. Прежде чѣмъ я приступлю къ изложенію моихъ изслѣдованій, считаю не лишнимъ сдѣлать краткій обзоръ тѣхъ изъ работъ относящихся къ моему предмету, которыя имѣли задачею своею доказать въ томъ или другомъ отношеніи химическій составъ костей въ опредѣленныхъ соединеніяхъ.

Извѣстно, что кости состоятъ, съ одной стороны, изъ органическихъ веществъ, съ другой—изъ минеральныхъ; эти послѣднія, кромѣ

[1]) Ann. des sciences naturelles; Ser. 4, T. XIII, pag. 142.

незначительнаго количества сѣрнокислыхъ соединеній, главнымъ образомъ состоятъ изъ пяти солей, изъ которыхъ четыре основаніемъ имѣютъ известь ($3CaO,PO_5$; $CaOCO_2$; CaCl и CaFl) а пятая магнезію ($PO_5 3MgO$). Такимъ образомъ мы видимъ, что кости суть результатъ соединенія органическихъ и неорганическихъ частей вмѣстѣ; но образуютъ ли обѣ части другъ съ другомъ соединеніе химическое или же простую механическую смѣсь, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Идея, что обѣ сказанныя части находятся другъ съ другомъ въ химическомъ соединеніи, какъ видно, приходила уже нѣкоторымъ на мысль, но, ненаходя себѣ опоры въ существующихъ доселѣ анализахъ, оставалась лишь предположеніемъ, на которое смотрѣли съ недовѣріемъ. Дѣйствительно, иначе и быть не могло, потому что химическія изслѣдованія, могущія единственно рѣшить этотъ вопросъ, прямо опровергали, и лишь гистологическія данныя служили его основою. Мы знаемъ, что, дѣйствуя на кость разведенными минеральными кислотами или щелочами, мы въ первомъ случаѣ удалимъ изъ нея минеральныя, а во второмъ органическія составныя части; такимъ образомъ мы можемъ, слѣдовательно, по произволу нашему, оставлять то землистый, то хрящевой остатокъ кости; какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ, получаемые этимъ способомъ остатки сохраняютъ вполнѣ, до малѣйшихъ подробностей, не только форму, но и первоначальное строеніе кости. Обстоятельство это, очевидно, говоритъ въ пользу химическаго соединенія минеральныхъ и органическихъ частей костей другъ съ другомъ, потому что, если бы здѣсь существовала лишь механическая смѣсь, то естественно, что уничтоженіе одной какой либо изъ выше сказанныхъ составныхъ частей кости повлекло бы за собою уничтоженіе первоначальной структуры и пустые промежутки въ костномъ остаткѣ. Далѣе, какъ доказательство, что минеральныя составныя части распространены равномѣрно въ органическомъ веществѣ кости, служитъ то обстоятельство, что если тонкую костную пластинку, изъ которой удалены хрящевыя начала, смочить растворомъ AgO,NO_5, то подъ микроскопомъ мы замѣтимъ, что пластинка на всѣхъ ея точкахъ равномѣрно окрашена желтымъ цвѣтомъ ($3AgO,PO_5$), чего бы произойти не могло, если бы фосфорнокислая известь кости была расположена неравномѣрно. Наконецъ, процессъ окостенѣнія кости несомнѣнно доказываетъ химическое соединеніе въ костяхъ. Такимъ образомъ мы знаемъ, что каждая отдѣльная точка окостененія содержитъ въ себѣ столько же неорга-

ническихъ солей сколько и вполнѣ сформированная кость, т. е. такая, гдѣ процессъ окостененія уже вполнѣ окончился, что конечно не имѣло бы мѣста въ томъ случаѣ, если бы минеральныя соли росли чрезъ постепенное отложеніе ихъ въ основное вещество костей. Факты эти, очевидно, хотя убѣдительны, однакожъ еще не рѣшаютъ вполнѣ вопроса о характерѣ соединенія органическихъ и минеральныхъ частей кости между собою; поэтому нѣкоторые, стараясь убѣдиться, есть ли отложеніе известковыхъ солей въ основномъ веществѣ механическое или же они образуютъ съ нимъ соединеніе химическое въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, пытались искусственно сдѣлать подобное соединеніе. Такимъ образомъ Frerichs [1]) нашелъ, что если къ раствору $3CaO,PO_5$ въ HCl, прибавить раствора животнаго клея и затѣмъ изъ смѣси, помощію NH_3, осадить $3CaO,PO_5$, то эта послѣдняя увлекаетъ за собою довольно значительное количество клея, который не можетъ быть удаленъ изъ осадка промываніемъ послѣдняго огромнымъ количествомъ горячей воды. Подвергая изслѣдованію осадокъ, обработанный водою до тѣхъ поръ, пока фильтратъ при дѣйствіи на него извѣстныхъ реагентовъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ слѣдовъ клея, Frerichs нашелъ въ остаткѣ все еще значительное количество сего послѣдняго. Пережигая осадокъ, найдено, что въ 100 частяхъ его содержится 18,6 клея. Повторяя подобные опыты съ клеемъ, полученнымъ чрезъ кипяченіе оссеина съ водою онъ замѣтилъ, что осадки въ этомъ случаѣ содержали болѣе органическаго вещества, чѣмъ мы это выше видѣли: онъ находилъ на 100 ч. осадка 28,2; 27,4; 24,4 клея. Изъ этихъ опытовъ Frerichs выводитъ заключеніе въ пользу химическаго соединенія органическихъ и минеральныхъ частей кости между собою. Далѣе, подобные же опыты дѣланы были Биброю [2]), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что къ профильтрованному раствору CaO (Kalkerde) въ соляной кислотѣ, приготовленному такимъ образомъ, что эта послѣдняя была вполнѣ насыщена известью, онъ прибавлялъ животнаго клея и затѣмъ къ горячей смѣси—$NaOPO_5$, но не въ избыткѣ; этимъ способомъ онъ получалъ осадки, въ которыхъ количество клея, среднимъ числомъ изъ семи анализовъ, равнялось 24,7. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ къ смѣси прибавляемъ былъ фосфорнокислый натръ въ избыткѣ, по-

[1]) Ueber die chemische Zusammensetzung der menschlichen Knochen — Ann. der Chemie und Pharmac. Bd. 43, pag. 251.

[2]) Loc. cit., pag. 62.

лучались осадки, въ которыхъ содержаніе клея было значительно менѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ (17,45; 21,46; 17,19; 17,47; 18,93), и несовпадающіе результаты. Наконецъ, тѣ же самые опыты и въ томъ же направленіи были сдѣланы Эдвардсомъ [1]), который нашелъ нѣсколько меншія числа; именно—онъ получилъ на 100 ч. осадка 16,7; 18,3; 21,7; 15,9 клея. Конечно, строго говоря, изъ вышеприведенныхъ чиселъ не видно, чтобы фосфорнокислая известь образовала съ клеемъ постоянное опредѣленное соединеніе; однако Эдвардсъ все таки разсматриваетъ его какъ химическое. Онъ говоритъ — on pourrait arguer de ce fait pour nier dans ce cas l'existence d'une combinaison chimique, mais cette objection ne me paraît avoir aucune importance; en effet, combien n'y a-t-il pas de combinaisons que les influences les plus faibles détruisent, dont les éléments se séparent quelquefois sans causes apparentes, tandis qu'ici au contraire, quelle que soit la quantité d'eau employée, je n'ai jamais pu enlever au sel terreux la totalité de gélatine qu'il retenait?

Очевидно, что несмотря на всѣ натяжки, которыя дѣлаетъ Эдвардсъ, они мало говорятъ въ пользу его мнѣнія, и мы не вправѣ, основываясь лишь на вышесказанныхъ работахъ и результатахъ ихъ, признать химическое соединеніе между органическими и минеральными веществами костей, хотя собственно говоря, по принципу, идея Edwards'a совершенно справедлива. Опыты эти неудовлетворяютъ цѣли, которой можно было бы достигнуть гораздо легче и вѣрнѣе путемъ обыкновеннаго анализа; притомъ же условія образованія костей въ организмѣ животныхъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ ходомъ искусственнаго образованія костной массы, какое мы видѣли выше. И такъ, слѣдовательно, вопросъ, какимъ образомъ соединены между собою органическія и минеральныя составныя части костей, остается нерѣшеннымъ. Оставляя его въ сторонѣ, какъ не относящійся прямымъ образомъ къ нашему предмету, мы обратимъ вниманіе на отношеніе обѣихъ сказанныхъ составныхъ частей другъ къ другу. Лишь въ весьма немногихъ работахъ мы встрѣчаемъ, что отношенія органическихъ и минеральныхъ частей костей между собою постоянны; такимъ образомъ Sappey [2]) изображаетъ ихъ отношеніемъ 32 : 68; онъ нашелъ, что отношеніе это во всѣхъ костяхъ скелета, во всѣхъ возрастахъ и полахъ остается по-

[1]) Loc. cit., pag. 149.

[2]) Traité d'anatomie descriptive, T. I, pag. 10.

стоянно одинаковымъ. То же самое мы встрѣчаемъ у Nelaton'a [1]), который, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, весьма настойчиво защищаетъ мнѣніе о химическомъ составѣ костей въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Онъ говоритъ — les proportions des parties terreuses et organiques sont les mêmes à tous les âges de la vie. Le tissu osseux n'est pas simplement un mélange de sels calcaires, il y a combinaison entre ces deux éléments, et cette combinaison s'opère constamment dans les mêmes proportions; en un mot, le tissu osseux est un composé défini.

Этотъ обзоръ немногихъ работъ, имѣвшихъ задачею доказать химическое соединеніе въ костяхъ, показываетъ намъ, что идея эта не нова и что, преслѣдуя ее, всегда можно, при соблюденіи извѣстныхъ условій, получить удовлетворительные результаты. Условія эти, на которыя я указалъ уже выше, могутъ быть представлены въ двухъ главныхъ положеніяхъ: 1) матеріалъ для химическаго анализа непремѣнно долженъ быть абсолютно чистымъ отъ всѣхъ какъ плотныхъ, такъ равно и жидкихъ акцессорныхъ тканей, — достигнуть этого трудно, но возможно; 2) всѣ составныя части необходимо опредѣлять прямымъ образомъ, а не вычисленіемъ.

Работа моя надъ составомъ костной ткани распадалась на два отдѣла — на опредѣленіе состава костей вообще у различныхъ животныхъ, у которыхъ кости взяты были при обыкновенныхъ условіяхъ ихъ жизни и наконецъ на экспериментальный отдѣлъ. Полученные въ обоихъ случаяхъ результаты я представлю въ отдѣльныхъ таблицахъ и наконецъ изложу ихъ вмѣстѣ при общемъ обзорѣ моего труда; здѣсь же считаю необходимымъ сказать подробно о приготовленіи костей для анализа и объ аналитическихъ методахъ, которымъ я постоянно слѣдовалъ при рѣшеніи моего вопроса [2]).

Методъ опредѣленія флуора въ костяхъ. Аналитическая химія мало представляетъ намъ средствъ для количественнаго опредѣленія флуора; изъ небольшаго числа существующихъ методовъ мы не имѣемъ ни одного, который можно было бы примѣнить къ тѣмъ случаямъ, гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи его въ соединеніяхъ небогатыхъ имъ, безъ того, чтобы не получить ошибки, которой, не-

[1]) Éléments de pathologie chirurgicale.

[2]) Способъ очищенія костей, равно какъ и химическіе методы, за исключеніемъ изъ нихъ того, которымъ пользовался я для опредѣленія флуора, описаны уже однажды мною въ одномъ изъ отчетовъ (См. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Ч. CXXV, отд. III, стр. 133), почему приводить ихъ здѣсь снова считаю лишнимъ.

рѣдко при лучшемъ желаніи, невсегда возможно избѣжать. Ошибки тѣмъ возможнѣе, чѣмъ бѣднѣе соединеніе флуоромъ. Испытавъ нѣсколько методовъ, я наконецъ остановился на способѣ предложенномъ Kobell'емъ [1]), измѣненномъ однако нами въ нѣкоторыхъ частностяхъ [2]). Методъ этотъ основывается на дѣйствіи HFl на стекло и состоитъ въ слѣдующемъ. Въ платиновый тигель, по возможности высокій, кладутъ извѣстное количество (3—4 grmm.) костной золы или другаго какого вещества, въ которомъ желаютъ опредѣлить флуоръ; затѣмъ осторожно вносятъ въ тигель куски стекла, предварительно очищеннаго и абсолютно сухаго, наполняютъ имъ тигель почти до краевъ и, наконецъ, вливаютъ въ него столько концентрированной SO_3, чтобы она совершенно покрывала собою всю массу находящагося стекла. Наполненный сказаннымъ образомъ тигель ставятъ на песчаную баню и покрываютъ его стекляннымъ колоколомъ, въ сводѣ котораго находится отверстіе, плотно закрывающееся пробкою, чрезъ которую проходитъ изогнутая подъ прямымъ угломъ трубка, соединяющаяся свободнымъ ея концемъ съ другою, содержащею въ себѣ CaCl, и наконецъ эта послѣдняя съ аспираторомъ. Уставивши такимъ образомъ снарядъ, нагрѣваютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней песчаную баню до 100° C. и пропускаютъ въ колоколъ сухой воздухъ. По истеченіи 5—7 дней подобнаго нагрѣванія, возвышаютъ температуру, пока сѣрная кислота начнетъ испаряться; затѣмъ тиглю даютъ подъ колоколомъ остынуть, сливаютъ сѣрную кислоту, стекло же осторожно вынимаютъ изъ тигля, промываютъ его водою отъ приставшаго къ нему CaO,SO_3, прокаливаютъ его въ тиглѣ и, по охлажденіи, взвѣшиваютъ. Разница въ вѣсѣ покажетъ намъ убыль въ стеклѣ, причемъ, если намъ извѣстно въ этомъ послѣднемъ количество SiO_2, то легко вычислить изъ полученной убыли въ стеклѣ количество флуора въ костной землѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣрность результатовъ вполнѣ зависитъ отъ продолжительности операціи, которая чѣмъ поспѣшнѣе сдѣлана будетъ, тѣмъ бо̀льшую повлечетъ за собою ошибку. Эта послѣдняя очевидно обусловливается недостаткомъ времени, необходимымъ для полнаго разложенія вещества, которое значи-

---

[1]) Ueber die quantitative Bestimmung des Fluors etc. Journ. f. prakt. Chemie Bd. 92, pag. 385.

[2]) Hoppe—Seyler—Handbuch d. physiolog.- и pathologisch-chemischen Analyse; 2 Aufl., pag. 373, Berlin 1865.

тельно замедляется образующеюся въ верхнихъ слояхъ анализируемаго вещества CaO,SO_3, сквозь которую трудно проникаетъ сѣрная кислота и слѣдовательно, такимъ образомъ, мы можемъ получить меньшее количество флуора, чѣмъ сколько его было на самомъ дѣлѣ. Для подобнаго анализа необходимо брать стекло, составъ котораго намъ былъ бы положительно извѣстенъ и которое бы даже при продолжительномъ на него дѣйствіи горячей сѣрной кислоты или ея паровъ не теряло своего вѣса. Послѣднему условію вполнѣ удовлетворяетъ стекло, изъ котораго приготовляютъ трубки для элементарнаго анализа (Kaliglas); ихъ я разбивалъ въ грубые куски и по возможности отшлифовывалъ неровные края ихъ, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть потери, могущей произойти вслѣдствіе тренія кусковъ между собою. Методъ этотъ, какъ показали изслѣдованія веществъ, въ которыхъ количественное содержаніе Fl намъ положительно извѣстно (кріолитъ, CaFl и др.), даетъ результаты весьма близкіе къ истинѣ, и въ этомъ отношеніи онъ не уступаетъ методу Koßell'я болѣе сложному и невсегда выгодному. Наконецъ, къ удобствамъ нашего метода нужно отнести то обстоятельство, что онъ никогда не покажетъ болѣе флуора, чѣмъ сколько дѣйствительно находится его въ изслѣдуемомъ веществѣ.

И такъ, пользуясь вышеизложенными аналитическими методами при изслѣдованіяхъ моихъ надъ опредѣленіемъ химическаго состава костной ткани у различныхъ животныхъ вообще, я сдѣлалъ цѣлый рядъ анализовъ, результаты которыхъ прямо указываютъ на химическій опредѣленный составъ костей, а не на простую механическую смѣсь составныхъ частей, входящихъ въ образованіе костной массы. Въ представленныхъ ниже таблицахъ, заключающихъ результаты анализовъ костей, взятыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ жизни животныхъ, мы всюду замѣчаемъ постоянное отношеніе какъ общей массы органическихъ и минеральныхъ частей между собою, такъ равно и отдѣльныхъ солей другъ къ другу. Въ таблицахъ этихъ если мы встрѣчаемъ кое-какія незначительныя неровности, то ихъ легко можно объяснить тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ въ ходѣ анализа; притомъ, неровности эти такъ незначительны, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ опровергать собою истины моего вопроса, который я такъ долго преслѣдовалъ.

Анализъ.	Родъ животныхъ.	Количество костей.	Неорганическихъ составныхъ частей.	Органическихъ составныхъ частей.	CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	AgCl.	Cl.
1	Волъ.	9,3335	6,3084	3,0251	—	—	—	—	—	—
2		2,3051	1,5732	0,7319	—	—	—	—	—	—
3		0,8199	0,5602	0,2597	—	—	—	—	—	—
4		6,8651	4,7148	2,1503	—	—	—	—	—	—
5		12,8472	8,6080	4,2392	—	—	—	—	—	—
6		24,1150	16,4050	7,7100	—	—	—	—	—	—
7		4,3420	—	—	0,1822	—	—	—	—	—
8		3,9499	—	—	0,1542	—	—	—	—	—
9		4,7631	—	—	0,2029	—	—	—	—	—
10		5,1050	—	—	0,2259	—	—	—	—	—
11		5,6221	—	—	0,2246	—	—	—	—	—
12		5,0099	—	—	0,2197	—	—	—	—	—
13		2,5453	—	—	0,1090	—	—	—	—	—
14		—	1,5551	—	—	—	—	—	0,0152	0,003758
15		—	2,8403	—	—	—	—	—	0,0169	0,004178
16		—	1,8766	—	—	—	—	—	0,0148	0,003659
17		—	4,3422	—	—	—	—	—	0,0392	0,009692
18		—	4,9821	—	—	2,7010	0,0235	1,9904	0,0409	0,010112
19		—	5,8730	—	—	3,1793	0,0259	2,3451	0,0457	0,011299
20		—	3,9499	—	—	2,1285	0,0185	1,5813	—	—
21		—	5,6221	—	—	2,9999	0,0268	2,2324	—	—
22		—	2,5472	—	—	1,3718	0,0128	1,0145	—	—
23	Человѣкъ.	11,0242	7,2130	3,8112	—	—	—	—	—	—
24		6,7954	4,4529	2,3425	—	—	—	—	—	—
25		14,9054	9,7272	5,1782	—	—	—	—	—	—
26		16,1063	10,5571	5,5492	—	—	—	—	—	—
27		—	2,3315	—	—	—	—	—	0,0176	0,004351
28		—	2,6750	—	0,1517	1,4082	0,0134	1,0298	—	—
29		—	3,5430	—	0,2052	1,8800	0,0169	1,3728	—	—
30		—	1,1856	—	—	0,6242	0,0048	0,4584	—	—
31		—	2,6300	—	—	1,3930	0,0137	1,0262	—	—
32	Черепаха (Testudo graec.)	8,1004	5,1524	2,9480	—	—	—	—	—	—
33		17,5549	10,9348	6,6201	—	—	—	—	—	—
34		0,6642	0,4201	0,2441	—	—	—	—	—	—
35		—	4,2648	—	—	2,2346	0,0241	1,6493	—	—
36		3,6151	—	—	0,1203	1,1999	0,0155	0,9322	—	—
37	Морск. свинка	6,2513	4,1093	2,1420	—	—	—	—	—	—
38		10,1311	6,5614	3,5697	—	—	—	—	—	—
39		—	4,7300	—	—	—	—	—	0,0254	0,006280
40		—	3,3112	—	—	1,7889	0,0160	1,3371	—	—

въ 100 граммахъ костей.		въ 100 граммахъ золы.					въ 100 граммахъ золы.		
Неорганическихъ веществъ.	Органическихъ веществъ.	CO_2.	CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	Cl.	$PO_5 3MgO$.	$PO_5 3CaO$.	CaO въ связи съ CO_2, FlH, ClH.
67,5897	32,4113									
68,2496	31,7513									
68,325	31,674									
68,677	31,322									
67,003	32,997									
68,028	31,972									
—	—	4,196	6,172							
—	—	3,904	5,743							
—	—	4,259	6,265							
—	—	4,426	6,517							
—	—	3,995	5,876							
—	—	4,385	6,450							
—	—	4,321	6,356							
—	—	—	—	—	—	—	0,242			
—	—	—	—	—	—	—	0,147			
—	—	—	—	—	—	—	0,195			
—	—	—	—	—	—	—	0,223			
—	—	—	—	54,214	0,472	39,951	0,201	1,0305	85,9977	7,6088
—	—	—	—	54,134	0,441	39,929	0,192	0,9268	86,0298	7,5114
—	—	—	—	53,887	0,468	40,034	—	1,0217	86,1894	7,1779
—	—	—	—	53,359	0,477	39,708	—	1,0414	86,0192	7,0478
—	—	—	—	53,855	0,503	39,828	—	1,0981	86,2444	7,4386
65,428	34,571									
65,528	34,472									
65,259	34,741									
65,546	34,453									
—	—	—	—	—	—	—	0,183			
—	—	—	5,677	52,643	0,501	38,497	—	1,0938	83,3414	7,7985
—	—	—	5,792	53,062	0,477	38,746	—	1,0414	83,9186	7,8894
—	—	—	—	52,648	0,405	38,664	—	0,8842	83,8406	7,4714
—	—	—	—	52,965	0,521	39,019	—	1,1374	84,4535	7,4305
63,607	37,393									
62,289	37,710									
63,249	36,750									
—	—	—	—	52,396	0,565	38,672	0	1,2335	83,6339	7,4341
—	—	—	5,276	52,642	0,678	40,899	—	1,4802	88,3275	5,2035
65,735	34,264									
64,863	35,136									
—	—	—	—	—	—	—	0,133			
—	—	—	—	54,025	0,483	40,381	—	1,0545	87,3791	7,0269

Анализъ.	Родъ животныхъ.	Количество костной золы.	Потеря въ стеклѣ.	Fl.	Fl на 100 граммъ.	FlCa на 100 граммъ.
1	Волъ.	2,9710	0,0078	0,0078	0,262	0,5379
2		3,6153	0,0105	0,0105	0,290	0,5973
3		2,1150	0,0066	0,0066	0,312	0,6404
4		2,2000	0,0074	0,0074	0,336	0,6897
5	Человѣкъ.	2,5652	0,0048	0,0048	0,187	0,3838
6		2,3112	0,0051	0,0051	0,221	0,4536
7		2,8199	0,0079	0,0079	0,280	0,5768
8	Черепаха (Testudo graec.)	2,7430	0,0052	0,0052	0,189	0,3879
9		2,1038	0,0046	0,0046	0,219	0,4495
10	Rhinoceros (эмаль коренного зуба).	3,9720	0,0103	0,0103	0,259	0,5316
11		2,3051	0,0071	0,0071	0,308	0,6527

Теперь приступимъ къ изложенію второй части нашего вопроса — части экспериментальной. Мы видѣли изъ представленной таблицы, что всѣ соли, образующія общую массу минеральныхъ частей костей, находятся въ постоянныхъ отношеніяхъ другъ къ другу — спрашивается, возможно ли какими либо средствами нарушить это существующее отношеніе солей? Если это возможно, то понятно, что кость мы не вправѣ разсматривать какъ соединеніе химическое опредѣленное, и наоборотъ. Рѣшить этотъ вопросъ можно лишь параллельными опытами надъ животными, взятыми при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, но содержимыми въ теченіе опыта различно. Извѣстно, что въ массѣ минеральныхъ составныхъ частей кости преобладающими элементами, съ одной стороны, есть известь, а съ другой — фосфорная кислота; обѣ онѣ необходимы для организма и поступаютъ въ него въ значительномъ количествѣ частію съ пищею, частію съ водою. Оба эти элемента, какъ полагаютъ, входятъ, главнымъ образомъ, въ образованіе костной массы, недостатку которыхъ извнѣ приписываютъ извѣстнаго рода патологическіе процессы въ костяхъ, въ силу которыхъ эти послѣднія не только сами

измѣняются, но и обусловливаютъ другія отдаленныя страданія различныхъ органовъ и системъ. Собственно говоря, хотя на этотъ счетъ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ доказательствъ, защищающихъ сказанное выше мнѣніе, однако оно, будучи принято въ наукѣ, даетъ намъ право предполагать, что *если, при недостаткѣ извнѣ фосфорной кислоты и особенно извести, элементы эти не будутъ болѣе входить въ образованіе костной массы и если притомъ мы лишимъ животное одного какого либо изъ этихъ элементовъ въ пищѣ, тогда какъ другой доставимъ ему въ обиліи, то должны будемъ найти въ костяхъ избытокъ вводимой соли на счетъ недостатка отсутствующей.* Заключеніе это слѣдуетъ непосредственно изъ вліянія, какое пища, и особенно лишеніе животныхъ извести въ ней, оказываетъ на составъ костей. Какъ велико вліяніе рода пищи на химическій составъ костной ткани, объ этомъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, равно какъ не знаемъ, дѣйствительно ли при введеніи въ организмъ извести она входитъ въ образованіе костной массы и такимъ образомъ помогаетъ заживленію болѣзненныхъ процессовъ въ костяхъ, противъ которыхъ ее обыкновенно назначаютъ. Прежде чѣмъ перейду я къ изложенію результатовъ моихъ опытовъ надъ голубями, я считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь обзоръ тѣхъ работъ, которыя имѣли цѣлію своею опредѣленіе вліянія свойствъ пищи и особенно извести на составъ костей.

Въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ весьма мало работъ и притомъ далеко, во многихъ отношеніяхъ, недостаточныхъ, результаты которыхъ часто въ основаніяхъ противорѣчатъ другъ другу. Всѣ, доселѣ существующіе, труды о вліяніи пищи на составъ костной массы можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ имѣли задачею опредѣлить вліяніе лишенія извести въ пищѣ на измѣненіе костей, другіе же—вліяніе безъ-азотистой пищи. Къ первой категоріи принадлежатъ изслѣдованія Chossat [1]), Bibra [2]), Falck'a [3]) и Edwards'a [4]), ко второй же—Boussingault [5]), Guérin'a, Edwards'a [6]) и

[1]) Compt. rend. de l'académ. des sciences; 1842. T. XIV, pag. 451.

[2]) Op. cit., pag. 57.

[3]) Schmidt's Jahrbücher. 1850, pag. 261.

[4]) Gazette hebdom. III. 15, 17. 1856.

[5]) Sur le développement de la subst. minérale dans le système osseux de porc—Ann. de Chim. et de physique, T. XVI (3 série), pag. 486.

[6]) Loc. cit., pag. 184.

нѣкоторыхъ другихъ. Разберемъ первыя изъ нихъ какъ такія, которыя прямо относятся къ нашему вопросу.

Chossat производилъ свои опыты надъ голубями, которыхъ онъ кормилъ до десяти мѣсяцевъ зерномъ, очищеннымъ отъ посторонних примѣсей и особенно отъ песку и камней, давая имъ пищу въ опредѣленныхъ количествахъ, для питья же воду (какую?) Въ теченіи подобнаго содержанія, Chossat замѣтилъ, что животныя, въ началѣ переносившія хорошо эту діэту и даже жирѣвшія, начали, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, употреблять воду въ количествахъ отъ 2—8 разъ большихъ, чѣмъ прежде; экскременты сдѣлались жидкими, явился поносъ, а съ этимъ вмѣстѣ вѣсъ тѣла началъ уменьшаться; голуби худѣли и наконецъ умирали послѣ 8—9 мѣсяцевъ опыта. При вскрытіи найдено у голубей сильное утонченіе костей, костное вещество на многихъ мѣстахъ уничтоженное до такой степени, что на нѣкоторыхъ пространствахъ скелета осталось лишь periosteum, по удаленіи котораго кости, какъ говоритъ Chossat, *ressemblaient á une dentelle.* Изъ этихъ наблюденій, во многихъ отношеніяхъ недостаточныхъ, Chossat выводитъ слѣдующія заключенія: 1) известковыя соли костной ткани могутъ резорбироваться въ огромномъ количествѣ; 2) всасываніе ихъ совершается медленно, постепенно, и обусловливается отсутствіемъ примѣси известковыхъ частицъ къ корму, чрезъ что кости нечувствительно утончаются, является fragilitas ossium и затѣмъ смерть. Опыты эти я считаю незаслуживающими вѣроятія, особенно взявъ во вниманіе то обстоятельство, что подобные эксперименты, дѣланные другими наблюдателями, никогда, даже при лучшихъ условіяхъ, не показали тѣхъ измѣненій въ костяхъ, какія мы видѣли выше. Чтобы показать, что опыты не лишены ошибокъ и многія обстоятельства объяснены иначе, чѣмъ бы слѣдовало, я разберу ихъ здѣсь. Прежде всего, изъ вышеприведеннаго опыта не видно, чтобы животныя абсолютно лишены были извести въ принимаемой ими пищѣ а особенно водѣ, потому что не сказано, какую именно воду получали они для питья. Далѣе, появившійся у голубей поносъ, который Chossat называетъ *diarrhée par insuffisance de principes calcaires*, вовсе не зависитъ, какъ онъ ошибочно полагалъ, отъ недостатка извести въ пищѣ, а находился въ связи съ употребленіемъ животными большаго количества воды. Наконецъ, что окончательно уничтожаетъ достоинство его опытовъ и довѣріе къ нимъ, это то, что онъ не представилъ анализа костной ткани голубей, такъ что мы положительно не можемъ судить, было ли въ данномъ

случаѣ утонченіе костей и перфорація въ нихъ въ зависимости отъ уничтоженія неорганическихъ лишь составныхъ частей или же вмѣстѣ съ этимъ было и уменьшеніе массы органическихъ веществъ въ нихъ.

Подобные же опыты мы находимъ у Falck'a; эксперименты его были также производимы надъ птицами, которыхъ онъ кормилъ пшеницею въ соединеніи съ кварцемъ, для питья же давалъ обыкновенную воду. При этомъ онъ нашелъ, что, при подобной діэтѣ, у животныхъ всѣ органы постепенно приходили въ атрофическое состояніе, преимущественно мускулы жизни животной; кости и особенно грудная бѣдны были известковыми солями. На чемъ основано послѣднее предположеніе, трудно сказать, потому что я не встрѣтилъ ни одного анализа, который бы цифрою подтвердилъ то, что Falck высказалъ, какъ кажется, на обумъ. Результаты этихъ опытовъ сходны частію съ тѣми, которые мы видѣли у Chossat, съ тѣмъ однако отличіемъ, что утонченіе костей здѣсь было далеко не такъ сильно, какъ это находилъ Chossat; далѣе, животныя не выдерживали долго подобной діэты, но умирали отъ изнуренія послѣ 32—40 дней, при сильномъ поносѣ. Наконецъ, остается намъ сказать объ опытахъ Бибры и Эдвардса.

Bibra производилъ опыты надъ курицами, находившимися въ періодѣ несенія яицъ. Одну изъ нихъ онъ кормилъ картофелемъ и отборнымъ ячменемъ, другая же получала то же содержаніе, но съ прибавленіемъ извести (Mörtel). Первое изъ этихъ животныхъ, клавшее доселѣ совершенно правильно сформированныя яйца, уже по истеченіи восьми дней подобнаго содержанія начала давать яйца съ весьма тонкою и ломкою скорлупою, а затѣмъ и эта послѣдняя изчезла, такъ что, вмѣсто ея, яйца уже одѣты были лишь тонкою бѣлою пленкою; чрезъ три недѣли заключенія своего курица перестала класть вовсе яйца. Другое же животное, напротивъ, во все теченіе опыта продолжало отправлять извѣстную функцію обычнымъ порядкомъ и съ тою регулярностію, какъ это было на свободѣ. Чрезъ шесть недѣль обѣ курицы были убиты, и кости ихъ затѣмъ подвергнуты анализу — здѣсь я представляю среднія числа изъ 3-хъ анализовъ.

Количественный составъ костей курицы, получавшей известь:		не получавшей.
Органическихъ веществъ . . .	21,28	31,38
Неорганическихъ	78,72	68,62

CaO,PO_5	66,27	56,78
CaO,CO_2	9,58	9,36
MgO,PO_5	2,27	1,81
Солей растворимыхъ въ водѣ . .	0,27	0,67
Хрящеваго вещества	20,55	30,53

Таблица эта очевидно показываетъ увеличеніе въ первомъ случаѣ всѣхъ минеральныхъ составныхъ частей костной массы и уменьшеніе органическихъ, во второмъ же—наоборотъ. Далѣе, мы видѣли изъ прежнихъ приведенныхъ мною опытовъ, что при недостаткѣ извести извнѣ, эта послѣдняя уничтожается въ костяхъ; опыты же Бибры показываютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаются всѣ остальныя неорганическія части костей, т. е., что всѣ минеральныя соли въ костяхъ находятся въ тѣсной другъ съ другомъ связи и что, слѣдовательно, уменьшеніе одной изъ нихъ влечетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе нормы въ другой. Опытамъ этимъ, впрочемъ, можно сдѣлать то возраженіе, что они не доказываютъ того, что силился объяснить ими авторъ. Именно — они не суть доказательство, что известь, поступивъ въ организмъ, потребляется на образованіе костей, напротивъ, они указываютъ лишь, что при извѣстныхъ состояніяхъ организму необходима известь, при недостаткѣ которой прекращаются извѣстныя функціи его. Вообще, опыты Бибры необходимо разсматривать какъ исключительные, потому что они производимы были надъ животными, которыхъ организмъ находился внѣ обыкновенныхъ его условій. Что птицы во время несенія яицъ употребляютъ известь въ огромномъ количествѣ, это есть фактъ, неподлежащій сомнѣнію и извѣстный даже простому народу; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что при недостаткѣ извести курица перестала класть яйца и даже понесла потерю въ минеральныхъ частяхъ костной ткани. Трудно, однако, рѣшить, на сколько послѣднее вѣроятно; но, во всякомъ случаѣ, еще никѣмъ не доказана возможность потери въ костяхъ извести, во время свободное отъ несенія яицъ и вообще беременности.

И такъ, изъ возраженій, сдѣланныхъ мною, опытамъ Chossat, Falck'a и Bibra очевидно слѣдуетъ, что мы не имѣемъ въ наукѣ никакихъ положительныхъ опытовъ, которые указывали бы на значеніе вводимой въ организмъ извести, какъ образовательнаго элемента костей, равно какъ и незнаемъ послѣдствій абсолютнаго лишенія животныхъ извести. Спрашивается, откуда же ведетъ начало убѣжде-

ніе врачей о пользѣ известковыхъ препаратовъ въ болѣзняхъ костей, и на чемъ оно основано? Ясно, что ни на чемъ, кромѣ необходимости кормить больнаго чѣмъ ни попало. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только припомнить тѣ случаи болѣзней костей, гдѣ известь оказалась полезною, и мы тотчасъ замѣтимъ, что этіологія этихъ болѣзней намъ мало извѣстна, а еще менѣе, конечно, средства къ ея исцѣленію. Уловить эти послѣднія далеко не такъ легко, какъ грубыя патологическія измѣненія въ тѣлѣ, которыя никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не въ состояніи одни указать на средства къ исцѣленію той или другой болѣзни. Если, съ одной стороны, патологическая анатомія показываетъ намъ въ osteomalacia, rhachitide scrophulosi и друг. измѣненія костей, которыя, какъ увѣряютъ, выражаются въ уменьшеніи неорганическихъ составныхъ частей кости, съ другой же, на основаніи этого, клиническія наблюденія указываютъ пользу извести, подъ вліяніемъ которой уничтожаются иногда сказанные болѣзненные процессы, то это не даетъ намъ еще правъ разсматривать известь какъ образовательный элементъ костей, т. е. какъ такое вещество, которое, будучи назначено врачемъ въ желудокъ больнаго, непремѣнно достигнетъ костей. Совсѣмъ нѣтъ — желудокъ не есть почтовое бюро, и если дѣйствительно известь бываетъ полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзней костей, то всегда не прямо, а вѣроятно она дѣйствуетъ здѣсь, уничтожая неизвѣстную для насъ причину, а быть можетъ и другую болѣзнь въ тѣлѣ, которая и обусловливала собою страданіе костей, противъ котораго мы главнымъ образомъ направляли наше леченіе. Далѣе, возьмемъ самый простой и обыкновенный патологическій процессъ въ костяхъ—переломъ и послѣдовательное затѣмъ образованіе костнаго спая. Ни одинъ изъ этихъ случаевъ не обходится безъ назначенія больному известковыхъ препаратовъ, а между прочимъ научной этому основы нигдѣ не встрѣчаемъ, кромѣ опытовъ Milne-Edwards'a. Стараясь рѣшить вопросъ о пользѣ известковыхъ препаратовъ, какъ вспомогательнаго средства при образованіи костнаго спая, Edwards дѣлалъ произвольно собакамъ и кроликамъ переломы костей и нашелъ, что образованіе спая и его оплотнѣніе совершалось скорѣе у тѣхъ животныхъ, которымъ былъ даваемъ пережженый костный порошокъ, чѣмъ у тѣхъ, которыя его не получали. Опыты эти не логичны: всякому извѣстно, что скорость заживленія перелома и образованія спая зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, главное же отъ формы перелома. Спрашивается, чѣмъ Edwards могъ ручаться, что онъ въ

каждомъ данномъ случаѣ производилъ всегда одну и ту же форму перелома, не осложняя его обстоятельствами, вліявшими на скорость заживленія? Впрочемъ, вопросъ этотъ, какъ неимѣющій прямой связи съ задачею, которую я преслѣдовалъ, не можетъ имѣть здѣсь мѣста, поэтому я приступлю къ изложенію моихъ экспериментовъ, имѣвшихъ цѣлію опредѣлить, можетъ ли быть нарушено выше доказанное нами, постоянно существующее, отношеніе минеральныхъ частей кости другъ къ другу на счетъ вводимаго нами въ организмъ соединенія.

Для рѣшенія моей задачи, я избралъ предметомъ опыта птицъ — молодыхъ едва оперившихся голубей, взятыхъ изъ одного гнѣзда, одинаковаго возраста и отъ однихъ и тѣхъ же родителей; двумъ изъ этихъ животныхъ былъ даваемъ кормъ (ячмень) съ примѣсью къ нему въ избыткѣ густой смѣси порошка мѣла (CaO,CO_2) съ водою, остальные же три голубя получали ту же пищу — изъ которой предварительно удалены были известковыя и вообще землистыя части — сильно пропитанную концентрированнымъ растворомъ NaO,PO_5; какъ тѣ такъ и другіе голуби получали для питья лишь дистиллированную воду, — первые въ соединеніи съ известью, а вторые съ фосфорнокислымъ натромъ. Во все время кормленія, продолжавшагося 103 дня, животныя были заключены въ отдѣльныя пространныя помѣщенія, гдѣ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы животныя получали лишь ту только пищу и питье, которыя были имъ назначены. Экспериментъ этотъ необходимо долженъ былъ рѣшить вопросъ мой, потому что животныя, будучи взяты при одинаковыхъ вышесказанныхъ условіяхъ, естественно должны были имѣть составъ костей одинаковый, который, съ измѣненіями внѣшнихъ обстоятельствъ, долженъ былъ измѣниться и притомъ такимъ образомъ, что у однихъ преобладающею составною частью должна быть известь, а у вторыхъ фосфорная кислота. Здѣсь я долженъ прибавить, что явленія, замѣченныя мною при жизни голубей, находились въ обоихъ случаяхъ въ совершенномъ противорѣчіи съ явленіями, описанными въ экспериментахъ Chossat и Бибры. Такимъ образомъ, во все теченіе опыта, животныя были веселы и здоровы; вѣсъ тѣла ихъ не только не уменьшился, но, напротивъ, увеличился, не смотря на то, что экскременты ихъ, вскорѣ послѣ начала опыта, сдѣлались менѣе консистентными и даже совершенно жидкими. Обстоятельство это, одинаково замѣченное мною у тѣхъ и у другихъ голубей, очевидно зависѣло не отъ лишенія извести, но находилось

въ связи съ обильнымъ употребленіемъ мокрой пищи, потому что, какъ я выше замѣтилъ, голуби получали не сухой кормъ, но сильно пропитанный растворомъ NaO,PO_5 или же смѣсью мѣла съ водою. Что касается состоянія скелетовъ по смерти того и другаго ряда животныхъ, то по наружному виду, равно какъ и при изслѣдованіи отдѣльныхъ костей микроскопомъ, не найдено въ нихъ ни малѣйшихъ другъ отъ друга отличій а еще менѣе перфорацій костной субстанціи и вообще какой бы то ни было потери въ гистологическихъ элементахъ костнаго вещества, какъ это описалъ Chossat. Обработанныя извѣстнымъ способомъ кости я подвергалъ химическому анализу, слѣдуя при этомъ строго тѣмъ же аналитическимъ методамъ, которые уже описаны выше. Этимъ способомъ я получилъ результаты, представленные въ таблицѣ:

№ опыта.	Род животных.	Количество костей.	Неорганических составных частей.	Органических составных частей.	въ 100 граммахъ костей.								въ 100 граммахъ золы.							
					CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	AgCl.	Cl.	неорганическихъ веществъ.	органическихъ веществъ.	CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	CO_2.	Cl.	$PO_5 3MgO$	$PO_5 3CaO$.	CaO въ связи съ CO_2, FlH, ClH.
1	Голуби кормящіяся CaO, CO_2.	2,5399	1,3998	1,1401	—	—	—	—	—	—	55,112	44,889	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2		4,2202	2,2999	1,9003	—	—	—	—	—	—	54,759	45,241	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3		—	0,9101	—	—	0,4905	0,0043	0,3651	0,0029	1,000716	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4		—	0,4894	—	—	0,2627	0,0023	0,1951	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5		—	0,6346	—	—	0,3422	0,0036	0,2533	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6		—	0,7050	—	—	0,3790	0,0029	0,2822	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7		—	0,4248	—	—	0,2267	0,0018	0,1700	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8		—	0,4747	—	—	0,2540	0,0022	0,1894	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9		1,8497	—	—	0,0551	0,5472	0,0049	0,4073	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10		2,7104	—	—	0,0703	0,8191	0,0065	0,5984	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Голуби кормящіяся Na_2PO_3.	3,4694	1,8897	1,5797	—	—	—	—	—	—	54,467	45,532	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12		2,6300	1,4196	1,2104	—	—	—	—	—	—	53,977	46,022	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13		—	0,6450	—	—	0,3459	0,0032	0,1791	0,0031	0,000766	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14		—	0,4651	—	—	0,2464	0,0019	0,1860	0,0020	0,000494	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15		—	0,8002	—	—	0,4265	потеряно	0,3219	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16		—	0,3149	—	—	0,1673	0,0015	0,1263	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17		—	1,0879	—	—	0,5769	0,0050	0,4357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18		1,0951	—	—	0,0332	0,3194	0,0026	0,2472	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19		2,0093	—	—	0,0604	0,5890	0,0054	0,4521	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

граммахъ костей.				въ 100 граммахъ золы.					въ 100 граммахъ золы.		
CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	CO_2.	CaO.	MgO.	PO_5.	Cl.	$PO_5 3MgO$	$PO_5 3CaO$.	CaO въ связи съ CO_2, FlH, ClH.
—	—	—	—	—	53,895	0,472	40,116	0,079	1,0305	86,358	7,0945
—	—	—	—	—	53,678	0,469	39,865	—	1,0239	85,817	7,1703
—	—	—	—	—	53,923	0,567	39,914	—	1,2379	85,6516	7,5149
—	—	—	—	—	53,758	0,411	40,028	—	0,8973	86,3234	6,9763
—	—	—	—	—	53,366	0,423	40,018	—	0,9235	86,2488	6,6247
—	—	—	—	—	53,507	0,463	39,899	—	1,0108	85,9076	6,9506
2,978	29,583	0,265	22,019	5,420	53,846	0,482	40,078	—	1,0523	86,8855	7,0385
2,593	30,221	0,239	22,077	4,719	55,007	0,435	40,184	—	0,9497	87,1167	8,0743
—	—	—	—	—	53,628	0,496	40,171	0,119	1,0829	87,0088	6,7902
—	—	—	—	—	52,980	0,408	39,991	0,106	0,8907	86,9700	6,5560
—	—	—	—	—	53,299	—	40,227	—	—	—	—
—	—	—	—	—	53,191	0,476	40,108	—	1,0392	86,8934	6,5056
—	—	—	—	—	53,028	0,459	40,049	—	1,0021	86,7884	6,2886
3,032	29,166	0,237	22,573	5,592	53,792	0,437	41,632	—	0,9541	90,2750	5,1490
3,006	29,114	0,268	22,500	5,544	53,696	0,494	41,497	—	1,0785	89,3160	5,2925

Таблица эта ясно доказываетъ, что, не смотря на столь рѣзкое различіе въ содержаніи животныхъ, количественный составъ костей какъ у тѣхъ такъ и у другихъ голубей остался одинъ и тотъ же. И такъ, взявъ во вниманіе всѣ доселѣ полученные нами результаты, я, полагаю, въ правѣ относительно состава костной ткани вывести слѣдующія заключенія:

I. Кости суть продукты химическаго соединенія извѣстныхъ органическихъ и минеральныхъ частей между собою, въ которомъ не только общее количество обоихъ сказанныхъ элементовъ находится въ опредѣленныхъ, постоянныхъ на всѣхъ точкахъ скелета пропорціяхъ, но и отдѣльныя соли, образующія общую массу костной золы, подлежатъ тому же самому закону.

II. Отношеніе въ костяхъ всѣхъ составныхъ частей: CO_2, Ca, Mg, PO_5, Cl и Fl у всѣхъ животныхъ и при всѣхъ условіяхъ постоянно.

III. Какъ костная ткань, такъ равно и зубная эмаль содержатъ въ себѣ равное количество хлора и притомъ въ соединеніи, нерастворимомъ въ водѣ — присутствіе его найдено у всѣхъ животныхъ, исключая черепахи.

IV. Почти такое же количество, какъ и хлора, въ костяхъ встрѣчается флуора и также въ соединеніи, нерастворимомъ въ водѣ.

V. Недостатокъ извести и фосфорнокислыхъ соединеній въ пищѣ животныхъ, равно какъ и избытокъ ихъ въ ней, не оказываютъ вліянія на увеличеніе или уменьшеніе какъ общей массы минеральныхъ составныхъ частей костей вообще, такъ равно и отдѣльныхъ элементовъ ихъ.

Тюбингенъ, $^{16}/_{28}$ октября 1865 года.

7) В. Миддендорфа.

1. О вулканахъ южной Америки.

Судя по бо́льшей части сочиненій, въ которыхъ говорится о географическомъ распредѣленіи вулкановъ, Чили одна изъ богатѣйшихъ вулканами странъ земнаго шара. Такъ покойный геогностъ Леонгардъ приводитъ, въ V томѣ своей популярной геологіи [1]),

[1]) «Populäre Vorlesungen über Geologie» или «Geologie oder Naturgeschichte der Erde auf allgemein fassliche Weise abgehandelt von K. C. v. Leonhard, Geheimenrathe u. Professor an der Universät Heidelberg. 5-ter Band. Stuttgart. 1844», стр. 518—520.

имена 29 или 30 вулкановъ въ Чилійскихъ Андахъ. Въ сочиненіи Добени о дѣйствующихъ и потухшихъ вулканахъ [1]) названо 24 вулкана, лежащихъ между 30° и 46° ю. ш. Подробнѣе другихъ разбираетъ географическое распредѣленіе вулкановъ Ландгребе въ своей естественной исторіи вулкановъ [2]). Онъ насчитываетъ поименно 32 чилійскихъ вулкана, отъ Янтелеса до Кокимбо; но при описаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчаетъ, что они сомнительны, и въ самомъ началѣ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «За исключеніемъ острова Явы, нѣтъ въ мірѣ страны столь богатой вулканами какъ Чили. Къ сожалѣнію, они намъ извѣстны большею частью только по имени; а извѣстія путешественниковъ или чрезвычайно скудны или противорѣчатъ одно другому до того, что чрезвычайно трудно выпутаться изъ этого лабиринта [3]).

По Науману (см. 2-е изданіе его геогнозіи [4]), въ Чили по крайней мѣрѣ 32 вулкана, составляющихъ рядъ по направленію отъ юга на сѣверъ, между $43\frac{1}{2}^0$ и $30^05'$ южной широты.

Въ предсмертномъ своемъ твореніи, Космосѣ, великій Гумбольдтъ, въ своемъ спискѣ вулкановъ, помѣщаетъ 24 чилійскихъ вулкана и въ числѣ ихъ десять понынѣ дѣйствующихъ [5]).

Въ новѣйшее время, Фуксъ [6]) полагаетъ въ Чили 33 вулкана, изъ которыхъ онъ приводитъ поименно 25, большею частью по Добени.

Съ другой стороны, уже покойный Леонгардъ высказалъ очень основательныя сомнѣнія на счетъ многочисленности чилійскихъ вулкановъ. Я привожу слова его: «Многіе изъ вулкановъ Чили до-

---

[1]) «Die noch thätigen u. erloschenen Vulkane, nach deren Verbreitung u. wichtigsten Verhältnissen von Ch. Daubeny, Professor an der Universität zu Oxford. Bearbeitet u. mit Anmerkungen versehen v. G. Leonhard. Stuttgart. 1850», стр. 266 и 267.

[2]) «Naturgeschichte der Vulkane u. der damit in Verbindung stehenden Erscheinungen von Dr. Georg Landgrebe. Gotha 1855. Wohlfeile Ausgabe». Томъ I, стр. 407—432.

[3]) Landgrebe, l. c. T. I, стр. 407 и 408.

[4]) «Lehrbuch der Geognosie v. Dr. Carl Friedrich Naumann, Professor an der Universität Leipzig. 2-te verbesserte u. vermehrte Auflage. Leipzig. 1857». T. I, отдѣл. I, стр. 96 и 97.

[5]) «Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung von Alexander von Humboldt. Stuttgart u. Tübingen. Cotta». IV Bd. 1858. стр. 550—553. Тамъ же, на стр. 317, показано 13 дѣйствующихъ чилійскихъ вулкановъ.

[6]) «Die vulkanischen Erscheinungen der Erde. Von Dr. C. W. C. Fuchs, Docent an der Universität in Heidelberg. 1865», стр. 72 и 73.

стигаютъ значительной высоты и оказываютъ сильную дѣятельность; но по словамъ новѣйшихъ наблюдателей, заслуживающихъ довѣріе, число ихъ гораздо незначительнѣе, чѣмъ полагали до сего времени. Большею частью они намъ извѣстны только по имени, какъ они означены на древнихъ картахъ, между прочимъ на картахъ средины XVII столѣтія.

Неприступность цѣпи Андовъ въ этихъ краяхъ есть одна изъ главныхъ причинъ разногласія въ мнѣніяхъ туземцевъ. Нѣкоторые изъ сколько нибудь начитанныхъ чилійцевъ вѣрятъ въ вулканы, какъ они показаны на картахъ европейцевъ, показаны въ большей части случаевъ потому, что европейцы, впервые открывшіе страну, принимали за вулканъ каждую пирамидальную вершину, каждый выдающійся конусъ, даже тогда, когда не существовало никакихъ преданій о бывшихъ прежде изверженіяхъ» [1]).

Въ новѣйшее время, извѣстный ботаникъ Р. А. Филиппи, нынѣ профессоръ университета въ Сантъ-яго-де-Чили, доставилъ намъ много драгоцѣнныхъ извѣстій о чилійскихъ вулканахъ. Вотъ что Филиппи, хорошо знакомый съ вулканами Италіи, говоритъ въ описаніи своей поѣздки къ озеру Ранко, въ Чилійской области Вальдивіи [2]): «Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать на ошибочность общепринятаго мнѣнія, будто бы въ Чили существуетъ значительное число дѣйствующихъ вулкановъ; число ихъ показываютъ даже въ 22 [3]). Въ обитаемой части Чили ихъ только три: Антуко, Вильярика и Озорно [4]). Конечно, число потухшихъ вулкановъ и сольфатаръ гораздо значительнѣе; но «Кордильера» еще слишкомъ малоизслѣдована, чтобы можно было ихъ назвать съ достовѣрностью. Чилійцы — Богъ знаетъ почему — называютъ вулканомъ каждую коническую вершину Кордильеры; а путешественники, прибывшіе въ страну съ заранѣе составленнымъ мнѣніемъ о многочисленности чилійскихъ вулкановъ, легко соблазняются этимъ названіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, до того никогда не видавшіе вулкановъ, принимаютъ за вулканическія изверженія электрическія явленія, похожія на зарницу, какъ это дѣлалъ Мейенъ, или даже лѣс-

---

[1]) «K. C. v. Leonhard, populäre Geologie», т. V, стр. 516 и 518.

[2]) См. «Geographische Mittheilungen» Петермана, г. 1861, стр. 154.

[3]) По Науману и Ландгребе 32, но Фуксу 33.

[4]) Сюда нужно еще прибавить открывшійся въ послѣдствіи вулканъ Чильянъ (Volcan Nuevo de Chillan).

ные пожары, какъ одинъ изъ членовъ американской экспедиціи Гиллиса».

По описанію Филиппи, въ области Вальдивіи и въ большей части собственнаго Чили можно отличить три довольно рѣзко означенныхъ пояса: прибрежную цѣпь — Cordillera de la Costa — «Высокую Кордильеру» и лежащую между обѣими этими цѣпями равнину — los Llanos. Прибрѣжная цѣпь горъ въ области Вальдивіи состоитъ изъ слюдистаго сланца и третичнаго песчаника, называемаго Канкагуа (Cancagua), заключающаго въ себѣ хорошій бурый уголь. Средняя высота ея около 2000′, высочайшія вершины достигаютъ 3000′. Далѣе къ сѣверу прибрежная цѣпь состоитъ изъ гранита. «Высокая Кордильера» составляетъ границу области Вальдивіи съ Патагоніею; бо́льшая часть ея вершинъ покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Лежащая между обѣими цѣпями равнина тянется, исподоволь возвышаясь, непрерывною полосою различной ширины отъ залива Релонкави (Reloncavi), подъ 41 1/2° южн. шир., до 33 параллели южн. ш., по направленію отъ юга на сѣверъ. Она третичнаго или еще новѣйшаго образованія и составляетъ на югѣ плодородную часть страны; въ сѣверной своей части, гдѣ она образовалась изъ вывѣтриваемаго гранита, она довольно безплодна. Издали равнина кажется гладкою какъ столъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается перерѣзанною многими долинами, футовъ до 200 ниже общаго уровня равнины, да и самый уровень ея въ иныхъ мѣстахъ волнистый. У западной подошвы Высокой Кордильеры въ области Вальдивіи находится множество озеръ значительной величины; у восточнаго ея склона извѣстно одно лишь озеро Нагуэль-гуапи (Nahuel-huapi [1]). Въ этой «Высокой Кордилерѣ» находятся извѣстные намъ дѣйствующіе вулканы, или они по крайней мѣрѣ близко примыкаютъ къ ней. Въ области Аконкагуа, въ средней части Чили, по замѣчанію Писси (Pissis) [2]), высочайшія вершины находятся на восточномъ склонѣ Кордильеры, а дѣйствующіе вулканы на западномъ. Далѣе на востокъ тянется, параллельно первой, еще другая высокая цѣпь горъ, или даже тройная цѣпь, какъ подъ 41° южн. шир.

---

[1]) Филиппи въ журналѣ «Neues Jahrbuch für Mineralogie u. s. w., herausgegeben v. Dr. K. C. v. Leonhard u. Dr. H. G. Bronn», г. 1852, стр. 553.—Филиппи въ «Geographische Mittheilungen», 1860 г., стр. 127, и 1863 г., стр. 242.

[2]) См. «Neues Jahrbuch für Mineralogie u. s. w.» г. 1859, стр. 468, гдѣ дѣлается ссылка на Compt. rend. 1858, XLVI, 1034—1041.

Въ журналѣ «Geografische Mittheilungen» за 1860 годъ помѣщена карта области Вальдивіи, составленная Петерманомъ, преимущественно на основаніи чертежа Филиппи [1]). Это лучшая изъ извѣстныхъ мнѣ картъ южной части Чиле, не смотря на то, что она составлена на довольно шаткихъ основаніяхъ; Филиппи говоритъ, что большая часть горъ Высокой Кордильеры и вся прибрежная цѣпь, заключающаяся между рѣками Буэно и Маульинъ (Rio Bueno и Maullin), нанесены имъ чисто по фантазіи — rein nach der Phantasie [2]). Эта карта послужила мнѣ нѣкоторымъ контролемъ при разборѣ разбросанныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ извѣстій о чилійскихъ вулканахъ; она обнимаетъ южную часть Чили между $38^3/_4{}^0$ и $42^3/_4{}^0$ ю. ш.: область Вальдивію и сѣверную часть образованной впослѣдствіи, закономъ 22-го октября 1861 г., области Льянкигуэ (Leanquihuè [3]).

Въ слѣдующей таблицѣ приведены всѣ чилійскіе вулканы, которые помѣщены въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Гумбольдта, старшаго Леонгарда, Добени, Ландгребе, Наумана и Фукса, и на картѣ области Вальдивіи; римскія цифры означаютъ:

I. K. C. Leonhard, populäre Geologie. 1844. T. V, стр. 518—520.

II. Ch. Daubeny, die thätigen u erloschenen Vulkane; bearbeitet etc. v. g. Leonhard. 1850, стр. 266 и 267.

III. Landgrebe, Naturgeschichte der Vulcane. 1855. T. I, стр. 407—432.

IV. A. v. Humboldt, Kosmos, IV, стр. 551—553.

Широты вулкановъ показаны большею частью у Гумбольдта по картѣ въ сочиненіи Гиллиса [4]).

V. Karte der Provinz Valdivia, въ «Geogr. Mitth», 1860, Taf. VI.

VI. C. W. C. Fuchs, vulkanische Erscheinungen. 1865, стр. 72 и 73.

Знакъ + означаетъ, что вулканъ приводится у даннаго сочинителя или на картѣ; въ противномъ случаѣ поставленъ знакъ —. Долгота считается къ западу отъ Парижа.

(См. таблицу на страницѣ 74).

[1]) «Originalkarte der Provinz Valdivia. Nach einer handschriftlichen Zeichnung von Philippi u. anderen Dokumenten von A. Petermann въ «Geogr. Mitth.», 1860, Th. VI.

[2]) Philippi въ «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 138.

[3]) См. «Geogr. Mitth». 1862, стр. 152.

[4]) J. M. Gillis, The U. S. Naval Astronomical Expedition to the southern hemisphere, during the years 1849—1852. Упомянутая карта составлена господами Писси, Allan Campbell и Claude Gay. См. Kosmos, IV, стр. 553.

При подробномъ разборѣ показанныхъ на этой таблицѣ 40 т. н. вулкановъ чилійскихъ, мы увидимъ, что достовѣрно извѣстны чрезвычайно немногіе изъ нихъ, и что многіе положительно должны быть исключены изъ списка огнедышащихъ горъ. Безъ сомнѣнія, ближайшее изслѣдованіе страны познакомитъ насъ впослѣдствіи съ новыми вулканами; но, въ настоящее время, мы кажется, не вправѣ говорить о *ряду* чилійскихъ вулкановъ, простирающемся отъ $43^1/_2{}^0$ до 30^0 ю. ш.

Разберемъ теперь отдѣльные вулканы нашей таблицы. Санъ-Клементе и Медиклана [1]) принимались въ прежнія времена за вулканы, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ южнѣйшій изъ вулкановъ чилійскаго ряда есть Янтелесъ [2]).

Янтелесъ, Корковадо [3]) и Минчинмадомъ [4]) составляютъ группу дѣйствующихъ вулкановъ, лежащихъ напротивъ острова Чилоэ. Калбуко, сколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не былъ изслѣдованъ. Онъ выше снѣжной линіи. Филиппи не считаетъ его вулканомъ [5]); Фрикъ разсказываетъ, что при большомъ изверженіи его, «въ августѣ 1834 или 1835 г.», по разсказу очевидца, обрушился кратеръ Калбуко [6]). Но едва ли это не изверженіе Озорно въ 1835 г.?

Кечукаби [7]) и Гуанегуэ [8]) извѣстны только по имени, послѣдній даже какъ сомнительный вулканъ. Ихъ нѣтъ на картѣ области Вальдивіи, и они потому, безъ сомнѣнія, должны быть исключены изъ списка вулкановъ.

---

[1]) Эта гора называется у различныхъ писателей чрезвычайно различно; у Леонгарда: Mediclaca, Minchiuna или Huayteca; у Добени Medielana или Huayteca; у Ландгребе стр. 408, Medielana или Minehiuna по Гофу (v. Hoff); у Фукса стр. 73 Mediclana.

[2]) См. Landgrebe, l. c., стр. 408.

[3]) Гумбольдтъ и Ландгребе, стр. 410, пишутъ Corcovado, Науманъ и Фуксъ Corcobado. — Въ томъ и другомъ случаѣ произносить должно: Корковадо.

[4]) Я принимаю это названіе единственно потому, что не знаю, которому отдать преимущество. Старшій Леонгардъ пишетъ Minchimadava или Minchimadavi, Добени — Minchimadava; Ландгребе, стр. 410, Minchinmadom или Minchinmadavi; Науманъ, Гумбольдтъ и Фуксъ — Minchinmadom; на картѣ области Вальдивіи она названа Minchinmavida или Chayapiren.

[5]) Филиппи въ «Geogr. Mitth» 1860, стр. 138, и 1861, стр. 154.

[6]) «Geogr. Mitth». 1864, стр. 52.

[7]) У Ландгребе стр. 411, «Quechucabi, Quechuacan; по Гофу, можетъ быть, Purruruque».

[8]) Landgrebe, стр. 414, Guaneque, Huaupauca или Chuananga. У Фукса Guareque, что опечатка. У Гумбольдта Guanahuca (Guanegue?).

НАЗВАНІЕ ВУЛКАНА.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. II. Южн. шир.	III. Южная широта.	III. Запади. долг. отъ Парижа.	IV. Южная широта.	V. Южная широта.	V. Зап. долг. отъ Пар.	ВЫСОТА ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ФУТАХЪ.
1. Санъ Клементе (San Clemente)	+	+	—	+	—	—	46°	46°	74°40′	46°8′			
2. Медиллана (Mediclana)	+	+	—	—	—	+	44°20′	44°20′	73 30				
3. Янтелесъ (Yanteles)	—	—	+	+		+				43 29	. . .	. . .	III 6700′; 8000′; IV 8029′; Наумань и VI 6700′.
4. Корковадо (Corcovado)	—	—	+	+		+				43 12	. . .	. . .	III 7500′; IV 7509′; Наумань 7746′.
5. Минчинмадомъ (Minchinmadom)	+	+	+	+	+	+	42 45	42 45		42 48	42°47′	74°50′	III, IV и V: 8000′.
6. Калбуко (Calbuco)	—	—	—	+	+	—				41 12	41 15	74 48	
7. Кечукаби (Quechucabi)	+	+	+			+	41 40	41 10	73 50				
8. Гуанегуэ (Guanegué)	+	+	+	+	—	+	40 50	40 50	74				
9. Озорно (Osorno) или Писа	+	+	+	+	+	+	40 35	40 35	74 10	41 9	40 57	74 42	IV 7443′, 7549′. V 7750′, VI стр. 73: 8600′. VI, стр. 116: 7549.
10. Пуегуэ (Puyehué)	—	—	+	—	+	—		40 41			40 40	74½°	
11. Лахара (Lajara)	—	—	—	—	—	+					39 47	74°11′	V 12000′.
12. Ринигуэ (Rinihué)	—	—	+	—	+	—		40 39			39 40	74 12	
13. Пангипулли (Panguipulli)	—	—	+	+	+	—		40 39		40¾°	39 24	74	
14. Ранко (Ranco)	+	+	+	+	—	+	40 15	40 15	73 45				
15. Чиньялъ (Chinal)	+	+	+	+	—	+	39 55	39 55	73 35	39°35′			
16. Вильярика (Villarica)	+	+	+	+	+	+	39 20	39 30	73 30	39 14	39 10	73¾°	III и V: 16000′.
17. Льоголъ (Llogol)	—	—	—	—	+	—					39	73¾°	
18. (Llayma) Льяйма	—	—	—	—	+	—					38 50	73°48′	
19. Нотуко (Notuco)	+	+	+	—	—	+	39 20	39 20	72 35				
20. Чиналъ	+	+	+	—	—	+	38 40						
21. Кальяки (Callaqui)	+	+	+	+		+	38	38	72 25				
22. Антуко (Antuco)	+	+	+	+		+	37 40	37 40	72 20	37 7	. . .	. . .	I и II по кр. мѣрѣ 16000′ III и IV 8917′ по Домейко (неѣрно), IV 9242′ по Гиллису.—Наумань и VI, стр. 116: 9187′.
23. Кура (Cura)	+	—	+	—		—		38					
24. Унаславкенъ (Unalavquen)	+	—	+	+		—		37 10					

НАЗВАНІЕ ВУЛКАНА.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. II.	III.		IV.	V.		ВЫСОТА ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ФУТАХЪ.
							ЮЖН. ШИР.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЗАПАДН. ДОЛГ. ОТЪ ПАРИЖА.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЗАП. ДОЛГ. ОТЪ ПАР.	
25. Пунмагидда (Punmahnidda)	+	+	+	+		+	35°30′	ок. 36°	ок. 70°				
26. Тукапель или Тукапа (Tucapel, Tucapa)	+	—	+	+		—		37°	72°5′				
27. Чильянъ (Chillan)	+	+	+	+		+	36 5	36°5′	71°40′	36°2′	. . .	. . .	II 14000′. — (III: 20000′; 16000′.
28. Петероа (Peteroa)	+	+	+	+		+	35 15	35 15	71 30	34 53			
29. Азуфре (Azufre)	+	—	+	—		—		34 35	$73^1/_3$°—$74^1/_3$°				
30. Импозибле (Imposible)	+	—	—	—		—							
31. Ранкагуа (Rancagua)	+	+	+	—		+	34 15	34 10					
32. Майпо (Мауро)	+	+	+	+		+	33 53	33°—34° 34°5′	$73^1/_3$°—$74^1/_3$° 71°30′	34°17′ 33 47	. . .	. . .	IV по Гиллясу 17662′.
33. Тупунгато (Tupungato)	+	+	+	+		+		33 20	71 25	33 22			
34. Нуево (Volcan Nuevo)	—	—	+	—		—							
35. Аконкагуа (Aconcagua)	+	+	+	+		+		32 30 32 38½	72 32 72 16	32 39			
36. Лигуа (Ligua)	+	+	—	—		+	32 12						
37. Упсальята (Upsallata)	—	—	+	—		—							
38. Чоапа (Choapa)	+	+	+	+		+	31 50	31 20	72 25				
39. Лимари (Limari)	+	+	+	+		+	31	31	72 28				
40. Кокимбо (Coquimbo)	+	+	+	+		+	30 3	30 5	72 20	30 5			

Озорно есть дѣйствующій вулканъ, подробно описанный Филиппи.

Пуегуэ, по словамъ Филиппи, то же что Пунтъ-ягудо (Puntiagudo) — самая остроконечная вершина, видѣнная имъ въ Кордильерѣ, и положительно не вулканъ [1]).

Лахара извѣстенъ мнѣ только потому, что помѣщенъ на картѣ области Вальдивіи.

Риньигуэ имѣетъ двѣ вершины; одна изъ нихъ имѣетъ видъ конуса безъ кратера, другая имѣетъ кратеръ; но жители окрестностей не помнятъ и не слыхали, чтобы онъ извергалъ пламя [2]). Высота его около 9000′ (по мнѣнію Фрика); онъ лежитъ на юго-восточномъ концѣ озера Риньигуэ [3]).

Пангипульи извѣстенъ только по имени.

Съ имѣнія своего въ Вальдивіи, профессоръ Филиппи могъ ясно видѣть вершины Вильярика, Риньигуэ, Пунтъягудо или Пуегуэ, Тронадоръ, Озорно о Калбуко; онѣ всѣ гораздо выше снѣжной линіи [4]).

Ранко [5]) не означенъ на нашей картѣ.

Чиньялъ, извѣстный только по имени, по мнѣнію Ландгребе тождественъ съ Чинале, 20-мъ вулканомъ нашей таблицы, хотя положеніе обоихъ означается различно [5]). Я замѣчу при этомъ, что на нашей картѣ около $38^3/_4{}^0$ ю. ш. и $73^1/_2{}^0$ зап. д. отъ Парижа означена гора (Cerro, ne Volcan) Чиналъ (Chinal).

Вильярика, по свидѣтельству Филиппи и другихъ заслуживающихъ довѣріе писателей, есть дѣйствующій вулканъ.

О вулканахъ Льоголъ и Льяйма я могу сказать только то, что по Фуксу, который ссылается на Перре (Perrey), въ ноябрѣ 1852 г. происходило изверженіе вулкановъ Антуко, Вильярика, Льоголѣ и Льяйма [6]).

---

[1]) «Geogr. Mitth», 1860, стр. 138, и 1861, стр. 154. На картѣ области Вальдивіи «Пунтъ-ягудо (8200′ англ.) означенъ южнѣе вулк. Пуегуэ.

[2]) Фрикъ, въ «Geogr. Mitth», 1864, стр. 52. Фрикъ пишетъ Rinihue, Филиппи Rinihue и Rinahue, см. «Geogr. Mitth». 1861, стр. 154.

[3]) «Geogr. Mitth». 1861, стр. 154.

[4]) v. Hoff называетъ его Рама; см. Landgrebe l. c., стр. 416; K. C. v. Leonhard, l. c., стр. 519.

[5]) Landgrebe, l. c. стр. 417. Пишутъ Chignal, Chinal и Chinal.

[6]) Fuchs vulk. Erscheinungen, стр. 321. Льоголъ и Льяйма означены на картѣ области Вальдивіи.

Нотуко [1]), по Леонгарду, есть чрезвычайно острый конусъ, часто извергающій пары и вулканическій пепелъ и лежащій въ восточной отрасли главной цѣпи Андовъ. Я полагаю, что это ничто иное какъ Антуко, хотя положеніе обоихъ и означается различно. Такъ, напр., Азуфре, лежащій подъ 36°5′ южн. шир., приводится между 34° и 35°; о долготѣ и говорить нечего.

Кальяки извѣстенъ только по имени и едвали существуетъ. По крайней мѣрѣ Домейко говоритъ, что съ вершины Пичаченъ, въ 12 километрахъ (11¼ верстъ) къ востоку отъ Антуко, виднѣлся одинъ только вулканическій конусъ Антуко; за исключеніемъ его, вся цѣпь Андовъ состояла изъ пластовъ порфира, съ крутыми склонами къ западу, безъ базальтовъ, безъ трахитовъ, безъ потоковъ лавы.

Антуко [2]) есть дѣйствующій вулканъ, описанный извѣстнымъ путешественникомъ Пёппигомъ и профессоромъ университета въ въ Сантъ-яго, Игнатіемъ Домейко.

Вулканъ Кура, по нѣкоторымъ чрезвычайно сбивчивымъ извѣстіямъ, будто бы и нынѣ еще находится въ дѣйствіи, но не достигаетъ снѣжной линіи [3]).

Уналавкенъ и Пунмагуидда [4]) приводятся какъ дѣйствующіе вулканы, лежащіе въ восточной цѣпи Андовъ, въ Патогоніи. О послѣднемъ приводятся извержения: большое въ 1823 г., а малыя въ 1827 и въ 1828 году.

Тукапель или Тукапа извѣстенъ единственно по имени. По Гумбольдту (Kosmos, т. IV, стр. 552), онъ тождественъ съ горою Silla veluda или Cierra Belluda. Въ такомъ случаѣ онъ положительно не вулканъ; см. подробное описаніе вулкана Антуко.

Чильянъ есть вновь открывшійся дѣйствующій вулканъ; его, между прочимъ, описали Филиппи и Писси. Предположеніе Ландгребе [5]), что онъ тождественъ съ Дескабезадо, ошибочно, какъ мы увидимъ при описаніи сольфатары Серро Азуль.

Петероа [6]) вѣроятно то же, что Дескабезадо, о которомъ я буду говорить подробнѣе впослѣдствіи.

---

[1]) Notuco или Noluco по Леонгарду и Ландгребе. У Фукса, по опечаткѣ Natuco.

[2]) У старшаго Леонгарда, стр. 519, Antojo или Antuco; у Ландгребе, стр. 417, Antuco, Antojo, или Antujo.

[3]) Landgrebe, l. c. стр. 427.

[4]) У Ландгребе, стр. 427: Punmahuidda (Pomahuida).

[5]) Тамже стр. 428.

[6]) У старшаго Леонгарда стр. 519: Pomahvida; Peteroa.

Азуфре не вулканъ, а чрезвычайно замѣчательная сольфатара у склона вулкана Чильянъ, описанная Домейко и Филиппи [1]).

Импозибле былъ принятъ Мейеномъ за вулканъ единственно потому, что надъ его вершиною показывался свѣтъ въ родѣ зарницы [2]). Вулканическое свойство Ранкагуа [3]) тоже очень подвержено сомнѣнію.

Майпо [4]) есть дѣйствующій вулканъ, подробнѣе описанный Мейеномъ. По послѣднему показанію Писси [5]), высота его 17664′ англ. [6]), а положеніе 33°44′27″ южн. шир. и 72°11′ 40″5, зап. долг. отъ Парижа [7]).

Вулканъ Нуево (Nuevo) [8]), на верховьяхъ рѣки Хункалъ (Rio Juncal), по свидѣтельству Пёппига, еще очень сомнителенъ.

Лигуа [9]) вѣроятно то же, что Аконкагуа.

Тупунгато [10]) и Аконкагуа [11]), по новѣйшимъ извѣстіямъ, не вулканы; но я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ этихъ исполинахъ чилійскихъ Андовъ.

Miers означаетъ высоту Тупунгато въ 15000′; новѣйшія показанія хотя и очень разнятся между собою, но всѣ придаютъ ему гораздо бо́льшую высоту.

По первому опредѣленію Писси, высота Тупунгато 22016′ англ. [12]) а по второму, въ 1855 году — 21413′ англ. [13]), а положеніе горы 33°16′50″ ю. ш. и 72°10′ зап. долг. отъ Парижа [14]).

---

[1]) См. ниже подробное описаніе этой сольфатары.

[2]) Leonhard, l. c., стр. 520 и 521.

[3]) или Rapel прежнихъ писателей; см. Leonhard, стр. 519, и Landgrebe, стр. 428.

[4]) У Леонгарда. стр. 519, и Ландгребе, стр. 429, Мауро или Maipu.

[5]) См. «Neues Jahrbuch für Mineralogie», 1857, стр. 731, и «Geogr. Mitth». 1858, стр. 44. По прежнему показанію Писси широта Майпо 34°17′30″ южн.

[6]) 5843 метра.

[7]) 0°46′48″ вост. долг. отъ Сантъ-яго.

[8]) У Ландгребе напечатано, на. стр. 431. Volcan Nuovo. Это, вѣроятно то же, что гора Хункалъ (Cerro del Juncal).

[9]) См. Leonhard, l. c., стр. 520 и Daubeny, l. c., стр. 266.

[10]) У Леонгарда, стр. 520, San Jago, Santjago, Pico de Tupungato; у Ландгребе стр. 431; San Jago, называемый Miers'омъ Тупунгато, а Гиллисомъ Volcan Penquennes.

[11]) У Леонгарда: Aconagua или Aconcagua; Fuchs пишетъ ошибочно Anconcagua.

[12]) 20656 пар. ф. или 6710 метровъ.

[13]) 20092 пар. ф. или 6526,8 метровъ.

[14]) 0°48′29″ вост. долг. отъ Сантъ-яго. — См. «Geogr. Mitth». 1858, стр. 44. Прежде Писси (Map of Santiago въ сочиненіи Гиллиса) означалъ его подъ 33°24′

Гора Хункалъ (Cerro del Juncal) находится, по опредѣленію Писси, въ 1855 году, подъ 33°3′51″,3 ю. ш. и 72°26′ зап. долг. отъ Парижа [1]) и имѣетъ высоту 19562′ англ. [2]).

Аконкагуа долгое время слылъ высочайшею горою въ южной Америкѣ и высочайшимъ вулканомъ въ мірѣ, послѣ того какъ экспедиція Фицройя опредѣлила его высоту въ 23199′ англ. Дарвинъ, основываясь на разсказѣ очевидца, принималъ Аконкагуа за вулканъ; но этому противорѣчатъ Писси и Чуди. По словамъ Писси, гора вся состоитъ изъ осадочныхъ породъ, изъ которыхъ нижнія принадлежатъ къ порфирамъ, распространеннымъ по всей системѣ чилійскихъ Андовъ, а верхнія вѣроятно къ мѣловой формаціи [3]). Почти то же утверждаетъ Чуди, основываясь на изслѣдованіяхъ англійскаго геолога Давида Форбеса [4]). Онъ лежитъ нѣсколько на востокъ отъ главной цѣпи Андовъ, отдѣляясь отъ нея равниною, въ которой беретъ начало рѣка Мендоза (Mendoza). Отдѣльное положеніе придаетъ горѣ еще болѣе величественный видъ [5]).

Въ «Geographische Mittheilungen» Петермана за 1858 г., на стр. 43 и 44, собраны результаты различныхъ измѣреній высоты Аконкагуа.

	въ англ. футахъ.
По измѣренію экспедиціи Фицройя въ 1835 г. . . .	23199
По мнимой поправкѣ этого измѣренія Пентландомъ .	23906
По измѣренію Келлета и Вуда (Vood) на основаніи базиса между Вальпарайзо и Пичидангуэ [6])	23004
По первому тригонометрическому опредѣленію Писси.	22301
По второму тригон. опредѣленію Писси	22423
По картѣ Аргентинскаго союза въ путешествіи Гиллиса.	23120

ю. шир. Измѣреніе американскаго лейтенанта Archibald Macrae дало 22450′ англ., но не можетъ быть взято въ соображеніе. Гиллисъ (Gilliss), на своей картѣ Аргентинской конфедераціи, показываетъ Тупунгато въ 22400′ англ. и Аконкагуа въ 23120′ англ., но самъ не измѣрялъ ихъ. — См. тоже Kosmos, т. IV, стр. 552.

[1]) 32′21″,3 вост. долг. отъ Сантъ-яго.

[2]) 18355 пар. ф. или 5926,6 метровъ. Прежде, на картѣ области Сантъ-яго, въ сочиненіи Гиллиса, Писси означалъ ее подъ 33°9′ южн. шир., а высоту ея въ 20368′ анг. (19111 пар. ф. или 6208 метровъ). См. «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 44.

[3]) «Neues Jahrb. für Mineralogie» 1856, стр. 199. («l'Institut» 1855, XIII, стр. 168). Сравни «Geogr. Mitth». 1864, стр. 35.

[4]) По Петерману въ «Geogr. Mitth.» 1864, стр. 365.

[5]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie» 1859, стр. 467 (изъ Compt. rend. 1858, XLVI, стр. 1034—1041).

[6]) См. «Geogr. Mitth.» 1855, стр. 271.

Изъ этихъ измѣреній заслуживаетъ, кажется, преимущество второе опредѣленіе Писси, находящееся въ связи съ его тріангуляціею области Сантъ-яго. Оно даетъ для Аконкагуа высоту 22423′ анг. [1]), а географическое положеніе 32°39′ 42″,5 ю. ш. и 72°22′ зап. долг. [2]) отъ Парижа.

Тамъ же Писси приводитъ какъ высочайшія вершины Андовъ послѣ Аконкагуа:

Мерседаріо (C. de Mercedario), 32°0′ ю. ш., 72°26′ зап. долг. — 22305′ англ.

Тупунгато 33°17′ ю. ш., 72°10′ зап. долг. — 21413′ англ.

Рамада (C. de Ramada) 32°5′ ю. ш. 72°26, зап. долг. — 20824′ англ. [3]).

Вопросъ, которая изъ вершинъ Андовъ должна почитаться высочайшею, остается доселѣ нерѣшеннымъ. Показанія разныхъ авторовъ чрезвычайно разногласны между собою. Такъ, по картѣ Ондарса (Ondarza) [4]):

Высота горы Сората 25010′ англ., а по Д. Форбесу [5]) 24812′ англ.

Высота горы Ильимани 24347 англ., а по Д. Форбесу 24155 англ.

Высота горы Сахама 23098 англ., а по Форбесу 23014′ англ.

Высота горы Hygo de Аполобамба 22553′ англ., а по Д. Форбесу 22374′ англ.

Высота горы Гуайна-Потози 22057′ англ., а по Д. Форбесу 21882′ англ.

Высота горы Чачакомани 21755′ англ., а по Форбесу 21583′ англ.

Высота горы Кеньюта 21422′ англ., а по Д. Форбесу 21252 англ.

Высота горы Чипикани 22869′ англ., а по Д. Форбесу 22687 англ.

Высота горы Мурурата 20582′ англ., а по Д. Форбесу 20418′ англ.

Высота горы Кальинеани 20695′ англ., а по Д. Форбесу 20530′ англ.

Но въ новѣйшее время горный инженеръ Рекъ (Hugo Reck) въ замѣчательной статьѣ своей «Geographie u. Statistik der Republik Bolivia», помѣщенной въ «Geogr. Mitth.», г. 1865, даетъ слѣдующія высоты [6]).

---

[1]) 21039 парижскихъ футовъ или 6834,4 метра; см. «Neues Jahrb. f. Min.». 1859, стр. 467, и «Geogr. Mitth.», 1858, стр. 43 и 44.

[2]) 0°36′ 34″,8 вост. долг. отъ Сантъ-яго.

[3]) 0°32′49″,0; 0°48′29″0 и 0,32′40″ вост. долг. отъ Сантъ-яго.

[4]) См. «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 320.

[5]) Въ Quarterly Journal of the Geol. Soc., 1 Febr. 1861, по «Geogr. Mitth.» 1864, стр. 35 и 36.

[6]) «Geogr. Mitth.» 1855, стр. 284.

Ильимани; сѣверн. вершина (16°37′) 20803′ англ.; срединная вершина (16°38′) 21292′ англ.; южная верш. (16°39′) 21337′ англ. Гуайна Потози (16°15′) 20291′ англ.

По Пентланду сѣверная вершина Ильимани 21059′ англ., срединная 21093′ англ.; а южная по Пентланду 21148′ англ., а по Писси 21354′ англ.

Высота Гуайна Потози по Пентланду 20260′ англ., а по Писси 19960′ англ.

Въ настоящее время, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, которое изъ этихъ измѣреній подходитъ ближе къ истинѣ.

Такъ какъ новѣйшія опредѣленія Писси показываютъ долготу чилійскихъ горъ большею частью въ отношеніи къ Сантъ-яго, то я замѣчу, что по опредѣленію извѣстнаго астронома Мёста (Moesta), директора обсерваторіи въ Сантъ-яго [1]), Сантъ-яго находится подъ 33°26′25″,4 ю. ш. и 307°1′31″5 вост. долг. отъ Ферро; Вальпарайзо подъ 306°2′23″,5 вост. долг. отъ Ферро.

Посредствомъ телеграфа, соединяющаго Сантъ-яго и Вальпарайзо, Мёста опредѣлилъ разность во времени между Парижемъ и Вальпарайзо въ 4ʰ55′49″,5 [2]), между тѣмъ какъ экспедиція Кинга Фицройя нашла 4ʰ56′ 6″,6.

Послѣ этого отступленія я возвращусь къ моей таблицѣ чилійскихъ вулкановъ.

По Ландгребе, около $^3/_4{}^0$ долготы къ востоку отъ горы Аконкагуа находится вулканъ Упсальята. Въ Географическихъ Извѣстіяхъ Петермана сказано, что, по Бурмейстеру, небольшая восточная цѣпь Андовъ между Мендозою и Упсальятою, названная Дарвиномъ the Upsallata Range, состоитъ изъ сѣрой вакки, которую прорвали порфиры, и что въ срединѣ оной произошло большое изверженіе, по направленію къ западу [3]).

Сѣвернѣе горы Аконкагуа, приводятъ еще три вулкана: Чоапа [4]), Лимари и Кокимбо, основываясь на картѣ Дарвина [5]). Но эта часть Чили еще слишкомъ мало извѣстна; а въ существованіи *вулкана*

[1]) «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 441.

[2]) «Geogr. Mitth.» 1857, стр. 281: что даетъ для Вальпарайзо 306°2′37″,5 вост. долг. отъ Ферро, а не 306°2′23″,5.

[3]) «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 571 и 579.

[4]) Choapa или Chiapa по Леонгарду и Ландгребе, стр. 432. Гумбольдъ пишетъ Chuapri.

[5]) См. «Naumann, Geognosie, 2 Aufl.». T. I, отд. I, стр. 97.

Кокимбо меня заставляетъ сомнѣваться слѣдующее замѣчаніе Домейко. Онъ говоритъ, что съ вершины Пичаченъ видѣнъ только одинъ вулканическій конусъ Антуко, а вся остальная цѣпь Андовъ, *какъ близъ Кокимбо*, состоитъ изъ осадочныхъ порфировъ, съ крутыми склонами къ западу, безъ базальтовъ, безъ трахитовъ, безъ потоковъ лавы [1]).

Разборъ извѣстій, находящихся у разныхъ писателей о 40 вулканахъ нашей таблицы, привелъ меня, такимъ образомъ, къ результату, что въ Чили извѣстны слѣдующіе дѣйствующіе вулканы:

1) Янтелесъ.
2) Корковадо.
3) Минчинмадомъ.
4) Озорно или Писѐ.
5) Вильярика.
6) Антуко.
7) Чильянъ.
8) Дескабезадо-де-Мауле.
9) Майпо.

Изъ сольфатаръ замѣчательны гора Азуфре (Cerro de Azufre, сѣрная гора), близь вулкана Чильянъ, и, въ высшей степени, гора Азуль (Cerro Azul), близь Дескабезадо-де-Мауле.

Въ восточной цѣпи Андовъ приводятся какъ дѣйствующіе вулканы, преимущественно по извѣстіямъ индѣйцевъ, Упалавкенъ и Пунмагуидда, да Пёппигъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ съ вершины Антуко дымящійся вулканъ въ Патагоніи [2]), а Писси нашелъ въ Арауканіи, въ 1864 году, четыре дѣйствующихъ вулкана [3]).

Что касается до прочихъ чилійскихъ вулкановъ, то мы не знаемъ о нихъ ничего положительнаго, и я повторяю слова Филиппи: «Чилійцы называютъ каждый конусъ въ цѣпи Андовъ вулканомъ, и европейцы легко соблазняются этимъ названіемъ» [4]).

Я обращаюсь теперь къ подробнѣйшему описанію извѣстныхъ намъ чилійскихъ вулкановъ.

Янтелесъ, Корковадо и Минчинмадомъ составляютъ группу, лежащую недалеко отъ морскаго берега, подъ широтою острова Чилоэ

---

[1]) См. «Neues Jahrbuch für Mineral.» 1850, стр. 815.
[2]) «K. C. v. Leonhard, popul. Geologie». T. V, стр. 537.
[3]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 38.
[4]) Филиппи въ «Geogr. Mitth.» 1861, стр. 154.

(Chiloe). Разсказываютъ, что во время землетрясенія, разрушившаго 20-го февраля 1835 г. городъ Консепсіонъ, эти три вулкана находились въ сильномъ дѣйствіи. На Янтелесѣ образовались выше снѣжной линіи три черныхъ точки, похожихъ на кратеры. Корковадо оставался довольно спокойнымъ во время землетрясенія; но когда, черезъ недѣлю, изчезли облака, закрывавшія гору, то видно было, что снѣгъ стаялъ съ сѣверо-западной стороны его кратера [1]). Такія явленія объясняются и безъ вулканическаго дѣйствія; снѣгъ могъ скатиться отъ удара землетрясенія. Но 11-го ноября того же года Озорно и Корковадо извергали, съ страшнымъ шумомъ, большія массы каменьевъ. Въ этотъ самый день городъ Талкагуано, гавань города Консепсіонъ, пострадалъ отъ сильнаго землетрясенія [2]).

Минчинмадомъ, находившійся 30 лѣтъ въ покоѣ, 20-го февраля 1835 года пришелъ въ дѣйствіе. Съ утра съ горы подымались два столба бѣлаго дыма; при главномъ же ударѣ землетрясенія, дымъ многими столбами вырывался изъ большаго кратера, и лава полилась потокомъ изъ небольшаго кратера близъ снѣжной линіи. Этотъ кратеръ потухъ дней черезъ восемь, но ночью продолжалъ свѣтиться яркимъ свѣтомъ. 26-го марта того же года воспослѣдовалъ другой сильный ударъ землетрясенія, и вновь появилось 5 огненныхъ столбовъ. Недѣли черезъ двѣ спустя замѣтили 15 вновь образовавшихся конусовъ, превышающихъ своими вершинами стѣны бо́льшаго кратера [3]).

Вулканъ Озорно или Писѐ [4]) описанъ подробно Филиппи, посѣтившимъ его въ февралѣ 1852 г. Онъ отстоитъ по прямой линіи на десять географическихъ миль отъ моря (залива Релонкави) и на столько же миль отъ города Озорно [5]). Подошва его омывается съ восточной стороны озеромъ Всѣхъ Святыхъ (Todos-los-Santos) [6]), а

[1]) «Landgrebe, Naturgeschichte der Vulcane». T. I, стр. 410.

[2]) Landgrebe, l. c., стр. 415,

[3]) Landgrebe, l. c., стр. 410 и 411.

[4]) Озорно испанское названіе, Писѐ (Pisé или Pi-se) индѣйское. Иногда, но кажется очень рѣдко, вулканъ называется вулканомъ Льянкигуэ. Описаніе Филиппи помѣщено въ «Neues Jahrbuch für Mineralogie», 1852, стр. 551 — 580, и карта.

[5]) По картѣ области Вальдивіи въ «Geogr. Mitth.». 1860, Taf. VI; по Филиппи («Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 558), вулканъ находится въ 13 геогр. миляхъ на юго-востокъ отъ города Озорно.

[6]) Дѣлъ (Döll) и Фрикъ (Frick) назвали его озеромъ Esmeralda, т. е. изумруднымъ, по цвѣту его водъ; по картѣ (въ «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. 6) оно лежитъ въ 800 англ. ф. надъ уровнемъ моря.

съ юго-западной озеромъ Льянкигуэ [1]). Съ сѣверо-восточной стороны гора отдѣляется проходомъ Опустошенія—Boquete de la Desolazion—отъ западной цѣпи «Высокой Кордильеры», съ южной—широкою и глубокою долиною отъ горы Калбуко. Такимъ образомъ вулканъ со всѣхъ сторонъ отдѣленъ отъ сосѣднихъ горъ, и потому съ его вершины открывается великолѣпный видъ на цѣпь Андовъ.

Филиппи долженъ былъ остановиться, не достигнувъ вершины Озорно. Великій Океанъ скрывался за прибрежною цѣпью горъ; но на сѣверъ или сѣверо-востокъ тянулась необозримою линіею цѣпь Высокой Кордильеры отъ ближайшей заостренной вершины Пунтъягудо (или Пуегуэ) [2]) до отдаленнаго вулкана Вильярика, котораго двойной конусъ [3]) ясно виднѣлся, хотя отстоялъ по прямой линіи миль на 30 [4]). Всѣ вершины этой цѣпи круто обрываются къ востоку, но склоняются исподволь къ западу, образуя длинныя долины, пересѣкающія главную цѣпь подъ прямымъ угломъ и сливающіяся понемногу съ равниною между-прибрежною и высокою Кордильерами. Озеро Всѣхъ Святыхъ (Todos-los-Santos) лежитъ посреди высокихъ горъ. На востокъ отъ западной цѣпи простирается еще тройная цѣпь отъ юга на сѣверъ, сколько можетъ обнять взоръ. Между восточными вершинами есть нѣкоторыя повыше другихъ, какъ, напримѣръ, Тронадоръ (El Tronador), но ни одна изъ нихъ не отличается особенными формами; всѣ имѣютъ видъ тупыхъ пирамидъ, съ зубчатыми ребрами и почти одинаковымъ угломъ у вершины [5]).

Со всѣхъ сторонъ Озорно является чрезвычайно правильнымъ конусомъ весьма значительной крутизны, подобно крутизнѣ верхняго конуса Этны или Везувія [6]). Филиппи снялъ съ него виды съ сѣверо-западной, сѣверной и восточной сторонъ, Дёлъ (Döll) съ юго-западной [7]). Кратеръ невеликъ; боковыхъ кратеровъ немного,

---

[1]) По той же картѣ.

[2]) Сравни «Geogr. Mitth.». 1861, стр. 154.

[3]) Только въ этомъ мѣстѣ Филиппи упоминаетъ о *двойномъ* конусѣ вулкана Вильярика. Въ «Geogr. Mitth.» 1861, стр. 166, онъ говоритъ: Къ югу отъ вулкана Вильярика слѣдуетъ двойной конусъ Ринигуэ.

[4]) По словамъ Филиппи («Neues Jahrbuch für Mineralogie», 1852, стр. 562) на 34 геогр. мили; по картѣ въ «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. 6, на 29 геогр. миль.

[5]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 563.

[6]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 558.

[7]) Тамъ же, стр. 568.

Филиппи ихъ насчитываетъ пять, отъ 60 до 250′ вышиною [1]). Всѣ эти боковые кратеры были покрыты на нѣсколько футъ шлаками и вулканическими камешками (Rapilli), выброшенными при послѣднемъ страшномъ изверженіи горы, и потому они были менѣе правильнаго вида. При незначительной своей высотѣ они также мало нарушаютъ общую правильность вида вулкана, какъ глубокія рытвины на его склонахъ и трещины во льду.

Вся нижняя часть горы Озорно покрыта отдѣльными шлаками и вулканическими камешками (Rapilli), верхняя — вѣчнымъ снѣгомъ. Снѣгъ въ глубинѣ переходитъ въ сплошной прозарчный ледъ синевато-зеленаго цвѣта, какъ показываютъ щели глубиною до 40 и 50′, шириною вверху то до 20′, то едва въ 1′, пересѣкающія снѣжную поверхность или въ горизонтальномъ направленіи, или по направленію отъ вершины къ подошвѣ [2]). Въ одной или двухъ изъ этихъ щелей, какъ казалось Филиппи, слои льда перемежались со слоемъ шлаковъ и Rapilli [3]). Такимъ образомъ образованіе нижнихъ слоевъ льда предшествовало, вѣроятно, по времени, послѣднему извержению горы, случившемуся лѣтъ за сто тому назадъ, судя по состоянію растительности. Филиппи не могъ ближе изслѣдовать этого интереснаго факта, не лишеннаго аналогіи; поверхность снѣга была покрыта тонкимъ, но чрезвычайно скользкимъ слоемъ льда, который не позволялъ подойти ближе къ щели. Щели, пересѣкающія снѣгъ и ледъ по направленію отъ вершины къ подошвѣ, очевидно ничто иное, какъ рытвины, образовавшіяся отъ стока воды; горизонтальныя произошли вѣроятно отъ того, что отдѣльныя массы снѣга и льда отдѣлились отъ поверхности и скатились внизъ.

Нижняя часть вулкана, непокрытая снѣгомъ, также пересѣкается разсѣлинами, идущими по направленію отъ вершины къ подошвѣ; внизу онѣ не глубоки, но ихъ глубина увеличивается кверху и достигаетъ близъ снѣжной линіи до 150′. Въ нихъ рыхлые конгломераты изъ шлаковъ перемежаются со сплошными слоями лавы, въ иныхъ мѣстахъ до 8, даже до 11 разъ. Лава, оказывая разрушительному дѣйствію воды наибольшее сопротивленіе, образуетъ уступы, съ которыхъ вода ниспадаетъ водопадами, часто весьма живопис-

[1]) 2 на восточномъ склонѣ, 1 на ю.-ю.-восточномъ, 1 на юго-западномъ и 1 (наименьшій, 60 — 80′) на с.-с.-восточномъ.

[2]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 559.

[3]) Тамъ же, стр. 559 и 570.

ными. Слои лавы не параллельны между собою, но часто вьются весьма неправильнымъ образомъ. Иногда нѣсколько слоевъ принадлежали, по видимому, одному и тому же потоку лавы, лившемуся медленно въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, такъ что нижняя часть застывала и покрывалась дождемъ изъ шлаковъ и вулканическаго пепла, чрезъ который потомъ лился тотъ же потокъ лавы.

Весь сѣверный склонъ Озорно покрытъ шлаками и камешками, часто футовъ на 20 или на 30; только въ немногихъ мѣстахъ обнажены пласты лавы. По описанію господъ Döll и Frick, на юго-западномъ склонѣ ясно видны два «потока шлаковъ» (Schlackenströme) отъ половинной высоты горы до ея подошвы; это, вѣроятно, два потока лавы, покрытой большими шлаками и глыбами отвердѣлой лавы. Сколько можно судить по рытвинамъ, Филиппи полагаетъ, что вулканъ составленъ изъ 8 частей отдѣльныхъ шлаковъ и одной части сплошной лавы.

Химическій составъ вулкана Озорно столь же простъ, какъ и механическій. Всѣ продукты его состоятъ изъ массы сѣраго, то болѣе темнаго, то болѣе свѣтлаго цвѣта, въ которой заключаются многочисленные кристаллы полеваго шпата и рѣдкіе кристаллы оливина; другихъ минераловъ въ ней нѣтъ, а именно, замѣчаетъ Филиппи, нѣтъ слѣдовъ ни авгита, ни слюды.

Rapilli рѣдко больше грецкаго орѣха, очень пузыристы, на краяхъ просвѣчиваютъ зеленоватымъ (бутылочнымъ) цвѣтомъ; остальная масса ихъ чернаго цвѣта и по поверхности какъ бы покрыта глазурью. Они обыкновенно содержатъ только кристаллы полеваго шпата, до $^1/_2$‴ въ поперечникѣ, рѣдко оливинъ. Если они не обтерты водою, то кажутся свѣжими, какъ бы только что ниспавшими.

Большіе шлаки встрѣчаются только на верхней части горы. Они въ своемъ составѣ ничѣмъ не отличаются отъ Rapilli, но часто бываютъ краснаго цвѣта — отъ окисленія желѣза; кристаллы полеваго шпата величиною до 1‴. Филиппи нашелъ полосу такихъ большихъ шлаковъ, шириною въ 30 или 40, длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ, ясно отдѣленныхъ отъ шлаковъ меньшей величины, лежащихъ по обѣимъ ея сторонамъ. Онъ полагаетъ, что они, можетъ быть, дѣйствительно лились потокомъ, и приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія два явленія, встрѣченныя имъ на вулканахъ Везувія и Стромболи. На Стромболи потокъ лавы безпрерывно течетъ къ морю, никогда не достигая его. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ морскаго берега лава остыла до того, что образуетъ твердую

массу, которая отрывается кусками отъ жидкой лавы и скатывается внизъ по крутому склону. Эти обломки на поверхности чернаго цвѣта, но внутри раскалены до красна и ночью представляютъ великолѣпное зрѣлище, когда при паденіи своемъ ударяются о твердую скалу и разбиваются на множество раскаленныхъ кусковъ. На Везувіѣ Филиппи въ 1838 г. наблюдалъ черный потокъ лавы, текущій съ вершины кратера. Нижній конецъ его казался неподвижнымъ, но издавалъ особый трескъ; ближайшее разсмотрѣніе показало Филиппи, что лава, состоящая въ нижнемъ своемъ концѣ изъ однихъ шлаковъ, подвигалась въ продолженіе 5 минутъ впередъ не болѣе чѣмъ на два фута. Правда, замѣчаетъ Филиппи, въ обоихъ этихъ случаяхъ лава текла по склону гораздо бо́льшей крутизны, чѣмъ шлаки на склонѣ вулкана Озорно.

На сѣверномъ склонѣ, нѣсколько далѣе на востокъ, попадается пемза, величиною съ кулакъ, составляя около $^1/_{40}$ части всей массы шлаковъ. Удѣльный вѣсъ ея довольно значителенъ, поры невелики, цвѣтъ синеватый, въ родѣ какъ пемза выброшенная вулканомъ, образовавшимся въ 1831 г. между островами Сициліею и Пантелляріею. Въ ней заключаются рѣдкіе кристаллы полеваго шпата, около $^1/_2'''$ величиною, и многочисленные микроскопическіе кристаллы. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ у восточной подошвы вулкана, около 5 верстъ (1 Stunde) отъ озера Всѣхъ Святыхъ, и въ нѣкоторыхъ ущельяхъ горнаго склона, попадается пемза пепельнаго цвѣта, съ бурымъ отливомъ, иногда чернаго цвѣта; куски ея рѣдко больше грецкаго орѣха, наибольшіе съ куриное яйцо; въ нихъ рѣже встрѣчаются кристаллы полеваго шпата, и то большею частью микроскопическіе.

Обсидіана вовсе нѣтъ на вулканѣ Озорно.

Пласты лавы не представляли ничего особеннаго. Они въ срединѣ совершенно плотны; но чѣмъ ближе къ верхней и нижней поверхности, тѣмъ болѣе въ нихъ является пустотъ, такъ что поверхность совершенно ноздреватая. Единственное различіе между различными потоками лавы состояло въ томъ, что масса ихъ была то болѣе темнаго, то болѣе свѣтлаго цвѣта; кристаллы полеваго шпата измѣнялись въ числѣ и въ величинѣ, отъ $^1/_4'''$ до $^1/_2'''$; оливинъ являлся то болѣе желтаго, то болѣе зеленаго, иногда даже чернозеленаго цвѣта, въ родѣ авгита, и также различной величины. Но эти различія встрѣчались не только въ различныхъ пластахъ лавы, но часто въ одномъ и томъ же пластѣ.

На поверхности Озорно довольно часто попадались отдѣльныя большія глыбы лавы, вѣроятно выброшенныя изъ кратера. Кромѣ нихъ, Филиппи нашелъ на склонѣ вулкана и близъ лежащей горѣ Пичихуанъ (Pichijuan) нѣсколько округленныхъ кусковъ, величиною съ кулакъ и болѣе, заключающихъ въ себѣ кристаллы роговой обманки и зеленыя крапинки, въ родѣ эпидота. Поэтому Филиппи полагаетъ, что вулканъ прорвалъ массы діорита, различныя видоизмѣненія котораго составляютъ бо́льшую часть сосѣднихъ горъ [1]).

Филиппи не достигъ вершины Озорно, но долженъ былъ вернуться близъ черной скалы изъ лавы, выдающейся футовъ на 12 надъ поверхностью снѣга; футахъ въ 300 или 400 надъ нимъ *изъ вершины вулкана подымался слабый дымъ*.

Въ 1858 г. Филиппи пишетъ, что послѣднее изверженіе Озорно происходило въ 1855 г. и что вулканъ уже болѣе не дымится [2]). Онъ не упоминаетъ объ изверженіи Озорно 1835 г., о которомъ мы находимъ у Ландгребе слѣдующія извѣстія.

Уже за два дня до землетрясенія, разрушившаго 20-го февраля 1835 г. городъ Консепсіонъ, Озорно былъ неспокоенъ. Во время главнаго удара 20-го февраля густой столбъ дыма поднялся съ горы, кратеръ открылся на его юго-восточномъ склонѣ и выбрасывались огромныя массы раскаленныхъ каменьевъ. Этотъ новый кратеръ и старый кратеръ на усѣченной вершинѣ горы продолжали свѣтиться еще нѣсколько дней. 11-го ноября того же года гавань Талькагуано (Talcahuano) пострадала отъ сильнаго землетрясенія, и въ то же время съ страшнымъ шумомъ выбрасывались большія массы каменьевъ изъ Озорно и Корковадо. 5-го декабря обрушилась ю.-ю.-восточная стѣна Озорно; оба кратера слились, какъ казалось, въ одинъ огненный потокъ, и огромное количество пепла и подобныхъ веществъ выбрасывалось въ продолженіе слѣдующихъ двухъ недѣль [3]). О прежнихъ изверженіяхъ Озорно, по Ландгребе, нѣтъ преданій.

Филиппи производилъ на вулканѣ Озорно барометрическія наблюденія; но барометръ разбился на обратномъ пути. Исходною точкою ему служила подошва Гуелонко (Huelonco), гдѣ имъ сдѣлано

[1]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 672 — 574.

[2]) Въ «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 132; эта статья Филиппи написана въ 1858 г. (см. тамъ же, стр. 138).

[3]) Landgrebe, Naturgeschichte der Vulkane, т. I, стр. 415 и 416.

41 барометрическое наблюденіе въ продолженіе 18 дней. Чтобы опредѣлить высоту ея, Филиппи впослѣдствіи, въ такую же погоду, сдѣлалъ 82 барометрическихъ наблюденія въ городѣ Вальдивіи, на берегу моря, въ продолженіе 30 дней. Такимъ образомъ онъ вычислилъ слѣдующія высоты [1]):

	въ англ. фут.
Исходная точка у подошвы Гуелонко	2131,5 [2]).
Черта водораздѣла между притоками озера Todos-los-Santos и притоками рѣки Трозмао, на сѣверномъ склонѣ вулкана	2818′
Снѣжная линія на сѣверномъ склонѣ	4796′
Punta Pichijuan (Пичихуанъ), къ сѣверу отъ вулкана .	3779′
Озеро Todos-los-Santos (Всѣхъ Святыхъ)	560′ [3])

Онъ не опредѣляетъ высоты горы. Правда, въ описаніи своемъ, онъ говоритъ, что высоту Озорно показываютъ въ 8600′ англ., но тамъ же означаетъ высоту снѣжной линіи въ 5000 и 5500 футовъ (кажется парижскихъ), между тѣмъ какъ, по вычисленіи своихъ наблюденій, опредѣляетъ ее въ 4500 пар. или 4800 англ. футовъ. На картѣ въ «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. 6, высота Озорно показана въ 7750′ англ. [4]), у Гумбольдта въ 7443′ (Kosmos IV, стр. 553) и 7549′ (по Фицройю, см. Kosmos IV, стр. 291).

Небольшую высоту снѣжной линіи Филиппи объясняетъ частыми дождями и низкою температурою лѣта этихъ странъ. Онъ приводитъ при этомъ, что, по наблюденіямъ Анвандтера (Anwandter), обнимающимъ цѣлый годъ, средняя температура года для Вальдивіи оказалась + 8°,8 Р. (температура весны + 7°,01, лѣта + 12°,4, осени + 9°,12, зимы + 6°,6) [5]).

О вулканѣ Вильярика я могу сказать только нѣсколько словъ. Этотъ исполинскій вулканъ часто дымится и извергаетъ пламя [6]); Филиппи наблюдалъ издали два изверженія его, причемъ его поражала незначительность количества извергаемаго имъ дыма [7]). Онъ

---

[1]) См. «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 941.

[2]) 2000′ парижскихъ.

[3]) По картѣ въ «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. 6, 800′ англ.

[4]) У Фукса показано, на стр. 73, 8600′ англ. по Филиппи, а на стр. 116: 7549′ (пар.?).

[5]) См. «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 558.

[6]) Филиппи въ «Geogr. Mitth.» 1861, стр. 154.

[7]) Филиппи въ «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 255.

хорошо видѣнъ какъ съ вершины Антуко, такъ и съ вершины Озорно, миль за 30. При описаніи Озорно, Филиппи говоритъ о *двойной* вершинѣ Вильярика [1]), но нигдѣ иначе не упоминаетъ объ этомъ. По Ландгребе, Вильярико называетъ вулканъ Вильярика Императорскою горою (Cerro Imperial), по его величественному виду; а индѣйцы Pehuenches называютъ его Yajau nassen; по его же показанію, въ 1640 г. произошло сильное изверженіе вулкана [2]). Фуксъ, ссылаясь на Перре (Perrey), говоритъ, что въ ноябрѣ 1852 г. происходили изверженія вулкановъ Озорно, Вильярика, Льоголъ и Льяйма [3]). По картѣ области Вальдавіи [4]), вулканъ Вильярика находится на юго-восточномъ берегу озера того же имени, подъ 39°10′ южн. шир. и 73¾° зап. долг. отъ Парижа, въ разстояніи 21 географической мили отъ моря; высота его показана въ 16000′ англ., съ чѣмъ согласно показаніе Ландгребе (2500 туазовъ). Къ сѣверу отъ него означенъ на картѣ проходъ Вильярика (Boquete de Villa Rica).

Гораздо лучше, чѣмъ Вильярика, извѣстенъ вулканъ Антуко, описанный нѣмецкимъ путешественникомъ Пёппигомъ (Pöppig) и профессоромъ университета въ Сантъ-яго Игнатіемъ Домейко. Пеппигъ путешествовалъ по Южной Америкѣ отъ 1827 до 1832 года; въ сочиненіи его: «Reise nach Chile, Peru, u. auf dem Amasonenstrome u. s. w. Leipzig, 1835» помѣщено его описаніе Антуко; а статья Домейко появилась въ «Annales des Mines, 4-me série, 1848». T. XIV, стр. 187 и д., и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ «Neues Jahrbuch für Mineralogie» 1850, стр. 804 — 823. Я буду слѣдовать описанію Домейко, дополняя его нѣкоторыми свѣдѣніями, заимствованными у Пеппига.

Антуко есть высочайшая вершина Андовъ между вулканами Вильярика и Чильянъ. Но черту водораздѣла составляетъ не Антуко, а Кордильера Пичаченъ, лежащая въ 12 километрахъ (14¼ верст.) далѣе къ востоку.

Прекрасное озеро, длиною отъ 8 до 10 километровъ (1½ — 9⅓ верстъ) и шириною отъ 200 до 300 метровъ (656′ — 984′ англ.) окружаетъ вулканъ съ восточной стороны въ видѣ полукруга и от-

[1]) Въ «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1852, стр. 562.

[2]) Landgrebe, Naturgeschichte der Vulcane, т. I, стр. 416 и 417.

[3]) Fucks, vulkan. Erscheinungen, стр. 321.

[4]) Geogr. Mitth., 1860, Taf. VI.

дѣляетъ его отъ сосѣднихъ горъ, обращенныхъ къ нему чрезвычайно крутыми, почти отвѣсными стѣнами. На западной сторонѣ вулкана находится другое озеро, въ которое изливается водопадомъ рѣка Лаха (Laja). Съ юго-западной стороны примыкаетъ къ Антуко безобразная, покрытая ледниками гора Бельюда (Cierra Belluda), и ея крутыя, столбообразныя скалы составляютъ рѣзкій контрастъ съ конусомъ вулкана, вершина котораго постоянно дымится. По Космосу, стр. 552, Cierra Belluda, называемая и Silla veluda, то же что такъ называемый вулканъ Тукапель или Тукапа, который, въ такомъ случаѣ, не заслуживаетъ названія вулкана.

По Домейко вулканъ Антуко состоитъ изъ трехъ частей. Основаніе его составляетъ общая масса цѣпи Андовъ; затѣмъ слѣдуетъ большой конусъ, наклонный къ горизонту подъ угломъ отъ 15° до 25° и имѣющій у подошвы отъ 15 до 20 километровъ (14 — 18¾ верстъ) въ окружности. На этотъ конусъ насаженъ другой поменьше и болѣе крутой, стороны коего образуютъ съ горизонтомъ уголъ въ 30°—35° и который при основаніи своемъ около 2 километровъ (или верстъ) въ окружности. Ось малаго конуса, по видимому, нѣсколько отодвинута на западъ. На неприступной западной сторонѣ вулкана оба конуса образуютъ одинъ непрерывный скатъ, къ низу менѣе крутой, простирающійся до долины Лаха (Laja), образуемой вытекающею изъ озера Антуко рѣкою Лаха. Съ другихъ сторонъ, именно съ восточной, большой конусъ усѣченъ колцеобразною равниною, покрытою вѣчнымъ снѣгомъ и ледниками, имѣющими по крайней мѣрѣ 100 ф. [1]) въ толщину. Горизонтальная часть равнины около 500 ф. [2]) ширины; она сливается по немногу съ поверхностію верхняго конуса. Верхняя треть малаго конуса покрыта чрезвычайно ноздреватыми шлаками чернаго цвѣта, нижняя часть его [3]) ледяною массою ослѣпительной бѣлизны, съ безчисленными трещинами. На восточномъ склонѣ снѣжная линія опускается на 1300′ англійскихъ [4]) ниже верхняго края большаго конуса; но западная и сѣверная стороны вулкана къ концу лѣта обыкновенно не покрыты ледниками [5]).

[1]) 30 метровъ или 98′ англ.

[2]) 150 метровъ (492′ англ.).

[3]) Съ южной, восточной и сѣверо-восточной сторонъ.

[4]) 400 метровъ.

[5]) Чему причиною, можетъ быть, отчасти и большая крутизна.

Барометрическія наблюденія Домейко дали слѣдующія высоты важнѣйшихъ пунктовъ:

въ англ. фут.

1) Селеніе Антуко, въ долинѣ Лаха (Laja); полоса осадочныхъ вторичныхъ порфировъ . . . . . 1775′

2) Фортъ Бальенаресъ; поясъ кипарисовъ и араукан-скихъ сосенъ. Здѣсь является гранитъ . . . . . 2707′

3) Низшая точка въ долинѣ Лаха, до которой доходятъ два потока лавы съ западнаго склона горы . . . 3231′

4) Равнина Чанкай (Chankay) . . . . . 3727′

5) Уровень озера Антуко на юго-восточномъ его концѣ 4613′

6) Уровень озера Антуко на сѣверо-восточномъ концѣ его, близъ Corallon . . . . . 4603′

7) Линія вѣчнаго снѣга на юго-восточномъ склонѣ большаго конуса и на горѣ Сіерра Бельюда . . . . . 6624′

Явленіе мѣстное, такъ какъ большая часть сосѣднихъ горъ на той же высотѣ не покрыты снѣгомъ.

8) Верхній край большаго конуса (и горизонтальная часть кольцеобразной равнины) . . . . . 7963′

9) Высшая точка, до которой достигъ Домейко, около 100 метровъ (328′ англ.) ниже кратера . . . . . 8917′

10) Кордильера Ничаченъ, въ 12 киллометрахъ къ востоку отъ Антуко; черта водораздѣла въ Андахъ . . . 6703′

При вычисленіи этихъ высотъ, Домейко пользовался соотвѣтствующими барометрическими наблюденіями, производимыми близъ морскаго берега у Кокимбо [1]). Высоту вулкана онъ оцѣнилъ въ 9,200 англ. футовъ; но видъ и высота верхняго конуса подвержены постояннымъ измѣненіямъ.

Изъ этихъ наблюденій я вывожу высоту верхняго конуса въ 1,200′ англ., а высоту нижняго (считая отъ уровня озера Антуко) въ 3300′ англ.

Близъ форта Вальенаресъ (Ballenares) гранитъ прорываетъ пласты порфира; ближе къ вулкану онъ покрытъ порфиромъ. Начиная съ равнины Чанкай (Chankay), замѣчается большая перемѣна въ видѣ порфира. Пласты порфира чрезвычайно правильны, нѣ-

---

[1]) «Neues Jahrbuch für Mineralogie». 1850, стр. 815, 817 и 819. Гумбольдтъ (Kosmos IV, стр. 291 и 553) показываетъ высоту Антуко, по Домейко, въ 8917 англ., а по Гиллису въ 9,242′ англ.

сколько наклонны къ срединѣ вулкана. Основная масса ихъ сѣраго цвѣта; въ ней заключаются неясные бѣлые кристаллы и только въ иныхъ пластахъ кристаллы стекловиднаго полеваго шпата. Оливинъ рѣдокъ; нѣтъ вовсе ни авгита, ни роговой обманки. Но что особенно отличаетъ этотъ порфиръ, это его ноздреватый видъ; внутренняя поверхность его пустотъ всегда гладкая, безъ блеска, и онѣ не заключаютъ ни цеолитовъ, ни какихъ либо другихъ постороннихъ минераловъ.

На востокъ отъ вулкана, на вершинѣ Кордильеры Пичаченъ, порфиръ сходенъ съ порфиромъ цѣпи Андовъ (porphyres bigarrés secondaires Domeyko); онъ представляетъ видъ отвердѣлаго густаго тѣста, безъ пустотъ и безъ оливина; заключающіеся въ немъ кристаллы листоватые или землистые. Такой же видъ имѣетъ порфиръ на ю.-ю.-востокъ отъ вулкана, равно какъ близъ Бельюда (Cierra Belluda) и близъ Sitio de la lueva. Но чѣмъ выше подняться къ юговосточному склону вулкана, тѣмъ болѣе измѣняется видъ порфира. Число заключающихся въ немъ пустотъ и оливиновъ увеличивается, и наконецъ порфиръ, измѣняясь въ своемъ цвѣтѣ, принимаетъ видъ лавы или вулканическаго пепла. На сѣверномъ и сѣверовосточномъ склонахъ замѣчаются тѣ же измѣненія, но гораздо ближе къ подошвѣ вулкана. Близъ Коральонъ (Corallon), у сѣвернаго конца озера Антуко, порфиръ наполненъ оливинами и ноздреватъ; нѣкоторые пласты изогнуты, и между ними заключаются большія пустоты, съ муравленными или стекловидными стѣнками, служившія, можетъ быть, для выхода паровъ и пламени. Другіе слои порфира, толщиною отъ 2 до 4 метровъ (6½—13′ англ.), покрыты на своей поверхности черными шлаками или муравленою, полурасплавленною корою.

На западномъ склонѣ Антуко находится огромный потокъ лавы, раздѣлившійся у выдающейся скалы на два рукава; одинъ изъ нихъ тянется до водопада рѣки Лахи, другой идетъ на югозападъ до подошвы Cierra Belluda, а отсюда опускается въ долину Лаха (Laja) [1]. Они оба чрезвычайно различной толщины, но рѣдко болѣе 3 — 3½ метровъ (10 — 11½′ англ.) и столь же различной ширины; сѣверный рукавъ у подошвы горы около 100 саж. (болѣе 200 метровъ или 656′ англ.). Длина каждаго изъ нихъ около двухъ верстъ (2 километровъ или 6,562′ англ.). Оба потока образуютъ очень непра-

[1]) «Neues Jahrb. für Min.» 1850, стр. 805.

вильные слои, близъ поверхности ноздреватые, покрытые шлаками, внутри болѣе плотные, чернаго цвѣта или иногда нѣсколько стекловидные. Домейко отличаетъ на Антуко три видоизмѣненія лавы. Лава перваго рода имѣетъ видъ камня, безъ блеска, ноздревата, заключаетъ въ себѣ много оливина и пустоты, то широкія, то продолговатыя. Второе видоизмѣненіе лавы состоитъ преимущественно изъ оливина и стекловиднаго полеваго шпата, связанныхъ между собою массою, похожею на обыкновенный трахитъ. Третье видоизмѣненіе болѣе темнаго цвѣта, плотнѣе, стекловиднаго блеска и походитъ на металлическій шлакъ. Въ видѣ потока лава встрѣчается единственно на западномъ склонѣ горы; но огромные куски ея, иногда болѣе 20 кубическихъ метровъ или 9 куб. саж. въ объемѣ, попадаются на всѣхъ склонахъ обоихъ конусовъ и у берега озера Антуко [1]).

Рѣже встрѣчаются такъ называемыя вулканическія бомбы, большею частію только въ видѣ обломковъ.

Вулканъ Антуко не представляетъ обнаженій въ родѣ Val del Bove на вулканѣ Этна. Но судя по обваламъ, случающимся отъ времени до времени, и по щелямъ во льду, конусъ Антуко составленъ частью изъ массъ, имѣющихъ видъ густаго тѣста, частью изъ ноздреватыхъ шлаковъ и изъ глыбъ полурасплавленныхъ веществъ, выброшенныхъ изъ кратера, наконецъ изъ огромнаго множества мелкихъ отдѣльныхъ Rapilli и вулканическаго пепла. Особенно часто встрѣчаются очень ноздреватые, легкіе, удобно растирающіеся шлаки, которые заключаютъ въ себѣ нитеобразный или стекловидный полевой шпатъ и отъ дѣйствія воздуха принимаютъ бурый или пестрый цвѣтъ. Такіе шлаки покрываютъ вершину Антуко и верхній край большаго конуса.

По анализу Домейко, оливинъ съ вулкана Антуко состоитъ изъ

0,407	кремнезема
0,397	магнезіи
0,196	закиси желѣза
1,000	

Домейко находитъ въ немъ большое сходство съ оливиномъ изъ метеорическаго желѣза съ Атакамы, котораго составъ, по его анализу,

[1]) «Neues Jahrbuch für Min.», 1850, стр. 809 и 810.

0,400 кремнезема
0,467 магнезіи
0,176 закиси желѣза
1,000

По Домейко, онъ отличается удоборастворимостью въ кислотахъ, даже въ холодныхъ. Это свойство, впрочемъ, нерѣдко и обусловливается содержаніемъ закиси желѣза.

Домейко отличаетъ три эпохи въ образованіи Антуко: [1])

1) Горныя породы вблизи основанія большаго кратера, какъ и составляющія гору Cierra Belluda и горы на западъ отъ равнины Чанкай (Chancay), древнѣе вулкана; образованіе ихъ предшествовало поднятію хребта Андовъ и совпадало съ образованіемъ осадочныхъ порфировъ въ Андской цѣпи (porphyres bigarrés secondaires).

2) Большой конусъ образовался вѣроятно позже поднятія хребта Андовъ, одновременно съ образованіемъ вулкана.

3) Вещества, извергаемыя вулканомъ, покрывающія какъ Антуко, такъ и сосѣднія горы: шлаки, Rapilli и вулканическій пепелъ. Изъ такихъ веществъ состоитъ весь верхній конусъ и верхній край нижняго. Сюда же относятся потоки лавы на западномъ склонѣ вулкана и, безъ сомнѣнія, вулканическіе конгломераты близъ водопада рѣки Лаха (Laja), нѣкоторыя новыя образованія въ долинѣ Антуко, и т. д.

Породы, составляющія вулканъ Антуко, отличаются своею тугоплавкостію, и главные продукты вулкана выходятъ изъ его кратера въ видѣ густаго тѣста. Это зависитъ не отъ высоты вулкана надъ уровнемъ моря, такъ какъ Этна гораздо выше Антуко; но вѣроятно отъ химическаго состава горныхъ породъ, между прочимъ отъ преобладанія магнезіи.

Домейко затрудняется объяснить образованіе озера Антуко и большаго конуса вулкана. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что восточный, сѣверовосточный и юговосточный склонъ довольно отлоги при основаніи горы. Крутизна западнаго склона произошла отъ значительныхъ обваловъ, разрушившихъ значительную часть обоихъ конусовъ.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Домейко посѣтилъ вулканъ Антуко въ 1845 году, верхній конусъ вулкана претерпѣлъ значительное

[1]) «Neues Jahrb. für Min.», 1850, стр. 820 — 823.

измѣненіе въ своемъ видѣ. Масса шлаковъ, образовавшая до того времени кольцеобразный вѣнецъ (el Sombrerito) около кратера, обрушилась; образовались огромныя щели во льду и въ скалахъ, какъ на склонахъ верхняго конуса, такъ и далѣе по направленію къ Cierra Belluda.

Уже нѣсколько лѣтъ гора, по разсказамъ туземцевъ, не показывалась столь грозною, какъ въ послѣднія недѣли. Уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вулкана, Домейко видѣлъ, 27-го февраля 1845 года, какъ огромныя облака дыма подымались каждыя 8 или 10 минутъ съ вершины горы; по временамъ слышался гулъ, въ родѣ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ того же дня, онъ видѣлъ съ равнины Чанкай, при ясномъ небѣ и сильномъ вѣтрѣ, изверженія вулкана, повторяющіяся каждыя 10 или 20 минутъ; по временамъ вѣтеръ отгонялъ облака дыма и позволялъ видѣть зарево, освѣщающее вершину. Къ 10-ти часамъ вѣтеръ стихъ, и Домейко могъ теперь удобно наблюдать явленія, предшествовавшія каждому новому изверженію. Сначала показывалось зарево, освѣщающее отверстіе кратера, и подымалось до незначительной высоты надъ вершиною; но не видно было ни искръ, ни раскаленныхъ веществъ, выбрасываемыхъ изъ кратера. Нѣсколько секундъ спустя слышался гулъ въ родѣ пушечнаго выстрѣла, и вскорѣ потомъ густой столбъ дыма, въ видѣ обращеннаго конуса, вертясь около своей оси, подымался изъ кратера до высоты равной половинной высотѣ горы. Дымъ становился все свѣтлѣе и блѣдпѣе и уже парилъ въ видѣ облака высоко надъ вулканомъ, когда на краю кратера, или скорѣе, нѣсколько ниже кратера показывался яркій свѣтъ. Онъ или тотчасъ изчезалъ или вновь появлялся ниже, извиваясь тонкою разноцвѣтною лентою. Рѣдко она достигала до половины верхняго конуса, и не всегда это явленіе сопровождалось взрывами и изверженіями дыма; иногда раскаленныя вещества выступали изъ боковаго отверстія близъ вершины, но не слышно было никакого подземнаго гула.

На другой день, 26-го февраля 1845 года, изверженія слѣдовали одно за другимъ каждыя 20 или 30 минутъ, и дымъ разсѣевался, не оставляя никакихъ слѣдовъ въ облакахъ. 1-го марта, Домейко видѣлъ съ вершины Пичаченъ отвѣсные столбы дыма, подымающіеся съ вершины Антуко; вечеромъ вулканъ былъ спокойнѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни; изверженія слѣдовали одно за другимъ длинными промежутками.

2-го марта вулканъ съ утра удвоилъ свою дѣятельность; изверженія слѣдовали одно за другимъ каждыя 10 или 15 минутъ. Сначала бѣлый, полупрозрачный дымъ подымался до незначительной высоты; потомъ столбъ чернаго дыма прорывался, казалось, съ большею силою и съ большею скоростью подымался до высоты втрое или вчетверо большей, чѣмъ первый. Появленіе его сопровождалось шумомъ въ родѣ того, который слышенъ при выходѣ паровъ изъ клапана огромнаго пароваго котла. Въ то же время выбрасывались огромные каменья, падали на стѣны верхняго конуса и скатывались со страшнымъ шумомъ до нижняго края онаго или даже до подошвы горы и до озера Антуко. По временамъ выбрасывались пепелъ и песокъ, уносились вѣтромъ на востокъ и ниспадали на скатъ горы.

Домейко не достигъ вершины; онъ долженъ былъ остановиться метрахъ во 100 ниже оной. Когда онъ спускался съ горы, то надъ нимъ гремѣлъ громъ, каждыя 10 или 15 минутъ слышались взрывы, сопровождаемые подземнымъ гуломъ и *слабымъ сотрясеніемъ почвы*, кругомъ градомъ сыпались камешки и шлаки, и ревѣла буря, унося съ собою массы паровъ.

Пёппигъ взошелъ на вершину Антуко 17-го февраля 1829 года. По его описанію, Антуко представляетъ видъ чрезвычайно остраго конуса, сѣверная сторона котораго почти отвѣсна; здѣсь футовъ на 800 ниже врешины находилось множество отверстій, изъ которыхъ медленно выступали потоки лавы, видимые ночью уже на разстояніи 20 миль. На усѣченной вершинѣ вулкана, имѣющей видъ небольшаго круга, возвышалась кольцеобразная, крутая стѣна изъ отдѣльныхъ кусковъ лавы, вышиною не болѣе 50 футъ; верхняя часть ея имѣла не болѣе 8 футъ въ толщину. Она носитъ у чилійцевъ названіе el Sombrerito, внутренняя поверхность ея отвѣсна, такъ что Пёппигъ могъ только лёжа разсматривать внутренность кратера. Глубина кратера была, казалось, не болѣе 30 саженъ (Klafter); стѣны его были бураго цвѣта, въ иныхъ мѣстахъ свѣтились полосы старой красной лавы, и виднѣлась сѣра, часто въ видѣ сталактитовъ, или въ видѣ коры. На днѣ кратера находился холмъ изъ бураго песка и два цилиндрическихъ отверстія, изъ которыхъ выходилъ дымъ. Но большая часть дыма и паровъ выступала изъ боковаго овальнаго отверстія, украшеннаго множествомъ сталактитовъ, въ родѣ окна готической церкви. Кратеръ имѣлъ видъ эллипса, котораго большая ось простиралась отъ запада на востокъ; окружность его была около 600 шаговъ. Безпрестанное сотрясеніе почвы,

пары и горячій песокъ, выбрасываемый изъ кратера, не позволяли долго оставаться въ этомъ опасномъ мѣстѣ.

Подобно Домейко, Пёппигъ наблюдалъ также, что за изверженіемъ густаго чернаго дыма слѣдовало изверженіе бѣлаго дыма. Черный дымъ выходилъ изъ щелей кратера и подымался съ довольно большою силою, но безъ шума. Онъ имѣлъ запахъ сѣры, кислый вкусъ и возбуждалъ сильный кашель. Потомъ дымъ ослабѣвалъ; вдругъ, съ сильнымъ взрывомъ, подымались съ страшною силою массы густыхъ бѣлыхъ паровъ, унося съ собою кучи песку и куски лавы, вѣсомъ до одного лота (около 3 золотниковъ). Эти пары, не отличающіеся ни высокою температурою, ни особымъ запахомъ, или изчезали въ высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, или подымались довольно высоко и парили долго на небѣ въ видѣ бѣлыхъ облаковъ. Это явленіе хорошо извѣстно жителямъ окрестностей; они приписываютъ вулкану образованіе облаковъ и дождя. Пёппигъ сравнивалъ шумъ, съ которымъ бѣлые пары выходили изъ кратера, съ шумомъ, который сопровождаетъ выходъ паровъ изъ подъ клапана огромнаго пароваго котла, но говоритъ, что онъ разъ въ двадцать сильнѣе послѣдняго. Иногда столбъ чернаго дыма вырывается съ необыкновенною силою изъ кратера и подымается футъ до 2000′ и болѣе (Пёппигъ измѣрилъ его высоту въ 3390′ англ. (3180′ парижскихъ); но это болѣе рѣдкое явленіе. Обыкновенно изверженія чернаго и бѣлаго дыма очередуются весьма правильно вышеописаннымъ образомъ, по наблюденіямъ Пёппига періодами въ 4 или 5 минутъ. Громкіе раскаты грома, слышимые на большое разстояніе, и глухой шумъ, ясно различаемый только на склонахъ горы, сопровождали, казалось, болѣе изверженія бѣлаго, чѣмъ чернаго дыма. Первому же должно приписать, кажется, и огромныя массы каменьевъ, выброшенныхъ изъ кратера и покрывающихъ окрестности. На самой вершинѣ Пёппигъ нашелъ огромную глыбу лавы, вѣсомъ болѣе чѣмъ въ 500 пудовъ (22½ тысячи фунтовъ), очевидно выброшенную изъ кратера въ отвердѣломъ видѣ, такъ какъ на Антуко лава выступала потоками только изъ боковыхъ отверстій вулкана.

Пёппигъ не нашелъ на Антуко ни обсидіана, ни пемзы, и чрезвычайно мало вулканическаго пепла. Вулканъ выбрасываетъ преимущественно тонкій песокъ, часто черный и блестящій.

По разсказамъ туземцевъ, Антуко, при каждомъ большомъ изверженіи, выбрасываетъ значительное количество холодной воды. Такъ разсказываютъ, что вскорѣ послѣ большаго изверженія 1820 г. по-

дошва вулкана была изрыта потокомъ полужидкаго зловоннаго ила охрянаго цвѣта; вода лилась медленно изъ щели конуса [1]). Подобныя явленія встрѣчаются и при изверженіяхъ многихъ другихъ вулкановъ, и я буду впослѣдствіи имѣть случай говорить о нихъ подробнѣе.

Пёппигъ называетъ гору Бельюда (Cierra Belluda), часто упоминаемую Домейко, Silla veluda. Мы видѣли выше, что Silla veluda, по Гумбольдту [2]), тождественна съ т. н. вулканомъ Тукапель или Тукапа. Съ вершины Антуко Пёппигъ видѣлъ дымящійся вулканъ въ Патагоніи [3]).

Что касается до позднѣйшихъ изверженій вулкана Антуко, то Гумбольдтъ, въ IV томѣ Космоса [4]), разсказываетъ, что, по Гиллису, въ 1853 г. происходили изверженія этого вулкана, а Фуксъ [5]) упоминаетъ объ изверженіи вулкановъ Антуко, Вильярика, Льоголъ и Льяйма въ ноябрѣ 1852 года.

Я повторяю здѣсь еще разъ, что вершина Антуко, по словамъ Домейко, безпрестанно измѣняетъ свой видъ, и что Домейко нашелъ ее уже въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ Пёппигъ.

Около 36°5′ ю. ш. [6]) находится т. н. «Новый» вулканъ Чильянъ (Volcan Nuevo de Chillan). Это ничто иное какъ открывшійся 3-го августа 1861 г. боковой кратеръ близъ западной подошвы Cerro blanco [7]), одной изъ вершинъ горной группы, носящей названіе Nevado de Chillan. Вся эта группа составляетъ какъ бы одинъ вулканъ, но не имѣетъ центральнаго кратера, а три отдѣльныхъ вершины, изъ которыхъ юговосточная [8]) носитъ названіе древняго вулкана (Volcan viejo), а далѣе на сѣверозападъ [9]) слѣдуетъ Cerro blanco

---

[1]) Восхожденіе Пёппига на Антуко описано въ его «Reise nach Chile, Peru u. auf dem Amazonenstrome. Leipzig. 1835»., а въ извлеченіи въ популярной геологіи Леонгарда. т. V, стр. 525 — 538, и въ Landgrebe, Naturgeschichte der Vulkane, т. I, стр. 422 — 426.

[2]) Kosmos, IV, стр. 552.

[3]) Тамъ же, стр. 533.

[4]) Fuchs, vulkanische Erscheinungen, стр. 321; здѣсь дѣлается ссылка на Перрэ (Perrey).

[5]) Въ 3-хъ leguas на югъ отъ ключей чильянскихъ, которые находятся подъ 16°20′ ю. ш, См. «Geogr. Mitth.» 1861, стр. 430 и 431.

[6]) По словамъ инженера Зимсена (G. Siemsen), посѣтившаго новый вулканъ 1-го ноября 1861 г. См. «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 255 и 256.

[7]) Южная по Писси (Geogr. Mitth. 1862. стр. 439), восточная по Филиппи (Geogr. Mitth. 1863, стр. 251).

[8]) На сѣверъ по Писси, на западъ по Филиппи. Описаніе Филиппи находится въ «Geogr. Mitth.» 1863. стр. 241 — 257.

(бѣлая гора) и Cerro negro (черная гора). Филиппи не могъ узнать, отчего Volcan viejo получилъ свое названіе: сохранились ли преданія о прежнихъ изверженіяхъ его, или отъ того только, что онъ видомъ похожъ на вулканъ. Невадо-де-Чильянъ извергалъ въ прежнія времена много лавы; потоки ея простираются верстъ на 50 отъ вулкана. Но нигдѣ нѣтъ сколько нибудь значительныхъ образованій туфа, такъ что Невадо-де-Чильянъ вѣроятно, подобно вулкану Антуко, выбрасывалъ мало пепла. *Новый* вулканъ имѣетъ около 8500 или 9000 футъ вышины; это такое же боковое изверженіе, какія сотнями происходили на горѣ Этна, съ тою только разницею, что на Везувіѣ и Этнѣ такія боковыя изверженія связаны съ изверженіями главнаго кратера, а при изверженіи новаго вулкана упомянутыя три вершины Невадо-де-Чильянъ оставались въ покоѣ.

Между тремя вершинами Невадо-де-Чильянъ находится большой ледникъ, спускающійся и въ боковыя долины.

Объ образованіи новаго вулкана Писси [1]) и Филиппи [2]) разсказываютъ слѣдующее:

3-го марта 1861 г., въ мѣстечкѣ Чильянъ, верстахъ во 100 отъ Невадо-де-Чильянъ, ощущали слабое землетрясеніе, и вслѣдъ за тѣмъ увидѣли на Невадо большое зарево, которое показывалось каждую ночь, а днемъ замѣнялось густымъ столбомъ дыма. Оно было видно за 50 льё (260 верстъ); а легкія вещества, выбрасываемыя вулканомъ, уносились южнымъ вѣтромъ до параллели Линаресъ, образуя въ воздухѣ темную полосу въ 180 — 200 верстъ (35 — 40 льё) длиною [3]). Писси разсказываетъ, что въ первыхъ дняхъ ноября обрушилась значительная часть ледника, находящагося у подошвы новаго вулкана, и вмѣстѣ съ большими массами шлаковъ скатилась въ долину св. Гертруды (Santa Jertrudis), нижняя часть коей была покрыта густымъ лѣсомъ; послѣ этого вся долина представляла грустную картину разрушенія, безобразную кучу изъ шлаковъ, древесныхъ пней и обломковъ скалъ.

По Филиппи, лава запрудила верхнюю часть долины св. Гертруды, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ; накопившаяся отъ таянія снѣга вода образовала озеро, которое наконецъ прорвало плотину и обрушилось съ страшною силою въ долину, унося съ

[1]) Geogr. Mitth. 1862, стр. 439.

[2]) Geogr. Mitth. 1863. стр. 241 — 257.

[3]) По Писси, взрывы были слышны до Курико (Curico).

собою все, что находилось на дорогѣ, и наполняя рѣку Нубле землею и иломъ [1]). Цѣлый мѣсяцъ вода этой рѣки оставалась мутною и нѣсколько дней показывала красный цвѣтъ; почти вся рыба въ ней околѣвала и продавалась по дешевой цѣнѣ, пока не распространилось мнѣніе, что она вредна для здоровья. Впослѣдствіи вода Нубле опять приняла свой прежній цвѣтъ, но при новомъ изверженіи вулкана снова сдѣлалась мутною. Ручей Чильянъ и Ренегадо, текущій съ горячихъ ключей (baños de Chillan), тоже дѣлались мутными, когда вулканъ выбрасывалъ много пепла. Но ни горячіе ключи, ни сольфатара Cerro de Azufre не показали ни малѣйшаго измѣненія при образованіи новаго вулкана. Когда Писси посѣтилъ новый вулканъ въ февралѣ 1862 г., то изверженія были уже гораздо слабѣе; они длились, среднимъ числомъ, около 40 секундъ и слѣдовали одно за другимъ черезъ 15 или 20 минутъ. Писси того мнѣнія, что въ это время лава подвинулась не болѣе какъ на 3000 метровъ (нѣсколько менѣе 3 верстъ) отъ новаго вулкана, и что чрезвычайная сила изверженія и значительное количество веществъ, выбрасываемыхъ при образованіи вулкана, зависитъ отъ близости ледника.

Ни Писси, ни Филиппи не достигли вершины новаго вулкана. По Филиппи, изверженія вулкана, въ мартѣ 1862 г., не представляли ничего особеннаго; шлаки и куски лавы выбрасывались футъ на 300 или 500 въ вышину, и, вѣроятно большею частью падали обратно въ кратеръ (котораго не могъ видѣть Филиппи), частью же около него въ видѣ круга, котораго діаметръ составлялъ нѣсколько тысячъ футъ. Они казались черными, но ночью, безъ сомнѣнія, должны казаться раскаленными. Филиппи при этомъ не наблюдалъ никакого сотрясенія почвы. Взрывы и дымъ были сравнительно слабы. Шлаки и Rapilli, выбрасываемые новымъ вулканомъ, по Филиппи, ничѣмъ не отличаются отъ продуктовъ какъ вулкановъ Антуко и Озорно, такъ и италіанскихъ вулкановъ; они сважисты, легко растираемы и чернаго цвѣта.

Филиппи поражала незначительность количества дыма, подымавшагося съ вулкана Чильянъ до высоты не болѣе 500′ и потомъ совершенно исчезавшаго черезъ нѣсколько минутъ. Подобное явленіе онъ замѣчалъ и при двухъ изверженіяхъ вулкана Вильярика,

---

[1]) Это напоминаетъ катастрофу, постигшую въ 1840 г. долину св. Іакова на Араратѣ. См. П. Семенова географическо-статистическій словарь Росс. Имперіи. Т. I. стр. 120.

наблюдаемыхъ имъ издали, и съ трудомъ онъ могъ разглядѣть слабыя облака дыма надъ вершинами вулкановъ Озорно, Антуко и Хласкаръ (22½° ю. ш.). То же самое замѣчаетъ Гумбольдтъ [1]) о вулканѣ Пичинча близъ города Кито (Quito) и Морицъ Вагнеръ [2]) о Пичинча и вулканѣ Пакайя (Pacaya) въ республикѣ Гватемала. Филиппи того мнѣнія, что чилійскіе вулканы извергаютъ вообще гораздо менѣе дыма, т. е. водяныхъ паровъ, чѣмъ вулканы Италіи, и приписываетъ это значительному разстоянію чилійскихъ вулкановъ отъ берега моря.

Инженеръ Зимсенъ наблюдалъ, 1-го ноября 1861 г., кратеръ новаго вулкана съ весьма выгодной точки, лежащей въ полуверстѣ (1800′) въ сторону отъ кратера, во 100′ выше онаго. По его описанію, поперечникъ кратера около 150′. Главныя изверженія происходили каждыя 5 минутъ, при чемъ шлаки и камни выбрасывались на высоту 300′, а въ промежуткахъ не выше 100′. Минуты за двѣ или за три до каждаго большаго изверженія вдругъ дѣлалась тишина; потомъ густой столбъ дыма подымался съ страшнымъ шумомъ до высоты 100′, здѣсь происходилъ взрывъ, какъ залпъ изъ многихъ орудій; выбрасываемыя массы подымались въ видѣ снопа до 300′ и ниспадали въ видѣ полукруга на сѣверную сторону кратера на ½ версты и далѣе [3]).

На южномъ склонѣ Невадо-де-Чильянъ, не далѣе 1000′ отъ ледника, находиться сольфатара Cerro de Azufre, описанная Домейко и Филиппи [4]). Это ничто иное, какъ растреснувшая скала, не болѣе 1000′ въ поперечникѣ, изъ щелей коей подымаются пары сѣры. Они или сгораютъ на воздухѣ и обращаются въ сѣрнистую кислоту, или образуютъ налетъ на щеляхъ и на поверхности скалы. Почти вся желтая часть Cerro de Azufre состоитъ изъ землистой массы, которая есть смѣсь гипса, сѣры и глины; иногда сѣра составляетъ около половины ея по вѣсу. Рѣдко попадаются куски чистой сѣры въ 2″ или 3″. Изъ безчисленныхъ отверстій въ 8″, 10″, иногда и въ 12″ подымаются пары сѣрнистой кислоты и воды. Горѣніе происходитъ медленно, безъ вспышекъ; дымъ покрываетъ

---

[1]) Kosmos. IV, стр. 318.

[2]) «Geogr. Mitth.», 1862, стр. 409.

[3]) «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 255 и 256.

[4]) См. Neues Jahrbuch f. Mineralogie», 1852, стр. 683 — 685, и «Geogr, Mitth.» 1863, стр. 248 и 249. Близъ Cerro de Azufre находится озеро, см. тамъ же, стр. 249. Филиппи отзывается невыгодно о картѣ Гэ (Gay).

скалу въ видѣ тонкаго тумана. На поверхности скалы находятся большіе куски обсидіана, покрытые сѣрною корою или проникнутые сѣрою, подобно тому какъ Филиппи нашелъ ихъ въ кратерѣ Volcano близъ Липари. Филиппи полагаетъ, что сольфатара Cerro de Azufre меньше сольфатаръ Поццуоли и Вулкано въ Италіи, но существенно не отличается отъ нихъ. У подошвы Серро де Азуфре, близъ толстаго слоя вѣчнаго снѣга, находится нѣсколько горячихъ ключей, содержащихъ сѣрнистый водородъ (Aguas calientes) на высотѣ около 6500′ надъ уровнемъ моря [1]), которыхъ температура отъ 52° до 80° Цельзіуса. Самый большой изъ нихъ беретъ свое начало изъ пещеры, лежащей непосредственно подъ льдомъ, и въ 1100′ и 1500′ отъ своего источника, по Домейко, показываетъ еще 57° Цельз.

Нѣсколько далѣе, по картѣ Филиппи [2]), въ 3-хъ миляхъ отъ новаго вулкана, находятся цѣлительныя воды чильянскія (baños de Chillan) (36°20′ ю. ш.) [3]), къ которымъ проведена вода изъ ключей, лежащихъ нѣсколько выше, по барометрическому измѣренію Домейко въ 6115′ англ. (1864 метрахъ) надъ уровнемъ моря [4]). Въ «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 248, Филиппи приводитъ произведенный Домейко анализъ этихъ ключей; они содержатъ сѣрнистый водородъ и имѣютъ температуру отъ 50° до 100° Цельз.

Далѣе на сѣверъ, приблизительно подъ 35° ю. ш. [5]), образовалась въ 1847 году замѣчательная сольфатара на горѣ Азуль (Cerro Azul), извѣстная у жителей окрестностей подъ названіемъ новаго вулкана Cerro Azul и описанная Домейко въ Anales de la Universidad de Chile за 1851 годъ [6]). По его описанію, Cerro Azul и сосѣдняя съ нею гора Дескабезадо-де-Мауле [7]) суть два потухшихъ вулкана. *На склонѣ Дескабезадо*, въ долинѣ Инвернада, *видны потоки старой лавы*. По извѣстію, заключающемуся въ газетѣ Alfa, издаваемой въ городѣ Talca, такъ называемый новый вулканъ Cerro Azul

---

[1]) «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 248.

[2]) «Geogr. Mitth.» 1863, Taf. VIII.

[3]) Philippi въ «Geogr. Mitth.» 1861, стр. 431.

[4]) «Neues Jahrbuch f. Mineralogie», 1852, стр. 683.

[5]) По Филиппи; см. «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 255.

[6]) Я пользовался переводомъ Филиппи, помѣщеннымъ въ «Neues Jahrbuch für Mineralogie», 1852, стр. 662 — 682.

[7]) Такъ называетъ ее Филиппи, (Geogr. Mitth., 1863, стр. 243 и 255); Домейко пишетъ Дескабезадо.

открылся 26-го ноября 1847 года. Образованію его предшествовалъ гулъ, слышимый за 60 верстъ (12 leguas); запахъ сѣры былъ замѣтенъ за 26 leguas (136½ верстъ). Жители Ситрео и долины Rio Claro разсказывали Домейко, что въ этотъ день шелъ сильный дождь, что «вулканъ» открылся вечеромъ и что при этомъ гремѣлъ громъ и гора «ревѣла» безостановочно; затѣмъ слѣдовала темная ночь; въ продолженіе ея дождь шелъ ручьями, молнія сверкала безпрестанно въ Кордильерѣ, и съ высшей части долины Rio Claro вся Кордильера казалась какъ бы въ огнѣ. Пастухъ, пасшій въ это время скотъ въ долинѣ de los Leones, увѣрялъ Домейко, что склоны Cerro Azul, обращенные къ Дескабезадо, были освѣщены и «ревѣли», что скалы обваливались, будто вся гора распадалась въ куски. Но всѣ были согласны въ томъ, что при этомъ *незамѣтно было ни малѣйшаго сотрясенія почвы.* Дождь, гулъ и сѣрнистый запахъ повторялись и на слѣдующій день; на третій день шумъ умолкъ, воздухъ очистился, и вскорѣ распространился слухъ, что на Cerro Azul открылся новый вулканъ.

Двѣ недѣли спустя, два пастуха нашли ущелье и проходъ (Portezuelo) del Vicente между горами Cerro Azul и Descabesado de Maule заваленными каменьями; весь склонъ Cerro Azul дымился: изъ большихъ кучъ недавно упавшихъ камней подымался густой, зловонный дымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывалось пламя. Но обвалы, по ихъ показанію, въ то время не достигали еще мѣста, называемаго Vegas de Blanquillo. Эти же пастухи и нѣкоторые другіе нашли, немного спустя, въ долинѣ Инвернада пастбище Vedas de San Juan засыпаннымъ камнями, которые дымились и издавали густые сѣрнистые пары. Домейко полагаетъ, что обвалы уже тогда занимали въ долинѣ Invernada то же пространство, какъ въ 1851 году, но что они на западномъ склонѣ Андовъ распространились впослѣдствіи дальше до Vedas de Blanquillo.

Весь такъ называемый новый вулканъ Cerro Azul состоитъ изъ огромныхъ массъ недавно (въ 1847 году) раздробленныхъ скалъ, нагроможденныхъ въ видѣ огромныхъ кучъ на отвѣсномъ разстояніи 3,600′ пар., на протяженіи 10 верстъ (2 leguas), шириною около 800′, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3,000′. Нигдѣ не видно настоящаго кратера, незамѣтно ни взрывовъ, ни сотрясеній почвы; нигдѣ нѣтъ слѣдовъ ни вновь образовавшихся потоковъ лавы, ни пемзы, вулканическаго песку или пепла. Все это составляетъ огромную сольфатару, образованіе которой Домейко объясняетъ тѣмъ, что

подъ поверхностью горы, въ ущельи отдѣляющемъ обѣ горы, уже прежде существовала подземная щель, прикрытая сверху новѣйшими образованіями; она представляла наименьшее сопротивленіе дѣйствію вулканическихъ силъ.

По Ландгребе [1]) и Гумбольдту [2]), Молина упоминаетъ о большомъ боковомъ изверженіи вулкана Петероа, происходившемъ 3-го декабря 1762 года. При этомъ образовался новый кратеръ, и сосѣдняя гора треснула, съ страшнымъ шумомъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль. Выброшенный пепелъ и лава наполнили сосѣднія долины и запрудили рѣки Tinguiririca и Lontue. По Ландгребе, рѣка Tinguiririca беретъ свое начало на западномъ склонѣ вулкана de Azufre, который есть ничто иное, какъ вышеупомянутая сольфатара Cerro de Azufre, близъ горы Nevado de Chillan. Гумбольдтъ приводитъ Петероа въ числѣ дѣйствующихъ вулкановъ, и ссылается на Gay, посѣтившаго его въ 1831 году [2]). Но ни Домейко, ни Филиппи не упоминаютъ о вулканѣ Петероа. Въ описаніи своей поѣздки къ новому вулкану Чильянъ, Филиппи разсказываетъ [3]), что за сто верстъ отъ онаго открылся великолѣпный видъ на цѣпь Андовъ: на сѣверъ виднѣлась исполинская гора Дескабезадо-де-Мауле; далѣе на югъ Cerro Azul, Longoniella; прямо передъ нимъ возвышался Nevado de Chillan, а далѣе на югъ Антуко и Sierra Velluda (которую Домейко называетъ Cierra Belluda, а Pöppig Silla velluda). Все заставляетъ меня полагать, что Петероа есть ничто иное, какъ индѣйское названіе вулкана Дескабезадо-де-Мауле, такъ какъ положеніе обѣихъ горъ совпадаетъ очень близко.

Сѣвернѣйшій изъ *извѣстныхъ* дѣйствующихъ вулкановъ южнаго Чили, Майпо или Майпу, описанъ Мейеномъ, посѣтившимъ его въ 1831 году, но не достигшимъ вершины [4]). Кратеръ Майпо дымился въ то время. По мнѣнію Мейена, вулканъ Майпо никогда не извергалъ лавы, а только шлаки. По Писси, Майпо находится подъ 33°44′27″ ю. ш. и 72°11′40″,5 зап. долг. отъ Парижа, а высота его 17,664′ англ. [5]). Въ разстояніи двухъ дней пути отъ Майпо, Мей-

---

[1]) «Landgrebe, Naturgeschichte der Vulkane», т. I, стр. 428.

[2]) Kosmos, IV, стр. 552.

[3]) «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 243.

[4]) Kosmos, IV, стр. 552. Landgrebe, l. c. стр. 429 — 431. K. C. v. Leonhard, populäre Geologie, т. V, стр. 521 — 525.

[5]) «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 44.

енъ нашелъ гору въ 300′ вышиною, состоящую изъ пемзы, близъ мѣстечка Тольо (Tollo) [1]).

Сѣверная часть Чили мало извѣстна. Мы видѣли выше, что между горою Аконкагуа и 30° ю. ш. обыкновенно приводятъ три вулкана, но что они извѣстны только по имени; а мы знаемъ изъ отзывовъ Филиппи, что чилійцы называютъ каждую коническую вершину вулканомъ. Далѣе до 27° ю. ш. не упоминаютъ ни о какихъ вулканахъ.

Слѣдуя Петерману [2]), я называю Анды между 27° и 22° ю. ш. Атакамскими Андами (Andes v. Atacama). Они оставались долгое время совершенно неизвѣстными, пока Филиппи не изслѣдовалъ ихъ въ 1853 и 1854 годахъ по порученію чилійскаго правительства [3]). Дополненіемъ къ его извѣстіямъ служатъ путешествія Чуди [4]) и Бурмейстера [5]). По изслѣдованіямъ Филиппи, Анды образуютъ въ этихъ широтахъ не горную цѣпь, а широкую плоскую возвышенность, простирающуюся отъ юга на сѣверъ на высотѣ около 10,000 футъ, исподоволь опускающуюся къ западу и оканчивающуюся вдругъ у морскаго берега крутымъ обрывомъ въ 2,000 или 3,000 футъ [6]). Къ востоку она, по Чуди, переходитъ большими террассами въ равнины Ла-Платы [7]). На ней находится множество какъ отдѣльныхъ конусовъ и горныхъ группъ, такъ и горныхъ кряжей, идущихъ по чрезвычайно различнымъ направленіямъ [8]). Поверхность ея, по Филиппи, состоитъ большею частію изъ трахита; кромѣ остроугольныхъ кусковъ трахита, часто попадаются шлаки и другія вулканическія произведенія, если и нѣтъ вблизи никакихъ слѣдовъ кратера. По образцамъ обломковъ трахита, собраннымъ Бурмейстеромъ, профессоръ Жираръ (Girard) нашелъ трахитъ этотъ похожимъ на перловый камень. Въ мѣстечкѣ Атакама (San Pedro de Atacama или Atacama alta), во время пребыва-

---

[1]) K. C. v. Leonhard, pop. Geologie, т. V, стр. 522.

[2]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 67.

[3]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 52 — 64. Впослѣдствіи вышло отдѣльное сочиненіе Филиппи объ этомъ предметѣ.

[4]) Reise durch die Andes von Süd — Amerika, von Cordova nach Cobija im J. 1858 v. J. J. v. Tschudi. Ergänzungsheft № 2 zu Peterm. Geogr. Mitth. 1860.

[5]) «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 360 — 375. «Prof. Burmeister's Reise durch die Cordilleren zwischen Catamarca u. Copiapo im März 1860».

[6]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 63.

[7]) Чуди въ Ergänzungsheft № 2, стр. 29.

[8]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 63, и «Ergänzungsheft, № 2,» стр. 29.

нія въ немъ Филиппи, уже $1^1/_2$ года не видали ни капли дождя; но въ сопредѣльной (восточной) Кордильерѣ, по Чуди [1]), между маемъ и ноябремъ, обыкновено три раза въ годъ, бываютъ сильныя вьюги (Nevadas), весьма пагубныя для путешественниковъ. Все это плато представляетъ страшную пустыню, богатую солончаками, изъ которыхъ наибольшій есть Salina de Atacama («Geogr. Mitth» 1865, карта X); только изрѣдка встрѣчаются оазисы. Сухость атмосферы причиною тому, что снѣжная линія держится здѣсь на чрезвычайно значительной высотѣ. По Бурмейстеру, высота ея близъ прохода Come Cavallos ($27^1/_2{}^0$ ю. ш. и $71^0 35'$ зап. долг. отъ Пар.) составляетъ 14,784′ англ.; онъ же полагаетъ ее въ 15,500′ англ. на коническихъ вершинахъ горы Бонете (Cerro Bonete, $27^1/_4{}^0$ ю. ш. и $71^0 20'$ зап. долг. отъ Пар.) [2]). По мнѣнію Филиппи, высота снѣжной линіи въ Атакамскихъ Андахъ около 17,000′ англ. [3]), между тѣмъ какъ она, по его барометрическому измѣренію, основанному впрочемъ на довольно недостаточныхъ данныхъ, на вулканѣ Озорно (41^0 ю. ш.) находится на высотѣ 4,800′ англ. [4]).

Немного сѣвернѣе и далѣе на востокъ, Рекъ опредѣлилъ высоту снѣжной линіи въ восточной цѣпи Андовъ, такъ называемой царской Кордильерѣ (Cordillera real), на слѣдующихъ горахъ [5]):

	Въ англ. фут.
1. На Ильимани ($16^0 38'$ ю. ш., $70^0 9'$ зап. долг. отъ Пар.) въ концѣ сентября 1860 года, въ началѣ весны, когда уже очень часто идетъ дождь, снѣгъ и градъ	17,334′
(Писси нашелъ ее въ октябрѣ 1847 года. . .	17,257′)
2. Въ Cordillera de los Frayles ($19^0 54'$ ю. ш., $68^0 50'$ зап. долг. отъ Пар.), въ срединѣ августа, подъ конецъ зимы, въ которую вовсе не бываетъ дождя	17,274′
3. «Im Knotenpunct des Iuzeo» (по картѣ Сихо), близъ $20^0 6'$ ю. ш. и $69^0 3'$ зап. долг., въ срединѣ августа 1860 года	17,159′

[1]) «Ergänzungsheft № 2», стр. 22.

[2]) На Cerro Bonete 14,500 (?) пар. футъ; близъ Portezuello Come Cavallos 13,872′ пар.; см. «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. XVI.

[3]) 16,000′ пар.

[4]) 4,500′ пар.; см. «Neues Jahrbuch f. Mineralogie». 1852, стр. 941.

[5]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 284.

4. На Cerro de Chorolque (21° ю. ш., 68°23′ зап. долг.), въ концѣ марта 1861 года, въ началѣ осени, когда дожди весьма рѣдки . . . . . 17,799′

5. На Невадо-де-Эсмораka (Nevado de Esmoraca, 21°43′ ю. ш. и 68°36′ зап. долг.), въ концѣ марта 1861 года . . . . . 17,283′

Опредѣленія эти, если исключить гору Чоролке, даютъ высоту снѣжной линіи въ царской Кордильерѣ (Cordillera real, между 21°43′ и 16°38′), среднимъ числомъ въ 17,262′ англ. [1]).

Вернемся къ нашимъ вулканамъ.

Филиппи упоминаетъ о такъ называемой сѣрной горѣ (Cerro de Azufre) въ горахъ близъ Копіапо (Cordillere v. Copiapo) [2]). Бурмейстеръ видѣлъ издали такъ называемый вулканъ Копіапо [3]), покрытый вѣчнымъ снѣгомъ; онъ полагаетъ высоту его въ 19,000—21,000′ англ., но не высказываетъ своего мнѣнія объ его мнимомъ вулканическомъ свойствѣ. Я не въ состояніи рѣшить, тождественъ ли вулканъ Копіапо Бурмейстера съ Cerro de Azufre Филиппи.

На востокъ отъ Pio Фріо, около 25° ю. ш., находится другая гора, носящая то же названіе Cerro de Azufre; Филиппи издали видѣлъ ее дымящеюся [2]). Подъ тою же почти широтою находится, кажется, и такъ называемый вулканъ Антофагаста, а близъ него Volcancito; по Чуди, Антофагаста положительно не вулканъ [4]).

Высочайшею вершиною между городами Копіапо и Атакама (27 1/3 и 22 1/2 ю. ш.) Филиппи почитаетъ вулканъ Льюльяйлако (Llullailaco) или Льюльяйяку (Llullayacu), какъ пишетъ Чуди. Филиппи и Чуди видѣли его только издали: онъ иногда дымится [5]) и на немъ находятъ сѣру [6]).

На картѣ Чуди, слѣдуютъ далѣе по направленію отъ юга на сѣверъ вулканы Токонадо, Ликанкау и Атакама (или San Pedro de Atacama по Гумбольдту; но у Река приводятся два отдѣльныхъ вулкана: Атакама и Санъ-Педро).

---

[1]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 284.

[2]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 60.

[3]) «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 373.

[4]) «Ergänzungsheft № 2» и «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 365, гдѣ помѣщено извлеченіе изъ статьи Чуди объ электрическихъ явленіяхъ въ Кордильерахъ южной Америки.

[5]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 60, и 1860, стр. 365.

[6]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 60.

Филиппи называетъ, кажется, Токонадо вулканомъ Хласкаръ (Hlascar), который онъ видѣлъ дымящимся и объ изверженіи котораго, происходившемъ будто бы въ 1848 году, ему разсказывали туземцы, что пламя видно было не только въ мѣстечкѣ Атакама, но и въ Калама [1]). Чуди, по тщательнымъ распросамъ, произведеннымъ на мѣстѣ, увѣряетъ, что въ 1848 году не происходило никакого изверженія этой горы и что она называется не Хласкаръ, а Токонадо; она дымилась еще въ 1858 году [2]).

О Ликанкау я могу сказать только то, что изображеніе его и вулкана Токонадо помѣщено въ путешествіи Чуди [3]).

Гора Атакама, по Чуди [4]), сколько помнятъ старожилы, никогда не дымилась, и еще весьма сомнительно, вулканъ ли она.

И Чуди того мнѣнія, что между вершинами Атакамскихъ Андовъ, безъ сомнѣнія, находится нѣсколько вулкановъ, но что здѣсь необходимы точнѣйшія изслѣдованія, которыхъ мы едвали скоро дождемся: недостатокъ въ водѣ и въ кормѣ для вьючныхъ животныхъ, невѣрность погоды и сильные ураганы, сопровождаемые вьюгами, представляютъ почти неодолимыя преграды [5]).

Западное продолженіе Атакамскихъ Андовъ между 22° и 19° ю. ш. Петерманъ называетъ Тарапакскими Андами (Andes von Tarapaca) [6]), отъ имени перуанской области Тарапака, изслѣдованной неутомимымъ путешественникомъ Bollært. Къ сожалѣнію, я не могу пользоваться описаніемъ его путешествія, помѣщеннымъ въ журналѣ лондонскаго географическаго общества [7]).

По Петерману [8]), его показанія высотъ основаны не на точныхъ измѣреніяхъ, а только на глазомѣрной оцѣнкѣ. На картѣ № 5 въ «Geogr. Mitth.» за 1856 годъ показаны въ этихъ широтахъ вулканы Olca, de la Laguna и Isluga, всѣ значительной высоты и всѣ болѣе чѣмъ въ 20 геогр. миляхъ отъ берега моря. Горный инженеръ Рекъ (Hugo Reck), изслѣдовавшій Боливію въ продолженіе четырехъ лѣтъ, приводитъ между 22° и 19° ю. ш. вулканы: Санъ-Педро (21°50′),

[1]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 57.
[2]) «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 365 и Ergänzungsheft, № 2, стр. 27.
[3]) «Ergänzungsheft» № 2, стр. 27 и 34.
[4]) «Geogr. Mitth.» 1860, стр. 365.
[5]) «Ergänzungsheft», № 2, стр. 29.
[6]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 67.
[7]) По Петерману: Journal of the R. Geogr. Soc., vol. 21, 1851, стр. 99—130.
[8]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 70, и 1858; стр. 44.

Ольягуа (21°30′), Олька (Olca, 20°57′), Чела (20°45′), Туа (20°35′), Ислуга (19° 14′ по Smith) [1]).

Для легчайшаго обзора помѣщена ниже таблица всѣхъ такъ называемыхъ вулкановъ между 27½° и 16° ю. ш. Долгота, какъ и прежде, означена къ западу отъ Парижа. Римскія цифры означаютъ:

I. K. C. v. Leonhard, pop. Geologie, т. V, 1844; стр. 539—545.
II. Ch. Daubeny, die noch thät. u. erlosch. Vulkane. Bearb. v. G. Leonhard. 1850; стр. 264—266.
III. G. Landgrebe, Naturg. der Vulkane. T. I, 1855; стр. 434—440.
IV. C. Fr. Naumann, Lehrb. d. Geognosie. 2-е изд. т. I, отд. I, 1857; стр. 97 и 98.
V. A. v. Humboldt, Kosmos. т. IV, 1858; стр. 548—550.
VI. C. W. C. Fuchs, vulkanische Erscheinungen. 1865; стр. 71 и 72.
VII. Карта къ пут. Филиппи въ «Geogr. Mitth.» 1856, Taf. III.
VIII. Карта къ пут. Чуди (1858 г.) въ Ergänzungsheft № 2 (1860 г.) къ «Geogr. Mitth.»
IX. Карта къ пут. Бурмейстера въ «Geogr. Mitth.» 1860, Taf. XVI.
X. Карта Петермана въ «Geogr. Mitth» 1856, Taf. V.
XI. H. Reck, Geographie u Statistik der Republik Bolivia [2]).

(См. таблицу стр. 114, въ таблицѣ высота вулкановъ показана въ англійскихъ футахъ).

Близъ города Арика (18° 28′,5 ю. ш. и 72° 20′,6 зап. долг. отъ Парижа по опредѣленію Фризаха) [3]) западная цѣпь Андовъ измѣняетъ свое главное направленіе отъ юга на сѣверъ и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. На востокъ отъ Арика находится группа громадныхъ трахитовыхъ конусовъ [4]), изъ которыхъ три: Гуальятіери (Huallatieri), Паринакота и Помарапе слѣдуютъ одинъ за другимъ по направленію отъ юга на сѣверъ, а четвертый Сахама, лежитъ нѣсколько восточнѣе Помарапе [5]). Изъ нихъ два, Гуальятіери и Сахама суть дѣйствующіе вулканы; а Паринакота и Помарапе вѣроятно только снѣжныя горы, а не вулканы, такъ какъ они у лучшаго знатока этихъ странъ, Река, помѣщены въ числѣ Nevados [6]).

---

[1]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 282 и 285.
[2]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 257—261, 281—295 и карта Taf. X.
[3]) «Geogr. Mitth.» 1862, стр. 191.
[4]) Kosmos, IV, стр. 549.
[5]) По картѣ Река (Reck) въ «Geogr. Mitth.» 1865, Taf. X.
[6]) «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 282.

Гуальятіери (18°32′ ю. ш. по Реку), южнѣйшая изъ этихъ вершинъ, находится, по Пентланду, въ сильномъ дѣйствіи [1]). Усѣченная вершина его, имѣющая большой и глубокій кратеръ, подымается на 4,800′ англ. (4,500′ пар.) выше окружающей ее плоской возвышенности, состоящей изъ краснаго песчаника и весьма богатой мѣдными рудами [2]).

Сахама (18°12′) [3]) образуетъ чрезвычайно правильный усѣченный конусъ. K. C. v. Leonhard, Науманъ и Фуксъ смѣшиваютъ его съ Гуальятіери, отчего произошла большая путаница въ показаніи высотъ.

Примѣчаніе. У Добени помѣщенъ вулканъ Анаклаче (Ландгребе пишетъ Араклаче); это есть невулканическая гора Анаякчи (Cerro de Anayacchi), лежащая подъ 18°2′ по Реку [4]). Паринакота и Помарапе (по Добени и Фуксу Чунгара и Паринакота) такъ тѣсно связаны между собою, что носятъ у креоловъ названіе близнецовъ [5]). Показаніе Ландгребе, что Паринакота (у него напечатано Паранникота) именуется и Помарапе, ошибочно [6]). Рекъ не упоминаетъ о горѣ Чунгара; это кажется то же, что Помарапе. Едва ли Чунгара не индѣйское слово, имѣющее болѣе общее значеніе, какъ названіе Quethopillan, придаваемое, кромѣ Рипьигуэ, многимъ другимъ чилійскимъ вулканамъ [7]). По крайней мѣрѣ, по Петерману, гора Мерима въ Андахъ Тарапака называется также Tschunkura [8]). У Фукса, на стр. 118, помѣщенъ вулканъ Parimucutu, но это опечатка вмѣсто Parinacota.

Я не знаю куда отнести вулканъ Кандараве, на вершину котораго взошелъ, 12-го мая 1862 года, Чёрчъ (W. St. Church), гражданскій инженеръ перуанской службы, вмѣстѣ съ губернаторомъ (?)

---

[1]) См. Landgrebe, Leonhard, Naumann и Fuchs. Обыкновенно пишутъ Gualatieri; но Рекъ называетъ его Huallatieri.

[2]) Рекъ и Ondarza пишутъ Sajama; у большей части писателей мы находимъ Sahama.

[3]) Kosmos, IV, стр. 549; съ этимъ несогласно показаніе Ландгребе; стр. 435.

[4]) Daubeny стр. 265; Landgrebe, l. c., I, стр. 435; «Geogr. Mitth.» 1865, стр. 282.

[5]) Kosmos, IV, стр. 549, Daubeny, l. c.; стр. 265.

[6]) Сравни Humboldt, Kosmos, IV, стр. 549, и «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 44.

[7]) См. Фрикъ, въ «Geogr. Mitth.» 1864; стр. 52.

[8]) См. «Geogr. Mitth.» 1858, стр. 44.

НАЗВАНІЕ ВУЛКАНА.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	XI.
(Cerro de Azufre въ Кордильерѣ Коniano?)	—	—	—	—	—	—	
В. Koniano (Kopiapo)	—	—	—	—	?	—	. .
Cerro de Azufre ок. 25° ю. ш.?)	—	—	—	—	—	—	
Антофагаста (Antofagasta)	—	—	—	—	—	—	
Льюльяйяку (Llullayacu)	—	—	—	+	—	+	+
Токонадо (Toconado)	—	—	—	—	—	—	+
Хласкаръ (Hlascar)	—	—	—	+	—	+	+
Ликанкау (Licancau)	—	—	—	—	—	—	+
Атакама (Atacama)	—	+	+	+	+	+	+
Санъ Педро (San Pedro)	—	—	—	—	—	—	+
Олка (Olca)	—	—	—	+	—	—	+
Ольягуа (Ollagua)	—	—	—	—	—	—	+
V. de la Laguna	—	—	—	+	—	+	—
Чела (Chela)	—	—	—	—	—	—	+
Туа (Tua)	—	—	—	—	—	—	+
Исуга (Isluga)	—	—	—	+	+	+	+
Гуальятіери (Huallatieri)	+	+	+	+	+	+	+
Паринакота (Parinacota)	—	+	—	—	+	+	—
Помараре (Pomarape)	—	—	—	—	+	+	—
Сахама (Sajama)	. .	—	+	. .	+	. .	+
Чунгара (Chungara)	+	+	—	+	—	+	—
Аналкчи (Anayacchi)	—	+	—	—	—	—	—
Чипикани (Chipicani)	+	+	—	+	+	+	?
Volcan Viejo	—	—	+	—	+	—	—
Омато или Омате	+	—	+	+	+	+	. .
Пичу-Пичу (Pichu-Pichu)	+	—	—	—	+	—	. .
Уинчасъ	+	+	+	+	+	+	. .
Аркипа (Arequipa)	+	+	+	+	+	+	. .
Чакани (Chacani)	+	—	—	—	+	. .	. .
Чукибамба (Chuquibamba)	+	—	—	+	—	+	. .

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.										
ЮЖНАЯ ШИРОТА.				VII.		VIII.		IX.	
III.	IV.	V.	XI.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЗАП. ДОЛГ. ОТЪ ПАР.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЗАП. ДОЛГ. ОТЪ ПАР.	ЮЖНАЯ ШИРОТА.	ЗАП. ДОЛГ. ОТЪ ПАР.
. . .	. .	27°28′	. .	. . .	. . .	. . .	. . .	27°7′	71°38′
. . .	24°17′	. .	24°19′	24¹/₄°	71°	24°15′	70°25′	VII 20000′—21000′	
. . .	. . .	. .	22 28	. . .	. . .	22 30	70 10		
. . .	22°45′	. .	. .	22³/₄	70¾0′				
. . .	. .	. .	22°23′	. . .	. . .	22 20	70 10		
. . .	22°15′	22°16′	22 14	22¹/₄	70°	22 10	70 10		
. . .	. . .	. .	21 50	X.		XI San Pedro 18000′ (17000′ пар.).			
. . .	21°15′	. .	20 57	21¹/₄°	70°50′	X 18000′, XI ок. 17000′ (16000′ пар.).			
. . .	. . .	. .	21 30	. . .	. . .	XI около 18330′ (17200′ пар.).			
. . .	21°	. .	. .	21°	70³/₄°	X 20000′ по Bollaert.			
. . .	. . .	. .	20°45′	. .	. .	XI около 16050′ (15060′ пар.).			
. . .	. . .	. .	20 35	. .	. .	XI около 16000′ (15000′ пар.).			
. . .	19°10′	19°20′	19 14	19¹/₄	71¼°	X 17000′. XI 17000′ по Smith.			
. . .	. .	18 25	18 32	По Пентл. 21960′.					
. . .	. .	18 12	18 14	По Пентл. 22030′. XI 20322′.					
. . .	. .	18 8	18 12	По Пентл. 21700′. XI 20541′.					
. . .	. .	18 7	18 12	По Пентл. 22350′. По Ondarza 23098′. XI 21557′. — По Писси 21043′.					
. . .	. .	. .	. .	(III 21700′).					
. . .	. .	. .	18°2′	(II 18000′. III 18500′). XI 18501′.					
17°50′	. .	17°45′	17 42	(I 18397′. II, III и VI: 16998′). V 19738′. XI (по Пентл.): 19744′. VI, стр. 118 (V. de Tacora) 16738′.					
16 55	. .	16 55	. .	III 20000′—21000′ по Мейену.					
ок. 16°55′	. .	16 50	. .						
ок. 16¹/₂°	. .	16 25	. .	I 18496′.					
16°30′	. .	. .	. .	II > 16000′.					
15 45	. .	16°20′	. .	I 18975′. II 18300′. III 18000′. (по Пентл.). IV > 18340′. V 18879? VI 18000′ и 18341′ и т. д.					
. . .	. .	16 11	. .	I 19591′. V и VI (стр. 118) 19000′.					
. . .	. .	. .	. .	I > 21000′. II 21000′ по Пентл. VI, стр. 71 и 113, 21000′.					

Кандараве [1]). Высота вулкана опредѣлена имъ барометрически въ 18,962′ англ. Кратеръ, находившійся до того около 83 лѣтъ въ покоѣ, не представлялъ ничего особеннаго, только небольшую замерзшую лужу и два или три кусочка сѣры.

Но Чёрчъ разсказываетъ, что индѣйцы собираютъ съ двухъ вершинъ, лежащихъ ниже кратера, сѣру на продажу. У подошвы ближайшей изъ этихъ вершинъ виднѣлось огромное отверстіе, образовавшееся, можетъ быть, вслѣдствіе бокового изверженія; къ нему вели слѣды кугуара. Поперечникъ кратера около 400′, глубина около 100′. Съ вершины, между прочимъ, виднѣлся вулканъ Zutupaca, названіе, котораго я нигдѣ иначе не встрѣчалъ.

На сѣверо-востокъ отъ города Такора находится Чипикани или Volcan de Tacora [2]). На его восточной сторонѣ Пентландъ нашелъ кратеръ, незамѣченный однако Мейеномъ. Въ этомъ разрушенномъ кратерѣ или близъ него находится озеро, коего вода напитана сѣрнистою кислотою, и изъ котораго беретъ свое начало Rio Azufrado [3]). По Леонгарду, въ окрестностяхъ Чипикани нѣтъ никакихъ новѣйшихъ вулканическихъ произведеній, и окрестные жители не помнятъ никакихъ изверженій. По Ондарса и Рекъ Такора имѣетъ двѣ вершины: вулканъ? (Чипикани или Невадо) де-Такора (17°42′), и Кеньюта или Кенуата (17°37′). См. «Geogr. Mitth». 1860, стр. 320, и 1865, стр. 282.

Подъ именемъ Volcan Viejo Мейенъ означаетъ гору, лежащую близъ южнаго конца озера Титикака, въ окрестностяхъ которой онъ нашелъ огромное количество пемзы и нѣсколько потоковъ лавы, толщиною отъ 7 до 8′. Высоту ея надъ уровнемъ моря Мейенъ полагаетъ въ 19,000 или 20,000′. По Пёппигу, существованіе этого вулкана еще весьма сомнительно [4]). Рекъ не упоминаетъ о немъ.

Омате или Омато [5]), на 1° на западъ отъ V. Viejo, былъ наблюдаемъ Мейеномъ, кажется, только издали, и мало извѣстенъ. Ему приписываютъ большое изверженіе, случившееся въ 1667 году.

---

[1]) См. «Geogr. Mitth.» 1863, стр. 112 и 113. Положеніе вулкана означено 18° ю. ш. и 70° зап. долг. отъ Гринича. Я нигдѣ не могъ найти ни Candarave, ни Zutupaca.

[2]) Kosmos, IV, стр. 549. Landgrebe, l. c., стр. 436.

[3]) Landgrebe, стр. 436; Daubeny, l. c. стр. 265; Fuchs, l. c., стр. 71.—K. C. v. Leonhard, l. c., стр. 544.

[4]) Landgrebe, l. c., стр. 436 и 437.

[5]) Гумбольдтъ пишетъ Омато, Леонгардъ Омате и Омато, остальные Омате.

V. Viejo и Омате причисляются Гумбольдтомъ къ группѣ города Арекипа, состоящей кромѣ нихъ изъ горъ Пичу-Пичу (16°25′ ю. ш.), Увинасъ, вулкана Арекипа и Чакани (16°11′ ю. ш. [1]).

Пичу-Пичу и Чакани были приняты Пентландомъ за вулканы единственно въ угоду теоріи т. н. Erhebungskratere. Пичу-Пичу представляетъ длинный зубчатый гребень, по Пентланду часть стѣны такого Erhebungskrater, въ срединѣ коего возвышается вулканъ Арекипа. Онъ состоитъ изъ трахита, и вершина его гораздо выше снѣжной линіи [2]).

Вулканъ Увинасъ [3]), съ весьма значительнымъ кратеромъ, въ 7 миляхъ на юго-востокъ отъ вулкана Арекипа [4]); Мейенъ нашелъ его непокрытымъ снѣгомъ. Въ настоящее время онъ въ покоѣ, но въ XVI столѣтіи имъ были выброшены огромныя массы пепла, почти засыпавшія городъ Арекипа, и окрестности претерпѣли страшныя опустошенія.

Мисти или вулканъ Арекипа извѣстенъ лучше другихъ; онъ ниже описанъ подробнѣе.

Чакани [5]), на юго-восточной сторонѣ коего Curzon видѣлъ будтобы большой кратеръ, едва ли можетъ быть почитаемъ вулканомъ; къ нему относится то же, что сказано о Пичу-Пичу. Онъ видѣнъ изъ города Арекипа [6]).

Въ 8 миляхъ на сѣверѣ отъ Чакани [7]) находится высокая снѣжная гора Чукибамба, которая безъ достаточной причины принимается многими авторами за вулканъ; она имѣетъ видъ купола и состоитъ изъ трахита [8]).

Лучше другихъ перуанскихъ вулкановъ извѣстенъ Мисти или вулканъ Арекипа, едва ли не правильнѣйшій и прекраснѣйшій вулканическій конусъ цѣпи Андовъ, лежащій, приблизительно, подъ $16^1/_4{}^0$ ю. ш. и 73°50′ зап. долг. отъ Парижа [9]). Арекипа можетъ

---

[1]) По Пентланду, см. Kosmos, IV, стр. 548.

[2]) Landgrebe, стр. 437. Daubeny, стр. 265.

[3]) Uvinas, Ubinas или Uvillas.

[4]) Langrebe, стр. 437; но съ этимъ не согласуется показанное у Лангребе географическое положеніе обѣихъ горъ.

[5]) Chacani, Charcani или Cacheni.

[6]) Kosmos, IV, стр. 548.

[7]) Kosmos, IV, стр. 548.

[8]) Daubeny, стр. 265.

[9]) Въ 4 миляхъ на сѣверо-востокъ отъ города Арекипа (Kosmos, IV. стр. 548),

служить намъ примѣромъ сбивчивости въ показаніяхъ высотъ горъ южной Америки.

Высота *города* Арекипа надъ уровнемъ моря опредѣлена барометрически:

Пентландомъ и Риверо въ	7852′ англ. [1]).
а Фризахомъ въ	8334′ » [2]).
Въ 1796 г. Генке (Hänke), ботаникъ экспедиціи Маласпина, опредѣлилъ тригонометрически высоту вулкана Арекипа въ	20335′ англ.
Въ 1830 г. Пентландъ оцѣнилъ ее въ .	18374′ »
По тригонометрическому измѣренію французскаго офицера Долле (Dolley), вулканъ выше города на 11028′ англ., что, въ связи съ найденною Пентландомъ высотою города, даетъ высоту вулкана въ	18880′ (18877′)
Пентландъ означаетъ ее въ таблицѣ высотъ, помѣщенной въ физической географіи Мери Сомервиль (Mary Sommerville), въ	20320′ [3]) (20312′)
Фризахъ опредѣлилъ отчасти барометрически, отчасти тригонометрически, высоту вулкана въ	19704′ [4])
По Форбесу (см. «Geogr. Mitth.» 1864, стр. 36)	20150′

Трудно сказать, которому изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ отдать преимущество. Гумбольдтъ склоняется въ пользу третьяго и принимаетъ 18877′ англ. (17712′ пар.); но по Фризаху городъ Арекипа лежитъ почти на 500′ англ. выше, чѣмъ по опредѣленію Пентланда.

На вершину вулкана Арекипа взошелъ въ 1796 г. Генке (и нашелъ тамъ крестъ, поставленный въ 1784 г.), 31-го октября 1811 года американецъ Самуилъ Кёрзонъ (Curzon), и въ 1847 году Веддель (Dr. Weddel [5]). Мейенъ, подробнѣе другихъ описавшій вулканъ, не достигъ вершины. Древніе лѣтописцы и путешественники про-

---

котораго положеніе по Фризаху (K. Friesach): 16°24′ ю. ш. и 73°58′ зап. долг. отъ Парижа (Geogr. Mitth. 1862, стр. 191).

[1]) Kosmos, IV, стр. 528.

[2]) Geogr. Mitth., 1862, стр. 192.

[3]) См. Kosmos IV, стр. 528 и 529.

[4]) Geogr. Mitth. 1862, стр. 192 — у Гумбольдта означено 17712 пар. = 18877′ англ.; у Ondarza (Geogr. Mitth. 1860, стр. 320) по Пентланду, 20312′ англ.

[5]) Kosmos, IV, стр. 548. K. C. v. Leonhard, pop. Geologie V, стр. 540.

шедшаго столѣтія описали большія изверженія вулкана, разрушившія цѣлыя селенія и разогнавшія жителей окрестностей въ дальнія страны [1]). Въ 1830 г. онъ извергалъ камни, пепелъ, и въ августѣ 1831 г. Мейенъ нашелъ его еще дымящимся [2]).

Судя по изображенію вулкана Арекипа, находившемуся въ древней испанской лѣтописи, онъ въ прежнія времена имѣлъ усѣченную вершину, но Мейенъ нашелъ его въ видѣ правильнаго конуса [3]). Онъ крутъ и покрытъ пепломъ, пемзою и кусками обсидіана, которыхъ масса увеличивается особенно надъ предѣломъ растительности; только изрѣдка выдаются, въ видѣ столбовъ, отдѣльные трахиты (или андезиты).

Пемза чрезвычайно различна по цвѣту и по степени сцѣпленія, начиная отъ обыкновенной пемзы до плотнаго обсидіана. У подошвы горы встрѣчались конгломераты изъ пемзы. Пемза и обсидіанъ вулкана Арекипа часто заключали въ себѣ кристаллы роговой обманки и альбита.

Сколько извѣстно, *вулканъ Арекипа никогда не извергалъ лавы въ видѣ потоковъ.*

По разсказамъ прежнихъ путешественниковъ, взошедшихъ на Арекипа, поперечникъ его кратера около 1800′, и кратеръ окруженъ съ западной стороны крутыми скалами въ 300 — 400′; на южной сторонѣ онѣ ниже.

Въ окрестностяхъ города Арекипа находится множество минеральныхъ ключей, между прочимъ цѣлительныя воды Юра (Yura), содержащія желѣзо и сѣрнистый водородъ [4]).

Скажемъ кстати нѣсколько словъ объ явленіи, на которое Мейенъ первый обратилъ вниманіе естествоиспытателей, о т. н. сіяніи вулкановъ [5]). Мейенъ почитаетъ это сіяніе свойственнымъ *однимъ чилійскимъ вулканамъ*; по его наблюденіямъ, оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

---

[1]) Leonhard, l. c. V, стр. 539. Съ другой стороны Пентландъ утверждаетъ, что со времени прибытія испанцевъ не происходило большихъ изверженій Арекипа, въ 42-мъ томѣ Ann. de chimie et de physique, стр. 431 (по Ландгребе, l. c., стр. 440).

[2]) Kosmos, IV, стр. 549; Leonhard, l. c., стр. 540.

[3]) V. Leonhard, pop. Geol. V, стр. 541.

[4]) Сравни описаніе вулкана Арекипа «или Guagua Putina» въ Ландгребе. т. 1, стр. 437 — 440, (гдѣ разстояніе вулкана Арекипа отъ моря означено въ 39½ морскихъ миль), и Leonhard, populäre Geologie, т. V, стр. 540 — 543.

[5]) Смотри Ландгребе, стр. 432 — 434.

спокойнѣе воздухъ и чѣмъ яснѣе небо. Когда Мейенъ наблюдалъ это сіяніе съ хребта Кордильеры, то часто при этомъ слышалъ гулъ, въ родѣ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ; въ равнинѣ онъ никогда не слыхалъ этого гула. Въ Перу Мейенъ никогда не видалъ этого загадочнаго сіянія.

Мейенъ и Науманъ [1]) почитаютъ это сіяніе вулканическимъ явленіемъ; но Филиппи и, въ особенности, Чуди возстаютъ противъ этого объясненія. Чуди старается доказать, что Мейенъ наблюдалъ это сіяніе часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дѣйствующихъ вулкановъ, такъ какъ Аконкагуа не вулканъ и Атакама не дымился съ незапамятныхъ временъ [2]). Въ февралѣ 1854 года, Филиппи наблюдалъ каждую ночь въ высшей части Кордильеры между Ріо Фріо (25° ю. ш.) и Атакама (22½° ю. ш.) сильную зарницу, часто сопровождаемую молніею и громомъ и тогда, бо́льшею частью, и снѣгомъ [3]). Въ путешествіи своемъ чрезъ Анды (18-го іюня — 13-го августа 1860 года), Чуди описываетъ найденное имъ въ началѣ августа въ восточной части Атакамскихъ Андовъ сильное напряженіе электричества атмосферы. При малѣйшемъ треніи, искры сыпались изъ шерстяныхъ матерій; каждое движеніе сопровождалось непріятнымъ трескомъ; на каждомъ волосѣ у лошаковъ виднѣлась синеватая точка; изъ пальцевъ выходили электрическія искры [4]).

Чуди рѣшительно того мнѣнія, что такъ называемое сіяніе вулкановъ есть ничто иное какъ зарница. Оно начинается, по его словамъ, вскорѣ послѣ заката солнца и длится нѣсколько часовъ, но рѣдко за полночь, повторяясь почти правильными періодами въ 5, 8, 10 или 12 минутъ. Въ Сантъяго и Вальпарайзо оно видно только отъ ноября до апрѣля, а особенно сильно отъ января до марта, когда особенно часто бываетъ сильная гроза въ Кордильерахъ, а только въ видѣ рѣдкихъ исключеній въ остальные мѣсяцы. По Чуди, оно показывается точно также и въ Кордильерахъ Перу и Боливіи въ лѣтнія ночи, и, прибавляетъ Чуди, почти каждую ночь. Въ Перу Чуди наблюдалъ его почти исключительно на западной сторонѣ горъ, рѣдко на восточной; въ Боливіи онъ видѣлъ

---

[1]) Geognosie, 2 Aufl. т. I, отд. I, стр. 121 и 122.
[2]) См. «Geogr. Mitth.», 1860, стр. 365.
[3]) «Geogr. Mitth.» 1856, стр. 46.
[4]) «Geogr. Mitth.», Ergänzungsheft, № 2, стр. 25.

его, между прочимъ, надъ исполинскими вершинами цѣпи Ильимани, гдѣ нѣтъ вовсе вулкановъ.

Всѣ исчисленные мною вулканы Перу и Боливіи принадлежатъ къ западной цѣпи Андовъ, ближайшей къ Тихому океану. Старшій Леонгардъ, въ популярной своей геологіи, въ числѣ боливійскихъ вулкановъ упоминаетъ и вершины Сората и Ильимани [1]). Но если показанія высотъ обѣихъ этихъ горъ еще довольно сбивчивы, то изслѣдованія Пентланда и другихъ путешественниковъ дали несомнѣнный результатъ, что обѣ онѣ не вулканы, въ чемъ согласны всѣ новѣйшіе писатели [2]). Высота ихъ въ англійскихъ футахъ:

	Сората.	Ильимани.
По первому опредѣленію Пентланда .	25425′	24000′ [3]).
» второму опредѣленію его же . .	21286′	21149′ [4]).
» тригонометрич. измѣренію Писси .	—	21355′ [5]).
» картѣ Ондарса	25010′	24347′ [6]).

Петерманъ и Фризахъ отдаютъ первому опредѣленію Пентланда преимущество передъ вторымъ [7]); такимъ образомъ, Сората и Ильимани вѣроятно высочайшія горы Новаго Свѣта. Но измѣренія Река даютъ другой результатъ [8]); по нимъ высота южной (высочайшей) вершины Ильимани = 21337′ англ.

Далѣе на сѣверъ, подъ 14°8′ ю. ш. и 73°40′ зап. долг., въ разстояніи болѣе 45 геогр. миль отъ морскаго берега, Пентландъ нашелъ потухшій, но хорошо сохранившійся кратеръ у подошвы *восточной* цѣпи Андовъ [9]). Онъ находится на вершинѣ горы, имѣющей видъ конуса, близъ Санъ-Педро де-Кача въ долинѣ Юкай (Yucay), въ высотѣ почти 12000′ англ. (11300′ пар.). Этотъ кратеръ извергалъ *лаву*; потоки ея видны понынѣ. Разстояніе его отъ морскаго берега, говоритъ Гумбольдтъ, больше чѣмъ разстояніе вулкана Сангай (Sangay), находящагося въ постоянномъ дѣйствіи и

---

[1]) K. C. v. Leonhard, populäre Geologie, т. V, стр. 545.

[2]) Смотри Kosmos, IV, стр. 293, и Naumann, Geogn., 2-е изд., т. I, отд. I, стр. 97. Давидъ Форбесъ, см. «Geogr. Mitth.» 1864, стр. 36.

[3]) Kosmos, IV, стр. 530; 23869, см. Leonh., pop. Geol. V. стр. 545.

[4]) Geogr. Mitth., 1858, стр. 44, и Kosmos, IV, стр. 293.

[5]) Kosmos, IV, стр. 530.

[6]) Peterm.'s Geogr. Mitth. 1860, стр. 320.

[7]) Geogr. Mitth. 1860, стр. 321, и 1862, стр. 192.

[8]) Geogr. Mitth. 1865, стр. 284.

[9]) Kosmos, IV, стр. 321 и 557.

принадлежащаго къ восточной цѣпи Андовъ въ Кито (Quito), больше чѣмъ разстояніе вулкановъ Оризаба (Orizaba) и Іорулло (Iorullo [1]), въ Мехико.

За исключеніемъ развѣ этого кратера и сомнительнаго вулкана Чакани (16°11′), между вулканомъ Арекипа (16¼° ю. ш.) и вулканомъ Сангай (2° ю. ш.) неизвѣстно ни одного вулкана на разстояніи 240 геогр. миль [2]). Сангай есть южнѣйшій изъ вулкановъ Кито (Quito), получившихъ громкую извѣстность чрезъ достопамятное путешествіе Гумбольдта и Бонплана. Они изслѣдованы лучше другихъ вулкановъ южной Америки, послѣ Гумбольдта между прочимъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Буссенго и, въ новѣйшее время, неутомимымъ путешественникомъ М. Вагнеромъ.

Они будутъ предметомъ слѣдующей статьи.

Гейдельбергъ, 1/13 февраля 1866 года.

2. О встрѣчѣ двухъ морскихъ теченій, наблюдаемой 3/15 марта 1857 года въ южномъ атлантическомъ океанѣ, подъ 42½° южной широты и 55¾° западной долготы отъ Парижа.

На приложенной карточкѣ, копіи съ карты «der Geographisch-artistischen Anstalt v. F. A. Brokchaus» въ Лейпцигѣ [3]), изображены изотермы морской поверхности близъ восточнаго берега южной Америки, какъ онѣ представлены на картахъ извѣстнаго американскаго гидрографа Maury (Wind and Current Charts, Thermal Sheet). Въ мартѣ, изотерма 50° по Фаренгейту представляетъ по Maury чрезвычайно неправильную кривую; въ сентябрѣ она имѣетъ болѣе правильный видъ, но очень близко подходитъ къ изотермѣ 60°. Мнѣ кажется, что въ новѣйшее время въ Германіи слишкомъ мало довѣряютъ картамъ Мори, хотя онѣ, безъ сомнѣнія, составлены на основаніи весьма несовершенныхъ данныхъ. На пути изъ Ситхи въ Кронштадтъ, въ 1856 г. и 1857 г., на кораблѣ россійско-американской компаніи «Николай I», командиръ Юселіусъ, я наблюдалъ посредствомъ двухъ ртутныхъ термометровъ температуру моря близъ его поверхности и температуру атмосфернаго воздуха на шканцахъ корабля «Николай I». Прилагая на отдѣльной таблицѣ наблюденія,

---

[1]) Kosmos, IV, стр. 321 и 557.

[2]) Kosmos, IV, стр. 547.

[3]) Taf. II — V des Lehrbuchs der Meteorologie v. E. E. Schmidt. 1860.

произведенныя мною въ мартѣ 1857 года (по новому стилю), обращаю вниманіе на температуру моря 15-го (3-го) марта.

въ	6	час. утра	темп. моря +	9^0,7	Р.,	темп. воздуха +	9^0,6	Р.
»	8	» »	»	8^0,8	»	»	9^0,4	»
»	10	» »	»	8^0,8	»	»	9^0,8	»
»	полдень		»	9^0,1	»	»	8^0,9	»
»	2	час. пополудни	»	9^0,7	»	»	$10^0$2,	»
»	4	» »	»	14^0,2	»	»	10^0,4	»
»	5	» »	»	14^0,2	»			
»	5½	» »	»	14^0,1	»			
»	6	» »	»	14^0,0	»			
»	6½	» »	»	13^0,9	»			
»	7	» »	»	14^0,0	»			
»	10	» »	»	14^0,0	»			

По полуденной обсерваціи, мѣсто корабля «Николай I» въ полдень 15-го (3-го) марта 1857 г. было 42°42′ ю. ш. и 56°5′ зап. долг. отъ Парижа (53°45′ отъ Гринича). Въ 4 часа пополудни корабль находился около 42½° ю. ш. и 55¾° зап. долг. отъ Парижа. Въ полдень температура моря была + 9^0,1 Р., въ 2 часа пополудни + 9^0,7 Р., а въ 4 часа пополудни + 14^0,2 Р., что даетъ разность въ 4^0,5 Р. впродолженіе двухъ часовъ. Такой рѣзкій переходъ въ температурѣ моря можно, кажется, объяснить единственно *встрѣчею двухъ теченій, изъ которыхъ одно, холодное, идетъ отъ мыса Горна* по главному направленію на С. З., а *другое, болье теплое*, представляющее вѣроятно болѣе изогнутую кривую, *отъ устьевъ рѣки Ла-Платы*. Безъ сомнѣнія, предѣлы этихъ теченій измѣняются по временамъ года; существованіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію и представллетъ интересный фактъ въ физической географіи моря.

Гейдельбергъ, $\frac{\text{22-го февраля}}{\text{6-го марта}}$ 1866 года.

Мартъ 1857 г. Нов. ст. число.	Мѣсто корабля «Николай I» въ истинный полдень.				Температура моря близъ поверхности по реомюру.						
	Южная широта.		Западная долгота отъ Парижа.		6 часовъ утра.	8 часовъ утра.	10 часовъ утра.	Полдень.	2 часа по полудни.	4 часа по полудни.	6 час. по полудни.
	Обсерв.	Счислимая	По хроном.	Счислим.							
1	»	(54°42′)	»	(105°22′)	»	»	5,3	5,5	5,7	5,6	5,6
2	55°41′	(55 38)	101°7′	(101 25)	»	5,6	5,2	4,9	4,6	»	4,7
3	56 54	(56 39)	95 18	(95 35)	4,5	4,6	4,9	5,0	4,7	4,5	4,7
4	57 31	(57 21)	89 19	(90 16)	4,6	4,5	4,6	4,4	4,6	4,4	4,4
5	57 58	(57 50)	83 8	(83 50)	»	4,4	4,4	4,6	4,5	»	4,6
6	»	(58 25)	»	(78 3)	»	4,5	4,3	»	4,8	4,8	5,0
7	58 47	(58 22)	70 27	(72 3)	»	4,4	4,0	3,2	3,2	3,1	2,9
8	57 50	(57 52)	65 20	(65 54)	»	3,4	2,9	1,6	2,6	3,4	4,1
9	55 37	(55 30)	63 58	(64 12)	»	5,0	4,9	4,7	4,4	5,0	5,0
10	53 0	(53 15)	61 35	(61 25)	»	5,9	5,8	6,1	6,0	6,0	6,1
11	»	(50 55)	»	(57 50)	»	5,9	5,9	5,9	5,9	6,0	5,9
12	48 7	(48 47)	56 30	(56 56)	»	8,0	7,8	7,8	8,3	8,4	8,3
13	46 53	(46 55)	»	(57 55)	»	9,8	9,7	9,6	9,6	9,7	9,7
14	»	(45 52)	»	(56 31)	»	9,6	9,6	9,6	9,8	9,6	9,6
15	42 42	(42 48)	56 5	(55 6)	9,7	8,8	8,8	9,1	9,7	14,2	14,0[1]
16	42 7	(41 56)	53 38	(53 53)	»	14,5	»	13,7	»	»	14,4
17	40 18	(40 42)	50 59	(51 14)	15,9	15,4	15,4	15,5	16,0	16,0	»
18	39 17	(39 12)	51 12	(51 9)	»	14,5	14,8	15,0	15,7	16,6	17,1
19	»	(37 34)	»	(52 8)	17,2	16,7	16,9	16,5	16,4	16,4	16,5
20	37 12	(36 46)	»	(52 3)	»	16,4	16,4	16,6	16,9	16,9	16,7
21	34 8	(34 30)	50 8	(49 50)	16,5	16,5	16,4	16,0	16,7	18,4	19,4
22	»	(30 32)	»	(49 2)	»	19,4	19,7	19,7	19,6	19,7	19,7
23	28 19	(28 1)	50 47	(50 7)	19,6	19,7	19,0	18,2	18,1	18,1	18,0
24	28 51	(28 29)	»	(50 23)	19,2	18,8	19,1	19,5	19,5	19,4	19,7
25	30 10	(29 56)	»	(49 59)	»	»	19,1	»	19,6	19,5	19,5
26	»	(29 2)	»	(49 23)	19,4	»	19,4	19,3	19,6	19,4	19,3
27	28 8	(27 42)	49 12	(49 27)	»	19,2	19,4	19,9	20,0	19,8	19,8
28	26 57	(26 41)	49 41	(49 42)	19,2	19,2	19,2	19,8	»	20,0	»
29	27 5	(27 5)	50 30	(50 36)	19,4	19,6	19,7	»	19,3	18,5	18,0

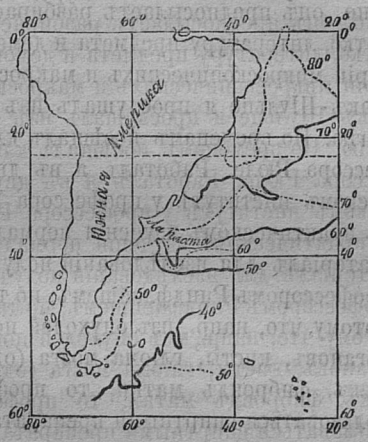
Въ этой графѣ первое число означаетъ обсерв. широту, второе счислимую широту.

Въ этой графѣ первое число означаетъ долготу по хронометру въ истинный полдень, второе счислимую долготу.

[1] Температ. моря 15-го марта: 2 часа по полудни 9°,7; 4 часа 14°,2; 5 час. 14°,2; 5½ час. 14°,1; 6 час. 14°,0; 6½ час. 13°,9; 7 час. 14°,0; 10 час. 14°,0

МАРТЪ 1857 г. НОВ. СТ. ЧИСЛО.	ТЕМПЕРАТУРА ВОЗДУХА НА ПАЛУБѢ КОРАБЛЯ «НИКОЛАЙ I», ПО РЕОМ.						
	6 часовъ утра.	8 часовъ утра.	10 часовъ утра.	полдень.	2 часа по полудни.	4 часа по полудни.	6 час. по полудни.
1	»	»	5,4	5,9	5,9	4,3	3,8
2	»	4,9	4,7	4,7	»	»	3,8
3	3,9	5,1	5,5	4,8	5,3	5,1	4,4
4	4,3	4,3	4,6	4,6	4,7	4,7	4,7
5	»	4,7	4,5	4,5	4,8	»	3,7
6	»	3,1	3,7	»	4,2	4,7	4,7
7	»	5,7	5,4	6,3	5,4	4,5	4,0
8	»	»	3,6	3,7	4,4	4,4	4,6
9	»	5,1	4,8	4,5	5,1	»	4,0
10	»	5,2	5,3	4,4	5,5	5,6	5,5
11	»	6,6	7,1	7,5	7,7	7,3	7,1
12	»	8,7	8,3	8,6	8,9	9,1	8,4
13	»	10,3	10,3	10,7	11,1	10,3	10,4
14	»	9,6	9,9	10,2	10,0	10,3	9,7
15	9,6	9,4	9,8	9,9	10,2	10,4	»
16	»	13,3	13,5	13,4	13,2	»	»
17	13,8	14,2	14,8	15,5	16,9	16,2	»
18	»	15,7	16,1	16,4	15,5	15,9	16,2
19	16,0	16,5	16,5	16,3	15,7	15,8	15,5
20	»	»	17,5	17,8	16,9	16,9	16,8
21	15,9	16,0	16,2	15,7	15,2	15,7	15,5
22	»	16,8	17,9	17,3	18,0	17,7	17,6
23	18,2	18,6	19,5	19,9	19,0	18,5	18,4
24	18,3	18,5	18,9	19,9	18,5	17,5	17,9
25	»	»	»	»	19,4	19,5	19,1
26	18,3	»	»	»	»	18,9	»
27	»	18,8	»	»	»	»	»
28	18,8	»	»	»	»	»	»
29							

Карта изотермы по Мори (Maury).



..... изотерма марта.

~~~ » сентября.

Изотермы у Maury означены по Фаренгейту:

40°	Фаренг.	=	3°,6 Реом.
50	»		8,0 »
60	»		12,4 »
70	»		16,9 »
80	»		21,3 »
~~~

8) Доктора медицины Михаила Суботина.

(За январь, февраль и мартъ мѣсяцы 1866 года).

Занятія мои въ эти мѣсяцы состояли въ посѣщеніи лекцій профессора патологической анатоміи Риндфлейша и его курса патологическихъ вскрытій. Профессоръ Риндфлейшъ успѣлъ въ зимнемъ семестрѣ изложить патологическую анатомію внутреннихъ болѣзней и на своемъ публичномъ курсѣ болѣзни костей. Излагая живо и ясно, онъ предпосылаетъ разбираемому болѣзненному процессу, коротко, литературу предмета и демонстрируетъ очень много въ аудиторіи микроскопическихъ и макроскопическихъ препаратовъ. У проф. Макъ-Шульце я прослушалъ изъ описательной анатоміи спланхнологію. По временамъ посѣщалъ клинику внутреннихъ болѣзней профессора Рюле. Работалъ я въ двухъ лабораторіяхъ. Въ патологическомъ институтѣ у профессора Риндфлейша занятія мои состояли въ практическомъ изученіи нормальной и патологической гистологіи. Матеріалъ для изслѣдованій получался изъ труповъ, вскрываемыхъ профессоромъ Риндфлейшемъ; но такъ какъ этого было недостаточно, потому что, напр., изъ опухолей попадались только раки различныхъ органовъ, кисты, гліома мозга (одинъ разъ), полипы толстыхъ кишекъ, фиброидъ матки, то профессоръ Риндфлейшъ предложилъ пользоваться спиртными препаратами его кабинета. О томъ, что, разсматривая подъ микроскопомъ восковидно перерожденные мускулы изъ труповъ тифозныхъ, я о регенераціи мускульныхъ волоконъ пришелъ ко взглядамъ, противоположнымъ недавно высказаннымъ Вуельдауеромъ объ этомъ предметѣ, я уже упоминалъ въ прежнемъ отчетѣ. Результаты этой работы въ небольшой статьѣ посланы мной для опубликованія. Другихъ самостоятельныхъ работъ микроскопическихъ я въ этомъ семестрѣ не предпринималъ, потому что былъ занятъ иными изслѣдованіями, какъ будетъ видно дальше. Главная цѣль моихъ занятій въ патологической лабораторіи заключалась въ обстоятельномъ изученіи гистологическаго строенія нормальныхъ и больныхъ тканей организма.

Цѣль моего изученія за границей — общая патологія. На сколько немыслимо ея знаніе безъ знанія патологической анатоміи и клиническихъ наблюденій, на столько невозможна общая патологія безъ физіологіи; поэтому я прилежно занимался послѣдней у профессора Пфлюгера; въ его лабораторіи я началъ самостоятельныя работы, о нихъ теперь поговорю.

Что касается мѣста, гдѣ образуется моча и по преимуществу мочевина, то прежде полагали, что послѣдняя приготовляется въ почкахъ, подобно тому какъ желчь въ печени. Но многочисленныя химическія изслѣдованія показали противное. Они обнаружили присутствіе мочевины и мочевой кислоты (по Lehmann'у) въ нормальной крови, и накопленіе ихъ въ крови и тканяхъ за вырѣзываніемъ почекъ. Изъ другихъ составныхъ частей мочи гипуровая кислота найдена въ крови быковъ и лошадей; образованіе креатинина доказано въ мускулахъ изъ креатина. Гарлей выдѣлилъ красящее вещество мочи, составляющее измѣненіе гематина и содержащее желѣзо. О такъ называемыхъ экстрактивныхъ веществахъ, куда между прочимъ можно причислить омихмилоксидъ и кислоты дамалуровую, тауриловую и проч., очень мало извѣстно, какъ объ ихъ химическомъ составѣ, такъ и объ мѣстѣ ихъ происхожденія.

Въ виду такихъ изслѣдованій, показавшихъ присутствіе составныхъ частей мочи въ нормальной крови и тканяхъ, вопросъ первой важности въ физіологіи почекъ — сами ли онѣ, изъ матеріала доставляемаго кровью, вырабатываютъ составныя части мочи, или послѣднія находятся уже готовыми въ крови и железы только выдѣляютъ ихъ — былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. По крайней мѣрѣ для мочевины, мочевой кислоты и солей извѣстно, что они приносятся въ почки готовыми. Такой взглядъ на роль почекъ въ организмѣ несправедливъ. Образованіе нѣкоторой части веществъ, выдѣляемыхъ мочей, нужно уже a priori допустить въ почкахъ, потому что послѣднія, какъ всѣ органы, подлежатъ процессу обмѣна веществъ. Въ почечной ткани находятся вещества низшей степени окисленія: тауринъ, цистинъ, гипоксантинъ (Cloëtta), которыхъ нѣтъ въ мочѣ, и надо думать, что, подъ вліяніемъ почечнаго эпителія, эти вещества переходятъ въ мочевину. Въ послѣднее время добыто нѣсколько фактовъ, прямо говорящихъ въ пользу того, что изъ веществъ, приносимыхъ кровью, въ почкахъ вырабатываются нѣкоторыя главныя составныя части мочи. Oppler (Beiträge zür Lehre der Urämie. Virch. Arch. Bd. 21 p. 260) производилъ у собакъ искусственную уремію вырѣзываніемъ почекъ или перевязкой мочеточниковъ. Химическій анализъ показалъ въ крови и мышцахъ, при перевязкѣ мочеточниковъ, гораздо больше мочевины, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уремія была вызвана экстирпаціей почекъ. Относительно креатина, содержаніе мочевины находится въ обратномъ отношеніи. При перевязкѣ мочеточниковъ, много въ крови мочевины

и незначительное количество креатина въ мускулахъ (въ 1½ ф. = 0,5 grm.), и наоборотъ, съ вырѣзываніемъ почекъ, цифра содержанія мочевины въ крови значительно уменьшается, а содержаніе креатина въ мускулахъ увеличивается (на 1½ ф. мяса — 2,2 grm креатина). Эти изслѣдованія подтверждены Perls'омъ (Beiträge sur Lehre der Urämie. KönigsB., med. Jahrbuch. Bd. IV) и Залѣскимъ (Untersuchungen über den urämischen Process und die Function der Nieren. Tübingen, 1865). Выводы, полученные послѣднимъ изъ опытовъ надъ собаками, вполнѣ согласны съ полученными Oppler'омъ. Особенно интересны его опыты на птицахъ и змѣяхъ, въ мочѣ которыхъ, какъ извѣстно, мѣсто мочевины занимаетъ мочевая кислота. Съ перевязкой мочеточниковъ у птицъ, мочево-кислыя соли отлагаются въ различныя части тѣла: въ околосердечную сумку, суставы, лимфатическіе сосуды; то же самое наблюдается у змѣй. Съ вырѣзываніемъ же почекъ у змѣй, эти мочево-кислыя отложенія бываютъ очень ограничены и ограничиваются только нижнею половиной тѣла. Мои прежнія изслѣдованія (Патологія крови при уреміи, 1863. С.-Петербургъ) доказали, что, съ вырѣзываніемъ почекъ у собакъ, въ мускулахъ, крови, мозгу накопляется въ огромномъ количествѣ креатининъ.

Результаты мною приведенныхъ работъ ведутъ къ мысли, что почка органъ, не только выдѣляющій изъ крови специфическія вещества мочи, но и сама она принимаетъ участіе въ образованіи нѣкоторыхъ составныхъ частей ея. Прямые опыты, доказывающіе способность почечной паренхимы образовать мочевину, сколько мнѣ извѣстно, произведены однимъ Heynsius'омъ (Arch. f. d. Holländischen Beiträge zu den anat. und phys. Wissenschaften. Bd. 1. S. 243). Ему удалось доказать на вырѣзанной почкѣ увеличеніе уже прежде находившейся въ ней мочевины теплотой варенія. Количество мочевины онъ опредѣлялъ титрированнымъ растворомъ азотнокислой окиси ртути; но способъ анализа вноситъ такія ошибки въ изслѣдованіе, что на выводъ Heynsius'а, какъ мы сейчасъ увидимъ, положиться невозможно.

Я экстирпировалъ почки у живыхъ собакъ или, предварительно убивъ животное, бралъ тотчасъ эти органы для изслѣдованія. Снявъ оболочку, почка разрѣзывалась возможно мельче, стиралась съ сухимъ, чистымъ пескомъ и выщелачивалась перегнанной водой нѣсколько разъ впродолженіи часа. Всѣ полученныя вытяжки сливались вмѣстѣ, почки выжимались руками сквозь холстъ. Въ этомъ водномъ настоѣ бѣлокъ створаживался кипяченіемъ съ прибавле-

ніемъ уксусной кислоты; жидкость процѣживалась, и въ опредѣленной по объему части процѣда (40 — 30 сс.) фосфаты и сѣрнокислыя соли удалялись смѣсью барита, хлориды азотно-кислымъ серебромъ, и затѣмъ опредѣлялась мочевина титрированнымъ растворомъ азотнокислой окиси ртути. Этимъ способомъ найдено:

Въ обѣихъ почкахъ, вѣсомъ 50 grm., отъ собаки умѣренной величины, мочевины было 0,787 grm.

Отъ большой собаки, обѣ почки, вѣсомъ 72 grm., показали въ себѣ 0,473 grm. мочевины.

Обѣ почки, вѣсомъ въ 53 grm., дали 0,605 grm. мочевины.

Для повѣрки мнѣнія Heinsius'a, что теплота увеличиваетъ въ вырѣзанной почкѣ содержаніе мочевины, взяты обѣ почки, измельчены, стерты съ пескомъ, выщелочены перегнанной водой, вытяжки процѣжены сквозь холстъ. Полученное количество жидкости, 720 сс., раздѣлено на двѣ части; въ одной 350 сс. створоженъ бѣлокъ, и мочевины, по способу Либиха, найдено 0,210 grm.; остальные 370 сс. жидкости дигерированы въ водяной банѣ при 38° — 40° С., впродолженіи двухъ часовъ; послѣ того бѣлокъ удаленъ, и анализъ по тому же способу далъ въ этомъ количествѣ жидкости 0,335 grm. мочевины. Почки, оставшіяся послѣ вытяжки, были еще нѣсколько разъ промыты водой; въ полученной жидкости азотнокислая окись ртути не обнаруживаетъ присутствія мочевины. Выщелоченная такъ почечная паренхима снова налита водой и поставлена въ водяную баню при температурѣ 38° — 40° С., на одинъ часъ; въ полученной отсюда жидкости 90 сс. способомъ Либиха обнаружено 0,070 grm. мочевины. Этотъ опытъ говоритъ за развитіе теплотой въ почкѣ и водной изъ нея вытяжкѣ вещества, способнаго осаждаться азотнокислой окисью ртути; но, основываясь на одной этой реакціи, принять это вещество за мочевину невозможно, такъ какъ въ мочѣ находятся тѣла, дающія нерастворимыя соединенія съ азотнокислой окисью ртути, а именно: креатининъ, аллантоинъ, экстрактивныя вещества и пр. Единственный вѣрный путь количественнаго опредѣленія въ смѣси мочевины состоитъ въ выдѣленіи ея въ видѣ азотнокислой, и при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мы употребляли этотъ болѣе трудный, но вѣрный способъ анализа. Для этого водныя вытяжки, по створаживаніи бѣлка и процѣживаніи, выпаривались въ водяной банѣ до-суха, остатокъ тщательно выщелачивался кипящимъ абсолютнымъ алкоголемъ, алкогольная вытяжка процѣживалась, выпаривалась въ водной банѣ до сиропозной консистен-

ціи, затѣмъ по охлажденіи на льду приливалась къ ней азотная чистая кислота (не содержащая азотистой) удѣльнаго вѣса 1,2—1,3. Черезъ 3 — 4 часа, чашечка вынималась изъ охлаждающей смѣси, образовавшійся осадокъ собирался на взвѣшенной фильтрѣ, фильтра съ осадкомъ просушивалась сперва между пропускной бумагой, затѣмъ въ воздушной банѣ при температурѣ не выше 100° С. Такимъ образомъ получено:

Въ обѣихъ почкахъ, мочевины въ видѣ азотнокислой:

Вѣсъ обѣихъ почекъ.	Количество въ нихъ азотнокислой мочевины.
52 grm.	0,122 grm.
37 »	0,098 »
69 »	0,140 »
58 »	0,112 »

Полученный осадокъ, по взвѣшиваніи, всегда подвергался микроскопическому изслѣдованію; онъ состоялъ изъ шестисторонныхъ призмъ или тупыхъ октаэдровъ.

Опредѣленіе мочевины такимъ способомъ не показываетъ развитія ея въ почечной ткани теплотой варенія. Что видно изъ слѣдующихъ опытовъ:

1) Изъ почекъ, вѣсомъ въ 76 grm., водной вытяжки получено 673 cc. Въ 330 cc., тотчасъ анализированныхъ на содержаніе мочевины, получено 0,052 grm. азотнокислой мочевины; другія 342 cc. дигерированы въ водяной банѣ при 38° — 40° С. два часа, затѣмъ створоженъ бѣлокъ кипяченіемъ; азотнокислой мочевины найдено въ этомъ количествѣ жидкости 0,032 grm.

2) Изъ почекъ, вѣсомъ въ 61 grm., водной вытяжки получено 520 cc. Во взятыхъ отсюда 270 cc. азотнокислой мочевины найдено 0,029 grm.; въ другихъ 250 cc., подвергшихся впродолженіи 2-хъ часовъ нагрѣванію (38°—40° С.), азотнокислой мочевины было 0,038 grm.

Для опредѣленія вліянія почечной паренхимы на превращеніе нѣкоторыхъ веществъ въ мочевину, почки, полученныя отъ живаго животнаго, изрѣзывались, стирались съ пескомъ и, какъ прежде, выщелачивались нѣсколько разъ холодной водой. Водная вытяжка раздѣлялась на двѣ части: въ одной, по удаленіи бѣлка, опредѣлялась мочевина въ видѣ азотнокислой, другая смѣшивалась съ растворомъ креатина и дигерировалась въ водной банѣ, при 38°—40° С.,

два часа и затѣмъ обработывалась для полученія мочевины тѣмъ же способомъ.

1) Изъ почекъ, вырѣзанныхъ у большой здоровой собаки, водной вытяжки получено 640 сс.; изъ нихъ въ 300 сс. тотчасъ створоженъ бѣлокъ и опредѣлена мочевина, найдено 0,030 grm. азотнокислой мочевины; другія 440 сс. смѣшаны съ растворомъ креатина (креатина для этого взято 0,390 grm.), дигерированы въ водной банѣ 2 часа при температурѣ 38°—40° С. Азотнокислой мочевины здѣсь найдено 0,105 grm.

2) Приготовлена водная вытяжка изъ двухъ почекъ, въ одной части ея, 197 сс., азотнокислой мочевины найдено 0,025 grm.; другая часть вытяжки 203 сс. дигерирована, какъ въ предъидущемъ опытѣ, два часа при 38° С. съ растворомъ креатина. Креатину для этого взято 0,475 grm. Азотнокислой мочевины въ этой части жидкости найдено 0,063 grm.

3) Сдѣланъ опытъ по тому же образцу. Въ одной части вытяжки, 200 сс. безъ креатина, найдено азотнокислой мочевины 0,042 grm. Во второй части, 320 сс., нагрѣтой съ креатиномъ при 38° С., котораго взято для этого 0,506 grm., азотнокислой мочевины найдено 0,133 grm.

Цифры, мною приведенныя, указываютъ на развитіе мочевины изъ креатина подъ вліяніемъ тепла и водной почечной вытяжки. Но, предполагая, что послѣдняя, можетъ быть, владѣетъ меньшею способностью, чѣмъ сама почечная паренхима превращать креатинъ въ мочевину, мы измѣнили опытъ: разрѣзавъ почку, стерши ее съ пескомъ нѣсколько разъ промытымъ и послѣ высушеннымъ, прибавляли къ ней воды и раствора креатина и дигерировали 2 часа въ водяной банѣ при 38°—40° С.; затѣмъ опредѣлили мочевину.

1) Почки отъ большой здоровой собаки, вѣсомъ 77 grm., обработаны вышесказаннымъ образомъ. Креатина взято 0,521 grm. Азотнокислой мочевины получено 0,240 grm.

2) Почки отъ собаки средней величины, вѣсомъ въ 62 grm., измельчены, смѣшаны съ водой и растворомъ креатина. Креатина чистаго взято для этого 0,607 grm.; послѣ 2-хъ часоваго нагрѣванія при 38° С., азотнокислой мочевины получено изъ этой смѣси 0,307 grm.

Сравнивая съ этими цифрами цифры нормальнаго содержанія мочевины въ почкахъ, находимъ, что въ почечной ткани, бывшей 2 часа при температурѣ 38° С. въ растворѣ креатина, мочевины было почти втрое больше противу нормальнаго. Такое увеличеніе

мочевины можетъ быть объяснено не иначе, какъ превращеніемъ въ нее креатина. Другихъ условій, кромѣ вліянія почечной ткани на это превращеніе, въ опытѣ нѣтъ. Присутствіе бѣлка не имѣетъ вліянія на это превращеніе: растворъ креатина, смѣшанный съ растворомъ бѣлка и незначительнымъ количествомъ крови (около 2 сс.) и дигерированный два часа при температурѣ 38° С., не переходитъ въ мочевину; послѣдней я не могъ найти въ смѣси.

Мнѣніе Heynsius'a о развитіи мочевины въ почкѣ теплотой, какъ мы видѣли, несправедливо. Но въ почкѣ и ея водной вытяжкѣ, при нагрѣваніи, развиваются вещества, такъ называемыя, экстрактивныя, дающія нерастворимыя соединенія съ азотнокислой окисью ртути. Присутствіе этихъ экстрактивныхъ веществъ мною обнаружено слѣдующимъ образомъ. Въ водной вытяжкѣ почекъ, освобожденной отъ бѣлка, соли фосфорнокислыя и сѣрнокислыя осаждены баритомъ, избытокъ барита удаленъ пропусканіемъ черезъ жидкость съ угольной кислотой; жидкость нагрѣта до кипяченія и по охлажденіи процѣжена. Къ фильтрату прибавленъ растворъ свинцоваго сахара; образовавшійся осадокъ собранъ на фильтрѣ, промытъ, высушенъ, внесенъ въ стаканъ, размельченъ, смѣшанъ съ водой, и черезъ эту жидкость пропущенъ сѣроводородъ для осажденія свинца въ видѣ сѣрнокислаго. Жидкость прокипячена для удаленія избытка сѣроводорода, процѣжена; въ этомъ процѣдѣ азотнокислая окись ртути даетъ осадокъ.

Изъ приведенныхъ мною изслѣдованій выходитъ:

1) Въ почечной ткани въ нормальномъ состояніи находится незначительное количество мочевины.

2) Теплота развиваетъ въ почкѣ и водной вытяжкѣ изъ нея не мочевину, а экстрактивныя вещества, способныя осаждаться азотнокислой окисью ртути.

3) Водная почечная вытяжка при температурѣ 38° С. превращаетъ часть креатина въ мочевину.

4) Почечная вытяжка владѣетъ бо́льшею способностію, нежели ея водная вытяжка, образовать мочевину изъ креатина.

Здѣсь мы привели результаты работы, которая, подъ заглавіемъ «Вліяніе почечной ткани на мочепроизведеніе», послана мною для опубликованія.

Другая моя работа о молокѣ еще не кончена, а потому о результатахъ моихъ изслѣдованій я сообщу послѣ.

Боннъ, 20-го марта 1866 года.

9) Доктора медицины Сергѣя Костарева.

Большую часть времени дня, особенно въ послѣднюю половину семестра, я посвящалъ изученію патологической гистологіи въ институтѣ проф. Вирхова. И я, конечно, всего менѣе могу раскаяваться въ томъ, что поступалъ такимъ образомъ. Съ одной стороны, патологическая гистологія, въ настоящее время, стала на степень главнаго базиса нашей науки, безъ котораго немыслимъ совершенно образованный врачъ; съ другой — необыкновенное обиліе патологическаго матеріала, поистинѣ образцовый методъ преподаванія и, наконецъ, самая личность профессора, всегда внимательнаго къ работамъ своихъ учениковъ, дѣлаютъ институтъ послѣдняго особенно привлекательнымъ,—и не только для врачей и студентовъ, учащихся самостоятельно работать, но и для тѣхъ, которые, освоившись достаточно съ дѣломъ, желаютъ приготовить себя къ преподаванію, хотятъ усвоить себѣ самый методъ современнаго преподаванія науки. Здѣсь то, можетъ быть лучше, нежели гдѣ нибудь, можно оцѣнить достоинство *демонстративнаго* метода преподаванія.

Демонстративность составляетъ — и конечно должна составлять — главное и важнѣйшее достоинство въ преподаваніи естественныхъ наукъ. Въ нашъ вѣкъ анализа и индукціи, когда за риторическими фигурами и внѣшнею отдѣлкою лекціи, профессоръ уже не можетъ скрыть пустоту содержанія; когда только *фактъ* служитъ источникомъ плодотворнаго впечатлѣнія, способнаго вызывать къ не менѣе плодотворному мышленію юный умъ молодаго поколѣнія; когда ученикъ усвоиваетъ воззрѣнія своего учителя не болѣе, какъ на столько, на сколько эти послѣднія не противорѣчатъ факту, на сколько учитель объясняетъ явленіе изъ данныхъ, непосредственно имъ представленныхъ; въ нашъ вѣкъ, говорю я, все, что только допускаетъ демонстративное изложеніе, необходимо должно излагаться такимъ образомъ. И если правда, что демонстраціи на лекціяхъ вообще нѣсколько замедляютъ самый ходъ преподаванія, препятствуютъ нѣкоторымъ образомъ изложить весь предметъ въ опредѣленный срокъ; то съ одной стороны, многое, конечно, зависитъ здѣсь отъ опытности и умѣнья взяться за дѣло, съ другой — болѣе свободное преподаваніе, развитіе приватъ-доцентства, отсутствіе вообще всякаго рода казенныхъ сроковъ въ ученіи, безъ сомнѣнія, даютъ полную возможность преподавателямъ не стѣсняться заранѣе утвержденною программою и болѣе заботиться о плодо-

творности самаго преподаванія, нежели о прочтеніи всего предмета въ опредѣленное число лекцій. Такъ понимаютъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло здѣсь. Проф. Вирховъ, напр., только 4 часа въ недѣлю посвящаетъ систематическому чтенію общей патологіи и патологической анатоміи, и именно: зимній семестръ онъ читаетъ первую и только три мѣсяца лѣтняго семестра посвящаетъ изложенію послѣдняго предмета. Само собою разумѣется, что при томъ обширномъ размѣрѣ, въ которомъ колоссальная опытность и знаніе даютъ возможность профессору преподавать патологическую анатомію, изложеніе всего предмета въ такой короткій срокъ времени было бы немыслимо. Вирховъ обыкновенно ограничивается однимъ какимъ нибудь отдѣломъ, но за то излагаетъ его въ такой полнотѣ и съ такою наглядностію, что для слушателей многое становится яснымъ и въ другихъ отдѣлахъ спеціальной патологической анатоміи. Такъ напр., въ прошедшій лѣтній семестръ, онъ читалъ патологическую анатомію органовъ пищеваренія только, но за то, входя въ подробности каждаго процесса, наблюдаемаго въ этой области, онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ понятнымъ его развитіе и во многихъ другихъ областяхъ и органахъ. Сотни спиртовыхъ препаратовъ уясняютъ при этомъ дѣло, и, кромѣ того, самъ профессоръ, искусно владѣя разноцвѣтными карандашами, постоянно, въ подробности, старается объяснить на доскѣ самый ходъ болѣзненнаго процесса. Тѣ же пособія служатъ и при курсѣ общей патологіи, въ которомъ гистогенезисъ патологическихъ новообразованій играетъ главную роль. Излагая исторію патологическихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ различныя времена въ наукѣ, Вирховъ приноситъ на лекцію множество сочиненій, характеризующихъ эпоху, о которой идетъ рѣчь, и передаетъ ихъ слушателямъ въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы послѣдніе, хотя поверхностно, могли бы наглядно ознакомиться съ библіографіею науки и такимъ образомъ лучше запечатлѣть въ своей памяти исторію медицины. И въ этомъ случаѣ, стало быть, профессоръ старается, по возможности сдѣлать преподаваніе объективнымъ или демонстративнымъ. Эта то рѣзко выдающаяся особенность преподаванія Вирхова самымъ блестящимъ образомъ наконецъ даетъ себя знать въ такъ называемомъ *демонстративномъ курсѣ*, который какъ нельзя лучше дополняетъ прочіе курсы, и гдѣ знаменитый профессоръ, безъ опредѣленной заранѣе программы, читаетъ о тѣхъ патологическихъ измѣненіяхъ, которыя представляетъ спеціальный матеріалъ дня. Конечно, въ огромномъ

анатомико-патологическомъ матеріалѣ, который доставляетъ знаменитая «*Charité*» (а вскрытій бываетъ до 6 и болѣе въ день), профессору легко останавливаться постоянно на новыхъ предметахъ и притомъ нерѣдко на такихъ, которые его самаго особенно интересуютъ въ данное время. Потому-то здѣсь, болѣе нежели на другихъ курсахъ, въ лекціи можно уловить нерѣдко совершенно новыя мысли, тѣ или другія предположенія относительно разрѣшенія очередныхъ и спорныхъ вопросовъ науки; наконецъ, здѣсь же становятся новые вопросы, требующіе новыхъ спеціальныхъ работъ.

Особенная оригинальность этого курса заключается еще, какъ извѣстно, въ томъ, что тутъ же сидящіе ассистенты профессора непосредственно занимаются изготовленіемъ свѣжихъ микроскопическихъ препаратовъ, которые потомъ циркулируютъ между слушателями по весьма цѣлесообразно-устроеннымъ рельсамъ, пока профессоръ рисуетъ на доскѣ и объясняетъ то, что должно видѣть подъ микроскопомъ.

Такова обстановка этого замѣчательнаго курса, пользующагося не даромъ европейскою извѣстностію. Правда, что мало подготовленные слушатели не могутъ вполнѣ воспользоваться драгоцѣнными свѣдѣніями, здѣсь сообщаемыми, но за то тѣмъ болѣе выигрываютъ врачи, уже достаточно подготовленные, вполнѣ знакомые съ воззрѣніями Вирхова и его школы и такимъ образомъ не имѣющіе надобности въ элементарныхъ толкованіяхъ.

Кромѣ того, Вирховъ самъ упражняетъ желающихъ въ патологическо-гистологическихъ изслѣдованіяхъ въ такъ называемомъ *практическомъ* курсѣ, которому впрочемъ онъ самъ не придаетъ, по видимому, серьезнаго значенія и большею частію постепенно передаетъ въ вѣдѣніе одного изъ ассистентовъ.

Тѣ, которые занимаются какимъ нибудь спеціальнымъ вопросомъ, работаютъ обыкновенно въ самомъ институтѣ, открытомъ въ теченіе цѣлаго дня. Здѣсь то проводилъ я большую часть времени въ послѣдніе мѣсяцы семестра. Благодаря весьма обширному матеріалу, которымъ я пользовался, мнѣ представлялась возможность провѣрить многія изслѣдованія, еще прежде меня интересовавшія, касающіяся напр. развитія нѣкоторыхъ спорныхъ формъ болѣзненныхъ новообразованій (эпителійнаго рака, бугорка и др.), организаціи кровянаго свертка, строенія надпочечныхъ железъ; наконецъ, нѣкоторые патологическіе процессы въ мышцахъ, сосудахъ, костяхъ, слизистыхъ оболочкахъ и пр. были вновь мною прослѣ-

жены. Вопросы дня, равнымъ образомъ, были подвергнуты тщательному изслѣдованію. Извѣстная гедерслебенская *) трихинная эпидемія доставила огромный матеріалъ для изученія этихъ опасныхъ микроскопическихъ паразитовъ. Опыты кормленія, произведенные въ институтѣ надъ кроликами, дозволили наблюдать трихинъ въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Множество различнаго рода подозрительныхъ мясъ, доставлявшихся для изслѣдованія, знакомили работающихъ отчасти съ самымъ методомъ изслѣдованія этого рода, отчасти же съ другими паразитами, которые необходимо умѣть отличать отъ трихинъ, какъ напр. финны, псероспермiи и т. п. Нѣсколько клиническихъ случаевъ хронической трихинной болѣзни (длившейся многіе годы), которые были наблюдаемы въ отдѣленіи проф. Фрерихса, представили прекрасные образцы этого рода пораженія человѣческихъ мышцъ, такъ напр., въ одномъ замѣчательномъ по обширности пораженія случаѣ, мы наблюдали полное окаменѣніе капсулъ съ живыми еще внутри животными (чрезъ 13 — 15 лѣтъ).

Изслѣдованія, которыми я занимался въ институтѣ Вирхова, я еще намѣренъ продолжать нынѣшнее лѣто; въ свое время они будутъ, конечно, обнародованы.

Перехожу къ нѣкоторымъ спеціальностямъ, съ преподаваніемъ которыхъ я счелъ нужнымъ познакомиться въ Берлинѣ. Между берлинскими спеціалистами уже лѣтъ 10 какъ занимаетъ самое видное мѣсто знаменитый А. Грефе, одинъ изъ главныхъ виновниковъ того прогрессивнаго движенія, которое такъ рѣзко было замѣтно въ офталміатріи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія.

Участвуя лично въ прогрессѣ этой науки, проф. Грефе въ своемъ преподаваніи естественно сообщаетъ всегда ея послѣднее слово. Въ его богатой оперативнымъ матеріаломъ поликлиникѣ (которая трижды въ недѣлю открыта для врачей), почти всегда можно видѣть множество изящныхъ операцій со всѣми ихъ новѣйшими усовершенствованіями. Такъ, въ истекшій семестръ, кромѣ множества иридектомій, операцій косоглазія, слезнаго мѣшка и т. п., я съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за операціями извлеченія катаракты. Грефе, какъ извѣстно, въ послѣднее время значительно модифицировалъ свой прежній способъ извлеченія катаракты, равно

*) Гедерслебенъ — мѣстечко недалеко отъ Кведлинбурга.

какъ совершенно оставилъ способъ Critschett'a, который онъ почти исключительно испытывалъ въ прошедшемъ году ($18^{64}/_{65}$). Въ настоящее время онъ дѣлаетъ особеннымъ, узкимъ, скалпелемъ почти дѣйствительно *линейный* разрѣзъ (Linearschnitt), т. е. образуетъ лоскутъ самой ничтожной высоты при совершенно достаточной величинѣ раны для выведенія катаракты. Разрѣзъ дѣлается въ самой отдаленной периферіи роговой прозрачной оболочки, такъ что самый каналъ раны лежитъ большею частію въ склерѣ. Я не буду входить здѣсь въ подробности операціи, которую описалъ уже самъ авторъ въ «Archiv f. Ophtalmologie (XI Jahrg. III Abth. S. 1 — 107). Не могу однакоже не упомянуть объ изяществѣ самой операціи, о той необыкновенной чистотѣ, съ которою производитъ ее знаменитый спеціалистъ почти во всѣхъ случаяхъ. Только однажды, помнится мнѣ, у одной женщины, вслѣдствіе различнаго рода неправильныхъ сращеній радужной оболочки съ сумкою хрусталика, катаракта не выступила въ представлявшійся разрѣзъ, не смотря на попеременное введеніе крючка и ложечки; появилось кровотеченіе, и съ операціею необходимо было остановиться. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, которые я видѣлъ, непосредственные результаты могли быть названы вполнѣ блестящими.

По ушнымъ болѣзнямъ, въ Берлинѣ, также не мало спеціалистовъ. Не желая слушать Крамера и Эргарда (я уже давно знакомъ съ ними изъ ихъ сочиненій), я взялъ курсъ у молодаго приватъ-доцента доктора *Lucæ*, который своими работами послѣдняго времени обратилъ на себя вниманіе слѣдившихъ за отіатрическою литературою. Его курсъ, который онъ еще впервые позволилъ себѣ дать, имѣлъ, конечно, нѣкоторые недостатки (свойственные всѣмъ начинающимъ), но былъ все таки современенъ и демонстративенъ. При той внимательности къ своему дѣлу, которая замѣтна въ этомъ молодомъ преподавателѣ, при его постоянныхъ занятіяхъ въ патологическомъ институтѣ, котораго отіатрическій матеріалъ находится въ его распоряженіи, — отъ него можно ожидать впослѣдствіи вполнѣ дѣльнаго доцента.

Кромѣ всего этого, я посѣщалъ также, по временамъ, всѣмъ извѣстный ортопедическій институтъ д-ра Беренда, о преподаваніи котораго я могу съ своей стороны только замѣтить весьма важный, по моему мнѣнію, недостатокъ; а именно, что преподаватель, идя отъ той идеи, что ортопедъ непремѣнно долженъ быть хорошимъ хирургомъ и на оборотъ, — къ сожалѣнію, слишкомъ много зани-

маетъ слушателей чисто хирургическими сообщеніями, въ ущербъ конечно, своей спеціальности.

Въ заключеніе не могу еще не упомянуть о докторѣ Вильмсѣ, главномъ хирургѣ больницы, извѣстной подъ названіемъ *Bethanien*. Въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, я съ особеннымъ удовольствіемъ и интересомъ посвящалъ утренніе часы посѣщенію этой изящной образцовой больницы, гдѣ я неразъ имѣлъ случай любоваться мастерскими операціями упомянутаго хирурга, этого достойнаго соперника проф. Лангенбека. Тенотоміи, резекціи и особенно литотритія, которая такъ рѣдко удается Лангенбеку, рѣшительно не оставляли ничего желать, какъ по своей замѣчательной технической отдѣлкѣ, такъ и по блестящимъ результатамъ. Я не преминулъ также воспользоваться случаемъ осмотрѣть собраніе хирургическихъ препаратовъ д-ра Вильмса, между которыми я замѣтилъ много весьма рѣдкихъ случаевъ хирургическихъ страданій костей.

$^{3}/_{15}$ марта я оставилъ Берлинъ и, осмотрѣвъ на пути болѣе важныя больницы и клиники Лейпцига, Дрездена и Праги, прибылъ $\frac{\text{27-го марта}}{\text{8-го апрѣля}}$ въ Вѣну.

10) Лекаря В. Владимірова.

(За декабрь, январь, февраль и мартъ).

Посѣщая въ минувшій семестръ демонстративный курсъ оперативной хирургіи Лангенбека, я имѣлъ случай познакомиться съ измѣненіями и усовершенствованіями нѣкоторыхъ оперативныхъ способовъ, сдѣланныхъ Лангенбекомъ въ послѣдніе годы. Въ настоящемъ отчетѣ я хочу сказать нѣсколько словъ объ остеопластическихъ или временныхъ (R. Volkmann) резекціяхъ верхней челюсти. Но прежде чѣмъ я перейду къ описанію помянутыхъ операцій, считаю не лишнимъ сказать вкратцѣ о резекціяхъ верхней челюсти вообще и сдѣлать краткій перечень, употребляемыхъ для этой цѣли, оперативныхъ способовъ.

Резекція верхнечелюстной кости въ первый разъ была произведена Gensoul'омъ въ Ліонѣ въ 1827 году для удаленія новообразованія, занимавшаго гигморову пещеру. Счастливый исходъ операціи вызвалъ въ хирургахъ подражаніе, и въ скоромъ времени примѣру Gensoul'a послѣдовали Textor въ Вюрцбургѣ и Lizars въ Лондонѣ. Съ тѣхъ поръ эти операціи вошли во всеобщее употребленіе, и спо-

собъ Gensoul'a подвергся многоразличнымъ модификаціямъ Velpeau, Dieffenbach'a, Fergusson'a, Langenbeck'a и др.

Верхнечелюстная кость, занимающая среднюю треть лица, покрыта весьма тонкимъ слоемъ мягкихъ частей и, подвергаясь дѣйствію наружныхъ вліяній, бываетъ нерѣдко мѣстомъ болѣзненныхъ процессовъ, требующихъ удаленія части или же всей верхнечелюстной кости.

Каріозный и некротическій процессы поражаютъ верхнечелюстную кость сравнительно рѣдко и въ большей части случаевъ ограничиваются тою или другою частію кости и только въ немногихъ распространяются на всю верхнюю челюсть. По большей же части поводомъ къ резекціямъ верхней челюсти служатъ новообразованія. Между этими послѣдними всего чаще встрѣчается ракъ, затѣмъ саркоматозныя, фиброзныя, хрящевыя, костныя, сосудистыя опухоли и кисты. Въ числѣ 48 резекцій верхнечелюстной кости (частныхъ и общихъ) произведенныхъ Лангенбекомъ съ 1851 по 1862 г., было 25 случаевъ рака, 8 саркомы, 7 фиброида, 2 энхондромы, 1 экзостоза, 1 киста и 1 сосудистая опухоль. Каріозный процессъ былъ только въ 2 случаяхъ (Lücke. Arch. von Langenbeck. 1862). Изъ 17 случаевъ, оперированныхъ съ 1848 по 1854 г. J. F. Heyfelder'омъ, раковыхъ пораженій было 13, саркомы 3 и 1 каріозный процессъ (Ueber Resectionen und Amputationen von I. F. Heyfelder. 1855).

При резекціи верхней челюсти, какъ и при всякой другой операціи на лицѣ, кромѣ удаленія болѣзненно-измѣненныхъ частей должно быть выполнено еще другое требованіе — сохранить, на сколько возможно, форму лица и избѣжать большаго безобразія больнаго. Въ видахъ выполненія этой цѣли хирурги старались ограничить число и величину разрѣзовъ наружныхъ частей лица и тѣмъ самымъ уменьшить количество рубцовъ, остающихся по заживаніи раны.

Способъ Gensoul'a, состоящій изъ трехъ разрѣзовъ, влечетъ за собою пораженіе почти всѣхъ мышицъ, сосудовъ и нервовъ страждущей половины лица; верхній лоскутъ, имѣя своимъ основаніемъ нижнее вѣко и часть покрововъ височной области, можетъ легко подвергнуться омертвѣнію за недостаткомъ питанія. При благопріятномъ же исходѣ операціи остается значительное безобразіе больнаго. Эти обстоятельства обратили на себя вниманіе хирурговъ и заставили искать болѣе удобнаго пути для достиженія верхнечелюстной кости.

Такимъ образомъ, вмѣсто трехъ разрѣзовъ Gensoul'a Dieffenbach дѣлаетъ два. Первый разрѣзъ отъ glabella чрезъ спинку носа и средину верхней губы, второй — отъ начала перваго до внутренняго глазнаго угла. Velpeau употребляетъ только одинъ разрѣзъ отъ скуловой кости до угла рта. Langenbeck точно также ограничивается однимъ разрѣзомъ отъ скуловой кости до крыла носа. Fergusson раздѣляетъ верхнюю губу вертикальнымъ разрѣзомъ, который, начавшись отъ ноздри подлѣ носовой перегородки, идетъ въ бороздкѣ верхней губы до свободнаго края послѣдней.

Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои преимущества, но съ другой стороны ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть примѣнимъ ко всѣмъ случаямъ, требующимъ удаленія верхнечелюстной кости. Въ однихъ случаяхъ, съ большимъ удобствомъ, операція можетъ быть выполнена при употребленіи способа Dieffenbach'a, тогда какъ въ другихъ необходимо бываетъ избрать способъ Velpeau или Fergusson'a. По этому выборъ того или другаго метода зависитъ отъ даннаго случая и личнаго взгляда хирурга.

Мнѣ кажется, что мѣсто, занимаемое новообразованіемъ относительно верхнечелюстной кости, играетъ весьма важную роль при выборѣ разрѣза. Такъ новообразованія, занимающія по преимуществу носовую полость и распространяющіяся изъ этой послѣдней въ гигморову пещеру, всего удобнѣе могутъ быть удалены при помощи разрѣза Dieffenbach'a; въ другихъ же случаяхъ, когда новообразованіе, находясь въ гигморовой пещерѣ, сильно выдается наружу, надобно отдать преимущество разрѣзу Velpeau. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ быть употребляемъ также и способъ Dieffenbach'a, но въ такомъ случаѣ бываетъ необходимо или отдѣлить нижнее вѣко, сдѣлавъ разрѣзъ чрезъ соединительную оболочку глаза, или сдѣлать кожный разрѣзъ параллельно нижнему краю глазницы, что во всякомъ случаѣ обусловитъ большее безобразіе по заживленіи раны, чѣмъ разрѣзъ Velpeau. Способъ Fergusson'a можетъ найти свое примѣненіе при новообразованіяхъ, занимающихъ гигморову пещеру и выдающихся по преимуществу кпереди и книзу. Разрѣзъ Лангенбека едва ли заслуживаетъ предпочтенія предъ разрѣзомъ Velpeau, потому что хотя при первомъ m. orbicularis oris и art. coronaria labii superioris остаются не поврежденными, но за то мышицы, начинающіяся отъ скуловой кости и лицевой поверхности maxillæ superioris и идущія къ верхней губѣ, должны быть необходимо перерѣзаны. Вѣтви личнаго нерва какъ въ томъ

такъ и въ другомъ случаяхъ подвергаются поврежденію почти въ одинаковой степени. Что касается паралича личныхъ мышицъ, обусловливаемаго перерѣзываніемъ вѣтвей m. facialis (Bardeleben), то это возраженіе теряетъ свое значеніе, если припомнить, что перерѣзанные концы нервовъ, будучи приведены во взаимное соприкосновеніе, срастаются очень легко, и нервная дѣятельность по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго времени возстановляется (O. Weber). Безобразіе лица, остающееся по заживленіи раны, при разрѣзѣ Лангенбека ни чуть не менѣе, чѣмъ при разрѣзѣ Velpeau. Мнѣ кажется, что въ первомъ случаѣ оно даже значительнѣе, судя по фотографическимъ снимкамъ съ оперированныхъ больныхъ, которые я имѣлъ случай видѣть въ аудиторіи Лангенбека. При разрѣзѣ Velpeau, рубецъ можетъ быть еще скрытъ у мущинъ бородою, у женщинъ же приличною повязкою, что не имѣетъ мѣста при разрѣзѣ Лангенбека. Одно только обстоятельство, что при разрѣзѣ Velpeau можетъ случиться пораженіе Стенонова протока и обусловить слюнной свищъ, какъ это было въ случаѣ, оперированномъ Michon'омъ (O. Heyfelder), можетъ говорить въ пользу разрѣза Лангенбека; но проводя разрѣзъ немного кпереди и оканчивая его не въ углу рта, а отступя нѣсколько линій кнутри, можно избѣжать его раненія (Huguier).

Для раздѣленія костныхъ соединеній верхней челюсти съ сосѣдними костями употребляютъ въ настоящее время или костныя ножницы, или цѣпную пилу, или же наконецъ узкую ножевидную пилу Лангенбека (Stichsäge). Долото и молотокъ теперь почти совершенно оставлены. Привычка и умѣнье владѣть тѣмъ или другимъ инструментомъ, мнѣ кажется, составляетъ причину, почему нѣкоторые хирурги предпочитаютъ который нибудь одинъ изъ этихъ инструментовъ. Такимъ образомъ Fergusson употребляетъ при резекціи верхней челюсти почти исключительно костныя ножницы, на томъ основаніи, что посредствомъ этого инструмента съ большимъ удобствомъ можно измѣнять направленіе разрѣза и вести его по границѣ больной части кости со здоровою. Но этотъ инструментъ имѣетъ своего рода недостатки: при перерѣзываніи тѣхъ соединеній верхней челюсти, гдѣ кость имѣетъ болѣе плотное строеніе, къ разрѣзу присоединяется переломъ и, вмѣсто желаемой ровной поверхности, получается болѣе или менѣе зубчатая, соединенная съ трещинами въ сосѣднихъ частяхъ. Ножевидная пила Лангенбека, употребленіемъ которой онъ ограничивается при резекціи верхней че-

люсти, весьма удобна по простотѣ устройства; но пиленіе кости посредствомъ этого инструмента чрезвычайно медленно, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи цѣпная пила Jeffray'a заслуживаетъ предпочтенія.

При резекціи верхней челюсти, имѣющей различную форму и направленіе своихъ отростковъ, бываетъ очень неудобно ограничиться однимъ изъ помянутыхъ инструментовъ, потому что одно костное соединеніе можетъ быть съ большимъ удобствомъ раздѣлено посредствомъ одного инструмента, другое же — посредствомъ другаго. Такъ, болѣе плотное соединеніе со скуловою костью всего лучше можетъ быть разрѣзано посредствомъ цѣпной пилы, проведеніе которой per fissuram orbitalem inferiorem не представляетъ особеннаго затрудненія. Носовой отростокъ по своему незначительному объему и тонкости можетъ быть съ одинаковымъ удобствомъ разрѣзанъ каждымъ изъ трехъ инструментовъ. Соединеніе же небныхъ отростковъ между собою по ихъ тонкости и губчатому строенію удобнѣе и скорѣе раздѣлить листоновскими ножницами. Пила же Лангенбека имѣетъ полное примѣненіе при остеопластическихъ операціяхъ верхней челюсти, о которыхъ я сейчасъ буду говорить.

Сдѣлавъ наружный разрѣзъ, Лангенбекъ отдѣляетъ мягкія части щеки и небнаго свода вмѣстѣ съ надкостной плевой и, по удаленіи кости, соединяетъ передній край раны мягкихъ частей неба съ мягкими частями щеки. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе относительно глотанія и голоса больнаго, но, къ несчастію, только въ немногихъ случаяхъ можетъ быть исполнено. По большей же части надкостная плева также участвуетъ въ страданіи и бываетъ на столько измѣнена, что необходимо должна быть удалена вмѣстѣ съ пораженною костью.

Что касается остеопластическихъ операцій верхней челюсти, то Лангенбекъ употребляетъ ихъ въ слѣдующихъ случаяхъ: при незначительной величинѣ новообразованія, занимающаго гигморову пещеру, при опухоляхъ, находящихся въ носовой полости, при новообразованіяхъ, помѣщающихся въ крыло-небной ямкѣ (fossa pterygo-palatina) и носоглоточныхъ полипахъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ дѣлаетъ резекцію передней стѣнки гигморовой пещеры, при послѣднихъ же — резекцію верхней половины maxillae superioris вмѣстѣ со скуловою костью.

Первую операцію онъ производитъ слѣдующимъ образомъ. Разрѣзъ начинается отъ glabella, идетъ по хребту носа чрезъ вер-

хушку послѣдняго, гдѣ и оканчивается. Второй полулунный разрѣзъ, начинаясь отъ передняго края скуловой кости на 2‴ — 3‴ ниже края глазницы, идетъ до крыла носа. Этими двумя разрѣзами мягкія части раздѣляются до самой кости. Затѣмъ обнажаетъ соединеніе носоваго отростка верхнечелюстной кости съ соотвѣтствующею носовою костью и раздѣляетъ это соединеніе посредствомъ листоновскихъ ножницъ. Сдѣлавъ это, вводитъ свою ножевидную пилу въ ноздрю больнаго и по сдѣланному полулуннымъ разрѣзомъ пути перепиливаетъ переднюю стѣнку гигморовой пещеры до нижняго края глазницы. Теперь, посредствомъ двухъ подъемниковъ, введенныхъ въ сдѣланный пилою разрѣзъ, приподнимаетъ переднюю стѣнку гигморовой пещеры вмѣстѣ съ находящимися на ней мягкими частями кверху. Получивъ такимъ образомъ свободный доступъ къ опухоли, онъ удаляетъ эту послѣднюю. Наконецъ приводитъ резецированную часть на свое прежнее мѣсто, нѣсколько вдавливаетъ для болѣе тѣснаго соприкосновенія перепиленныхъ поверхностей и соединяетъ наружную рану посредствомъ шва.

Вторая, имѣющая свое примѣненіе, какъ я уже сказалъ, при новообразованіяхъ, занимающихъ крыло-небную ямку, и при носоглоточныхъ полипахъ, состоитъ въ слѣдующемъ: полулунный разрѣзъ, начавшись отъ средины скуловой дуги, идетъ къ крылу носа. Второй разрѣзъ — отъ внутренняго угла глаза вдоль нижняго края глазницы до соединенія съ началомъ перваго. Мягкія части посредствомъ этихъ разрѣзовъ раздѣляются до кости. При помощи своей ножевидной пилы, Лангенбекъ перепиливаетъ скуловую дугу, лобный отростокъ скуловой кости, ея глазничную поверхность и носовой отростокъ верхнечелюстной кости и, дойдя до носовой кости, разрѣзъ оканчиваетъ. Потомъ пила вводится въ foramen pterygo-palatinum, и перепиливаются задняя и передняя стѣнки гигморовой пещеры по сдѣланному въ мягкихъ частяхъ разрѣзу до ноздри. При помощи подъемниковъ приподнимаются ограниченныя разрѣзами части вмѣстѣ съ костью и отгибаются къ носовой сторонѣ. Опухоль удаляютъ, приводятъ приподнятыя части на ихъ прежнее мѣсто и соединяютъ наружный разрѣзъ посредствомъ кроваваго шва.

При одновременной резекціи обѣихъ верхнечелюстныхъ костей, Лангенбекъ дѣлаетъ полулунный разрѣзъ отъ одной скуловой кости до другой, проходящей черезъ границу верхней губы и носа, отдѣляетъ лоскутъ, заключающій въ себѣ носъ, кверху и въ томъ случаѣ, когда носовыя кости не измѣнены, онъ отдѣляетъ ихъ посред-

ствомъ листоновскихъ ножницъ отъ соотвѣтствующихъ носовыхъ отростковъ верхнечелюстныхъ костей и приподнимаетъ ихъ вмѣстѣ съ лоскутомъ кверху и, по удаленіи челюстей, приводитъ лоскутъ въ прежнее свое положеніе.

3-го апрѣля 1866 года.

11) Доктора П. Перемежко.

(Отъ 1-го января по 1-е апрѣля 1866 года).

Въ эти три мѣсяца главнымъ моимъ занятіемъ была нормальная гистологія тканей животнаго организма. Результаты работъ будутъ описаны въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же я буду говорить о методахъ изслѣдованія, съ которыми мнѣ удалось познакомиться, занимаясь подъ руководствомъ профессора М. Шульце.

Нечего говорить, что методъ изслѣдованія очень важенъ при гистологическихъ работахъ: вѣрность выводовъ зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго измѣненія ткани тѣми реагентами, какіе употребляемъ для изслѣдованія ея; чѣмъ сильнѣе эти реагенты, тѣмъ больше ткань измѣняется и тѣмъ ошибочнѣе сужденіе о ней изслѣдователя. Нельзя, конечно, ручаться, чтобы и самыя слабыя средства, употребляемыя для обработки тканей, не измѣняли до извѣстной степени наружнаго вида, а можетъ быть и структуры ея элементовъ; поэтому гораздо лучше, гдѣ можно, изслѣдовать свѣжую ткань — безъ всякой предварительной обработки. Тутъ опять большую роль играетъ среда, въ которой изслѣдуется ткань. Совѣтуютъ употреблять для этого паренхиматозную жидкость изслѣдуемой ткани, т. е. ту, которая пропитываетъ ее въ живомъ организмѣ, или по крайней мѣрѣ жидкость, близко подходящую къ ней по химическому составу. Можно употреблять напр. сыворотку крови, водянистую влагу глаза, liquor cerebrospinalis; но эти жидкости получаются въ небольшомъ количествѣ, сохраняются трудно, и потому нелегко имѣть ихъ всегда свѣжими. Гораздо удобнѣе въ этомъ отношеніи околоплодная жидкость — liquor amnii, и притомъ не только для изслѣдованія свѣжихъ тканей, но также для мацерированія (съ цѣлью изолированія элементовъ) и сохраненія ихъ. Не всякую ткань можно изслѣдовать въ свѣжемъ состояніи, или по трудности изолированія ея элементовъ, или по блѣдности контуровъ этихъ послѣднихъ; по большей части требуется предварительная обработка ткани. Амніотическая жидкость можетъ принесть въ этомъ отноше-

ніи большую пользу. Но это превосходное средство, кажется, не достаточно еще оцѣнено; поэтому я буду говорить о немъ подробнѣе.

Околоплодную жидкость можно получать вездѣ, гдѣ есть бойни скота, и всегда имѣть свѣжую; собирать лучше тотчасъ по смерти животнаго; нужно только помнить, что есть и другая околоплодная жидкость — allantois, и не смѣшать ихъ при собираніи: первая совершенно прозрачна, особенно въ первой половинѣ беременности, слегка желтовата, безъ всякаго запаха; вторая мутна, блѣдноводяниста; онѣ различаются и химическимъ составомъ. (Я говорю объ околоплодной жидкости животныхъ; здѣсь, въ Боннѣ, мнѣ случалось собирать ее только у овецъ). Для нашей цѣли служитъ только liquor amnii. Собравши, жидкость фильтруютъ и потомъ прибавляютъ нѣсколько капель крѣпкой іодовой настойки, пока жидкость приметъ особенный цвѣтъ, который лучше всего сравнить съ цвѣтомъ мочи у горячечныхъ больныхъ. Въ такомъ видѣ жидкость называется обыкновенно jodserum и есть дѣйствительно ничѣмъ незамѣнимое средство для изслѣдованія, мацерированія и сохраненія тканей самой нѣжной структуры. Jodserum, приготовленная описаннымъ образомъ, совершенно прозрачна, имѣетъ пріятный слегка іодовый запахъ, и можетъ быть очень долго сохраняема въ хорошо закупоренныхъ склянкахъ, особенно если собрана отъ молодыхъ зародышей. Іодовая настойка должна быть очень концентрирована; лучше приготовлять ее самому — растворѐніемъ іода (in substantia) въ абсолютномъ алкоголѣ до насыщенія. Дѣйствіе jodserum на ткани, какъ мацерирующаго средства, состоитъ въ томъ, что соединительная ткань, связывающая элементы органа, дѣлается очень блѣдною и рыхлою, такъ что они очень легко изолируются при разщипываніи булавками.

Само собою разумѣется, что ткань, мацерированную въ jodserum, можно изслѣдовать только разщипываніемъ; разрѣзовъ дѣлать нельзя. Элементы тканей сохраняются въ этой жидкости очень хорошо; они окрашиваются слегка желтоватымъ цвѣтомъ, получаютъ довольно рѣзкіе контуры; только иногда не имѣютъ достаточной и часто необходимой при изслѣдованіи прозрачности. Для достиженія этого послѣдняго можно положить ткань, вымацерированную въ jodserum, въ слабый растворъ хромовой кислоты, отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$ gr. на ℥j aq. Эти двѣ жидкости совершенно достаточны, чтобы придать ткани рыхлость, нужную для изолированія элементовъ, рѣзкость контуровъ и прозрачность элементамъ, сохраняя по возможности нор-

мальную структуру ихъ. При мацерированіи тканей въ jodserum, нужно помнить слѣдующее: брать совершенно свѣжую (еще теплую) ткань; класть самые маленькіе кусочки — въ нѣсколько квадратныхъ линій; отношеніе между количествомъ жидкости и количествомъ мацерируемой ткани должно быть приблизительно такое, чтобы ℥j ткани мацерировалась въ ℥v жидкости. Обыкновенно чрезъ сутки послѣ того, какъ ткань положена въ жидкость, послѣдняя блѣднѣетъ, отъ поглощенія тканью іода; тогда нужно прибавлять нѣсколько капель іодовой настойки, чтобы постоянно поддерживать одинъ и тотъ же цвѣтъ жидкости (цвѣтъ мочи). Если соблюдены всѣ эти условія, ткань можно сохранять очень долго; у меня уже мѣсяца три сохраняются такіе препараты, совершенно годные для изслѣдованія. Время мацерированія для различныхъ тканей и органовъ, конечно, различно, смотря по количеству и консистенціи связывающаго соединительнаго вещества, а также по возрасту животнаго: эмбріональная ткань мацерируется очень скоро— чрезъ 2, 3 дня уже легко разщипывается, тогда какъ для изолированія напримѣръ гладкихъ мышечныхъ волоконъ матки взрослаго животнаго нужно недѣли двѣ.

Посредствомъ мацерированія въ jodserum, мнѣ удавалось превосходно изолировать элементы нервной оболочки глаза (retina), обонятельныя клѣтки (Riechzellen), эпителіальныя клѣтки слюнныхъ железъ, различныя железы желудка и кишекъ и пр. Въ послѣднее время профессоръ Пфлюгеръ этимъ способомъ нашелъ окончаніе нервовъ въ слюнныхъ железахъ, хотя, замѣчу мимоходомъ, его мнѣніе о периферическихъ гангліяхъ, при посредствѣ которыхъ будто нервы оканчиваются въ слюнныхъ железахъ, по моимъ изслѣдованіямъ, подъ руководствомъ Г. М. Шульце, не оправдывается. Эти клѣтки больше похожи на клѣтки соединительной ткани; мнѣ удалось изолировать цѣлыя сѣти такихъ клѣтокъ въ различныхъ органахъ, преимущественно у зародышей различныхъ животныхъ.

Въ заключеніе скажу, что было бы очень желательно, чтобы это превосходное мацерирующее средство — jodserum — вошло во всеобщее употребленіе между нашими микроскопистами. Получать амніотическую жидкость всегда и вездѣ можно; мнѣ случалось въ Казани получать изъ одной только бойни разомъ по 5 овечьихъ матокъ съ зародышами, преимущественно въ концѣ августа и въ сентябрѣ, когда между животными, идущими на убой, попадаются беременныя. Конечно, все равно изъ какого животнаго взята жид-

кость; разница только въ возрастѣ зародыша: чѣмъ онъ моложе, тѣмъ болѣе жидкость соотвѣтствуетъ цѣли.

Другое средство, очень хорошо мацерирующее и мало измѣняющее ткань, очень разжиженная хромовая кислота. Болѣе концентрированные растворы ея употребляются, какъ извѣстно, для отвердѣнія тканей, съ цѣлью изслѣдованія ихъ разрѣзами; въ слабыхъ же растворахъ, отъ $^1/_5$ до $^1/_{10}$ gr. на ℥j aq., она даетъ хорошіе объекты для разщипыванія. Если мацерировать ткань сначала въ jodserum, а потомъ въ такомъ растворѣ кислоты, то элементы ткани, какъ сказано выше, дѣлаются прозрачными и очень годными для изслѣдованія.

Кромѣ этихъ способовъ, я употреблялъ при своихъ изслѣдованіяхъ еще одинъ, предложенный недавно Людвигомъ для изолированія мочевыхъ каналовъ и потомъ докторомъ Томса — для изслѣдованія развѣтвленій нервовъ въ головкѣ человѣческаго ствола; именно: вываривaніе тканей въ спиртѣ съ соляною кислотою. Цѣль этого способа — растворить совершенно соединительную ткань, связывающую элементы органовъ. Цѣль эта достигается при выполненіи нѣкоторыхъ условій очень хорошо, но самые элементы сильно измѣняются. Это главная невыгода этого способа; другая невыгода та, что трудно опредѣлить для разныхъ тканей и органовъ отношеніе кислоты къ спирту. Людвигъ употреблялъ $^1/_2\%$ кислоты, Томса 1%. Кромѣ того, для всякой ткани нужно опредѣлить время кипяченія; наконецъ, нужно соображаться еще и съ возрастомъ животнаго, отъ котораго взяты объекты для изслѣдованія: чѣмъ моложе животное, тѣмъ меньше должно брать кислоты и тѣмъ меньше должно быть время кипяченія.

Самое выполненіе способа очень просто: берется колба, чрезъ пробку которой идетъ длинная стеклянная трубка (для отвращенія быстраго испаренія спирта), кладутся куски изъ изслѣдуемой ткани и наливаются смѣсью спирта (около 95%) съ крѣпкою кислотою; послѣ чего колба нагрѣвается, лучше всего въ песчаной банкѣ, до кипѣнія спирта; но кипѣніе должно быть самое слабое. Оно окончено тогда, когда ткань сдѣлалась совершенно рыхлою, такъ что отъ малѣйшаго прикосновенія распадается; послѣ чего спиртъ отливается, и въ колбу нѣсколько разъ наливается осторожно вода, чтобы вымыть остатки спирта; потомъ ткань, приблизительно сутки, мацерируется въ водѣ, отчего остатки нерастворенной клѣтчатки распадаются.

Среднее количество кислоты для разныхъ органовъ и тканей, по моимъ изслѣдованіямъ, отъ $^1/_3\%$ до $1^1/_2\%$; если ее брать меньше, клѣтчатка не растворяется и ткань твердѣетъ, если больше — вмѣстѣ съ клѣтчаткою распадаются элементы органовъ. Этотъ способъ преимущественно годенъ для такихъ органовъ, которые состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ одной или разныхъ тканей — желудокъ, кишки, матка, кровеносные сосуды и проч.: слои сами собой при мацерированіи въ водѣ отдѣляются одинъ отъ другаго. Этимъ способомъ можно, кромѣ того, очень хорошо изолировать железы желудка и кишекъ, матки, потовыя и сальныя железы кожи и проч. Изслѣдовать лучше всего въ водѣ, избѣгая и малѣйшаго давленія покрывательнымъ стекломъ. Что касается нервовъ, то, для изслѣдованія окончанія ихъ, этотъ способъ, какъ предлагаетъ его Томса, едва ли годенъ; но можно изолировать очень мелкія развѣтвленія ихъ. Мнѣ удавалось напр. изолировать plexus myentericus желудка и кишекъ съ очень мелкими развѣтвленіями, и гораздо легче, чѣмъ посредствомъ древеснаго уксуса или другимъ способомъ; удавалось видѣть чрезвычайно мелкія развѣтвленія нервовъ въ слюнныхъ железахъ, въ сердцѣ и проч. Гангліи сохраняются тоже очень хорошо; вообще, нервная ткань противостоитъ кипяченію дольше другихъ; но мельчайшія (окончательныя) развѣтвленія нервовъ или разрушаются, или дѣлаются очень блѣдными; по крайней мѣрѣ для изслѣдованія ихъ этотъ способъ не годится.

Кромѣ занятій гистологіею, я посѣщалъ въ этомъ семестрѣ лекціи нормальной описательной анатоміи человѣка — профессора Шульце. Главный характеръ его лекцій — ясность и отчетливость изложенія описуемаго предмета. Въ излишнія подробности г. Шульце не вдается, а излагаетъ предметъ въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ нуженъ для примѣненія къ практикѣ. При описаніи паренхиматозныхъ органовъ, г. Шульце всегда излагаетъ въ короткихъ словахъ и функцію органа на столько, на сколько она объясняется анатомическимъ строеніемъ его. Описаніе функціи органовъ есть уже, какъ всякій знаетъ, область физіологіи; но такое отступленіе отъ предмета болѣе завлекаетъ вниманіе слушателя; въ его памяти рѣзче остается картина строенія органа, если онъ сейчасъ же слышитъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, и отправленія его. При описаніи скелета, г. Шульце обращаетъ особенное вниманіе слушателей на тѣ части его, которыя у человѣка или болѣе развиты, или нѣсколько иначе устроены, чѣмъ у другихъ животныхъ; тутъ онъ

часто вдается въ область сравнительной анатоміи; такія отступленія, конечно, прямо не идутъ къ дѣлу; но дѣлаютъ болѣе занимательнымъ такой однообразный предметъ, какъ описаніе возвышеній и углубленій на поверхности костей. Къ объясненію излагаемаго служатъ анатомическіе препараты, которые у г. Шульце не многочисленны, но очень отчетливы; препараты вполнѣ примѣнены къ чтеніямъ: на нихъ не увидите очень мелкихъ развѣтвленій артерій и нервовъ, но главные стволы ихъ, на которые нужно обращать вниманіе при хирургическихъ операціяхъ, отсепарованы очень отчетливо. Г. Шульце всегда имѣетъ на лекціи свѣжіе препараты— или цѣлый трупъ, или отдѣльныя части его — и, кромѣ того, или высушенные, или спиртные препараты, или восковые снимки: для объясненія строенія головнаго мозга — разрѣзы граней въ различныхъ направленіяхъ, отвердѣвшіе въ абсолютномъ алкоголѣ; для объясненія развѣтвленія сосудовъ, строенія заслонокъ сердца — очень хорошіе инъекціонные препараты и проч. Вообще, лекціи г. Шульце, по объему изложенія, вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ врача, а по ясности и отчетливости, могутъ быть понятны даже неспеціалисту.

Боннъ, мартъ 1866 года.

12) Докторанта Д. Траутфеттера.

Пріѣхавши изъ Кіева въ С.-Петербургъ, около 10-го октября 1865 года, и получивши во второй трети того же мѣсяца содержаніе, паспортъ и инструкціи, я могъ отправиться за границу только въ концѣ октября мѣсяца того же года. Первымъ мѣстомъ своей поѣздки я избралъ Гейдельбергъ, куда и прибылъ въ началѣ ноября мѣсяца. Отчего я сперва отправился именно въ этотъ городъ, мною будетъ ниже объяснено. Спеціальность моя — частная патологія и частная терапія. Приступая къ практическому, равно какъ и къ теоретическому изученію этихъ двухъ наукъ, я сперва рѣшился, въ видѣ подготовки къ своей спеціальности, изучить хирургію въ большемъ объемѣ, чѣмъ это обыкновенно удается въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ университетѣ, гдѣ, будучи студентомъ, каждый менѣе думаетъ о какой нибудь спеціальности, чѣмъ о предстоящемъ окончательномъ испытаніи. По моему убѣжденію, каждый клиницистъ-терапевтъ долженъ клинически хорошо знать хирургію. Точно такую же роль, какую играетъ у хирурга терапія

при послѣдовательномъ леченіи, занимаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, для терапевта умѣнье владѣть ножемъ и знаніе различныхъ пріемовъ хирурга. Я очень хорошо помню слѣдующій разсказъ одного изъ своихъ собратовъ по наукѣ: въ одной изъ нашихъ терапевтическихъ клиникъ лежалъ больной съ весьма значительнымъ накопленіемъ въ брюшной полости, какъ должно было полагать, серознаго эксудата; дыханіе у больного было значительно затруднено, губы его были ціанотически окрашены. Рѣшено было выпустить часть жидкости. Послали за хирургомъ, но оказалось, что хирургъ изъ своей клиники уже ушелъ домой, и эта, собственно говоря, пустячная операція была отложена до слѣдующаго утра, до котораго, какъ больной утверждалъ, онъ думалъ, что едва ли доживетъ. По моему убѣжденію, каждый врачъ а тѣмъ болѣе еще терапевтъ-клиницистъ, желающій быть вполнѣ самостоятельнымъ, долженъ пріучаться самъ дѣлать всѣ тѣ операціи, которыя не терпятъ отлагательства, и отъ своевременнаго производства которыхъ часто зависитъ спасеніе жизни или же спасеніе отдѣльнаго какого нибудь органа. Къ такимъ операціямъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, отнести слѣдующія: трахеотомію, герніотомію, иридектомію и др. Помниться мнѣ тоже одинъ случай съ ущемленною грыжею, отъ которой больной умеръ, по всему вѣроятію, лишь отъ того, что въ мѣстечкѣ, въ которомъ онъ заболѣлъ, былъ только одинъ врачъ, и этотъ никакъ не могъ рѣшиться приступить къ операціи герніотоміи. А развѣ теперь еще мало такихъ врачей, которые изъ боязни къ ножу при panaritium не только не рѣшаются сдѣлать достаточной длины разрѣза, но даже простаго прокола—они мучатъ своихъ бѣдныхъ больныхъ теплыми припарками и нарывными пластырями!

Я рѣшился полгода исключительно заняться клиническою хирургіею. Мнѣ удалось осуществить это желаніе, будучи еще въ Россіи: въ продолженіе 5 мѣсяцевъ я исключительно посѣщалъ хирургическую клинику, въ которой я, подъ руководствомъ столь же практическаго, какъ и опытнаго хирурга, каковъ Христіанъ Яковлевичъ фонъ-Гюббенетъ, имѣлъ возможность практически не только основательно познакомиться съ хирургіею, но тоже пріобрѣлъ извѣстный навыкъ въ употребленіи ларингоскопа и офтальмоскопа.

Въ этотъ промежутокъ времени моихъ занятій хирургіею, я имѣлъ честь быть избраннымъ медицинскимъ факультетомъ университета св. Владиміра въ ассистенты при хирургической клиникѣ. Исполнялъ я эту обязанность почти четыре мѣсяца и завѣдывалъ во все

это время, по преимуществу, *глазнымъ отдѣленіемъ*. Это обстоятельство и объяснитъ причину, отчего я, будучи de jure терапевтомъ, de facto сдѣлался на нѣкоторое время офтальмологомъ, и тоже — отчего я избралъ для своей диссертаціи одинъ изъ вопросовъ по физіологіи глаза. Въ диссертаціи своей я старался опредѣлить нервъ, завѣдывающій приспособленіемъ глаза. Извѣстно, что, относительно инерваціи аккоммодаціи глаза, пока существуютъ одни только предположенія, которыя, большею частію, основаны на нѣкоторыхъ только наблюденіяхъ изъ области патологіи. Предположеній этихъ довольно много, и они часто даже противорѣчатъ другъ другу. Физіологическихъ же изслѣдованій и опытовъ по инерваціи аккоммодаціи глаза никто, сколько мнѣ извѣстно, еще не предпринималъ. Я занялся этимъ вопросомъ и предпринялъ довольно большое число весьма сложныхъ опытовъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ вивисекцій. Результаты, полученные мною, были, однако, большею частію, отрицательные. Желая, по случаю этой своей работы, переговорить и посовѣтоваться съ физіологомъ-спеціалистомъ по части аккоммодаціи глаза, а если возможно, и еще разъ повторить въ его присутствіи свои опыты, я рѣшился отправиться въ Гейдельбергъ къ проф. Гельмгольцу. (Въ Кіевѣ, гдѣ я началъ дѣлать свои физіологическіе опыты, не было почти въ продолженіе трехъ лѣтъ профессора физіологіи, и только, 4—5 мѣсяцевъ тому назадъ, былъ избранъ для этой каѳедры г. Томса изъ Вѣны).

И такъ, при отъѣздѣ моемъ съ ученою цѣлью за границу, слѣдующія причины заставили меня сперва поѣхать въ Гейдельбергъ:

1) Желаніе, подъ руководствомъ Гельмгольца, столь геніальнаго физіолога и спеціалиста по части аккоммодаціи глаза, повторить свои вивисекціи, предпринятыя мною съ цѣлью, путемъ физіологическаго опыта, опредѣлить нервъ (а можетъ быть и нервы), подъ вліяніемъ котораго находится приспособленіе глаза.

2) Желаніе посѣтить терапевтическую клинику проф. Фридрейха, извѣстнаго ученаго и клинициста. (Его классическое описаніе болѣзней сердца помѣщено въ руководствѣ спеціальной патологіи и спеціальной терапіи, составленномъ Вирховымъ). До окончанія зимняго семестра, я думаю пробыть въ Гейдельбергѣ. Отсюда же отправлюсь сперва въ Берлинъ, гдѣ я намѣренъ остаться полгода, а потомъ въ Вѣну, гдѣ я, по всему вѣроятію, тоже пробуду полгода.

Что касается результатовъ моихъ занятій въ лабораторіи проф. Гельмгольца, то объ нихъ я буду имѣть честь сообщить департаменту министерства народнаго просвѣщенія впослѣдствіи, и именно тогда, когда работа моя будетъ цѣликомъ написана. Въ настоящее же время я ограничусь краткимъ описаніемъ Гейдельбергской терапевтической клиники, потомъ сообщу нѣкоторые интересные случаи, которые я видѣлъ, и за которыми я особенно слѣдилъ, въ клиникѣ проф. Фридрейха, и окончу свой пятимѣсячный отчетъ краткимъ исчисленіемъ и разборомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ профессоръ Фридрейхъ, въ продолженіе этого зимняго семестра, ошибся въ діагностикѣ.

Проф. Фридрейхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу лучшихъ германскихъ клиницистовъ: ясность и краткость изложенія, строго-научное его направленіе, весьма удачно выдержанная послѣдовательность, его большая опытность, свойственный ему клиническій тактъ, котораго нельзя пріобрѣсть, а съ которымъ родиться надо, и наконецъ необыкновенная внимательность къ каждому изъ своихъ слушателей — вотъ качества директора Гейдельбергской терапевтической клиники, которыя замѣняютъ больнымъ мѣстные недостатки въ устройствѣ и обстановкѣ самой клиники, учащимся же дѣлаютъ посѣщеніе ея не только весьма полезнымъ, но и пріятнымъ занятіемъ. Въ Гейдельбергѣ нѣтъ особенной городской больницы, а она составляетъ съ университетскою клиникою какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, гдѣ, кромѣ профессоровъ и ихъ ассистентовъ, другихъ врачей нѣтъ. Это устройство лечебницы и есть причиною того, что во все то время, въ продолженіе котораго лекціи не читаются въ университетѣ, въ клинику принимаютъ больныхъ. Гейдельбергская терапевтическая клиника помѣщается въ третьемъ этажѣ (это большое неудобство) и состоитъ изъ двухъ отдѣленій — мужскаго и женскаго. Всѣхъ кроватей до 60. Палатъ для одиночныхъ больныхъ нѣтъ, поэтому часто, въ одной и той же палатѣ, приходится лежать реконвалесценту подлѣ больного съ какою нибудь острою, заразительною болѣзнью, какъ напр. оспою, скарлатиною, тифомъ и др. Самое устройство клиники бѣдное и весьма неудовлетворительное: корридоры холодны, нѣтъ вентиляціи, нѣтъ хорошо устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, въ палатахъ нѣтъ двойныхъ оконъ, нѣтъ даже ширмъ для того, чтобы можно было бы ими оградить кровати, стоящія у самыхъ оконъ. Всѣ эти недостатки, вѣроятно, будутъ скоро устранены, такъ какъ великій герцогъ ба-

денскій, какъ мнѣ говорили, отпустилъ довольно большую сумму для постройки въ Гейдельбергѣ новой лечебницы.

Изъ довольно большого числа патологическихъ процессовъ, за теченіемъ и ходомъ которыхъ я слѣдилъ въ клиникѣ проф. Фридрейха, я опишу только тѣ случаи, которые представляли какой нибудь особенный интересъ, а именно слѣдующіе:

1) Aneurysma arteriæ pulmonalis.
2) Obturatio aortæ (на мѣстѣ бифуркаціи ея).
3) Atrophia muscularis progressiva.

1) *Aneurysma arteriæ pulmonalis.*

Всякое расширеніе артеріальнаго сосуда, будетъ ли это расширеніе занимать часть стѣнки его или же весь стволъ артеріи, называютъ аневризмомъ. Это расширеніе обыкновенно образуется вслѣдствіе страданія внутренней и средней оболочекъ артеріи, при чемъ эти оболочки бываютъ разорваны, или же не бываютъ разорваны. Уже въ сочиненіяхъ Morgagni и Haller'a удачно описаны нѣкоторые случаи аневризмы. Corvisart довольно тщательно занялся этимъ предметомъ и обработалъ его не только съ анатомо-патологической точки зрѣнія, но и съ клинической стороны. Сочиненіе же Scarp'ы сдѣлалось исходною точкою для всѣхъ новѣйшихъ и болѣе тщательныхъ работъ по части аневризмъ. Особенно же заслуживаютъ вниманія работы Laenec'a, Bouillaud, Hope, Dusol'a и Leroux, Gendrin, Thurnam и Peacok. Тщательнѣе же всѣхъ предъидущихъ авторовъ, разработаны аневризмы съ анатомо-патологической точки зрѣнія Cruveilhier и Rokitansky'мъ. Въ Bulletins de la société anatomique помѣщено довольно большое число наблюденій о болѣзненномъ расширеніи артерій. Аневризмы меньшихъ артерій подробнѣе изслѣдованы Kölliker'омъ, Hasse, Virchow'омъ и Pestalozzi.

Въ отношеніи аневризма art. pulmonalis, Crisp*) нашелъ, что на 915 аневризмовъ приходится только четыре случая**) расширенія легочной артеріи. Новѣйшія же наблюденія, относящіяся къ расширенію art. pulmonalis, описали Skoda, Rodrigues и Dlouchy. Изъ описанія этихъ авторовъ слѣдуетъ, что расширенія art. pulmonalis

*) Handbuch d. speciell. Pathologie u. Therapie von Duchek. p. 252.

**) Всѣ эти расширенія легочной артеріи не были опредѣлены при жизни, а были неожиданно найдены во время вскрытія труповъ.

относятся большею частью къ такъ называемому aneur. vulgare *) и представляетъ веретенообразную или же мѣшетчатую форму. Рѣдко достигаетъ аневризмъ легочной артеріи значительной величины, но, впрочемъ, описаны случаи, въ которыхъ этотъ сосудъ достигалъ объема вдвое больше нормальнаго. Наблюдали тоже незначительныя расширенія развѣтвленій легочной артеріи въ кавернахъ. Вышепоименованные авторы находили описанныя ими значительныя расширенія art. pulmonalis всегда неожиданно, въ вскрываемыхъ ими трупахъ, а поэтому они того мнѣнія **), что аневризмъ легочной артеріи не вызываетъ при жизни особенныхъ явленій, которыя дѣлали бы возможнымъ распознаваніе этого страданія. Гораздо чаще аневризма art. pulmonalis замѣчается простое увеличеніе объема всей артеріи, вслѣдствіе съуженія ея волосныхъ сосудовъ, какъ это бываетъ, наприм., при болѣзняхъ легкихъ, при stenosis ostii venosi sinistri, при insufficient. valvulae mitralis и valvul. semilunaris art. pulmonalis. Стѣнки легочной артеріи въ этомъ случаѣ бываютъ утолщены или же утончены, внутренняя оболочка артеріи бываетъ атероматозно перерождена, заслонки ея удивительно широки и тонки, и часть праваго желудочка, которая примыкаетъ къ легочной артеріи, расширена и гипертрофирована. Существованіе простаго расширенія art. pulmonalis можно только тогда, при вышеприведенныхъ болѣзняхъ, предположить, когда второй звукъ легочной артеріи усиленъ.

*) Что касается различныхъ родовъ расширенія артерій, то я нахожу самымъ раціональнымъ слѣдующее подраздѣленіе аневризмовъ:

a) Aneur. verum s. vulgare, которое состоитъ въ мѣстномъ расширеніи всего ствола или же одной только части стѣнки артеріи. Lebert отличаетъ два вида этого рода расширенія артерій:

α) Aneur. continuum, въ которомъ стѣнки сосуда цѣлы.

β) Aneur. contiguum, въ которомъ бываютъ разорваны внутренняя и средняя оболочки артеріи.

b) Aneur. cirsoideum s. racemosum, въ которомъ бываетъ расширенъ не только главный стволъ но и развѣтвленія артеріи.

c) Aneur. arterioso-venosum s. aneurysm. per anastomosin — такой родъ расширенія сосуда, при которомъ артеріальный сосудъ соединяется съ венознымъ и происходитъ смѣшеніе артеріальной и венозной крови.

d) Aneur. spurium, въ которомъ, вслѣдствіе того, что аневризмъ лопнулъ, кровь изливается въ вокругъ лежащую клѣтчатку. Въ этомъ случаѣ вскорѣ образуется капсула изъ соединительной ткани, которая, въ видѣ особенной оболочки, заключаетъ въ себѣ излившуюся и большею частью уже свернувшуюся кровь.

**) Даже такой осторожный наблюдатель, каковъ Skoda; см. его Abhandlung über Perkussion u. Auskultation, послѣднее изданіе.

Проф. Фридрейхъ діагностизировалъ aneurysma arter. pulmonalis у Friederike Wacker, служанки изъ Neukirch (въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ), 39 лѣтъ отъ роду, поступившей въ Гейдельбергскую терапевтическую клинику 10-го января 1866 года.

Anamnesis. Больная всегда была здорова и говоритъ, что только съ 1845 года часто страдала бродячими болями въ конечностяхъ и въ затылкѣ. Къ этимъ болямъ присоединились, какъ больная выражается, потъ, тошнота и чувство жара. Кромѣ того, уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ она кашлемъ. Зимою 1863 года, Friederike Wacker, рѣзвясь, споткнулась и упала на грудь. Спустя недѣлю или двѣ послѣ этого паденія, больная въ первый разъ почувствовала при подыманіи тяжелыхъ предметовъ боль въ лѣвой половинѣ груди. Исключая этой боли, появлявшейся только при сильномъ напряженіи мышцъ, больная чувствовала себя совершенно здоровою. Весною 1865 года, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Friederike Wacker въ первый разъ замѣтила возвышеніе кожи и правильное біеніе на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ второму лѣвому межреберному пространству. Это біеніе, не прерываясь, постоянно усиливалось и продолжается по настоящее время. Съ апрѣля мѣсяца 1865 года, больная тоже часто чувствовала въ лѣвой передней части груди боль, которая сама собою проходила и потомъ опять возобновлялась. Опухоль сначала очень медленно увеличивалась, и только мѣсяцъ тому назадъ увеличеніе ея начало ускоряться. Около этого же времени при движеніяхъ больной, особенно же при нагибаніи, при кашлѣ и чиханіи, ощущается ею на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ опухоли, сильная колючая боль. Тоже, мѣсяцъ тому назадъ, больная замѣтила нѣкоторое затрудненіе при глотаніи твердой пищи, которая по ея описанію останавливается на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ manubrium sterni. Не запиваемая водою, твердая пища, по увѣреніямъ больной, иногда остается часа два въ пищепріемникѣ. Жидкую пищу больная глотаетъ свободно. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1865 года, больная чувствовала тоже боль въ области селезенки, которая въ послѣднее время возобновилась. Шесть недѣль тому назадъ больная почувствовала въ пальцахъ лѣвой руки чувство онѣмѣнія, которое продолжалось только 10 минутъ. Это явленіе повторилось всего только 3 раза, въ продолженіе одной только недѣли. Восемь дней тому назадъ больная жаловалась на боль между нижнимъ угломъ лопатки и позвоночнымъ столбомъ и на уменьшеніе силы въ лѣвой верхней конечности. Около этого же времени больная замѣтила, что если она по-

дымается по лѣстницѣ, то начинаетъ страдать одышкою, которой она прежде не знавала. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1865 года, больная выкашляла немного крови; въ августѣ мѣсяцѣ того же года, послѣ довольно большой прогулки пѣшкомъ, больная вторично кашляла съ кровью. Мѣсячное очищеніе появилось у Friederike Wacker на 19 году жизни, сначала черезъ каждыя четыре недѣли, потомъ же черезъ каждыя три недѣли. Больная не страдала головными болями. Пищевареніе у нее всегда было нормально. *Status praesens.* На видъ кажется, будто бы больная пользуется хорошимъ, даже цвѣтущимъ здоровьемъ. Выраженіе и блескъ глазъ нормальный, зрачки одинаковой величины. Больная говоритъ немного черезъ носъ — этого прежде, по словамъ самой больной, съ нею не бывало. У нее нѣтъ головной боли, нѣтъ жажды. Языкъ чистъ, аппетитъ нормаленъ. При осмотрѣ прочихъ частей головы, ничего ненормальнаго не замѣчается. Что касается шеи, то больная жалуется, что твердая пища останавливается на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ manubrium sterni. Больная увѣряетъ, что если она за глоткомъ твердой пищи не запьетъ водою, то глотокъ иногда остается часа два въ пищепріемникѣ. Другихъ ненормальностей въ пищепріемникѣ не замѣчается. При осмотрѣ груди, замѣчается во второмъ межреберномъ пространствѣ опухоль, немного приподнявшая второе и третье ребра. Направо, опухоль эта распространяется до лѣваго края грудной кости; налѣво—до linea mammillaris, гдѣ край опухоли ясно ограниченъ. Длина опухоли равняется семи, ширина пяти, а высота двумъ сантиметрамъ. Кожа, покрывающая опухоль, нормальнаго цвѣта, и ее можно передвигать, что показываетъ, что она не срослась съ опухолью. Опухоль видимо пульсируетъ, равнымъ образомъ, при дотрогиваніи ея, ясно ощущается пульсація. При малѣйшемъ давленіи на опухоль больная ощущаетъ сильную боль. Пульсація въ опухоли равномѣрно распространяется по всѣмъ ея направленіямъ. При давленіи ладонью на опухоль замѣчается, что она упруга и уступчива. При этомъ ясно ощущается систолическое приподыманіе опухоли, за которымъ слѣдуетъ ощущеніе такъ называемаго claque diastolique, которое обыкновенно замѣчается при усиленномъ отправленіи легочной артеріи. Въ тотъ день, въ который больная поступила въ клинику, по увѣреніямъ ассистента проф. Фридрейха, при приложеніи ладони руки къ опухоли ощущалось даже frémissement cataire, которое при изслѣдованіи больной 15-го января уже болѣе не существовало. Въ первомъ лѣвомъ межреберномъ пространствѣ,

равно какъ на правой сторонѣ грудной кости и во всѣхъ межреберныхъ пространствахъ, лежащихъ съ правой стороны грудной кости, никакой пульсаціи не видно и при дотрогиваніи пальцами или ладонью руки не ощущается. Тоже не ощущается пульсаціи во всемъ пространствѣ, лежащемъ между прикрѣпленіями мышцъ sternocleidomastoidorum. Налѣво, пульсація ощущается не только во второмъ, но и въ третьемъ межреберномъ пространствѣ. Толчекъ сердца смѣщенъ въ низъ и на лѣво: онъ ощущается между 6 и 7 ребрами и смѣщенъ налѣво на $2^1/_2$ сантиметра. Въ четвертомъ, равно какъ и пятомъ межреберныхъ пространствахъ, біеніе сердца не ощущается. *Постукиваніе* груди дало слѣдующіе результаты: весьма незначительное притупленіе звука in regione supraclavic. sin.; in reg. clavicul. sin. притупленіе звука сильнѣе; еще явственнѣе слышно притупленіе звука in regione infraclav. sin. При постукиваніи самой опухоли, получается совершенно тупой звукъ, который внизъ переходитъ въ тупой звукъ сердца. Кругомъ выдающейся впередъ опухоли при постукиваніи получается умѣренно-тупой звукъ. Пространство тупаго звука самой опухоли и умѣренно-тупаго звука ея окружности (обусловливаемаго, какъ кажется, тою же опухолью) занимаетъ въ ширину все разстояніе отъ верхняго лѣваго края manubrii sterni, верхняго праваго края самой грудной кости (т. е. часть грудной кости и 1, 2 и 3 лѣвыя межреберныя пространства) до linea mammillar. sin. Пространство тупаго звука, получаемаго при постукиваніи области сердца, немного увеличено. Оно простирается отъ лѣваго края грудной кости, налѣво, почти до крыльцовой линіи (не доходя ширины одного пальца), вверхъ оно переходитъ въ тупой звукъ опухоли, внизъ же простирается до 7-го ребра. Если мысленно отнять пространство тупаго звука, обусловливаемое опухолью, то пространство тупаго звука сердца представитъ почти круглую форму. Положеніе діафрагмы направо нормальное, налѣво же оно соотвѣтствуетъ 7-му ребру. *Выслушиваніе:* На мѣстѣ соотвѣтствующемъ толчку сердца слышенъ ясный первый тонъ сердца, къ которому присоединяется довольно слабый систолическій шумъ. Шумъ этотъ хотя и довольно слабъ, но онъ всетаки ясно слышенъ. Второй же звукъ сердца на этомъ мѣстѣ совершенно чистъ. Подвигаясь постепенно съ стетоскопомъ направо, къ нижней половинѣ грудной кости, систолическій шумъ, слышимый при верхушкѣ сердца, все болѣе и болѣе усиливается. Изъ этого слѣдуетъ, что происхожденіе его не обусловливается органическимъ

страданіемъ valv. mitralis. На мѣстѣ, лежащемъ по серединѣ между прикрѣпленіями обоихъ пятыхъ ребръ къ грудной кости, кромѣ систолическаго шума, слышенъ тоже діастолическій шумъ. При этихъ шумахъ слышны тоже оба звука праваго желудочка. Подвигаясь съ стетоскопомъ постепенно вверхъ по sternum, къ мѣсту прикрѣпленія 3-го лѣваго ребра къ грудной кости, оба шума праваго желудочка усиливаются, и сильнѣе всего слышны на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ опухоли. Изъ этого слѣдуетъ, что образованіе шумовъ, слышимыхъ въ правомъ желудочкѣ, не обусловливается никакимъ органическимъ страданіемъ valvulæ tricuspidalis или же ostii venosi. Выслушивая самую опухоль (преимущественнс второе межреберное пространство), при діастолическомъ шумѣ слышенъ еще довольно крѣпкій второй звукъ, при систолическомъ же шумѣ вовсе не слышно болѣе звука. Направляясь съ стетоскопомъ постепенно направо, къ мѣсту прикрѣпленія 3-го праваго ребра къ грудной кости, шумъ все болѣе и болѣе слабѣетъ, и во 2-мъ правомъ межреберномъ пространствѣ ясно слышны оба звука аорты. Къ систолическому звуку аорты присоединяется слабый систолическій шумъ, имѣющій всѣ качества систолическаго шума, слышимаго на самой опухоли. Изъ этого можно заключить, что слабый систолическій шумъ аорты не обусловливается органическимъ страданіемъ артеріальнаго отверстія, а распространяется отъ легочной артеріи на аорту. При выслушиваніи сонныхъ артерій, ничего ненормальнаго не замѣчается. Пульсъ въ обѣихъ art. radiales одинаковъ, и сила его нормальна. При постукиваніи и выслушиваніи легкихъ спереди и сзади, ничего ненормальнаго открыть нельзя. При вступленіи больной въ клинику она жаловалась, назади въ глубинѣ грудной клѣтки квнутри отъ лѣвой лопатки, на пульсирующую боль. Эта боль прошла черезъ два или три дня по вступленіи больной въ больницу и болѣе ею не ощущается. Органы брюшной полости и малаго таза нормальны. Верхнія и нижнія конечности ничего особеннаго не представляютъ. 20-го января, къ описаннымъ болѣзненнымъ явленіямъ присоединились еще слѣдующія: при выслушиваніи art. carotis sin. слышенъ систолическій шумъ, второй же звукъ этихъ артерій чистъ. Art. radialis, brachialis и subclavia на лѣвой сторонѣ туловища пульсируютъ слабѣе, чѣмъ соотвѣтствующія артеріи правой стороны. 25-го января, присоединился къ комплексу симптомовъ еще катарръ большихъ бронховъ. Кромѣ того, при болѣе сильномъ давленіи ладонью на опухоль, пульсація въ art. axillar. sin., brachialis sin. и radialis sin.

почти совершенно прекращалась. При прекращеніи же давленія на опухоль, пульсъ въ art. brachialis и radialis возстановлялся. Однако, при этомъ опытѣ, пульсація обѣихъ сонныхъ артерій, равно какъ пульсація art. brachialis dext. и radial. dextra и обѣихъ бедренныхъ артерій, не измѣнялась. Тоже температура обѣихъ верхнихъ конечностей не одинакова — лѣвая холоднѣе правой. 30-го января, присоединились еще слѣдующія болѣзненныя явленія: у больной голосъ сдѣлался выше; больная въ этотъ день была сильно встревожена и взволнована, она жаловалась, что у нея одышка, что она чувствуетъ потребность выбросить мокроту, но что она не въ состояніи откашлянуться. Дыханіе при этомъ было у больной неравномѣрное и иногда даже судорожное. Пароксизмъ этотъ длился почти два часа, по прошествіи которыхъ больная успокоилась и опять была въ состояніи выбросить мокроту.

Diagnosis. Не трудно убѣдиться въ томъ, что цѣлый рядъ явленій, какъ-то: затрудненное глотаніе твердой пищи, ослабленное жилобіеніе въ art. brachialis sin. и art. radialis sin., совершенное почти прекращеніе пульсаціи въ этихъ артеріяхъ при давленіи ладонью на опухоль, чувство слабости и пониженіе температуры въ лѣвой верхней конечности, чувство боли въ глубинѣ груди, чувство онѣмѣнія въ лѣвой верхней конечности, повышеніе голоса, судорожное дыханіе, появлявшееся по временамъ кровохарканіе, катарръ легкихъ, одышка, тревожное состояніе больной и т. д. обусловливаются присутствіемъ довольно большой опухоли, лежащей въ лѣвой верхней части грудной клѣтки, которая давленіемъ своимъ на нищепріемникъ, ключичную артерію, на n. vagus и n. recurrens, на легкія произвела вышеисчисленныя болѣзненныя явленія. Слѣдуетъ рѣшить, что это за опухоль? При опредѣленіи характера этой опухоли, можно колебаться развѣ только въ томъ, имѣемъ ли мы въ этомъ случаѣ дѣло съ a) ракомъ, b) нарывомъ, c) расширеніемъ предсердій или d) аневризмомъ.

a) Противъ рака грудной плевры и mediastini anterioris можно привесть слѣдующее возраженіе.

1. Ракъ плевры почти никогда первично не встрѣчается, а образованію его предшествуетъ раковое образованіе въ другихъ органахъ, преимущественно грудной железы и пр.

2. Раковая опухоль можетъ пульсировать, если она непосредственно прилегаетъ къ какому нибудь большому сосуду, но эта пульсація характеризуется одновременнымъ приподы-

маніемъ всей опухоли, а не постепеннымъ распространеніемъ пульсаціи съ окружности опухоли къ ея центру, какъ это замѣчается въ настоящемъ случаѣ и обыкновенно бываетъ при аневризмахъ.

3. Давленіемъ раковой опухоли на большой артеріальный сосудъ, можно вызвать образованіе систолическаго шума, на подобіе того, какъ шумъ, слышанный при давленіи стетоскопа на art. subclav., но никогда не удается воспроизвести давленіемъ двойнаго шума, т. е. систолическаго и діастолическаго, какъ это замѣчается при выслушиваніи опухоли у Friderike Wacker.

4. Раковая опухоль не упруга и не флуктуируетъ, что однако въ данномъ же случаѣ замѣчается.

5. Наконецъ при раковомъ новообразованіи припадки болѣе или менѣе постоянны, т. е. за ожесточеніями не наступаютъ свободные промежутки времени, въ которые больная страдала бы менѣе.

b) Противъ нарыва говорятъ слѣдующія явленія:

1. Нарывъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовалась опухоль, никогда не достигаетъ такихъ размѣровъ, чтобы онъ, давленіемъ на вокругъ лежащіе органы, могъ бы вызвать неравномѣрность пульса въ обѣихъ верхнихъ конечностяхъ, могъ бы смѣстить сердце, измѣнилъ бы голосъ и пр.

2. У больной нѣтъ лихорадочнаго состоянія, и покровы опухоли нормальнаго цвѣта.

3. Систолическій и діастолическій шумы, слышимые при аускультаціи опухоли, говорятъ тоже противъ существованія опухоли.

c) Что въ данномъ случаѣ не существуетъ расширеніе одного изъ предсердій, убѣждаетъ насъ слѣдующее:

1. Пока не извѣстенъ еще ни одинъ случай расширенія предсердій, при которомъ расширенное предсердіе приподняло бы одно или два ребра—наружный видъ грудной стѣнки въ этихъ случаяхъ обыкновенно не бываетъ измѣненъ.

2. Расширенное *правое* предсердіе лежитъ всегда направо отъ средней линіи туловища, въ нашемъ же случаѣ опухоль лежитъ налѣво отъ нея.

3. Расширенное *лѣвое* предсердіе никогда не можетъ, по положенію самаго сердца, прилегать къ грудной стѣнкѣ, и

оно помѣщается въ глубинѣ грудной клѣтки — это и причина того, что расширенія лѣваго предсердія нельзя узнать при жизни. Въ описанномъ же случаѣ опухоль не только прилегаетъ къ грудной стѣнкѣ, но ее еще приподняла.

Исключая такимъ образомъ присутствіе новообразованія, существованіе нарыва и расширенія предсердій, слѣдуетъ принять описанную опухоль за аневризмъ артеріальнаго сосуда. И дѣйствительно, въ пользу аневризма говорятъ слѣдующія обстоятельства:

1. Мѣстоположеніе опухоли (у основанія сердца, изъ котораго выходятъ большіе артеріальные стволы).

2. Слышимый яснѣе всего на самой опухоли систолическій и діастолическій шумъ, возлѣ котораго ясно можно отличить второй звукъ сердца.

3. Характеристичная пульсація опухоли.

4. Наконецъ, присутствіемъ аневризма вполнѣ объясняются припадки со стороны органовъ дыханія и пищепріемника, неравномѣрность пульса и температуръ въ обѣихъ верхнихъ конечностяхъ, повышеніе голоса, смѣщеніе сердца внизъ и наружу, чувство онѣмѣнія въ лѣвой верхней конечности, и пр.

Рѣшивши вопросъ въ пользу существованія аневризма, слѣдуетъ теперь разрѣшить еще другой вопросъ: съ болѣзненнымъ расширеніемъ какого именно сосуда мы имѣемъ дѣло?

A) Съ расширеніемъ аорты ли, или ея развѣтвленій?

B) Съ ducti Botalli?

C) Съ art. mammariæ internæ sin.?

D) Съ art. intercostalis?

A) Противъ аневризма аорты и ея развѣтвленій говорятъ слѣдующія обстоятельства:

1. Мѣстоположеніе опухоли (налѣво отъ грудной кости).

a) Если расширена была бы восходящая часть аорты, то опухоль лежала бы съ правой стороны грудной кости.

b) При аневризмѣ дуги аорты, можно было бы ощупать пульсирующую опухоль въ глубинѣ пространства между mm. sternocleidomast.

c) При расширеніи нисходящей части грудной аорты, опухоль прилегала бы къ позвоночному столбу и къ заднимъ частямъ реберъ, гдѣ чувствовалась бы въ такомъ случаѣ пульсація и слышенъ былъ бы систолическій шумъ.

2. Чистый первый звукъ аорты съ примѣсью слабаго шума (распространеніе систолическаго шума легочной артеріи на аорту) и совершенно чистый второй звукъ.

3. Нормальность звуковъ и нормальность величины лѣваго сердца (слабый систолическій шумъ, слышимый при верхушкѣ сердца, распространяется на лѣвый желудочекъ отъ легочной артеріи).

4. Противъ существованія аневратизма trunci anonymi говоритъ положеніе опухоли и отсутствіе явленій сжиманія ven. anonymæ, venæ cavæ sup.

5. Противъ аневризма art. subclaviæ sin. говоритъ то обстоятельство, что при аускультаціи ея слышится совершенно чистый 2-й звукъ (при выслушиваніи опухоли къ 2-му звуку присоединяется крѣпкій шумъ).

6. Противъ аневризма art. carotis communis sin. говоритъ, кромѣ положенія опухоли, еще то обстоятельство, что при давленіи ладонью на опухоль пульсація почти изчезаетъ въ art. brachialis sinistr. и art. radial. sin., но въ art. carotis communis sin. при этомъ опытѣ не замѣчается измѣненія въ ея пульсаціи.

B) Аневризмы ducti Botalli описали Baron, Billard, Martin Saint-Ange и Parise. Но подробнѣе всѣхъ описалъ аневризмы ducti Botalli Thore (Arch. gén. de médécine, Mai 1850, T. XXIII de la 4 série p. 30). Изъ этихъ описаній слѣдуетъ, что самое большое расширеніе duct. Botalli равнялось величинѣ обыкновеннаго лѣснаго орѣха. У Friederike Wacker же опухоль относительно очень велика (въ кулакъ). Кромѣ того, при выслушиваніи аневризма duct. Botalli, мы получили бы другія данныя (по всему вѣроятію не было бы слышно систолическаго и діастолическаго шума).

C и D) Противъ аневризма art. mammariæ intern. sin. и аневризма art. intercostal. sin. говоритъ:

a) Малый объемъ этихъ сосудовъ, и

b) Слушимый въ опухоли второй звукъ, который при расширеніяхъ упомянутыхъ артерій, по причинѣ отсутствія въ нихъ полулунныхъ заслонокъ, невозможно было бы услышать.

E) Остается принять расширеніе art. pulmonalis. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ явленія говорятъ въ пользу этого предположенія:

1. Положеніе опухоли (въ 1, 2 и 3 межреберныхъ пространствахъ, сейчасъ налѣво отъ грудной кости).

2. То обстоятельство, что систолическій и діастолическій шумы яснѣе всего слышны на мѣстѣ прикрѣпленія 3-го лѣваго ребра къ грудной кости и во второмъ межреберномъ пространствѣ.

3. Распространеніе систолическаго и діастолическаго шумовъ преимущественно на правый, а не на лѣвый желудочекъ сердца, и незначительная гипертрофія праваго желудочка.

Неравномѣрность силы пульса въ обѣихъ конечностяхъ зависитъ отъ давленія аневризма art. pulmonalis на art. subclav. (а не отъ аневризма дуги аорты, такъ какъ при этомъ аневризмѣ было бы возможно открыть пульсирующую опухоль между mm. sternocleidomast.). Тоже систолическій шумъ, слышимый въ лѣвой art. carotis, объясняется давленіемъ аневризма art. pulmonalis на аорту.

Случай этотъ въ двухъ отношеніяхъ весьма замѣчателенъ: во первыхъ тѣмъ, что изъ всѣхъ описанныхъ аневризмовъ art. pulmonalis ни одинъ не достигъ такой величины, какъ описанный мною случай изъ клиники профессора Фридрейха, и во вторыхъ еще тѣмъ, что діагностика сдѣлана профессоромъ Фридрейхомъ при жизни больной (Friederike Wacker и теперь еще лежитъ въ гейдельбергской терапевтической клиникѣ). Skoda*), Niemeyer**), равно какъ и Duchek***), говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ, что, при аневризмахъ art. pulmonal., ни постукиваніе, ни выслушиваніе не давали результатовъ, которыми можно было бы руководствоваться при діагностикѣ этого страданія легочной артеріи, и потому они того мнѣнія, что распознаваніе аневризма art. pulmonalis при жизни невозможно.

Prognosis. Предсказаніе крайне неутѣшительное, тѣмъ болѣе, что аневризмъ снаружи покрытъ одною только кожею и подкожною клѣтчаткою. Если бы въ этомъ мѣстѣ опухоли и удалось успѣшнымъ леченіемъ увеличить слой свернувшагося фибрина, то это все таки не улучшило бы предсказанія, такъ какъ, по всему вѣроятію, это не единственное мѣсто утонченія стѣнокъ аневризма. Поэтому если и удалось бы спасти больную отъ наружнаго кровоистеченія, то все таки останется невозможнымъ предотвращеніе смерти отъ неожиданнаго внутренняго кровотеченія.

*) Skoda. Abhandlung über Perkussion u. Auscultation. Sechste Aufl. p. 334.

**) Fel. Niemeyer. Hanbuch d. speciell. Pathologie u. Therapie T. I p. 351.

***) Duchek. Handbuch der speciell. Pathologie u. Therapie I Lief. p. 252.

Therapia. Профессоръ Фридрейхъ назначилъ Friederike Wacker слѣдующее леченіе: покой (горизонтальное положеніе), приличную діэту, холодъ (пузырь со льдомъ) и легкое давленіе на опухоль (Collodium). Внутрь, больной въ различное время назначены были слѣдующія средства: Digitalis [Rp. Infus. herb. digital. purp. (e gr. XV parat.) ℥v.—Kali nitrici ℥jj, Syrop. rubi Idaei ℥j—DS. Черезъ два часа по столовой ложкѣ]; Coniin—какъ успокоительное и боль утоляющее средство; Sal ammoniacum [Rp. Infus. Seneg. (e ℥jj parat.) ℥v, Salis ammon. ℥β, Syrop. Alth. ℥j. S. Черезъ два часа по столовой ложкѣ] противъ катарра легкихъ. Кромѣ того, отъ времени до времени, ставили больной промывательныя.

2) *Obturatio aortæ* (на мѣстѣ бифуркаціи ея).

Первый, кто обратилъ вниманіе на створаживаніе крови, какъ кажется, былъ Нюрнбергскій врачъ Valcher Coiter (1572 г.). Достовѣрно же извѣстно, что Marcus Aurelius Severinus (въ 1616 г.) зналъ, что кровь створаживается. Съ самаго начала полагали, что всѣ свертки крови, находимые въ трупахъ, образовались еще при жизни. Эти свертки крови называли полипами, которые могли имѣть различную длину и могли очень далеко внѣдряться въ сосуды. Этимъ полипамъ чуть ли не приписывали происхожденіе всѣхъ болѣзней. Потомъ наступила другая крайность: Pasta, Andreas и др. считали всѣ свертки, находимые при вскрытіи въ сердцѣ и въ большихъ сосудахъ, трупнымъ явленіемъ. Cruveilhier сначала училъ, что створаживаніе крови въ сосудахъ живаго человѣка зависитъ отъ воспаленія стѣнокъ этихъ сосудовъ, впослѣдствіи же утверждалъ, что каждое воспаленіе есть ничто иное какъ створаживаніе крови въ мельчайшихъ сосудахъ (венозныхъ). Другіе считали за причину створаживанія крови въ сосудахъ присутствіе дискразическаго вещества (acre coagulatorium) въ крови, такъ напр. Paget считалъ присутствіе мочевины въ крови (uræmia) за причину образованія въ легочной артеріи свертка. Наконецъ, есть и такіе ученые, которые объясняли и объясняютъ образованіе сверткова въ кровяныхъ сосудахъ, при жизни, механическимъ путемъ. Сюда слѣдуетъ отнести Laennec, Legroux, John Davy и, главнымъ образомъ, Virchow'a и его послѣдователей. Механическая теорія свертыванія крови въ сосудахъ состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: вслѣдствіе различныхъ патологическихъ процессовъ образуются, гдѣ нибудь на стѣнкѣ артеріальнаго или венознаго сосуда, преимущественно же

на сердечныхъ заслонкахъ, шероховатости и неровности. На эти неровности отлагаются свертки фибрина, которые кровь или отрываетъ и уноситъ въ сосуды меньшаго калибра (embolia), или она не въ состояніи ихъ оторвать, и тогда первоначально образовавшійся свертокъ въ своемъ объемѣ постепенно увеличивается и впослѣдствіи можетъ совершенно закрыть сосудъ (thrombosis). Образовавшійся thrombus, равно какъ embolus, обыкновенно рано или поздно совершенно закрываютъ и выполняютъ весь сосудъ, и если впродолженіи этого времени не успѣло образоваться коллатеральное кровообращеніе, то наступаетъ омертвѣніе всѣхъ тѣхъ частей организма, которые этотъ сосудъ питалъ. Обыкновенно же при thrombosis или embolia большихъ сосудовъ, какъ то art. iliac. commun. и aortæ наступаетъ общая смерть. Всѣхъ случаевъ obturationis arteriarum въ литературѣ извѣстно 47 *). Изъ нихъ только 7 случаевъ приходится на верхнія, 40 же на нижнія конечности, и притомъ чаще они встрѣчаются на правой, чѣмъ на лѣвой. Иногда слѣдуетъ искать причину засоренія или полнаго закрытія сосудовъ (obturatio) нижнихъ конечностей очень высоко, такъ напр. на вышеприведенные 40 случаевъ obturationis arteriarum нижнихъ конечностей приходится 6 случаевъ, въ которыхъ свертокъ, закрывавшій сосудъ, находили одинъ разъ въ дугѣ аорты, другой разъ на мѣстѣ прохожденія аорты черезъ діафрагму и 4 раза на мѣстѣ раздѣленія аорты (bifurcatio). Въ гейдельбергской терапевтической клиникѣ представился мнѣ случай видѣть больную съ obturatio aortæ, и по всему вѣроятію embolus лежитъ на мѣстѣ бифуркаціи аорты. Случай этотъ тѣмъ особенно интересенъ, что у живаго субъекта профессоромъ Фридрейхомъ поставлена была діагностика и опредѣлено было мѣсто obturationis aortæ. Больная Pauline Hofmann, служанка, 23 лѣтъ отъ роду, еще и въ настоящее время лежитъ въ гейдельбергской терапевтической клиникѣ, куда она поступила 23-го января 1866 года.

Anamnesis. Больная разсказываетъ, что когда ей было 18 лѣтъ отъ роду, то у нее было воспаленіе брюшины. До этого времени она была всегда здорова. На двадцатомъ году своей жизни больная страдала два дня сряду колючими болями въ лѣвомъ боку; при этомъ она кашляла и дыханіе было у нея стѣснено. Ей тогда пустили кровь. Съ этого времени Pauline Hofmann была всегда здо-

*) Lebert. Handbuch d. speciell. Pathol. u Therapie, redigirt von Virchow Bd. V Abth. II.

рова. 13-го января сего года, послѣ обѣда, больная вдругъ почувствовала ломоту и чувство жженія въ обоихъ бедрахъ (сильнѣе въ правомъ бедрѣ). Боли эти то усиливались, то ослабѣвали, то совершенно проходили, то опять возобновлялись. При этомъ больная замѣтила припуханіе лодыжекъ обѣихъ ногъ и припуханіе нижней половины голени, красноту кожи вокругъ обѣихъ внутреннихъ лодыжекъ и на нижней внутренней трети обѣихъ голеней. На мѣстѣ красноты Pauline Hofmann ощупала боль. По увѣреніямъ больной, движенія въ суставахъ были вполнѣ свободны и безъ всякой боли. Къ вечеру 13-го числа больная, по причинѣ сильныхъ болей, не могла болѣе ни ходить, ни стоять и чувствовала въ ногахъ слабость. Общее же состояніе больной не было нарушено: у нея не было ни головной боли, ни жажды, аппетитъ былъ у нея хорошій. 15-го января, по словамъ больной, боли усилились до того, что она принуждена была слечь въ кровать. Припухлость и краснота ногъ въ постели уменьшилась. Къ исчисленнымъ явленіямъ, по словамъ больной, присоединилось еще чувство охлажденія въ обѣихъ нижнихъ конечностяхъ. Если больная вставала съ кровати, то боли въ ногахъ усиливались.

Status praesens. Больная крѣпкаго сложенія, питаніе у нея очень хорошее. Голова и шея ничего ненормальнаго не представляютъ. Языкъ чистъ, аппетитъ хорошъ, у больной нѣтъ ни жажды, ни головной боли, ни кашля, она не жалуется на чувство слабости или усталости. Грудной ящикъ нормально сложенъ, толчекъ сердца на нормальномъ мѣстѣ. Постукиваніе даетъ одни только отрицательные результаты. При выслушиваніи груди слышенъ какъ спереди и сзади, такъ и съ обоихъ боковъ сильный шумъ (bruit du soufflet).

Шумъ этотъ систолическій и простирается во всю паузу до 2-го звука сердца. Спереди, шумъ ясно слышенъ на грудной кости, яснѣе же еще in regione epigastrica. Сильнѣе и всего яснѣе слышенъ этотъ шумъ сзади, на спинѣ, въ средней грудной части позвоночнаго столба и отсюда онъ распространяется по позвоночному столбу вверхъ и внизъ. Шумъ этотъ слышенъ тоже на шеѣ, и при сильномъ давленіи стетоскопомъ на покровы живота даже въ брюшной полости. На спинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ шумъ всего сильнѣе слышенъ, не ощущается ни больною, ни врачемъ пульсаціи. Звуки сердца нормальны. Изслѣдованіе печени, селезенки и почекъ (относительный вѣсъ мочи = 1,018, бѣлка нѣтъ) ничего ненормальнаго не обнаружило. Оба мыщелка и спинка правой стопы находятся въ отечномъ

состояніи. Внутренняя нижняя треть правой голени немного припухши, и на этомъ мѣстѣ температура возвышена и кожа красновата. При давленіи, ощущается сильная боль только надъ внутреннимъ мыщелкомъ правой ноги, при давленіи же на лѣвый мыщелокъ и спинку правой ноги не ощущается боли. На соотвѣтственныхъ мѣстахъ лѣвой поги замѣчаются тѣ же явленія какъ на правой голени и правой стопѣ. Пульсація обѣихъ лучевыхъ артерій (a. radiales) очень сильна, въ обѣихъ же бедренныхъ артеріяхъ (a. femorales) очень слабая, въ сосудахъ же правой и лѣвой голени, равно какъ и правой и лѣвой стопы, никакой пульсаціи нельзя открыть. При стояніи и хожденіи больная ощущаетъ сильную боль на внутренней поверхности обѣихъ голеней. 24-го января къ прежнимъ симптомамъ присоединились еще слѣдующія явленія: въ правой и лѣвой стопѣ, равно какъ въ правой и лѣвой голени, до колѣннаго сочлененія, температура тѣла значительно понизилась. Больная увѣряетъ, что она ощущаетъ въ ногахъ особенную тяжесть и онѣмѣніе. Появились тоже въ нижней внутренней трети обѣихъ голеней грязно-голубовато-красныя пятна. Пятна эти черезъ нѣсколько дней изчезли, но пониженіе температуры продолжается какъ въ стопѣ, такъ и въ голени. Температура понизилась даже выше колѣннаго сустава. Границы мѣстъ, на которыхъ ощущается еще нормальная температура, 4-го февраля были слѣдующія: спереди — паховыя области, съ боковъ — crista подвздошныхъ костей, сзади — верхній край ягодичныхъ мышцъ. Во время пребыванія больной въ больницѣ, появилось мѣсячное отдѣленіе крови. По словамъ больной, этотъ разъ кровь отдѣлялась въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде, когда паціентка чувствовала себя совершенно здоровою.

Diagnosis.

1) Слабая пульсація бедренныхъ артерій.

2) Отсутствіе всякой пульсаціи въ артеріяхъ обѣихъ голеней и обѣихъ стопъ.

3) Отекъ голеней и стопъ,

4) Пониженіе температуры въ нижнихъ конечностяхъ.

5) Появленіе въ различныхъ мѣстахъ пятенъ грязно-сине-багроваго цвѣта.

6) Сильная боль, ощущаемая больною въ нижнихъ конечностяхъ. Вотъ явленія, обыкновенно замѣчаемыя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ доступъ крови къ нижнимъ конечностямъ бываетъ

совершенно, или же большею частію, прекращенъ. Спрашивается, въ какомъ мѣстѣ лежитъ препятствіе для прохожденія крови и какого рода это препятствіе? То обстоятельство, что граница мѣста, въ которыхъ температура тѣла понижена, соотвѣтствуетъ спереди— паховымъ областямъ, сбоковъ — гребешку подвздошныхъ костей, сзади — верхней границѣ ягодицъ, заставляетъ предполагать, что препятствіе лежитъ въ тазу. Такъ какъ, а) при самомъ тщательномъ изслѣдованіи полости таза, нельзя было открыть ничего такого, что могло бы сдавить сосуды таза (напр. опухоли); б) всѣ вышеописанные припадки обнаружились вдругъ и неожиданно; в) при аускультаціи груди слышится довольно сильный систолическій шумъ, всего же яснѣе на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ средней грудной части позвоночнаго столба (по всему вѣроятію, въ груди существуетъ расширеніе грудной аорты, а если систолическій шумъ не обусловливается болѣзненнымъ расширеніемъ грудной аорты, то въ такомъ случаѣ, вѣроятно, существуютъ въ значительной степени неровности и шероховатости въ аортѣ, обусловливаемыя атероматознымъ перерожденіемъ стѣнокъ ея), — то можно съ большею вѣроятностью предположить существованіе большаго кровянаго свертка (emboli), лежащаго на бифуркаціи аорты. Что этотъ embolus, по всему вѣроятію, лежитъ на мѣстѣ бифуркаціи аорты, слѣдуетъ изъ того, что вышеисчисленныя болѣзненныя явленія обнаружились не на одной, а на обѣихъ нижнихъ конечностяхъ (трудно предположить, чтобы одновременно занесены были два кровяныхъ свертка отдѣльно въ каждую изъ art. iliac. commun.). Этотъ embolus былъ, вѣроятно, занесенъ на мѣсто бифуркаціи аорты изъ грудной ея части. Онъ не вполнѣ закрываетъ обѣ a. iliac. commun., такъ какъ обѣ a. femorales еще слабо пульсируютъ.

Prognosis. Въ отношеніи теченія и исходовъ obturationis большихъ артеріальныхъ стволовъ, отличаютъ двѣ формы этой болѣзни: одна изъ нихъ длится короткое время и обыкновенно оканчивается по прошествіи нѣсколькихъ недѣль смертію, другая же тянется въ длину и продолжается обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ (въ одномъ случаѣ болѣзнь длилась 11, а въ другомъ 15 мѣсяцевъ) и оканчивается чаще смертію, чѣмъ выздоровленіемъ. Изъ 47 случаевъ obturationis большихъ артерій, извѣстныхъ въ литературѣ, выздоровѣла только $^1/_6$ часть больныхъ этою болѣзнью (въ числѣ ихъ нѣкоторымъ была сдѣлана ампутація нижнихъ конечностей). Въ описанномъ мною теперь случаѣ, хотя кровяной свертокъ и не вполнѣ

закрылъ обѣ a. iliacæ commun., но такъ какъ это страданіе само по себѣ весьма серьезное, то предсказаніе остается сомнительнымъ. Гангрена, обнаружившаяся сначала въ видѣ грязно-сине-багровыхъ пятенъ, благодаря энергическому леченію и несовершенному закрытію обѣихъ подвздошныхъ артерій кровянымъ сверткомъ (въ бедренныхъ артеріяхъ чувствуется слабая пульсація), изчезла, и если кровяный свертокъ, лежащій у бифуркаціи аорты, не скоро будетъ увеличиваться и не вдругъ совершенно закроетъ устье обѣихъ a. iliacæ commun., то легко можетъ образоваться коллатеральное кровообращеніе, помощію котораго нормальное питаніе нижнихъ конечностей можетъ вполнѣ возстановиться. Пока еще нельзя открыть и слѣдовъ коллатеральнаго кровообращенія.

Therapia. Леченіе, назначенное проф. Фридрейхомъ въ этомъ случаѣ, состояло въ слѣдующемъ: больная должна была слечь въ постель и не вставать съ ней. Употреблены были, кромѣ того, различныя средства искусственнаго согрѣванія нижнихъ конечностей, какъ то: нагрѣвальники (Bettflaschen), втиранія (Rp. Balsam. peruviani ℥j, spir. formic., spirit. serpyll., aq. cologniensis a. a. ℥jj) и постоянное обматываніе нижнихъ конечностей ватою. Противъ боли назначенъ былъ Codiin.

3) *Atrophia muscularis progressiva.*

Замѣчательно, что на 60 кроватей Гейдельбергской терапевтической клиники почти всегда приходится нѣсколько случаевъ прогрессивной атрофіи мышцъ. Въ настоящее время въ ней помѣщаются три больныхъ съ прогрессивною атрофіею мышцъ. Я не буду описывать ни одного изъ этихъ случаевъ, а ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями относительно этого патологическаго процесса.

Только въ послѣднее время Aran, Cruveilhier, Duchenne, Bérand и др. подробно описали страданіе мышечной системы, извѣстное подъ названіемъ прогрессивной атрофіи мышцъ. Впрочемъ уже гораздо раньше различные писатели намекали на это страданіе мышцъ, но относящіяся сюда описанія были болѣе или менѣе поверхностны (Bell, Obercrombie, Cooke, Darwall, Dubois). Особенность этого страданія заключается въ томъ, что большею частію поражаются только нѣкоторыя мышцы и по преимуществу мышцы, принадлежащія къ одной какой нибудь системѣ, напр. мышцы управляющія движеніями большаго пальца руки. Въ этомъ случаѣ совершенно теряется подвижность большаго пальца, и на мѣстѣ мякиша его остается раковинообразное углубленіе. Эта сначала мѣстная прогрессивная атро-

фія, мало по малу, распространяется все дальше и дальше, иногда поражаетъ всю мышечную систему (исключеніе только составляютъ сердце, мышцы кишечнаго канала и мочеваго пузыря) и обусловливаетъ постоянно увеличивающуюся слабость пораженныхъ мышцъ, которая обыкновенно оканчивается ихъ полнымъ параличемъ. Но этотъ параличъ отличается отъ всякаго головно-спиннаго паралича тѣмъ, что воля только въ той мѣрѣ теряетъ свое вліяніе на сокращеніе мышцы, въ какой тоже теряетъ свое вліяніе электричество на силу сокращенія мышцы пораженной прогрессивною атрофіею, т. е. въ той мѣрѣ, въ какой, вслѣдствіе атрофіи изчезли въ мышцѣ сократительныя волокна (Duchenne). Cruveilhier, въ одномъ случаѣ смерти отъ прогрессивной атрофіи мышцъ нашелъ атрофію переднихъ корешковъ спиннаго мозга. Этотъ результатъ вскрытія Cruveilhier былъ главнымъ образомъ причиною столь долго дебаттируемаго спорнаго вопроса: есть ли прогрессивная атрофія мышцъ первичное или же вторичное страданіе мышечной системы, т. е. обусловливается ли атрофія мышцъ страданіемъ нервовъ, развѣтвляющихся въ мышцахъ, или же страданіемъ самаго мышечнаго вещества? Мнѣ кажется, что рѣшеніе этого спора заключается уже въ томъ фактѣ, по которому считаютъ патогностическимъ признакомъ прогрессивной атрофіи мышцъ сохраненіе раздражимости атрофированныхъ мышцъ токомъ. (Разумѣется, что эта раздражимость будетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ мышцахъ не переродились всѣ сократительныя волокна). При всякомъ же параличѣ периферическихъ нервовъ, теряется раздражимость мышцы токомъ. Атрофированные корешки спиннаго мозга, найденные Cruveilhier, въ этомъ смыслѣ можно считать периферическими нервами, а поэтому случай Cruveilhier нельзя отнести къ прогрессивной мышечной атрофіи. Можно было бы еще предположить, что, при сохраненіи сократительности атрофированной мышцы, страданіе это не обусловливается параличемъ периферическихъ нервовъ, а какимъ нибудь мѣстно-ограниченнымъ патологическимъ процессомъ въ головномъ или же спинномъ мозгу? Но и это предположеніе невѣроятно, такъ какъ ни при головномъ, ни при спинномъ параличѣ атрофія мышцъ не развивается такъ быстро и въ такихъ размѣрахъ, какъ это бываетъ при страданіи мышцъ прогрессивною атрофіею. И такъ сущность этого страданія мышцъ заключается въ первичномъ пораженіи мышечнаго вещества.

Этіологія этой болѣзни еще очень темна. Замѣчали, что въ нѣ-

I. Stemma familiarum Koch, Boehm, Stelz. *)

Joan. Val. Scholl, Dossenhemiensis, nat. a. 1648. | Mar. Magdal. Metzler, Handschuchshemiensis.

1) Joannes Bernhard, nat. a. 1687.

2) Joannes Georg, nat. a. 1701. | Maria Barbara Wedel.

1) Joann. Conrad. Scholl, nat. a. 1797 † 1806. | Anna Cath. Moell, nat. 1739.

Phillipus Reisinger. | Susanna Cath. Scholl, nat. 1773.

2) Maria Barb. Scholl, nat. 1745. | Joann. Matth. Horsch.

Matth. Horsch, nat. 1773. | Eva Cath. Sauer, nat. 1777.

1) *Joann. Scholl*, nat. 1803 † 1818.

2) *Joann. Henric. Scholl*, nat. 1805 † 1821.

3) Maria Magd. Scholl, nat. 1808, nupta 1832 Henrico Koch, Dossenhemiensi.

4) Anna Maria Scholl, nat. 1810, nupta 1834 Alexandro Boehm Wieblingensi.

Joannes Stelz Dossenhemiensis, nat. 1818. | Maria Cath. Horsch.

Philipp. Stelz, nat. 1846, adhuc vivit.

1) Anna Maria Koch, nat. 1832. | Filia II annorum.

2) *Henricus Koch*, nat. 1834 † 1839.

3) Conrad. Koch, nat. 1837 † 1838.

4) *Jacobus Koch*, nat. 1839 † 1851.

5) *Joann. Jacob. Koch*, nat. 1842 † 1859.

6) *Henricus Koch*, nat. 1852, adhuc vivit.

1) Filia.

2) *Philippus Boehm*, nat. 1839 † 1855.

3) *Andreas Boehm*, nat. 1843, adhuc vivit.

4) Jacobus Boehm, nat. 1848, antea rhachiticus, nunc sanus.

II. Stemma familiae Reinhardt.

Georg. Michael Reinhardt. | Anna Elisabetha Herbig, Wilhelmsfeldenses.

1) Georg. Michael, nat. 1752. | *Georg. Michael.*

2) *Joannes Adam*, nat. 1753. | *Anna Barbara*, nat. 1785. | Nicol. Beckenbach. | *Nicol. Beckenbach*, nat. 1804, adhuc vivit.

nupta secunda: Schitt. | *Catharina Schmitt*, nat. 1818, adhuc vivit.

3) Georg. Michael, nat. 1754.

4) *Joannes Michael*, nat. 1756.

5) Elisabetha Cathar, | *Caspar Kling*, nat. 1797, adhuc vivit.

Caspar Kling.

*) Carolus Hemptenmacher. De Aetiologia Atrophiæ Muscularis Progressivæ. Dissert. Inaugur. 1862.

которыхъ случаяхъ предшествовали прогрессивной атрофіи судороги отдѣльныхъ мышцъ (Ch. Bernard). Rob. Froriep, въ своемъ сочиненіи упоминаетъ нѣсколько случаевъ атрофіи мышцъ, которой предшествовалъ ревматизмъ отдѣльныхъ мышцъ. Въ другихъ случаяхъ, по всему вѣроятію, атрофія обусловливалась чрезмѣрнымъ напряженіемъ мышцъ (Dubois, Aran, Duchenne). Наконецъ, интересенъ фактъ, что болѣзнь эта наслѣдственна (Aran, Brodie и др.). Въ этомъ отношеніи особенно обратила мое вниманіе диссертація Hemptenmacher'a *), который въ ней помѣстилъ двѣ родословныя таблицы нѣсколькихъ семействъ, страдавшихъ прогрессивною атрофіею мышцъ. Таблицы эти составлены имъ по церковнымъ книгамъ, въ которыхъ онъ для этой цѣли долгое время рылся. Въ одной изъ этихъ таблицъ, Hemptenmacher'у удалось прослѣдить одно семейство, члены котораго страдали прогрессивною атрофіею мышцъ съ 1648 года по 1862 годъ *(см. таблицу)*. Имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ таблицѣ напечатаны *курсивомъ*, указываютъ на то, что эти лица страдали прогрессивною атрофіею мышцъ. Изъ этихъ двухъ родословныхъ таблицъ семействъ Koch, Bœhm, Stelz и Reinhardt видно, что чаще заболѣваютъ прогрессивною атрофіею мышцъ мужчины, чѣмъ женщины; что нѣсколько поколѣній можетъ быть не подвержено этому страданію, и что эта болѣзнь можетъ впослѣдствіи между членами того же семейства опять появляться, т. е. эта болѣзнь можетъ дѣлать скачки черезъ 1, 2, 3 и болѣе поколѣній. Слѣдовательно, зародышъ прогрессивной атрофіи мышцъ передается по наслѣдству какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, какъ уже страдавшими прогрессивною атрофіею мышцъ такъ и совершенно здоровыми членами семейства, въ которомъ встрѣчались случаи этой болѣзни. Что эта болѣзнь наслѣдственна, въ пользу этого особенно говоритъ примѣръ взятый изъ родословной таблицы семейства Reinhardt. Anna Barbara *(см. таблицу)*, страдавшая прогрессивною атрофіею мышцъ, выходила два раза за мужъ, и оба раза имѣла *вполнѣ здоровыхъ* мужей; отъ каждаго изъ нихъ она родила ребенка, который впослѣдствіи страдалъ прогрессивною атрофіею мышцъ.

Оканчиваю свой отчетъ краткимъ разборомъ нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ проф. Фридрейхъ ошибся въ діагностикѣ. Та-

*) Hemptenmacher. De Aetiologia Atrophiæ muscularis progressivæ. Dissert. inaug. 1862.

кихъ случаевъ, въ продолженіе всего времени моего посѣщенія Гейдельбергской терапевтической клиники, было три, и ошибка въ распознаваніи болѣзни во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ обнаружилась при вскрытіи. Что распознаваніе этихъ болѣзней было весьма трудно, въ пользу того говоритъ уже тотъ фактъ, что такой опытный діагностъ, каковъ проф. Фридрейхъ, могъ ошибиться. И дѣйствительно комплексъ симтомовъ въ этихъ трехъ конкретныхъ случаяхъ былъ таковой, что, попадись они еще разъ, смѣло можно было бы при опредѣленіи патологическаго процесса вторично ошибиться. Эти три случая нижеслѣдующіе:

I. Anna Appel, 12 лѣтъ отъ роду.

Клиническая діагностика: страданіе печени (по всему вѣроятію Echinococcus?)

Анатомическая діагностика: Tuberculosis peritonaei, pleuritis sinistra, hydrothorax dext., obliteratio pericardii et hydrops universalis.

Явленія, говорившія въ пользу страданія печени, были слѣдующія:

1) Громаднѣйшее количество серознаго эксудата въ брюшной полости (больной было сдѣлано пять пункцій и каждый разъ выпущено отъ 6000—8000 кубич. цент. эксудата; при всемъ томъ каждый разъ оставалось столько еще, въ брюшной полости, излившейся жидкости, что нельзя было основательно изслѣдовать печень и селезенку), что заставляло предполагать существованіе значительнаго препятствія въ системѣ кровообращенія venæ portæ.

2) При сильномъ давленіи на покровы живота въ области печени, казалось будто бы печень выходила изъ-подъ края ребръ, но опредѣленіе пальпаціею качествъ поверхности выдающейся печени, по причинѣ присутствія огромнаго количества эксудата, было невозможно. Изслѣдованіе селезенки было по той же причинѣ весьма затруднено. Только путемъ исключенія можно было поставить діагностику.

3) Противъ Cirrhosis hepatis говорило отсутствіе въ мочѣ значительнаго количества мочевины и мочекислыхъ солей, возрастъ больной и отрицательные результаты, полученные при изслѣдованіи селезенки.

4) Противъ амилоиднаго перерожденія печени говорило отсутствіе бѣлка въ мочѣ.

5) Противъ рака — отсутствіе всякой боли, даже сильной чувствительности при давленіи на область печени, отсутствіе этого новообразованія въ другихъ органахъ, отсутствіе, наконецъ, раковаго маразма.

6) Наконецъ, противъ бугорчатки брюшины говорили отсутствіе всякой чувствительности при давленіи на покровы живота, отсутствіе бугорковъ въ легкихъ, отсутствіе фибринозныхъ свертковъ въ выпущенномъ эксудатѣ. Можно было поэтому развѣ только еще предположить существованіе Echinococcus въ печени.

II. Caroline Schuppel, 53 лѣтъ отъ роду.

Клиническая діагностика: Tuberculosis pulmonum.

Анатомическая діагностика: Cancer pulmonum primitivum.

Явленія, говорившія въ пользу Tuberculosis pulm., были слѣдующія:

1) Кровохарканіе.

2) Тупой звукъ въ лѣвой верхушкѣ легкаго и звукъ разбитаго горшка (bruit du pot félé), получаемый при крѣпкомъ постукиваніи на лѣвую подключичную область.

3) Всевозможные хрипы.

4) Мокрота (присутствіе въ ней эластическихъ волоконъ).

Въ этомъ случаѣ проф. Фридрейхъ не упомянулъ о возможности существованія у больной рака легкаго, что весьма естественно, такъ какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было открыть раковаго новообразованія и, кромѣ того, отсутствовало припуханіе лимфатическихъ железъ. Первичный ракъ легкихъ принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ патологическимъ процессамъ.

III. Georg Kreher, 59 лѣтъ отъ роду.

Клиническая діагностика: легкій случай брюшнаго тифа.

Анатомическая діагностика: острая просовидная бугорчатка.

Слѣдующія явленія говорили въ пользу клинической діагностики:

1) Повышеніе температуры (до 40° С.).

2) Увеличеніе печени.

3) Увеличеніе селезенки.

4) Отсутствіе болѣзненныхъ явленій въ груди и другихъ органахъ (только дыханіе съ лѣвой стороны было немного ослаблено).

5) Изъ анамнестики не видно было, чтобы больной страдалъ прежде хроническимъ катарромъ легкихъ.

6) Противъ тифа единственно говорило только отсутствіе Roseolae; но, какъ извѣстно, въ легкихъ случаяхъ брюшнаго тифа часто весьма трудно бываетъ открыть эти разсѣянныя пятна, такъ какъ они весьма скоро изчезаютъ.

Въ заключеніе, не могу не высказать той мысли, что каждая обнаружившаяся ошибка въ діагностикѣ великаго, геніальнаго клинициста въ сущности оказывается для его учениковъ болѣе полезнымъ и болѣе поучительнымъ, чѣмъ разборъ десяти, имъ lege artis сдѣланныхъ *обыкновенныхъ* случаевъ, теченіе которыхъ было совершенно обычное, такъ сказать — нормальное.

Гейдельбергъ, $^{27}/_{15}$ марта 1866 года.

13) Кандидата А. Пассовера.

Организація прихода, какъ она описывается англійскими публицистами, принадлежитъ либо давно забытому прошедшему, либо составляетъ идеалъ общины, начертанный въ виду всеобщаго упадка мѣстнаго духа въ современной Англіи. На самомъ дѣлѣ, приходъ въ новое время замѣтно страдаетъ отсутствіемъ элементовъ, необходимыхъ для оживленной общинной жизни, горячаго участія гражданъ и готовности приносить денежныя жертвы. О нѣкоторыхъ причинахъ этого явленія уже прежде было говорено. Теперь необходимо коснуться одной изъ главныхъ функцій всякой мѣстной жизни, призрѣнія нищенства, и показать, какъ англійскій приходъ отправлялъ ее нѣкогда и въ какое положеніе къ ней поставленъ онъ современнымъ законодательствомъ.

Въ Англіи, гораздо ранѣе чѣмъ гдѣ либо, замѣчается сознательная забота о неимущихъ классахъ общества. Это предполагаетъ раннее развитіе пролетаріята, что, въ свою очередь, объясняется раннимъ изчезновеніемъ крѣпостной зависимости, причемъ крестьяне очутились безъ земли. Отсюда необходимость усиленныхъ полицейскихъ мѣръ: назадъ тому лѣтъ 500, должность мироваго судьи, эта коренная основа областнаго самоуправленія Англіи, была введена въ видахъ пресѣченія аграрныхъ безпорядковъ. Скоро, однако, убѣдились, что зло лежитъ глубже и что спокойствіе края обусловливается систематическимъ призрѣніемъ нищенства. Законамъ Елисаветы, изданнымъ по этому поводу, нельзя отказать въ необычай-

ной ширинѣ политическаго взгляда: ими имѣлось въ виду оказывать временно-бѣднымъ пособіе, неспособнымъ давать постоянное содержаніе, а здоровымъ элементамъ возможность трудиться на пользу общества. Хотя вся администрація была поставлена подъ рѣшительный контроль поземельной аристократіи и ея областныхъ учрежденій, но по самому существу дѣла областныя власти могли направлять лишь общій ходъ новыхъ мѣръ. Для примѣненія ихъ къ безчисленнымъ мелочамъ вседневнаго быта, пришлось искать органовъ съ болѣе мѣстнымъ характеромъ, а изъ всѣхъ земскихъ учрежденій лишь приходъ приблизительно удовлетворялъ этому условію. Закономъ подготовленная передача функціи призрѣнія въ вѣдомство прихода не противорѣчила его церковному происхожденію и полуцерковному характеру, ибо дѣло призрѣнія въ прежнія времена лежало на церкви и получило свѣтскій характеръ лишь со времени секуляризаціи церковныхъ имуществъ государственной властью.

Подъ вліяніемъ законодательства и практики, призрѣніе сложилось по такой схемѣ: мировые съѣзды, представители аристократіи графства, утверждаютъ надзирателей бѣдныхъ въ должности, назначаютъ или утверждаютъ налогъ, рѣшаютъ дѣла по рекламаціямъ противъ несправедливой оцѣнки или раскладки, распоряжаются экзекуціей въ случаѣ недоимки, словомъ они составляютъ апелляціонную инстанцію. Но самое дѣло призрѣнія отправляется въ каждомъ приходѣ отдѣльно довѣренными лицами: старостами и надзирателями бѣдныхъ.

Призрѣніе каждымъ приходомъ своихъ нищихъ положило основаніе очень запутанной системѣ законнаго мѣстожительства. Сначала лица, *подозрѣваемыя* въ бѣдности, могли быть водворяемы на жительство въ свои приходы, но извѣстные сроки пребыванія въ приходѣ, напр. 20, 40 дней, давали право на пріобрѣтеніе въ немъ законнаго мѣсто-жительства. Позднѣйшими законами возможность пріобрѣтенія его затруднена, т. е. приходскимъ властямъ облегчена возможность водворять нищихъ въ ихъ родные приходы. Все это породило кочевое населеніе нищихъ и вело къ безчисленнымъ административнымъ злоупотребленіямъ. Надо признаться, что это самая непривлекательная сторона прежней системы англійскаго призрѣнія.

Дѣло призрѣнія состояло въ тѣсной связи съ приходской администраціей, но сама приходская администрація находилась въ пла-

чевномъ положеніи: во многихъ мѣстахъ небольшимъ кликамъ удалось оттѣснить массу прихожанъ отъ участія въ управленіи дѣлами прихода. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ не было этого злоупотребленія, замѣтно было другое противорѣчіе: въ то время какъ въ дѣлѣ церковнаго налога податные классы имѣли рѣшительный голосъ, налогъ для бѣдныхъ, въ 20, 30 и болѣе разъ тяжеле, нерѣдко назначался помимо всякаго участія платящихъ. Поэтому, кромѣ административныхъ неудобствъ, приходская система призрѣнія встрѣтила оппонентовъ въ массѣ желающихъ расширенія своихъ политическихъ, въ особенности избирательныхъ, правъ.

Стеченіемъ этихъ обстоятельствъ объясняется безпрестанное требованіе коренной реформы съ конца прошлаго столѣтія. Необходимо обозрѣть попытки, старавшіяся въ свое время отвѣчать этому требованію и которыя напослѣдокъ разрѣшились большимъ закономъ 1834 года. Для насъ тутъ не столько интересно разнообразіе системъ призрѣнія, которыя одну за другою перепробовало англійское законодательство, сколько то положеніе, въ которое эти системы ставили мѣстную общину относительно одной изъ главныхъ задачъ земства.

Законъ 1782 г., извѣстный подъ именемъ *Gilbert's Act*, имѣлъ въ виду соединеніе нѣсколькихъ приходовъ въ одинъ округъ для призрѣнія бѣдныхъ. Администраціей завѣдывали одинъ или нѣсколько *guardians*, предлагаемыхъ приходскимъ сходомъ и опредѣляемыхъ на жалованьи мировыми судьями. За прежними органами призрѣнія, церковными старостами и надзирателями бѣдныхъ, оставленъ лишь трудъ распредѣленія и взиманія налога. Издержки содержанія бѣдныхъ, по прежнему, падаютъ на каждый приходъ въ отдѣльности, не смотря на то, что администрація сосредоточена по округамъ. Приходамъ предоставлялось на волю — принять или отвергнуть новый законъ, и приходы вовсе не торопились принятіемъ его. Слѣдующій затѣмъ т. н. *Select Vestries or Sturges Bourne's Act* изданъ въ 1819 году*). Онъ рекомендуетъ приходамъ поручить призрѣніе бѣдныхъ выборному комитету, въ составъ котораго *ex officio* входятъ священникъ, церковные старосты и надзиратели бѣдныхъ. Этотъ законъ важенъ тѣмъ, что, оставляя призрѣніе за приходомъ, онъ старается чрезъ избраніе комитета (Select Vestry) дать платя-

*) Объ этомъ и слѣдующихъ законахъ уже было упомянуто въ отдѣлѣ о комитетахъ.

щимъ налогъ извѣстную долю вліянія. Однако возникло сомнѣніе, какъ быть тѣмъ приходамъ, гдѣ полная сходка прихожанъ, съ незапамятныхъ временъ, замѣщена безсмѣннымъ комитетомъ (тоже называемымъ Select Vestry). Суды рѣшили, что *Select Vestry* не можетъ избрать въ свою очередь *Select Vestry* для призрѣнія и что послѣдняя избирается въ приходахъ, принявшихъ законъ 1819 г., сходомъ всѣхъ прихожанъ. Такимъ образомъ въ одномъ приходѣ могли случиться двѣ Vestries: одна для общаго управленія приходскими дѣлами, сложившаяся путемъ обычая изъ ограниченнаго количества элементовъ, — другая, избранная полнымъ сходомъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ призрѣнія бѣдныхъ. Такимъ путемъ возникло слишкомъ 2200 *Select Vestries*. Третья попытка, *Hobhouse's Act* (1831—1832 года), имѣла въ виду реорганизацію всего общиннаго управленія по весьма обширному плану. Примѣнимая лишь къ приходамъ, удержавшимъ дѣятельность полнаго схода (*Open Vestries* въ противоположность *Select Vestries*), и эта попытка осталась безъ послѣдствій.

Въ основаніи всѣхъ этихъ законоположеній замѣтно стремленіе смотрѣть на дѣло призрѣнія какъ на чисто-экономическую операцію, которой издержки должны быть сокращены по возможности; отсюда стремленіе замѣнить приходскіе органы наемными администраторами, отдѣлить призрѣніе отъ прихода. Трудно удовлетворить экономическій принципъ мѣстной администраціей: она связана съ слишкомъ большой тратой нравственныхъ и финансовыхъ силъ, которымъ можно дать болѣе «производительное» употребленіе. Централизованное призрѣніе всегда обойдется странѣ дешевле призрѣнія, отправляемаго совмѣстно и безсвязно нѣсколькими тысячами мелкихъ организацій. Это объясняетъ, почему общественное мнѣніе Англіи не безъ сочувствія смотрѣло на проекты, предлагавшіе либо отчасти, либо вовсе отдѣлить дѣло призрѣнія отъ прихода, и почему окончательный законъ, начертанный въ этомъ духѣ, не встрѣтилъ замѣтнаго сопротивленія.

Законъ 1834 г. реорганизовалъ систему призрѣнія сверху донизу. Прежніе органы, надзиратели, остались, но не столько для призрѣнія, сколько для взиманія налога. Замѣтно даже стремленіе высшаго начальства замѣнить ихъ наемными надзирателями и сборщиками податей. Право ближайшаго надзора за призрѣніемъ передано комитетамъ изъ выборныхъ отъ прихода членовъ. Эти комитеты, называемые *Boards of Guardians*, пекутся о бѣдныхъ своего

района — *уніи*, обнимающей среднимъ числомъ 24 прихода, и для непосредственнаго управленія опредѣляютъ необходимыхъ чиновниковъ: секретаря, казначея и т. д. Наконецъ, вмѣсто четвертныхъ засѣданій мировыхъ судей, высшій контроль всей администраціи сосредоточенъ въ центральной коммиссіи, засѣдающей въ Лондонѣ, съ чрезвычайно обширными полномочіями, — нѣчто въ родѣ министерства для призрѣнія бѣдныхъ.

Издержки содержанія извѣстнаго класса бѣдныхъ по прежнему падаютъ на приходъ, другіе содержатся на счетъ уніи, причемъ замѣчено, что процентъ бѣдныхъ, содержимыхъ на счетъ уніи, увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ прежнее время каждый приходъ участвовалъ въ податной повинности по количеству своихъ бѣдныхъ, теперь въ большей части случаевъ по количеству находящагося въ его предѣлахъ податнаго имущества. Вслѣдствіе этого, прежнія сомнѣнія по дѣламъ о законномъ мѣстожительствѣ, т. е. о принадлежности бѣдныхъ къ извѣстному приходу, утратили значительную долю своего интереса. Въ 1846 году законъ даетъ право на вспомоществованіе послѣ 5-лѣтняго пребыванія въ приходѣ; въ 1861 году этотъ срокъ сокращенъ на три года, причемъ трехлѣтнее пребываніе въ разныхъ приходахъ одной и той же уніи даетъ право на содержаніе на счетъ уніи.

Результатъ этихъ мѣръ можно выразить слѣдующимъ образомъ: приходъ пересталъ быть организмомъ для отправленія важнѣйшей общественной функціи, надзиратели бѣдныхъ утратили характеръ главныхъ ея органовъ, контрольная инстанція отнята у мировыхъ съѣздовъ. Настоящій организмъ призрѣнія — унія съ ея *Board of Guardians*, контрольная инстанція — министерство призрѣнія *(Poor Law Board)*. То есть, другими словами, дѣло призрѣнія утратило свой мѣстный характеръ.

Противъ этого легко предвидится возраженіе, основанное, впрочемъ, на недоразумѣніи. Новый законъ вѣдь какъ будто усилилъ участіе податныхъ классовъ и далъ передовымъ людямъ прямое вліяніе на выборы. Общество періодически избираетъ членовъ комитета, а комитетъ дѣлаетъ смѣту расходамъ, назначаетъ сумму ежегоднаго налога и имущество, подлежащее обложенію, опредѣляетъ агентовъ для управленія, словомъ имѣетъ обширную сферу для дѣятельности. Но въ томъ то и дѣло, что прежній способъ англійскаго самоуправленія оставленъ, участіе платящихъ сословій выражается не въ непосредственной дѣятельности на пользу обще-

ства, а въ избраніи извѣстнаго количества комитетскихъ членовъ, которые въ свою очередь тоже не утруждаются дѣлами администраціи, а только призваны *слѣдить* за управленіемъ настоящихъ чиновниковъ, въ самомъ бюрократическомъ смыслѣ слова.

Участіе общества въ земскихъ дѣлахъ, *такъ* понимаемое, едва ли можетъ содѣйствовать оживленію мѣстнаго духа. Члены новыхъ комитетовъ избираются не на сходѣ прихожанъ, какъ бывало прежде, а по билетамъ, разсылаемымъ наемнымъ чиновникомъ-секретаремъ, на домъ каждому избирателю. Собранія въ приходской избѣ не требуется. Если какой нибудь кликѣ вздумается предложить своихъ кандидатовъ и число предложенныхъ такимъ образомъ не превышаетъ требуемаго числа, то эти кандидаты считаются избранными приходомъ; формальные выборы считаются тогда излишними. Тутъ секретарю предоставлено большое вліяніе на выборы, окруженные тайной, къ которой общественная жизнь Англіи не привыкла. «Вы можете, говоритъ Т. Смитъ, прожить всю жизнь въ вашемъ приходѣ, не замѣтивъ ни разу при этой системѣ, какъ и когда совершаются выборы въ *Board of Guardians*. Люди, принимавшіе самое горячее участіе къ здоровомъ мѣстномъ управленіи, жили по 12 лѣтъ въ одномъ и томъ же приходѣ, и ни по какимъ внѣшнимъ признакамъ не могли догадаться, какъ и когда опредѣляются эти т. н. *хранители*». По всему видно, что секретарь теперешняго англійскаго комитета призрѣнія играетъ приблизительно ту же роль, какъ во время оно у насъ секретарь палаты, магистрата и друг. учрежденій съ земскимъ элементомъ. Секретарь *Board'a*, по закону, подлежитъ двоякому контролю—со стороны министерства, слѣдовательно регулярнаго начальства, и со стороны своего комитета, составъ котораго ежегодно мѣняется. Въ распоряженіи секретаря административная рутина, тогда какъ члены комитета лишены всякой технической подготовки. Номинально распоряжаясь призрѣніемъ нѣсколькихъ десятковъ приходовъ, они не могутъ отсутствіе административной опытности восполнить мѣстнымъ знаніемъ дѣла. Отвѣтственность этихъ членовъ, какъ всякой коллегіи, слаба, тогда какъ секретарь отвѣчаетъ за всѣ грѣхи, свои и чужіе. По самому существу вещей, на дѣлѣ онъ долженъ прибрать къ своимъ рукамъ всю администрацію и будетъ ворочать цѣлымъ комитетомъ по своему произволу или по приказаніямъ начальства. «Регламенты центральнаго правленія, говоритъ Т. Смитъ, постарались передать дѣло выборовъ въ руки безконтрольнаго (со стороны прихода) секретаря

комитета. Этими регламентами этотъ чиновникъ поставленъ въ совершенно независимое положеніе относительно своихъ номинальныхъ господъ. На дѣлѣ онъ господинъ, а не слуга комитета. Вышеупомянутыя средства даютъ ему возможность ввести въ комитетъ элементы, наиболѣе сподручные его видамъ и наиболѣе способные заслужить ему милость настоящихъ его начальниковъ — центральнаго правленія и его амбулянтныхъ агентовъ». Уволить секретаря отъ должности, перемѣстить его, сдѣлать ему выговоръ, все это во власти центральнаго правленія, а не мѣстнаго комитета, о вліяніи же прихода не можетъ быть и рѣчи. Даже въ дѣлѣ избранія членовъ комитета единство приходской единицы зависитъ отъ министерскаго произвола: онъ соединяетъ приходы въ уніи, уніи въ дистрикты, раздѣляетъ приходы, ограничиваетъ или увеличиваетъ число представителей приходовъ въ комитетѣ уніи *).

Впродолженіе слишкомъ двухъ столѣтій приходъ, худо ли, хорошо ли, отправлялъ призрѣніе самодѣятельно чрезъ свои, болѣе или менѣе отвѣтственные передъ обществомъ, органы. Теперь это дѣло возложено, по выраженію Гнейста, на «10-тысячный корпусъ наемныхъ бухгалтеровъ и писарей». Общество платитъ подати и, надо признаться, противъ прежняго платитъ менѣе. Но призрѣніе бѣдныхъ есть одна изъ тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя однѣми податями отправляются лишь на половину. Тутъ необходимѣе, чѣмъ гдѣ либо, мѣстное знаніе дѣла, знакомство съ людьми и бытомъ, сочувствіе и надзоръ сосѣдей. Поэтому расширеніе округовъ призрѣнія, безспорно выгодное въ хозяйственномъ отношеніи, можетъ оказаться невыгоднымъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Ужъ теперь поговариваютъ объ окончательной от-

*) Слѣдующая характеристика этихъ министерскихъ атрибутовъ, заимствованная у Луи Блана, интересна, ибо нисколько не преувеличена. «Il ne faut pas croire— говоритъ онъ — que ce Bureau existe seulement pour la forme. Véritable ministère, il possède des pouvoirs très étendus. C'est lui qui dirige et contrôle les agents locaux de la taxe des pauvres; lui qui forme, au besoin, de la réunion d'un certain nombre de paroisses, ce qu'on appelle Unions; lui qui détermine les pouvoirs, et définit les devoirs de ces administrations des pauvres qu'on nomme Guardians; lui qui rédige les règlements jugés utiles; lui qui envoie partout où la chose est requise des ordres dont on a vu le nombre s'élever, dans une seule année, à près de deux mille, lui, enfin, qui préside à l'ensemble de ce vaste mouvement de munificence sociale, établi en Angleterre par la loi, entretenu au moyen de taxes locales dont il n'est loisible à personne de refuser le payement, et rendu par consequent obligatoire». *L'État et la Commune* p. 22, 23.

мѣнѣ законнаго мѣстожительства и съ этимъ вмѣстѣ объ обязанности каждой общины заботиться о своихъ бѣдныхъ. Смитъ вѣрно замѣчаетъ, что это шагъ къ національному налогу для бѣдныхъ. Но *національный* налогъ *для бѣдныхъ* заключаетъ самъ по себѣ *contradictio in adjecto*. Національныя нужды не покрываются спеціальными налогами, и національный налогъ для бѣдныхъ окажется столько же неудобнымъ, какъ національный налогъ для арміи или флота. Слѣдовательно, издержки призрѣнія, по необходимости, должны утонуть въ массѣ другихъ государственныхъ расходовъ. Налогъ для бѣдныхъ утратилъ свой земскій характеръ, и съ нимъ утратится главное достоинство финансовой организаціи земства въ Англіи, а именно то, что платящій знаетъ, за что платится и на что, какъ и куда идетъ выручка.

Сбудутся ли дурныя послѣдствія, предсказываемыя въ ближайшемъ будущемъ противниками теперешней системы? — Оно не такъ невѣроятно, какъ кажется, если принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. До новѣйшаго времени, призрѣніе отправлялось автономически приходскими органами, подъ контролемъ мировой юстиціи. Этотъ контроль мировыхъ судей надъ главными мѣстными должностными лицами, церковными старостами и надзирателями бѣдныхъ, служилъ важной связью между полуцерковнымъ учрежденіемъ прихода и областными учрежденіями страны и сообщалъ приходу характеръ мѣстной общины. Теперь, очевидно, эта связь и этотъ общинный характеръ прихода значительно ослабѣли.

Гейдельбергъ, $^{2}/_{14}$ апрѣля 1866 года.

14) Доктора медицины І. Топаза.

(За январь, февраль и мартъ 1866 года).

Дѣятельность по дѣтскимъ болѣзнямъ пришлось сосредоточить главнымъ образомъ въ Hôpital des enfants malades, находящемся на rue de Sèvres, а не въ Hôpital St. Eugène, какъ я имѣлъ намѣреніе прежде и о чемъ имѣлъ честь упомянутъ въ предъидущемъ отчетѣ.

Причина, заставившая меня измѣнить предпринятый планъ, заключалась въ томъ, что профессоръ Бартезъ отказался наотрѣзъ читать лекціи, продолжая однако посѣщать свою клинику, которая была бы интересна во многихъ отношеніяхъ, если бы онъ не манкировалъ такъ сильно по причинѣ значительной частной прак-

тики, мѣшающей ему совершенно творить теперь что нибудь дѣльное для науки.

И такъ, во всю бытность въ Парижѣ, я слушалъ по дѣтскимъ болѣзнямъ исключительно лекціи и клиники профессоровъ Буши и Рожера по внутреннимъ болѣзнямъ и Жеральдеса по дѣтской хирургіи.

Каждый изъ названныхъ профессоровъ на столько уже знакомъ медицинскому міру, что считаю лишнимъ пускаться въ критику; ихъ достоинства давнымъ давно извѣстны и оцѣнены. Но, чтобы имѣть точное понятіе, на сколько путешествующій врачъ можетъ извлечь здѣсь пользу по означенному предмету, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ госпиталѣ, гдѣ вышеупомянутые ученые разрабатываютъ эту трудную отрасль медицины.

Сказанный госпиталь заключаетъ въ себѣ около шести сотъ кроватей, изъ числа которыхъ 70 назначены для хирургическихъ болѣзней; въ немъ принимаются дѣти отъ двухъ до пятнадцати лѣтъ. Тутъ же находится спеціальное ортопедическое заведеніе; лѣтомъ дѣти этого отдѣленія занимаются въ госпитальномъ саду, гдѣ для нихъ устроены гимнастическія качели и машины.

Общая цифра больныхъ дѣтей пользуемыхъ здѣсь въ теченіе года колеблется между девятью и десятью тысячами. Подобное громадное число больныхъ дѣтей разнаго рода характеризируетъ вполнѣ степень пользы, доставляемой этимъ госпиталемъ, занимающимся въ немъ медикамъ.

Въ теченіе этого семестра мнѣ пришлось здѣсь присутствовать при производствѣ trachéotomia двадцать четыре раза; изъ числа оперированныхъ восемь имѣли благополучный исходъ. Профессоръ Жеральдесъ употребляетъ до сихъ поръ серебряную трубку при этой операціи, тогда какъ въ Германіи металлическія трубки давно оставлены.

Этотъ госпиталь вмѣстѣ съ вѣнскими дѣтскими госпиталями, для врача спеціалиста, составляютъ одно цѣлое; они вмѣстѣ даютъ возможность наблюдать больныхъ дѣтей отъ самаго ранняго возраста до пятнадцати лѣтъ.

Женскія болѣзни я продолжалъ изучать въ Charité, который по значительности матеріала этого рода болѣзней можетъ считаться первымъ въ Парижѣ. Во всякомъ почти госпиталѣ здѣсь встрѣчаешь не малое число больныхъ женщинъ чисто-гинекологическаго характера, но онѣ перемѣшаны съ другими больными; между тѣмъ

какъ въ Charité онѣ занимаютъ отдѣльныя палаты и совершенно изолированы отъ другихъ больныхъ. Подобный порядокъ, соблюдаемый при размѣщеніи больныхъ, значительно облегчаетъ гинекологу его занятія.

Это обстоятельство руководило мною при выборѣ этого госпиталя для изученія женскихъ болѣзней; кромѣ того, заслуживаетъ въ этомъ госпиталѣ полнаго вниманія докторъ Нона, завѣдующій здѣсь палатами женскихъ болѣзней; по этой спеціальности я лучшаго не встрѣчалъ въ Парижѣ, хотя я посѣщалъ довольно часто и другіе госпитали, стараясь, конечно, изслѣдовать интересныхъ для насъ больныхъ и подѣлиться идеями со своими собратами.

Къ числу странностей, которыя я имѣлъ случай наблюдать здѣсь въ разныхъ госпиталяхъ, принадлежитъ напр. ампутація шейки матки посредствомъ экразера Шассеньяка, операція производимая здѣсь какъ при раковомъ пораженіи, такъ равно при выпаденіи матки; подобнаго рода операціи совершать экразеромъ простительно было въ то время, когда медицина не обладала еще гальвано-каустическимъ аппаратомъ, но теперь въ наше время, имѣя подъ рукою такое превосходное средство для отнятія colli uteri, прибѣгать къ экразерамъ кажется для посторонняго наблюдателя болѣе чѣмъ страннымъ. Въ частной практикѣ, пожалуй, изъ опасенія кровотеченія (которое составляетъ довольно рѣдкое явленіе при этой операціи), бываетъ иногда надобность прибѣгать къ помощи экразера, вслѣдствіе невозможности имѣть вышеозначенный аппаратъ по причинѣ дорогой его стоимости; но въ госпиталѣ, гдѣ этотъ аппаратъ готовъ къ услугамъ, употреблять вмѣсто его экразеръ составляетъ для насъ явленіе непонятное.

Кромѣ сказанныхъ отраслей медицины, въ числѣ моихъ занятій въ теченіе второй половины зимнаго семестра занимало не послѣднее мѣсто изученіе сифилиса у женщинъ. Тѣсная связь этого отдѣла съ гинекологіею вообще указала мнѣ на необходимость обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности этого рода страданія у женщинъ. Для этой цѣли я визитировалъ, по возможности, госпиталь Lourcine, назначенный исключительно для сифилитическихъ не публичныхъ женщинъ, и довольно часто участвовалъ при пріемѣ больныхъ. Надобно замѣтить, что въ Парижѣ находятся два спеціальные госпиталя для сифилитическихъ женщинъ: вышеупомянутый, въ которомъ находятся 272 кровати, и Hôpital St. Lazar или темница св. Лазара, гдѣ лечатъ публичныхъ женщинъ, пораженныхъ

сифилисомъ. Этотъ послѣдній госпиталь гораздо обширнѣе Лурсина, и не подлежитъ сомнѣнію, что для изучающихъ сифилисъ у женщинъ онъ могъ бы доставить значительную пользу; къ сожалѣнію, воспрещенъ входъ всѣмъ безъ исключенія, несостоящимъ тамъ на службѣ. Не мало труда стоитъ также исходатайствовать дозволеніе посѣщать Лурсинъ; но все таки усиленными хлопотами достигается цѣль; между тѣмъ какъ попасть въ Лазаръ окончательно нѣтъ возможности.

Въ числѣ прочихъ предметовъ, составившихъ тему моихъ занятій въ послѣднее время, были также эмбріологія и ученіе объ уродствахъ, чему мнѣ много содѣйствовали здѣшніе музеи. О занятіяхъ по акушерству и о состояніи этой важной отрасли медицины въ Парижѣ вообще скажемъ подробно въ другомъ мѣстѣ.

Парижъ, $^{16}/_{28}$ марта 1866 года.

15) Кандидата М. Ероѳеева.

Начало нынѣшняго года я оставался въ Парижѣ. Не покидая мысли заняться искусственнымъ приготовленіемъ минераловъ, я, благодаря г. Daubrée, получилъ мѣсто въ лабораторіи г. Fremy, находящейся при Jardin des plantes. Къ несчастію, лабораторія г. Fremy не представляетъ удобствъ для приготовленія минераловъ, требующихъ для этого высокой температуры и высокаго давленія, т. е. устройствъ, нужныхъ для полученія большей части кристаллическихъ кремнекислыхъ соединеній. По сему случаю мнѣ пришлось заняться полученіемъ уже не кремнекислыхъ соединеній, а другихъ, для полученія которыхъ въ кристаллическомъ видѣ уже не требуется этихъ условій. На первый случай я выбралъ окись сюрьмы и ея изоморфъ, мышьяковистую кислоту — соединенія очень интересныя со стороны кристалло-химіи и кристалло-физики. Во 1-хъ, обѣ онѣ принадлежатъ къ небольшому числу диморфныхъ соединеній, а во 2-хъ, окись сюрьмы, встрѣчающаяся въ природѣ въ видѣ сенармонтита, кристаллизующагося въ октаэдрахъ правильной системы, представляетъ одно изъ уклоненій отъ общаго правила относительно оптическихъ свойствъ, т. е. октаэдры его, вмѣсто того, чтобы быть индиферентными къ поляризованному свѣту, представляютъ напротивъ того, будучи ошлифованы параллельно плоскостямъ куба, одну систему цвѣтныхъ круговъ, по направленію же плоскостей октаедра двѣ системы лемнискатовъ. Descloiseaux, опи-

сывая это явленіе и желая его объяснить такимъ же образомъ, какъ Otto Volger объяснилъ сходное явленіе у борацитовъ, дѣлаетъ предположеніе, что этотъ минералъ обязанъ этимъ свойствомъ прослойкамъ или ромбической окиси сюрьмы (что вѣроятнѣе), или ромбической мышьяковистой кислотѣ, которая всегда находится между примѣсями этого минерала. Трудно предположить, чтобы сенармонтитъ былъ обязанъ этимъ свойствомъ ромбической мышьяковистой кислотѣ, потому что обыкновенно эта кислота кристаллизуется только въ октаэдрахъ, въ призмахъ же она не была наблюдаема ни въ природѣ, ни между химическими продуктами, потому что методъ для искусственнаго полученія ея въ маломъ видѣ неизвѣстенъ, если не считать микроскопическихъ кристалловъ неанализированнаго состава, полученныхъ г. Pasteur'омъ при разбавленіи водою насыщеннаго раствора мышьяковистокислаго кали. Ромбическая форма ея только и была наблюдаема г. Wöhler'омъ между продуктами взгонки, получаемыми при обжиганіи кобальтовыхъ рудъ въ Schwarzenfels въ Куръ-Гессенѣ.

Кромѣ занятій въ лабораторіи, я остальное время посвящалъ на занятія съ поляризаціоннымъ микроскопомъ. Эти занятія требуютъ довольно много времени, такъ какъ для нихъ требуется нѣкоторый навыкъ въ шлифованіи.

Парижъ, $^{6}/_{18}$ марта 1866 года.

16) И. Востокова.

(За первую четверть 1866 года).

Мѣстомъ моего пребыванія въ настоящее время я избралъ Берлинъ, имѣя въ виду воспользоваться какъ соотвѣтствующими предмету моихъ занятій чтеніями, предлагаемыми въ здѣшнемъ университетѣ, такъ и тѣми средствами, которыя могла бы мнѣ доставить, состоящая при немъ, обсерваторія, въ пособіе при занятіяхъ астрономіею практически.

Прибывъ въ Берлинъ 12-го января новаго стиля, я засталъ такимъ образомъ только послѣднюю половину зимняго семестра. Это обстоятельство, равно какъ и то, что предметами чтеній, впродолженіе этого семестра, по части астрономіи и наиближе съ нею соприкасающихся наукъ, были по большей части элементарные курсы, было причиною того, что изъ университетскихъ лекцій я могъ воспользоваться только весьма немногимъ, и, главнымъ образомъ, озна-

комиться съ методами, которымъ слѣдуютъ профессора здѣшняго университета, при своихъ чтеніяхъ.

Что касается до практическихъ занятій астрономіею, то я получилъ отъ г. директора здѣшней обсерваторіи, профессора Ферстера, позволеніе заниматься наблюденіями пассажнымъ инструментомъ, установленнымъ въ первомъ вертикалѣ, какъ единственнымъ, остающимся, въ настоящее время, на обсерваторіи незанятымъ.

Хотя полученный мною инструментъ и весьма старый и во многихъ отношеніяхъ весьма несовершенный, что можетъ дать наблюденіямъ, имъ производимымъ, характеръ скорѣе упражненій, чѣмъ научныхъ изслѣдованій, тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что полученная мною возможность заняться наблюденіями на здѣшней обсерваторіи, пользуясь при этомъ совѣтами г. директора, принесетъ несомнѣнную пользу при занятіяхъ практическою астрономіею.

Берлинъ, 23-го марта 1866 года.

17) Кандидата Булыгинскаго.

(Съ декабря по мартъ мѣсяцъ 1866 года).

Въ теченіе зимняго семестра, какъ уже было видно изъ предъидущаго моего отчета, я слушалъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ лекціи профессора Fuchs'а по физической географіи. Хотя эти лекціи и не представляютъ подробнаго изложенія науки, потому что на чтеніе ихъ полагался всего одинъ часъ въ недѣлю и притомъ онѣ излагались публично, тѣмъ не менѣе я намѣренъ представить въ краткомъ видѣ ихъ содержаніе, такъ какъ въ нихъ профессоръ придаетъ нѣсколько особенное значеніе физической географіи, разсматривая ее не какъ простую лишь энциклопедію естественныхъ наукъ, а какъ особую отрасль человѣческаго вѣдѣнія, предметъ изученія которой должны составлять главнымъ образомъ явленія метеорологическія, явленія земнаго тепла и магнетизма.

Предметъ физической географіи, говоритъ профессоръ, заключается въ изученіи явленій, наблюдаемыхъ въ неорганической природѣ нашей планеты и обусловливающихся физическими силами,— нахожденіе связи между этими явленіями и силами есть ея задача. Въ такомъ видѣ эта наука вмѣстѣ съ химической геологіей и наукой о вулканахъ имѣетъ одну общую цѣль—изученіе жизни нашей планеты, проявляющейся въ тѣхъ разнообразныхъ явленіяхъ въ атмосферѣ, водѣ и сушѣ, которыя вызываются химическими и фи-

зическими свойствами матеріи. Предпославъ такой взглядъ на физическую географію, профессоръ знакомитъ слушателей съ данными, заимствованными изъ астрономіи, касательно формы и размѣровъ земли, касательно ея суточнаго и годоваго движенія; приводитъ раздѣленіе земли на пять поясовъ и показываетъ значеніе этого дѣленія въ отношеніи временъ года, въ отношеніи длины и положенія тѣни, величины сумерекъ, длины дня и ночи. Затѣмъ онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію движенія водъ въ океанахъ, гдѣ съ большею подробностію останавливается на описаніи морскихъ теченій, какъ явленій болѣе важныхъ по своему вліянію на распредѣленіе тепла по земной поверхности. Собственно морскими теченіями, говоритъ онъ, называются такія, которыя не вызываются ни движеніемъ воздуха, ни мѣстными условіями, но которыхъ причина заключается въ неодинаковомъ нагрѣваніи океана въ низшихъ и высшихъ широтахъ; характеристическій признакъ подобныхъ теченій заключается въ томъ, что температура ихъ всегда разнится отъ температуры окружающаго океана. Къ числу подобныхъ теченій принадлежитъ теченіе мексиканское (Golfstrom). Это теченіе беретъ начало въ Мексиканскомъ заливѣ между западною оконечностію острова Кубы и южною — полуострова Флориды; огибая этотъ полуостровъ, оно продолжаетъ свое движеніе параллельно берегамъ Америки до полуострова Лонгисландъ; здѣсь же, принимая восточное направленіе, оставляетъ материкъ, уклоняется мало по малу къ югу и наконецъ теряетъ свою самостоятельность приблизительно въ меридіанѣ Азорскихъ острововъ. Вода этого теченія темно-синяго цвѣта, ея температура значительно выше температуры спокойной части океана; такъ близъ Ньюфаундлена эта разница для зимняго времени среднимъ числомъ равна 13° R. Гумбольдтово теченіе беретъ начало близъ острова Чилое у западныхъ береговъ Америки и, не оставляя материка, продолжаетъ свое движеніе въ видѣ довольно узкаго потока до мыса Бланко; здѣсь оно принимаетъ западное направленіе, входитъ въ открытое море, гдѣ мало по малу расширяется, такъ что въ меридіанѣ острововъ Галлапагосъ занимаетъ пространство между 10° южной широты и 3° сѣверной широты и наконецъ, приблизительно подъ 150° западной долготы, соединяется съ экваторіальнымъ теченіемъ. Затѣмъ, описавъ полярное теченіе въ Атлантическомъ океанѣ и японское въ Великомъ, профессоръ переходитъ къ атмосферѣ, гдѣ, разсмотрѣвъ ея химическій составъ, обращается къ ея физическимъ свойствамъ. Одно изъ важ-

нѣйшихъ физическихъ свойствъ атмосферы есть ея давленіе, выражающееся для насъ высотою барометра; это давленіе находится въ тѣсной связи почти со всѣми метеорологическими явленіями, такъ какъ въ его измѣненіи выражается нарушеніе равновѣсія въ атмосферѣ. Измѣненія эти для какой нибудь мѣстности можно раздѣлить на періодическія, въ которыхъ, соотвѣтственно положенію солнца относительно горизонта, замѣчается суточный и годовой періодъ, и неправильныя, обусловливающіяся воздушными теченіями, водными метеорами, электрическими разрядами въ атмосферѣ. Ходъ температуры нижнихъ слоевъ воздуха для какой нибудь страны выражаетъ намъ ея климатъ, который, обусловливаясь главнымъ образомъ ея географическимъ положеніемъ, находится въ столь же тѣсной зависимости и отъ другихъ условій. Эти условія заключаются въ гидрографическомъ и орографическомъ положеніи страны, въ господствующихъ воздушныхъ теченіяхъ, въ свойствѣ почвы по отношенію проводимости и поглощенія тепла, въ близости океана; послѣднее обстоятельство имѣетъ существенное значеніе для климата, такъ какъ присутствіе океана уменьшаетъ разницу между зимнею и лѣтнею температурой страны и придаетъ ей такимъ образомъ особый характеръ, несвойственный мѣстностямъ, лежащимъ внутри материка; — отсюда происходитъ дѣленіе климата на морской и континентальный. Обративъ такимъ образомъ вниманіе на главнѣйшія свойства атмосферы въ ея спокойномъ состояніи, профессоръ обращается къ воздушнымъ теченіямъ. Воздушныя теченія, говоритъ онъ, которыя намъ проявляются вообще въ видѣ вѣтра, обусловливаются главнымъ образомъ неравномѣрнымъ нагрѣваніемъ нижнихъ слоевъ воздуха, вслѣдствіе чего неодинаково измѣняется давленіе и такимъ образомъ нарушается равновѣсіе въ атмосферѣ. Такъ какъ чрезвычайно разнообразныя мѣстныя условія имѣютъ вліяніе на такую разницу въ температурахъ, то отсюда понятно, что такое явленіе, какъ вѣтеръ, должно принадлежать къ числу самыхъ неправильныхъ; и въ самомъ дѣлѣ, еслибъ наши изслѣдованія касательно вѣтровъ ограничились лишь умѣреннымъ поясомъ, то пришлось бы почти отказаться отъ надежды найти какую либо опредѣленную связь ихъ съ другими явленіями. Тѣмъ не менѣе въ низшихъ широтахъ и притомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сравнительно правильное распредѣленіе тепла на поверхности океана не нарушается присутствіемъ большихъ материковъ, воздушныя теченія являются не въ столь усложненной формѣ, и въ ихъ

появленіи уже безъ особеннаго труда наблюдается правильность. Въ числѣ правильныхъ воздушныхъ теченій первое мѣсто занимаютъ пассаты, которыхъ происхожденіе обусловливается высокой температурой жаркаго пояса сравнительно съ мѣстностями высшихъ широтъ. Пассаты или, какъ ихъ называютъ также, полярныя теченія становятся замѣтны въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ соотвѣтствуютъ изотермы отъ 18°—20° R; отсюда движеніе продолжается въ обоихъ полушаріяхъ по направленію къ термическому экватору, причемъ наблюдается постоянное уклоненіе къ востоку или къ западу, смотря по тому, совершается ли при этомъ переходъ отъ высшихъ широтъ къ низшимъ, или наоборотъ. Пассаты обоихъ полушарій раздѣляются другъ отъ друга такъ называемымъ поясомъ затишья, котораго ширина сравнительно незначительна и котораго среднее положеніе принадлежитъ сѣверному полушарію. Въ области пассатовъ теченіе воздуха совершается столь правильно и однообразно, что какъ порывы вѣтра, такъ и совершенное его отсутствіе принадлежатъ тамъ къ числу очень рѣдкихъ явленій, тогда какъ поясъ затишья характеризуется частыми бурями, сопровождаемыми проливными дождями. Соотвѣтственно пассатамъ въ нижнихъ слояхъ воздуха, подобныя же теченія наблюдаются, по движенію пассатныхъ облаковъ, и въ верхнихъ частяхъ атмосферы; направленіе этихъ верхнихъ пассатовъ, соотвѣтственно общей теоріи подобныхъ теченій, для сѣвернаго полушарія юго-западное, для южнаго—сѣверо-западное. Существованіе верхнихъ пассатовъ еще болѣе подтвердилось со времени изверженія вулкана на одномъ изъ Антильскихъ острововъ, С. Винцентѣ, причемъ большое количество вулканическаго пепла было перенесено воздушнымъ теченіемъ на островъ Барбадосъ, лежащій къ востоку отъ Винцента и отдѣляемый отъ него сѣверо-восточнымъ пассатомъ. Къ числу періодическихъ вѣтровъ принадлежатъ монсуны, въ теченіи которыхъ выражается вліяніе временъ года — лѣта и зимы; ихъ причину слѣдуетъ искать въ несимметричномъ распредѣленіи морей и суши по отношенію къ экватору. Собственно монсунами называются вѣтры въ сѣверной части Индѣйскаго океана, которые съ апрѣля по сентябрь дуютъ въ юго-западномъ направленіи, съ сентября же по мартъ въ сѣверо-восточномъ; но подобныя же теченія только съ меньшею правильностію и въ меньшихъ размѣрахъ наблюдаются и въ другихъ мѣстностяхъ; такъ можно говорить о монсунахъ Бразильскаго берега, Мексиканскаго, Чилійскаго. Подобнаго же проис-

хожденія, какъ и монсуны, вѣтры морскіе или береговые, которыхъ періодичность соотвѣтствуетъ суточному движенію земли. Морской вѣтеръ подымается обыкновенно около девяти часовъ утра, сначала онъ слабъ и замѣтенъ лишь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ суши, мало по малу свѣжѣетъ, приближается къ берегу и достигаетъ максимумъ своей интензивности около трехъ часовъ по полудни, послѣ чего снова слабѣетъ, и къ пяти часамъ наступаетъ опять тишина; вѣтеръ съ берега подвергается уже бо̀льшимъ неправильностямъ въ своемъ появленіи; онъ начинается вообще между шестью и двѣнадцатью часами послѣ полудня и прекращается между шестью и десятью часами утра. Вѣтры, наблюдаемые въ высшихъ широтахъ, можно вообще назвать неправильными; тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время, и въ ихъ теченіи замѣченъ Dove болѣе или менѣе общій законъ, который заключается въ томъ, что вѣтры въ умѣренномъ поясѣ при переходѣ отъ одного направленія къ другому совершаютъ круговое движеніе; это движеніе въ сѣверномъ полушаріи совершается по направленію отъ запада къ сѣверу, въ южномъ наоборотъ — отъ запада къ югу. Къ числу неправильныхъ вѣтровъ принадлежатъ также бури, т. е. такія воздушныя теченія, которыхъ скорость достигаетъ 40 — 100 парижскихъ футовъ въ секунду, въ орканахъ же эта скорость доходитъ до 150′. Орканы, въ которыхъ воздухъ находится въ быстромъ вращательномъ движеніи, особенно характеризуются пониженіемъ барометра съ удаленіемъ отъ краевъ къ центру бури, гдѣ давленіе воздуха достигаетъ абсолютнаго минимумъ. Эти бури образуются обыкновенно подъ тропиками и преимущественно въ Индѣйскомъ океанѣ, Китайскомъ морѣ и у Антильскихъ острововъ, и распространяются здѣсь въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, за предѣлами же тропиковъ направленіе мѣняется въ сѣверо-восточное; такимъ образомъ этимъ движеніемъ описывается приблизительно парабола, которой вершина обращена къ западу. Въ своемъ движеніи въ предѣлахъ тропиковъ и даже далѣе орканы сопровождаются проливнымъ дождемъ и страшными электрическими разрядами, въ высшихъ же широтахъ ихъ появленіемъ обусловливается необыкновенно высокое поднятіе температуры. Затѣмъ, остановившись на описаніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ вѣтровъ и сдѣлавъ краткій обзоръ водныхъ метеоровъ, профессоръ обращаетъ вниманіе на явленія земнаго магнетизма, атмосфернаго электричества и земнаго тепла, изслѣдованіе которыхъ должно составлять, по его мнѣнію, существенную задачу физико-географа; ссы-

лялсь, однако, на недостатокъ времени, онъ представилъ лишь краткое изложеніе самаго существеннаго изъ области этихъ явленій и тѣмъ окончилъ свои лекціи.

Представивши очеркъ лекцій профессора Fuchs'a, я дозволяю себѣ закончить отчетъ изложеніемъ краткаго обзора того, что было прочитано профессоромъ Kirchhoff'омъ по математической физикѣ, во вторую половину семестра.

Въ электродинамикѣ проф. Kirchhoff выводитъ по двумъ способамъ формулу, выражающую законъ взаимодѣйствія двухъ элементовъ тока; первый способъ принадлежитъ Амперу, второй же, который я намѣренъ здѣсь изложить, основывается на допущеніи, что магнитъ, въ случаѣ дѣйствія на элементъ тока, можетъ быть замѣненъ замкнутымъ токомъ, подобно тому, какъ это было доказано въ статьѣ объ электромагнетизмѣ для случая дѣйствія магнита на магнитный полюсъ. Если мы представимъ себѣ магнитъ и въ точкѣ (x, y, z) элементъ тока *ds*, котораго проложенія по осямъ координатъ *dx*, *dy*, *dz*, тогда составныя (X), (Y), (Z) магнитной силы, дѣйствующей на элементъ тока, выразятся такимъ образомъ:

$$(X)=i[\bar{Z}dy-\bar{Y}dz];\ (Y)=i[\bar{X}dz-\bar{Z}dx];\ (Z)=i[\bar{Y}dx-\bar{X}dy];$$

гдѣ i обозначаетъ напряженіе тока и гдѣ $\bar{X}$, $\bar{Y}$, $\bar{Z}$ представляютъ составныя магнитной силы, дѣйствующей на единицу массы магнитной жидкости, заключенной въ точкѣ (x, y, z). Въ виду опредѣленія $\bar{X}$, $\bar{Y}$, $\bar{Z}$ мы можемъ замѣнить магнитъ равносильнымъ замкнутымъ токомъ и тогда получаемъ:

$$\bar{X}=i'\int\left[\frac{z-z'}{r^3}dy'-\frac{y-y'}{r^3}dz'\right];\ \bar{Y}=i'\int\left[\frac{x-x'}{r^3}dz'-\frac{z-z'}{r^3}dx'\right];$$

$$\bar{Z}=i'\int\left[\frac{y-y'}{r^3}dx'-\frac{x-x'}{r^3}dy'\right];$$

здѣсь $r=\sqrt{(x-x')^2+(y-y')^2+(z-z')^2}$, координаты x', y', z' относятся къ точкамъ введеннаго замкнутаго тока, котораго напряженіе i' и интегралы распространяются на всю кривую тока. Тогда для (X), которое разсматриваемъ теперь какъ составную силы дѣйствія введеннаго тока, имѣемъ выраженіе:

$$(X)=ii'\int\left[\frac{dx'[(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz]}{r^3}-\right.$$

$$\left.-\frac{(x-x')\,[dx.dx'+dy.dy'+dz.dz']}{r^3}\right].$$

Подобныя же выраженія получаемъ и для составныхъ (Y), (Z). Слѣдовательно, составныя X, Y, Z элементарной силы, выражающей дѣйствіе одного элемента тока ds съ напряженіемъ i на другой элементъ ds' съ напряженіемъ i', представятся въ такомъ видѣ:

$$X = ii'\left[\frac{dx'\,[(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz]-(x-x')\,[dx.dx'+dy.dy'+dz.dz']}{r^3}+\frac{df}{dx'}dx'+\frac{df}{dy'}dy'+\frac{df}{dz'}dz'\right],$$

$$Y = ii'\left[\frac{dy'\,[(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz]-(y-y')\,[dx.dx'+dy.dy'+dz.dz']}{r^3}+\frac{dg}{dx'}dx'+\frac{dg}{dy'}dy'+\frac{dg}{dz'}dz'\right],$$

$$Z = ii'\left[\frac{dz'\,[(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz]-(z-z')\,[dx.dx'+dy.dy'+dz.dz']}{r^3}+\frac{dh}{dx'}dx'+\frac{dh}{dy'}dy'+\frac{dh}{dz'}dz'\right],$$

гдѣ f, g, h неизвѣстныя функціи. Допуская, что сила совпадаетъ съ линіей соединенія двухъ элементовъ r, имѣемъ слѣдующее условіе для опредѣленія этихъ функцій:

$$X:Y:Z=(x-x'):(y-y'):(z-z'),$$

изъ котораго и получаемъ:

$$f=(x-x')\,\frac{(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz}{r^3},$$

$$g=(y-y')\,\frac{(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz}{r^3},$$

$$h=(z-z')\,\frac{(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz}{r^3}.$$

Слѣдовательно:

$$X=\frac{x-x'}{r}R;\quad Y=\frac{y-y'}{r}R;\quad Z=\frac{z-z'}{r}R,$$

гдѣ для R имѣемъ:

$$R = ii'\left[\frac{3\,[(x-x')\,dx+(y-y')\,dy+(z-z')\,dz]\,[(x-x')\,dx'+(y-y')\,dy'+(z-z')\,dz']}{r^4}-\frac{2\,(dx\,dx'+dy\,dy'+dz\,dy')}{r^2}\right].$$

Если δ, δ', ε обозначаютъ соотвѣтственно углы (ds, r), (ds', r), (ds, ds'), тогда имѣемъ для R:

$$R=-\frac{ii'.ds.ds'}{r^2}(3\cos\delta\cos\delta'+2\cos\varepsilon),$$

или наконецъ, такъ какъ $\cos\delta = -\frac{dr}{ds}$, $\cos\delta' = -\frac{dr}{ds'}$, $\cos\varepsilon = -\left(\frac{dr}{ds}\frac{dr}{ds'} + r\frac{d^2r}{ds\,ds'}\right)$,

$$R = \frac{ii'\,ds\,ds'}{r^2}\left(2r\frac{d^2r}{ds.ds'} - \frac{dr}{ds}\frac{dr}{ds'}\right)$$

Далѣе доказывалось, что, въ случаѣ дѣйствія одного замкнутаго тока на другой, потенціалъ можетъ быть приведенъ къ двойному интегралу, причемъ было показано значеніе этого потенціала въ теоріи индуктивныхъ токовъ; затѣмъ была приведена формула Вебера, представляющая законъ взаимодѣйствія двухъ частичекъ электрической жидкости въ зависимости отъ ихъ относительнаго движенія, и показано приложеніе этой формулы къ случаю дѣйствія двухъ элементовъ тока другъ на друга. Въ теоріи электричества и магнетизма были выведены общія уравненія для опредѣленія закона распредѣленія магнитной жидкости въ магнетизируемой желѣзной массѣ, т. е. въ такомъ тѣлѣ, котораго задерживающая сила можетъ быть считаема равной нулю. Если V обозначаетъ потенціалъ магнита на какой-нибудь элементъ желѣзной массы въ точкѣ (a, b, c), Q потенціалъ желѣзной массы на тотъ же элементъ, α, β, γ проложенія его магнитнаго момента по осямъ x, y, z, то получатся уравненія

$$\alpha = \varkappa\frac{d\varphi}{da},\quad \beta = \varkappa\frac{d\varrho}{db},\quad \gamma = \varkappa\frac{d\varphi}{dc},$$

гдѣ $\varkappa$ постоянное, зависящее отъ химической природы тѣла, φ опредѣляется изъ уравненія $V + Q + \varphi = o$, которое должно быть удовлетворено для всѣхъ точекъ желѣзной массы. Въ этомъ уравненіи мы можемъ, по закону Green'a, разсматривать Q какъ потенціалъ электрической жидкости, распредѣленной такимъ образомъ по поверхности желѣзной массы, что плотность для каждой точки равна $-\varkappa\frac{d\varphi}{dNi}$; функціи V и φ можно разсматривать также какъ потенціалы внѣшнихъ электрическихъ массъ, или же, по закону Gauss'a, какъ потенціалы массъ, распредѣленныхъ на поверхности магнитизируемаго тѣла. Затѣмъ эти уравненія были приложены къ случаю магнитизируемаго желѣзнаго шара и эллипсоида, при допущеніи постоянной магнетизирующей силы. Далѣе, были выведены формулы, выражающія законъ распредѣленія электрической жидкости въ равновѣсіи на поверхности шара, эллипсоида, въ эллипсисѣ и кругѣ, и была изложена теорема Poisson'a касательно распредѣленія электричества на поверхности вліяющихъ другъ на друга шаровыхъ проводниковъ. Затѣмъ были показаны два способа, при помощи ко-

торыхъ для даннаго рѣшенія уравненія $\frac{d^2f}{dx^2}+\frac{d^2f}{dy^2}+\frac{d^2f}{dz^2}=0$ можно находить другія рѣшенія. Первый способъ заключается въ введеніи мнимой величины. Если въ выраженіи $f=\frac{1}{\sqrt{x^2+y^2+z^2}}$, удовлетворяющемъ уравненію, допустимъ $x=x+ia$, тогда $\frac{1}{\sqrt{(x+ia)^2+y^2+z^2}}=\frac{1}{\delta+i\mu}$ представитъ другое рѣшеніе, распадающееся въ свою очередь на два слѣдующихъ: $\frac{\delta}{\delta^2+\mu^2}$, $\frac{\mu}{\delta^2+\mu^2}$, въ которыхъ δ и μ опредѣляются изъ уравненій $\frac{x^2}{\delta^2}+\frac{y^2+z^2}{a^2+\delta^2}=1$, $\frac{x^2}{-\mu^2}+\frac{y^2+z^2}{a^2-\mu^2}=1$, представляющихъ эллипсоидъ и гиперболоидъ вращенія около оси x. Такъ какъ непрерывность δ будетъ нарушаться для точекъ плоскости yz, лежащихъ внутри круга, очерченнаго радіусомъ a, тогда какъ непрерывность μ нарушается для точекъ той же плоскости, лежащихъ внѣ круга, то первое рѣшеніе можетъ быть разсматриваемо какъ потенціалъ электричества, распредѣленнаго на плоскости yz внутри круга радіуса a; второе же относится къ тому случаю, когда электричество распредѣлено на плоскости внѣ круга. Другой способъ заключается въ введеніи новыхъ координатъ. Пусть Λ (x, y, z) представляетъ рѣшеніе уравненія $\frac{d^2\Lambda}{dx^2}+\frac{d^2\Lambda}{dy^2}+\frac{d^2\Lambda}{dz^2}=0$, допустимъ:

$$\xi=\frac{x}{r^2},\quad \eta=\frac{y}{r^2},\quad \zeta=\frac{z}{r^2},\quad r=\sqrt{x^2+y^2+z^2},$$

отсюда:

$$x=\frac{\xi}{\varrho^2},\quad y=\frac{\eta}{\varrho^2},\quad z=\frac{\zeta}{\varrho^2},\quad \varrho=\sqrt{\xi^2+\mu^2+\zeta^2}.$$

Данное уравненіе съ частными производными, преобразованное относительно какихъ нибудь ортогональныхъ координатъ ξ, η, ζ, представится въ такомъ видѣ:

$$\frac{d}{d\xi}\left[\frac{V.W}{U}\cdot\frac{d\Lambda}{d\xi}\right]+\frac{d}{d\eta}\left[\frac{U.W}{V}\cdot\frac{d\Lambda}{d\eta}\right]+\frac{d}{d\zeta}\left[\frac{U.V}{W}\cdot\frac{d\Lambda}{d\zeta}\right]=0;$$

здѣсь $U=\sqrt{\left(\frac{dx}{d\xi}\right)^2+\left(\frac{dy}{d\xi}\right)^2+\left(\frac{dz}{d\xi}\right)^2}$; вставляя же η и ξ вмѣсто ζ въ выраженіе U, получаемъ соотвѣтственно V и W. Для нашего случая это выраженіе преобразовывается въ слѣдующее:

$$\frac{d^2\left(\frac{1}{\varrho}\Lambda\right)}{d\xi^2}+\frac{d^2\left(\frac{1}{\varrho}\Lambda\right)}{d\eta^2}+\frac{d^2\left(\frac{1}{\varrho}\Lambda\right)}{d\zeta^2}=0;$$

такимъ образомъ $\frac{1}{\varrho} A(\xi, \eta, \zeta)$ будетъ новое рѣшеніе. Если $A(x, y, z)$ представляетъ намъ потенціалъ электрической жидкости, распредѣленной по какой нибудь поверхности, то $\frac{1}{\varrho} A(\xi, \eta, \zeta)$ будетъ выражать потенціалъ электричества, распредѣленнаго по другой поверхности, которую въ виду соотношенія между x, y, z и ξ, η, ζ можно назвать изображеніемъ первой.

Въ статьѣ о свѣтѣ профессоръ вывелъ формулы Fresnel'a для преломленныхъ и отраженныхъ лучей и затѣмъ изложилъ теорію Ньютоновыхъ колецъ и теорію цвѣтовъ кристаллическихъ пластинокъ. Въ механической теоріи тепла онъ приводитъ первый основный законъ, заключающійся въ постоянствѣ соотношенія между работой, производимой тѣломъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое, и потребляемымъ при этомъ тепломъ; далѣе, прилагая разсужденіе къ идеальной газовой машинѣ съ обращаемымъ ходомъ и приводимой во время работы въ соединеніе попеременно съ n резервуарами тепла $R_1\ R_2 \ldots R_n$, которыхъ температуры $t_1\ t_2 \ldots t_n$, онъ выводитъ второй основный законъ, который можно выразить въ такомъ видѣ: $\frac{Q_1}{T_1} + \frac{Q_2}{T_2} + \ldots \frac{Q_n}{T_n} = 0$, если $Q_1\ Q_2 \ldots Q_n$ (которыхъ знаки могутъ быть положительные или отрицательные) представляютъ количества тепла, удаленнаго во время работы, соотвѣтственно, изъ резервуаровъ $R_1\ R_2 \ldots R_n$, и если $T_1\ T_2 \ldots T_n$, представляютъ функціи соотвѣтственно отъ $t_1\ t_2 \ldots t_n$. Послѣ того, было показано приложеніе этихъ законовъ къ выводу двухъ уравненій, относящихся къ идеальному газу, къ которому могутъ быть отнесены во всей строгости законы Mariotte'a и Gay-Lussac'a. Представимъ себѣ единицу вѣса такого газа и обозначимъ черезъ p, v, t его упругость, объемъ и температуру; мы имѣемъ тогда между p, v, t слѣдующее соотношеніе $pv = R(1 + \alpha t)$, гдѣ R постоянное, обратно пропорціональное удѣльному вѣсу газа, α коэффиціентъ расширенія; такимъ образомъ, пользуясь этимъ уравненіемъ, мы можемъ разсматривать t какъ функцію независимыхъ перемѣнныхъ p, v. Пусть v и p измѣняются, тогда для безконечно малаго приращенія dv, dp соотвѣтственное приращеніе тепла dQ, какъ величина одного порядка съ dp, dv, можетъ быть выражено въ такомъ видѣ $dQ = Pdp + Vdv$, гдѣ $P = C\frac{dt}{dp}$, $V = C'\frac{dt}{dv}$, если C и C' обозначаютъ соотвѣтственно удѣльное тепло газа при постоянномъ давленіи; внѣшняя работа, соотвѣтствующая этому измѣненію

въ состояніи тепла, характеризуемому приращеніями dv, dp, выразится черезъ $p.dv$, такъ какъ p есть сила, дѣйствующая перпендикулярно къ поверхности. Если будемъ разсматривать p и v какъ координаты точекъ какой либо замкнутой кривой и если $\varkappa$ представляетъ механическій эквивалентъ тепла, то на основаніи перваго закона интегралъ $\int [\varkappa (Pdp + Vdv) - pdv]$, распространенный на всю кривую, долженъ быть равенъ нулю, потому что внутреннюю работу можемъ въ этомъ случаѣ считать взаимно уничтожающейся; такимъ образомъ имѣемъ одно уравненіе; ему соотвѣтствующее другое получаемъ, какъ непосредственное примѣненіе втораго закона, въ такомъ видѣ $\int \frac{dQ}{T} = o$, гдѣ T функція одной температуры. Далѣе, профессоръ прилагаетъ эти уравненія къ пару въ максимумъ его плотности, приводитъ ихъ обобщеніе въ приложеніи къ случаю охлажденія проволоки во время ея растяженія и затѣмъ заканчиваетъ лекціи примѣненіемъ механической теоріи тепла къ индуктивнымъ токамъ и термотокамъ.

Гейдельбергъ.

18) Причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія Ивана Хрущова.

По предмету исторіи русской литературы.

«Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предполагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической». Такъ говоритъ Карамзинъ, приступая къ изложенію исторіи Іоанна III. Самое время Іоанна III отчасти характеризуется тѣмъ удивленіемъ, съ какимъ императоръ и князья германскіе узнали отъ рыцаря Николая Поппеля, что московскій великій князь вовсе не данникъ короля польскаго, что владѣнія его гораздо пространнѣе владѣній послѣдняго [1]); тѣмъ недовѣріемъ, съ какимъ бояре встрѣтили этого заѣзжаго къ намъ иностранца, въ 1486 г., и наконецъ тѣмъ фактомъ, что черезъ два года этотъ самый, недовѣрчиво принятый на Москвѣ, туристъ возвращается въ Москву въ качествѣ посла отъ Фридерика III и сына его, короля римскаго Максимиліана, и такимъ образомъ открываетъ ди-

[1]) Карамз. т. VI, гл. V и VI посольства имп. римскаго. Солов. истор. Россіи, т. V, стр. 181.

пломатическія сношенія императора съ «державнымъ». Одни иностранцы, пріѣхавшіе въ Россію въ государствованіе Іоанна III, послы и не послы, вызванные ради искусства и дѣла, и наконецъ заѣзжіе люди, какъ Михаилъ Снупсъ, Маркъ Руфъ и монахъ Лудовикъ; одно ихъ количество, рядъ именъ ихъ достаточны, чтобы отдѣлить эпоху Іоанна III отъ предъидущей [1]). Сношенія съ иностранцами — эта новая потребность Московскаго государства вызываетъ рядъ личностей, способныхъ къ этому дѣлу, таковы: грекъ великой княгини Софіи Траханіотъ; Толбузинъ; дьяки Василій Кулешинъ, Ѳедоръ Курицынъ и Михайло Яропкинъ; казначей Дмитрій Владиміровъ, дьякъ Зайцовъ, грекъ Дмитрій Ралевъ и Митрофанъ Карачаровъ.

Съ паденіемъ Византіи совпадаетъ усиленіе Москвы; какъ то, такъ и другое ведетъ къ перевороту. Церковь русская, предоставленная самой себѣ, собираетъ въ одно цѣлое нравственно-религіозныя силы русскихъ: и Царьградъ уже не въ силахъ поддерживать независимость іерархіи Новгородской. Въ это-то время послѣдней борьбы Новагорода Великаго съ Москвой появляется ересь жидовствующихъ, и мѣсто появленія ея — Новгородъ. Ересь возбуждаетъ умственныя силы духовенства: Волоколамскій игуменъ Іосифъ и Генадій архіепископъ Новгородскій, бывшій чудовской игуменъ, являются какъ защитники укоренившихся на Руси вѣрованій.

Новая эпоха нашей средней исторіи была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой появленія ереси, занесенной къ намъ съ запада, сильное распространеніе которой объясняется тѣмъ, что ересь пришла къ намъ не въ спокойное время, а въ горячую эпоху переворота нравственнаго и политическаго. Пропагандисты ереси, подвергая критикѣ церковь, вызываютъ въ ней самой реформы и улучшенія, въ лучшихъ ея представителяхъ стремленье учиться, познавать св. писаніе, распространять свѣтъ истины, чѣмъ и производится сильное литературное движеніе. Движеніе это связанное съ важнымк церковными

---

[1]) Послы папы и братьевъ Софіи; знаменитый Аристотель Фіоравенти и другой италіянскій архитекторъ Петръ Антоній; Павелъ Дебосисъ-Фрязинъ, литейщикъ Маркъ Руфъ и монахъ Лудовикъ; сыновья Рала Палеолога привезли лекаря Леона (1490); нѣмецъ Антонъ (зарѣзанъ въ 1485 г.); два нѣмца Иванъ и Викторъ (ищутъ руду); Поппель, Делаторъ (знавшій по русски); Гартингеръ; послы Фредерика III и Максимиліана; посолъ Венеціанскій Контарини; Сигизмундъ Сантай съ грамотой отъ папы Александра VI, и наконецъ Снупсъ Михаилъ, хотѣвшій ѣхать на востокъ.

вопросами, каковы — вопросъ о вдовыхъ священникахъ, о монастырскомъ владѣніи и др., сказалось появленіемъ у насъ полной Библіи, множествомъ посланій, большимъ числомъ оригинальныхъ сочиненій и переводныхъ трудовъ и наконецъ перепискою и усиленнымъ распространеніемъ книгъ.

Исторія литературы имѣетъ задачею разсмотрѣть внутреннюю духовную сторону въ жизни народа въ данную эпоху. Исторія литературы есть исторія образованности и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе той внутренней жизни народа, которая имѣетъ свой особый ходъ и часто идетъ не въ ладъ съ историческими событіями. Исторія, въ тѣсномъ смыслѣ принимаемая, занимается фактомъ, исторія литературы — идеей. Будущій историкъ царствованія Александра II будетъ изслѣдовать, какъ и кѣмъ разсматривался вопросъ крестьянской реформы, какъ примѣненъ онъ былъ къ разнымъ мѣстностямъ, какъ былъ вводимъ, какія были его послѣдствія экономическія, нравственныя и т. д. Литература этого времени займетъ его настолько, на сколько она мѣшала или содѣйствовала самому дѣлу. Историкъ литературы, оставивъ въ сторонѣ самый фактъ реформы, займется только тѣмъ, какъ мыслили въ то время, какъ кто смотрѣлъ на дѣло: фактъ, не имѣющій никакого — или очень мало — историческаго значенія въ данную эпоху, можетъ имѣть огромное значеніе въ нравственномъ и умственномъ отношеніи и непосредственное вліяніе на крупное историческое событіе послѣдующей эпохи. Разборъ послѣдняго выпадетъ на долю историка, разборъ перваго — задача историка литературы, и этимъ послѣднимъ въ свою очередь воспользуется историкъ для объясненія того историческаго событія, которое находится въ прямой связи съ литературнымъ фактомъ.

Такъ и занимающемуся русской литературой конца XV и начала XVI вѣка придется обратить вниманіе на многіе факты, которые не могли войти въ исторію государствованія Іоанна III и сына его. Занимающемуся исторіей литературы этого времени представится совсѣмъ иное дѣленіе на періоды, чѣмъ у автора «Россіи съ древнѣйшихъ временъ», гдѣ группируются событія царствованія Іоанна III по смыслу крупныхъ сторонъ его политической дѣятельности (Новгородъ, Софія Палеологъ, Востокъ и Литва) [1].

[1]) 5 глава посвящена обзору внутренняго состоянія русскаго общества во времена Іоанна III. Въ ней историкъ отдалъ дань исторіи литературы, упомянувъ вкратцѣ о замѣчательныхъ литературныхъ произведеніяхъ эпохи.

Есть два пути, два способа въ дѣлѣ изслѣдованія литературы: изслѣдованіе памятника и изслѣдованіе цѣлой литературной эпохи. Первое — дѣло филолога, второе — историка литературы. Трудъ каждаго изъ нихъ значителенъ, трудность одинакова. При изслѣдованіи и объясненіи памятника нужно заняться и тѣми, которые могли послужить ему источниками. Такъ, напримѣръ, изъ указанной мною эпохи можно взять «Просвѣтитель» Іосифа Волоколамскаго, изслѣдовать этотъ памятникъ по отношенію его къ современной Іосифу богословской литературѣ, по отношенію къ источникамъ церковной мудрости — откуда черпалъ ее Іосифъ? какимъ церковнымъ авторитетамъ отдаетъ онъ преимущественно свое вниманіе? читалъ ли онъ дѣйствительно тѣхъ св. отцовъ, на авторитеты коихъ ссылается? Избравшему второй путь слѣдуетъ изучить не только одного «Просвѣтителя»: ему не слѣдуетъ заходить такъ далеко въ изслѣдованіи одного памятника; ему нельзя ограничиться и однимъ Іосифомъ. Какъ для перваго такъ и для втораго пути въ изученіи литературы одинаково необходимо довѣрять памятнику, на который ссылаешься, который изслѣдуешь, а для этого необходимо обстоятельное съ нимъ ознакомленіе по разнымъ спискамъ.

Приступая къ самостоятельному ученому труду, я на первый разъ взялъ цѣлую группу писателей и образованныхъ людей избранной мною эпохи. Какъ справлюсь я съ этою задачею, на сколько сокращу ее или расширю, покажетъ время и самое дѣло. Періодъ избранный мною для диссертаціи начинается женитьбою Іоанна III на Софіи Палеологъ и оканчивается вторымъ бракомъ Василія Ивановича. Съ первой изъ этихъ историческихъ точекъ связано представленіе о новомъ времени, времени, когда начинаются сношенія съ западомъ; вторая выводитъ на сцену Максима Грека, и партія Іосифлянъ, въ лицѣ митрополита Даніила, является враждебною къ православному исправителю церковныхъ книгъ, получаетъ иной, чѣмъ прежде, характеръ, хараактеръ обскурантизма.

Съ сентября мѣсяца истекшаго года причисленъ я къ министерству народнаго просвѣщенія, послѣ трехлѣтней службы учителемъ, въ гимназіяхъ. Мнѣ пришлось взяться за дѣло близкое, ко мнѣ подходящее, но тѣмъ не менѣе новое. Занятія въ гимназіи, система и планъ уроковъ, интересъ успѣшныхъ и неудачныхъ работъ, собственная работа по подготовленію къ урокамъ и многосторонія занятія, въ свободное время, по исторіи русской, по литературѣ всеобщей и русской, все это не давало мнѣ возможности работать

самостоятельно. Я учился учить, и самъ учился. Теперь пришла другая пора: нужно было привыкнуть къ ученой работѣ, выбрать тему для диссертаціи, остановиться на чемъ либо одномъ и на этомъ одномъ сосредоточить свои силы. Для новичка въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, нужны совѣты лица болѣе опытнаго. Выборъ темы для меня была вещь не легкая. У меня было много темъ въ головѣ, каждая имѣла для меня живой интересъ, надъ каждой изъ нихъ я готовъ былъ трудиться, не одинъ XV — XVI вѣкъ интересовалъ меня. Совѣтомъ по выбору темы помогъ мнѣ профессоръ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Его опытность, его практическіе пріемы въ дѣлѣ науки, его многостороннія свѣдѣнія въ дѣлѣ науки русской, все это открыто для того, кто руководствуется его совѣтами. Сочувствіе добраго человѣка, всегдашняя готовность оказать содѣйствіе и неумолимая строгость ученаго — вотъ качества, въ руководствующемъ профессорѣ, въ которыхъ болѣе всего нуждается руководимый и которыя нашелъ я въ почтенномъ профессорѣ. Занимаясь подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго и пользуясь его бесѣдами, которыя содѣйствуютъ образованію той нравственной строгости къ самому себѣ, безъ которой нечего и браться за дѣло науки, я вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщалъ его курсъ палеографіи, лекціи, читанныя имъ для студентовъ всѣхъ трехъ курсовъ.

Что касается до другихъ гг. профессоровъ С.-Петербургскаго университета, то въ будущій семестръ мнѣ придется не разъ обратиться къ нѣкоторымъ изъ нихъ за указаніями, въ особенности къ М. И. Сухомлинову, который и въ этотъ семестръ не преминулъ оказать живое участіе къ моей работѣ бесѣдою, уяснившею мнѣ методъ изслѣдованія литературныхъ памятниковъ.

Бывшій профессоръ Н. И. Костомаровъ указалъ мнѣ на библіотеку Іосифова монастыря, находящуюся въ Троицкой лаврѣ. Бесѣда его равно послужила мнѣ къ болѣе правильному уразумѣнію избраннаго мною историческаго періода. А. Ѳ. Бычковъ оказывалъ мнѣ постоянное содѣйствіе многими полезными указаніями. Нужно ли говорить о той готовности — поспѣшить исполненіемъ всякой законной просьбы, которая хорошо извѣстна всякому, занимавшемуся въ русскомъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки и имѣвшему надобность не только въ рукописяхъ и книгахъ, но и въ указаніяхъ Афанасія Ѳедоровича. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ министерству народнаго просвѣщенія, не могу не указать на Д.

В. Полѣнова, въ библіотекѣ котораго, за весьма рѣдкими исключеніями, есть все то, что есть русская исторія, русская археологія и палеографія. Большаго содѣйствія жду со стороны его и въ будущемъ. Имѣя подъ руками его книги и пользуясь его огромными библіографическими свѣдѣніями, можно хорошо и удобно работать и въ лѣтніе мѣсяцы, въ тиши его деревенскаго дома, гдѣ собственно и находится библіотека.

Второе академическое полугодіе начну я поѣздкой въ Москву для свиданія съ Ѳ. И. Буслаевымъ и Н. С. Тихонравовымъ.

По долгомъ размышленіи я принялъ за лучшее дать своему отчету видъ пересказа литературныхъ памятниковъ взятой мною эпохи. Это мнѣ удобно, потому что я не обязанъ черезъ это наскоро высказывать выводы. Выдержки, выписки текстуальныя и примѣчанія — вотъ что на первый разъ представляю я моимъ судьямъ. Интересъ памятниковъ въ нихъ самихъ; почему я и полагаю, что отчетъ мой будетъ не безполезенъ.

I. Іосифъ Волоцкій.

а) Просвѣтитель.

Знаменитая книга Іосифа Санина, игумена и основателя Іосифова монастыря въ предѣлахъ Волоколамскихъ, *Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ* — издана Казанскою духовною академіею и напечатана въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1857 г. Изданіе сдѣлано по тремъ рукописямъ Соловецкой библіотеки, двумъ рукописямъ Московской духовной академіи, по рукописи, принадлежавшей митрополиту Григорію, и нѣкоторымъ другимъ. Всѣ рукописи эти второй половины XVII или первой половины XVIII вѣка, за исключеніемъ одной Соловецкой, за № 326, почти современной Іосифу, судя по надписи и годовой цифрѣ [1]). Двѣ рукописи Императорской публичной библіотеки изъ древлехранилища Погодина свѣрялъ я съ печатнымъ текстомъ Просвѣтителя. Текстъ одной изъ нихъ, за № 1135, весьма близокъ къ напечатанному въ Прав. Со-

[1]) См. въ Прав. Собесѣд. 1857 г. Просвѣтитель, предисловіе стр. 34, выноску первую: Въ лѣто 7022 дана бысть книга сія инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ — въ обитель пречистыя Богородицы — въ строеніе пр. отца нашего Іосифа, еже есть близь волока Ламьскаго.

бесѣдникѣ [1]); въ другой же, за № 1134, находятся тѣ самые варіянты, пропуски и прибавки, какіе означены въ Правосл. Собесѣдникѣ, какъ существующіе въ рукописи митроп. Григорія [2]). Вообще же разница микроскопическая, нигдѣ нѣтъ значительныхъ пропусковъ и прибавокъ. Просвѣтитель состоитъ изъ 16 главъ. Въ началѣ каждой главы заглавіе, или нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ состоитъ ея содержаніе. Главамъ предшествуетъ сказаніе о ереси жидовствующихъ: *Сказаніе о новоявившейся ереси Новогородцкихъ еретиковъ Алексѣя протопопа, и Дениса попа, и Ѳеодора Курицына, и иныхъ, иже такоже мудрствующихъ.* Въ рукописи Погодина сказано: грѣшнаго инока Іосифа сказаніе и т. д.

«Надобно знать, что въ разныя времена дьяволъ насаждалъ по вселенной ереси, проклятыя божественною церковью. Въ древнія времена святые отцы обличали ереси. Всѣ православные, начитавшіеся божественныхъ писаній, *имѣютъ подъ клятвою* прежнихъ еретиковъ; чтобы возненавидѣть теперешнихъ предлагается слѣдующее сказаніе». Такъ можно вкратцѣ пересказать приступъ, который дѣлаетъ Іосифъ къ своему сказанію. Самое сказаніе прежде всего говоритъ о томъ, что русская земля древле омрачалась тьмою идолопоклонства; затѣмъ въ высокомъ христіанскомъ стилѣ говорится о воплощеніи Спасителя, дѣлѣ искупленія, о святомъ Духѣ, о просвѣщеніи народовъ чрезъ апостоловъ и наконецъ о св. Андреѣ: какъ пошелъ онъ Днѣпромъ вверхъ, сталъ подъ горами *при брезѣ, и заутра въставъ и рече къ сущимъ ту съ нимъ ученикомъ: видѣте ли горы сія, яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ градъ великъ.* Тѣ же слова, то же сказаніе, что и въ Несторовой лѣтописи, только переданное тономъ человѣка болѣе книжнаго. Андрей изъ Новгорода, продолжаетъ Іосифъ, прошелъ въ Варяги *и пріиде въ Римъ: проповѣдати же слово спасенное рустѣй земли възбраненъ бысть отъ св. Духа, его же судбы—бездна многа.* Проповѣдь евангельская прошла всѣ страны, только русская земля по прежнему омрачалась тьмою идолослуженія, до конца осквернённая скверными дѣлами. И уже тысяча лѣтъ совершилось по вознесеніи на небо сына Божія, и только тогда посѣтилъ насъ востокъ свыше и святая Троица просвѣтила вѣрою и благочестіемъ, премудростью же и разумомъ *блаженнаго Владиміра сына Святославова*

[1]) Рукопись за № 1135 Погод. древлехран.
[2]) № 1134 Погод. Сборникъ въ четверку.

и внука Игорева и блаженныя Ольги, правнука же Рюрикова—(онъ) *всѣхъ спасти подвижеся, и всѣмъ повелѣ креститися во имя Отца и Сына и святаго Духа. Отъ того времени солнце евангельское землю нашу осія и апостольскый громъ насъ огласи и божественныя церкви и монастыри съставишася, и быша мнози, святители же и преподобніи, чюдотворци же и знаменоносци, и якоже златымя крилома на небеса възлетаху, и якоже древле нечестіемъ превыде русская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ.* Въ другихъ странахъ хотя и было много праведниковъ, но за то было много и невѣрныхъ, и еретиковъ: въ русской же землѣ многіе города, деревни и села, многочисленныя и невѣдомыя, всѣ—овцы одного пастыря, и никто нигдѣ не видалъ еретика. И такъ было въ продолженіи четырехъ сотъ седмидесяти лѣтъ. Но, ужасъ! (Оле!) что творитъ теперь сатана, ненавидяй добра все лукавый дьяволъ...[1]) Тутъ то начинается самое повѣствованіе о ереси жидовствующихъ замѣчательною, своеобразною характеристискою Схаріи:

Бысть убо въ та времена жидовинъ именемъ Схарія и сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію звѣздозаконію же и астрологы: живый во градѣ Кіевѣ. Прибылъ въ Новгородъ князь Михаилъ, сынъ Александра, внукъ Вольгирдовъ, въ лѣто 6979, въ княженіе великаго князя Ивана Васильевича, и съ нимъ этотъ жидъ Схарія. Онъ прежде всего прельстилъ попа Дениса. Денисъ привелъ къ нему протопопа Алексѣя. И оба они стали жидовствующими. Потомъ пришли изъ Литвы другіе жиды: Іосифъ Шмойло-Скарявей, Мосей Ханушъ. Алексѣй и Денисъ съ ними ѣли, пили и учились жидовству и тому же научили женъ и дѣтей своихъ. Жиды велѣли имъ таиться, втайнѣ быть жидами, а наружи казаться христіанами. Алексѣю перемѣнили имя, назвавъ его Авраамомъ, а жену Саррою. Потомъ Алексѣй научилъ многихъ жидовству, въ томъ числѣ зятя своего Ивашку, отца его, попа Максима и многихъ другихъ поповъ,

---

[1]) На сколько слова о святости родной земли проникнуты сильнымъ чувствомъ благоговѣнія, на столько сильна и жестока рѣчь Іосифа о еретикахъ. Святой отецъ полагалъ въ православіи всю силу, все достоинство родной страны, которая благочестіемъ *всѣхъ одолѣ*, а тутъ вдругъ явились эти еретики, въ которыхъ Іосифъ видитъ враговъ своей святой родины. Въ пересказѣ Іосифова повѣствованія я приведу тѣ страстныя выраженія, какія употребляетъ авторъ, говоря о еретикахъ. Съ какою силою говоритъ онъ о еретикахъ, съ такою же и о защитникѣ православія Генадіѣ. Какъ страстенъ гнѣвъ его, такъ страстно и сочувствіе.

дьяконовъ и простыхъ людей. Денисъ попъ тоже многихъ научилъ жидовствовать, въ числѣ ихъ протопопа Софійскаго Гавріила. Научили жидовствовать и Гридю Клоча, а тотъ научилъ Григорія Тучина, отецъ котораго имѣлъ *великую власть* въ Новѣгородѣ. Тутъ слѣдуютъ имена другихъ болѣе извѣстныхъ еретиковъ, числомъ семнадцать, изъ которыхъ шесть поповъ, два поповскихъ сына, одинъ дьяконъ, два дьяка, двое крилошанъ, да четверо безъ означенія ихъ званія. Затѣмъ Іосифъ, горько сѣтуя, разсказываетъ самую сущность ереси. Они отрицали святую Троицу, говоря, что Христосъ не рожденъ отъ Отца, что то слово Божіе, о которомъ говорится въ св. писаніи, есть обыкновенное слово, произносимое, а духъ Божій по воздуху разливается [1]). Они учили, что тотъ, Кого св. книги называютъ сыномъ Божіимъ, не родился, а когда родится, то назовется сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати. Тотъ, кого христіане называютъ сыномъ Божіемъ, былъ распятъ іудеями и истлѣлъ во гробѣ [2]). Говорили, что слѣдуетъ держаться Моисеева закона [3]); говорили: неужели Богъ, имѣя въ своей власти всѣ небесныя силы, пророковъ и праведниковъ, для того, чтобы спасти Адама отъ ада, чтобы исполнить свое собственное желаніе, долженъ былъ сойдти на землю, вочеловѣчиться и пострадать и тѣмъ перехитрить діавола? *Не подобаетъ убо Богу тако творити* [4]).

Они хулили и унижали святую церковь, хулили св. иконы, говоря, что не слѣдуетъ кланяться *рукотворенію;* говорили, что не слѣдуетъ писать на иконахъ святую Троицу, потому что Авраамъ видѣлъ Бога и двухъ ангеловъ, а не Троицу [5]). Еретики возбраняли кланяться кресту и иконамъ и бросали эти священные предметы въ нечистыя и скверныя мѣста, зубами кусали ихъ, какъ собаки, ломали, жгли и говорили такъ: «*поругаемся иконамъ симъ, яко же жидове Христу поругашеся* [6]). *О скверные языки, о мерзкія и гнилыя уста*, произнесшія такое богохульство! восклицаетъ ревнитель.

---

[1]) Это еретическое положеніе опровергается Іосифомъ въ его первомъ словѣ «Просвѣтителя».

[2]) Противъ этого еретическаго положенія ратуетъ Іосифъ во 2-мъ словѣ *на еретиковъ новгородскихъ.*

[3]) 3-е слово посвящено опроверженію этихъ мнѣній.

[4]) 4-е слово опровергаетъ это мудрствованіе.

[5]) Троичной иконѣ посвящено 5-е слово на еретиковъ новгородскихъ.

[6]) Слово 6-е защищаетъ поклоненіе святымъ иконамъ. 7-е слово, какъ бы продолженіе 6-го, говоритъ о томъ же.

Тогда окончилась седмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, еретики говорили, что вотъ и седьмь тысячъ лѣтъ прошло и пасхалія кончилась, а втораго пришествія Христова нѣтъ; книги св. отцовъ— книги ложныя, слѣдуетъ сжечь ихъ. И не только хулили они св. отцовъ творенія, но и апостольское писаніе. Хулили въ особенности творенія св. Ефрема Сирина, писавшаго о кончинѣ міра [1]). Иноческое житіе считали не угоднымъ Богу, основываясь на словахъ апостола Павла (къ Тим. 1 — 4, 1 — 3) и извращая смыслъ ихъ [2]). Еретики въ посты ѣли мясо и сквернились, и въ то же время ходили въ церковь и совершали божественную литургію. Какъ не удивляться неизрѣченному долготерпѣнію твоему, Слове! Они дерзнули другимъ хулить самую Дѣву Богородицу и великаго Предтечу и т. д.; *толика и такова сътвориша сатанинъ первенецъ Алексѣй и Денисъ въ великомъ Новѣградѣ.* Далѣе авторъ разсказываетъ о прибытіи въ Новгородъ великаго князя Ивана Васильевича, съ означеніемъ года (6988) [3]); великій князъ взялъ Алексѣя попа на Москву, на протопопство, *къ церкви Пречистыя Успенья, и Дениса къ Архангелу*; и ересь стала вслѣдствіе этого распространяться въ многолюдномъ городѣ Москвѣ. О Генадіѣ говорится такъ: Въ лѣто же 6993 поставленъ бысть архіепископъ великому Новугороду и *Пскову священный Генадіе и положенъ бысть яко свѣтильникъ на свѣщницѣ.* Онъ изъ чащи божественныхъ писаній устремился, какъ левъ, ногтями растерзать сквернаго утробы, напившихся жидовскаго яда. Еретики бѣжали отъ него въ Москву, гдѣ Алексѣй и Денисъ уже многихъ прельстили: архимандрита (*не реку архимандрита, но сквернителя*) Зосиму, отъ двора великокняжескаго Ѳедора Курицына, крестовыхъ дьяковъ Истому да Сверчька и купца Семена Кленова.

Протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ имѣли дерзновеніе къ *державному яко никто же инъ, звѣздозаконію бо прилежаху и многимъ баснотвореніемъ и астрологы и чародѣйству и чернокнижію.* О земля! о солнце, какъ ты терпишь: ни одной хулы они не

---

[1]) Въ оправданіе истины св. писаній отеческихъ и апостольскихъ по отношенію къ кончинѣ міра, а равно и въ защиту пр. Ефрема писаны 8-е, 9-е и 10-е слова.

[2]) Въ защиту иноческаго житія писано слово 11-е съ подраздѣленіемъ на три главы.

[3]) Великій князь прибылъ въ Новгородъ черезъ 9 лѣтъ послѣ прибытія Схаріи; такъ какъ этотъ послѣдній прибылъ въ Новгородъ съ княземъ Михаиломъ; годъ же прибытія Михаила означенъ въ лѣтописи (Новг. 4-я стр. 127).

пропустили, чтобы не излить на единороднаго сына Божія и на Пречистую Его матерь,... Это случилось въ лѣто Геронтія митрополита [1]). Отзывъ Іосифа о митрополитѣ Геронтіѣ: онъ хотя и *христіанская мудрствовалъ*, но не пекся объ овцахъ стада Христова, отъ еретиковъ погибающихъ, потому ли что его сдерживала грубость еретиковъ, или потому что просто нерадѣлъ, или наконецъ потому, что боялся державнаго. Затѣмъ рѣчь идетъ о смерти Истомы еретика и протопопа Алексѣя. Смерть обоихъ еретиковъ описывается ужасными красками: скверное сердце адова пса—жилище 7 духовъ (Истомы) сгнило и чрево его прогнило. Сатанинъ сосудъ и дьяволовъ вепрь (Алексѣй) извергъ свою скверную душу *въ руки сатанѣ*. Передъ смертью Алексѣй волхвованіемъ *подойде* державнаго [2]). Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о соборѣ 1491 года, созванномъ на еретиковъ по жалобѣ Генадія, по волѣ державнаго. Перечисленіе присутствовавшихъ святителей. Притворство Зосимы и проклятіе еретиковъ: протопопа Гавріила, Дениса попа Архангельскаго и другихъ. Еретики посланы были отъ державнаго въ Новгородъ, ко архіепископу Генадію. Онъ за четырнадцать поприщъ приказалъ посадить ихъ на коней, хребтомъ обративъ къ конскимъ головамъ, яко да зрятъ на западъ, въ уготованный имъ огнь; на головы повелѣлъ изложить имъ шлемы берестяны остры, яко бѣсовьскыя, и вѣнцы соломенные, а на шлемахъ надпись чернилами: «се есть сатанино воинство». И повелѣлъ ихъ водить по городу и плевать на нихъ со словами: вотъ Божіи враги и христіанскіе хульники! Потомъ велѣлъ пожечь шлемы на головахъ ихъ. Сія сотвори, продолжаетъ Іосифъ, добрый пастырь, *хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретики*, и онъ сдѣлалъ это не только для еретиковъ, но и для прочихъ, чтобы они уцѣлѣли, насмотрѣвшись на этотъ, исполненный ужаса и страха, позоръ [3]).

---

[1]) Геронтій — преемникъ Филиппа I, митрополитомъ отъ 1475 до 1489 года.

[2]) Такимъ образомъ Іосифъ снимаетъ съ Ивана Васильевича вину за послабленіе ереси: его подвели волхвованіемъ. Еретики не разъ обвиняются въ Іосифовомъ «сказаніи о ереси» въ волхвованіи, чародѣйствѣ и чернокнижіи (см. выше), ниже говорится объ этомъ такъ: и баснословіа нѣкаа и звѣздозаконія учаху и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое.

[3]) Іосифъ выставляетъ поступокъ Генадія съ еретиками какъ подвигъ истиннаго благочестія, и къ пострадавшимъ еретикамъ относится съ безпощадною строгостью. Денисъ попъ, послѣ казни и заточенія, умеръ. Іосифъ такъ говоритъ о его смерти: преданъ бысть всельшемуся въ него бѣсу хульному, и пребысть мѣсячное время козлогласуя, скверный, гласы звѣрскими и скотіи, и всякихъ птицъ и гадовъ

Энергически выражается Іосифъ, говоря о Зосимѣ, осквернившемъ великой святительской престолъ: онъ — черный вранъ, скверный и злобѣсный волкъ, змій тмоглавный, сатанинъ первенецъ, головня, оставшаяся отъ огня содомскаго. Среди гнѣвныхъ нападковъ на Зосиму, Іосифъ обращается съ горькимъ сѣтованіемъ къ прежнимъ московскимъ святителямъ, Петру и Алексѣю. Отлетѣли, говоритъ онъ, отъ насъ громогласные соловьи, хорошо поющіе щуры, сладкоговорящія ласточки, которые среди сада церковнаго оглашали слышащихъ православныхъ ученіе. Какъ крылатые орлы, ногтями вырывали они глаза неправосмотрящихъ. «Отлетѣли ко Христу тѣ, которые крыльями своими покрывали множество вѣрныхъ, — и насъ, сирыхъ покинули». Подъ покровительствомъ Зосимы ересь распространялась въ Москвѣ, гдѣ уцѣлѣли и были въ силѣ еретики: Ѳедоръ Курицынъ, Сверчокъ, Кленовъ и многіе другіе. Еретики, по сказанію Іосифа, были осторожны, ересь держали въ тайнѣ, людей благоразумныхъ и знающихъ писаніе не осмѣливались приводить въ жидовство, *но нѣкыя главизны божественнаго писанія ветхаго же завѣта и новаго на кривосказующе — и баснословія нѣкая и звѣздозаконія учаху — простѣйшихъ же на жидовство учаху* [1]).

И толико бысть смущеніе въ христіанехъ якова же никогда же быша, отнелѣ же солнце благочестія начатъ сіяти въ русской земли. Иноки, пустынники и мірскіе люди съ горькими слезами молили Бога: да уничтожитъ пагубную ересь. Зосима воздвигалъ гоненія на обличителей ереси; священниковъ и дьяконовъ за это лишалъ сана и притомъ говорилъ, что не слѣдуетъ осуждать еретика и отступника; говорилъ также, что если еретикъ-святитель кого отлучитъ и не благословитъ, то Божій судъ согласенъ будетъ съ судомъ его [2]). Но, читавшіе божественное писаніе знали, что еретиковъ и отступниковъ слѣдуетъ осуждать, проклинать, предавать лютымъ казнямъ. Митрополитъ клеветалъ державному на своихъ обличителей, и неповинные претерпѣли узы и темницу. Тутъ уже Іосифъ начинаетъ говорить о своей книгѣ, какъ необходимо было на-

---

и тако злѣ изверже скверную и еретическую душу свою. (Тотчасъ послѣ казни еретиковъ — стр. 17 Просвѣт. Пр. Собесѣд.).

[1]) Такимъ образомъ и изъ «Сказанія» видно, что въ ученіи *жидовствующихъ* были двѣ стороны, что еще яснѣе видно будетъ изъ «Просвѣтителя».

[2]) Въ опроверженіе этихъ положеній о неосужденіи еретиковъ и о еретикѣ-святителѣ написаны Іосифомъ 12-е, 13-е, 14 и 15-е слова на еретиковъ новгородскихъ; см. «Просвѣтитель».

писать ее: *Аще невѣжа и грубъ есмь, но обаче должно ми есть о сихъ не нерадити противу моея силы.* Онъ говоритъ, чтобы не осудили его за то, что онъ объявилъ имена еретиковъ: Алексѣя, Ѳедора Курицына, попа Дениса и другихъ, потому что такъ дѣлали и святые отцы, когда они писали противъ древнихъ еретиковъ и передавали имена ихъ въ роды родовъ. *Собрахъ во едино отъ различныхъ писаній божественныхъ*, оканчиваетъ Іосифъ свое предисловіе къ Просвѣтителю, *яко да вѣдящіе божественныя писанія прочетше воспомянутъ себѣ, невѣдущіи да разумѣютъ. И аще, кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчамъ и благодатію Божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемждо словѣ, яже суть сія:* тутъ слѣдуетъ исчисленіе всѣхъ 16 словъ и краткое содержаніе каждаго изъ нихъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ самое слово 1-е.

Богословское достоинство Просвѣтителя разобрано въ Твореніяхъ св. отцовъ, въ т. 5, статьѣ «Преподобный Іосифъ Волоколамскій» [1]). Тамъ также обращено вниманіе на начитанность святаго мужа, на его свѣдѣнія по священному писанію и по церковной литературѣ, исчислены и поименованы святые отцы, на писанія которыхъ онъ ссылается, число ихъ 22. Поименовано 32 житія святыхъ, откуда взяты пр. Іосифомъ примѣры въ подтвержденіе доказываемаго имъ. Съ исторіей византійской церкви онъ особенно хорошо знакомъ; ему извѣстны патерики, хронографы, и иногда указываетъ онъ на Іосифа Флавія, Іустиніана императора [2]) и проч.

По содержанію Просвѣтителя, судя по тѣмъ положеніямъ, на какія отвѣчаетъ Іосифъ, можно раздѣлить жидовствующихъ на двѣ категоріи: одни вѣруютъ въ Христа, въ апостоловъ, принимаютъ таинства, но уличаютъ существующія въ ихъ воображеніи заблужденія церкви, возстаютъ противъ иночества, противъ поклоненія кресту, иконамъ, проповѣдуютъ терпимость. Другіе, не признавая Іисуса Христа за Богочеловѣка, ожидаютъ Мессію, предпочитаютъ ветхій завѣтъ новому; словомъ, это чисто жидовствующіе.

Въ 15-мъ словѣ, Іосифъ продолжаетъ разсказывать исторію раскола, говоритъ о соборѣ [3]), о еретикѣ — архимандритѣ Юрьева Нов-

---

[1]) Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцевъ. 1849.

[2]) На послѣдняго онъ ссылается въ 12 словѣ, а именно на 9 главу новыхъ заповѣдей. Въ 15 словѣ Іосифъ перечисляетъ различныя секты еретиковъ греческой церкви.

[3]) *Въ первомъ словѣ*, говоритъ Іосифъ, *писано есть о сей ереси пространно, отъ начала даже до лѣтъ въ нихже бысть Зосима митрополитъ* .... Держав-

городскаго монастыря, Касьянѣ; обличаетъ ложное покаяніе еретиковъ, испугавшихся смертной казни, и при этомъ считаетъ ихъ самыми худшими изо всѣхъ еретиковъ временъ прошедшихъ и приводитъ въ примѣръ ихъ скверныя дѣла [1]); говоритъ о томъ, какое покаяніе налагали на еретиковъ отцы церкви.

Въ 16-мъ словѣ, Іосифъ говоритъ, что не нашлось врачества для еретиковъ и что ихъ нужно *искоренить;* что покаяніе ихъ не добровольное, а вынужденное; что святые отцы заповѣдали царямъ и князьямъ — предавать еретиковъ *«лютымъ казнямъ и смертемъ»*. Если же кто скажетъ, что казнь дѣло гражданскихъ законовъ, что въ гражданскихъ законахъ, а не у святыхъ отцевъ, объ этомъ писано, то пусть прочтетъ тринадцатое слово, писанное въ этой книгѣ, и тогда узнаетъ онъ о гражданскихъ законахъ, *яко подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ*. Затѣмъ Іосифъ объясняетъ, что есть покаяніе истинное, и противополагаетъ его покаянію новгородскихъ еретиковъ, которые, получивъ *ослабу*, послѣ покаянія, снова возвратились къ ереси. Объясняя истинное

ный собираетъ соборъ, архіепископъ Генадій устрашаетъ еретиковъ, *доселѣ убо въ словѣ писано есть о еретицѣхъ, а яже бяша потомъ тамъ не писано, но мы здѣ речемъ о семъ*. Еретики притворно каются, имъ даютъ ослабу, они разбѣгаются по городамъ и селамъ и въ самомъ Новгородѣ тайно держатъ жидовство. Ѳедоръ Курицынъ и братъ его Волкъ, наученные діаволомъ, подаютъ руку помощи еретикамъ.

[1]) Еретики обвиняются въ томъ, въ чемъ философъ обвинялъ мусульманъ св. Владиміру, въ повѣсти временныхъ лѣтъ: *«и скверную сію воду взимаху и вливаху сію въ вино и медъ, и посылаху то вино ц медъ святителямъ и священникамъ и къ болярамъ и къ гостемъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ*. Тутъ же къ ряду приводится, въ примѣръ скверныхъ дѣлъ, поступокъ Алексѣйки Костева, который *скверную воду спущалъ* на икону Пречистыя. *Инъ же нѣкто, Самсонко именемъ, пришелъ къ попу Науму, а у Наума въ избѣ стоитъ икона пречистыя, и Самсонко молвилъ Науму попу, возми икону, да ударь о землю, и попъ взялъ икону да ударилъ ея о землю, да вземъ Самсонко икону полою да поставилъ паки, и попъ Наумъ вземъ ту же икону, да ударилъ о полъ въ другой. Да захотѣли ѣсти, и поставили предъ нихъ проскуры да рыбы, и Самсонко, вземъ проскуры, да вырѣзалъ изо всѣхъ проскуръ кресты, да молвилъ такъ: того негодно ясти людемъ но токмо псомъ, да покинулъ на полъ коту, и котъ съѣлъ*. И Самсонко опять *почелъ говорить попу: возми ту же икону, да ударь ею о полъ, на что щепы сія стоятъ, и попъ вземъ икону, да ударилъ ею о полъ*. Тотъ же попъ показалъ иконѣ Пречистой, гдѣ также были изображены и другіе святые, кукишъ. Юрка рушеникъ клалъ икону въ скверную лохань, а Макаръ дьяконъ въ великое говѣнье мясо ѣлъ и на образъ плевалъ. Иные спали на св. иконахъ, другіе мылись, становясь на икону ногами.

покаяніе, авторъ приводитъ такого рода примѣры: одинъ пресвитеръ закопался въ ровъ и обложилъ себя веригами желѣзными; Мартинъ затворился въ пещерѣ и ногу приковалъ къ стѣнѣ веригою желѣзною. Въ примѣръ того, какъ надо поступать съ еретиками, приводитъ царей греческихъ: Ѳеодосія, Маркіана, Іустиніана, Константина, внука Иракліева, какъ каждый изъ нихъ поступалъ съ еретиками (темницы, ссылка, проклятіе) *и кто убо таково попеченіе имѣя о православныхъ христіанстей вѣрѣ якоже великій равноапостольный царь Константинъ не точію в'заточеніе и въ темница осужаше, но и мечемъ посѣщи повелѣ всѣхъ невѣрующихъ во св. единосущную Троицу.* Затѣмъ примѣръ царицы Ѳеодоры и Андроника Палеолога, искоренившихъ еретиковъ заточеніемъ; но ослаба послѣдняго снова воскресила ересь. Тутъ авторъ вспоминаетъ нашихъ стригольниковъ, хотя въ «Сказаніи» и говорилъ, что, до «жидовствующихъ» до прихода Схаріи, не было на Руси еретиковъ [1]). *Нѣкто бо бысть Карпъ, художьствомъ стригольникъ, живый во Псковѣ. Сей убо окаянный ересть состави скверну же и мерзку, якоже и вси видятъ, и мнози отъ православныхъ послѣдоваша ереси той*, пока арх. Суждальской не привезъ изъ Царьграда посланіе отъ патріарха во Псковъ къ посадникамъ, чтобы они попеклись о искорененіи ереси — и всѣхъ стригольниковъ *въ темницу вергоша даже до конца живота ихъ и тако искоренися прелестная оная ересь.* Такъ и державный великій князь повелѣлъ проклясть еретиковъ и по проклятіи посадить въ темницу: тамъ они ужасно окончили жизнь свою и никого изъ православныхъ не прельстили. Другіе стали каяться, державный повѣрилъ ихъ покаянію и далъ имъ ослабу, и они *много неизрѣченна зла сотвориша и мнози отъ православныхъ христіанъ в'жидовство отведоша и тщаться сотворити такоже, якоже древніи еретицы, иже погубиша многія страны и царства великая* [2]); разсказъ о томъ, какъ еретики погубили царства: арменьское и ефіопьское, и какъ великое царство (?) римьское, девять сотъ лѣтъ пребывавшее въ православіи, впало въ ересь латынскую послѣ того, какъ «пришедшіе отъ западныхъ странъ

[1]) Въ Рустѣй же земли — еретика или злочестива нигдѣ же никто видѣлъ есть. Сказ. стр. 43 по Просвѣт. изд. Каз. дух. акад.

[2]) Іосифъ въ ереси «жидовствующихъ» видитъ, какъ замѣчено выше, гибель русской земли, что какъ нельзя лучше видно изъ этого мѣста, слѣдующаго за нимъ разсказа о гибели царствъ и воззванія къ царямъ и пастырямъ, которымъ оканчивается «Просвѣтитель».

люди» прельстили православныхъ: *во многая же лѣта великое царство римьское и вси царства и страны, иже подъ римьскимъ царствомъ, отступиша отъ соборныя и апостольскія церкви и отъ православныя христіанскія вѣры* [1]). Также и великая русская земля пять сотъ лѣтъ пребывала въ православной вѣрѣ, пока дьяволъ не привелъ сквернаго и помраченнаго еврея въ великій Новгородъ, *якоже прежде речено бысть о семъ*. Затѣмъ Іосифъ доказываетъ, что еретики его времени тѣмъ хуже всѣхъ другихъ еретиковъ, что они тайно распространяютъ ученіе, людямъ твердымъ въ православіи кажутся они православными и для виду проклинаютъ своихъ же единомышленниковъ. *И таковаго ради пронырства же и діявольскаго лукавства, многія душа погубиша.* Царства: *армянское, ефіопское и римское великое царство* погибли *небреженія* ради тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, *и тіи убо царіе и святители осуждени имутъ быти на страшномъ судищи Христовѣ.* Такого рода положеніе ставитъ Іосифа въ необходимость прочесть урокъ царямъ и пастырямъ, напомнивъ имъ ихъ великую отвѣтственность. Въ назиданіе царямъ онъ приводитъ то, что пишетъ равноапостольный царь Константинъ (?) объ обязанностяхъ царей и князей, гдѣ, между прочимъ, говорится такъ: *бози бо есте и сынове Вышняго, блюдитеся же да не будете сынове гнѣву и во пса мѣсто сведени будете во адъ*, и далѣе: *васъ бо Богъ в'себе мѣсто посади на престолѣ своемъ — царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу* [2]). Вслѣдъ за этимъ приводятся слова Іустиніана изъ Номоканона (главы 6-й) о томъ, какъ слѣдуетъ епархамъ поступать съ еретиками. Строгимъ наставленіемъ пастырямъ церкви оканчивается 16-е слово и съ тѣмъ вмѣстѣ самый «Просвѣтитель». Изъ Просвѣтителя нельзя видѣть, какъ доказывали еретики свои положенія и были ли въ состояніи сразиться со всѣми доказательствами Іосифа. Мнѣ кажется, что лично Іосифъ не имѣлъ съ ними преній, что впрочемъ ясно и изъ того, что онъ весьма рѣдко приводитъ то, чѣмъ дока-

[1]) Іосифъ думалъ, что въ X столѣтіи и много лѣтъ спустя всѣ европейскія государства были *подъ царствомъ римскимъ*.

[2]) *Бози бывше измрете яко человѣцы и во пса мѣсто во адъ сведени будете, по Ефрему* — такъ сказано въ *наказаніи княземъ иже даютъ волость и судъ не Богобоимымъ и лукавымъ мужемъ*, по рук. Тр. лавры № 15 изд. извлечено Костомаровымъ; помѣщено въ IV выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы. Вотъ готовый образчикъ тѣхъ понятій, на которыхъ воспитанъ Грозный.

зывали еретики свои положенія, да и проводить какъ-то отрывочно и сухо. Еслибы Іосифъ имѣлъ съ ними лично пренія, то и не могъ бы не сказать объ этомъ въ «Просвѣтителѣ» и не оставилъ бы ихъ возраженій безъ опроверженія. Въ подробныхъ жизнеописаніяхъ [1]) Іосифа нѣтъ указаній на то, чтобы онъ лично спорилъ съ еретиками. Да онъ и самъ въ своихъ писаніяхъ о еретикахъ не могъ бы не упомянуть объ этомъ. Для примѣра приведу тѣ бѣдныя указанія на то, какъ еретики доказывали свои положенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ приведенное мною будетъ умѣстно здѣсь, какъ образчикъ того, какъ Іосифъ доказывалъ свои положенія. Въ словѣ 1-мъ (стр. 81 Прав. Соб.) такъ доказывается догматъ св. Троицы: Когда Богъ захотѣлъ сотворить человѣка, то сказалъ: *сотворимъ*, а не *сотворю*, и этимъ самымъ явилъ онъ, что божество его не однолично.

По образу, а не *по образамъ* сказано затѣмъ, чтобы показать что существо св. Троицы одно и то же. Не ясно ли, что то: «сотворимъ» было сказано къ единородному Сыну и святому Духу. Но іудеи говорятъ: Богъ сказалъ это самъ себѣ и никого другаго съ нимъ тогда не было. Но что безумнѣе этихъ словъ: Богъ самому себѣ сказалъ такъ? *и кый убо зодчій, или древодѣля, или усмарь, надъ сосудомъ или надъ коимъ зданіемъ сѣдя одинъ и никому же ему не помогающу глаголетъ самъ к'себѣ: сътворимъ себѣ съсудъ, или съвоздимъ орало, или утворимъ усьмы; и не паче ли молча свое дѣло сдѣлаетъ.* Говорить самому съ собой — обычай человѣка неразумнаго; человѣку мудру не подобно такъ дѣлать, а тѣмъ болѣе Богу. Затѣмъ идутъ тексты и самое объясненіе этихъ текстовъ — изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, въ подтвержденіе того, что Іисусъ Христосъ и сынъ Божій былъ Богу совѣтникъ. Далѣе Іосифъ говоритъ, что еретики убѣдились въ томъ, что нелѣпо Богу самому съ собой разговаривать, но нашли другое опроверженіе: къ ангеламъ обращается Богъ говоря: сотворимъ и т. д., — и вслѣдъ затѣмъ начинаетъ опровергать и это мнѣніе (стр. 84). На стр. 89 видно, что еретики объясняли текстъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене*, такъ, что это царь сказалъ архіерею, а не Отецъ къ Сыну. На стр. 113 мы читаемъ, какъ доказывали еретики происхожденіе слова и духа отъ отца сравненіемъ Бога съ обыкновен-

[1]) Въ послѣднемъ концѣ истекшаго года изданы въ Москвѣ 2 житія Іосифа Волоцкаго и 3-е, надгробное слово ему — проф. Невоструевымъ въ Москвѣ. Объ этихъ житіяхъ будетъ ниже.

нымъ человѣкомъ, который произноситъ слова, дышитъ на воздухъ, но не имѣетъ отъ этого трехъ лицъ и трехъ составовъ.

Въ заглавіи каждаго слова Іосифъ предлагаетъ сущность еретическихъ положеній и главныя ихъ доказательства, такъ что то, чему учили еретики, можно найти въ этихъ заглавіяхъ. Въ самыхъ же «словахъ» Іосифъ опровергаетъ только то, что сказано въ заглавіи, — не болѣе. На свои доказательства Іосифъ не скупъ, онъ предлагаетъ въ изобиліи то, что знаетъ, во что такъ сильно и глубоко вѣруетъ. Иногда заведетъ рѣчь о томъ, что не относится прямо къ «слову» и о чемъ уже было имъ говорено. Такъ напримѣръ въ 7 словѣ, написанномъ въ доказательство того, что слѣдуетъ покланяться священнымъ предметамъ и проч., вновь (какъ и въ первомъ словѣ) предлагается ученіе о св. Духѣ, о св. Троицѣ, ученіе подробное, изобилующее текстами, такъ что нельзя не дивиться тому, какъ глубоко свѣдущъ былъ Іосифъ въ св. писаніи. Эта богословская мудрость была усвоена имъ до такой степени, что онъ могъ по вдохновенію говорить о догматѣ много и долго, говорить и не повторяться.

«Просвѣтитель» написанъ по частямъ, что видно изъ самаго сказанія и XVI главы его [1]). Первая его часть написана не ранѣе 1490 года и не позже 1494, такъ какъ въ ней уже говорится о вступленіи Зосимы на митрополичій престолъ, а Зосима вступилъ на него въ 1490 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ еще не говорится о сведеніи Зосимы, что случилось въ 1494. Вторая часть писана не ранѣе 1504 года, такъ какъ въ ней говорится о соборномъ опредѣленіи этаго года.

Первый періодъ ереси простирается отъ 1470 года, отъ прибытія Схаріи въ Новгородъ до осужденія еретиковъ на первомъ соборѣ, до 1490 года.

б) Посланія Іосифа.

Мы видѣли, какъ въ концѣ «Просвѣтителя» Іосифъ сѣтуетъ на то, что послѣ собора и новогородской казни еретикамъ дана была *ослаба*, какъ онъ выражается, и какъ, страшась гибели род-

[1]) См. у Филарета Черниговскаго въ его «Обзорѣ духовной литературы» и въ недавно появившейся книгѣ Булгакова: «Преподобный Іосифъ Волоколамскій — церковно-историческое изслѣдованіе». Эта послѣдняя книга прочтена мною, къ сожалѣнію, довольно поздно, когда мое занятіе Іосифомъ уже подходило къ концу.

ной земли, даетъ онъ грозный совѣтъ царямъ и князьямъ. Этимъ послабленіемъ ереси начинается второй періодъ ея быстраго распространенія. Въ это-то время Іосифъ, не обинуясь, пишетъ посланіе самому Іоанну Васильевичу. Поводомъ къ этому послужила присылка еретика Кленова, на покаянье, въ Іосифовъ-Волоколамскій монастырь [1]). Вотъ образецъ того, какъ писалъ въ концѣ XV вѣка игуменъ-основатель, — представитель третьей поросли отъ св. Сергія, третьяго духовнаго поколѣнія учениковъ игумена, благословившаго Донскаго на татаръ, — къ правнуку героя Куликовской битвы [2]).

«Государю великому князю Ивану Васильевичу, всея руси, нищій твои, господине, грѣшный чернецъ Іосифъ и съ братьею челомъ бью. Что еси, государь, прислалъ въ монастырь къ намъ еретика Семена Кленова да его *рѣчи еретическія* написаны, что онъ *мудрствовалъ*, а велѣлъ еси его дръжати въ монастырѣ. Ино, государь, о томъ есмя обрадовалися были вси, что еси показалъ ревность о благочестивѣ и православнѣй и христіанстѣй вѣрѣ, какъ прежніи святіи православніи и христіанстѣи царіе. А нынѣ, государь, сказали намъ, что еретиковъ по монастыремъ шлешь. Ино, государь, наша нынѣшняя скорбь много горши первые, занеже, государь, міряномъ пользу твориши, а инокомъ погибель, а въ писаніи того, государь, нѣтъ — еретиковъ по монастыремъ посылати. На всѣхъ, государь, соборѣхъ еретиковъ по проклятіи посылали въ заточеніе, да сажали по темницамъ, а по монастыремъ посылати ихъ. И который восхощетъ покаятися, ино ему возможно и въ темници каятися. Въ скорбѣхъ бо и бѣдахъ во юзахъ паче услышитъ Богъ кающихся сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ. Мнози, государь, и православніи христіяне впадали въ согрѣшенія, да когда поч(е)ли каятися о своихъ грѣсѣхъ и они на себя клали сами ино и вериги желѣзныя, а ино и чепь на себя положили, а ино и, государь, велѣли себя въ погребѣ приковати чепью — а согрѣшеніе ихъ было не толь тяжко. А нынѣшніи, государь, еретики сами не произволили каятися. Какъ ты, государь, почелъ ихъ казнити смертными казньми да и торговыми, и они, государь, почели каятися мукъ деля, а не Бога ради, и како еси потщался очистити святую

[1]) Это тотъ самый злой еретикъ Кленовъ, о которомъ Іосифъ упоминаетъ въ 16 словѣ своемъ.

[2]) Іосифъ былъ ученикъ Пафнутія Боровскаго, а Пафнутій былъ ученикъ ученика Сергіева (преподобнаго) Никона.

божію церковь отъ еретической скверны, такъ бы еси, государь, и о монастырехъ милость показалъ, чтобы не погибли отъ еретическаго зла [1]). Я тебѣ, государю моему, нищій твой и съ братьею челомъ бью и должные есмя Бога молити о твоемъ здравіи и спасеніи» [2]).

Къ великому князю Василію Ивановичу Іосифъ пишетъ о еретикахъ въ томъ же духѣ. Онъ настойчиво и рѣшительно требуетъ не щадить ихъ. Два такихъ посланія дошли до насъ. На одно изъ нихъ сохранился отвѣтъ Іосифу отъ Вологодскихъ старцевъ. И отвѣтъ и посланіе помѣщены въ XVI т. Древней Вивліоѳики [3]).

Іосифъ пишетъ: «грѣшника или еретика руками убити или молитвою едино есть». Старцы отвѣчаютъ: «кающихся еретиковъ церковь божія пріемлетъ простертыми дланьми. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій, пріиде бо и спасти погибшихъ». Іосифъ продолжаетъ: «Моисей скрижали разбилъ». Старцы возражаютъ на это: «Моисей руками скрижали разбилъ, то тако есть; но когда Богъ хотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господеви: «аще сихъ погубиши, то мене прежде сихъ погуби, и Богъ не погуби Израиля Моисея ради». На другіе примѣры строгости изъ ветхозавѣтной исторіи, приводимые Іосифомъ, старцы отвѣчаютъ: «еще жь ветхій законъ тогда бысть, намъ же въ новѣй благодати яви Владыко христолюбный союзъ, *еже не осудити брату брата*; не судите и не осуждени будете; примѣръ жены прощенной Спасителемъ; тако кійждо пріиметъ отъ Бога по дѣломъ въ день судный. Аще ты повелѣваеши, о Іосифе! брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и суботство будетъ и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидитъ». Іосифъ приводилъ въ примѣръ апостола Петра, разбившаго молитвою Симона волхва, и Льва епископа катанскаго, сжегшаго своей епитрахилью Ліодора, на что старцы ему возражали не безъ ироніи: «А Петръ апостолъ Симона волхва разби, понежь прозвася сыномъ божіимъ прелукавый злодѣй, при Неронѣ царѣ, и тогда достойный судъ пріятъ отъ Бога за

---

[1]) Іосифъ боится, чтобъ еретики не соблазнили монаховъ. Такъ или иначе но только многіе монахи стояли за еретиковъ, что видно будетъ ниже.

[2]) Рук. Толст. № 68. л. 205. Объ этой рукописи см. ниже.

[3]) Старцы Вологодскіе проповѣдуютъ чисто христіанскую любовь и вѣротерпимость. «Оле долготерпѣніе Божіе», восклицалъ Іосифъ въ «Просвѣтителѣ», призывая божью кару на еретиковъ; «Оле милосердіе Божіе», писали старцы, «Владыко человѣколюбче Господи! Праведныхъ любиши, а грѣшныхъ милуеши».

превеликую лесть и злобу. И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ или грѣшниковъ пожретъ земля» и далѣе: «А ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Кассьяна [1]) своею мантіею, донелѣ жь бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, а мы бъ тебя, яко единаго отъ трехъ отрокъ — изъ пламени изшелъ, да пріяли. Поразумѣй, господине, яко много разни премежъ Моисея и Иліи, и Петра и Павла апостоловъ да и тебя отъ нихъ».

Примѣчаніе: остальныя посланія Іосифа, писанныя имъ противу еретиковъ, оставлены мною до времени въ сторонѣ. Одно изъ нихъ, а именно посланіе къ Митрофану, архимандриту Андроникова монастыря, прекрасно пересказано — съ выдержками изъ текста — въ книгѣ Булгакова: Іосифъ Волоколамскій. С.-Петербургъ, 1865 года.

в) Жизнеописанія Іосифа Волоколамскаго.

Въ концѣ 1865 года изданы въ Москвѣ три житія Іосифа профессоромъ Невоструевымъ. Первое житіе преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, взятое изъ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря № 489, писанной въ XVI вѣкѣ, составленно неизвѣстнымъ. Она написано языкомъ чрезмѣрно искусственнымъ. Авторъ старается выражаться какъ можно мудренѣе, книжнѣе. Съ самаго начала онъ прибѣгаетъ къ сравненію: ведетъ рѣчь о лекарствахъ и послѣ долгаго разсужденія о пользѣ различныхъ врачующихъ снадобій переходитъ къ житіямъ св. мужей и не только великихъ божественныхъ мужей, но и сподвижниковъ: житія должны врачевать душу. Языкъ житія изобилуетъ древними формами и словами; складъ рѣчи обработанъ на подобіе слога каноновъ: Елма радостенъ отрокъ о семъ бываетъ, |яко мужа сего (Пафнутія) добродѣтели жала пріятъ въ души своеи| и любовію влечется къ нему: |тѣмже и самонуденъ неволникъ бывая;| оставляетъ отчьство свое и родъ и другы купно и пути косается. |Волокъ-бо-ламскій тому отчьство бѣяше, |отъ него же предѣлъ къ Боровску устремися| ища спасеннаго пути и доброжительства.

Второе житіе преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою, епископомъ Крутицкимъ, по рукописи синодальной библіотеки № 927 — 49. XVI в., писанной рукою Вассіана, архимандрита Возмицкаго монастыря, въ Волоколамскѣ. Москва 1865 г.

---

[1]) Кассьянъ — еретикъ, архимандритъ Юрьева монастыря.

Житіе это начинается интереснымъ предисловіемъ автора, со страхомъ и усердіемъ приступающаго къ прославленію Іосифа [1]).

Васъ самихъ приводя въ умиленіе, вашихъ же молитвъ требую, чтобы успѣшно и безпрепятственно начать и повѣсть о жизни сего преподобнаго. «Веліе ми желаніе быша во много время о семъ преподобнѣмъ, еже бы кто предалъ на память послѣднему роду — и никтоже изъяви о немъ — и тридцать (прошло) лѣтъ по представленіи его [2]). Азъ же о семъ скорбяхъ зѣло и дивихся, како такова свѣтильника, по св. Троицѣ поборника и православнѣй вѣрѣ отъ еретиковъ великаго заступника, и Божіихъ враговъ: жидовина Схаріа учениковъ, Новгородцихъ еретиковъ потребителя, истинную вѣру православную свѣтло утвердившаго и толико лѣтъ прежде никтоже о немъ изъяви о его трудолюбнѣмъ житіи».

«И обличаше мя совѣсть еже слышахъ, а иное и видѣхъ своима очима, дабы въ забвеніи не было въ семъ маловременнѣмъ житіи. Азъ же грѣшный пряхся въ помыслѣхъ: откуду и како дерзнути ми на сіе великое дѣло, предлагая свою грубость и неразуміе, и въ глаголѣхъ неискусна и свитія слову неучена и божественнаго писанія въ конецъ не знающа, но паки помыслъ безпрестанный понужаше мя, яже слышахъ и видѣхъ на среду изъявити. По семъ терпѣти ми не могущу извѣстихъ сія великому святителю, преосвященному *Макарію*, митрополиту всея руссіи — дрьзнухъ по благословенію и по повелѣнію великаго святителя, мало нѣчто изъявити, якоже и преже рѣхъ, *елико слышахъ и видѣхъ своима очима*». Тутъ авторъ говоритъ, что постриженъ былъ въ обители Іосифа и былъ у него въ послушаніи до самой кончины преподобнаго. «Не вѣмъ, како сподоби мя Богъ, еже своима рукама преподобное его тѣло и во гробъ положиши и святымъ его ногамъ коснухся и цѣловахъ со слезами».

Тутъ начинается самое:

Житіе и пребываніе вкратцѣ преподобнаго отца нашего игумена Іосифа града Волоколамска. Житіе это самое подробное изъ всѣхъ трехъ житій. Въ концѣ находится отдѣльная статья о князѣ

---

[1]) Пріемы — какъ писались житія святыхъ, особенно интересны. Авторъ чувствуетъ страхъ, потому что является какъ бы канонизаторомъ угодника. Святой признанъ за святаго во всей русской церкви тогда, когда появляется житіе и хвалебныя ему стихиры.

[2]) Между тѣмъ Досифей Топорковъ написалъ свое надгробное слово Іосифу гораздо ранѣе.

Юрьѣ, посланіе Іосифа, грамота духовная, отдѣльные разсказы объ Андреѣ Голенинѣ, Андреѣ Квашнинѣ, инокѣ Исихеѣ, сынѣ боярскомъ великаго Новаграда Димитріѣ Выповскомъ и о іереѣ Новгородскомъ.

Третье—надгробное слово преподобному Іосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова. Изъ синодальной рукописи № 927. Списано рукою того же архимандрита Вассіана.

Слово это явилось чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Іосифа, когда умеръ инокъ Квашнинъ; почти за 30 лѣтъ до житія, писаннаго Саввою. Современность автора Іосифу доказывается: «аще бо и во дни наша произыде Іосифъ и израсть плотію отъ среды насъ.»

Изъ этихъ житій выбираю факты, имѣющіе значеніе и интересъ:

1) Рожденіе и происхожденіе преподобнаго Іосифа.

Деревня Язвище — отчина прадѣда его, нарицаемаго Саня — пріѣхалъ изъ Литовской земли. Родословная Іосифа:

Саня.
|
Григорій.
|
Марина. Иванъ.

(Иванъ) Іосифъ. Вассіанъ Арх. Ростовскій и Ярославскій. Елеазаръ.

Досифей Топорковъ [1]. Вассіанъ Еп. Коломенскій.

2) Дѣтство и отрочество.

Учился грамотѣ въ монастырѣ Воздвиженія, у старца Арсенія *Леженки*. Читалъ и пѣлъ такъ, что люди дивились; прежде всѣхъ появлялся въ церкви; разсуждалъ о скоротечномъ житіи: оно есть дымъ, сонъ, тѣнь. Молился о наставникѣ. Дружба его съ вельможнымъ отрокомъ Борисомъ Кутузовымъ [2], который полюбилъ его за чистоту и цѣломудріе. Отецъ и мать то тужили, то радовались, видя наклонность сына къ иночеству. Отрокъ все выспрашивалъ объ обителяхъ и въ нихъ живущихъ старцахъ. Услыхавъ о святомъ старцѣ Варсонофіѣ *Неумоѣ*, пошелъ къ нему, въ обитель св. Саввы. Придя въ монастырь, онъ былъ недоволенъ. Варсонофій сказалъ ему: неудобно ти, чадо, въ здѣшнихъ монастырѣхъ жити, но иди

[1]) Взялъ новую фамилію, что не рѣдко случалось.

[2]) Свѣдѣнія о Кутузовѣ у Карамзина. Т. VI, пр. 286. Посланіе къ нему Др. В. Т. XIV стр. 177 — 203 (по указ. Невоструева).

къ пр. Пафнутію въ Боровскъ [1]). *Текомъ течаше* въ Боровскъ. Пафнутій постригъ его въ лѣто 6978 — (1460).

3) Пафнутій Боровскій наставникъ и духовный воспитатель Іосифа.

Иванъ (мірское имя Іосифа) застаетъ Пафнутія за рубкой дровъ, работающаго топоромъ и перетаскивающаго деревья. Иванъ ожидаетъ окончанія работы и только тогда падаетъ къ ногамъ игумена [2]). Іосифъ, по постриженіи, поступаетъ въ поварню, а потомъ *въ хлѣботворницю*, такъ какъ онъ былъ тѣломъ крѣпокъ и могъ поднять тяжесть такой работы. Много-трудна была работа эта, такъ какъ ядущихъ было множество [3]). Пафнутій видѣлъ, что у него крѣпкій непоколебимый умъ *и яко невредитъ ему материна любовь*, велѣлъ отца взять къ себѣ въ монастырь, а матери послать грамоту. Мать постриглась въ обители св. Власія, на Волоцѣ, подъ именемъ Маріи [4]). 15 лѣтъ Іосифъ служилъ больному отцу своему. Пафнутій предрекъ, что Іосифъ поставитъ монастырь не менѣе Боровскаго, и передъ кончиной передалъ ему игуменство.

4) Внутренняя жизнь въ монастыряхъ того времени.

Въ монастырѣ Саввы Іоаннъ убѣжалъ съ трапезы, ничего не ѣвши, потому что услышалъ сквернословія отъ мірянъ (см. у Саввы). Въ монастырѣ Боровскомъ по предложенію Іосифа, уже игумена, братія не согласилась устроить все общее. Іосифъ предъ тайнымъ отшествіемъ изъ Боровскаго монастыря созываетъ совѣтъ старцевъ, гдѣ являются братья Іосифа, Акакій и Вассіанъ, Кассіанъ Босый и Герасимъ, по прозванью Черный; — рѣшили идти Іосифу во всѣ русскіе монастыри. Описаніе благочинія Кирилова монастыря (у Саввы). Іосифъ думалъ, что Кириловъ монастырь одинъ только соблюдаетъ *неврежены уставы* (у неизв.). Въ Саввиномъ монастырѣ за всенощной крилошане пошли «прохладиться во время чтенія, яко имъ обычно. Игуменъ же зря сѣмо и овамо и отъ стыда не могый ничто глаголати» (у Саввы).

---

[1]) Ж. Саввы.

[2]) Житіе составлено неизвѣстнымъ.

[3]) Стр. 9 у неизвѣстнаго.

[4]) См. жит. Саввы. Святые отцы сдѣлали уступку нѣжности сыновней любви, какъ будто утѣшили мать, послав ей граматку и оставивъ ее одинокою. Бѣдная женщина въ послѣдствіи приходила къ сыну, но не была допущена къ нему и вслѣдъ затѣмъ умерла. Передъ смертью она *къ слезамъ приложила слезы* а говорила: «здѣ не получихъ любимаго ми сына видѣти». Ей показалось, что за ней пришли три Маріи — «и отъиде съ Маріями въ животъ вѣчный» (у Саввы).

Въ монастырѣ Боровскомъ, кромѣ иноковъ и наемныхъ работниковъ, кормились на трапезѣ и тѣ, которые приходили въ монастырь пользы ради душевной, и нищіе и странные и мимоходящіе; многіе брали хлѣбъ съ собою.

5) *Жизнь и подвиги въ монастырѣ Іосифа.* Свѣдѣнія о строгомъ уставѣ Іосифова монастыря см. ниже: *Уставъ Іосифа.* Въ житіяхъ сказано, что на больныхъ и на старцевъ постовъ не полагали. Самъ игуменъ навѣщалъ ихъ и поучалъ (у неизв. стр. 72). Какъ недостатокъ выставляется то, что въ монастырѣ монахамъ во время общаго голода недостало на братію калачей и квасу медвянаго — точію хлѣбъ и рыбы и квасъ житный. Игуменъ строго смотрѣлъ за братіею, въ глубокій вечеръ тайно ходилъ по кельямъ, и когда слышалъ бесѣдующую братію послѣ вечерни, то ударялъ по окну, назнаменуя приходъ свой. Братія такъ жили, что замковъ у келій не бывало; а когда они мыли бѣлье свое, то такъ на рѣчкѣ и вѣшали; день и ночь оно висѣло, и никто не смѣлъ прикоснуться (у Саввы).

Іосифъ мѣльницы не бралъ, но самъ своими руками мололъ жито. Одинъ инокъ, принятый пр. отцомъ, со страхомъ сказалъ ему: «что дѣлаешь, отче? оставь мнѣ» и перемѣнилъ его, но не смогъ такъ работать какъ Іосифъ и, уходя изъ обители, сказалъ: «не перемолоть мнѣ игумена» (у Досиф. Топоркова). Монахи клали по двѣ и по три тысячи поклоновъ на день; иной носилъ панцырь на голомъ тѣлѣ подъ *свиткою*, а иной сидя спалъ. У обѣдни всѣ бывали безъ шубъ, въ одной ризѣ. «Была зима вельми студена, яко птицамъ зябнути» — они и тутъ поминали тартаръ. Діонисій трудолюбецъ (отъ Звенигородскихъ князей) по три тысячи поклоновъ клалъ (у неизвѣстн.).

6) *Вліяніе монастыря Іосифова на Волоцкую страну.* «Вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся». Іосифъ говорилъ господамъ, чтобы были добры къ рабочимъ: какъ обнищавшій пахарь дастъ дань? какъ сокрушенный нищетою будетъ кормить домъ свой? Которые его слушали обогащались *и мнози тяжаріе стоы своя участиша и умножиша житъ себѣ и бѣгаше Іосифъ во всей странѣ той, яко свѣтило сіяше* (у неизв.). Когда окрестные земледѣльцы теряли лошадь или корову — кормилицу семьи, то Іосифъ покупалъ имъ вновь таковыхъ же. Во время сильнаго голода народъ стекался въ монастырь за хлѣбомъ; «числомъ 7000, опричь малыхъ дѣтей» (у Саввы); Іосифъ собралъ брошенныхъ родителями дѣтей и построилъ домъ имъ.

7) *Отношеніе великихъ князей, князей и другихъ сильныхъ лицъ того времени къ Іосифу и его монастырю.* Державный великій князь Иванъ Васильевичь принялъ Іосифа, по смерти Пафнутія, съ любовью (у Саввы). Когда Іосифъ странствовалъ, державный велѣлъ искать его, и не далъ имъ игумена, пока не извѣстятъ, живъ или нѣтъ Іосифъ (тамъ же). Братъ его князь Волоцкій Борисъ Васильевичь обрадовался, когда Іосифъ пришелъ въ лѣсъ града Волоколамска, и далъ ему своего охотника для отысканія угодья. Когда монастырь создался, этотъ князь часто ѣздилъ ко всеношной и первый далъ монастырю село (Отчищево). Жена его дала село Успенское (у Саввы); когда у Бориса родился сынъ Иванъ, то Іосифъ былъ назначенъ воспріемникомъ (тамъ же по поводу болѣзни кн. Ивана). Князь Ѳедоръ Борисовичь одинъ только онъ относится враждебно къ Іосифову монастырю: требуетъ угощенія, чтобы наряжалъ на меня пиры и дары, а держалъ бы меды и вина, а квасовъ бы не держалъ, но потомъ проситъ прощенья у Іосифа (у Саввы).

Державный великій князь Василій Ивановичъ пріѣзжаетъ, во время голода, въ монастырь и привозитъ съ собою припасы, и услыхавъ, что Іосифъ кормитъ столько народу, велѣлъ дать изъ своихъ селъ ржи и овса. То же сдѣлали братья его Юрій и Семенъ (у Саввы). Кромѣ того Юрій или Георгій Ивановичъ не велѣлъ своимъ властямъ судить крестьянъ монастырскихъ и никакихъ даней не бралъ съ монастырскихъ селъ, чести ради храма Богоматери и любве ради Іосифа. У Саввы въ сказаніи о князѣ Юрьѣ разсказано, что когда старцы Іосифова монастыря пришли къ Василію Ивановичу ходатайствовать предъ нимъ за брата его князя Юрья Ивановича, то князь великой *яро воззрѣвъ нань:* почто пріидосте? что дѣло? Кассіанъ [1]) старецъ на это возразилъ ему: «не такъ по«добаетъ державному яро вопрошати, не увѣдѣвъ отъ посланныхъ «рѣчей, но подобаетъ державному преже съ кротостію и съ сми«реніемъ увѣдѣти отъ устъ глаголемая, и аще будемъ достойни «вины—и тогда мы пред'тобою. И князь великій въставъ и мало «осклабися и рече: простите, старцы, яко поглумихся. И снемъ «царскій вѣнецъ поклонися и вопроси о здравіи отца Іосифа; они «же отвѣщаша подобающая и изрекоша о немже прислани вся по«тонку. Князь державный нача благодарити Іосифа, яко, рече, ве-

[1]) Кассіанъ, по прозванію Босой, старецъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ монастырѣ, крестный отецъ Іоанна Грознаго.

«ліе зло укроти — и старцемъ великое угощеніе учини и по брата «Юрья въ той часъ посла съ великою любовію» [1]). Іосифу старцы привезли поклонъ и ласковое слово. По смерти Іосифа Василій Ивановичъ сказалъ старцамъ его монастыря: «азъ у васъ прикащикъ: аще ли не станете хранити, азъ исправлю и вамъ будетъ не зѣло любо» (у Саввы). Постриженниками Іосифова монастыря, при жизни основателя, были: Іона, зовомый Глава — воспитатель и приставникъ сыновей державнаго владыки Волоцкаго, Ѳеодора и Ивана. Изъ страха наказанія, когда воспитанникъ его сталъ заикаться, притекъ онъ въ монастырь Іосифа. Діонисій, изъ звенигородскихъ князей; Нилъ Полевъ, свѣтлѣйшій при князѣ Волоцкомъ, служившій въ Рузѣ, у Ивана Борисовича, и у дмитровскаго князя Георгія. Голенинъ изъ ростовскихъ князей [2]) *предстоялъ саноржцемъ*, а братъ его мірянинъ Епифаній предстоялъ Волоцкому (стр. 62 неизв.). Андрей Квашнинъ, по реклу невѣжа — послѣ своего постриженія бѣжалъ въ Кириловъ монастырь (впалъ во искушеніе), и по прибытіи туда палъ мертвъ. Родственники привезли его обратно къ Іосифу водою (у Саввы).

8) *О борьбѣ Іосифа съ ересью жидовствующихъ.* (См. у Саввы стр. 37). У неизвѣстнаго: царская письмена Іосифа на соборъ (2-й соборъ) призваша, и дивенъ явися всѣмъ добродѣтели ради и свѣтлости слова; тамъ же упомянуто о спорѣ за монастырскія имѣнія. Объ отношеніи Іосифа къ Серапіону разсказано и у Саввы, и у неизвѣстнаго. И въ томъ и другомъ упомянуто, что Іосифъ подъ конецъ помирился съ Серапіономъ. Серапіонъ обвиняется только въ томъ, что послушалъ совѣта злыхъ людей. У неизвѣстнаго прибавлено, что и князь Ѳедоръ Волоцкій, виновникъ ссоры св. мужей, примирился съ Іосифомъ; лучшее село свое завѣщалъ монастырю и былъ погребенъ въ монастырѣ Волоколамскомъ.

9) *Личность Іосифа.* Что касается до внѣшняго вида Іосифа, то у Досифея о немъ сказано: «возрастомъ умѣренъ бѣ и лицомъ

[1]) Юрій палъ великому князю въ ноги, и великій князь веселился съ братомъ до глубокаго вечера и одарилъ его и боляръ—и отпустилъ въ 9 часу (въ 3 утра).

[2]) У неизвѣстнаго есть интересный разсказъ о постриженіи Голенина: онъ выѣхалъ на охоту съ соколами, съ множествомъ слугъ и съ отроками (свѣтло и многоимѣнно), на богатыхъ коняхъ, въ дорогихъ одеждахъ съ множествомъ серебряныхъ украшеній; вошелъ въ церковь, припалъ къ отцу — отдалъ все имѣніе свое Богородицѣ. Іосифъ тутъ же постригъ его, а онъ, выйдя изъ церкви, объявилъ людямъ своимъ свободу.

«благообразенъ, по древнему Іосифу, браду имѣя окружену и дол-«жиною мѣрну, темнорусъ, въ старости сѣдъ, сѣдинами сіяя, въ «срѣтеніи веселъ, и благоугодливъ» (стр. 15).

«Въ доброгласіи церковныхъ пѣснословій и чтеніи какъ ластовица и соловей доброгласный» услаждалъ онъ слушателей. Въ бесѣдѣ божественное писаніе держалъ памятью, на кончикѣ языка (на край языка) (тамъ же). Въ Кирилловѣ монастырѣ Іосифъ поразилъ искусствомъ пѣть псалмы (неизвѣстн. 20—21). Въ Саввиномъ монастырѣ Іосифъ не хотѣлъ читать, чтобы по искусству чтенія въ немъ не признали игумена (у Саввы).

10) *Характеръ и образъ дѣйствій Іосифа.* Замѣчательная черта характера Іосифова (у Саввы): когда Іосифъ узналъ, что къ нему пришла мать—«повелѣ ей возвратитися въ келію свою: мене, рече, не узриши въ здѣшнемъ житіи» (у Саввы). Іосифъ юношею изображенъ у Саввы, (впечатлительность его, настойчивость — *«пыташе объ обителяхъ»*). Личность его, какъ основателя монастыря, какъ настоятеля, умѣвшаго держать монастырь въ рукахъ, живо представляется въ житіяхъ; она та же, какою мы познаемъ ее, по уставу его, письмамъ его, по сказанію о монастыряхъ въ русской землѣ. Какъ Іосифъ дѣйствовалъ своею личностію на другихъ, видно изъ того, какъ всѣ относились къ его монастырю.

Голенина, какъ мы видѣли, игуменъ постригъ, воспользовавшись минутой, безъ всякихъ приготовленій. Когда привезли въ монастырь Іосифа его больнаго крестника, князя Ивана Борисовича Волоцкаго, и его бояре и отроки подняли плачь, Іосифъ велѣлъ замолчать всѣмъ, всѣхъ выслалъ вонъ, оставивъ одного старца Кассіана Босаго; князь ожилъ, покаялся завѣщалъ свое тѣло обители — и село Спасское въ Рузскомъ уѣздѣ (у Саввы).

Когда князь Ѳедоръ требовалъ, чтобы Іосифъ «наряжалъ на него пиры и дары, держалъ бы меды и вина, а квасовъ бы не держалъ», — Іосифъ сперва далъ мѣсто гнѣву, хотѣлъ уйти; потомъ началъ князя утѣшать *мздою:* послалъ къ нему иконы, *Рублева письма и Діонисіева*, также и платье постригшихся, коней и всякія вещи. Когда князь Юрій пришелъ къ Іосифу и плакалъ предъ нимъ, Іосифъ далъ ему совѣтъ: преклонить главу предъ помазанникомъ божіимъ и не противиться брату. На просьбу князя ѣхать къ государю, Іосифъ отвѣчалъ: повѣри, господине, яко зѣло ми голова болитъ, не мощно и черезъ монастырь пройти. Но когда князь сталъ горько плакать, то Іосифъ забылъ болѣзнь свою и по-

ѣхалъ съ нимъ, но отъ головной боли возвратился. Князь подумалъ, что Іосифъ не хочетъ, но потомъ просилъ послать старцевъ; Іосифъ послалъ ихъ (у Саввы).

11) *Чудесное въ жизни Іосифа.* До прихода Іосифа въ лѣсъ, крестьянинъ по имени Жукъ слышалъ звонъ. Молнія, въ ясный день, освѣтила то мѣсто, гдѣ Іосифъ основалъ обитель. Во время голода чудеснымъ образомъ христолюбцы помогли монастырю хлѣбомъ и деньгами. Іосифъ предчувствуетъ свою смерть, умираетъ въ церкви во время пѣнія: Святый Боже. Ненавистники Іосифа мгновенно наказываются, Іосифъ исцѣляетъ ихъ. (Іерей Новогородскій (у Саввы [1]), сынъ боярскій Димитрій Выповской; искусившійся Кваснинъ (тамъ же). Іосифъ прозрѣлъ побоище подъ Оршою. Исцѣленіе бѣсноватаго (у Досифея). Хотѣвшіе истребить книги Іосифа объяты были страхомъ и отдали книги ученикамъ его. Хлѣбы Іоны Главы исцѣляютъ отъ лихорадки и водяной. Инокъ, простолюдинъ Виссаріонъ, названный за простоту свою Селифономъ, видѣлъ надъ главою Іосифа бѣлаго голубя и спросилъ: «зачѣмъ Іосифъ въ церкви голубя держитъ?»; когда догадались, что то было видѣніе, то Іосифъ велѣлъ объ этомъ молчать.

г) Уставъ Іосифа Волоцкаго.

Рукопись Императорской публичной библіотеки изъ Толстов. собранія № 68 отд. II [2]). Въ ней: *Уставъ Іосифа Волоцкаго* (л. 107) *монастырю имъ устроенному о соборной молитвѣ;* какъ надо спѣшить на нее, какъ дьяволъ располагаетъ ко сну; какъ онъ вторгается въ помыслы, когда они не направлены къ Богу, какъ въ пустую храмину. Замѣчателенъ примѣръ св. Венедикта, который

[1]) Замѣчательно, что ненависть питалъ къ Іосифу іерей и боярскій сынъ — оба изъ Новгорода. Новгородцы, которые изъ-за Іосифа лишились своего архіепископа Серапіона, никакъ не могли сочувствовать игумену Волоколамскому, перешедшему съ монастыремъ своимъ изъ новгородской епархіи къ Москвѣ. Во 2-й новгородской лѣтописи стр. 148, подъ годомъ 7024 сказано: *въ седмомъ лѣтѣ послѣ сведенія изъ Новагорода архіепископа Серапіона, смирился князь великій со архіепископомъ Серапіономъ, а кто на него не постоялъ, Василій Андреевичъ Челяднинъ, и владыко Ростовскій Вассіанъ и братъ его Іосифъ и того лѣта вси умерли....*

[2]) Написанная архимандритомъ Ново-Спасскаго монастыря Нифонтомъ, бывшимъ съ 1554 года епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, и, по его завѣщанію, данная вкладу въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь; на 356 листахъ (по каталогу Строева).

билъ жезломъ брата, любившаго ходить во время пѣнія и глумиться. Святому видѣлось, что съ этимъ монахомъ ходилъ бѣсъ въ образѣ муріна. Другой примѣръ Іерусалимскихъ церковниковъ: отъ нихъ шелъ смрадъ, и святый старецъ сказалъ, что очистить ихъ можно не иначе какъ огнемъ. Нашли вскорѣ Персы и *сожгли церковниковъ.*

Въ церкви монахи должны «поклоненіе и цѣлованіе съ мірянами сотворити», если же мірянинъ начнетъ бесѣдовать, то остановить.

На молитвѣ ноги о ноги не переставляти и отъ мѣста *не преходити, ниже осланятися спиною.*

Нельзя бесѣдовать на трапезѣ, *ибо свинія питающи кротится....* Примѣръ изъ Нифонта: о ангелахъ, служащихъ за трапезою. Какъ слѣдуетъ угождать болящимъ и не раздражать ихъ; оскорбленіе болящаго оскорбляетъ сотворшаго его. Никто изъ братій не можетъ ни ѣсть, ни пить въ келіи. Братія *сходится у погреба квасъ пить;* настоятель можетъ разрѣшить питіе и яденіе въ кельѣ, и то въ крайности. Разсужденіе о безполезности насыщенія и о вредѣ чревообъяденія. Монашеское тайноядѣніе наказывается, въ примѣръ чего приводится смерть одного монаха, котораго змѣй связалъ по рукамъ и по ногамъ, а главу вложилъ въ уста.

Два кушанья у монаховъ. Какъ поступать, когда кто нибудь изъ братіи не можетъ есть одного какого нибудь кушанья: дать ему подобное первому кушанье, или калачъ, рыбнаго нельзя давать два раза.

Одежда: мантія, шуба, ряска, свитка, скуфья, чулки, сапоги. Монахи дѣлятся на три разряда по одеждамъ: одни имѣютъ только ветхую мантію; другіе ряску, мантію, шубу и проч.; третьи всего по двѣ; по три запрещается, впрочемъ третью шубу можно имѣть вмѣсто второй ряски. Безъ благословенія келаря, нельзя взять доски, гвоздя ни другой какой вещи; безъ благословенія пономаря — ни одной церковной вещи. Безъ благословенія уставщика, ни одной буквы нельзя вписать въ книги. Повечеріе. Трактатъ о послушаніи по поводу того, что монахи безъ благословенія выходить изъ монастыря не могутъ. Примѣры Марка, Іоанна Дамаскина, но всего сильнѣе примѣръ Павла простаго. Онъ по приказанію своего старца толокъ воду, сшивалъ мантію, которую на глазахъ его старецъ разрывалъ и вновь ему же приказывалъ сшивать ее. Недѣлю продержалъ его старецъ на солнечномъ припекѣ безъ пищи и питія. Когда наконецъ онъ возвратился, старецъ велѣлъ ему тотчасъ пле-

сти финиковыя вѣтви и снова расплести, потомъ посадилъ его за столъ съ яствами и не велѣлъ ни до чего касаться и вслѣдъ затѣмъ выслалъ его въ пустыню на 3 дня и далъ ему сосудъ съ медомъ. Іосифъ восхищается послушаніемъ Павла.

Нельзя впускать въ монастырь женъ. *О робятахъ голоусыхъ: злыйши бо суть женъ отрочата на инокы* и какъ ихъ не пускать въ монастырь ни по какимъ дѣламъ.

Вслѣдъ за уставомъ помѣщена въ той же рукописи *Духовная* (л. 201) Іосифа, которою онъ поручаетъ дорогое дѣло рукъ своихъ великому князю Василію Ивановичу: «Во имя святыя единосущныя «Троицы и т. д. предаю монастырь своихъ трудовъ и своея братіи «Господу Богу Вседержителю, и Пречистой его матери, и благовѣр«ному и христолюбивому самодержцу и государю всея русскія земли «великому князю Василію Ивановичу. И ты бы, государь князь ве«ликій, Василій Ивановичъ всея Руси, Бога ради и Пречистыя Бо«городицы пожаловалъ, смиловался, поберегъ пречистыя монастырь. «И кого, государь пожалуешь послѣ меня, велишь быти игуменомъ, «и тотъ бы игуменъ, да и братія, кои бы жили по моему преданію, «какъ я имъ написалъ, и ко игумену повиновеніе имѣли. А иже «не восхощетъ по моему преданію жити игуменъ или которая бра«тія и имутъ нѣчто обща-сожитія чинъ разоряти, о семъ убо тебѣ, «своему государю, челомъ бью, и со слезами молюся, да не попу«стиши сему быти, но не хотящая по моему преданію жити, ино «тѣхъ изъ монастыря изженути, яко да и прочая братія страхъ «имуть [1]). Милость же Божія и Пречистыя Богородицы да есть всегда «съ тобою и твоею благочестивою княгинею, соблюдая и сохраняя «господство и державу твою въ мирѣ и въ правдѣ — въ родъ и родъ».

Л. 217. *Посланіе къ нѣкоей княгинѣ, вдовѣ давшей на сорокоусты и пожалѣвшей* [2]).

«Госпожѣ моей княгинѣ Маріи княжъ Ондрѣеве Федоровича «грѣшный чернецъ Іосифъ челомъ бью».

---

[1]) Какъ въ этихъ словахъ опять сказывается страстная натура Іосифа; онъ съ ревностью любитъ то, что самъ создалъ. Въ этомъ видѣнъ не просто игуменъ, а создатель и устроитель монастыря, который впродолженіе 36 лѣтъ велъ монастырь свой по собственной мысли и уставу.

[2]) Заглавіе этого посланія невѣрно: дѣло не въ сорокоустѣ, а въ годовомъ поминаніи; княгиня не жалѣетъ о томъ, что уже дала она за души своихъ покойниковъ: она только высчитываетъ свои вклады и требуетъ таковаго поминовенія, на какое, по монастырскому обычаю, она не имѣетъ права.

Цитируетъ Аѳанасія великаго, Іеремію пророка. Исчисляетъ всѣ дни, когда въ монастырѣ поминаютъ умершихъ и на просфорахъ, на обѣднѣ, и когда служатъ соборныя панихиды «и ея князь и дѣти записаны въ годовую книгу и ихъ поминаютъ». Сообща поминаютъ митрополита и епископовъ «поютъ обѣдню и понафиду соборную «по всѣхъ — ино тамъ написаны всѣ великіе князья и удѣльные. «А толко, пѣти за всякаго по понафидѣ да по обѣднѣ по опри- «ней всегда — ино тому быти не мочно». Далѣе онъ доказываетъ, что число именъ несоразмѣрно платѣ, данной княгинею. Мы только поминаемъ родство тѣхъ, кто у насъ въ монастырѣ погребенъ — ино тѣхъ и даромъ *пишютъ. А на нищихъ Богъ не истязуетъ, а богатіи кождо по своей силѣ истязанъ будетъ. Хотя кто и в'черньцы пострижется богатой, а не дастъ по своей силѣ, ино его не вельно поминати.* А что еси писала о томъ, что дати *К (20) рублевъ на семь лѣтъ, ино то грабежъ, а не милостыня.* Но не грабежъ чинимъ мы съ тобою, *а совѣтъ произволенія, на волѣ твоей и на нашей. А такъ есмя чинили совѣтъ и съ прежними, которые чинили годовое поминаніе, а грабежемъ того никто не наречетъ, занеже вѣдомо всѣмъ. Да и то вѣдомо — даромъ священникъ ни одной обѣдни, ни понафиды не служитъ — да и своими бо проскурами и виномъ, и теміяномъ, и свѣчами, и кутьею, и кануномъ.* Если по деньгѣ давать въ день, то на годъ не мало надо дать, а если къ обѣднѣ присоединить панихиду, да литію, то и по полуденьгѣ придется. *А у насъ* идетъ священникамъ на всякомъ сборѣ по 4 деньги на человѣка, а въ простые дни *по 2 деньги.* Поминаніе пишутъ по всѣмъ монастыремъ и соборнымъ церквамъ, учинившіе ряду. «И князи и бояре давали села на то, ино того ради во «всѣхъ монастырехъ земли *много.* А и въ нашемъ монастырѣ — но «князи по Иванѣ дали село Успенское, да село Спасское, да село «Покровское далъ при себѣ князь Борисъ Васильевичъ и велѣлъ «молитися о своемъ здравіи и спасеніи, а послѣ своего живота ве- «лѣлъ себе вписати въ то же поминаніе въ годовое. А князь Иванъ «Васильевичъ Хованьской далъ грамоту, велѣлъ давати по одномъ «себѣ дѣтямъ своимъ по сту четвертей хлѣба. А владыка Новаго- «родскій Генадій далъ монастырю село Мечевьское, да двѣ деревни, «да сельцо Чемесово въ Рузѣ, да колоколъ во сто рублевъ. А Гри- «горій Собакинъ купилъ у Михаила у Коровы семь деревень, да «у Никиты у Копытентикова сельцо да двѣ деревни. Князь Семенъ «Ивановичъ Бѣльской прислалъ двѣстѣ рублевъ, а велѣлъ пытати,

«гдѣ бы земля купити монастырю, а велѣлъ писати въ годовое по-
«минаніе отца да матерь да себя третіего. Да, которые писалися
«въ годовое поминаніе всѣ тѣ написаны въ сеноникy — какъ ихъ
«поминати, и какъ по нихъ кормѣмъ быти и что кто далъ по себѣ
«отъ того поминанія, чтобы было незабвенно въ вѣкъ. А такъ
«не пишутъ въ годовое поминаніе, какъ ты велѣла. Князь Борисъ
«Васильевичъ да княгиня Ульяна, да князь Иванъ Борисовичъ какъ
«жаловали и милостыню давали — да того не считали, коли себя ве-
«лѣли писать въ годовое поминаніе, занеже вѣдомо: въ нашемъ
«монастырѣ обычай — сколько Богъ пошлетъ, столько и разойдется.
«Надобе церковныя вещи строити, святыя иконы и святые сосуды,
«и книги, и ризы, и братство кормити и поити, и одѣвати, и обу-
«вати и иные всякія нужи исполняти, и нищимъ и страннымъ, и
«мимоходящимъ давати и кормити. А расходится на всякой годъ
«по полутораста рублей деньгами, а иногда болѣ: занеже на всякъ
«день въ трапезѣ ѣдятъ. Ино того ради государи наши и другіе,
«которые писали имя свое — давали монастырю села, давали и хлѣба,
«и денегъ, а владыка Новогородской тоже давалъ: исчести не мощно
«его жалованье. Да какъ я захотѣли въ годовое поминаніе писати
«на вѣки и они того въ ряду не положили. А что еси писала: дала
«еси по своемъ князѣ и по своихъ дѣтехъ болѣ семидесяти рублевъ,
«ино елико уставила еси цѣну *плати ю*»... Тутъ Іосифъ высчи-
тываетъ княгинѣ все, что она давала; укоряетъ ее за то, что она
сама считаетъ въ числѣ этихъ семидесяти рублей все, что давала
на панихиду и поминовеніе въ продолженіе пятнадцати лѣтъ; за
то, что она требуетъ внесенія своихъ покойниковъ въ годовое по-
миналіе, не смотря на то, что за все это время ничего объ этомъ
не писала и *не рядилась*.

«И ты дала 11 рублей да два мерина, а велѣла еси писати въ
«сеноникъ князя Афанасія, да и отца своего Ивана, да сына своего
«Ивана; и ты писала въ сеноникъ, а не въ годовое поминаніе, ино
«тѣхъ тогда же написали въ сеноникъ и поминаютъ во вѣки. Да
«ты писала еси: когда Богъ взялъ сына твоего князя Семена, и ты
«по немъ дала шубу да два мерина, и велѣла еси его вписати въ
«сеноникъ и поминати его во вѣки. Да о томъ слова не было, что
«его поминаютъ въ годовомъ поминаніи во вѣки, и сама еси такъ
«написала, въ своей грамотѣ нынѣ, что еси не оброчивалася, ни
«рядилася? Въ поминаніе не пишутъ безъ ряды. А кому въ поми-
«наніе писатися — и онѣ рядятся, или на всякой годъ давати, уро-

«комъ, деньги, или хлѣбъ, или село по комъ дадуть — ино его въ «вѣки напишють въ годовое поминаніе. Да что бы еси, госпоже, «на меня о томъ не бранилася, что есми написалъ къ тебѣ подлин- «никомъ о монастырскомъ обычаѣ, и какъ пишются въ годовое по- «минаніе на вѣкъ, занеже, госпоже, то вамъ — вѣдомо. А я тебѣ, «своей госпожѣ, челомъ бію».

Той же рукописи листъ 222.

Посланіе Іосифа къ нѣкоему вельможѣ зазирающу ему о бывшей брани со архіепископомъ Серапіономъ великаго Новграда и Пскова. Это длинное посланіе весьма интересно; въ немъ много данныхъ для характеристики Іосифа и его убѣжденій. Начало этого посланія просто, безъискусственно; во второй половинѣ оно переходитъ въ проповѣдь, обличительное слово, гдѣ каждая отдѣльная часть замыкается фразой Серапіона — фразой, которая послѣ цѣлаго ряда опроверженій противъ нея, снова возбуждаетъ читателя противъ архіепископа, дерзнувшаго думать и говорить такъ: «воленъ князь въ своемъ монастырѣ: хочетъ — грабитъ, хочетъ — жалуетъ». Въ посланіи этомъ, какъ и въ «Просвѣтителѣ», Іосифъ приводитъ св. отцовъ, ихъ правила, соборныя посланія, и все это въ большемъ количествѣ указаній, подобно тому какъ и въ уставѣ онъ обращается къ житіямъ святыхъ, и въ примѣрахъ, наглядно, доказываетъ и подтверждаетъ свое мнѣніе. Кромѣ литературнаго значенія и данныхъ для изученія начитанности Іосифа, посланіе это имѣетъ историческій интересъ. Изъ него видно, какъ Іосифъ оправдываетъ отношеніе свое къ князю московскому, какъ объясняетъ распрю свою съ Серапіономъ и какъ высказывается въ пользу державнаго. Кромѣ того — историческіе примѣры изъ времени Василія Дмитріевича и Василія Васильевича, какъ поступали они съ князьями удѣльными, когда дѣло касалось монастырей.

По содержанію своему посланіе можно раздѣлить на двѣ части: въ первой Іосифъ доказываетъ, что нельзя бить челомъ и просить прощенія у отлученнаго епископа; во второй обвиняетъ Серапіона. Обвиняетъ его въ томъ: 1) что онъ не имѣлъ права отлучить игумена безъ суда; 2) въ томъ, что онъ не правъ былъ, относясь съ гордынею къ великому князю; 3) что не правъ онъ былъ въ дѣлѣ князя Волоцкаго съ Іосифомъ. Все это подтверждается примѣрами и указаніями изъ священнаго писанія (Библіи, правилъ Вселенскаго собора и разныхъ отцовъ церкви).

Въ концѣ посланія онъ увѣряетъ вельможу, что лучше всего убѣдиться въ истинѣ и убѣдить въ ней самаго Серапіона; что онъ пишетъ для того, чтобы получившій его посланіе прочелъ все это Серапіону, а тотъ позналъ бы свое преступленіе, «занеже, господине, всѣмъ людямъ жаль его».

«Господину моему Ивану Ивановичю грѣшный чернецъ Іосифъ «нищій твой, господине, челомъ бію. Что еси, господине меня жа«ловалъ, приказывалъ ко мнѣ съ моими старцы: съ Іоною, да съ «Гурьемъ, чтобы я билъ челомъ бывшему архіепископу Серапіону— «да у него прощался? И язъ тебѣ, господину моему, на томъ че«ломъ бію, что мя жалуешь, попеченіе имѣешь о моей душевной «пользѣ. Да Бога ради, господине, не побрани на меня о томъ, «что есми и тобѣ не отписалъ о томъ долго, которыя ради вины «не прощаюся, ни бью челомъ. Тогда же, господине, хотѣлъ есми «и тобѣ отписати, ино господине, не до того пришло: посѣтилъ «Господь Богъ немощію; уже полтретья года на одрѣ лежу, на всякъ «часъ смерти чаю. Да какъ, господине, сея весны былъ у насъ Ѳео«досій иконникъ, и онъ ми сказывалъ, что добрѣ о томъ пытаешь. «А вѣдаю, господине, что ми добра хочешь. Да мнитмися, что мало «еси читалъ правила святыхъ отецъ; ино ти, господине, то дѣло «не во искусѣ. И я того ради тебѣ нынѣча написалъ мало нѣчто «свидѣтельствъ священныхъ правилъ о томъ. Ино, господине, свя«щенная правила не повелѣваетъ у того епископа прощатися, ко«торый отъ старѣйшаго архіерея и первосвятителя и всѣхъ святи«телей и отъ всего священнаго собора осужденъ и не благословенъ «и сана отверженъ, и епископъ отлученный на мѣстѣ простыхъ лю«дей стоитъ. И какъ разрѣшать тому, кто самъ связанъ: меня «одинъ онъ отлучилъ, и я не смѣлъ причаститися, а уже есмы «тогды въ велицей немощи доколѣ прощеніе взялъ и грамоту, въ «ней же мнѣ писано прощеніе и благословеніе въ сей вѣкъ и въ «будущій отъ преосвященнаго Симона митрополита всея Руси и «архіепископа и святителей, а Серапіона не благословили, и отлу«чили и сана извергли, старѣйшій архіерей, и прочіе святители «по свидѣтельству священныхъ правилъ. А меня отлучилъ въ про«тивность всему божественному писанію, паче же священнымъ пра«виламъ. И я, господине, нынѣча того деля и тебѣ писалъ главы «вкратцѣ отъ священныхъ правилъ, по которымъ правиломъ меня «благословили и простили старѣйшіи архіерей и первый святитель «и вся Руси митрополитъ Симонъ и архіепископъ и всѣ епископы,

«А Серапіона, архіепископа отлучили и не благословили и сана «отвергли». Тутъ кончается вступленіе — образецъ того, какъ Іосифъ любилъ растягивать и повторять одно и то же.

Затѣмъ излагаются правила:

1) Григорія, епископа Акраканскаго [1]).

2) 4-е правило VII Вселенскаго собора.

Оба эти правила говорятъ за то, что Серапіонъ не имѣлъ права отлучить игумена, котораго вина ничѣмъ не доказана, и за это епископъ долженъ быть самъ отлученъ.

3) Правило Діонисія Ареопагита.

4) Василія Великаго.

5) Анастасія Синайскаго (правила эти говорятъ о томъ же).

5) Собора Карфагенскаго правило 134.

«И всѣ тѣ правила пишутъ, что меня архіепископъ неправедно «отлучилъ, да и о томъ писано во всѣхъ правилахъ: аще епископъ «отлучитъ неправильно и самъ не благословенъ и отлученъ».

Стало быть онъ отлученъ за дѣло; но за что онъ отлучилъ Іосифа? Тутъ Іосифъ переходитъ къ изслѣдованію самой причины своего отлученія: пусть, говоритъ онъ, Серапіонъ докажетъ отъ божественныхъ правилъ, почему онъ «на таковую гордость пришелъ, иже бо- «жественныя правила въ небреженіи положити, и царскій, и свя- «тительскій судъ уничижити и укоряти. И что, господине, велиши «мнѣ бити челомъ Серапіону, бывшему архіепископу, да у него «прощатися [2])? Святіи отцы не токмо повелѣша прощатися у не «благословеннаго и отлученнаго отъ старѣйшаго архіерея и отъ «всего собора, но преступника сего нарекоша Божіихъ заповѣдей «и апостольскихъ повелѣній «да обратится, рекоша, болѣзни его на «главу его — А. Серапіона архіепископа отлучили и не благословили «и сана извергли» — опять повторяетъ Іосифъ и вновь твердитъ, что отлучилъ его Симонъ всея Руси митрополитъ. «И если мнѣ у

---

[1]) Агригентскій или Акраконтійскій.

[2]) Изъ этого мѣста видно, какъ Іосифъ смотритъ на архіепископа, который поступилъ по своему убѣжденію, не справляясь съ правилами св. отецъ. Не находя себя виноватымъ предъ Серапіономъ, пострадавшимъ теперь ради его, Іосифъ, по духу церковныхъ постановленій, считаетъ себя не вправѣ просить прощенье у отлученнаго. Нельзя не видѣть въ этомъ того, что Іосифъ страстно, горячо смотритъ на нанесенную ему обиду: онъ не кротокъ какъ голубь, онъ смѣло и умышленно повторяетъ нѣсколько разъ, что онъ, Іосифъ, благословенъ, а Серапіонъ сана низверженъ.

него прощаться и назваться виноватымъ, то надо (ино то мнѣ) «обезчестити священная правила и вся божественная писанія и «царскій и святительской судъ; занеже, господине, инако судится «простъ человѣкъ, инако священникъ. Азъ, господине, аще и не-«достоинъ, но имѣю на себѣ рукоположеніе священства игуменства, «имѣю подъ собою братію и всѣмъ есми отецъ духовный и мно-«гимъ княземъ и бояромъ [1]). И аще отецъ духовный не благосло-«венъ и отлученъ, а дѣтямъ будетъ кая надежа спасенія? Ино того «безчестія, нѣсть ничтоже злѣйши».

Далѣе Іосифъ спеціально трактуетъ о томъ, что Серапіонъ отлучилъ его *противно* правиламъ, и приписываетъ архіепископу гнѣвъ, ярость и гордость; указываетъ на 104 пр. VII Вселенскаго собора: какъ епископу слѣдуетъ поступать съ своею паствою духовною, и какъ виноватъ тотъ, который отлучаетъ ради своея *страстныя воли.* Далѣе говоритъ Іосифъ, что никто изъ святителей никогда такъ не поступалъ, какъ Серапіонъ. У Кипріана митрополита была ссора съ Евфиміаномъ, игуменомъ Спасскаго монастыря, что въ Суздалѣ: «*не велѣлъ былъ звати* Евфимій Кипреана митрополитомъ, да Іонѣ «митрополиту была брань съ Пафнутіемъ старцемъ: сказали Іонѣ, «что Пафнутій не велитъ звати его митрополитомъ. Да епископу «Ростовскому Вассіану была брань съ Нифонтомъ съ Кириловскимъ «игуменомъ; не захотѣлъ Нифонтъ ни въ чемъ повиноватися ему. «И случилось быть десятиннику архіепископлю на Бѣлѣ-озерѣ, да «ѣдучи мимо Кирилова монастыря, да изломилъ дугу, да просилъ «у Нифонта дуги, и Нифонтъ молвитъ: дати мнѣ тобѣ дуга и мнѣ «тобѣ и иное давати,—да не далъ дуги». Несмотря на такую брань, Кипріанъ, Іона и Вассіанъ не дерзнули положить отлученіе и неблагословеніе. «А Кипреанъ м. челомъ билъ великому князю Ва-«силію Дмитріевичу, а Іона м. билъ челомъ в. к. Василію Василье-«вичу, а Вассьянъ архіепископъ билъ челомъ в. к. Ивану Василье-«вичю да м. Филипу; и государи православніи доспѣли тому дѣлу «конець на Москвѣ, по свидѣтельству свящ. правилъ. А я архіепи-«скопа Серапіона во всемъ почиталъ и повиновался ему и держалъ «его по Бозѣ. Тако его никто не почиталъ. Вси его нарицали го-«сподиномъ, а я его государемъ нарицалъ. А десятинниковъ тако

[1]) Ясно, что свое общественное и іерархическое положеніе Іосифъ ставитъ выше своего единичнаго человѣческаго достоинства. Въ концѣ письма видно, что онъ сладилъ съ своей страстной натурою и не враждуетъ къ Серапіону.

«никто не чтилъ въ монастырѣ, *и я кресты и иконы давалъ*, а въ «городъ (Новгородъ) и я частые кормы слалъ. Да Нифонтъ игуменъ «Вассіанову десятиннику дуги не далъ, а я Серапіоновымъ деся- «тинникамъ иконы давалъ. А все то есми чинилъ, почитая во всемъ «архіепископа Серапіона [1]). А архіепископъ Серапіонъ противу моего «челобитія и покоренія паче разбойниковъ и татей и блудниковъ «восхотѣлъ насъ уничижити и обезчестити и память нашу потре- «бити, и такова намъ суда не далъ, какова суда даютъ разбойни- «комъ и прелюбодѣямъ. Я на Волоцѣ, а онъ въ Новѣгородѣ, да «меня онъ судилъ! Ни мене велѣлъ вопросити, ни на судѣ мене «велѣлъ поставити». Священныя правила повелѣваютъ судить свя- щенниковъ и дьяконовъ съ другими епископами; Серапіонъ все это презрѣлъ «и какъ научили его такъ и сдѣлалъ. А на Большомъ «соборѣ архіепископъ Ростовской Вассіанъ рече ему: велѣлъ тебя «спросити государь князь великій Василій Ивановичъ всея Руси: «почему ты отлучилъ и не благословилъ Іосифа, скажи намъ сви- «дѣтельство свящ. правилъ о томъ [2]). Съ яростію и свирѣпствомъ «отвѣщаваше и о томъ не положи свидѣтельства — ни одного слова «отъ божественныхъ писаній; — «почелъ говорити: «*воленъ де я въ «своемъ черьницѣ, а князъ Ѳеодоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хо- «четъ — жалуетъ, хочетъ — грабитъ*. А Іосифа де того для отлучилъ «и не благословилъ: коли была брань на него князя Ѳеодора и «онъ билъ челомъ мнѣ, а коли я прислалъ на него отлученіе и не- «благословеніе — и онъ бы мнѣ билъ челомъ. И ты, господине, по- «разсуди Серапіоновъ умъ: гдѣ было ему бити челомъ на соборѣ «государю православному и самодержцу всея Руси да преосвящен- «ному Симону митрополиту о его преступленіи, что еще учинилъ «въ Новѣгородѣ како превознесеся гордостью, и болшего святи- «теля и всѣхъ судъ попралъ, и вся божественная писанія презрѣлъ «и сталъ сопротивно божественнымъ правиламъ, и сталъ онъ сва- «ритися съ государемъ и святители, а божественныя правила по- «велѣваютъ царя почитати, не сваритися съ нимъ. Ни древніи свя- «тители дерзнуша сіе сотворити, ни четыре патріарси, ни римскій

---

[1]) Изъ этого видно, что Іосифъ не столько чтилъ архіепископа, сколько угождалъ Серапіону.

[2]) Съ этого мѣста, когда Іосифъ приводитъ отвѣтъ Серапіона судьямъ его, начинается обвиненіе архіепископа за то, что онъ считалъ себя въ правѣ отлучить Іосифа; тутъ опровергается положеніе Серапіона: «воленъ я въ своемъ чернецѣ».

«папа, бывшій на Вселенскомъ соборѣ; и аще когда царь на гнѣвъ «совратится на кого и онѣ съ кротостію и смиреніемъ, и со сле- «зами моляху царя. И аще когда прилучится на соборѣ слово свя- «тителя съ царемъ или со княземъ, преже умолятъ царя, яко дабы «повелѣлъ рещи; *егда же повелѣваше царь, глаголаху* тогда *со сми- «реніемъ* отъ божественныхъ писаній, паче же отъ священныхъ «правилъ.

«А что, господине, архіепископъ Серапіонъ говорилъ на соборѣ: «того деля есми отлучилъ и неблагословилъ Іосифа, волёнъ я въ «своемъ чернецѣ, ино, господине, тѣмъ дѣломъ бояре своимъ холо- «помъ говорятъ: волёнъ де я въ тебѣ, ино волёнъ (то есть госу- «дарь въ холонѣ) хотя по правдѣ казнитъ, а суда съ нимъ нѣтъ, «а священныя правила сие повелѣваютъ. . . .» (повтореніе того какъ надо судить священника соборне).

По отлученіи, Іосифъ отъ того не билъ челомъ Серапіону, что отъ в. князя тогда была «заповѣдь: не велѣлъ никому ѣздити въ «Новгородъ повѣтрея деля». Послать къ архіепископу нельзя было, а ждать невозможно: «если бы двѣ или три недѣли мы не били «челомъ государю в. князю — ино поити всѣмъ розно отъ княжа «Ѳедорова насильства». «Да какъ поволилъ князь великій ѣздити «къ Новугороду и язъ послалъ своего чернеца ко архіепископу «бити челомъ о нужныхъ дѣлахъ, да и о томъ что была на насъ, «пришла скорби (sic) отъ князя Ѳеодора Борисовича: всѣмъ было «разоритися, и архіепископъ не велѣлъ нашего чернеца на очи «*пустити*». А у Серапіона прежде вражда была съ княземъ Ѳео- доромъ. Ѳеодоръ десятинниковъ его билъ и послѣ того, какъ я съ монастыремъ отдался въ государство великаго князя — то два года Серапіонъ жаловалъ насъ по обычаю. И перемѣнился только тогда, когда его «уласкали какъ малое дитя». «Онъ далъ грамоту о моемъ «отлученіи по наущенію Кривоборскаго, а Кривоборскому прислалъ «грамоту Алексѣй Пиліевъ по наущенью князя Ѳедора Борисовича». *Іосифъ оправдываетъ свой поступокъ передачи обители во власть великаго князя:* «А когда у насъ брань была съ княземъ Ѳеодо- «ромъ, то мы не просто *учинили, а поискали* есмя о томъ отъ бо- «жественныхъ писаній, свидѣтельства прочли: намъ (ли) поити, «монастырь Пречистыя оставя пустъ, или бити челомъ государю «православному самодержцу? — ино господине, священныя правила «повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходити «къ православнымъ царемъ и княземъ. И потому во всѣхъ стра-

«нахъ епископы и игумны приходили отъ меньшихъ царей и кня-«зей къ большимъ, и большіе вступались». Примѣры:

Великій Аѳанасій;

Павелъ Исповѣдникъ;

Ѳеодоръ Едесскій;

Ѳеофилъ папа Александрійскій; на него жаловались царю Аркадію великіе старцы. Царь же Аркадій написалъ Августалію к. египетскому, «яко да не замедлитъ, но скоро папу Александрійскаго Ѳеофила пришлетъ яко осужденника къ нему». Ѳеофилъ былъ приведенъ съ безчестіемъ, но на старцевъ никто не положилъ отлученія, ни папа Иннокентій, ни великій Златоустъ, а Ѳеофилъ былъ «выше всѣхъ патріархъ да и то не превознесся гордостію и со ца-«ремъ не сварися, яко же Серапіонъ, но якоже позна свое престу-«пленіе и царево негодованіе, абіе молится тепле и припадаетъ ца-«рицѣ Евдокіѣ со слезами, дабы умолила царя не гнѣватися на «него». Царица умолила царя. «И ихъ то примѣромъ и билъ (я) че-«ломъ тому, кто не точію князю Ѳеодору, но и архіепископу Се-«раніону а всѣмъ намъ общій всея русскія земли, государь; кото-«раго Господь Богъ устроилъ въ свое мѣсто и посадилъ на цар-«скомъ престолѣ, судъ и милость предастъ ему и церковное и мо-«настырское и всего православнаго государства и всея русскія земли «власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы азъ иному государю «билъ челомъ, ино то бы я не гораздо учинилъ. Глаголетъ бо въ «божественныхъ правилехъ: яко царскій судъ съ святительскимъ «судомъ не посужается, ни отъ кого же въ древнихъ лѣтахъ ни въ «нынѣшнихъ, и въ тамошнихъ странахъ, ни въ нашей рустей земли». Серапіонъ говорилъ на соборѣ, что отлучилъ Іосифа за то, что тотъ, получивъ отлученіе, не билъ ему челомъ; а въ грамотѣ своей къ Іосифу (ко мнѣ) Серапіонъ писалъ: «что отлучилъ я за то, что Іосифъ далъ монастырь въ великое государство»; по его (Іосифа) челобитью князь великій отнялъ у князя Ѳеодора монастырь безвинно. «А князь Ѳеодоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хотѣлъ гра-«бити и онъ грабилъ, а жаловати и онъ жаловалъ». Тутъ Іосифъ начинаетъ доказывать, что князь не вправѣ грабить монастырь. Князь долженъ заступленіе показывать *монастыремъ*. Неправедное похищеніе заслуживаетъ страшную *пагубу*. Примѣръ Навуфія; царицу Евдоксію Богъ предалъ червямъ на съѣденіе, за то, что она похитила виноградъ у вдовицы. Царь Роваомъ животъ погубилъ за то, «что восхищалъ людская имѣнія иже во Іерусалимѣ живу-

щихъ». «Таково осужденіе бываетъ иже простыя человѣки обидящимъ, а иже церкви Божія обидящимъ какова погибель будетъ? И нигдѣ того не бывало ниже въ нашей рустей земли — что церкви Божія и монастыри грабити: бояху бо ся Бога». Тутъ пересказываются правила на обидящихъ св. Божія церкви, V Вселенскаго собора правило 165. Правило это написалъ царь великій Іустиніанъ, съ нимъ 4 патріарха, римскій папа и 165 святителей, и ни одинъ изъ нихъ «не дерзнулъ тако написати како говорилъ Сера«піонъ: воленъ государь въ своемъ монастырѣ, хочетъ — грабитъ, «хочетъ — жалуетъ, но написали: да будутъ прокляти». 2-й примѣръ изъ писаній св. Никона [1]): «Былъ въ Антіохіи князь княземъ име«немъ Морава, иже бяша надо всѣми князи, его же нарицаху кня«земъ князь, сей бяше православенъ и благочестивъ, нѣкогда же «началъ взимати стяжаніе отъ монастырей бѣсовскимъ навѣтомъ, «паче же невѣденіемъ божественныхъ писаній. Слышавъ же сія «святый Никонъ написа къ нему посланіе сице». Тутъ излагается посланіе, гдѣ показывается ужасъ святотатства. «Иніи же князи подобно тому согрѣшиша и не милостивно казнь пріяли отъ Владыки Христа въ нынѣшнемъ вѣцѣ а въ безконечные вѣки во огни негасающемъ мучитися». Тутъ слѣдуетъ новый примѣръ изъ житія св. мученика Стефана, сербскаго царя [2]). Іосифъ повѣтствуетъ объ чудесномъ открытіи мощей святаго, о прославленіи и о обогащеніи монастыря его, гдѣ и донынѣ творятся чудеса. Одинъ князь хотѣлъ взять изъ монастыря богатство и уже приставилъ стражу. Когда же самъ подъѣхалъ къ вратамъ обители — явился св. Стефанъ царь и отъ коня того (его) низверже, два же гвозди велики въ того гортань вонзи и онъ исторгнулъ окаянную свою душу. Потомъ въ ту же обитель пришелъ князь именемъ Юнецъ и хотѣлъ ограбить. Игуменъ горячо молился передъ ракою угодника: «виждь озлобленіе людей твоихъ Христовъ воине и т. д.» (приводится самая молитва игумена). Юнецъ въ ту же ночь увидалъ во снѣ: идетъ онъ къ монастырю «и абіе срѣтаетъ его страшенъ мужъ царскими

[1]) У Филарета въ Обзорѣ русской духовной литературы: «Никонъ Черногорецъ, жившій въ XI вѣкѣ, не былъ причтенъ церковію къ лику святыхъ, и проч. Іосифъ вѣроятно принималъ его за одно лицо съ пр. Никономъ Армянскимъ» стр. 181.

[2]) Житіе это поражаетъ тою грозною силою святыни, которая нравилась Іосифу карающею страшно. Подобный примѣръ характеризуетъ и Іосифа, онъ подробно и не безъ сочувствія пересказываетъ чудеса сербскаго грознаго святаго.

«одежами украшенъ, отъ мѣста идѣже ковчегъ бѣ стоитъ, съ бра-«дою долгою, просѣдою, яко же писанъ есть,—и удари его по лицу «и по персемъ лампадою, юже имѣяше; да яко лампадѣ крѣпкимъ «удареніемъ переломитися мняше. Юнцу же вспять обратившуся «къ бѣгьству, страшный же онъ постигнувъ и удари его, якоже ко-«піемъ, оставшимъ обломкомъ, и паде посредь лядвей хребта и въ «десную мышцу, рекъ: се тебѣ мзда, да навыкнеши не свирѣпитися «на мою обитель. Рыкну убо Юнецъ яко звѣрь отъ сна вскочивъ «пренемогаше на мнозѣ—сущихъ съ нимъ другомъ во ужасѣ быв-«шимъ». Юнецъ, нехотя, повѣдалъ правду и повелѣлъ нести себя въ монастырь, и 7 седмицъ лежалъ «сгнивающемъ плотемъ же и костемъ прободенныхъ мѣстъ, яко и самѣмъ зрѣтися внутреннимъ», распространилось злосмрадіе по всему монастырю, у больнаго языкъ отпалъ и зубы *«разцѣплишася»*. Случилось не такъ, что онъ прежде душу отдалъ, а потомъ сгнило тѣло, *«но прьвѣе тѣло сгни грозно же «и не обычно, душа внуть съдрьжима к'наказанію прочихъ, тако же «и самую ту душу послѣ же нуждею отдастъ.* И ты господине, «поразсуди собѣ, яко не точію власть вземлетъ Богъ отъ иже цер-«ковная и монастырская восхищати желающихъ, но и душа (sic) «отъемлетъ страшными лютыми муками. Сего ради вѣдый извѣстно «божественныя писанія великій самодержецъ государь, христолюби-«вый князь, великій, Василій Васильевичь толико попеченіе имѣяше «о божественныхъ церквахъ и о монастырехъ, яко нималаго без-«честья или обиды церковныхъ презрѣти, но сихъ отмщати и не «попущати сихъ обидѣти или безчествовати. Нѣкогда случися князю «Василію Ярославичу у Святыя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ «быти, бяше той монастырь тогда въ его отчетѣ подъ его держа-«вою.» Князь (тотъ, который) имѣлъ монастырь подъ своей рукою, не почиталъ игумена и старцевъ: «они же возвѣстиша великаго «князя Василія Васильевича, онъ же негодоваше и монастырь взялъ «во свое государство, а князю Василью Ярославичу не велѣлъ обла-«дати Сергіевымъ монастыремъ. Князь Александръ Ѳеодоровичь «Ярославскій, егда хотяше прійти въ свой монастырь на Каменое, «повелѣваше съ собою псы въ монастырь приводити такожде и въ «трапезу, и егда самъ ядяше тогда и псы повелѣ кормити тою же «пищею. Игуменъ Каменьской и старци о семъ много опечалив-«шеся пріидоша на Москву къ Великому князю Василью Василье-«вичу и молиша его, яко да возметъ монастырь подъ свою державу. «Онъ же послушавъ ихъ моленія взялъ монастырь Каменской подъ

«свою руку. А коли, господине, князь великій Василій Васильевичь «взядъ Сергіевъ монастырь у князя Василья Ярославича, а Камен- «ской монастырь у князя Александра Ѳедоровича, *а тогда былъ на «Москвѣ* преосвященный *митрополитъ Іона* Кіевскій и всея Руси, «иже бяше *чудотворецъ*. Мнози же тогда быша архіепископы и епи- «скопы, иже преподобнѣ и праведне живуще и божественная писа- «нія извѣстно вѣдяще, ни единъ же отъ нихъ дерзнулъ таково со- «творити, яко же Серапіонъ архіепископъ, ниже дрьзну кто обесче- «стити и уничижити православнаго государя и великаго князя Ва- «силья Васильевича и преосвященнаго Іоны митрополита всея Руси «и прочихъ святителей судъ и уставъ, ниже глаголаху: воленъ князь «Василій Ярославичь, князь Александръ Ѳедоровичь въ своихъ мо- «настырѣхъ, хотятъ — жалуютъ, хотятъ — грабятъ; вѣдаху бо — отъ «священнаго писанія правило VII собора, изрекающее проклятіе на «тѣхъ, кто творитъ дѣло божественное съ небреженіемъ. Пишетъ «св. Никонъ, что Духъ Божій наставляетъ отцевъ соборовъ, и всѣ «священники и архіепископы не должны пренебрегать св. прави- «лами. Презирающимъ (правила) горе и судъ не милостивъ. И ты, «господине, посмотри собѣ божественная писанія, како положили «клятву и проклятіе, не только отлученіе и неблагословеніе. Архіе- «пископъ Серапіонъ сдержимъ тщеславіемъ и гордостію яко вся «божественная правила св. отецъ презрѣти и аще православнаго «государя, и митрополита Симона и т. д. и святаго собора судъ и «уставъ уничижити и отринути, не точію прежде царскій судъ и «святительскій попралъ, но и нынѣ уничижаетъ и укоряетъ и ху- «литъ и себе точію свята и премудра и праведна и разумна мнитъ. «И аще не начнетъ каятися о своемъ согрѣшеніи господину отцу «своему преосвященному Симону митрополиту всея Руси, ино свя- «щенныя правила полагаютъ на таковыя запрещеніе и конечное «низверженіе отъ преподобнаго Василія Великаго».

Серапіона отлучили по праву (аще и церковь преслушаетъ буди яко язычникъ и мытарь). Серапіонъ не имѣетъ права благословлять и отлучать. Приводится правило св. Апостолъ 28-е, Карфагенскаго собора 15-е и собора во Антіохіи 10-е.

«Ино, господине, Серапіонъ во всемъ противно чинилъ боже- «ственнымъ правиламъ, да и нынѣ такожде все съ гордостью и «свирѣпствомъ глаголетъ и творитъ; ни Бога боится, ни человѣка «срамляется, ни часа страшнаго трепещетъ, занеже онъ нынѣ свя- «занъ и не благословенъ и отлученъ отъ своего господина и отца

«великаго Архіерея отъ преосвященнаго Симона митрополита всея «руси и архіепископа и епископовъ и отъ всего священнаго собора, «да нынѣ человъ не бьетъ ни о прощеніи, ни о благословеніи. А «(если), господине, попустилъ его Богъ въ таковой тягости ему и «умрети, ино божественныя писанія сказуютъ: таковымъ не мило- «стивъ судъ пріяти; занеже, господине, нѣсть ничтоже того тяжши» Примѣръ священника и инока, которымъ пришлось во время гоненія пострадать за Христа и принять смерть. Но, не смотря на мученическій подвигъ, они не удостоились награды, пока не получили на землѣ разрѣшеніе. Авторъ приглашаетъ своего корреспондента прочесть правила, на которыя указалъ онъ въ началѣ этого письма. Затѣмъ продолжаетъ: «ино, господине, извѣстно ти, вѣдомо, «что Серапіонъ отлученъ по правиламъ св. отецъ. Да и нынѣ «точію единаго смотритъ во всемъ, еже свое гордостное мнѣніе «сотворити, да и говоритъ такія рѣчи: всѣ де на грѣхъ поступали, «одинъ я за правду сталъ». Примѣръ Фарисея и Мытаря: «онъ «(Серапіонъ) всѣхъ осудилъ, и говоритъ: за правду сталъ. Ино, «господине, всякая правда бываетъ по свидѣтельству бож. правилъ, «а которое слово или дѣло не отъ бож. писаній, то все отъ лу- «каваго». Слова св. Никона объ этомъ, слова изъ Лѣствицы, слова св. Дорофея (о гордости, о бѣсахъ). «Бѣсъ тщится въ ровъ во- «врещи бывшаго арх. Серапіона, а на то ему надежа, что его хва- «лятъ. Хвалятъ его тѣ, которые не разумѣетъ бож. писаній, яко «скоту неомышленіи а ничтоже смотряюще, точію, дабы кто что «взялъ у него.

«Коли былъ въ Новѣгородѣ архіепископъ Серапіонъ, кода еще «пріѣхалъ въ Новгородъ, тогда же погубилъ (получилъ) отъ человѣкъ «славу, а не отъ Бога. Да которые живутъ въ Новѣгородѣ бояре «и дѣти боярскіе и приказные люди что ни есть церковныхъ прихо- «довъ, и онъ имъ роздалъ, а иное истощилъ церковное имѣніе; пья- «ницамъ и смутомъ отворилъ погреба, и они, напившеся, зовутъ «его святителемъ, государемъ. Да какъ нечего уже давати ни поити «нечѣмъ и онъ былъ хотѣлъ того дѣля и владычество оставити. А «вѣдомо, господине, тебѣ: аще кто простъ человѣкъ богатство свое, «а не церковное раздаетъ богатымъ и пьяницамъ — ино не по- «хвально ни отъ Бога, ни отъ человѣкъ: а еже архіепископу или «епископу церковное имѣніе раздавати не убогимъ, богатымъ и «пьяницамъ, сіе отречено есть правильнымъ закономъ, и святотат- «цемъ судомъ осуждаеми бываютъ творяще таковая. Да какъ ве-

«лѣлъ князь великій его привести на Москву и которые его ла-
«скаютъ и почали говорити: на Москвѣ архіепископъ Серапіонъ
«не благословилъ Симона митрополита, и онъ того дѣля не смѣетъ
«служити. А говорили то нашему чернецу сынъ боярскій на Мо-
«сквѣ, а бояринъ Семенъ Воронцовъ говорилъ Ѳеодосію иконнику:
«архіепископа де Ростовскаго Вассіана Новогородскій архіепископъ
«Серапіонъ не благословилъ и онъ того ради не служитъ». Смотри
«неразуміе сихъ! да прочти собѣ правила, мочноли связати вла-
«дыцѣ митрополита или архіепископу архіепископа? Неразумніи
«скотуподобныи человѣцы приходятъ нынѣ къ бывшему архіепи-
«скопу Серапіону, да говоритъ ему: ты де, государь, стой, лица силь-
«ныхъ несрамляйся, стои крѣпко! — И только, господине, вы его
«не пожалуете не учнете ему говорити о томъ, ино ему пострадати,
«по правилу святаго Великаго Василія аже здѣ преже написанному.
«И ты, господине, прочти ону по правиломъ и онъ увѣруетъ коль
«страшно рекъ о семъ Великій Василіе; подобно же тому речено
«есть и во многихъ правилехъ св. отецъ. Занеже самъ (Серапіонъ)
«божественныхъ писаній ни мало знаетъ, а спроситися съ разум-
«нымъ человѣкомъ срамляется! А я, господине, къ тебѣ того дѣля
«пишю, чтобы еси поговорилъ съ своимъ дядяю, съ Иваномъ съ
«Володимеровичемъ, да съ его сыномъ съ Иваномъ, занеже тои бо-
«жественныхъ писаній искуснѣйша многихъ человѣкъ. Да со инѣмъ,
«самъ вѣдаешь, съ которымъ пригожа о томъ посовѣтуй, да пого-
«вори прилежно архіепископу, чтобы позналъ свое преступленіе, за-
«неже, господине, *всѣмъ людямъ жалъ его.* Да божественныхъ писа-
«ній неразумѣющеи чимъ его хвалятъ, тѣмъ губятъ. А вамъ, гос-
«подине, мочно его съ Богомъ направити, занеже, господине, и
«на мысли ему того не было. А преже сего писалъ есми что какъ
«насъ пожаловалъ государь князь великій Василій Ивановичь всея
«русіи взялъ насъ въ свое государство, архіепископъ Серапіонъ
«насъ послѣ того два года жаловалъ по обычаю. Да какъ минули
«два годы и Алексѣй Пиліевъ ялся князю Ѳеодору Борисовичу на-
«вести на то архіепископа да послалъ ко Кривоборскому, да сво-
«имъ лукавствомъ прельстилъ Кривоборскаго а Кривоборскій архі-
«епископа на то навелъ. И будетъ ти, господине, то вѣрно, что
«его научили и только, господине, восхощешь и я къ тобѣ о всемъ
«о томъ опишу подлинно и истинно: какъ тому дѣлу было начало
«и конецъ, и которые ради нужи били есмы челомъ государю ве-
«ликому князю Василію Ивановичу всея руси, и которыя ради вины

«архіепископъ Серапіонъ послушалъ челобитія Алексѣя Пиліева да «Кривоборскаго. И только, господине, увѣдаешь извѣстно: и ты нач- «нешь глаголати истину, а я тобѣ, господину моему, челомъ бію, «и долженъ Бога молити о твоемъ здравіи и спасеніи».

Такъ оканчивается это любопытное посланіе — образчикъ книжной мудрости и безцеремонной простоты. Посланіе это писано къ Ивану Ивановичу Третьякову, а по рукописи *№ 341* (II отд. Толст.) Челяднину. Оно никогда не было напечатано. (Составныя части его и содержаніе вкратцѣ см. въ Чт. общ. истор. и древ. 1847 г.). Въ нашей рукописи помѣщено посланіе къ великому князю и къ митрополиту Симону, по поводу той же ссоры Іосифа съ Серапіономъ. Оба посланія интересны, какъ акты передачи монастыря въ непосредственное вѣдомство митрополита. Въ посланіи къ митрополиту Іосифъ жалуется на князя Ѳедора Борисовича, что онъ хотѣлъ уже все отнимать отъ монастыря, «и меня, государь, захотѣлъ изъ мо- «настыря изгнати, а братію, государь, старцевъ добрыхъ хотѣлъ «кнутіемъ бити, а Возмитцкому архимандриту велѣлъ у насъ чер- «нецовъ изъ монастыря подговаривати и оводити и арх. Алексѣй «подговорилъ десять чернецовъ на Возмище, да пять чернецовъ и «увелъ, а тѣ чернецы взяли съ собою *четверынадцатеры книги* «да ину рухлядь монастырскую». Они били челомъ князю, но отвѣтъ его былъ неблагопріятенъ; «мы сознали, государь, свое конечное нежалованье», пишетъ Іосифъ, и далѣе, что онъ хотѣлъ уйдти изъ монастыря, но братья уговорили его этого не дѣлать. Посланіе помѣщено въ четвертомъ выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко.

Прежде чѣмъ разстанемся съ рукописью № 68, приведемъ факты другаго рода — характеризующіе часть переписки книгъ въ XV — XVI вѣкѣ, въ сказаніи о старцѣ Фатеѣ. Онъ былъ дядькою у сына князя Путивльскаго. Когда воеводы великаго князя Ивана Васильевича взяли Путивль, то плѣнили и его, и жилъ Ѳедоръ у Замятнина, «гдѣ держали его не безчестно, видя его благонравіе». Потомъ пришелъ онъ въ монастырь Іосифа и постриженъ былъ подъ именемъ Фатея. *Труды его и подвиги:* «Написалъ евангеліе въ «хлѣбнѣ, ходя, сполна, со всѣмъ въ 12 недѣль: таково бѣ тщаніе «а въ иное время безъ службы пробысть и написа евангеліе въ 9 «недѣль также совсѣмъ сполна. Прочихъ же книгъ и евангеліевъ «и псалтырь и четіихъ много преписалъ». Сказаніе о Фатеѣ оканчивается обычнымъ послѣсловіемъ списателя житій: «како могу

«исписати отъ простоумія моего? Но Бога ради отцы и братія не «позазрите худоумію моему и грубости. Да не будеть въ посмѣя-«ніе написаніе се недостойнаго и худаго и грубаго черньца Вас-«сіяна, что есми дерзнулъ», и т. д.

8-го марта 1866 года.

19) Титулярнаго совѣтника Беллярминова.

(За январь, февраль и мартъ).

Уяснивъ себѣ исторію торговли на Левантѣ и роль, которую играло при этомъ Черное море, я перешелъ къ изученію вопроса о значеніи Турціи въ европейской политикѣ, на сколько это необходимо для моей цѣли. Выясненіе вопроса, какъ и при какихъ условіяхъ Турція входила въ европейскую политику, пока не пріобрѣла того значенія, какое она имѣла въ послѣдніе полутораста лѣтъ, важно столько же для всеобщей исторіи, сколько и спеціально для русской. Время, съ котораго Турція дѣлается необходимымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ государствъ — вторая четверть XVI вѣка. Нація, которая ввела ее въ эту семью — Франція. Ея же литературѣ принадлежитъ и источникъ, посвящающій во всѣ подробности начальныхъ сношеній Франціи съ Турціей. Я разумѣю сборникъ корреспонденцій, мемуаровъ и дипломатическихъ актовъ, касающихся Востока, публикованный Е. Шарьеромъ подъ названіемъ «Négociations de la France dans le Levant» «или correspondances, mémoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France à Constantinople et envoyés ou résidents à divers titres á Venise, Raguse, Rome etc. Paris IV vol. 1848—1860. Это изданіе составляетъ часть историческаго отдѣла «Collection de documents inédits sur l'histoire de France», начатое въ тридцатыхъ годахъ изданіемъ «Relations des ambassadeurs Venetiens sur les affaires de France au XVI siècle». Paris. II vol. 1838. Источникъ, откуда извлечены матеріалы означеннаго сборника, двоякій: архивы парижской библіотеки для большей части и, для меньшей, спеціальныя сочиненія французской, нѣмецкой и итальянской литературы, снабжены оправдательными статьями. Время, которое обнимаетъ этотъ сборникъ, царствованіе Франсуа I, Генриха II, Франсуа II, Карла IX и Генриха III. Достоинства сборника видны уже изъ самаго его названія. Матеріалы, собранные въ немъ, достовѣрны какъ и оффиціальные акты, но въ то же время отличаются полнотою и жизненностію содержанія, преимуществами свойственными

частнымъ письмамъ, и чего обыкновенно недостаетъ оффиціальнымъ актамъ. Чтобы судить о характерѣ ихъ содержанія, я изложу коротко, по означенному сборнику, дипломатическую дѣятельность въ Портѣ французскаго посла, епископа Дака (d'Acqs), въ 1572 г., пользуясь при этомъ для обстановки данной задачи главнымъ образомъ сочиненіемъ Цинкайзена «Geschichte des Osmanichen Reiches in Europa», и нѣкоторыми данными изъ сборника Альбери. «Le relazioni degli ambasciatori Veneti al senato durante il seculo decimo sesto». Firenze. XIV vol. 1839—1860. Послѣдній сборникъ представляетъ рядъ отчетовъ венеціанскихъ пословъ о положеніи государства, въ которомъ каждый изъ нихъ былъ дипломатическимъ агентомъ [1]). Моей цѣли служили отчеты пословъ бывшихъ при Портѣ. Взаимныя нужды сблизили между собой Венецію съ Турціею съ первыхъ лѣтъ существованія послѣдней въ Европѣ. Венеція нуждалась въ торговлѣ на Левантѣ, Порта въ бездѣйствіи венеціанскаго флота на Средиземномъ морѣ. Венеціанскіе купцы около трехъ четвертей столѣтія пользовались большими торговыми привилегіями въ Турціи; они имѣли свои юридикціи и защитника своихъ интересовъ въ лицѣ «байли» посла синьеріи. Необходимость для Венеціи короткаго знакомства съ государственнымъ устройствомъ Турціи, ея средствами, политикой, самымъ характеромъ ея правителей, духомъ народонаселенія, вытекала сама собой. Отъ Турціи зависѣло существованіе республики, и послѣдняя должна была хорошо знать страну, чтобы умѣть преслѣдовать въ ней свои интересы. Такимъ практическимъ характеромъ проникнуты всѣ отчеты байли, бывшихъ въ Константинополѣ. Большія деньги, которыми располагали байли, помогали имъ открывать въ Турціи то, что правительство тщательно скрывало отъ другихъ государствъ. Уваженіе, которымъ они пользовались въ Портѣ, какъ первоучители в. визирей въ европейской политикѣ, давало имъ возможность проникать даже въ самые планы дивана. Наблюдательность пословъ не могла притупляться вслѣдствіе частой перемѣны ихъ, отчего отчеты ихъ отличаются столько же живостію, сколько и разнообразіемъ содержанія. Способъ составленія ихъ послѣ окончанія миссіи — уменьшалъ возможность для

[1]) Есть одинъ отчетъ о Московскомъ государствѣ, составленный Франческо Тіеполо, посланнымъ для переговоровъ къ Іоанну Грозному, подъ именемъ: «Discorso delle cose di Moscovia qual si dice essere del claris. Mes. Francesco Tiepolo», но онъ не вошелъ въ сборникъ Альбери, а напечатанъ въ «Storia documentata di Venezia» di Romanin. IV vol.

пословъ судить о событіяхъ по минутнымъ впечатлѣніямъ, заставлялъ каждаго быть болѣе или менѣе объективнымъ, что и сообщаетъ донесеніямъ ихъ особенно серьезный характеръ. Можно сказать, что эти отчеты служили самымъ лучшимъ зеркаломъ внутренняго состоянія Турціи въ XVI вѣкѣ. Довольно указать, что этотъ источникъ далъ возможность Цинкайзену въ своемъ трудѣ отыскать начало внутренняго разложенія Турціи тамъ, гдѣ Гаммеръ видѣлъ почти только одно величіе въ царствованіе Солимана II [1]).

Интересы Франціи съ давнихъ поръ были связаны съ Левантомъ. На ярмаркахъ парижскихъ еще во времена Меровинговъ самые лучшіе товары принадлежали купцамъ византійскимъ [2]). Въ IX вѣкѣ французскіе купцы, не смотря на ненависть сарацинъ къ христіанамъ, извлекали выгоды изъ торговли съ Александріей [3]). Крестовые походы особенно сблизили Францію съ Левантомъ. Церкви и дома, сохранившіеся еще до сихъ поръ во всей роскоши средневѣковой архитектуры въ Марселѣ, Монпелье и Арлѣ, свидѣтельствуютъ о богатствѣ, которыми располагала южная Франція, благодаря торговлѣ на Левантѣ [4]). Крестовые же походы воспитали во французахъ надежду на утвержденіе на Левантѣ чрезъ пріобрѣтеніе святыхъ мѣстъ. Темныя историческія преданія, ходившія въ средніе вѣка, что еще при Карлѣ Великомъ были въ Іерусалимѣ христіанскіе монастыри, церкви, пріюты и даже библіотека, усиливали эту надежду [5]). Турецкое господство въ Европѣ должно было побудить французовъ къ осуществленію этихъ плановъ: Карлъ VIII походами въ Италію думалъ начать крестовый походъ противъ турокъ, герцогъ Бургундскій Филиппъ половину жизни мечталъ объ отнятіи Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ и, умирая на берегахъ Роны, сердцемъ былъ на берегахъ Іордана [6]). Но никто изъ королей французскихъ не мечталъ объ этомъ такъ много, какъ Франсуа I. Со дня знаменательной побѣды при Мариньяно до роковаго для запада

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что Л. Ранке въ своей исторіи «Папы и папство» придаетъ депешамъ венеціанскихъ пословъ большую важность; ими онъ пользовался еще изъ архивовъ.

[2]) Григорій Турскій — у Pardessus въ «Collection de lois maritimes anterieurs au 18 siècle. II ч. введеніе.

[3]) Тамъ же.

[4]) Geschichte des Welthandels von Ad. Beer. II, 219.

[5]) Mémoires de l'Académie des sciences. XXXVIII. 487 у Пардесю.

[6]) Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa—Цинкайзена. II. 276.

Европы дня избранія Карла V въ императоры, планы объ изгнаніи турокъ изъ Европы исключительно занимали короля-рыцаря [1]). Пріобрѣтеніе главенства въ Европѣ должно быть результатомъ этого подвига по расчетамъ Франсуа. Но обстоятельства измѣнили его виды на Турцію; существованіе ея и даже дружба въ ней дѣлается необходимостію для «христіаннѣйшаго короля». Пробужденная имъ во Франціи промышленность, введенная имъ роскошь при дворѣ и у высшаго сословія, дорого стоющая его внѣшняя политика — все это требовало увеличенія государственныхъ доходовъ. Безотлагательная торговля на Левантѣ была средствомъ къ этому [2]). Борьба съ необычайнымъ противникомъ привела Франсуа и къ необычайнымъ политическимъ комбинаціямъ. Чрезъ Турцію онъ надѣялся заставить своего противника отказаться отъ плана, который преслѣдовалъ самъ — отъ стремленія къ преобладанію въ Европѣ. Такимъ образомъ первыя побужденія къ сближенію съ Турціей вытекали какъ изъ личныхъ интересовъ короля, такъ и изъ интересовъ націи. 1536 года Франсуа заключаетъ договоръ съ Солиманомъ, по которому не только что обезпечивается свобода и самоуправленіе для французскихъ купцовъ, но и подчиняются французской юридикціи подданные всѣхъ государствъ, торговавшіе въ Турціи. Только флагъ и паспортъ французскій давали доступъ въ турецкія владѣнія. Этотъ договоръ отдавалъ въ руки французской дипломатіи всѣ государства торговавшія въ Турціи, въ то же время открывалъ ей дорогу въ диванъ, гдѣ съ этихъ поръ, въ теченіе всего царствованія Франсуа, она употребляла всѣ усилія, чтобы заставить Порту служить интересамъ Франціи [3]). При этомъ не лишне указать на распространенное въ XVI вѣкѣ мнѣніе, почему Порта, вообще осторожно сближавшаяся до того времени съ христіанскими государствами, сошлась близко съ Франсуа I, поведеніе котораго въ началѣ царствованія хорошо было извѣстно Солиману. Существовало вѣрованіе у турокъ,

---

[1]) «M... dès l'eure que, moyennant la grace de Dieu, fuce parvenu à la couronne de France et auparavant, ma vraie et naturelle inclination estoit, comme encore est sans fiction ne dissimalacion, d'employer ma force et jeunesse à faire la guerre pour honneur et reverence de Dieu nostre saulveur contre les ennemys de sa foy» писалъ Франсуа въ день битвы къ королю Наварры. Negoc. 1. Additions CXXX.

[2]) Beer. II. 229.

[3]) Договоръ этотъ, служившій долго идеаломъ для другихъ государствъ, искавшихъ сближенія съ Турціей, отрывками помѣщенъ въ «Histoire de la diplomatie Française. Paris. 1811 г. 1; вполнѣ Negoc. I. 283.

что царство ихъ должно пасть подъ оружіемъ французовъ, и поэтому изъ опасенія будто за свое существованіе султаны своей дружбой старались обезоружить такое опасное государство [1]). Слѣдствія этого союза для политики Франсуа были важны. Чрезъ этотъ союзъ онъ получилъ возможность пріобрѣсти себѣ партіи въ Венгріи; онъ первый признаетъ законнымъ королемъ Венгріи Іоанна Запойлу, поставленнаго Солиманомъ вопреки притязаніямъ Фердинанда, и, не безъ вѣдома Порты, заключаетъ съ Запойлой договоръ, по которому Венгрія должна достаться французскому принцу, если онъ умретъ бездѣтнымъ [2]). Въ адмиралѣ перваго турецкаго флота Барбароссѣ Франсуа пріобрѣлъ себѣ большаго приверженца и готовность послѣдняго служить своимъ флотомъ дѣлу Франціи. Такимъ образомъ Франсуа пріобрѣлъ полную возможность вредить своему противнику въ самыхъ больныхъ мѣстахъ его владѣній, на Дунаѣ и въ Италіи. Кромѣ того, Франсуа чрезъ свою политику въ Турціи отнялъ у императора сильнаго его союзника Венецію. Венеція была главнымъ пунктомъ, на которомъ французскій дворъ разработывалъ свои политическія комбинаціи относительно Турціи. (Neg. III. Introduction). Вліянію венеціанскаго байли Франція обязана своими первыми шагами при Портѣ. Но не болѣе какъ черезъ два года послѣ заключенія Франціею съ Турціею торговаго договора, Венеціи пришлось горько раскаяваться въ покровительствѣ, оказанномъ ею Франціи. Дебютъ перваго французскаго посла при Портѣ состоялъ въ томъ, что онъ старался вовлечь Венецію въ войну съ Турціей. Цѣль этой дипломатической тактики — найти случай изъ кліента синьеріи сдѣлаться ея патрономъ и чрезъ то привязать ее къ себѣ. Средства къ этому были простыя: французскій посолъ успѣлъ довести Порту до подозрѣнія, что Венеція была главной виновницей непріязненныхъ дѣйствій флота Карла V противъ турецкихъ владѣній въ 1537 году. Слѣдствіемъ этого была тяжелая для Вене-

---

[1]) Въ первый разъ сообщилъ это извѣстіе Брантомъ въ своихъ замѣчательныхъ мемуарахъ «Ils ont trouvé en quelque petit coin de leur prophète, qu'un roi de France les doit un jour ruiner, et pour ce, nous entretiennent en leur alliance et nous craignent, Mémoires III. 406.

[2]) ... «Ipse orator ex nunc nomine sui regis adoptat et recepit in filium et successorem regnorum suorum dominum Henricum, ducem Avrelianensem, casu quo ipsum regem Hungariæ sine haerede masculo mori contigerit», говорится въ договорѣ между Франсуа и Запойлой. Quam adoptationem ipse Hungariae rex faciet in generali conventu regni sui confirmare et ratificare». Neg. I. 164.

ціи трехлѣтняя война. Она потеряла до 25 острововъ на Архипелагѣ, послѣднія владѣнія въ Морећ — разсадникѣ бархатныхъ фабрикъ. Далмація, доставившая Венеціи обладаніе Адріатическимъ моремъ, защищавшая ее въ теченіе столѣтій отъ насилій габсбурговъ (Marin. Hist. Ven. I. 250), была опустошена и обезлюднена. Венеція, предоставленная только своимъ силамъ, угрожаемая голодомъ отъ прекращенія подвоза хлѣба изъ Крыма, вынуждена была искать мира. Сенаторъ Бадоаро, назначенный для переговоровъ съ Турціей, получилъ отъ Прегадоли инструкцію, въ силу которой онъ долженъ настаивать на возвращеніе всѣхъ потерянныхъ ею острововъ, въ случаѣ же неудачи на возвращеніе крѣпостей, обезпечивающихъ владѣніе частію Мореи. Высшая же инстанція «совѣтъ десяти» видѣвшій въ мирѣ, какихъ бы жертвъ онъ ни стоилъ, единственное спасеніе республики, уполномочилъ Бадоаро заключить миръ на какихъ бы ни было условіяхъ. Прежде чѣмъ посолъ явился въ Константинополь, содержаніе его инструкціи было уже передано великому визирю французскимъ посломъ Ринкономъ, который въ свою очередь узналъ эту тайну чрезъ подкупленныхъ двухъ братьевъ, секретарей Прегадоли и совѣта десяти. Вслѣдствіе этого Порта предъявила венеціанскому послу такія требованія, выполненіе которыхъ лишило бы Венецію не только владѣній на Архипелагѣ но и на Адріатическомъ морѣ. Бадоаро при такихъ претензіяхъ Порты вынужденъ былъ обратиться къ французскому посредничеству. Это былъ желанный моментъ для французскаго дипломата. Чрезъ заключенный миръ при посредничествѣ Ринкона Венеція потеряла свое прежнее значеніе при Портѣ, превратившись изъ патрона въ вассала Франціи; мало того, вслѣдствіе еще большаго усиленія Франціи съ этихъ поръ при Портѣ, Венеція и въ своей европейской политикѣ должна была слѣдовать внушеніямъ французскихъ дипломатовъ [1]). Бадоаро, безъ преувеличенія, замѣтилъ лично французскому послу, что дружба Франціи для Венеціи, пріобрѣтенная этимъ миромъ, похожа на ручное кольцо, снять которое можно только по отрѣзаніи пальца (Neg. I. 446). Тяжесть новаго положенія Венеціи чувствовалась еще черезъ два года послѣ заключенія мира, когда открыта была измѣна и виновники ея, между которыми и одинъ изъ секретарей Прегадоли, были убиты народомъ на площади св.

---

[1]) Условія мира 1540 года и значеніе его для Венеціи у Цинкайзена II, 805, 806. Гаммеръ III. 219. Daru Histoire de Venise IV. 55.

Марка и вмѣстѣ съ тѣмъ бомбардирована была квартира французскаго посла (Neg. I. 548—550). Чрезъ этотъ венеціанскій миръ потерялъ много и императоръ; не безъ причины Ринконъ, виновникъ этого мира, былъ убитъ итальянскими солдатами по распоряженію миланскаго губернатора (Цинк. II. 853). Кромѣ отдѣленія Венеціи отъ политики императора, что было исключительно результатомъ дружественныхъ отношеній Франціи къ Турціи, первая пріобрѣла себѣ еще извѣстность покровительствомъ христіанамъ на Востокѣ. Сохранилось по этому важному вопросу отвѣтное письмо Солимана на письмо Франсуа I, по которому можно судить о степени участія Франціи въ положеніи христіанъ во св. землѣ [1]). Но всѣ эти выгоды отъ союза съ Портой были ниже ожиданій короля. Сокрушеніе могущества габсбургскаго дома при помощи турецкаго флота была главная цѣль его. Но эта цѣль не была достигнута. Услуга турецкаго флота для Франціи была незначительна: онъ держалъ въ тревогѣ южную Италію, нападалъ временно на торговые корабли императора (Alberi. I. 17) и помѣшалъ утвердиться импе-

---

[2]) Я привожу все это замѣчательное письмо во французскомъ переводѣ: «Toi qui es Francois, bey du pays de France, vous avez envoyé au palais de sultans et à ma porte de felicité, qui est l'orient de l'aurore de la prospérité et le lieu que viennent baiser les lèvres des rois et des princes, une lettre dans laquelle vous avez parlé d'une église appartenant jadis aux chrétiens à Jerusalem, qui fait partie de notre empire bien gardé, et devenue ensuite une mosquée. J'ai pris une connaissance détaillée de tous ce que vous avez dit à cet sujet. L'amitié et l'affection qui existent entre ma glorieuse majesté et vous rendent vos désires admissibles auprés de ma personne, source de bonheur; mais cette affaire ne ressemble pas á toute autre affaire de domaine et de propriété, elle concerne notre religion. D'après l'ordre sacré de Dieu trés-haut, créateur du monde et bienfaiteur d'Adam, d'après la loi de notre prophète, soleil de deux mondes, cette église depuis longtemps une mosquée et les musulmans y ont fait la prière. Il est contraire à notre religion qu'un lieu qui porte le nom de mosquée et dans laquelle se fait la prière soit maintenant altéré par un changement de destination. Quand même notre loi autoriserait en général ce changement, votre demande ne pourrait être accueillie auprès de ma personne, source de bonheur. Les lieux autres que la mosquée continueront de rester entre les mains de chrétiens; personne ne molestera sous notre équitable règne ceux qui y demeurent. Ils vivront tranquillement sous l'aile de notre protection, il leur sera permis de réparer leurs porte et leurs fenêtres, ils conserveront en toute sureté les oratoires et les établissements qu'ils occupent actuellement, sans que personne puisse les opprimer les tourmenter d'aucune manière. Qu'on le sache ainsi. Neg. I. 129. — При Генрихѣ II Порта, по настоянiи французской дипломатiи, облегчила путешествiе и доступъ христіанамъ ко святымъ мѣстамъ. Фирманъ, данный по этому поводу, напеч. Neg. II. 589. прим. у Цинкайзена III. 814.

ратору на сѣверномъ берегу Африки, гдѣ Франція имѣла уже свои торговыя факторіи. И только разъ (1542) Франсуа успѣлъ направить турецкій флотъ противъ владѣній императора въ Испаніи и Италіи; но дѣйствіе его было таково, что король вынужденъ былъ уплатить огромную сумму денегъ Барбароссѣ, чтобы только заставить его отказаться отъ услугъ, на которыя онъ былъ вызванъ [1]). Вслѣдствіе этого отношенія Франціи къ Портѣ, замѣтно ослабѣвшія при концѣ царствованія самаго Франсуа, принимаютъ уже характеръ недружелюбный при его преемникѣ Генрихѣ II. Посолъ послѣдняго, Делявиль, по увѣренію австрійскаго посла Бюсбека, попрекалъ уже великаго визиря благодѣяніями, оказанными Турціи Франціей. «Вы воображаете, говорилъ Делявиль великому визирю, что вы своимъ оружіемъ взяли Офенъ, Гранъ, Штульвайзенбургъ и многіе другіе города въ Венгріи? Вы глубоко ошибаетесь. Не будь постоянной вражды между нашимъ и испанскимъ королями (такимъ именемъ всегда назывался Карлъ V въ Портѣ), вамъ не пришлось бы владѣть этими городами, и едва ли бы вы были безопасны отъ короля и въ самомъ Константинополѣ» [2]). Миръ въ Шато-Камбрези ослабляетъ ненависть Франціи къ габсбургамъ, и союзъ съ Портой въ политическихъ видахъ дѣлается менѣе необходимымъ. Предчувствіе религіозной борьбы, сдѣлавшееся особенно ощутительнымъ въ царствованіе Франсуа II, должно было болѣе или менѣе сосредоточить всѣ силы и капиталы во Франціи, и этимъ уничтожалось другое побужденіе къ союзу съ Турціей — торговые интересы. Кардиналъ Лорель первый наложилъ руку на этотъ союзъ, считая его несовмѣстнымъ съ достоинствомъ «христіаннѣйшаго короля». Оффиціальныя сношенія впрочемъ не прекращались; но званіе посла въ Константинополѣ замѣнено было агентомъ, которыми съ этихъ поръ были большею частію королевскіе камердинеры [3]). Сильныя движенія на Востокѣ по поводу войны Турціи съ

---

[1]) «Il avait trente deux trésoriers à Toulon (гдѣ стоялъ турецкій флотъ) qui trois jours durant ne cesserent de faire de sacs de mil, deux mil et trois milles écus chacun, et y employerent la pluspart de la nuit. Mémoires de Vielleville — у Цинкайзена, II. 857.

[2]) Avgerii Gislenei Busbequii legationis turcicæ epistolæ quatuor. 1633. у Цинкайзена II. 888.

[3]) «J'ay presentement dépeché Dola, mon vallet de chambre, pour aller resider mon agent á la porte du G. S.» писалъ Франсуа II своему послу въ Венеціи. Neg. II. 603.

Венеціей, такъ называемой кипрской, снова вызвали жаркую дѣятельность французской дипломатіи относительно Турціи. Кипрская война, начатая исключительно изъ личныхъ капризовъ жаднаго султана Селима II, и безъ всякаго повода со стороны Венеціи, вызвала сильное негодованіе нѣкоторыхъ христіанскихъ державъ противъ Турціи. Папа Пій V силы, собранныя для борьбы съ протентантизмомъ, рѣшился обратить на войну съ мусульманами. Онъ объявляетъ в. священную лигу. Филиппъ II первый вступаетъ въ эту лигу, прекративъ на этотъ случай борьбу съ ненавистными маврами (Neg. III. 129). Стараясь войну съ невѣрными сдѣлать общею для всего христіанства и возобновить нѣчто въ родѣ крестовыхъ походовъ, папа хотѣлъ вовлечь въ эту лигу Австрію и Францію. Но императоръ Максиміліанъ II принялъ строгій нейтралитетъ, опасаясь, что Турція, при малѣйшемъ его враждебномъ движеніи, сдѣлаетъ диверсію на сушѣ противъ его владѣній, въ то время какъ остальныя государства будутъ заняты на морѣ (Neg. III. 109. resumé). Франція, истощенная матеріально и разъединенная нравственно десятилѣтней религіозной войной, не могла вступить ни въ какое дорого-стоющее внѣшнее предпріятіе. Держаться же въ сторонѣ отъ лиги — значило дать усилиться Испаніи, какъ главной участницѣ ея. Сближеніе съ Турціей съ цѣлію разъединенія лиги было единственнымъ исходомъ для французскаго двора изъ этого политическаго затрудненія. Кромѣ того, чрезъ эту политическую комбинацію король Карлъ надѣялся достигнуть внутренняго успокоенія и матеріальнаго улучшенія Франціи. Союзъ съ Турціей, какъ съ врагомъ неневистнаго гугенотамъ короля Филиппа II, могъ сблизить предводителей ихъ съ партіей правительственной, чего король ревностно въ это время домагался. Левантская торговля, какъ одно общее предпріятіе, могла помирить католиковъ и гугенотовъ и улучшить разстроенное положеніе страны. Это было исходнымъ пунктомъ для втораго сближенія Франціи съ Портой (Negoc. III. 108). Первые шаги французской дипломатіи въ отношеніи лиги и Турціи были въ этихъ видахъ. Посолъ въ Римѣ, аббатъ Рамбулье, на требованіе папы о присоединеніи Франціи къ лигѣ, отвѣчалъ, что король священной обязанностію считалъ бы вступленіе въ лигу, если бы только участники ея преслѣдовали благо христіанства, а не свои личныя цѣли (Neg. III. 125. 511. 1570). На просьбы венеціанскаго посла въ Парижѣ, французскій дворъ отвѣчаетъ предложеніемъ помирить Венецію съ Турціей. (Цин. II. 928). Турція

между прочимъ въ виду ополченія христіанъ сама первая на этотъ разъ стала заискивать у Франціи. Въ 1569 году, предъ войной кипрской, она чрезъ агента французскаго въ Константинополѣ обѣщала самому королю содѣйствіе на расширеніе его территоріи на счетъ Австріи, а принцу Генриху Анжу на пріобрѣтеніе имѣющейся быть вакантной польской короны. Въ 1570 году султанъ Селимъ II письменно упрашивалъ короля остаться вѣрнымъ Портѣ (sans aucune doute, ni scrupule). Великій визиръ же, объясняя причины войны королю противъ (très superbe et ignorable nation) Венеціи, обѣщали подданнымъ его возвратить прежнія торговыя привилегіи (Neg. III. 133 и сл.) Ободренный такимъ искательствомъ Порты французскій дворъ составилъ уже планъ заведенія большаго торговаго флота, который долженъ былъ воротить господству Франціи Средиземное море, какъ это было во время короля Франсуа I.

Торжественное заключеніе лиги 21-го мая 1571 года (Депеша Рамб. III. 152) побудила французскій дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ концѣ того же мѣсяца король Карлъ извѣстилъ письменно султана о назначеніи въ Порту новаго агента съ званіемъ посланника (Neg. III. 164), который по своимъ особеннымъ качествамъ можетъ угодить вполнѣ ему. Выборъ государственнаго совѣта для этой миссіи палъ на епископа Дака, королевскаго совѣтника, который сосредоточивалъ въ себѣ все, что необходимо было для посланника при данномъ случаѣ. Будучи посломъ въ Венеціи въ концѣ царствованія Генриха II и началѣ Франсуа II, онъ успѣлъ коротко ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и понять что и при какихъ условіяхъ Франція можетъ извлечь изъ союза съ Турціей. Въ то время Делявиль на вопросъ Франсуа II, стоитъ ли продолжать связь съ Турціей, отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ, что не только нужно разорвать союзъ съ турками, варварскими собаками, но и слѣдуетъ еще отбатожить ихъ (Neg. II. 604). Дакъ же въ Венеціи убѣждалъ необходимостію въ интересахъ христіанства продолжать эти сношенія (Депеша Дака 18-го дек. 1559). Личная дружба, которую питалъ къ епископу король, какъ къ даровитому приверженцу его династическихъ интересовъ и ярому противнику габсбурговъ, давала послѣднему надежду искренно въ своихъ депешахъ высказывать свое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ сношенія съ Турціей (Negoc. III. 209). Наконецъ, званіе епископа на этотъ разъ могло имѣть свое значеніе; это должно было, по разсчету короля, убѣдить Порту, что религіозная ненависть хри-

стіанъ къ мусульманамъ, воодушевлявшая вообще всю лигу, и чего по преимуществу опасалась Порта, раздѣляется не всѣми даже духовными. При самомъ началѣ своей миссіи епископъ встрѣтилъ большія препятствія. Въ Венеціи, единственной дорогѣ изъ Франціи въ Турцію, онъ задержанъ былъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ и вначалѣ по внѣполитическимъ причинамъ: всѣ венеціанскіе корабли были въ союзномъ флотѣ, крейсировавшемъ около Мореи. 7 октября, день лепантской побѣды, произвелъ цѣлый рядъ непредвидимыхъ политическихъ затрудненій для епископа. Извѣстіе о сильномъ пораженіи турокъ произвело въ короткое время перевороты въ мнѣніи христіанъ о Турціи. Нужно замѣтить, что европейскія правительства, до этого времени, были убѣждены въ непобѣдимости турокъ. Помимо громадныхъ военныхъ успѣховъ Турціи, мнѣніе это поддерживаемо было разными сочиненіями, вышедшими изъ-подъ пера лицъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ Турціи. Особенную популярность имѣли, упомянутыя мною, письма австрійскаго посланника при Портѣ Бусбека, который необыкновенно рельефно выставилъ преимущества военной организаціи Турціи предъ европейскими государствами. Можно предполагать, что подобное мнѣніе даже раздѣлялось и массой народа. Лютеръ жаловался на священниковъ, проповѣдующихъ съ церковныхъ каѳедръ, что попытки христіанъ побѣдитъ турокъ останутся тщетными [1]). День лепантской побѣды обнаружилъ несостоятельность этого мнѣнія. Понятно, что лепантская побѣда должна была произвести значительную перемѣну въ виновникахъ ея, участникахъ лиги. Филиппъ II разомъ поднялся въ глазахъ католической Европы; въ Донъ-Жуанѣ она видѣла орудіе провидѣнія для разрушенія Турціи. Венеція, мечтавшая только о возвращеніи Мореи, тѣснѣе сблизилась съ Филиппомъ II. Папа, желая пріобрѣсти своей лигѣ бо́льшую репутацію, въ сравненіи съ другими лигами, составленными его предшественниками, старался примирить частные интересы членовъ лиги, чтобы направить къ одной цѣли. Взятіе Константинополя при содѣйствіи 40,000 христіанъ, на возмущеніе которыхъ въ Константинополѣ надѣялась лига, это былъ идеалъ соучастниковъ ея. Понятно, что миссія Дака, не оставаясь тайной, была неблагопріятна для лиги. Не давать ему дороги въ Турцію—было цѣлію лиги. Венеція требовала отъ Франціи отозванія его. Филиппъ обѣщалъ легату пап-

[1]) Лютеръ, «Vom Kriege wider die Türken» стр. 2.

скому выхлопотать кардинальскую митру, если только онъ успѣетъ убѣдить Венецію задержать епископа (Neg. III. 216). Папа отправилъ въ Парижъ особеннаго легата съ предложеніемъ объ отозваніи епископа подъ предлогомъ сомнительныхъ его религіозныхъ убѣжденій, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви (Negoc. III. 154). Между прочимъ та же лепантская побѣда усилила еще болѣе интересы для сближенія Франціи съ Турціей. Филиппъ II, возвышенный этой побѣдой, казался опаснымъ не одному только Карлу IX но и могущественной Елизаветѣ. Это вызвало заключеніе оборонительнаго союза противъ Испаніи между Франціей и Англіей (Neg. III. 244). Пріобрѣтеніе Нидерландовъ для герцога Анжу было отдаленной цѣлію этого союза. Поэтому соглашеніе съ Турціей было необходимо для того, чтобы чрезъ нее задержать Испанію отъ нападенія на Францію, въ то время какъ послѣдняя будетъ распоряжаться въ Нидерландахъ. Въ свою очередь, Дакъ видѣлъ въ лепантской побѣдѣ или «бастонадствѣ турокъ», по его словамъ, средство для легкаго достиженія своихъ цѣлей. Внушеніемъ Портѣ, что она могла бы понести еще большія потери, если бы въ лигѣ участвовала Франція, можно было расположить ее, по мнѣнію епископа, къ благодарности и вытребовать все необходимое для него (Neg. III. 201). Все это заставляло Дака торопиться своимъ отправленіемъ изъ Венеціи. Послѣ разныхъ дипломатическихъ уловокъ, епископу удалось сдѣлать подозрительнымъ участіе Филиппа II въ лигѣ и убѣдить синьорію лучше искать мира, чѣмъ продолжать войну при ненадежномъ союзникѣ (Neg. III. 231). Въ декабрѣ 1571 епископъ получилъ одну изъ галеръ, участвовавшихъ въ лепантской побѣдѣ, на которой онъ долженъ былъ отправиться въ Порту, давъ обѣщаніе Венеціи помирить ее съ Турціей. Теперь спрашивается, какъ понималъ цѣль своей миссіи самъ посланникъ? Это мы узнаемъ изъ одной памятной записки, представленной имъ королю, въ которой онъ высказалъ свое мнѣніе на цѣль союза съ Портою (Neg. III. 253—260). Въ этомъ письмѣ онъ доказываетъ, на основаніи историческихъ традицій, необходимость возстановленія французскаго вліянія на св. мѣста и господства флота на Средиземномъ морѣ, и съ нѣкоторою подробностію останавливается на цѣляхъ политическихъ. Выходя изъ положенія, что союзъ съ Турціей необходимъ для уравновѣшенія могущества габсбургскаго дома (... contre-peser l'excessive grandeur de la maison d'Autriche), епископъ убѣждаетъ короля не поддаваться предложенію

Филиппа II о вступленіи въ лигу [1]). Участіемъ въ лигѣ король можетъ потерятъ много и ничего невыиграть (vous arriverez toujours trop-tard au butin et trop-tost aux coups). Если бы лигѣ и удалось завоевать Турцію, Франція всегда, безъ участія въ лигѣ, можетъ получить свою долю (et si cela doit advenir, le gasteau ne se despartira pas sans V. M.). Впрочемъ, этотъ подвигъ завоеванія всей Турціи, по словамъ епископа, долженъ принадлежать королю. Будучи внѣ лиги и въ союзѣ съ Турціей, король, оставаясь дома, легко можетъ преслѣдовать свои цѣли въ Нидерландахъ. При этомъ Турція можетъ задержать Испанію отъ враждебныхъ покушеній на Францію. Такимъ образомъ цѣль союза съ Турціей, по мыслямъ епископа, троякая: религіозная, торговая и политическая. Для Турціи того времени одни только политическія цѣли имѣли значеніе, только на нихъ Франція могла сблизиться съ Портой. Какія же политическія цѣли преслѣдовала Порта въ это время? Политическое положеніе Турціи въ это время было болѣе благопріятно, чѣмъ въ періодъ перваго сближенія Франціи съ Портою. Государства, которыхъ опасалась Турція во время Франсуа I и противъ которыхъ союзъ съ послѣдними былъ полезенъ, не возбуждалъ болѣе никакого опасенія. Императоръ Максимиліанъ II, по замѣчанію байли (1576) Саранцо (Alberi vol. 1. 204), мало пользовался уваженіемъ въ Портѣ; слабость его военныхъ силъ, пустота его казны были хорошо извѣстны султану. Отказъ его отъ вступленія въ лигу не мало содѣйствовалъ паденію его въ мнѣніи Порты. На папу, по замѣчанію другаго байли (1573) Гарцоли, Турція смотрѣла какъ на государя, имѣющаго силу вооружать другія государства противъ нее. Въ это же время вѣра въ его нравственное вліяніе на другія христіанскія государства была потеряна (Происхожденіе лиги Порта приписывала Испаніи). Еще болѣе Порта не вѣрила въ матеріальныя силы папы. Великій визиръ этого времени считалъ достаточнымъ двухъ сандгаковъ, чтобы взять самый Римъ. Венеція, существованіе которой было въ рукахъ Порты, что̀ послѣдняя хорошо сознавала, не возбуждала тоже никакого опасенія. Одна Испанія была предметомъ опасенія для Порты этого времени. Опасеніе ея особенно увеличилось послѣ лепантской побѣды. Въ письмѣ султана Селима къ Донъ-Жуану, посланномъ вмѣстѣ съ дарами послѣ ле-

[1]) «Cela me fait espérer, sire, que Dieu vous a réservé cette entreprise et que la guerre de la ligue ne servira qu'a vous y (Константинополь) dresser le chemin».

пантской битвы, сквозь надменныя угрозы проглядываетъ страхъ предъ побѣдителями [1]). Обезсиленіе этаго опаснаго и единственнаго на западѣ врага было главной цѣлію политики Порты; это она расчитывала сдѣлать при помощи Франціи [2]). На этомъ пунктѣ Турція только и хотѣла сближенія съ Франціей. Сама Франція не внушала болѣе никакого страха Турціи. Слабость ея вслѣдствіе религіозныхъ войнъ извѣстна была въ Портѣ. Кромѣ того, Порта въ гугенотахъ видѣла силу, по ея расчету, полезную въ случаѣ вражды съ католическимъ правительствомъ. При этомъ нельзя не замѣтить, какое имѣли значеніе протестанты въ глазахъ Порты. По замѣчанію нѣмецкаго ренегата, бывшаго на службѣ у великаго визиря Магомета-Соккоми и оставившаго замѣчательные мемуары (Tagebuch), Герлаха, Порта на протестантовъ смотрѣла иначе, чѣмъ на папистовъ, такъ какъ они преслѣдовали поклоненіе иконамъ. У плѣнныхъ христіанъ они спрашивали объ ихъ исповѣданіи и, на основаніи замѣчанія одного плѣннаго протестанта, можно предполагать, что съ плѣнниками протестантами турки обходились снисходительнѣе, чѣмъ съ католиками [3]). Эти два свидѣтельства получаютъ большую важность, припомнивъ одну изъ причинъ, вызвавшихъ преслѣдованіе почитанія иконъ въ Византіи. Австрія и Франція знали о подобныхъ чувствахъ мусульманъ къ протестантамъ и потому не безъ намѣренія, по замѣчанію Цинкайзена (Ш.

[1]) Я привожу это письмо, въ первый разъ напечатанное Шарьеромъ. «Selim... à Juan d'Austria, capitaine de valeur singulière; ne dedaigne luy donner place parmi ses haults pensées, et le visiter de son sceau d'or, qui rend bien heureux ceux qui le regardent. Ta vertu, Jean trés génereux, laquelle a esté destinée, après si long espace de temps, pour estre le seul commencement de dommages que jamais la souveraine toujours heureuse et auguste maison ottomane aye ressenti des chrestiens, me convie, encore qu'offensé, à te faire les dons, que tu doit considérer, et encore plus estimer, pour certaine plus qu'autre tienne fortune, venans de la part de celuy, lequel, estant le plus grand de tous les humaines, se faict presque égal à toy seul avec sa libéralité présente, te rendent digne de la connoissance de sa hauttesse; chose qui a esté plus aysée jusques icy à plusieurs désirer que espérer d'obtenir. Prie Dieu qu'il te garde de nostre ire». Neg. III. 247.

[2]) Объ этомъ можно судить по отзывамъ Соранцо (1576). «Col re di Francia, non tienne piu il signor Turco alcuna amicizia perciocche il fondamento principale che le faceva essere con quello segretamente congiuoto, era accioguerregiasse colle re di Spagna». Alberi I. 202.

[3]) «Dicunt te lutheranum esse», говоритъ Хіосскій кади плѣннику Палеологу, «nos lutheranos defendere solemus, quoniam melius de Deo sentire videntur et nobiscum parum dissentiunt». Цин. III. 476.

476), назначали по временамъ послами въ Константинополь лютеранъ. Но въ подобныхъ воззрѣніяхъ мусульманъ на протестантовъ политическая сторона играла можетъ быть бо́льшее значеніе. О враждѣ христіанъ между собой турки молились во всѣхъ мечетяхъ, по замѣчанію Дака. Въ этихъ видахъ Солиманъ даже поддерживалъ германскихъ протестантовъ. Въ инструкціи императора Карла V, данной послу Шепперу въ 1533 году для переговоровъ съ Портой, требовалось, чтобы послѣдняя обязалась не помогать лютеранамъ [1]). Тотъ же султанъ въ пору ослабленія дружбы съ Франціей, имѣлъ планъ войти въ сношеніе съ адмираломъ Колиньи. Впрочемъ, депеши агентовъ, упоминая часто объ интригахъ гугенотовъ въ Портѣ, ничего не представляютъ объ этомъ загадочномъ фактѣ. Шарье даетъ вѣру одному мѣсту въ мемуарѣ Брантома, въ которомъ между прочимъ говорится, что слава объ адмиралѣ Колиньи дошла даже до Турціи, и Солиманъ не задолго до своей смерти искалъ его дружбы, чтобы пользоваться его совѣтами, какъ какого нибудь оракула (Mémoires de Brantome, tom. IX. 218). Замѣчательно, что пріѣздъ Колиньи ко двору Карла IX совпадаетъ съ временемъ отправленія епископа въ Турцію. Коротко, политическое настроеніе Турціи представляло мало благопріятныхъ условій для дѣйствій французскаго посла. Помимо этого при самомъ султанѣ была одна вліятельная личность, враждебно настроенная противъ Франціи и готовая, не разбирая средствъ, вредить ей. Это португалецъ Миквецъ. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ безчисленныхъ христіанъ авантюристовъ, которыми всегда была полна Порта и которые, составивъ тамъ себѣ счастіе, служатъ всегда ко вреду христіанскихъ державъ. Въ царствованіе Солимана II онъ, по рекомендаціи французскаго посла, явился въ Константинополь и здѣсь, принявъ іудейство, женился на дочери одного богатаго еврея. Принявъ участіе въ иностранномъ ліонскомъ банкѣ, имѣвшемъ сношенія съ Левантомъ, Миквецъ въ короткое время пріобрѣлъ огромнѣйшее состояніе и какъ банкиръ сдѣлался извѣстенъ многимъ европейскимъ государямъ. Франція и Венеція были его должниками. Въ царствованіе Селима II, дѣятельность Миквеца главнымъ

---

[1]) ...«quod fiat capitulatio et assecuratio de prefato Thurca, quod se non interponent de negociis sanctae fidei qualitercunque sit, neque dabit auxilium, favorem, supportationem nec assistentiam qualemcunque, directe aut indirecte ipsis lutheranis et aliis deviantibus a fide». У Цин. II. 811.

образомъ сосредоточивается въ Турціи. Чрезъ умѣнье льстить порокамъ султана и покрывать его расточительныя издержки, Миквецъ такъ сблизился съ султаномъ, что тѣсная дружба ихъ подала поводъ къ народной молвѣ, будто султанъ былъ сыномъ не Солимана I, а Миквеца. Онъ получилъ отъ султана остр. Хіосъ съ титуломъ герцога; на одной изъ оргій, во время кипрской войны, султанъ обѣщалъ сдѣлать Миквеца королемъ Кипра, если только послѣдній будетъ завоеванъ. Самъ Миквецъ, опираясь на дружбу султана, мечталъ о возстановленіи царства іудейскаго и онъ получилъ уже позволеніе построить городъ на озерѣ Тиберіадскомъ, какъ резиденцію новаго царства, въ которомъ царемъ надѣялся быть самъ Миквецъ [1]).

Большія издержки на султана и это предпріятіе требовали и большихъ средствъ. Онъ обратился къ должникамъ Венеціи и Франціи. Послѣ неудачныхъ попытокъ принудить означенныя государства къ добровольной уплатѣ долга, Миквецъ обратился къ репрессаліямъ. 1564 г. въ Венеціи взорванъ былъ его агентами арсеналъ и подъ главнымъ его вліяніемъ начата были султаномъ «кипрская война». Что касается до Франціи, подъ вліяніемъ его Порта наложила амбарго на корабли и имѣніе французскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Александріи. Кромѣ этого, Миквецъ таилъ къ Франціи сильную ненависть и въ прибытіи Дака въ Порту — нашелъ случай отомстить ей. (О Миквецѣ: Neg. II. 403, 707, 735, 773. III, 60, 84). Епископъ зналъ свойство почвы, на которой ему приходилось работать. И потому онъ, будучи еще въ Венеціи, употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ облегчить себѣ доступъ въ Порту. Такъ Венеція держала у себя, въ качествѣ заложника, турецкаго агента Магомета, посланнаго султаномъ при началѣ «кипрской войны» во Францію для переговоровъ о союзѣ; Магометъ слылъ за опытнаго дипломата и пользовался большимъ расположеніемъ султана. На него смотрѣлъ Дакъ какъ на какой нибудь талисманъ. Освобожденіемъ его онъ думалъ предрасположить къ себѣ впередъ султана, а въ Магометѣ пріобрѣсти руководителя при первыхъ трудныхъ шагахъ въ Портѣ (Neg.

[1]) Micques a eu permission du G. S. confirmée de sultan Selim et de son fils, de pouvoir bastir une ville au dessous de Saphet, sur le rivage du lac de Tiberiade, en laquelle ne pourront habiter autres que juifs, et de faict propose pour ce renouveau commencer son chef d'oeuvre par là, dessaignant, ainsy que l'on juge, de se faire roi de juifs. Депеша Петрополя 1563. Neg. II. 734.

III, 220). Не успѣвъ выручить Магомета, епископъ, при появленіи въ Константинополь, употреблялъ все, что могло служить его цѣли. Первую аудіенцію или церемонію цѣлованія руки султана онъ, наперекоръ старому обыкновенію, старался сдѣлать какъ можно болѣе торжественной; онъ имѣлъ свиту въ 18 человѣкъ; онъ былъ первый изъ французскихъ пословъ, который торжественно поднесъ султану дары [1]). На аудіендіи у великаго визиря епископъ въ преувеличенномъ видѣ представилъ услуги короля для Порты, утверждая между прочимъ, что онъ удержалъ императора и германскихъ князей отъ вступленія въ лигу (Neg. 274). Это произвело свое дѣйствіе. Султанъ оказался благосклоннымъ и далъ епископу надежду на исполненіе всѣхъ требованій короля [2]). Великій визиръ, въ знакъ особеннаго вниманія, подарилъ ему пару лучшихъ собственныхъ лошадей. Но дальнѣйшія дѣйствія Порты далеко не благопріятствовали видамъ епископа. На требованіе его о возстановленіи прежняго значенія французскаго флага въ турецкихъ гаваняхъ и объ удаленіи изъ нихъ флаговъ другихъ государствъ, великій визирь отказалъ, указывая на ущербъ, который можетъ понести Порта въ таможенныхъ доходахъ отъ подобной мѣры [3]). Эта первая неудача была чувствительна для епископа, усердно стоявшаго за француз-

---

[1]) «Cejourdhui (23-го марта) j'ay esté baizer les mains dudict G. S. avec dix-huit gentilzhomes françois, qui est plus de nombre qu'il n'en a esté encores admis en semblable occasion, en toutes lesquelles allées et venues les faveurs et ceremonyes en honneur et de prince ont surmonté les coustumes antiennes, tant de leur part que de la myenne... писалъ Дакъ королю. Neg. III, 250. Дары въ Портѣ въ это время играли особенно важную роль. Подкупы, свойственные всѣмъ націямъ восточнымъ, сдѣлались общественнымъ зломъ въ Турціи при великомъ визирѣ Магометѣ-Сокколи. Всѣ должности въ Турціи, не исключая и учительскихъ, обложены были извѣстными податями подъ именемъ подарковъ «... Вассальныя государства тоже были обложены этими дарами. Другія государства при дипломатическихъ сношеніяхъ не могли не давать этихъ даровъ. Венеція каждогодно подносила эти дары, какъ актъ вѣжливости (atto cortese e civile). Австрія давала эти дары подъ именемъ «пансіона» и даже съ излишнимъ усердіемъ. Французскій дворъ смотрѣлъ на эту раздачу даровъ какъ на «дань» и считалъ унизительнымъ для государства давать ихъ. Вслѣдствіе этого, французская дипломатія часто терпѣла неудачи. Епископъ на первый разъ старался поправить эту ошибку. О системѣ правленія Магомета Сокколи. Цин. III, 96 — 107.

[2]) Требованія эти выражались въ нотѣ Карла IX, переданной епископомъ султану. (Neg. III. 240).

[3]) Bassa dit, извѣщалъ епископъ короля, que nous voulons les priver d'une très grand augmentations de revenu.

скую торговую монополію на Левантѣ, и онъ въ желчной досадѣ извѣщалъ короля, что послѣ этого не останется ни одного мелкаго принца между христіанскими державами, у котораго не было бы охоты помѣститься въ Портѣ, и между ними особенно желаетъ этого Филиппъ (Памятн. записка епископа). Эту первую неудачу Дакъ приписалъ тому, что онъ не успѣлъ освободить изъ-подъ ареста Венеціи Магомета (Neg. III, 260). На другое требованіе, чтобы Порта поддержала возстаніе мавровъ въ Испаніи, для того, чтобы задержать Филиппа II отъ враждебныхъ покушеній на Францію, великій визирь заявилъ свое требованіе и настойчиво преслѣдовалъ его, именно — Франція должна объявить войну Испаніи. Рѣшительный отказъ епископа отъ сей войны вызвалъ явную холодность къ нему великаго визиря, что на первый разъ выразилось тѣмъ, что епископу и его лошади уменьшено было дневное содержаніе (Neg. III. 297). Эту неудачу епископъ приписалъ интригамъ Миквеца. Несмотря на неловкость своего положенія, въ которое епископъ былъ поставленъ этими двумя неудачами, онъ приступилъ къ переговорамъ о вопросѣ очень щекотливомъ для того времени, это объ уступкѣ Алжира принцу Анжу подъ вассальной зависимостію Порты. Когда созрѣлъ этотъ планъ при французскомъ дворѣ и какія прямыя цѣли преслѣдовались имъ, опредѣлить, по недостатку данныхъ въ депешахъ, трудно. Можно только съ достовѣрностію предположить, что въ Алжиріи французскій дворъ думалъ пріобрѣсти такую же точку опоры противъ Испаніи, какую онъ имѣлъ, во время Франсуа, въ Венгріи противъ Австріи. Въ этихъ видахъ французское правительство, со времени Барбароссы, завязало связи съ алжирскими владѣтелями и поддерживало ихъ въ войнѣ съ Испаніей разными военными снарядами (Депеша Дака. Neg. III. 287). При данномъ моментѣ, объ этомъ извѣстно только то, что поводъ къ этому плану дали сами туземцы, которые, потерявъ вѣру въ силу Турціи послѣ лепантскаго пораженія и опасаясь Испаніи, сами просили покровительства у короля (Письмо Карла IX, Neg. III. 291, примѣчаніе). Судя по тогдашнему политическому положенію Турціи, подобный шагъ со стороны Франціи можно назвать смѣлымъ. Турція, какъ военное государство, съ перваго дня своего царствованія въ Европѣ держалась положенія уступать только одной силѣ въ сношеніяхъ съ христіанскими державами. Попытки европейскихъ государствъ пріобрѣсти отъ Турціи что нибудь путемъ переговоровъ оскорбляли военную честь Порты. Подобный взглядъ нигдѣ такъ не выражается, какъ въ дипломати-

ческихъ сношеніяхъ христіанскихъ принцевъ съ Портой по дѣлу Венгріи. Послу Запойлы, явившемуся въ Константинополь, послѣ роковой для Венгріи битвы для Могачѣ, съ предложеніемъ уступки Венгріи, одинъ изъ визирей замѣтилъ: «нашъ законъ таковъ: всѣ тѣ земли, гдѣ побываетъ глава нашего государя, гдѣ голову его лошади можно видѣть хотя одинъ разъ, навѣки подчиняются нашему господству (Цин. II. 660)». Послу короля Фердинанда, явившемуся съ тою же цѣлію, великій визирь отвѣчалъ: «все, пріобрѣтенное мечемъ, можетъ быть имъ только и отнято» (Цин. II. 668). Позднѣе, когда явились трое пословъ Фердинанда съ требованіемъ выдать нѣкоторыя крѣпости, завоеванныя Солиманомъ въ Семиградіи, визирь отвѣчалъ, что если эти требованія будутъ сообщены султану, они подвергнутъ опасности пословъ. Двое пословъ, по меньшей мѣрѣ, говорили они, будутъ брошены въ тюрьму, третій же, главный, съ обрѣзанными ушами и носомъ будетъ отосланъ къ своему государю (tertius naso atque auribus truncatis) (Цин. II. 878). Такъ цѣнила Турція земли христіанскія; еще болѣе она дорожила землями мусульманскими. Уступкой земель мусульманскихъ Порта могла вооружить противъ себя общественное мнѣніе, направляемое янычарами. Это понималъ епископъ, и потому переговоры объ Алжирѣ онъ считалъ дѣломъ опаснымъ для своей личности. Не смотря на это, онъ принялся за нихъ съ усердіемъ. Обстоятельства благопріятствовали ему: флотъ лиги подъ командой Донъ-Жуана стоялъ въ Мессинѣ и оттуда грозилъ всему берегу Африки. Епископъ при переговорахъ обѣщалъ отъ имени принца, что послѣдній свою жизнь и силы положитъ на защиту Алжира противъ Испаніи, далѣе, обѣщалъ дань по желанію султана, кромѣ того большій подарокъ (un grand présent bien pesant) визирю и пожизненный пансіонъ [1]). Переговоры длились недолго. При двухъ свиданіяхъ съ великимъ визиремъ епископъ всякій разъ получалъ увѣренія въ благосклонности султана къ принцу (III. 296). При третьемъ же свиданіи епископъ, сверхъ ожиданія, получилъ положительный отказъ; султанъ, объявилъ визирь ему, готовъ былъ пожаловать принца Алжиромъ, но, посовѣтовавшись съ муфтіемъ, нашелъ невозможнымъ это сдѣлать,

[1]) ... ay-je dit, que Monseigneur vostre frère m'avoir escript que s'il plaisoit au G. S. luy donner ce royaume la, qu'il employerait plus volontiers et sa vie et ses forces pour empescher que le roy d'Espaigne s'en emparast et luy payeroit le tribut accoustumé ou tel autre dont il se voudroit contenter. Neg. III, 294.

потому что въ немъ съ давнихъ поръ находятся мечети, въ которыхъ совершаются и служба по мусульманскому обычаю, и судъ на основаніи корана. Такъ кончилось это предпріятіе, достиженіе котораго могло бы измѣнить совершенно положеніе Турціи въ Европѣ. Но въ виду грознаго положенія христіанскаго флота и можетъ быть изъ желанія отклонить Францію отъ новыхъ попытокъ и переговоровъ объ Алжирѣ, султанъ далъ епископу надежду на заключеніе такого торговаго трактата, котораго только могъ желать епископъ. Кромѣ того, султанъ обѣщалъ каждогодно высылать въ Средиземное море 200 кораблей, если только Франція объявитъ войну Испаніи [1]). Всѣ завоеванія въ Италіи и Испаніи будутъ принадлежать Франціи (Neg. III. 314). По мнѣнію епископа, этотъ договоръ самый выгодный изъ всѣхъ заключаемыхъ Франціей на Левантѣ. Но извѣстіе о варѳоломеевской ночи снова затруднило положеніе французскаго дипломата въ Портѣ [2]). Здѣсь распространены неизвѣстно кѣмъ слухи, что послѣ варѳоломеевской экзекуціи (de exécutions de Paris) Франція соединится съ Испаніей, чтобы общими силами напасть на Турцію. Епископъ употреблялъ все стараніе, чтобы разсѣять этотъ слухъ, но напрасно. По нрежнему онъ сталъ терпѣть пораженія. Онъ требовалъ исполненія обѣщанія даннаго Селимомъ

---

[1]) «che se in el paese di Italia e di Spagna si acquistera alcuno paese da poterci mantenere et guardare, che dai nostri et dalla nostra parte non siano occupati ne possedati».

[2]) Между современниками ходило мнѣніе, что Порта имѣла нѣкоторое вліяніе на варѳоломеевскую ночь. D'Aubigné въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о нѣкоемъ Poncet, который путешествовалъ по востоку и по возвращеніи приглашенъ былъ ко двору для сообщенія своихъ впечатлѣній, «le roi et la reine, prenant plaisir à lui faire conter ses longs et divers voyages, Poncet disait qu'il avait vu les rois chrestiens et plusiers autres, mais qu'il n'avait jamais vu qu'un vray roi, à scavoir le G. S. pour ce que luy seul avait en sa main le bien, la vie et honneur de tous se subjects. Premièrement, pour ce qu'en son empire il n'y a nulles dignités naturelles, point de princes, point de grands qui ne doivent ce qu'ils sont qu'a leur roy et qui ne soient prestes de périr pour un clin de son oeil; nul gentilshommes que ses janissaires, qui s'appellent fils du seigneur, et par lesquels, sans égard de race et de parentage, tous sont astreints et contraints à leur devoir. Il n'y a nulle autre religion que celle du prince ..... nulles terres ni fondes à aucun possesseur, toutes appartiennnent au fisc ou sont menagées par le janissaires. On demanda à Poncet par quel moyen la France se pourrait mettre en cet estat. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о совѣтахъ, предложенныхъ Poncet, для того чтобы привести Францію къ тому благосостоянію, въ какомъ находится Турція; освобожденіе себя отъ гугенотовъ какъ одна изъ мѣръ для этой цѣли. (d'Aubigné t. II, 108. Neg. Примѣч. 235).

о торговомъ договорѣ, Порта не хотѣла слышать объ этомъ. Просилъ взаймы 3,000,000 дукатовъ, которые нужны были Карлу IX для залеченія ранъ варѳоломеевской ночи; султанъ отказался, ссылаясь на запрещеніе корана. Послѣдній отказъ далъ поводъ епископу назвать султана скрягой, который ни въ чемъ такъ не соблюдаетъ корана, какъ въ отношеніи мѣста, которое запрещаетъ давать христіанамъ деньги въ долгъ. (Тамъ же, III. 371). Способъ избранія на польскій престолъ Генриха Анжу и неудачная роль, которую пришлось разыграть при этомъ Портѣ, поставили еще болѣе въ затруднительное положеніе французскаго дипломата. Въ чемъ же состояло участіе Порты при этомъ избраніи? Прежде отвѣта на этотъ вопросъ необходимо сказать нѣсколько словъ о характерѣ начальныхъ сношеній между Турціей и Польшей.

Турція вскорѣ послѣ подчиненія Молдавіи должна была стать въ враждебныя отношенія къ Польшѣ. Притязанія послѣдней на Молдавію — причина этого. Но Турція, занятая дѣлами на Балканѣ, старалась держать Польшу въ покоѣ и заключала съ ней мирные договоры (Цин. II. 501). Это согласіе, которое можно считать вынужденнымъ съ той и другой стороны, ко 2-й четверти XVI вѣка дѣлается искреннимъ. Къ этому времени политическіе интересы сблизили государей обѣихъ державъ, Солимана II и Сигизмунда II. Нейтральное положеніе Польши во время борьбы Турціи съ Австріей изъ-за Венгріи было очень важно для Солимана, поэтому онъ старался жить въ мирѣ съ Сигизмундомъ [1]). Послы Сигизмунда принимались на аудіенціяхъ порты съ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ послы другихъ государствъ. (Neg. II, 759). Въ свою очередь Сигизмундъ-Августъ при возрастающемъ могуществѣ Москвы смотрѣлъ на Турцію какъ на естественную свою союзницу. Извлеченія Гаммера изъ архивовъ князей Чарторыжскихъ въ Пулавахъ содержатъ въ себѣ много данныхъ о переговорахъ Польши съ Портой съ этой цѣлію. (Gesch. Osm. R. IV. 727 — 743). Сигизмундъ-Августъ, вступая въ союзъ съ Молдавіей, обѣщался защищать ее противъ всѣхъ ея враговъ, за исключеніемъ Турціи, какъ государства съ давнихъ поръ дружественнаго [2]). При этомъ сближеніи Порта узнала многія сла-

[1]) «Con serenissimo re di Polonia tiene (Солиманъ) e conserva l'amicizia e pace continua» гов. Байли Травезано. «Il re Polonia si trova in pace col signor Turco e sta in neutralita» говорилъ Людовико, Альбери. 1 ч. 23. 159.

[2]) «...excepiendo tamen imperatorem Turcorum, cum quo Regia Majestas et co-

бия стороны Польши и она потеряла вѣсъ въ ея глазахъ. Отсутствіе въ Польшѣ способныхъ людей, которые были бы въ состояніи управлять страной и поддержать ея репутацію, желаніе Польши жить въ мирѣ съ Турціей и, наконецъ, раздѣленіе Польши на секты, которыхъ по счету турокъ было болѣе 17, вотъ причины, почему Польша, по свидѣтельству венеціанскаго посла Соранцо, потеряла всякое уваженіе при Портѣ [1]). Поэтому Порта еще за два года до смерти послѣдняго Ягеллоновича уже считала себя въ правѣ распоряжаться польскимъ престоломъ. Въ 1569 г. въ виду лиги она предлагала принцу Анжу руку сестры Сигизмунда-Августа (mariage grandement advantageux et favorable) а съ ней и надежду на польскую корону. При этомъ Порта дала знать французскому двору, что коль скоро Франція, Турція, Польша и Трансильванія будутъ соединены дружбой, ничто не можетъ мѣшать ихъ планамъ (Neg. II. 76). Этимъ предложеніемъ, отклоненнымъ въ 1569 г. въ надеждѣ сдѣлать принца Анжу мужемъ королевы Елисаветы, Франція спѣшила воспользоваться съ большимъ усердіемъ послѣ смерти Сигизмунда. Со смертію послѣдняго Запойлы (1571) Франція потеряла въ Трансильваніи свою опору противъ Австріи. (Neg. III. 148 примѣч.). Польша съ избыткомъ могла вознаградить эту потерю. Есть основаніе предполагать, что Франція чрезъ пріобрѣтеніе Польши расчитывала между прочимъ на усиленіе своего вліянія на дѣла самой Порты. Посолъ венеціанскій Феррье, около времени выборовъ на польскій престолъ, писалъ къ королю Карлу IX, что для успѣшнаго дѣйствія въ Турціи Франціи необходимо имѣть какую нибудь пограничную съ ней землю, откуда она могла бы грозить ей разрушеніемъ [2]). Раздѣлялъ ли подобныя мысли дворъ,

---

rona Poloniae ab antiquis tamporibus bonam amicitiam et vicinitatem colit». Энгель. Geschichte der Moldau. II. 218.

[1]) «Il regno di Polonia è tenuto in niun conto doci Turchi.... perche vedono che non hanno uomini di stato da procedere e non sanno mantenere la regulazione, e che troppo alla chiara si lasciano intendere di voler la pace col signor Turco, e di temere le sue forze.... A ecresce auco grand dunno alla riputazione di qual regno il rispetto della religione il quale rispetto li fa disuniti inemici tra loro: imperocche in quel regno sano piu di diciassette eresie e tote differente l'una dale altra e meravigliosa cosa è vedere in una casa, il padre tenere in opinione, la madre un altra, ed i figli ognuno di loro una diversa. Alberi. III. 337.

[2]) «Et se voit assez qu'il est impossible de tirer dudict G. S. aucun grande et avantageux party, comme seroit de mettre en vos mains quelque province d'une infinité qu'il en a et laisse en friche, pour la crainte qu'il a d'estre ruiné par vos forces,

на основаніи депешъ нельзя ничего положительнаго сказать, но что эти мысли ходили въ дипломатическомъ кругу, это фактъ. Епископъ въ числѣ преимуществъ пріобрѣтенія Польши между прочимъ ставилъ то, что чрезъ это Франція усилитъ средства для сокрушенія Турціи [1]).

Слѣдить за выборами не входитъ въ мою задачу [2]); я ограничусь только обстоятельствами, направлявшими политику Порты въ этомъ вопросѣ. Главная дѣятельность при пріобрѣтеніи польской короны для принца Анжу матери королевы. Сынъ ея совѣтника и друга, епископа Валенсіи Монлюка, вскорѣ послѣ смерти Сигизмунда былъ отправленъ ею въ Польшу съ цѣлью выпытать мнѣнія польскаго дворянства (Neg. III. 226). Карликъ Жанъ Красовскій, жившій при дворѣ ея болѣе 25 лѣтъ и бывшій по ея порученію въ Польшѣ, привезъ отъ правительственныхъ лицъ программу инструкціи, съ которой былъ отправленъ въ Польшу какъ посолъ епископъ Монлюкъ [3]) (l'un des conseilleurs intimes de la reine mère). Но при французскомъ дворѣ хорошо былъ извѣстенъ тотъ страхъ, который питала Польша къ Портѣ; въ инструкціи, данной Монлюку, было между прочимъ обѣщаніе отъ будущаго короля держать Польшу въ мирѣ съ Портой — и потому чрезъ ея вліяніе король хотѣлъ дать успѣшный ходъ своему дѣлу. «Я считаю султана вѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ моихъ друзей, писалъ король къ Даку отъ 30-го ноября 1572 г., и мнѣ будетъ очень пріятно, если онъ меня заставитъ чувствовать плоды этой дружбы въ дѣлѣ, которому я придаю особенное значеніе и за которое я останусь ему обязаннымъ. Я прошу васъ употребить въ этомъ дѣлѣ всю свою ловкость, чтобы заставить султана послать въ Польшу торжественное посольство съ цѣлію потребовать отъ депутатовъ избранія въ короли моего брата; если же послѣдніе не выберутъ, это посольство должно пригрозить имъ,

---

suivant les prophèties que les Turcs mesmes disent estre en leurs livres». Neg. III. примѣч. 359.

[1]) Et puis se seroit s'approcher de Levant pour s'accroistre de ruines de l'empire, quand il plaira à Dieu les advancer selon le désir des ennemis d'iceluy». Neg. III, прим. 300.

[2]) Нужно при этомъ замѣтить, что разсматриваемые мною документы заключаютъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ для избранія Генриха Анжу, не вошедшія въ наши историческія изслѣдованія.

[3]) Эта замѣчательная инструкція и разныя обязательства, данныя королемъ и принцемъ Анжу въ отношеніи Польши, помѣщены въ примѣч. Neg. III, 306.

что Турція навсегда будетъ врагомъ Польши. Я полагаю, что это будетъ самымъ лучшимъ средствомъ для избранія моего брата» (Neg. III. 344). Епископъ съ перваго же глаза увидѣлъ, что почва дѣлъ французской дипломатіи при Портѣ и на этотъ разъ измѣнилась. Опасность, угрожавшая Турціи во время кипрской войны миновалась; лига дѣйствовала несогласно; флотъ, потерянный при Лепанто, возстановленъ Турціею въ бо̀льшихъ размѣрахъ и Порта, не стѣсняясь болѣе внѣшнею опасностію, могла дѣйствовать въ отношеніи Польши въ исключительныхъ своихъ интересахъ. Избраніе на польскій престолъ кого нибудь изъ польскихъ магнатовъ было планомъ Порты. Изъ 36 туземныхъ кандидатовъ [1]) Порта настаивала на избраніе палатина Константина Потоцкаго, котораго великій визирь называлъ своимъ родственникомъ [2]). Въ этомъ духѣ были первые отвѣты Магомета-Сокколи епископу, и такія же инструкціи даны были послу турецкому, назначенному въ Польшу на выборы. Характеръ дальнѣйшихъ переговоровъ зависѣлъ отъ положенія избирательныхъ партій въ Польшѣ. При началѣ выборовъ, когда казалось перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи Анжу, Порта не хотѣла оказывать своего содѣйствія Франціи по причинѣ желанія посадить на престолъ своего кандидата. Извѣстіе о варѳоломеевской ночи уронило въ мнѣніи лютеранскаго населенія Литвы французскую партію и дало случай усилиться партіи австрійской. Перемѣна въ положеніи партіи имѣла вліяніе на Порту; Магометъ-Сокколи на этотъ разъ былъ менѣе неуступчивъ при переговорахъ съ епископомъ. Не будучи лично противъ Анжу, какъ это было прежде, онъ только представилъ епископу невыгодныя стороны пріобрѣтенія польской короны: «неслыханное дѣло» — говорилъ визирь Даку — «чтобы французскій принцъ былъ чьимъ нибудь данникомъ, а поэтому принцъ и не можетъ принять короны польской. Польша должна ежегодно платить крымскому хану 30,000 дукатовъ; и если новоизбранный король откажется платить эту дань, татары будутъ требовать ее войной, и султанъ какъ своимъ подданнымъ долженъ имъ помогать» (Neg. III. 372). Извѣстіе, дошедшее до Турціи въ мартѣ

---

[1]) «36 fra i capitani, castellani et palatini del regno, che essi chiamomo Piasti» говоритъ венец. посолъ Липпомано, перечисляя кандидатовъ на престолъ. Alberi VI. 297.

[2]) Ибрагимъ былъ сынъ крестьянина рагузанскаго; но родства съ Потоцкими Цинкайзенъ не признаетъ.

1573 г., о занятіи русскими войсками Вильно заставило Порту не медля уступить требованіямъ епископа (Neg. III. 374). Кандидатура русская была для Порты опаснѣе австрійской. Россія того времени, во мнѣніи Порты, пользовалась репутаціей могущественнѣйшаго государства. Могущественный государь, сильное войско, многочисленное народонаселеніе — причины такой репутаціи [1]). Поэтому Россія казалась самымъ опаснымъ государствомъ для Порты. Это опасеніе еще болѣе усиливалось тѣмъ, что Россія, по мнѣнію Порты, съ одной стороны могла входить въ союзъ съ Персіей противъ Турціи, съ другой, своимъ вліяніемъ могла вооружить противъ Порты своихъ единовѣрцевъ, ея подданныхъ [2]). Поэтому Порта въ виду опасности имѣть сильнаго сосѣда [3]) и согласилась отправить въ Польшу посольство съ требованіемъ избранія въ короли принца Анжу. Но эта уступчивость была уже несвоевременна. Епископъ Монлюкъ, увѣренный въ успѣшномъ окончаніи дѣла безъ сторонняго вліянія, уговорилъ

---

[1]) «Il duca è signore grande per il molto paese che possiede e per la moltitudine grande di genti alle qualli egli comanda, essendo fama che potrebbe mettere in compagna da cento cinquanta milla uomini a cavalio, buoni ed atti a combatre» говорилъ баили Тревизано (1554) томъ III. 162. «Il Moscovito è poi ampresso i Turchi in maggiore estimazione, per essere principe più potente, onde tratta le cose sue con gli Ottomani gagliordamente, confidandosi nella sua gente non meno bellicosa che di grand numero; percioche dicono potere egli mettere in compagna cento cinquanta mila cavala» говоритъ другой баили Барбаро (1573) томъ III. 337. «Anche del Moscovito dubita il grand Signore perdue respetti; primo ha una cavalleria tremenda di quatro centomilia cavalli atti a sopportare ogni fatica, essendo ogli uomini arditi robusti, e obedienti, ex i cavalli da gran fazione ed infaticabilie sopra tutto benissimo armati, e fra le altre arme avendo molti archibusi, li quali questa nazione ædopra per eccellenza», говоритъ Соранцо. томъ VI. 206.

[2]) На сношенія Россіи съ Персіей съ цѣлію единогласнаго дѣйствія противъ Турціи указываетъ Барбаро, у Альбери III. 337, и французскій агентъ Гранедшаненъ. Neg. III. 57. Объ опасеніи Турціи вліянія Россіи на христіанъ говоритъ Соранцо. «Dubito poi anche perche quel gran duca è della chiesa greca come i populi della Burgaria, Servia, Bosnia, Morea e Grecia, divotissimi percio al suo nome, come quelli che tengono il medesimo rito greco di religione, e sarian sempre prontissimi aprender l'armi in mano e collevarsi per literarsi dalla chiavista turchesea e sottoporsi al dominio di quello». Портѣ вѣроятно не безъизвѣстно было о денежныхъ вспоможеніяхъ, оказываемыхъ Россіею Аѳонскимъ и Синайскимъ монастырямъ, о семъ упоминаетъ Герлахъ: «Den Mönchen schicken die Moskowiter Almosen. Dem Sultan müssen sie jährlich 18,000 Thaler tribut geben, welche der Moskowiter auch hergibt». Tagebuch ст. 35, 276, 316, 460 — у Цинкайзена III. 530.

[3]) Cette nouvelle a merveilleusement troublé ces gens-icy car c'est le pis qui leur pouvoit arriver» писалъ Дакъ по поводу слуха о занятіи русскими войсками Вильно.

сеймъ не допускать этого посольства до окончанія выборовъ [1]). Это избраніе было большимъ ударомъ для политики Порты, какъ совершившееся безъ участія ея; этотъ ударъ казался еще тѣмъ чувствительнѣе, что Портѣ не удалась и та дипломатическая тактика, къ которой она прибѣгнула уже послѣ избранія, съ цѣлію показать какъ нибудь свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Султанъ, вскорѣ послѣ окончанія выборовъ, въ письмѣ своемъ къ польскому дворянству выразилъ полное свое довольство на удачное избраніе короля и готовность принять Польшу подъ свое покровительство, пока новоизбранный практически не вступитъ во владѣніе ею. Съ этой цѣлью данъ былъ приказъ крымскому хану быть готовымъ на помощь Польшѣ, какъ скоро Москва сдѣлаетъ нападеніе на нее (Neg. III. 403). Но этой услуги не пришлось Портѣ оказать будущему королю Польши. Нѣкоторые протестантскіе князья, недовольные избраніемъ на польскій престолъ противника реформы, намѣревались загородить дорогу принцу Анжу въ Польшу. Шелъ вопросъ даже о заключеніи съ этою цѣлію оффиціальнаго договора, въ который должны были войти императоръ, Данія, Швѐція, Россія и даже папа [2]). Порта хотѣла вывести новаго короля изъ этого затруднительнаго положенія, предложивъ ему свои земли для проѣзда въ свое королевство. Французскій дворъ въ минуты необходимости принялъ это предложеніе. Но и на этотъ разъ услуга Порты оказалась лишней. Протестантскіе князья, изъ опасенія дать Портѣ благопріятный случай утвердить свое вліяніе на новоизбраннаго короля, отложили свой прежній планъ и этимъ самымъ отняли у Порты послѣдній случай, который могъ бы дать ей возможность хвалиться тѣмъ, что она посадила Анжу на престолъ. Всѣ эти неудачи Порта вымѣстила на епископѣ Дакѣ, который черезъ годъ послѣ выборовъ долженъ былъ оставить свой постъ въ Константинополѣ, успѣвъ только употребить свое посредничество для заключенія мира между Венеціей и Портой, по поводу котораго Вольтеръ замѣтилъ: il sem-

---

[1]) «Il a esté ici ung chaoux de la part du G. S. qui n'a este ouy qu'après l'élection, n'ayant plus tost sceu venir, pour avoir esté retenu aux confins» извѣщалъ французскій агентъ при Монлюкѣ венеціанскаго посла Перрье. Примѣч. 391.

[2]) «J'ai eu quelque lumière touchant (писалъ венеціанскій посолъ Феррье) la résolution prise entre l'empereur, le duc de Saxe, le Moscovite et roy de Suede pour empecher (ledict) passage. Et par les lettres dernièrement venues d'Allemagne, ses seigneurs (синьеріи) ont encores entendu que le roy de Danemark est de la partie et plusieurs craignent que le pape n'en soit aussy». Примѣч. III. 417.

blait que les Turcs eussent gagné la bataitaille de Lepanto (Essais sur les moeurs. г. 19).

Гейдельбергъ, 15/3 апрѣля 1866 года.

20) Доктора медицины И. Ціона.

Патологія нервной системы далеко отстала отъ сравнительно большихъ успѣховъ, сдѣланныхъ другими отдѣлами патологіи. Тогда какъ, благодаря дѣятельной разработкѣ физіологіи дыханія, кровообращенія и выдѣленій, а еще больше громаднымъ успѣхамъ патологической анатоміи, каждый свѣдущій и разумный врачъ при кровати больнаго можетъ съ большею вѣроятностію опредѣлить, какой именно органъ страдаетъ, характеръ этого страданія, вліяніе измѣненій этого органа на другія части организма;—невропатологъ часто находится въ невозможности опредѣлить даже страдающій органъ, о сущности же болѣзни, о патологическихъ процессахъ, его сопровождающихъ, онъ въ большей части случаевъ не можетъ даже дѣлать и предположеній.

Много причинъ содѣйствовало такой отсталости нервной патологіи и во главѣ ихъ стоитъ отсталость нервной физіологіи, въ сравненіи съ остальною физіологіею человѣческаго организма. Наши недостаточныя познанія нервной физіологіи, съ одной стороны, оставляютъ насъ безъ указаній, въ какой части нервной системы слѣдуетъ искать причину данной болѣзни, съ другой стороны—лишаютъ насъ возможности дать должное истолкованіе найденнымъ измѣненіямъ. Неразвитость нормальной гистологіи нервной системы мѣшаетъ намъ при секціонномъ столѣ отличать, измѣнена ли въ своемъ строеніи нервная система или нѣтъ.

Главную причину отсталости нервной патологіи обыкновенно видятъ въ томъ, что большая часть нервныхъ болѣзней состоитъ изъ такъ называемыхъ *функціональныхъ* страданій; подъ функціональными страданіями понимаютъ страданіе функціи какого нибудь органа и воображаютъ себѣ, что органъ самъ можетъ при этомъ остаться неизмѣненнымъ. А такъ какъ нашимъ чувствамъ доступны только измѣненія органа, т. е. матеріи, а не молекулярныя измѣненія, то изъ этого заключаютъ, что намъ никогда не удастся проникнуть тайны функціональныхъ страданій и мы слѣдовательно избавлены отъ труда при вскрытіяхъ заниматься особенно тщательнымъ изслѣдованіемъ нервной системы.

Хотя это заключеніе само по себѣ и вполнѣ логично, но предположенія, изъ которыхъ при этомъ выходятъ, лишены всякаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли вообще существовать чисто функціональныя болѣзни?

И на это мы должны положительно отвѣтить, что болѣзни одной функціи не мыслимы. Функція какого нибудь органа въ послѣдней инстанціи есть только наружное проявленіе происходящихъ въ органѣ химическихъ и физическихъ процессовъ; функція въ отношеніи къ органу есть то же самое, что сила въ отношеніи къ матеріи. А можемъ ли мы вообразить себѣ болѣзнь силы безъ того, чтобъ въ самой матеріи не произошли какія нибудь измѣненія? Можетъ ли платиновая проволока внезапно прекратить проводить электричество безъ того, чтобъ она не прервалась, или, чтобъ другія внѣшнія условія этому не препятствовали? Пришло ли кому нибудь въ голову, когда внезапно прекратились телеграфическія сообщенія атлантическаго каната искать причину этого прекращенія въ болѣзни электрической силы? Или внезапный взрывъ пороховой бочки развѣ наведетъ насъ на мысль, что сила притяженія между частицами пороха ни съ того ни съ сего заболѣла? А развѣ мы имѣемъ бóльшее право приписывать внезапный взрывъ непроизвольныхъ сокращеній въ мускулахъ эпилептика или внезапный отказъ нервовъ отвѣчать сокращеніемъ на раздраженіе какой нибудь болѣзни возбуждающей или возбуждаемой силы? Нѣтъ, намъ слѣдуетъ отыскивать *матеріальныя* причины этихъ явленій, откуда вышла искра, произведшая внезапный взрывъ конвульсій, или гдѣ прорвался и вслѣдствіе этого сдѣлался непроводимымъ нервъ. Однимъ словомъ мы должны отрицать существованіе функціональныхъ болѣзней. Функціи сами по себѣ всегда здоровы, т. е. онѣ всегда суть нормальныя слѣдствія происходящихъ въ органѣ измѣненій. Взрывъ пороховой бочки вслѣдствіе попавшей въ нее искры, непроводимость каната вслѣдствіе его перерыва, суть совершенно нормальныя слѣдствія, нормальныя проявленія силъ ненормально измѣненной матеріи.

Конвульсіи эпилептика, непроводимость сдавленнаго или разорваннаго нерва суть совершенно нормальныя здоровыя явленія; ненормальны только причины вызвавшія конвульсіи, нездоровъ только разрѣзанный или сдавленный нервъ. Во всякой нервной болѣзни мы слѣдовательно должны искать матеріальныя ея причины; и если наши поиски часто остаются безуспѣшными, то мы все таки должны

приписывать это только нашимъ недостаточнымъ гистологическимъ и физіологическимъ свѣдѣніямъ, а не тому, что болѣзнь представляется намъ только въ ея функціональныхъ измѣненіяхъ.

Нѣкоторыя второстепенныя и внѣшнія причины препятствовали еще бо́льшему развитію нервной патологіи. Большая часть нервныхъ болѣзней имѣетъ хроническій характеръ. Подобные больные поэтому рѣдко только бываютъ предметомъ клиническихъ наблюденій. Они обыкновенно вступаютъ въ госпитали вслѣдствіе какой нибудь другой, острой болѣзни, которая удаляетъ нервное страданіе на задній планъ; и когда эти больные умираютъ, то при вскрытіи ихъ на измѣненія въ нервной системѣ не обращаютъ большею частью никакого вниманія. Отсутствіе отдѣльныхъ каѳедръ для нервныхъ болѣзней при многихъ университетахъ тоже съ своей стороны немало содѣйствовало слабости развитія нервной патологіи.

Несмотря на всѣ эти препятствія, нервная патологія могла бы до сихъ поръ достигнуть бо́льшаго развитія, если бы со стороны врачей на болѣзни нервной системы обращено бы было больше вниманія, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось. Хотя въ нервной патологіи есть еще много вопросовъ неразрѣшенныхъ, и разрѣшеніе которыхъ часто даже недоступно для нашихъ теперешнихъ методовъ изслѣдованія, но съ другой стороны нужно признать, что и не всѣ пріобрѣтенія нервной физіологіи были невропатологами употреблены съ пользою для ихъ предмета, также что они мало содѣйствовали развитію нервной физіологіи посредствомъ наблюденій надъ больными. При этомъ мало есть отдѣловъ въ физіологіи, которыхъ разработка такъ скоро и непосредственно могла бы вліять на патологію, какъ физіологія нервной системы; точно также патологія нервной системы можетъ много принести пользы нервной физіологіи и до сихъ поръ, хотя немного, но все таки содѣйствовала разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ физіологіи. Тогда какъ физіологъ долженъ придумывать, какого рода измѣненія слѣдуетъ въ данномъ органѣ произвести для того, чтобъ лучше познать его функціи, устройство и т. д., и часто находится въ невозможности произвести эти измѣненія по причинѣ опасности операціи для этого же или и для сосѣднихъ органовъ; невропатологъ имѣетъ уже въ больномъ, страдающемъ какою нибудь нервною болѣзнью, всѣ измѣненія, совершившіяся или еще совершающіяся въ больномъ органѣ; для него больной — животное, надъ которымъ операція нужная для опыта уже сдѣлана, и ему остается только

дѣлать надъ этимъ больнымъ дальнѣйшія, и стараясь привести разстроенный органъ въ его нормальное состояніе, регистрировать въ то же время всѣ явленія, сопровождающія этотъ постоянный переходъ больнаго состоянія въ здоровое или смерть. Имѣя для своихъ наблюденій самое интелигентное животное, невропатологъ имѣетъ и то преимущество предъ физіологомъ, что онъ всегда можетъ знать о субъективныхъ чувствахъ и ощущеніяхъ больнаго.

Но слабыя познанія, которыя большая часть врачей имѣетъ въ физіологіи нервной системы, мѣшали подобному благодѣтельному взаимодѣйствію другъ на друга нервной физіологіи и патологіи. Тогда какъ почти всякій врачъ сколько нибудь знакомъ съ назначеніемъ и ролью другихъ органовъ, рѣдко какой врачъ имѣетъ ясныя понятія о функціяхъ различныхъ частей нервной системы. Изслѣдованіе мочи, аскультація и перкуссія, даже ларингоскопія сдѣлались теперь достояніемъ всякаго образованнаго врача, а сколько есть врачей способныхъ сдѣлать порядочную діагностику нервной болѣзни посредствомъ электрическаго изслѣдованія или даже имѣющихъ ясныя понятія о значеніи подобнаго изслѣдованія или вообще о электрофизіологіи?

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что мы въ нервной патологіи встрѣчаемъ таинственную и часто совсѣмъ безсмысленную номенклатуру нервныхъ болѣзней, отъ которой остальная патологія уже давнымъ давно отдѣлалась.

Лучшіе невропатологи послѣдняго времени, какъ Ромбергъ, Дюшень и Ремакъ, только отчасти могли поднять на высшую степень положеніе нервной патологіи. Причина этого та, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи употребить всѣхъ трехъ путей, которые, какъ я сейчасъ укажу, необходимы для успѣшной разработки нервной патологіи.

Пути эти суть слѣдующіе:

1) Тщательное приложеніе всѣхъ физіологическихъ данныхъ къ познаванію и изъясненію болѣзненныхъ случаевъ, и экспериментація надъ животными для повѣрки физіологическихъ результатовъ, полученныхъ клиническимъ наблюденіемъ, или же для раскрытія характера самого болѣзненнаго процесса. Этотъ путь имѣетъ не только ту выгоду, что онъ непосредственно ведетъ къ разрѣшенію темныхъ вопросовъ въ нервной физіологіи и патологіи, но и, пріучивъ врача къ строгимъ методамъ изслѣдованія нервной фи-

зіологіи, будетъ косвенно вліять и на способы наблюденій надъ больными и на выводы заключеній изъ этихъ наблюденій.

2) Клиническое наблюденіе надъ больными и вскрытія больныхъ послѣ смерти.

3) Изученіе литературы нервной патологіи, а особенно сообщенныхъ исторій болѣзни, и выводъ, на основаніи статистическаго метода, заключеній изъ этихъ послѣднихъ. Употребленіе статистическаго метода въ медицинѣ въ послѣднее время встрѣтило нѣсколькихъ противниковъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ упрековъ, дѣлаемыхъ статистическому методу врачами, это тотъ, что заключенія, выведенныя на основаніи его, невѣрны, потому что болѣзненные случаи, изъ которыхъ они выводятся, очень часто сильно между собою разнствуютъ. Дѣлать подобные упреки статистическому методу значитъ признаться, что сочинители упрековъ не поняли значенія и смысла этого метода. Упреки эти можно относить только къ *злоупотребленію* статистическаго метода тѣми, которые сравниваютъ между собою вещи несравнимыя, но никакъ не къ самому статистическому методу, котораго разумное приложеніе въ медицинѣ будетъ имѣть успѣхъ не менѣе благопріятный, чѣмъ въ другихъ наукахъ. Нужно впрочемъ, съ другой стороны, признать, что очень часто приходится отказаться отъ употребленія статистическаго метода вслѣдствіе недостаточной полноты и ясности сообщенныхъ исторій болѣзни. Какъ я уже сказалъ, ни одинъ изъ трехъ главнѣйшихъ невропатологовъ послѣдняго времени не находился въ возможности употребить всѣ три методы въ нервной патологіи.

Главная дѣятельность Ромберга была въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, т. е. въ то время, когда нервная физіологія только начинала получать болѣе научное направленіе, электрофизіологія еще не имѣла Дюбуа-Реймона, опыты Флуранса, Вагнера и Шписа еще считались многими образцами строгости изслѣдованій, Штилингъ не далъ еще импульса цѣлому ряду работъ по гистологіи спиннаго мозга. Ромбергъ, слѣдовательно, только въ очень незначительныхъ, упомянутыхъ мною, размѣрахъ могъ воспользоваться только первымъ путемъ. Съ другой стороны онъ, не смотря на свои громадныя литературныя свѣдѣнія и статистическій методъ, могъ прилагать его только въ рѣдкихъ случаяхъ, по той причинѣ, что исторіи болѣзни въ прежнее время сообщались въ самомъ неудовлетворительномъ объемѣ. Ромбергъ вполнѣ могъ только пользоваться клиническимъ

путемъ, и нужно ему отдать справедливость, что, преслѣдуя этотъ путь и пользуясь въ то же время, на сколько положеніе вещей это позволяло, и другими двумя путями, онъ сдѣлалъ для нервной патологіи все, что можно было ожидать отъ его обширнаго таланта и большихъ познаній.

Другой заслуженный невропатологъ Дюшень, имѣя болѣе чѣмъ скромный запасъ литературныхъ познаній, не ушедши въ электрофизіологіи дальше Матеуччи, но обладая въ замѣнъ того необыкновеннымъ наблюдательнымъ талантомъ и имѣя подъ рукой громадный матеріалъ, воспользовался вторымъ путемъ, именно наблюденіями надъ больными и вскрытіями, удачнѣе и успѣшнѣе многихъ другихъ невропатологовъ.

Кромѣ его несомнѣнныхъ заслугъ по терапіи нервныхъ болѣзней, Дюшень содѣйствовалъ развитію нервной патологіи тѣмъ, что обратилъ вниманіе врачей на многія болѣзненныя состоянія, ускользнувшія до него отъ вниманія врачей. Онъ этимъ не только придалъ новую жизнь разработкѣ нервной патологіи, но, хотя и косвенно, содѣйствовалъ рѣшенію экспериментальнымъ путемъ нѣкоторыхъ вопросовъ нервной физіологіи.

Ремакъ, бывшій первоначально физіологомъ и гистологомъ и пріобрѣвшій себѣ на этихъ поприщахъ вполнѣ заслуженную извѣстность, при своихъ занятіяхъ нервною патологіею преимущественно первымъ путемъ старался содѣйствовать преуспѣянію этого предмета.

Питая, какъ физіологъ, не совсѣмъ незаслуженное презрѣніе къ литературѣ нервной патологіи, онъ исходною точкою для своихъ работъ взялъ только свои обширныя физіологическія свѣдѣнія и клиническія наблюденія.

По своему внѣшнему положенію онъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая при секціонномъ столѣ повѣрять заключенія, сдѣланныя имъ при этихъ наблюденіяхъ; это обстоятельство было большою потерею для нервной патологіи. Какъ тонкій наблюдатель, глубокій мыслитель и одинъ изъ первыхъ авторитетовъ въ нервной гистологіи, Ремакъ принесъ бы своему предмету еще гораздо больше пользы, еслибъ онъ имѣлъ возможность чаще дѣлать вскрытія умершихъ вслѣдствіе нервныхъ недуговъ.

Одни только англійскіе невропатологи съ успѣхомъ занимались приложеніемъ статистическаго метода для рѣшенія спорныхъ во-

просовъ нервной патологіи. Въ Германіи приложеніе статистическихъ изслѣдованій къ нервной патологіи скорѣе способно было убить охоту къ дальнѣйшему употребленію этого метода, чѣмъ принести пользу ученію о нервныхъ болѣзняхъ.

Изъ молодыхъ невропатологовъ германскихъ одинъ только Бенедиктъ въ Вѣнѣ обладаетъ и большими познаніями въ физіологіи и патологіи нервныхъ болѣзней и, имѣя большой клиническій матеріалъ въ своемъ распоряженіи, можетъ оказать и до сихъ поръ уже оказалъ своему предмету большія услуги.

Будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ студентомъ въ Берлинѣ, я въ тамошнихъ госпиталяхъ имѣлъ случай въ продолженіи двухъ семестровъ наблюдать значительное количество страдающихъ хореею; нѣкоторые изъ больныхъ представляли еще въ добавокъ осложненіе этой болѣзни воспаленіями околосердечной сумки и острымъ ревматизмомъ сочлененій; послѣдніе случаи окончились смертью и были вскрыты. Занявшись по совѣту Вирхова изслѣдованіемъ связи болѣзней сердца и сочлененій съ хореею, связи уже больше 60-ти лѣтъ составлявшей предметъ постоянныхъ и безуспѣшныхъ разработокъ, я могъ при этомъ воспользоваться только двумя путями, именно статистическимъ методомъ и клиническими наблюденіями. Предметъ моихъ занятій былъ совершенно недоступенъ экспериментальной физіологіи. Но, благодаря большому матеріалу, который я нашелъ въ литературѣ, моя работа о хореѣ, употребленная мною для диссертаціи, осталась не безъ результатовъ и безъ экспериментаціи.

Другая нервная болѣзнь, табесъ дорсуалисъ, послужила предметомъ моихъ дальнѣйшихъ работъ. И здѣсь имѣлъ я случай дѣлать много клиническихъ наблюденій; литература той болѣзни была еще чуть ли не богаче, по крайней мѣрѣ новѣйшими работами, чѣмъ литература хореи. Но здѣсь представлялась еще возможность употребить для рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и методъ физіологической экспериментаціи.

Большое количество статистическихъ, клиническихъ и экспериментальныхъ работъ о табесъ дорсуалисъ, появившихся въ послѣднее время, скорѣе способствовало къ тому, чтобъ еще больше запутать, чѣмъ къ тому, чтобъ разъяснить ученіе объ этой болѣзни. Причина этого лежала, разумѣется, не въ употребленіи упомянутыхъ методовъ изслѣдованія, а скорѣе въ злоупотребленіи ихъ.

Только одинъ путь клиническихъ наблюденій употребленъ былъ съ пользою авторами сочиненій о табесъ доруалисъ.

Слѣдующіе два примѣра покажутъ, какое употребленіе сдѣлано было изъ статистическаго метода и изъ экспериментальной физіологіи.

Лейденъ (теперь профессоръ по внутренней клиникѣ въ Кенигсбергѣ) приводитъ въ своей монографіи 32 случая табесъ дорсуалисъ; при выводѣ заключеній изъ этихъ исторій болѣзни онъ, оставляя въ сторонѣ единогласные результаты тридцати и одного случая, строитъ свою теорію о табесъ только на основаніи противорѣчащаго 32-го случая, который притомъ не былъ даже настоящею табесъ. Для рѣшенія вопроса, какое вліяніе имѣетъ чувствительность кожи на координацію движеній, этотъ же Лейденъ произвелъ слѣдующій опытъ: у лягушки, которой одна задняя конечность была ампутирована, онъ содралъ кожу съ другой конечности и, замѣтивъ, что одноногая лягушка дѣлала послѣ сдиранія кожи неловкіе прыжки, онъ заключаетъ изъ этого одного опыта, что чувствительность кожи необходима для координаціи движеній; онъ даже вздумалъ этимъ опытомъ опровергать противоположное мнѣніе Бернара объ этомъ вопросѣ.

Между тѣмъ ни одна теорія о табесъ дорсуалисъ не имѣла такого успѣха, не нашла столько приверженцевъ, какъ на упомянутыхъ данныхъ построенная теорія Лейдена; правда, что и ни одна теорія о табесъ не до такой степени ложна и лишена здраваго смысла, какъ именно теорія господина Лейдена.

Задача моей работы,—на основаніи моихъ собственныхъ наблюденій, статистическихъ данныхъ и физіологическихъ опытовъ разъяснить ученія о табесъ дорсуалисъ,—была настоятельною потребностію; хаосъ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній и теорій дошелъ уже въ ученіяхъ объ этой болѣзни до того, что авторы перестали даже другъ друга понимать; каждый авторъ понималъ другую болѣзнь подъ именемъ табесъ дорсуалисъ: одни считали эту болѣзнь однозначущею съ Ataxie locomotrice progressive, другіе считали табесъ только однимъ изъ родовъ атаксій, третіе наконецъ утверждаютъ, что табесъ не имѣетъ ничего общаго съ атаксіею, или, что атаксіи составляютъ только отдѣлъ группы болѣзней подразумѣвамыхъ подъ общимъ именемъ табесъ дорсуалисъ.

Матеріалъ, который послужилъ мнѣ основаніемъ для статистическихъ изслѣдованій, состоялъ изъ 203 исторій болѣзней, собранныхъ мною въ литературѣ табесъ дорсуалисъ.

Физіологическіе опыты произведены были мною въ лабараторіи профессора Людвига въ Лейпцигѣ и напечатаны отдѣльно въ мемуарахъ саксонской академіи наукъ отъ 27-го ноября 1865 года.

Моя работа о табесъ дорсуалисъ появится скоро въ печати на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльною книгою.

Работа эта, обхватывающая всѣ вопросы о патологіи и терапіи табесъ дорсуалисъ, слишкомъ объемиста для того, чтобъ быть сообщенною здѣсь даже въ извлеченіи. Я ограничусь поэтому только приведеніемъ вкратцѣ физіологическихъ опытовъ, сообщенныхъ въ упомянутыхъ мемуарахъ, и отношенія этихъ работъ къ ученію о табесъ дорсуалисъ.

Когда Дюшень описалъ болѣзнь давно извѣстную подъ именемъ табесъ, какъ новую еще никѣмъ незамѣченную болѣзнь, и далъ ей названіе Ataxie locomotrice progressive, то онъ поставилъ главнымъ характеристическимъ симптомомъ этой болѣзни то, что больные при полномъ сохраненіи мускульной силы не въ состояніи производить координированныхъ движеній; однимъ словомъ, что главный симптомъ этой болѣзни состоитъ въ болѣзни координирующаго аппарата.

Дюшень при этомъ вполнѣ ошибся: во 1-хъ, совершенно невѣрно, что у табетиковъ мускульная сила остается сохраненною, во вторыхъ, ложно и то, что у этихъ больныхъ страдаетъ всегда координаціонный аппаратъ.

Невропатологи раздѣлились въ отношеніи къ Дюшеневой Ataxie locomotrice на два лагеря: одни остались при старомъ понятіи, что табесъ есть родъ паралича нижнихъ конечностей, родъ параплегіи; другіе вполнѣ приняли ученіе Дюшеня о табесъ, какъ о страданіи координаціоннаго аппарата. И тѣ и другіе неправы; въ моей работѣ о табесъ, я доказалъ числами ложность этихъ мнѣній. Такъ какъ я намѣренъ здѣсь говорить только о моей физіологической работѣ, то я, оставляя въ сторонѣ вопросъ о мускульной силѣ, обращусь къ вопросу объ атаксіи.

Въ моей прежней работѣ объ хореѣ я старался доказать, что эта болѣзнь есть только страданіе координаціоннаго аппарата.

Я съ вопросомъ объ атаксіи былъ слѣдовательно уже прежде знакомъ; это знакомство показало мнѣ, что подъ атаксіею понимаютъ двѣ совершенно различныя функціи, и что та функція, которая собственно и есть координація движеній, при табесъ только

въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ страдаетъ. Симптомъ, который врачи обыкновенно принимали за страданіе координаціоннаго аппарата, есть собственно страданіе совсѣмъ другой функціи.

При координаціи, т. е. при согласованіи сокращеній мускуловъ, нужно различать два акта: одинъ состоящій въ томъ, чтобъ согласовать, т. е., чтобъ возбудить къ сокращенію извѣстную группу мускуловъ, а другой въ томъ, чтобъ регулировать *степень* сокращенія каждаго изъ этихъ мускуловъ. Одна функція опредѣляетъ, *какіе* мускулы должны сократиться при извѣстномъ цѣлесообразномъ движеніи, другая — какъ сильно должно быть сокращеніе каждаго отдѣльнаго мускула для этого движенія. Напр., если человѣкъ хочетъ поднять какую нибудь тяжесть сокращеніемъ одного только m. biceps, то для того, чтобъ это движеніе не перешло извѣстныхъ предѣловъ, необходимо, чтобъ и triceps brachii сократился въ свою очередь хотя и слабѣе мускула biceps; а для того, чтобъ рука не шаталась то въ правую, то въ лѣвую сторону, нужно, чтобъ и приводящіе и отводящіе мускулы находились въ нѣсколько сокращенномъ состояніи. Та функція, которая заправляетъ одновременнымъ сокращеніемъ этихъ мускуловъ, и есть собственно координирующая функція; ту же, которая регулируетъ степень сокращенія этихъ мускуловъ, т. е. степень инервациі каждаго изъ нихъ, слѣдуетъ отличать отъ первой; я предложилъ назвать ее поэтому регуляторомъ силы инервациі.

Наблюденія надъ больными, а также описанія страданій двигательныхъ органовъ у табетиковъ, убѣдили меня въ томъ, что у этихъ больныхъ страдаетъ большею частью только вторая изъ этихъ функцій; первая же у нихъ страдаетъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Страдающіе табесомъ больные не теряютъ обыкновенно возможности привести въ сокращеніе извѣстной мускульной группы; чего они сдѣлать не могутъ, это удержать сокращеніе каждаго мускула въ извѣстныхъ границахъ. Вслѣдствіе этого они всегда производятъ свои движенія или слишкомъ слабо или слишкомъ сильно; перебрасываніе одной ноги за другою есть тоже слѣдствіе потери возможности регулировать силу своихъ движеній: потеря эта даетъ ихъ движеніямъ отчасти конвульсивный характеръ. Очевидно, что это страданіе двигательныхъ аппаратовъ не можетъ быть названо атаксіею, т. е. некоординаціею движеній въ собственномъ смыслѣ; и еслибъ даже позволено было бы наименовать болѣзнь по одному изъ ея симптомовъ, то и тогда Дюшень не имѣлъ бы права на-

звать табесъ дорсуалисъ Ataxie locomotrice progressive. Одна только пляска св. Витта можетъ, какъ я это уже прежде показалъ, быть названа чистою атаксіею.

Доказавъ, что атаксія изъ 203 случаевъ табесъ находилась только въ 80-ти и что большая часть страданій двигательныхъ органовъ у табетиковъ суть страданія регулятора силы инерваціи, мнѣ пришлось объяснить, въ какой связи или зависимости это страданіе находится къ перерожденію заднихъ столбовъ и корешковъ спиннаго мозга.

Попытка Бенедикта объяснить это страданіе изъ опытовъ Гарлесса разбилась послѣ того, какъ я доказалъ, что методъ этихъ опытовъ полонъ ошибокъ и что результаты ихъ невѣрны.

Для объясненія упомянутой зависимости необходимо было доказать, что задніе корешки имѣютъ вліяніе на возбудительность переднихъ.

Для рѣшенія этого вопроса достаточно было доказательство, что возбудительность переднихъ корешковъ падаетъ послѣ перерѣзки заднихъ. Возможность дать это доказательство зависѣла:

1) Отъ того, чтобъ удалось положить корешки на проволоки, находящіяся въ соединеніи съ раздражающимъ аппаратомъ (Reizträger), безъ вреда ихъ жизненности; этого я достигъ:

а) Посредствомъ особеннаго устройства этихъ Reizträger, описанныхъ мною въ упомянутомъ сообщеніи здѣшней академіи; тамъ же приложенъ чертежъ моего аппарата.

б) Для защиты корешковъ отъ засыханія весь мой аппаратъ на все время опыта ставился подъ стеклянный колоколъ, въ которомъ находилась смоченная въ водѣ бумага.

в) Прежде чѣмъ перерѣзать задніе корешки, я всегда изслѣдовалъ ихъ нетронутость посредствомъ раздраженія кожи: если слабое раздраженіе еще въ состояніи было произвести рефлективнымъ путемъ движенія въ соотвѣтственной конечности, то я заключалъ, что задніе корешки сохранены, въ противномъ случаѣ эта лягушка не была употребляема къ опыту.

Раздражительность переднихъ корешковъ испытывалъ я нѣсколько разъ предъ перерѣзываніемъ заднихъ.

Вліяніе заднихъ корешковъ на возбудительность переднихъ только тогда могло считаться несомнѣннымъ, если эта послѣдняя, оставаясь нѣкоторое время постоянною, внезапно упала бы послѣ

перерѣзки заднихъ корешковъ. Въ первыя минуты послѣ соединенія электродовъ съ передними корешками возбудительность ихъ немного падаетъ, послѣ чего она остается на нѣкоторое время на той же высотѣ. Задніе корешки перерѣзывались только тогда, когда возбудительность переднихъ оставалась постоянной, по крайней мѣрѣ въ продолженіе пяти минутъ. Раздраженіе, которымъ я испытывалъ раздражительность, было слишкомъ слабо и кратковременно для того, чтобъ утомить сколько нибудь корешки.

2) Такъ какъ раздражительность переднихъ корешковъ измѣрялась силою раздраженія едва достаточнаго для произведенія сокращенія въ мускулахъ нижнихъ конечностей, и замѣчаемыя различія были сравнительно довольно малы — то нужно было употребить постоянное и очень тонко измѣряемое раздраженіе.

Я поэтому употреблялъ для раздраженія слабые индукціонные токи; такъ какъ Jos. Henri доказалъ, что въ индукціонныхъ аппаратахъ обыкновенно ударъ отъ замыканія (Schliessungsschläge) сильнѣе чѣмъ Oeffnungsschläge, то я употреблялъ для моихъ опытовъ индукціонный аппаратъ, при которомъ находился Гельмгольца снарядъ для уравненія силъ обоихъ ударовъ. Раздраженіе продолжалось нѣсколько секундъ, съ одной стороны для того, чтобъ удары могли суммироваться, съ другой стороны, чтобъ слишкомъ долгимъ раздраженіемъ не уничтожить раздражаемаго нерва.

3) Задніе корешки перерѣзывались быстро очень острыми ножницами; перерѣзываніе должно, на сколько возможно, не причинять боли, иначе самою этою операціею вводится новое раздраженіе. Если при перерѣзкѣ появляются судороги, то опытъ обыкновенно не удается.

Въ многочисленныхъ опытахъ, сдѣланныхъ мною съ большими предосторожностями, раздражительность переднихъ корешковъ падала послѣ перерѣзки заднихъ на 3—10 кубическихъ центиметровъ, т. е. на 3—10 кубическихъ центиметровъ нужно было послѣ операціи приблизить вторую спираль къ первой для того, чтобъ получить такое же раздраженіе какъ предъ этою операціею.

Изъ этихъ опытовъ слѣдуетъ, *что передніе корешки поддерживаются въ извѣстномъ состояніи раздражительности посредствомъ заднихъ.*

Опыты мои нѣсколько совпадаютъ съ опытами Бранджеста о тетанусѣ мускуловъ обезглавленныхъ лягушекъ. Слабое тетаниче-

ское сокращеніе, которое Бранджестъ наблюдалъ, зависитъ, какъ извѣстно, отъ рефлективнаго возбужденія. Что доказывается во 1-хъ тѣмъ, что послѣ перерѣзки заднихъ корешковъ это сокращеніе исчезаетъ, и во 2-хъ тѣмъ, что тетанусъ этотъ ограничивается только тѣми мускулами, которые обыкновенно сокращаются при раздраженіи кожи.

Выходя изъ очень вѣроятнаго предположенія, что двигательный нервъ, уже находящійся въ слабомъ возбужденіи, скорѣе произведетъ сокращеніе, чѣмъ нервъ, не находящійся въ возбужденномъ состояніи, можно было бы принять результаты моихъ опытовъ за единогласные съ результатами Бранджестовыхъ опытовъ. Нѣкоторыя обстоятельства удерживаютъ меня однако отъ подобнаго заключенія.

Во 1-хъ, я при моихъ опытахъ замѣтилъ, что хотя въ большей части случаевъ и въ моихъ опытахъ тѣ же нервы больше раздражительны, что и въ опытахъ Бранджеста; но бываетъ что и мускулы, находящіеся въ менѣе прямой связи съ нервами кожи (m. extensores), тоже раздражительнѣе предъ перерѣзкой заднихъ корешковъ, чѣмъ послѣ этой операціи. Это обстоятельство не ставитъ впрочемъ моихъ опытовъ въ прямую противоположность къ опытамъ Бранджеста, такъ какъ возможно, что и нервы этихъ мускуловъ способны къ раздраженію рефлективнымъ возбужденіемъ нервовъ кожи.

Во 2-хъ, извѣстно, что рефлективная возбудительность заднихъ конечностей усиливается при отдѣленіи спиннаго отъ черепнаго мозга. Если возбудительность переднихъ корешковъ зависѣла бы отъ рефлективнаго возбужденія путемъ переднихъ, то можно было бы ожидать, что перерѣзка спиннаго мозга еще больше возвыситъ раздражительность переднихъ корешковъ. Мои опыты показали однако совершенно противоположное. Большой рядъ сдѣланныхъ съ этою цѣлью опытовъ показалъ, что *если задніе корешки не тронуты, то отдѣленіе различныхъ частей черепнаго и спиннаго мозга производитъ постоянное пониженіе раздражительности переднихъ корешковъ. Если же прежде перерѣзать задніе корешки, то раздражительность переднихъ падаетъ тотчасъ послѣ этой операціи, но остается съ нѣкоторыми слабыми колебаніями на той же высотѣ при перерѣзываніи мозга.*

Эти результаты допускаютъ двоякое объясненіе. Или чувствительные нервы самостоятельно возбуждаются въ спинномъ мозгу и способны въ периферіи переносить это возбужденіе на мускулы или ихъ нервы. Это объясненіе не имѣетъ ни анатомическихъ основа-

ній ни физіологическихъ аналогій. Или же, что чувствительные нервы возбуждаются въ периферіи, но, что они переносятъ это возбужденіе на передніе корешки въ *нѣкоторыхъ мѣстахъ* спиннаго мозга; въ этомъ послѣднемъ, болѣе вѣроятномъ, случаѣ мои результаты значительно разнились бы отъ Бранджестовыхъ.

Каковъ бы ни былъ источникъ раздраженія, переносимаго задними корешками на передніе — самый фактъ, что подобное вліяніе чувствительныхъ нервовъ на двигательные существуетъ, не подлежитъ послѣ моихъ опытовъ никакому сомнѣнію. Для объясненія страданій силы инерваціи у табетиковъ одного этого факта совершенно достаточно. Въ первомъ стадіумѣ табеса, когда спинной мозгъ или собственно его задніе столбы находятся въ состояніи раздраженія, понятно, что эти новыя раздраженія, суммируясь съ описанными мною раздраженіями, существующими въ здоровомъ состояніи, должны будутъ удерживать передніе корешки на степени высокой раздражительности; вслѣдствіе чего, разумѣется, движенія больнаго будутъ имѣть отчасти конвульсивный характеръ.

Въ дальнѣйшемъ же стадіумѣ табеса, когда задніе столбы и корешки разрушены, возбудительность переднихъ вслѣдствіе этого потеряется, и больные, лишившись такимъ образомъ мѣры для раздраженія, которое они должны дать двигательнымъ нервамъ, будутъ то слишкомъ сильно, то слишкомъ слабо инервировать мускулы, играющіе главную роль при извѣстномъ движеніи, или же ихъ антагонисты. Очевидно, что и въ этомъ стадіумѣ движенія табетиковъ должны будутъ имѣть прыгающій, конвульсивный характеръ. Впрочемъ, въ послѣднемъ стадіумѣ табеса конвульсивный характеръ движеній гораздо менѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ въ стадіумѣ раздраженія.

Что касается координаціи движеній, то я уже въ своей работѣ о хореѣ показалъ нелѣпость исканія отдѣльнаго органа для этой функціи. Въ моей работѣ о табесѣ я доказалъ экспериментально, а еще больше изъ патологическихъ случаевъ, что чувствительность въ нормальномъ состояніи не играетъ почти никакой роли при координаціи движеній. Въ здоровомъ состояніи и зрѣніе только изрѣдка помогаетъ согласованію движеній, и я доказалъ, что паденіе при закрытыхъ глазахъ у табетиковъ имѣетъ другія причины, чѣмъ отсутствіе помощи зрѣнія при координаціи движеній; по крайней мѣрѣ это отсутствіе не есть главная причина Ромбергова симптома.

Лейпцигъ, $^{30}/_{18}$ апрѣля 1866 года.

21) Магистра Хупотскаго.

Въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ за первую половину истекшаго зимняго семестра я говорилъ объ условіяхъ къ раскрытію сознанія. Сознаніе есть одно изъ существенныхъ проявленій душевной жизни; о немъ не можетъ быть рѣчи безъ предварительной увѣренности въ реальномъ существованіи души. Между тѣмъ при современномъ широкомъ распространеніи матеріалистическаго ученія *) нельзя забывать, что теперь недостаточно только указывать на душу, какъ на сущность, всѣмъ равно извѣстную, — а нужно еще доказывать, что она существуетъ. Я намѣренъ коснуться матеріалистическихъ возраженій на столько, на сколько это, по моему мнѣнію, нужно въ подтвержденіе и восполненіе сказаннаго въ моемъ первомъ очеркѣ.

Главная причина заблужденія матеріалистовъ заключается въ томъ, что они не относятся критически къ источникамъ познанія и беззавѣтно довѣряютъ свидѣтельствамъ внѣшнихъ чувствъ. Филофская критика давно уже рѣшила несостоятельность такого довѣрія. Но современный матеріализмъ возникъ не изъ односторонняго порыва философски образованной мысли, а главнымъ образомъ изъ увлеченія позднѣйшимъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, — вѣры въ общее для всѣхъ наукъ значеніе ихъ метода, а отселѣ — неправильнаго примѣненія послѣднихъ результатовъ этихъ наукъ къ вопросамъ философіи и религіи.

Матерія, вещество, — гласитъ матеріалистическое основоположеніе, — есть единственно реальное. Но что̀ такое это вещество само по себѣ? Чаще всего говорятъ: вещество есть то, что̀ наполняетъ пространство. Всякое правильное опредѣленіе можетъ быть высказываемо и въ обратномъ порядкѣ; потому все, что не наполняетъ пространство, не есть матерія. Но всѣ попытки представить себѣ пустое, ничѣмъ не наполненное пространство окажутся безуспѣшными; пространство нельзя представлять чѣмъ либо въ родѣ сосуда или матеріальной формы, — оно не есть предметъ конкретный; существуетъ оно только тамъ, гдѣ есть предметы, — гдѣ нѣтъ этихъ послѣднихъ, тамъ нѣтъ и пространства. Пространство не есть также свойство вещей; частныя свойства предметовъ мы можемъ въ сво-

*) Сочиненіе Бюхнера: «Kraft und Stoff» съ 1856 года выдержало восемь изданій; переведено это сочиненіе на нашъ русскій, французскій, голландскій, американско-англійскій языки; приготовляются переводы того же сочиненія на датскомъ, англійскомъ, италіанскомъ и польскомъ языкахъ.

емъ мышленіи по произволу прилагать къ предметамъ и отнимать отъ нихъ; но представить предметъ, не занимающій никакого пространства, невозможно. Само въ себѣ пространство выражаетъ одну изъ формъ взаимнаго отношенія предметовъ, именно отношеніе ихъ соприсутствія. Но слова: вещество наполняетъ отношеніе, или, что̀ то же, пространство, очевидно, не выражаютъ никакого опредѣленнаго смысла.

Въ опытѣ мы находимъ не вещество вообще, а только частныя вещественныя тѣла. Отличаясь взаимно по своимъ качествамъ, тѣла эти имѣютъ еще свойства общія; при тѣхъ же обстоятельствахъ вступаютъ въ тѣ же взаимныя отношенія. Сумму такихъ общихъ свойствъ и взаимныхъ отношеній всѣхъ тѣлъ мы объединяемъ въ одной схемѣ и обозначаемъ названіемъ матеріальности. При этомъ необходимо возникаетъ чисто уже философскій вопросъ: какой не представляющійся въ опытѣ субстратъ, какое основаніе слѣдуетъ предполагать для объясненія опытно данной формы матеріальности? Обыденное сознаніе отвѣтило, что такимъ основаніемъ служитъ матерія. Такимъ образомъ матерія сама въ себѣ есть предметъ отвлеченной отъ опыта мысли, — предположеніе, составленное для объясненія матеріальныхъ свойствъ и отношеній. Не отрицая законности такого предположенія, замѣтимъ только, что оно вызвавшей его потребности не удовлетворяетъ. Въ самомъ дѣлѣ, матерія не есть какая либо сущность, полная внутреннимъ самостоятельнымъ значеніемъ, и изъ природы которой, какъ дальнѣйшія слѣдствія, вытекали бы всѣ свойства матеріальности. Въ ея понятіи повторяется только то, что фактически уже заключается въ самыхъ этихъ свойствахъ; выходитъ отселѣ, очевидно, не объясненіе, а одно только тождесловіе.

Но если вещество вообще не есть что либо нашимъ чувствамъ доступное и непосредственно намъ понятное, то быть можетъ непосредственно достовѣрна реальность частныхъ свойствъ матеріальныхъ тѣлъ. Въ обыденной жизни, связывая съ предметами природы свои внутреннія расположенія, свой страхъ, свои надежды, мы ихъ въ самомъ дѣлѣ олицетворяемъ и на всѣ частныя ихъ свойства смотримъ, какъ на откровенія ихъ собственной природы. Намъ всегда кажется, будто сами собою отдѣляются лучи отъ солнца, запахи отъ цвѣтовъ, звуки отъ струнъ, — носятся внѣ насъ въ атмосферѣ и потомъ чрезъ органы нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ чрезъ окна какія, втѣсняются въ насъ самихъ, и этимъ своимъ

натискомъ производятъ то, что мы ощущаемъ. Но такъ ли все это на самомъ дѣлѣ, какъ намъ кажется? Астрономія доказываетъ, что солнце не восходитъ и не заходитъ, что мѣсяцъ не такъ близокъ къ намъ, звѣзды не такъ малы и не точно то же занимаютъ положеніе, какъ это намъ представляется. Подобно тому и о нашемъ предметѣ физика учитъ, что звукъ самъ по себѣ есть ничто иное, какъ колебаніе воздуха вслѣдствіе сотрясенія какого либо тѣла; такое опредѣленіе звука дѣйствительно подтверждается свидѣтельствомъ чувствъ зрѣнія и осязанія, а дальнѣйшіе опыты показываютъ строгое соотвѣтствіе высоты тона съ числомъ колебаній тѣла, напр., струны, — и самаго числа колебаній съ длиною струны, степенью ея напряженія и т. д. Существуетъ далѣе весьма вѣроятное и разными опытами подтверждаемое предположеніе, что и свѣтъ есть также колебаніе эѳира; только этого колебанія мы не видимъ и не осязаемъ, и самый эѳиръ нашимъ чувствамъ не подпадаетъ. Въ позднѣйшее время въ физикѣ почти всѣми признано, что свѣтъ и теплота составляютъ одинъ и тотъ же процессъ въ природѣ; находятъ, что теплота и свѣтъ имѣютъ одинаково быстрое и прямолинейное движеніе, по однимъ законамъ преломляются и отражаются, одинаково распространяются въ тѣлахъ. Въ обыденной жизни для насъ не можетъ быть яснѣе той разницы, какая, по нашему мнѣнію, существуетъ между свѣтомъ и теплотою; мы ощущаемъ тепло и въ темнотѣ, испытываемъ холодъ и при сильномъ солнечномъ освѣщеніи. Тѣмъ не менѣе наука утверждаетъ, что свѣтъ есть ничто другое, какъ видимая нами теплота, а теплота есть дѣйствующій на осязаніе свѣтъ; что какъ та, такъ и этотъ сами по себѣ равно составляютъ извѣстнаго рода колебательное движеніе. Такимъ образомъ, по требованію науки, мы должны отказаться отъ обычнаго поэтическаго воззрѣнія на природу и признать, что внѣ ощущающаго субъекта, въ самой природѣ, ни свѣтло ни темно, ни тепло ни холодно, ни тихо ни шумно; свѣтъ, звукъ и т. д. суть только внутреннія состоянія ощущающаго существа; не будь этого послѣдняго, не было бы и первыхъ.

Нельзя не согласиться, что на основаніи сказаннаго было бы слишкомъ поспѣшно, вмѣстѣ съ идеалистами, прямо отрицать бытіе внѣшняго міра. Изъ основнаго положенія идеалистовъ: внѣшній міръ существуетъ *для насъ* только во внутренней сферѣ сознанія, — логически правильно можно утверждать только, что о внѣшнемъ, какъ такомъ, у насъ не можетъ быть рѣчи, что внѣшній міръ,

какъ онъ есть, намъ недоступенъ, — а не то, что міръ самъ по себѣ не существуетъ, или что онъ есть произведеніе нашего *я*. Въ насъ существуетъ ничѣмъ неискоренимая, хотя и не имѣющая для себя опоры въ какихъ либо логическихъ доказательствахъ, увѣренность, что нѣчто существуетъ внѣ насъ и на насъ дѣйствуетъ, — что это объективное существуетъ не потому, что мы его ощущаемъ, а потому ощущаемъ мы его, что оно существуетъ и дѣйствуетъ на насъ. Но въ тоже время, вопреки матеріалистамъ, мы въ правѣ изъ сказаннаго сдѣлать двоякій выводъ.

1. Сами по себѣ, по своей сущности, намъ непосредственно извѣстны и понятны только видоизмѣненія нашей души, хотя мы и не можемъ представлять ихъ въ чувственно-образной формѣ и самыя ихъ условія для насъ ненаглядны. Теперь совершенно наоборотъ, во внѣшнемъ мірѣ наблюдаемъ только явленія, можемъ точно расчитывать ихъ условія и законы; но о самой сущности такихъ явленій мы въ состояніи дѣлать одни только предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя, болѣе или менѣе подтверждаемыя опытами. Только по пристрастію къ знанію посредственному или превратному пониманію самой сущности можно утверждать, что матерія имѣетъ для насъ преимущественную, не говоримъ уже исключительную, реальность. Матерія сама въ себѣ непроницаема для нашей мысли, она всегда кажется намъ какою-то темною оболочкою, скрывающею отъ насъ единственно намъ понятное — что либо живое и дѣятельное.

2. Состоянія нашей души, — наши ощущенія, чувства, стремленія не имѣютъ никакого аналогическаго сходства съ качествами и процессами матеріальной природы, каковы напр. плотность, протяженность, движеніе и т. д. Какъ въ содержаніи нашихъ ощущеній нѣтъ никакого намека на особенность ихъ вызывающихъ движеній; такъ и въ самыхъ этихъ движеніяхъ нельзя открыть ничего такого, что сколько нибудь объясняло бы возможность ихъ превращенія въ идеально простое качество ощущеній. Рѣзкое отличіе физическихъ процессовъ и содержанія ощущеній необходимо требуетъ для объясненія послѣднихъ и начала, столь же отличнаго отъ всего матеріальнаго. Можемъ и должны предполагать, что сотрясенія воздуха и сами по себѣ отличны отъ колебаній эѳира; но основаніе, почему свѣтъ намъ не кажется звукомъ и наоборотъ, должно искать не въ свойствахъ, вліяющихъ на насъ физическихъ движеній, а въ своемъ

собственномъ существѣ, которое, по законамъ собственной природы, подъ ихъ вліяніемъ испытываетъ то тѣ, то эти состоянія.

Если такимъ образомъ невозможно, по требованію Фейербаха *), представлять человѣка какимъ-то «ноздреватымъ тѣломъ, всецѣло проникнутымъ внѣшними вліяніями», если самыя свойства этихъ вліяній заставляютъ насъ искать объясненія хотя и вызываемыхъ ими, но всецѣло съ ними несродныхъ ощущеній, чувствъ и т. д. въ ощущающемъ и чувствующемъ субъектѣ; то возникаетъ вопросъ: что̀ въ самомъ этомъ субъектѣ должно считать производящею ихъ причиною? Современные матеріалисты (Молешоттъ, Фогтъ) по преимуществу держатся физіологической почвы, и съ своей точки зрѣнія на нашъ вопросъ отвѣчаютъ, что такою причиною служитъ организація, точнѣе — головной мозгъ, какъ центральный органъ нервной системы. Съ физіологической точки зрѣнія мнѣніе это дѣйствительно не лишено своей доли вѣроятности. Живыя существа съ недостаточно развитою нервною системою, не имѣющія головнаго мозга, не обнаруживаютъ замѣтныхъ признаковъ душевной дѣятельности; чѣмъ болѣе развита въ животномъ нервная система, тѣмъ полнѣе и душевная дѣятельность; болѣзни головнаго мозга сопровождаются разстройствомъ и даже отсутствіемъ всякаго обнаруженія душевныхъ отправленій. Что мѣра развитія и состоянія головнаго мозга находятся въ соотвѣтствіи съ степенью совершенства и нормальности душевной дѣятельности, — это фактъ неоспоримый. Остается только вопросъ о мѣрѣ и значеніи такого соотвѣтствія. Но при невозможности точнаго знанія души животныхъ и, слѣдовательно, сравнительной психологіи, при тѣхъ затрудненіяхъ, какія стоятъ на пути наблюденій сравнительной физіологіи головнаго мозга, удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса невозможно. Самыя наблюденія сравнительной анатоміи головнаго мозга не только не приводятъ къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, но по большей части оказываются взаимно противорѣчащими. При сличеніи головнаго мозга человѣка и обезъяны естествоиспытатели находятъ ихъ совершенно сходными. На этотъ фактъ указываютъ въ подтвержденіе матеріалистическаго предположенія о происхожденіи человѣка отъ обезъяны. Между тѣмъ существуетъ всѣмъ очевидное, громадное различіе между человѣкомъ и обезъяною въ психическомъ

*) Der Leib nur das poröse allen Aussenwirkungen durchdringliche Ich sei, утверждаетъ онъ.

отношеніи. Въ этомъ случаѣ матеріалисты, считающіе головной мозгъ дѣятелемъ душевныхъ явленій, чтобы остаться вѣрными себѣ, должны рѣшиться на что либо одно изъ двухъ: или отрицать выгодный для нихъ въ другомъ отношеніи фактъ сходства головнаго мозга у человѣка и обезъяны, чего быть можетъ не дозволятъ имъ естествоиспытатели; или спорить противъ очевидной для всѣхъ психологической разницы между человѣкомъ и обезъяною. Такой непріятной дилеммы, конечно, не существуетъ здѣсь для идеалиста. Наблюденія надъ головнымъ мозгомъ страдавшихъ душевнымъ разстройствомъ иногда дѣйствительно открывали въ немъ нѣкоторыя поврежденія, своимъ однакожъ взаимнымъ несходствомъ не дозволяющія какихъ либо общихъ заключеній; а иногда совсѣмъ ничего не открывали. Но и открытыя въ этомъ случаѣ поврежденія одинаково говорятъ въ пользу какъ матеріалистовъ, такъ и идеалистовъ. Съ тѣмъ же точно правомъ, съ какимъ матеріалистъ указываетъ на нихъ, какъ на производящія причины душевныхъ болѣзней, — идеалистъ можетъ считать ихъ слѣдствіями такихъ болѣзней. Анатомія и медицина съ своей стороны не могутъ сказать что либо рѣшительное ни въ защиту, ни противъ каждаго изъ этихъ противоположныхъ взглядовъ. Но допустимъ даже, что душевная болѣзнь возникла вслѣдствіе поврежденія въ головномъ мозгѣ; говоритъ ли этотъ фактъ дѣйствительно что нибудь въ пользу матеріалистовъ? Дѣйствіе сложной машины иногда прекращается отъ поврежденія незначительной въ ней части; въ поврежденіи этой части дѣйствующая въ машинѣ сила находитъ положительное препятствіе къ своему проявленію, или цѣлесообразной дѣятельности, хотя сама по себѣ она и не связана необходимо съ поврежденною частію и при самомъ ея поврежденіи остается неприкосновенною. Падаетъ человѣкъ въ обморокъ по дѣйствію чисто нравственныхъ мотивовъ, внезапно прерывающихъ въ душѣ дальнѣйшее теченіе мыслей, лишающихъ человѣка всѣхъ свойственныхъ ему интересовъ. Возможенъ также обморокъ и душевное разстройство и отъ чисто физической болѣзни, положимъ напр. головнаго мозга, потому что эта болѣзнь производитъ на душу человѣка положительное впечатлѣніе, препятствующее ея правильной дѣятельности. Если внѣшнія впечатлѣнія могутъ возбуждать собою сознаніе, то не видно основанія, почему бы они не могли и подавлять его, хотя эта ихъ подавляющая сила, дѣйствуя внезапно, остается не сознанною со стороны самого больнаго, или же даетъ о себѣ знать только пред-

варительнымъ внутреннимъ смятеніемъ, — какими-то смутными, странными, невыразимыми чувствами. Причина душевнаго разстройства въ этомъ случаѣ будетъ заключаться не въ физической болѣзни, какъ такой, а въ произведенномъ ею на душу особенно сильномъ впечатлѣніи и сопровождающемъ его необычномъ волненіи чувствъ. Такимъ образомъ изъ факта соотвѣтствія въ развитіи и состояніяхъ головнаго мозга и души спокойно мыслящій можетъ извлечь только то заключеніе, что полное организованіе и здоровое состояніе головнаго мозга есть одно изъ необходимыхъ условій полной и нормальной дѣятельности души.

Но такимъ заключеніемъ не довольствуются матеріалисты; они утверждаютъ, что головной мозгъ, съ измѣненіями котораго мѣняется душевная дѣятельность, есть прямая причина такой дѣятельности. Если, думаютъ они, въ воспаленномъ желудкѣ прекращаются отправленія, свойственныя ему въ состояніи здоровомъ, то не говорятъ, что за нимъ поражено какое-то другое существо, не имѣющее теперь возможности правильно дѣйствовать по причинѣ болѣзни желудка, а просто говорятъ: желудокъ не варитъ надлежащимъ образомъ. Какая нужда усложнять изъясненіе, принимать за мозгомъ душу, которая, неизвѣстно какимъ образомъ, при воспаленіи мозга впадаетъ въ замѣшательство. Ощущенія, мысли, желанія суть отправленія головнаго мозга *). Но въ чемъ же заключается та особенность головнаго мозга, которая бы объясняла такія чудныя, несвойственныя ни одному другому органу тѣла отправленія? Этого матеріалисты сами не знаютъ, и въ самыхъ своихъ о томъ предположеніяхъ между собою несогласны; думаютъ найти эту особенность то въ объемѣ головнаго мозга, то въ его вѣсѣ, то углубленіяхъ, то химическомъ составѣ его частей, то нервныхъ въ немъ переплетеніяхъ, то внутренней жизнедѣятельности и т. д. Намъ извѣстенъ химическій составъ частей головнаго мозга; извѣстно, что къ нему сходятся, хотя и не объединяются въ какомъ либо одномъ пунктѣ, нервы всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ; открытъ въ этихъ нервахъ круговой электрическій токъ изъ внутри ко внѣ и изъ внѣ во внутрь; извѣстно, что мозгу свойственны нѣкоторыя движенія; но неизвѣстно ничего такого, что прямо бы

*) Wie die Nieren den Urin, die Leber die Galle absondert, говоритъ Фогтъ, so sondert das Gehirn die Gedanken ab. Такое объясненіе происхожденія мысли Лотце называетъ древне-поэтическимъ (urpoetisch).

объясняло существенное его назначеніе. Эту-то именно загадочность устройства головнаго мозга и обращаютъ въ свою пользу матеріалисты. Доколѣ, думаютъ они, не были извѣстны механическіе законы и силы, признавали какихъ-то жизненныхъ духовъ, приводящихъ въ движеніе и порядокъ небесныя планеты. Столь же страннымъ будетъ казаться и признаніе непосредственно дѣйствующей, нематеріальной души, когда распутаютъ крѣпко затянутый узелъ посредственныхъ дѣйствій въ головномъ мозгѣ.

Но мы съ своей стороны не только не раздѣляемъ, но заранѣе уже положительно отрицаемъ, какъ неосуществимую, надежду матеріалистовъ — открыть прямую, производящую изъ себя причину душевныхъ явленій въ головномъ мозгѣ, какъ такомъ, какъ связи матеріальныхъ элементовъ съ матеріальными же процессами. Какъ бы ни была сложна и запутана связь матеріальныхъ элементовъ въ головномъ мозгѣ, оттого они не перестаютъ быть матеріальными и отъ своей связи не получаютъ того, чего не имѣетъ каждый въ отдѣльности. Какой бы мы ни представили себѣ длинный рядъ химическихъ или динамическихъ измѣненій, всегда въ послѣднемъ членѣ этого рода получимъ только вещественное состояніе или измѣненіе, равновѣсіе или этого рода движеніе. Между послѣднимъ состояніемъ матеріальнаго элемента или процесса, какъ бы тонкими и нѣжными мы ихъ себѣ ни представили, и душевнымъ явленіемъ всегда останется ничѣмъ ненаполнимое разстояніе, и нужно отказаться отъ надежды, что наукѣ удастся открыть что либо соединительное тамъ, гдѣ съ непосредственною ясностію открывается невозможность всякаго перехода отъ одной стороны къ другой. Въ области механическихъ явленій природы мы видимъ, что одно тѣло силою толчка приводитъ въ движеніе другое тѣло; что сколько силы въ толчкѣ, столько силы потеряно тѣломъ, произведшимъ толчокъ. Здѣсь причина какъ будто непосредственно переходитъ въ свое дѣйствіе, — та и это однородны, точно соизмѣримы по степенямъ силы и вполнѣ наглядны. Но не такъ уже очевидна для насъ связь между напр. теплотою, какъ причиною, и ея дѣйствіями, каковы расширеніе, сплавливаніе, кипѣніе, горѣніе и т. п., — между треніемъ стекла, какъ причиною, и свободнымъ эллектричествомъ, какъ его дѣйствіемъ. Еще менѣе понятно, какъ частію изъ внѣшнихъ возбужденій — свѣта, воздуха и т. д., частію изъ внутреннихъ — со стороны движенія соковъ и взаимодѣйствія частей тѣла можетъ возникать столь богатая разнообразіемъ растительная жизнь въ цар-

ствѣ растеній и животныхъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по ступенямъ природныхъ явленій, тѣмъ все очевиднѣе будетъ для насъ разъединеніе между причиною и дѣйствіемъ, — въ дѣйствіи будемъ видѣть больше, чѣмъ сколько можетъ дать ему причина. Тамъ, гдѣ причина и дѣйствіе оказываются вполнѣ уже разнородными и несоизмѣримыми, мы конечно не должны и не можемъ совсѣмъ отрицать существующую между ними связь, но въ то же время самымъ дѣломъ вынуждены меньше приписывать творческой дѣятельности причинѣ, а больше усвоять природѣ того, на что она оказываетъ свои дѣйствія. Душа, по самой уже своей природѣ, не есть абсолютное, но каждый разъ совершенно опредѣленное что либо: существо мыслящее, нравственно судящее, эстетически услаждающееся и т. д. Душа, взятая въ отвлеченіи отъ этого опредѣленнаго рода дѣятельности, и существуетъ только въ сферѣ отвлеченной нашей мысли. Но теперь далѣе, и каждая способность къ опредѣленной дѣятельности въ нашей душѣ не что́ другое, какъ реальная только возможность этой именно дѣятельности. Чтобы возможность эта перешла въ дѣйствительность, стала дѣятельностію, для этого душа имѣетъ нужду въ новомъ опредѣленіи чѣмъ либо стороннимъ, отличнымъ отъ нея. Каждая потому способность души къ тому или иному роду самодѣятельности необходимо предполагаетъ способность принимать извнѣ раздраженія или возбужденія къ самодѣятельности. Такому необходимому ограниченію закономъ возбужденія или раздраженія душа подлежитъ наравнѣ со всѣми, такъ называемыми, матеріальными силами. Въ магнитѣ признаютъ силу притяженія; но если магнитъ не будетъ приближенъ къ такому тѣлу, которое онъ способенъ притягивать, — сила притяженія въ немъ останется только силою въ возможности. Подобно тому и въ душѣ не бываетъ самодѣятельности, не предваряемой страдательнымъ состояніемъ души. Но въ то же время нѣтъ и ни одного страдательнаго состоянія души, въ которомъ бы для нея не было возбужденія къ самодѣятельности. На впечатлѣніе, какое производятъ на душу такъ называемый нервный процессъ и слѣдующее за нимъ состояніе головнаго мозга, — въ чемъ бы тотъ и это ни состояли, — можно смотрѣть только какъ на возбужденіе и матеріалъ свойственной душѣ самодѣятельности. Сообщеніе душѣ ощущеній въ совершенно готовомъ ихъ видѣ также невозможно, какъ невозможна, въ строгомъ смыслѣ, передача мысли чрезъ посредство слова. Какъ слово есть только для насъ знакъ самимъ мыслить вы-

сказываемую другимъ человѣкомъ мысль, такъ и физическій нервный процессъ есть нудящее душу основаніе къ самостоятельному произведенію свойственныхъ ей ощущеній, чувствъ и т. д.

Но если невозможно производить духовное изъ физическаго и органическаго, то нельзя-ли по крайней мѣрѣ думать, что нервная система объединяетъ въ себѣ матеріальныя и духовныя свойства и по дѣйствію внѣшнихъ вліяній возбуждается не только къ физическимъ, но и духовнымъ отправленіямъ? Но такое предположеніе было бы совершенно безполезно. Не смотря на свое объединеніе матеріальное и духовное, оставались бы тѣмъ не менѣе разнородными, и одно изъ другаго необъяснимыми; въ практическомъ объясненіи частныхъ явленій того и другаго и при этомъ ихъ объединеніи необходимо было бы признаніе двухъ совершенно различныхъ началъ.

Рѣшительнымъ основаніемъ къ признанію души, какъ особаго существа, — рѣшительнымъ доказательствомъ невозможности признать субстратомъ духовныхъ явленій всегда необходимо-сложное вещество, — служитъ необъяснимый съ матеріалистической точки зрѣнія фактъ единства сознанія. По такому единству сознанія душа не только дѣйствуетъ, но и наблюдаетъ свои дѣйствія; не только испытываетъ различныя одновременныя и одно за другимъ слѣдующія состоянія, но постоянно еще относитъ ихъ къ своему *я*, какъ объединяющему ихъ центру. Эта внутренне-связующая всѣ душевныя явленія сила сознанія обнаруживается уже на самой первой ступени сужденія, именно сличеніи полученныхъ впечатлѣній. Въ природѣ внѣшней изъ двухъ движеній возникаетъ то третье — среднее, то равновѣсіе; изъ двухъ цвѣтовъ — третій изъ нихъ сложенный; изъ двухъ тоновъ той же высоты — вдвойнѣ сильный тонъ. Ничего подобнаго невозможно открыть во внутренней сферѣ сознанія. Впечатлѣнія, раздѣльно вступившія въ эту сферу, душа оставляетъ въ этой ихъ раздѣльности, не нарушаетъ свойственныхъ имъ оттѣнковъ; а только сличаетъ ихъ взаимно и въ то же время замѣчаетъ тѣ измѣненія въ своемъ состояніи, какія она испытываетъ при переходѣ отъ одного изъ сличаемыхъ впечатлѣній къ другому. Изъ сличенія представленій краснаго и желтаго цвѣта душа получаетъ не представленіе оранжеваго цвѣта, а представленіе ихъ качественнаго несходства; изъ двухъ представленій краснаго цвѣта — не представленіе того же, только болѣе яркаго цвѣта, а представленіе ихъ тождества. Это сличающее дѣятельное начало, которое

переходитъ отъ одного представленія къ другому и тотчасъ же замѣчаетъ мѣру, видъ и направленіе своего перехода, — это начало, столь безпримѣрнымъ въ природѣ образомъ объединяющее собою многоразличное, безъ всякаго сомнѣнія, само не можетъ быть многочастнымъ, а необходимо должно быть единымъ, простымъ и недѣлимымъ. Еще яснѣе это единство духа обнаруживается въ высшихъ видахъ дѣятельности сознательной мысли, — умозаключеніяхъ и длинномъ рядѣ такихъ умозаключеній. Единство идеи, проникающей рядъ доказательствъ, было бы невозможно, если бы духу человѣка не была свойственна способность не только переживать длинный рядъ различныхъ состояній, но и обнимать ихъ однимъ взглядомъ — строго критически взвѣшивать ихъ взаимное сходство и различіе. Въ томъ и состоитъ истинное единство духа, которое его, какъ духъ, отличаетъ отъ единства всякаго другаго существа, что онъ не только нудитъ свои различныя состоянія къ механическому взаимодѣйствію, но, объединяя, ихъ судитъ и объясняетъ въ смыслѣ связнаго цѣлаго, во внутренней связи котораго онъ находитъ отраженіе своего собственнаго единства.

Признавъ въ атомахъ тѣла, кромѣ вещественныхъ свойствъ, еще внутреннюю духовную жизнь, признавъ, что они возбуждаются къ проявленію своей внутренней жизни внѣшними вліяніями, должно предположить, что каждое внѣшнее вліяніе возбуждаетъ или всѣ атомы тѣла одинаково, или каждый изъ нихъ своеобразно. Въ первомъ случаѣ одно и то же ощущеніе повторилось бы столько разъ, — а въ послѣднемъ было бы столько разнообразныхъ ощущеній, — сколько существовало бы атомовъ въ тѣлѣ. Допустимъ далѣе существованіе одного центральнаго атома, а всѣ остальные признаемъ только проводниками къ этому средоточію разныхъ возбужденій; самый этотъ центральный атомъ былъ бы только сборнымъ мѣстомъ различныхъ ощущеній или, въ крайнемъ случаѣ, только совокуплялъ бы эти ощущенія; знаніе о существованіи этихъ совокупленныхъ ощущеній, самосознаніе, такимъ путемъ совершенно неизъяснимо.

Геттингенъ, $^4/_{16}$ апрѣля 1866 года.

22) Магистра Вл. Морковникова.

(Съ октября 1865 по апрѣль 1866 года).

Теоретическія воззрѣнія новѣйшихъ химиковъ въ значительной степени отличаются отъ тѣхъ, которыя были введены въ науку въ

сороковыхъ годахъ знаменитыми реформаторами химіи — Лораномъ и Жераромъ. Преслѣдуя со всей строгостью критики произвольныя толкованія конституціи химическихъ соединеній, создатели унитарной системы, въ пылу нападенія, увлеклись однако слишкомъ далеко, не допуская даже возможности судить о конституціи. Такой взглядъ нельзя объяснить недостаточнымъ знакомствомъ того времени съ химическими превращеніями. Конечно стало извѣстныхъ намъ теперь фактовъ гораздо болѣе, но многіе изъ тѣхъ, которые теперь принимаются за руководство при сужденіи о конституціи химическихъ соединеній, были уже извѣстны въ то время, когда Жераръ и Лоранъ начали свою реформу, и отчасти ими самими введены въ науку. Установивъ точныя понятія о величинѣ частицы и вѣсѣ атомовъ многихъ элементовъ, имъ оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы перейти къ атомности элементовъ, а затѣмъ, оставаясь послѣдовательными, они незамѣтно должны были придти къ вопросу о конституціи. Безъ сомнѣнія, мы видѣли бы ихъ во главѣ современнаго теоретическаго движенія, еслибъ преждевременная смерть не лишила науку этихъ двухъ энергическихъ дѣятелей.

Извѣстно, какъ быстро распространилась между химиками унитарная теорія и теорія типовъ. Но послѣдователи ихъ не отнеслись съ должной критикой къ труду своихъ учителей и обратили вниманіе, больше чѣмъ слѣдовало, на формальную сторону теоріи—на типы. И до сихъ поръ еще типы мѣшаютъ многимъ, особенно французскимъ химикамъ, видѣть сущность вопроса въ настоящемъ свѣтѣ. Эта односторонность типиковъ служила долгое время причиной, что теоретическіе взгляды ихъ противниковъ не получали должнаго значенія; но въ послѣдніе годы большинство германскихъ и нѣкоторые изъ русскихъ химиковъ возвратились къ вопросу о конституціи.

Современная теорія конституціи составляетъ непосредственно продолженіе унитарной теоріи, но она приняла въ себя также тѣ идеи дуалистовъ о конституціи, которыя развиты были школой новѣйшихъ ихъ послѣдователей, преимущественно Кольбе.

Необходимость изученія конституціи химическихъ соединеній, или лучше сказать, химическаго строенія ихъ, есть слѣдствіе существованія явленія изомеріи. Такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ пособій къ уясненію этого вопроса служатъ подробныя изслѣдованія всевозможныхъ случаевъ изомеріи. Въ послѣдніе годы вниманіе многихъ химиковъ было особенно обращено на изученіе изомеровъ. Открыты были цѣлыя группы соединеній, которыя подали поводъ

предполагать существованіе другихъ новыхъ группъ. Между ними одинъ изъ важнѣйшихъ классовъ органическихъ соединеній — одноосновныя жирныя кислоты — не былъ еще совершенно изслѣдованъ съ этой стороны. Вопросъ, могутъ ли между ними существовать изомеры, подобно тому какъ это извѣстно для алкоголей, рѣшался только теоретически. Тѣмъ интереснѣе было провѣрить теорію опытомъ. Настоящая работа предпринята именно съ этою цѣлію. Я избралъ бутириновую кислоту, потому что теорія не предвидитъ изомеровъ для ея низшихъ гомологовъ. Подробное описаніе моей работы будетъ помѣщено въ Annalen der Chemie und Pharmacie, здѣсь же я изложу только главные результаты.

Предварительныя изслѣдованія убѣдили меня, что іодистый пропилъ, получаемый изъ глицерина дѣйствіемъ на него іодистоводородной кислоты, совершенно тождественъ съ іодистымъ псевдопропиломъ изъ ацетоноваго алкоголя. Іодистый псевдопропилъ я приготовлялъ по способу, который даетъ продуктъ гораздо чище и въ несравненно бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ тѣ, которые были до сихъ поръ во всеобщемъ употребленіи. При нагрѣваніи его съ химически чистымъ ціанистымъ каліемъ въ алкогольномъ растворѣ образуется ціанистый псевдопропилъ; но при этомъ происходятъ еще другія побочныя реакціи, которыя препятствуютъ полученію продукта, по этому способу, въ чистомъ видѣ. Различныя пробы, при замѣнѣ ціанистаго калія ціанистымъ серебромъ, тоже не привели къ ожидаемому результату. Такъ какъ главной цѣлью для меня было изученіе кислоты, то, не останавливаясь долѣе на полученіи чистаго ціанистаго псевдопропила, сырой продуктъ, послѣ перегонки, обработывался прямо для полученія кислоты. Это удается довольно легко по извѣстному способу нагрѣванія съ ѣдкими щелочами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ кипяченія съ алкогольнымъ растворомъ ѣдкаго кали весь ціанистый псевдопропилъ переходитъ въ изобутириновокислое кали, откуда свободная кислота выдѣлялась сѣрной кислотой и очищалась многократными перегонками. Другой, употребленный мною, способъ очищенія кислоты состоялъ въ превращеніи ея въ сложный эѳильный эѳиръ, омыленіи его ѣдкой щелочью и новымъ разложеніемъ образовавшейся соли минеральной кислотой. Въ чистомъ видѣ изобутириновая кислота имѣетъ слѣдующія свойства. Это есть жидкостъ безцвѣтная и прозрачная съ сильно

кислымъ запахомъ, напоминающимъ бутириновую кислоту броженія, но менѣе непріятнымъ. На кожу дѣйствуетъ разрушительно, производя пузырь. Не смѣшивается, подобно обыкновенной бутириновой кислотѣ, во всѣхъ пропорціяхъ съ водой. Сравненіе прочихъ физическихъ свойствъ показало, что хотя между обѣими кислотами и нѣтъ слишкомъ сильнаго различія въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляется на столько рѣзко, что въ различіи ихъ натуры не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, изобутириновая кислота кипитъ четырьмя градусами ниже самой низшей температуры кипѣнія бутириновой кислоты, замѣченной различными химиками. Удѣльный вѣсъ, равно какъ и коэффиціентъ расширенія при различныхъ температурахъ, для изобутириновой кислоты постоянно представляетъ меньшую величину въ сравненіи съ кислотой бутириновой. Но самое рѣзкое различіе между обѣими кислотами проявляется въ ихъ соляхъ. Я изучилъ сравнительно большинство ихъ и какъ на болѣе рѣзко отличающіяся другъ отъ друга могу указать на соли: известковыя, свинцовыя и серебряныя. Особенно характеристичны известковыя соли, какъ могущія служить для раздѣленія обѣихъ кислотъ. Менѣе характеристичны, хотя тоже различны, соли баритовыя, магнезіи и закиси ртути.

Убѣдившись въ различіи кислотъ, я не видѣлъ особеннаго интереса въ подробномъ изслѣдованіи всѣхъ ихъ многоразличныхъ ближайшихъ производныхъ, а потому и ограничился только изученіемъ эѳильнаго эѳира изобутириновой кислоты. Онъ отличается отъ бутириноваго эѳира какъ по точкѣ кипѣнія, такъ и по удѣльному вѣсу. Въ настоящее время я занятъ хлористымъ производнымъ и ангидритомъ изобутириновой кислоты.

Между прочими побочными продуктами реакціи іодистаго псевдопропила на алкогольный растворъ ціанистаго калія образуется также смѣшанный эѳило-псевдопропильный эѳиръ. При различныхъ условіяхъ реакціи онъ получается въ различномъ количествѣ. Самое благопріятное условіе для его образованія — употребленіе для реакціи абсолютнаго алкоголя. Образованіе этого эѳира происходитъ по слѣдующему уравненію:

$$C_2H_6O + C_3H_7J = C_2H_5OC_3H_7 + HJ$$

Освобождающаяся іодистоводородная кислота дѣйствуетъ въ свою очередь на ціанъ-калій, который такимъ образомъ способствуетъ

образованію смѣшаннаго эѳира и не позволяетъ образоваться іодистому эѳиру, что значительно усложнило бы реакцію. Этотъ способъ образованія смѣшанныхъ эѳировъ нормальныхъ и псевдоалкогольныхъ радикаловъ можно считать лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ, потому что при дѣйствіи іодгидратовъ псевдоалкоголей на алкоголяръ нормальнаго алкоголя они распадаются бо́льшею частію на HJ и углеводородъ C_nH_{2n}.

Способъ дѣйствія обратный очевидно уже потому неудобенъ, что требуетъ сначала приготовленія чистаго псевдоалкоголя.

Хотя изобутириновая кислота представляетъ первый примѣръ изомеріи между кислотами жирнаго ряда, но теоретически, для высшихъ ея гомологовъ, можно предвидѣть много различныхъ случаевъ изомеріи. Есть даже нѣкоторая вѣроятность думать, что между извѣстными уже теперь кислотами нѣкоторыя при ближайшемъ изслѣдованіи окажутся изомерными. Такъ напримѣръ извѣстно нѣсколько кислотъ съ формулой $C_6H_{12}O_2$. Всѣ эти капроновыя кислоты, полученныя различными способами, считаются тождественными между собою, но по всей вѣроятности мы имѣемъ здѣсь дѣло по крайней мѣрѣ съ двумя изомерами. Въ настоящее время я занимаюсь также приготовленіемъ изокапроновой кислоты изъ амиленъ-іодгидрата. Я считаю преждевременнымъ входить въ изложеніе причинъ, которыя приводятъ меня къ заключенію о существованіи изомеріи между извѣстными въ настоящее время капроновыми кислотами. Изслѣдованія, которыя я намѣренъ въ этомъ отношеніи предпринять, если только позволитъ время, покажутъ, на сколько мои предположенія основательны.

Укажу въ заключеніе на тѣ отношенія, въ которыхъ стоитъ изобутириновая кислота къ нѣкоторымъ химическимъ соединеніямъ. Недавно Франкландъ и Дуппа дѣйствіемъ іодистаго меѳила на динатрій уксусный эѳиръ получили кислоту съ формулой бутириновой кислоты. Судя по способу ея образованія, новая кислота должна быть тождественна съ изобутириновой кислотой, какъ показываютъ слѣдующія формулы:

$$COCHNa_2OC_2H_5 + 2JCH_3 = COCHCH_3CH_3OC_2H_5 + 2NaJ$$

Динатрій уксусный эѳиръ — изобутириновый эѳиръ

Въ ближайшемъ отношеніи стоитъ изобутириновая кислота къ приготовленной тѣми же химиками димеѳилощавелевой кислотѣ.

Здѣсь та же самая связь, которую мы видимъ между уксусной и гликоловой кислотами:

$HOCOCH_3$ $HOCOCH_2OH$ $HOCOCHCH_3CH_3$ $HOCOCCH_3CH_3OH$

укс. кислота гликол. кислота изобут. кислота димеѳилощавелев. кисл.

Кромѣ того, для изобутириновой кислоты возможно еще существованіе другой двуатомной кислоты съ формулой $HOCOCHCH_3CH_2OH$. Различіе между послѣдней и димеѳилощавелевой кислотами ясно видно при взглядѣ на формулы ихъ химическаго строенія. Можетъ быть послѣдняя формула принадлежитъ кислотѣ ацетоновой, полученной изъ ацетона и синильной кислоты, если только эта кислота не тождественна съ кислотой Франкланда и Дуппа, что представляется весьма возможнымъ.

Берлинъ, 29-го апрѣля.

23) Лекаря А. Булыгинскаго.

(Съ декабря 1865 по мартъ 1866 года).

Существенную задачу моей работы, предпринятой въ лабораторіи профессора Erlenmeyer'a, составляло изученіе продуктовъ окисленія двухъ составныхъ частей летучаго масла римскаго тмина (ol. Cumini), цимоля и куминоля, съ цѣлью разъяснить, на сколько это удастся, процессъ окисленія этихъ веществъ и пріобрѣсти такимъ путемъ, можетъ быть, новыя фактическія данныя касательно химической структуры цимоля и куминоля. Немалый интересъ при этомъ представляло также и само по себѣ ближайшее знакомство съ полученною въ 1856 году Hofmann'омъ и весьма подробно изслѣдованною имъ инсолиновою кислотою [1]), существованіе которой было затѣмъ отвергнуто, безъ всякаго возраженія со стороны Hofmann'a, несовсѣмъ убѣдительными изслѣдованіями Warren de la Rue и Hugo Müller'a [2]) и позднѣйшими, хотя болѣе тщательными, но тоже недостаточно полными изслѣдованіями Schwanert'a [3]), послѣ чего инсолиновая кислота была всѣми уже принята за давно извѣстную терефталовую кислоту, тожественную съ первоначально полученною Caillot при окисленіи скипидарнаго масла [4]).

[1]) An. d. Ch. u. Ph. Bd. 97. S. 197.

[2]) An. d. Ch. u. Ph. Bd. 121. S. 86.

[3]) An. d. Ch. u. Ph. Bd. 132. S. 257.

[4]) Annales de Chim. et de Phys. T. 21, pag. 27.

Съ тѣхъ поръ, какъ фактъ существованія многочисленныхъ изомеровъ обратилъ на себя особое вниманіе химиковъ, во многихъ случаяхъ стала ясно обнаруживаться недостаточная полнота прежнихъ изслѣдованій касательно химическихъ преобразованій различныхъ сложныхъ тѣлъ и преимущественно такихъ, которыя при поверхностномъ ихъ изслѣдованіи представляются, по видимому, находящимися между собою въ самомъ простомъ аналогическомъ отношеніи или являются даже на первый взглядъ совершенно тожественными между собою. Цимоль ($C_{10}H_{14}$) и куминоль ($C_{10}H_{12}O$) [1]), оба выдѣленные изъ масла римскаго тмина, на сколько они до сего времени были изслѣдованы, находятся по видимому въ весьма простомъ химическомъ отношеніи другъ къ другу, въ томъ же самомъ, въ какомъ напр. водородистый этилъ (свободный метилъ, C_2H_6) находится къ обыкновенному уксусному алдегиду (C_2H_4O), или толуоль (C_7H_8) къ маслу горькихъ миндалей (къ бензойному алдегиду, C_7H_6O). Однако, никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя заставляли бы принять именно такое простое отношеніе между цимолемъ, выдѣленнымъ изъ масла римскаго тмина, и полученнымъ оттуда же куминолемъ, совсѣмъ не имѣется. Если химическое строеніе ихъ дѣйствительно представляетъ полную аналогію, то въ такомъ случаѣ естественно ожидать, что аналогія эта будетъ въ равной степени обнаруживаться при всѣхъ метаморфозахъ того и другаго вещества, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ химическихъ дѣятелей, такъ что напр. при окисленіи одними и тѣми же окисляющими средствами оба вещества должны давать или тожественные продукты, или продукты такого рода, которые бы находились между собою въ простомъ отношеніи непосредственно родственныхъ гомологическихъ тѣлъ. Извѣстные доселѣ факты относительно окисленія цимоля и куминоля не отличаются особою полнотою, такъ что не представляютъ еще никакого ручательства дѣйствительной аналогіи въ химическомъ строеніи поименованныхъ веществъ. Хотя путемъ произведенныхъ мною изслѣдованій и не удалось еще придти въ какимъ либо окончательнымъ, вполнѣ уясняющимъ дѣло, результатамъ, тѣмъ не менѣе предпринятая работа представляетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя указанія на тѣ обстоятельства, которыя во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго вниманія при рѣшеніи вопроса о строенія цимоля и куминоля.

---

[1]) C = 12; O = 16.

Для сравнительнаго изслѣдованія продуктовъ окисленія были избраны собственно два окисляющихъ средства: двухромокислое кали въ присутствіи сѣрной кислоты и азотная кислота. Цимоль и куминоль масла римскаго тмина были отдѣлены другъ отъ друга обыкновеннымъ способомъ, т. е. прежде всего фракціонированною перегонкою былъ отдѣленъ цимоль, а затѣмъ изъ остатка, перегоняющагося при температурѣ высшей 190° Ц., былъ выдѣленъ куминоль превращеніемъ въ кристаллическое соединеніе съ двусѣрнистокислымъ натромъ, которое по отжиманіи между листами пропускной бумаги было промыто на фильтрѣ алкоголемъ и наконецъ разложено углекислымъ натромъ.

Для окисленія двухромокислымъ кали было взято на 15 грм. куминоля 70 грм. двухромокислаго кали и 93 грм. крѣпкой сѣрной кислоты, разведенной 140 грм. воды. Смѣсь была помѣщена въ объемистую колбу, соединенную съ нижнимъ концомъ холодильника, такъ чтобы испаряющаяся при кипяченіи жидкость снова могла поступать обратно въ колбу; съ верхнимъ концомъ холодильника находился въ сообщеніи снарядъ для опредѣленія угольной кислоты (содержащій амміачный растворъ хлористаго барія), при чемъ весьма удобно можно было судить о наступленіи конца реакціи окисленія. Кипяченіе смѣси продолжалось около 15-ти часовъ. Во все время замѣчалось обильное отдѣленіе угольной кислоты, и преимущественно въ началѣ окисленіе шло чрезвычайно энергично. По охлажденіи и по разведеніи водою, жидкость была отдѣлена отъ плавающаго на поверхности ея бѣлаго порошковатаго продукта окисленія и отъ тѣхъ какъ бы полуспекшихся, зеленыхъ, пористыхъ комочковъ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ изслѣдованіи Hofmann [1]) и которые онъ принимаетъ за инсолиновокислую соль окиси хрома (?). Весь собранный на фильтрѣ продуктъ окисленія куминоля былъ прежде всего промытъ водою и затѣмъ обработанъ при нагрѣваніи растворомъ амміака; изъ профильтрованной аммоніакальной жидкости выдѣленъ соляною кислотою обильный клочковатый осадокъ, который, какъ должно было предполагать на основаніи изслѣдованій Müller'a и Schwanert'a, долженъ представлять смѣсь куминовой и терефталовой кислотъ. Для раздѣленія этихъ кислотъ, промытый водою и высушенный осадокъ былъ подвергнутъ многократной и самой тщательной обработкѣ кипящимъ алкоголемъ, причемъ вообще

[1]) An. d. Ch. u. Ph. Bd. 97.

имѣлось въ виду наивозможно полное удаленіе куминовой кислоты, примѣсь которой къ кислотѣ терефталовой и дала поводъ, по мнѣнію Müller'a и Schwanert'a, къ ошибочному заключенію объ образованіи особой инсолиновой кислоты. Такимъ образомъ полученный осадокъ кислотъ былъ раздѣленъ на двѣ порціи: одна изъ нихъ находилась въ спиртовомъ растворѣ, а другая нерастворимая (или вѣрнѣе—трудно растворимая въ кипящемъ алкоголѣ) была собрана на фильтрѣ. Эта вторая порція представляла всѣ свойства описанной Hofmann'омъ инсолиновой (а слѣдовательно и терефталовой) кислоты. Произведенный анализъ далъ слѣдующіе результаты:

1) 0,1204 грм. кислоты дали 0,2628 грм. CO_2 и 0,0454 грм. H_2O.
2) 0,2060 грм. кислоты дали 0,4457 грм. CO_2 и 0,0785 грм. H_2O.

Отсюда слѣдуетъ процентный составъ:

I.	II.	Средній выводъ.
C — 59,52	C — 59,00	C — 59,26
H — 4,18	H — 4,23	H — 4,20
O — 36,30	O — 36,77	O — 35,54
100,00	100,00	100,00

Теоретическій процентный составъ, вычисленный для формулъ $C_8H_6O_4$ и $C_9H_8O_4$, слѣдующій:

Терефталовая кислота.	Инсолиновая кислота Hofmann'a.
C — 57,83	C — 60,00
H — 3,61	H — 4,44
O — 28,56	O — 35,56
100,00	100,00

И такъ анализъ далъ приблизительно тотъ же результатъ, который полученъ Hofmann'омъ и впослѣдствіи Schwanert'омъ, т. е. кислота вообще ближе подходитъ по составу къ кислотѣ инсолиновой, чѣмъ къ терефталовой, хотя и отличается отъ первой, какъ показываютъ выше приведенныя числа и всѣ анализы Hofmann'a и Schwanert'a, постоянно немного меньшимъ содержаніемъ углерода.

Произведенный анализъ баритовой соли привелъ къ такому же результату:

1) 0,6113 грм. выдѣленной осажденіемъ и высушенной при 120—130° Ц. баритовой соли дали 0,3878 грм. углекислаго барита, что указываетъ на содержаніе 44,11% Ba.

2) 0,7922 грм. баритовой соли дали 0,5038 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 44,22% Ba.

(Терефталовокислый баритъ долженъ содержать 45,51% Ba, а инсолиновокислая соль барія — 43,49%).

Вторая порція смѣшанныхъ кислотъ, полученная въ спиртовомъ растворѣ, была подвергнута по испареніи алкоголя перегонкѣ въ струѣ водянаго пара, съ цѣлью отдѣлить летучую куминовую кислоту отъ примѣси къ ней нелетучей или менѣе летучей кислоты, присутствіе которой обнаружилось при первоначальномъ опредѣленіи точки плавленія перешедшей въ спиртовой растворъ порціи первичнаго осадка кислотъ: оказалось, что точка плавленія лежитъ слишкомъ высоко, и притомъ вполнѣ кислота не плавится даже при 200° Ц. Перешедшая затѣмъ съ водяными парами кислота оказалась, судя по ея точкѣ плавленія, почти совершенно чистою (впрочемъ найденная точка плавленія 118,5° Ц. а не 115°, что можетъ быть зависѣло отъ незначительной примѣси переброшенной въ пріемникъ нелетучей кислоты). Полученный вслѣдъ за отдѣленіемъ куминовой кислоты остатокъ, по раствореніи его въ амміакѣ, былъ выдѣленъ въ видѣ баритовой соли, анализъ которой показалъ составъ инсолиновой кислоты.

0,1562 грм. баритовой соли дали 0,0969 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 43,79% Ba.

Такъ какъ при образованіи терефталовой кислоты окисленіемъ куминоля на счетъ кислорода хромокислаго кали возможно было предполагать происхожденіе уксусной кислоты, то вся жидкость, отфильтрованная отъ первоначальнаго осадка продуктовъ окисленія, была подвергнута перегонкѣ, и собранный перегонъ, имѣвшій лишь едва замѣтную кислую реакцію, по прибавленіи къ нему нѣсколькихъ капель раствора углекислаго натра былъ выпаренъ въ водяной банѣ досуха. Въ полученномъ такимъ образомъ остаткѣ натровой соли открыты лишь незначительные слѣды уксусной кислоты.

И такъ изслѣдованіе окисленія куминоля хромокислымъ кали не дало еще само по себѣ никакихъ новыхъ результатовъ: куминовая кислота, какъ первичный продуктъ окисленія, даетъ путемъ дальнѣйшаго дѣйствія на нее кислорода двуосновную кислоту съ меньшимъ содержаніемъ углерода, причемъ отдѣляется угольная кислота и получаются незначительные слѣды уксусной кислоты, образованіе которыхъ всего естественнѣе приписать содержанію въ куминолѣ незначительной примѣси цимоля, какъ на то указали даль-

нѣйшія изслѣдованія касательно продуктовъ окисленія самого цимоля [1]).

При изслѣдованіи окисленія цимоля на счетъ кислорода двухромокислаго кали ходъ работы былъ приблизительно тотъ же самый, какъ при выше описанномъ изслѣдованіи дѣйствія двухромокислаго кали на куминоль. На 13 грм. предназначеннаго къ окисленію цимоля было взято 51 грм. двухромокислаго кали, 68 грм. крѣпкой сѣрной кислоты и 125 грм. воды. Окисленіе цимоля двухромокислымъ кали идетъ вообще медленно, причемъ весьма непріятное явленіе составляетъ неравномѣрное нагрѣваніе жидкости, обусловливающее чрезвычайно порывистое ея кипѣніе. Даже и по 24-хъ часовомъ кипяченіи жидкости все еще оставалось около половины цимоля безъ всякаго по видимому измѣненія; но такъ какъ въ жидкости находилось уже достаточное для предполагаемаго изслѣдованія количество образовавшагося порошковатаго продукта окисленія, то, не дожидаясь полнаго окисленія всего употребленнаго количества цимоля, было приступлено къ изслѣдованію полученныхъ продуктовъ. По отдѣленіи остатка неокисленнаго цимоля сливаніемъ, полученный порошковатый продуктъ окисленія, вовсе не содержащій тѣхъ пористыхъ и какъ бы полусплавленныхъ зеленоватыхъ комочковъ, которые получаются при окисленіи куминоля, былъ собранъ на фильтрѣ, промытъ водою, растворенъ въ амміакѣ и снова выдѣленъ соляною кислотою. Слитый съ водяной жидкости цимоль, хорошо промытый водою и высушенный хлористымъ кальціемъ, былъ подвергнутъ фракціонированной перегонкѣ, причемъ почти все количество жидкости перешло въ пріемникъ при 174° Ц., и лишь подъ конецъ перегонки температура кипѣнія повысилась до 190°; но количество перешедшей при этой температурѣ безцвѣтной прозрачной жидкости, съ особеннымъ, отличнымъ отъ цимоля, ароматическимъ запахомъ, было столь незначительно, что не представлялось никакой возможности произвести ея изслѣдованіе относительно элементарнаго состава (тѣмъ болѣе, что эта жидкость могла представлять лишь смѣсь цимоля съ растворенными, можетъ быть, въ немъ продуктами его окисленія, такъ что, во всякомъ случаѣ, одинъ лишь элементарный ана-

[1]) Должно замѣтить, что полное отдѣленіе цимоля отъ куминоля, при работахъ съ сколь либо значительными количествами этого вещества, достигается весьма трудно: промываніе алкоголемъ соединенія куминоля съ двусѣрнистокислымъ натромъ идетъ чрезвычайно медленно по причинѣ тѣстообразной консистенціи, которую пріобрѣтаетъ это соединеніе, будучи смочено алкоголемъ.

лизъ жидкости не могъ привести ни къ какому результату). Какъ бы то ни было, но точка кипѣнія наибольшей массы жидкости достаточно уже показывала, что въ остаткѣ дѣйствительно былъ полученъ неизмѣненный цимоль. Осадокъ, выдѣленный изъ аммоніакальнаго раствора соляною кислотою, былъ обработанъ горячимъ алкоголемъ для удаленія растворимой въ алкоголѣ кислоты, и затѣмъ одна часть нерастворимаго остатка прямо анализирована сожиганіемъ съ окисью мѣди, а другая превращена въ баритовую соль, гдѣ и произведено опредѣленіе количества содержащагося барита. Тотъ и другой анализъ дали составъ терефталовой кислоты (однако первый анализъ показалъ нѣсколько большее содержаніе C и H).

1) 0,3116 грм. вещества, высушеннаго при 105 — 110°, дали 0,6632 грм. CO_2 и 0,1128 грм. H_2O, откуда вычисленный процентный составъ слѣдующій:

C —	58,04	вмѣсто	C —	57,83
H —	4,02	»	H —	3,61
O —	37,94	»	O —	38,56
	100,00			100,00

2) 0,5384 грм. баритовой соли, высушенной при 120 — 130°, дали 0,3508 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 45,31% Ba. (вычисленное содержаніе Ba. въ терефталовокисломъ баритѣ = 45,51%).

Такъ какъ остатокъ по испареніи алкоголя, употребленнаго для промыванія первоначальнаго осадка образовавшейся при окисленіи цимоля кислоты, оказался даже при нагрѣваніи его до 200° Ц. неспособнымъ подвергаться полному плавленію, то должно было предположить, что и здѣсь уже содержится терефталовая кислота. Перегонкою этого остатка въ струѣ водянаго пара удалось получить въ пріемникѣ лишь самое незначительное количество летучей кислоты, которая, какъ по точкѣ ея плавленія (найденная точка плавленія 117° Ц.), такъ и по найденному процентному содержанію серебра въ ея серебряной соли, оказалась не толуиловою, а куминовою кислотою.

0,1060 грм. серебряной соли, высушенной при 105 — 110°, дали 0,0415 грм. Ag, что соотвѣтствуетъ 39,15% ($C_{10}H_{11}AgO_2$ сод. 39,85% Ag, а $C_8H_7AgO_2$ — 44,44%).

Происхожденіе незначительнаго количества куминовой кислоты при окисленіи цимоля всего проще объясняется содержаніемъ въ

цимолѣ незначительной и по видимому неизбѣжной примѣси куминоля, полное удаленіе котораго едва ли вообще возможно при извѣстномъ доселѣ единственномъ способѣ отдѣленія цимоля путемъ фракціонированной перегонки.

Нелетучая въ струѣ водянаго пара часть кислоты оказалась, судя по произведенному анализу ея баритовой соли, терефталовою кислотою.

0,3825 грм. баритовой соли дали 0,2486 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 45,33% Ba.

Опредѣливши такимъ образомъ происхожденіе терефталовой кислоты при окисленіи цимоля двухромокислымъ кали, въ высшей степени интересно было знать, освобождается ли при этомъ весь невходящій въ составъ этой кислоты углеродъ въ видѣ угольной кислоты, или же имѣетъ мѣсто, кромѣ того, и образованіе кислоты уксусной. Для рѣшенія этого, жидкость, служившая для окисленія и отфильтрованная, какъ было уже упомянуто, отъ нерастворимаго въ водѣ продукта окисленія, была подвергнута перегонкѣ. Полученный перегонъ оказался сильно кислой реакціи. По осредосоленіи его углекислымъ натромъ и по испареніи досуха, было получено значительное количество уксуснокислаго натра, изъ котораго и была выдѣлена перегонкою съ сѣрною кислотой свободная уксусная кислота, давшая около 1 грм. серебряной соли. Анализъ приготовленной серебряной соли послужилъ для опредѣленія степени чистоты выдѣленной кислоты.

0,2110 грм. серебряной соли дали 0,1364 грм. Ag, что соотвѣтствуетъ 64, 64% Ag ($C_2H_3AgO_2$ сод. 64,72% Ag).

Обработкою эѳиромъ густой сиропообразной массы, оставшейся вслѣдъ за отгонкою уксусной кислоты, получены лишь незначительные слѣды такъ называемой камфрезиновой кислоты, что вполнѣ согласно съ показаніями Schwanert'a, по изслѣдованіямъ котораго кислота эта образуется въ бо̀льшемъ количествѣ лишь при окисленіи цимоля азотною кислотою.

Итакъ при окисленіи цимоля хромокислымъ кали, образуются терефталовая, угольная и уксусная кислоты. Образованія толуиловой кислоты, такъ же какъ и въ изслѣдованіяхъ Hoffmann'a, не было замѣчено, не смотря на то, что въ данномъ случаѣ реакція была прервана прежде, чѣмъ совершилось полное окисленіе цимоля.

Если обратить вниманіе на результаты анализовъ двуосновной кислоты, образовавшейся при образованіи куминоля и полученной

затѣмъ при окисленіи цимоля, то не трудно замѣтить ту особенность найденнаго процентнаго состава кислотъ, которая приближаетъ кислоту, полученную изъ куминоля, къ инсолиновой кислотѣ Hoffmann'a ($C_9H_8O_4$), а кислоту, образовавшуюся изъ цимоля, къ терефталовой кислотѣ Caillot ($C_8H_6O_4$). Принявши во вниманіе, что обѣ кислоты выдѣлены совершенно одинаковымъ способомъ и что процессъ освобожденія ихъ отъ куминовой кислоты состоялъ въ обоихъ случаяхъ лишь въ промываніи горячимъ алкоголемъ — весьма естественно является предположеніе о дѣйствительномъ существованіи инсолиновой кислоты, какъ продукта окисленія куминоля. Впрочемъ, существованіе инсолиновой кислоты собственно вовсе и не отвергается изслѣдованіями Schwanert'a, напротивъ, на стр. 265 [1]) и далѣе на стр. 270 онъ самъ же вполнѣ опредѣленно высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе объ образованіи инсолиновой кислоты вмѣстѣ съ терефталовою при окисленіи масла обыкновеннаго тмина (ol. Thymi vulgaris); онъ отвергаетъ лишь, согласно съ показаніями Warren de la Rue и H. Müller'a, образованіе инсолиновой кислоты при окисленіи цимоля и куминоля, считая получаемую при этомъ двуосновную кислоту съ высшимъ (сравнительно съ терефталовою кислотою) содержаніемъ углерода за смѣсь терефталовой кислоты съ куминовою или, при окисленіи цимоля, — съ толуиловою кислотою. Если взять въ разсчетъ легкую растворимость куминовой и толуиловой кислотъ не только въ горячемъ, но и въ холодномъ алкоголѣ, и весьма небольшую, сравнительно, растворимость терефталовой кислоты, то вообще весьма мало основанія допускать невозможность отдѣленія куминовой и толуиловой кислотъ отъ терефталовой, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы получаемый путемъ непосредственнаго анализа процентный составъ этой послѣдней представлялъ достаточно значительное уклоненіе отъ состава инсолиновой кислоты. Что удаленіе куминовой кислоты простымъ растворенiемъ ея въ алкоголѣ возможно по крайней мѣрѣ на столько, что анализъ промытой горячимъ алкоголемъ терефталовой кислоты даетъ числа, весьма близко подходящія къ теоретическому процентному составу этой послѣдней — на это могутъ указывать приведенные мною анализы кислоты, полученной изъ цимоля. Если же допустить вообще лишь существованіе инсолиновой кислоты, свойства которой должны быть весьма близки къ

[1]) An. d. Ch. u. Ph. Bd. 132.

свойствамъ кислоты терефталовой, то въ такомъ случаѣ несравненно естественнѣе предположить, что кислота, полученная Hoffmann'омъ и образовавшаяся въ моемъ случаѣ при окисленіи куминоля, дѣйствительно представляетъ инсолиновую кислоту, лишь съ нѣкоторою примѣсью кислоты терефталовой, чѣмъ точно также хорошо объясняется пониженное процентное содержаніе въ ней углерода; примѣсь же терефталовой кислоты при окисленіи куминоля зависитъ, можетъ быть исключительно лишь отъ небольшаго содержанія въ куминолѣ довольно трудно отдѣляемаго отъ него цимоля. Нѣсколько повышенное процентное содержаніе углерода терефталовой кислоты и пониженное процентное содержаніе барія въ ея баритовой соли, полученное при анализахъ кислоты изъ цимоля, въ свою очередь, можетъ найти довольно правдоподобное объясненіе въ томъ, что терефталовая кислота могла содержать небольшую примѣсь кислоты инсолиновой, вслѣдствіе незначительнаго, весьма вѣроятнаго содержанія въ цимолѣ куминоля. Конечно, все это почти въ такой же мѣрѣ одни лишь предположенія, въ какой и самое объясненіе повышеннаго C и H трудно растворимой терефталовой кислоты, допущеніемъ упорно остающейся при ней примѣси легко растворимой въ алкоголѣ кислоты куминовой. Принявши въ разсчетъ, что смѣсь терефталовой и куминовой кислотъ, которая бы представляла относительно содержанія C процентный составъ инсолиновой кислоты, должна содержать въ себѣ около 15% легко растворимой въ алкоголѣ куминовой кислоты, слѣдовательно — довольно значительное количество этой послѣдней, естественно было предполагать, что во всякомъ случаѣ, при тщательной обработкѣ горячимъ алкоголемъ, при продолжительномъ настаиваніи и затѣмъ промываніи двуосновной кислоты, полученной изъ куминоля, должна быть болѣе или менѣе рѣзко замѣтная разница въ составѣ нерастворившагося остатка и перешедшей въ спиртовой растворъ порціи испытуемой кислоты. Однако, произведенное изслѣдованіе дало довольно неопредѣленные результаты, особенно при сравненіи съ произведеннымъ затѣмъ анализомъ двухъ послѣдовательно выдѣленныхъ порцій баритовой соли той же кислоты, приготовленной изъ куминоля.

1) 0,3032 грм. нерастворимаго остатка дали 0,6503 грм. CO_2 и 0,1150 грм. H_2O.

2) 0,2890 грм. перешедшей въ растворъ кислоты дали 0,6240 г. CO_2 а 0,1084 грм. H_2O.

Отсюда процентный составъ:

I.		II.	
C —	58,49	C —	58,88
H —	4,21	H —	4,16
O —	37,30	O —	36,96
	100,00		100,00

При анализѣ двухъ порцій баритовой соли, выдѣленныхъ послѣдовательно осажденіемъ аммоніакальной соли хлористымъ баріемъ, найдено въ первой, въ началѣ осажденной, порціи, менѣе Ba, нежели во второй, выдѣленной вслѣдъ за удаленіемъ первичнаго осадка.

1-е осажденіе: 0,3552 грм. баритовой соли дали 0,2280 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 44,64% Ba.

2-е осажденіе: 0,5524 грм. баритовой соли дали 0,3570 грм. углекислаго барита, что соотвѣтствуетъ 44,96% Ba.

При промываніи баритовой соли горячимъ алкоголемъ (въ которомъ растворима куминовокислая соль барія) составъ соли нисколько не измѣнился: анализъ баритовой соли, приведенный въ началѣ изложенія результатовъ анализа двуосновной кислоты, полученной изъ куминоля, именно и относится къ такой соли, которая вслѣдъ за тщательнымъ промываніемъ ея водою была промыта еще кромѣ того большимъ количествомъ горячаго алкоголя.

Въ виду такихъ недостаточно опредѣленныхъ результатовъ относительно истиннаго состава кислоты, полученной изъ куминоля, конечно, весьма бы интересно было произвести сравнительное испытаніе смѣси чистой терефталовой и куминовой кислотъ, взявши ихъ въ томъ именно отношеніи, какое нужно для того, чтобы полученная смѣсь представляла составъ инсолиновой кислоты (на 85,8 чч. терефталовой кислоты нужно бы было взять 14,2 чч. куминовой); но, не имѣя въ запасѣ достаточнаго для того количества терефталовой кислоты, я не могъ предпринять этого изслѣдованія и принужденъ былъ прямо перейти къ сравнительному изученію продуктовъ окисленія цимоля и куминоля при дѣйствіи азотной кислоты. Полученные при этомъ результаты я предпочитаю однакоже изложить лишь въ слѣдующемъ отчетѣ, въ общей связи съ тѣмъ, что успѣю еще сдѣлать по этому предмету въ остальную часть семестра и въ теченіе вакаціоннаго времени. Что касается до одновременно веденныхъ съ этою работой занятій въ аналитической

лабораторіи проф. Bunsen'a, то они преимущественно состояли лишь въ изученіи самаго метода газометрическихъ изслѣдованій и потому не могутъ представлять ничего особеннаго.

24) Н. Скворцова.

Plato and the other companions of Sokrates. By George Grote. In three volumes. London. 1865.

Древній классическій міръ играетъ лучшую роль въ современной Европѣ, чѣмъ тѣ государства, которыя существуютъ теперь на его могилѣ. Не столько эти послѣднія оказываютъ вліянія на политическую жизнь Европы (ибо въ политической жизни наибольшая роль принадлежитъ всегда матеріальной силѣ), сколько значенія имѣетъ классическій міръ въ судьбѣ ея интеллектуальной жизни. Мертвый, а потому невозмутимый и невозмущающій, классическій міръ останется навсегда какъ міромъ школъ, такъ и міромъ студій людей истинно ученыхъ.

Георгъ Гротъ, составившій себѣ ученую репутацію своею исторіею Греціи, издалъ въ недавнее время большое сочиненіе о Платонѣ. Авторъ предлагаетъ это сочиненіе, какъ «продолженіе и дополненіе» своей исторіи Греціи. «Настоящіе томы, говоритъ онъ въ предисловіи, содержатъ въ себѣ только половину умственной дѣятельности Геллады въ продолженіе четвертаго столѣтія до Р. Х.: недостаетъ еще второй половины, герой которой Аристотель. Если продолжится моя жизнь и энергія, то я надѣюсь, буду въ состояніи пополнить недостающее и составить такимъ образомъ полную, съ моей точки взгляда, какъ умственную, такъ и активную исторію греческой расы до того предѣла, который я назначилъ себѣ, почти двадцать лѣтъ назадъ, въ предисловіи къ своей исторіи» (Preface XII). Составъ настоящаго сочиненія Грота о Платонѣ слѣдующій. Первыя двѣ главы перваго тома содержатъ ученіе о древней философіи; слѣдующія четыре главы представляютъ чрезвычайно тонкую историческую работу: онѣ заняты разсказомъ о жизни Платона, о судьбѣ его сочиненій, и критикою взглядовъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ ученыхъ на составъ и исторію его діалоговъ; вмѣстѣ съ этимъ авторъ высказываетъ здѣсь свое воззрѣніе вообще на философское дѣло Платона. Затѣмъ, какъ во второй половинѣ перваго тома, такъ въ двухъ послѣдующихъ томахъ Гротъ пред-

лагаетъ анализы діалоговъ — въ порядкѣ, который онъ считаетъ только приблизительно вѣрными исторически, такъ какъ онъ признаетъ невозможнымъ опредѣлить точно тотъ порядокъ, въ какомъ слѣдовили діалоги изъ-подъ пера ихъ автора. (Vol. I, 279). Только послѣднія двѣ главы третьяго тома посвящены изложенію ученія другихъ собесѣдниковъ Сократа. Новое произведеніе Грота по многимъ достоинствамъ своимъ должно занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду трудовъ по древней классической философіи. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что самъ авторъ задерживаетъ педагогическій успѣхъ своего сочиненія, сохранивъ за собой право перевода его на другіе языки и продавая свой трудъ по дорогой цѣнѣ. Я хочу теперь сказать нѣсколько словъ объ общемъ воззрѣніи Грота на философію, въ связи съ нѣкоторыми мыслями его изъ обзора до-Сократовой философіи.

«Если мы, говоритъ Гротъ въ предисловіи, обратимся къ призванію философіи, то увидимъ, что оно необходимо полемическое: утвердить независимый разумъ чрезъ индивидуальныхъ мыслителей, которые разногласятъ съ нераціональною вѣрою, господствующею вокругъ нихъ авторитетно во всей соціальной атмосферѣ, и которые признаютъ исправленіе и опроверженіе себѣ не иначе какъ со стороны только противнаго имъ разума другихъ мыслителей» (Preface. VI, VII). Этими словами Гротъ прямо ставитъ насъ на ту историческую точку взгляда, съ которой онъ смотритъ на философію. Дѣйствительно, указывая на полемическое призваніе философіи, онъ слѣдитъ въ ея исторіи за тѣмъ, какъ она выполняла это призваніе, и указываетъ, какъ съ развитіемъ философіи все болѣе и болѣе выступаетъ въ ней ея негативный характеръ.

Такой чисто историческій взглядъ Грота на философію часто можно встрѣтить въ современной литературѣ, именно говорятъ, что философія есть критика общаго смысла. «Дѣло Коперника, говорилъ недавно одинъ профессоръ философіи, слѣдуетъ назвать исправленіемъ и улучшеніемъ человѣческаго пониманія; равнымъ образомъ и философію мы называемъ также исправленіемъ и улучшеніемъ всего нашего эмпирическаго разумѣнія» (Fridericus Michelis. De philosophiæ vi ac munere. Oratio. Brunsbergae, 1864). Дѣйствительно, философія въ своей исторіи сказывалась всегда какъ негативная, какъ критическая сила въ отношеніи къ общему смы-

слу: въ этомъ ея историческая судьба, и въ историческомъ смыслѣ философія подлинно есть критика общаго эмпирическаго смысла. Но въ томъ же историческомъ смыслѣ она одинаково есть и самопознаніе духа, — какъ говоритъ, напримѣръ, Шмидъ въ своей метафизикѣ (Grundlinien der Metaphysik. Wien. 1865). Въ томъ же историческомъ смыслѣ профессоръ Эрдманъ опредѣляетъ философію какъ мудрость міра, — выраженіе, въ которомъ, по замѣчанію Эрдмана, слово «міра» есть одинаково genitivus objecti и subjecti. (Grundriss der Geschichte der Philosophie. Berlin. 1866). Но можно и даже должно различать историческое положеніе философіи отъ того, какова она по натурѣ дѣйствующаго въ ней мышленія, и первое желательно объяснять послѣднимъ, а не послѣднее первымъ. Изъ простаго историческаго указанія на то, что философія была всегда критикою общаго смысла, не видно, почему она была такова, а слѣдовательно, не видно и что́ она. Хотя критическое дѣло философіи въ ея исторіи совпадаетъ, можетъ быть, съ ея подлинною натурою, но тѣмъ не менѣе выраженіе, что философія есть критика общаго смысла, само по себѣ есть только историческое ея описаніе, а не внутреннее опредѣленіе. Критика есть признакъ философіи, чрезъ который она описывается. Философія есть критика— это значитъ, что философія, какова она есть, критически относится къ общему смыслу; но отсюда не видно, какова она. Однимъ словомъ, по отношенію къ философіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ отличать историческое воззрѣніе отъ воззрѣнія метафизическаго, философскаго. Общій смыслъ всегда тяготѣетъ къ историческому воззрѣнію на предметъ: въ историческомъ опредѣленіи предметъ нагляднѣе, доступнѣе; но критика и наука призваны къ тому, чтобы вырабатывать болѣе точное, метафизическое воззрѣніе на предметы.

Естественнымъ слѣдствіемъ историческаго опредѣленія философіи, какъ критики общаго смысла, должно быть неотличеніе философіи отъ другихъ наукъ. Этого слѣдствія, по видимому, не избѣгнулъ и Гротъ. Коснувшись здѣсь различія между науками и философіею, въ настоящемъ случаѣ я могу только замѣтить, что это различіе состоитъ въ различномъ опредѣленіи тамъ и здѣсь самого мышленія. Приэтомъ я укажу на тѣ мѣста изъ метафизики Аристотеля, гдѣ онъ такъ отчетливо разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ. Эти мѣста по преимуществу слѣдующія: IV. 1, VI. 1, XI. 3, 4. Аристотель отличаетъ здѣсь науку отъ философіи тѣмъ, что

предметъ науки есть бытіе въ движеніи, т. е. бытіе измѣняющееся въ своихъ явленіяхъ; слѣдовательно, само по себѣ, въ своемъ движеніи, оно подлежитъ только опытному знанію, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подлинно философскимъ. Между тѣмъ Гротъ, оставаясь вѣрнымъ историческому воззрѣнію на философію, какъ на критику, не спеціализируетъ философскаго мышленія по его задачѣ. Вслѣдствіе этого, исторія философіи въ изложеніи Грота является скорѣе исторіею общаго разумѣнія человѣческаго духа въ разныхъ областяхъ вѣдѣнія, чѣмъ исторіею собственно философскаго мышленія. Подлинно философская мысль того или другаго философа не рѣдко теряется въ ряду другихъ его мыслей, навязанныхъ ему опытомъ, или просто воображеніемъ. Между тѣмъ потребность выяснить собственную натуру философскаго мышленія, потребность опредѣлить, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, когда разсуждаемъ о той или другой философской системѣ, болѣе можетъ быть, чѣмъ во всякомъ другомъ случаѣ, чувствуется при изслѣдованіи какъ греческой философіи вообще, такъ и философіи Платона въ частности.

Неясность представленія подлинной натуры философскаго мышленія замѣтна у Грота въ большей части изложенной имъ исторіи до-Сократовой философіи. Извѣстно, что одинъ изъ первыхъ вопросовъ, раздѣляющихъ историковъ философіи, есть вопросъ о томъ, съ чего начинать исторію философіи. Тидеманнъ, Теннеманнъ, Фрисъ, Астъ, Шлейермахеръ, Браннисъ, Брандисъ, Гегель, Целлеръ, не говоря уже о Гладишѣ и Рёте — всѣ или разногласятъ между собою въ этомъ случаѣ, или, по крайней мѣрѣ, вопросъ о началѣ философіи признаютъ за такой, о которомъ можно разногласить. Нельзя не видѣть, что въ этомъ вопросѣ заключается собственно вопросъ о томъ, что́ такое философское мышленіе и какова его задача? Гротъ, согласно съ своимъ общимъ воззрѣніемъ на полемическое призваніе философіи, видитъ начало ея въ томъ моментѣ исторіи человѣческаго сознанія, когда, вмѣсто образныхъ представленій субъектовъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, стали доступны ему отвлеченныя понятія о причинахъ и условіяхъ явленій, каковыя понятія должны были служить отрицаніемъ предшествующихъ образовъ. Гротъ говоритъ: «между безчисленнымъ множествомъ невидимыхъ, личныхъ, quasi-человѣчныхъ дѣятелей съ различными аттрибутами и склонностями, нѣкоторые изобрѣтены были для объясненія разныхъ сложныхъ явленій. Вопросъ былъ не о томъ, каковы

предшествующія условія или причины дождя, грома, землетрясенія; но кто дождитъ, кто гремитъ, кто производитъ землетрясеніе? Грекъ временъ Гезіода былъ удовлетворенъ, когда представлялъ, что это Зевсъ или Посейдонъ. Говорить о физическихъ агентахъ казалось ему не только не удовлетворительно, но абсурдно, смѣшно и нечестиво. Но вотъ въ то время, продолжаетъ Гротъ, когда Ферекидъ и Акусилой продолжали въ прозѣ ѳеогонію, или миѳическую космогонію Гезіода и другихъ древнихъ поэтовъ, въ то время, какъ Эпименидъ и орѳическіе поэты сочиняли разныя ѳеогоніи, связанныя съ мистическими догматами—въ это самое время, въ первую половину шестаго столѣтія, Ѳалесъ изъ Милета являетъ примѣръ новаго направленія мышленія. Вмѣсто Гомерическаго Океана, отца всѣхъ вещей, Ѳалесъ принимаетъ матеріальную субстанцію—воду, какъ первичную матерію и универсальный субстратъ всѣхъ вещей въ природѣ. Говоря далѣе объ Анаксимандрѣ, Гротъ замѣчаетъ, что Анаксимандръ предложилъ физическое объясненіе грома, молніи и другихъ метеорологическихъ явленій — что̀ замѣчательно, какъ первая попытка спекуляціи въ этой области въ то время, когда подобныя явленія возбуждали самое сильное религіозное благоговѣніе и были разсматриваемы какъ совершенно особенное проявленіе намѣреній божества» (Vol. 1, стр. 2, 7). И такъ критическій, или негативный характеръ философіи прежде всего, по мысли Грота, усматривается въ томъ отрицательномъ отношеніи, въ которомъ философское, точнѣе научное (опытное, такъ какъ Гротъ, какъ увидимъ, не отличаетъ одного отъ другаго) мышленіе становится къ даннымъ религіознымъ представленіямъ. На этомъ основаніи Гротъ и начинаетъ исторію философіи съ Ѳалеса, руководясь тѣмъ, что онъ первый высказалъ міровоззрѣніе, свободное, по его мнѣнію, отъ религіозныхъ внушеній. Но чѣмъ опредѣляется философское достоинство подобнаго міровоззрѣнія? Гротъ признаетъ, что «въ теоріяхъ іонійскихъ философовъ физическія идеи происхожденія, измѣненія и локальнаго перемѣщенія находили свое основаніе въ томъ положеніи, что происхожденіе въ самомъ космосѣ должно быть поставлено на мѣсто происхожденія отъ божества» (Vol. 1, стр. 90). Такъ описываетъ Гротъ появленіе философскаго міровоззрѣнія на мѣсто религіознаго. Но изъ этого описанія не видно, чѣмъ условливается это новое міровоззрѣніе въ самомъ духѣ, въ самомъ мышленіи, какими побужденіями опредѣляется мышленіе въ признаніи того,

что происхожденіе въ космосѣ, какъ говоритъ Гротъ, должно быть поставлено на мѣсто происхожденія отъ божества. Онъ говоритъ только, что «возбужденіе интеллигентной любознательности, стремленіе объяснить космосъ чрезъ какую нибудь вѣроятную гипотезу, увѣренность, что основаніе или пунктъ отправленія въ этомъ случаѣ можетъ быть найденъ въ самомъ космосѣ, отдѣльно отъ тѣхъ миѳическихъ персонификацій, которыя жили доселѣ въ популярномъ умѣ и въ поэтическихъ ѳеогоніяхъ, умственное усиліе, направленное на то, чтобы остановиться на какомъ нибудь извѣстномъ дѣйствіи и чрезъ цѣпь умозаключеній связать его съ результатомъ, — все это есть новое явленіе въ исторіи человѣческаго духа» (Vol. 1, стр. 89). Дѣйствительно такъ; но что значитъ это новое явленіе для самого духа? Въ какомъ опредѣленіи должны мы представлять себѣ мышленіе на основаніи этого новаго явленія въ исторіи его дѣятельности? На эти вопросы Гротъ не даетъ отвѣта. Между тѣмъ несомнѣнно, что самое мышленіе Ѳалеса и другихъ іонійцевъ должно имѣть иное опредѣленіе, для того, чтобы міровоззрѣніе ихъ могло стоять въ отрицательномъ отношеніи къ прежнему міровоззрѣнію. По историческому взгляду, по которому призваніе философіи усматривается въ отрицаніи общаго смысла, можно пожалуй думать, что мышленіе, напримѣръ, Ѳалеса о водѣ, какъ о началѣ всѣхъ вещей, потому есть философское мышленіе, что оно отрицаетъ прежнее господствующее въ общемъ смыслѣ религіозное міровоззрѣніе, но по критическому взгляду наоборотъ — мышленіе Ѳалеса потому и отрицаетъ прежнее міровоззрѣніе, что оно есть философское мышленіе. Дѣло состоитъ во внутреннемъ опредѣленіи мышленія, а не въ историческомъ положеніи его въ отношеніи къ чему либо другому.

Исторія подлинно философскаго мышленія началась съ того момента, когда дѣйствительность бытія вещей и ихъ качествъ была подвергнута сомнѣнію: вотъ та критика общаго смысла, съ которой началась философія. Именно въ то время, какъ въ опытѣ существуютъ явленія, качественныя измѣненія, мышленіе мотивируется идеею бытія себѣ равнаго, постояннаго и стремится найти въ мірѣ явленій подлинно сущее, и вотъ Ѳалесъ, говоритъ Аристотель, утверждалъ, что подлинно сущее есть вода (Metaph. 1, 3); Анаксимандръ — что это нѣчто неопредѣленное (въ смыслѣ матеріи); Анаксименъ — что это воздухъ; Гераклитъ, что это огонь; Пиѳагоръ — что это число и т. д. Собственно философское въ этомъ

ученіи о водѣ и проч. заключается не въ самомъ понятіи даннаго бытія, а въ томъ, что это понятіе выражаетъ собою настроеніе мышленія къ чему нибудь одному, какъ говоритъ и Гротъ (Vol. 1, стр. 90); ибо въ этомъ стремленіи видна философская потребность мышленія понять то, что есть подлинно сущее въ мірѣ непостоянныхъ качествъ и измѣняющихся явленій. Такъ смотритъ на это и Аристотель, говоря, что задача древняго философскаго мышленія состояла въ томъ, чтобы признать какую нибудь постоянно сохраняющую себя натуру (Metaph. 1, 3). Что же касается до самихъ понятій объ этой натурѣ, «до ея количества и формы», то Аристотель съ своей стороны не придаетъ этому большаго значенія; онъ указываетъ только на нѣкоторыя условія, которыми, по его мнѣнію, можно объяснить то, почему, напримѣръ, Ѳалесъ назвалъ подлинно сущее водою. Очевидно, что Аристотель смотритъ на эти понятія какъ на совершенно случайныя для философскаго мышленія, и въ этомъ нельзя не видѣть глубоко критическаго такта философа. Именно, по отношенію къ Ѳалесу, Аристотель объясняетъ эту случайность тѣмъ, что *вѣроятно* опытъ убѣждалъ Ѳалеса въ той важной роли, которую имѣетъ вода въ природѣ, а по отношенію къ пиѳагорейцамъ—тѣмъ, что они занимались математическими понятіями. Но Гротъ говоритъ, что «Ѳалесъ и другіе іонійскіе философы первые указали на причины и начала болѣе точныя, болѣе доступныя для познанія и выраженія. Они обратили вниманіе на общія простыя, широко распространенныя, матеріальныя субстанціи — на воду, воздухъ, огонь и др., и едва ли были въ состояніи обратить вниманіе на что нибудь другое. Хотя это стремленіе найти научное основаніе осталось безъ послѣдствій, но замѣчательный фактъ состоитъ въ томъ, что они останавливали взоры на чемъ нибудь одномъ» (Vol. 1, стр. 90). Именно такъ, и замѣчателенъ этотъ фактъ тѣмъ, что въ немъ выразилось новое философское направленіе мышленія. Ученіе о водѣ или объ огнѣ, какъ о началѣ всѣхъ вещей, само по себѣ, по содержанію своему, въ научномъ отношеніи по меньшей мѣрѣ пусто и не можетъ имѣть серьезнаго значенія; но оно значительно въ философскомъ отношеніи, какъ выраженіе философскаго направленія мышленія къ сущности явленій, къ бытію себѣ равному и неизмѣнному. Между тѣмъ Гротъ уклоняется въ своемъ изложеніи отъ этого философскаго интереса въ мышленіи древнихъ и, по видимому, обращаетъ болѣе вниманія на содержаніе ихъ мышле-

нія съ точки зрѣнія научнаго разумѣнія природы, чѣмъ на внутреннее опредѣленіе самого мышленія въ стремленіи къ этому разумѣнію.

«Аристотель, говоритъ Гротъ, укоряетъ іонійскихъ философовъ въ томъ, что они не обращали вниманія на три изъ его четырехъ причинъ (дѣйствующую, формальную и конечную) и касались только одной матеріальной. Но это была та высота абстракціи, до которой впервые достигли только Платонъ и самъ Аристотель, по пути частію плодотворному, а частію и обманчивому. Древніе философы не знали отличія субстанціи отъ ея силъ или свойствъ и не понимали субстанцію безъ силы, какъ одну вещь, и силу безъ субстанціи, какъ другую. Ихъ первоначальная субстанція взятая, вмѣстѣ съ ея силами и свойствами, какъ конкретъ безъ всякой абстракціи, была въ одно и то же время и дѣйствующею, и формальною, и матеріальною причиною. Вода, воздухъ, огонь были въ ихъ воззрѣніи не просто инерціальными и воспринимающими пассивами, импотентными дотолѣ, пока не возбудитъ ихъ активная сила, пребывающая въ вѣчно вращающихся небесныхъ сферахъ, но сами позитивные дѣятели, производители значительныхъ дѣйствій» (Vol. 1, стр. 91). Замѣтивъ, что путь абстракціи Платона и Аристотеля былъ часто обманчивъ, Гротъ приводитъ потомъ мнѣніе Бакона объ отношеніи древнихъ философовъ къ Платону и Аристотелю. Баконъ говоритъ: «Omnes fere antiqui (прежде Платона) Empedocles, Anaxagoras, Anaximenes, Heraclitus, Democritus de materia prima, in cæteris dissidentes, in hoc convenerunt, quod materiam activam, formâ nonnullâ, et formam suam dispensantem, atque intra se principia motûs habentem, posuerunt. At Plato mundum cogitationibus, Aristoteles vero etiam cogitationes verbis adjudicaverunt». За нотой изъ Бакона слѣдуетъ у Грота нота изъ диссертаціи Плайфера о прогрессѣ натуральной философіи. Плайферъ говоритъ: «наука не только останавливалась на одномъ мѣстѣ, но была часто и ретроградна: такъ мышленіе Демокрита и Анаксагора во многихъ отношеніяхъ основательнѣе мышленія Платона и Аристотеля» (Vol. 1, стр. 92). Хотя Гротъ не высказываетъ прямо, на сколько онъ признаетъ справедливыми эти замѣчанія своихъ соотечественниковъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что онъ склоняется къ тому мнѣнію, что древніе философы, по отношенію къ научному изслѣдованію природы, стояли на вѣрномъ пути. «Недостатокъ іонійскихъ философовъ, говоритъ Гротъ, неизбѣжный въ то время, состоялъ

въ томъ, что, не владѣя ничѣмъ кромѣ поверхностнаго опыта, они приписывали физическимъ дѣятелямъ силы и способности нереальныя или чудовищно преувеличивали реальныя, такъ что данная первоначальная субстанція, хотя носила обыкновенное имя, дѣлалась ничѣмъ не лучше фикціи» (Vol. 1, стр. 92). Въ такомъ духѣ, т. е. безъ всякаго интереса къ субъективному положенію мышленія въ отношеніи къ данному міровоззрѣнію, трактуетъ Гротъ объективное, научное значеніе теорій древнихъ мыслителей. «Хотя всѣ древнія греческія теоріи, говоритъ онъ, были гипотезами и антиципаціями природы, но каждая изъ нихъ, сводя разные факты подъ разумные принципы, была шагомъ впередъ, между тѣмъ какъ самое множество этихъ теорій и разногласіе ихъ было вполнѣ выгодно. Это уменьшило вредъ, происходящій отъ несовершенствъ каждой изъ нихъ, увеличивая возможность обнаруженія этихъ несовершенствъ и предотвращая признаніе одной изъ нихъ какъ непогрѣшимой догмы, какъ исключительнаго способа воззрѣнія на факты. Всѣ теористы страдали общимъ недостаткомъ—скуднымъ и неточнымъ опытомъ: всѣ они были возбуждены неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ связать вмѣстѣ прошедшее и настоящее природы какою нибудь разумною связью, удовлетворяющею ихъ собственному духу. Каждый изъ нихъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ аналогіи съ своимъ собственнымъ разумомъ, и потому каждый находилъ такія явленія, которыя соотвѣтствовали его собственному частному воззрѣнію» (Vol. 1, 94).

Изъ всего того, что доселѣ приведено изъ Грота, ясна та точка взгляда, съ которой онъ смотритъ на философію. Обращая мало вниманія на характеръ мышленія, на тѣ руководящіе мотивы, которыми опредѣляется оно въ своей философской дѣятельности, Гротъ трактуетъ философскія теоріи древнихъ съ точки зрѣнія ихъ научнаго значенія. Но ясно, что въ наукѣ онѣ не могутъ имѣть значенія, не могутъ именно потому, что созданы не въ томъ интересѣ, не въ томъ опредѣленіи мышленія, въ какомъ дѣйствуетъ оно на научномъ пути изслѣдованія. Такъ, если бы кто нибудь сталъ утверждать въ геологическомъ интересѣ, что вода или воздухъ, или огонь есть начало всѣхъ вещей, то чрезъ это онъ не отвергалъ бы подлиннаго бытія вещей, а говорилъ бы такъ въ томъ смыслѣ, что послѣдняя данная въ опытѣ причина, далѣе которой нельзя идти при объясненіи причинной зависимости одной вещи отъ другой, есть вода, или воздухъ, или огонь. Но въ мыш-

леніи древнихъ философовъ съ этими понятіями соединялось представленіе о подлинно сущемъ, о томъ, что единственно можно признать за истинно сущее въ этомъ мірѣ явленій, а все другое они считали уже за простое явленіе данной сущности. Если физіологія въ наше время, какъ наука, утверждаетъ, что начало всего органическаго есть клѣточка, то это ученіе никакъ нельзя поставить въ параллель съ ученіемъ, напримѣръ, Ѳалеса, что начало всего есть вода: клѣточка есть простѣйшій элементъ, типъ органическаго міра, открытый опытнымъ мышленіемъ, а вода Ѳалеса или огонь Гераклита имѣютъ значеніе субстанцій и отвѣчаютъ совершенно на другой вопросъ мышленія.

Вслѣдствіе смѣшенія понятій о философскомъ и опытномъ мышленіи, Гротъ указываетъ не отсутствіе въ ученіи древнихъ философовъ всякой ортодоксальности, которой, онъ говоритъ, такъ удивлялся Платонъ въ египтянахъ (Leg. II, 656 — 657). «Всякій философъ слѣдовалъ своему собственному, индивидуальному мышленію, замѣчаетъ Гротъ — вслѣдствіе чего ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ превосходства надъ другими. Тогда не было установлено философской ортодоксальности, но то было собраніе диссентеровъ — *ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη*» (Vol. 1, стр. 87, 88). Для Грота это отсутствіе ортодоксальности въ мышленіи древнихъ философовъ есть признакъ слабой степени научности его; и дѣйствительно такъ, ибо наука, вращаясь въ опытныхъ понятіяхъ, можетъ имѣть успѣхъ въ своемъ развитіи только при условіи вѣрности тѣмъ положеніямъ, которыя выработаны прежнею критикою опытныхъ явленій; но, сверхъ того, отсутствіе ортодоксальности въ мышленіи древнихъ есть вмѣстѣ и признакъ того, что ихъ мышленіе по принципу своему есть подлинно философское. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ опытныя науки нуждаются въ прецедентахъ, какъ условіи не только ихъ процвѣтанія но и самого существованія. Эти прецеденты выражаютъ собою тѣ ступени, по которымъ явленія, данныя въ опытѣ, путемъ критики переходятъ мало по малу въ научное сознаніе. Отсюда ортодоксальность, которая имѣетъ мѣсто во всѣхъ опытныхъ наукахъ: она есть вѣрность тѣмъ положеніямъ, которыя уже выработаны прежними изслѣдованіями въ области данной науки и которыя должны быть основаніемъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ предѣлахъ той же или близкой области. Въ такихъ прецедентахъ, опредѣляющихъ ортодоксію мышленія, не нуждается философія. Въ натурѣ философскаго мышленія, какъ она

можетъ быть опредѣлена по его задачѣ, не лежитъ никакой необходимости для своего успѣха слѣдовать исторически установившемуся правомыслію. Дѣйствуя a priori, по мотивамъ идей, оно по природѣ своей можетъ, такъ сказать, родить цѣльное міровоззрѣніе непосредственно само изъ себя. И дѣйствительно, мы видимъ, что историческая преемственность въ предѣлахъ собственно философскаго, спекулятивнаго мышленія не такъ строга, какъ въ прогрессѣ наукъ опытныхъ: прогрессъ философскаго мышленія часто стоитъ въ обратномъ отношеніи къ тому моменту, который занимаетъ оно въ исторіи философіи. Существующая историческая ортодоксальность философскаго мышленія условливается не натурою его самого, какъ условливается она въ наукахъ натурою опыта, но вліяніемъ на него постороннихъ внушеній со стороны опытнаго и поэтическаго мышленія, недостаткомъ того самообладанія, которое потребно философскому мышленію для того, чтобы оно могло создать цѣльное міровоззрѣніе непосредственно само изъ себя. Такимъ образомъ, существующая въ философіи ортодоксія можетъ имѣть лишь отрицательное значеніе для самого философскаго мышленія, т. е. она можетъ существовать въ философіи только какъ рядъ критическихъ отрицаній тѣхъ опытныхъ понятій и тѣхъ образовъ воображенія, которыя обыкновенно нарушаютъ вѣрность въ себѣ философской мысли.

Я старался указать на неясность представленія Гротомъ натуры философскаго мышленія, — неясность, которая замѣтна въ смѣшеніи имъ философскаго мышленія съ опытнымъ. Это неразличеніе одного мышленія отъ другаго, по моему мнѣнію, стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ на философію, по которому она есть просто критика общаго смысла. Я съ своей стороны не думаю отвергать критическаго значенія философіи; я утверждаю только, что понятіе о философіи какъ о критикѣ не есть подлинное опредѣленіе философіи, а лишь историческое понятіе о ней, которое опредѣляетъ только отношеніе ея къ другому. Негативное отношеніе философскаго разума къ понятіямъ опыта, дѣйствительно, проходитъ основнымъ мотивомъ чрезъ всю исторію философіи. Эпоха за эпохой, мыслитель за мыслителемъ очищаютъ міровоззрѣніе отъ тѣхъ понятій, которыя вошли въ прежнія системы, не будучи провѣрены критически. Но вся эта критика, въ которой выступаетъ философія въ своей исторіи, есть только выраженіе того, что мышленіе имѣетъ свою подлинную философскую задачу,

Эта философская задача разума такова, что она вызываетъ мышленіе опредѣлиться особымъ, спеціальнымъ образомъ, въ каковомъ опредѣленіи оно является подлинно философскимъ мышленіемъ. Понятно, что философія является критикою общаго смысла уже тогда, когда она есть философія, т. е. когда выступило подлинно философское мышленіе, опредѣленное и спеціальное по своей задачѣ — слѣдовательно, въ своей исторіи. На этомъ основаніи воззрѣніе на философію какъ на критику общаго смысла я называю историческимъ воззрѣніемъ и противополагаю ему метафизическое воззрѣніе. Критику общаго смысла нельзя разсматривать какъ задачу, какъ цѣль философскаго мышленія, и въ полемикѣ философіи противъ общаго смысла видѣть, вмѣстѣ съ Гротомъ, ея призваніе. Полемика философіи противъ общаго смысла, очищеніе міровоззрѣнія отъ понятій, навязанныхъ опытомъ, есть только историческая судьба философскаго мышленія, а не та цѣль, которая могла бы опредѣлить философію по натурѣ самого философскаго мышленія. Согласно съ этой исторической судьбою философіи, историческое начало, causa efficiens ея было, какъ говоритъ Аристотель, простое удивленіе: «удивляясь тому, что нѣчто таково, и недоумѣвая, дѣйствительно ли оно таково, люди начали философствовать».

Величайшій критикъ въ философіи, подвергшій критическому анализу не только понятія общаго смысла, но разрушившій въ прахъ и тѣ положенія, которыя въ предшествующей философіи были признаваемы за основные ея принципы — Кантъ такъ разсуждаетъ о значеніи философской критики: «Просто спекулятивное доказательство никогда не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на общій человѣческій разумъ. Оно поставлено на кончикѣ волоса, такъ что сама школа можетъ удерживать его на немъ лишь дотолѣ, пока она заставляетъ его какъ волчокъ постоянно вертѣться на немъ, и въ ея собственныхъ глазахъ оно не представляетъ никакого твердаго основанія, на которомъ могло бы быть что нибудь построено. Доказательства, годныя для міра, остаются при этомъ всѣ въ своей неуменьшенной силѣ» (Krit. d. rein. Vern. 1828 г. стр. 307).

Гейдельбергъ, 10-го апрѣля 1866 года.

25) Кандидата Г. Пассовера.

Съ конца прошлаго столѣтія никто въ Англіи не сомнѣвается, что общинное устройство, сложившееся подъ вліяніемъ односторон-

няго приходскаго начала и другихъ неблагопріятныхъ условій, плохо удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя современное общество въ правѣ ставить относительно мѣстной общины. Старый приходъ имѣлъ нѣсколько должностныхъ лицъ съ спеціальными функціями, нѣсколько налоговъ съ спеціальнымъ назначеніемъ; но сколько другихъ требованій, вызванныхъ развитіемъ общественной жизни, оставались безъ удовлетворенія, какія вопіющія злоупотребленія допускались кликами, замѣнившими собой дѣятельность общиннаго схода. Законодательная власть истощала всѣ средства массой спеціальныхъ актовъ съ чисто-мѣстнымъ характеромъ: въ одно царствованіе Георга III насчитывается до 400 такихъ актовъ. Ими обыкновенно вводились мѣстныя коммиссіи (*special Trustees, Commissioners*), совершенно независимыя отъ обычныхъ органовъ приходской власти. Отсюда страшная путаница, отсутствіе всякаго единства въ общинномъ управленіи и громкое требованіе коренной реформы.

Законъ о бѣдныхъ 1834 года показалъ, какъ легко можно, во-первыхъ, удовлетворить общественное самолюбіе расширеніемъ избирательныхъ правъ, не усиливая притомъ общественныхъ обязанностей; во-вторыхъ, что отсутствіе личной самодѣятельности гражданъ можно безъ явнаго неудобства замѣнить централизованной организаціей наемныхъ администраторовъ. Впервые въ Англіи важная часть общественнаго управленія реорганизована сверху до низу по единому плану и съ почти континентальной отчетливостью. Такой успѣхъ не могъ не ободрить: на мѣру 1834 года авторы ея стали смотрѣть какъ на *chef-d'oeuvre* современнаго законодательнаго искусства, какъ на прочную основу для будущихъ реформъ. Какъ прежде государство пользовалось наличнымъ учрежденіемъ прихода для вновь возникавшихъ потребностей общества, такъ точно теперь оно старается организовать новыя вѣтви администраціи по типу самой важной— призрѣнія бѣдныхъ. Приходъ, какъ субстратъ самыхъ разнообразныхъ вѣтвей, оказался неудовлетворительнымъ. Время покажетъ, гораздо годнѣе ли въ этомъ отношеніи новая организація.

Законъ 1834 года расширилъ округи для призрѣнія и тѣмъ ослабилъ его связь съ приходскимъ устройствомъ. Первымъ шагомъ дальнѣйшей реформы было привести въ соотвѣтствіе съ новой окружной администраціей учрежденія для метрическихъ дѣлъ, милиціонные округи, районы спеціальныхъ мировыхъ съѣздовъ, полицейскіе округи. Другими словами, въ настоящее время всѣ эти отрасли поставлены внѣ связи съ мѣстной общиной. Приблизительно то же са-

мое можно сказать и о дорожной части. Какъ прежде призрѣніе бѣдныхъ сосредоточивалось въ рукахъ приходскихъ надзирателей, точно на такомъ же основаніи забота о содержаніи дорогъ впродолженіе столѣтій лежала на обязанности приходскихъ смотрителей. Дорожное положеніе 1836 года даетъ платящимъ налогъ право избранія смотрителя, на томъ самомъ основаніи, на какомъ законъ 1834 года далъ имъ это право относительно органовъ призрѣнія. Кромѣ почетныхъ, дозволяется опредѣлять смотрителей по найму. Приходамъ предоставлено на волю соединиться, въ видахъ отправленія дорожной повинности, въ дорожные округи и избирать окружныхъ смотрителей. По закону 1862 года, приходы, дотолѣ несоединившіеся добровольно, соединяются рѣшеніемъ мировыхъ съѣздовъ графства. Въ такомъ случаѣ настоящее дѣло администраціи переходитъ къ окружному смотрителю, за приходскимъ остаются лишь раскладка и взиманіе дорожнаго налога. Приходы получаютъ право учреждать окружные дорожные *комитеты*, причемъ каждый изъ входящихъ въ составъ округа приходовъ отряжаетъ особаго депутата. Такой дорожный комитетъ не вдается въ подробности непосредственнаго управленія, но лишь опредѣляетъ отъ себя требуемое количество техническихъ администраторовъ, точь въ точь какъ въ дѣлѣ призрѣнія — *Board of Guardians*, съ той впрочемъ разницей, что въ дорожномъ дѣлѣ нѣтъ центральнаго учрежденія съ чисто-административнымъ контрольнымъ характеромъ. Съѣзды мировыхъ судей не только организуютъ дорожные округи, но и составляютъ апелляціонную инстанцію для дорожныхъ комитетовъ.

Кромѣ техническихъ отраслей администраціи, которыя безъ вреда переносятъ довольно развитую централизацію и которыхъ отдѣленіе отъ общины, стало быть, не такъ опасно, законъ 1834 года безспорно оказалъ сильное вліяніе на попытки настоящей общинной реформы, безостановочно слѣдующія одна за другою съ 1846 по 1860 годъ. Можно сказать, что въ этотъ промежутокъ времени законодательство старалось съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, выкроить мѣстное самоуправленіе по мѣркѣ своего законодательнаго идеала—закона о бѣдныхъ. Характеристическая черта большей части этихъ законоположеній та, что прежняя приходская основа оставляется въ сторонѣ: создаются комитеты съ обширными районами и неопредѣленными полномочіями. Не столько имѣется въ виду оживить мѣстную жизнь, вызывая гражданъ на дружное выполненіе задачъ общежитія, сколько возможно-экономическое удовлетвореніе

требованіямъ, обременяющимъ карманъ зажиточныхъ классовъ, результатъ неимовѣрно быстраго развитія промышленности и накопленія населенія въ извѣстныхъ центрахъ. Осуществленіе новыхъ законодательныхъ идей вовсе не требуетъ схода сосѣдей, взаимнаго и публичнаго обсужденія необходимыхъ мѣръ, уполномоченія передовыхъ членовъ на выполненіе этихъ мѣръ самоличной дѣятельностью и за собственной отвѣтственностью. Требуется только, чтобы случайно наличные обитатели данной мѣстности письменно предложили или избрали комитетъ, котораго функція, какъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, приблизительно исчерпывается опредѣленіемъ чиновниковъ для настоящей администраціи, т. е. раздачей должностей. Поэтому неудивительно, что мыслящіе люди относились равнодушно къ этимъ скороспѣлымъ продуктамъ экспериментальнаго законодательничанія, а большинство приходовъ, слѣдуя закону инерціи, не торопились принятіемъ ихъ за норму. Все это однако, кажется, не охлаждало рвенія законодателей: одни законоположенія смѣнялись другими; сначала они издавались отдѣльно, потомъ подвергались кодификаціи, потомъ на основаніи ихъ выросли коммиссіи, комитеты, секретари, казначеи, инспекторы. А уровень мѣстной жизни не повышается отъ этого замѣтнымъ образомъ: въ результатѣ все дѣло разрѣшается въ буквальномъ смыслѣ какимъ нибудь новымъ «депо для принятія прошеній».

Основныя черты общинной реорганизаціи, повторяемыя большей частію новыхъ законоположеній, собраны во-едино въ 1847 году подъ заглавіемъ *Commissioners Clauses Act.* Этотъ актъ рекомендуетъ учрежденіе комитета для управленія разными вѣтвями; мощеніе, чистка улицъ, украшеніе мѣстностей и т. п. подлежатъ его вѣдѣнію. Онъ составляется изъ членовъ, избранныхъ на основаніи шестикласснаго ценза, который расчитанъ пропорціонально количеству уплачиваемаго избирателемъ налога для бѣдныхъ. Комитетъ опредѣляетъ для непосредственной администраціи секретаря, казначея, сборщика податей и др. должностныя лица, онъ издаетъ съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ административные регламенты. *Bath and Washhouses Act*: въ отдѣлѣ о приходскихъ комитетахъ уже было упомянуто, какія права предоставлены комитету, избранному въ силу этого закона. На одинаковыхъ основаніяхъ, приходы въ правѣ создать другой комитетъ съ цѣлію постройки жилыхъ домовъ для рабочихъ классовъ, въ случаѣ принятія, двумя третями голосовъ, *Labouring Classes Lodginhouses Act'a* (1851). *Lighting and Watching Act* (1834) имѣлъ въ

виду соединеніе приходовъ для освѣщенія и полиціи. Того же добивались, но для другихъ цѣлей и равно безуспѣшно, *Gasworks Clauses Act* и *Waterworks Clauses Act* (1847). Въ силу *Cemetries Clauses Act* (1847) приходы могутъ избирать комитеты для учрежденія новыхъ кладбищъ. Въ 1862 такихъ *Burial Boards* считалось 325. Въ экстренныхъ случаяхъ Board уполномочивается министромъ внутреннихъ дѣлъ на расходованіе суммъ помимо разрѣшенія схода прихожанъ.

Для городовъ и другихъ густонаселенныхъ мѣстъ предназначался *Town Improvement Clauses Act* (1847). Въ приходахъ, принявшихъ этотъ актъ, почти всѣ вѣтви полиціи, понимаемой въ континентальномъ смыслѣ, сосредоточены въ рукахъ одного выборнаго комитета. Но важнѣйшія мѣры подлежатъ разрѣшенію или утвержденію большинства прихожанъ на сходкѣ. Кромѣ того, противъ дѣйствій комитета допущена апелляція къ мировымъ судьямъ. Большинство приходовъ, однако, отказались принять новый законъ. Спустя годъ послѣ его изданія, послѣдовало новое положеніе съ болѣе рѣшительнымъ характеромъ — *Public Health Act* (1848). Новый законъ вводится въ дѣйствіе либо по рѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ, когда часть жителей того желаетъ; либо съ разрѣшенія парламента, гдѣ нѣтъ этого желанія, но министерство убѣдилось въ настоятельной потребности реформы. Въ городахъ городскіе совѣты отправляютъ функціи, исчисленныя въ законѣ 1848 года; гдѣ существуютъ комитеты для примѣненія прежнихъ спеціальныхъ актовъ, тамъ эти комитеты призваны примѣнять и новый актъ. Въ другихъ мѣстахъ избираются нарочные комитеты *(Local Boards of Health)* на основаніи ценза, расчитаннаго по количеству уплачиваемаго налога для бѣдныхъ. Эти комитеты издаютъ регламенты, подлежащіе утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ, дѣлаютъ смѣту расходамъ, назначаютъ подати для покрытія оныхъ, опредѣляютъ администраторовъ по найму. Предметы дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ суть слѣдующіе: а) улицы и дороги; б) вредныя или опасныя заведенія; в) строительная полиція; г) снабженіе водой; д) клоаки, и е) кладбища.

Законъ 1848 года отличается отъ предшествующихъ тѣмъ, что высшій контроль надъ ходомъ и дѣятельностью учрежденій, имъ вызванныхъ, сосредоточенъ въ особомъ центральномъ учрежденіи *(General Board of Health)*, своего рода министерствѣ съ континентальнымъ характеромъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что изъ всѣхъ общинныхъ законовъ *Public Health Act* наиболѣе приблизился къ своему прототипу—закону 1834 года о призрѣніи бѣдныхъ. Обще-

ственное мнѣніе было до того возмущено безпрестаннымъ вмѣшательствомъ новаго министерства въ мѣстныя дѣла, что пришлось пожертвовать имъ: въ 1858 году *General Board of Health* уничтоженъ, и его административныя функціи переданы отдѣленію государственнаго совѣта.

Общинный законъ 1848 года обусловливалъ весьма дорогія учрежденія, а результаты его были болѣе чѣмъ сомнительны; поэтому лишь немногіе обширные города изъявили желаніе принять его. Въ 1862 году было всего 200 мѣстныхъ комитетовъ, организованныхъ на основаніи *Public Health Act.* Для остальныхъ мѣстностей предназначался почти одновременно изданный *Nuisances Removal and Diseases Prevention Act* (1848), дополненный въ 1855 году. Тутъ сдѣлана попытка чрезъ публичное обвиненіе и судебное принужденіе устранить самыя вопіющія противополицейскія явленія (*Nuisances*). За исполненіемъ предписаній новаго закона слѣдятъ: въ городахъ городскіе совѣты; гдѣ въ силу прежнихъ актовъ учреждены спеціальные комитеты, напр. дорожные, тамъ эти комитеты; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ комитеты призрѣнія, укомплектованные дорожными смотрителями. Такимъ образомъ законъ 1848—55 гг. не увеличиваетъ числа уже существующихъ комитетовъ новыми и, слѣдовательно, избѣгаетъ главной ошибки *Public Health Act'a.* Дѣлопроизводство также упрощено: по извѣщеніи двумя домохозяевами о вредномъ для здоровья учрежденіи, помѣщеніи и т. д., комитетъ наряжаетъ слѣдствіе. Смотря по результату слѣдствія, хозяинъ или жилецъ зданія можетъ быть призванъ передъ мироваго судью, который сообща съ своими товарищами приказываетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей устранить вредное явленіе. Министерскаго надзора законъ не признаетъ.

Противники континентальныхъ нововведеній утверждаютъ, что центральныя власти нарочно не дали ходу этому закону, основанному на преданіяхъ староанглійской администраціи. Какъ бы то ни было, спустя три года послѣ изданія закона 1855 года, кабинетъ лорда Дерби предложилъ парламенту новый билль для коренной реорганизаціи всего общиннаго управленія. Дизраэли, бывшій на ту пору канцлеромъ казначейства, выразилъ въ парламентѣ мнѣніе, будто главная причина безуспѣшности прежнихъ законоположеній заключается въ томъ, что, взваливая на общинные организмы новыя обязанности, законодательство не снабдило ихъ достаточными полномочіями. «Правительство ея величества — говорилъ онъ — полагаетъ, что удобнѣе всего представить мѣстнымъ учреж-

деніямъ полную свободу относительно предпринимаемыхъ работъ. Мы предлагаемъ предоставить имъ полную свободу и отвѣтственность, вытекающую изъ того положенія, въ которое мы желаемъ поставить эти учрежденія; дать имъ достаточную власть и не только власть, но и отвѣтственность, отвѣтственность, которую можно возложить на нихъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы перестанемъ тормозить ихъ дѣятельность». Другой членъ тогдашняго кабинета, Генлей, выразился, что главная причина всѣхъ неудачъ, по его мнѣнію, заключалась въ безграничномъ *veto* правительства относительно мѣръ, принимаемыхъ мѣстными властями. «Опытъ прошедшаго, прибавилъ онъ, научилъ насъ, что вмѣшательство правительства въ дѣло очищенія водосточныхъ трубъ не встрѣтило ни малѣйшаго сочувствія въ обществѣ и еще менѣе оказало пользы». Послѣ такихъ оффиціальныхъ заявленій можно было думать, что новый законъ наконецъ осуществитъ идеалъ мѣстнаго самоуправленія. На дѣлѣ такъ называемый *Local Government Act* 1858 года не что иное какъ прежній *Public Health Act* 1848 года, приспособленный не только къ густонаселеннымъ, но и ко всякимъ другимъ мѣстностямъ. Если есть какая-нибудь разница, то она не въ пользу новаго закона, ибо министерству даны еще бо́льшія полномочія относительно распредѣленія, организаціи и контроля администраціи мѣстностей, желающихъ принять новое положеніе, и отдѣленія ихъ отъ общинъ, отвергающихъ его.

Законъ 1858 года, какъ и всѣ предшествовавшіе ему, довольно близко придерживается образцовыхъ нормъ закона о призрѣніи бѣдныхъ. Полагается комитетъ, избранный и составленный на подобіе *Board'a of Guardians*. Дѣятельность его простирается на дорожную и уличную часть, вредныя и опасныя заведенія, зданія и клоаки, снабженіе водой, городскіе часы и базары, на нумерацію домовъ, пожарную команду и т. д. Для покрытія расходовъ по этимъ разнообразнымъ частямъ, полагается *одинъ* общій налогъ *(General District Rate)*, налагаемый, распредѣляемый и взимаемый на тѣхъ самыхъ основаніяхъ какъ налогъ для бѣдныхъ. Для заключенія займа, необходимо разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Это значитъ, что всякіе планы и смѣты работъ, для которыхъ требуется заемъ, должны идти на утвержденіе министерства. Долги не могутъ превышать годовой доходъ съ имущества, подлежащаго общинному налогу, и должны быть погашаемы maximum въ 30-лѣтній срокъ. Но министру въ извѣстныхъ случахъ предоставлено право отступать

отъ этихъ правилъ. Административные регламенты, предложенные комитетами, утверждаются министромъ; министръ дѣлитъ общины на самостоятельныя части *(Wards)*; недвижимую собственность комитеты пріобрѣтаютъ не иначе какъ съ его разрѣшенія. Вообще, предполагается, что вновь организованныя общины состоятъ подъ постояннымъ надзоромъ министерства, которое вправѣ назначать и отряжать на этотъ конецъ, сколько и какихъ чиновниковъ ему заблагоразсудится. Для этой же цѣли мѣстные комитеты обязаны ежегоднымъ отчетомъ министру въ своей дѣятельности. Такимъ образомъ контроль уничтоженнаго *Board of Health* и *Committee of Council* возобновленъ въ формѣ надзора министерства внутреннихъ дѣлъ. Т. Смитъ говоритъ: «всѣ аргументы противъ отдѣленія государственнаго совѣта примѣнимы вполнѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Каковы бы ни были недостатки спеціальнаго учрежденія, но, состоя подъ его опекой, мы по крайней мѣрѣ знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, есть *административное, не судебное* должностное лицо. Онъ — политическій агентъ, не авторитетъ съ научной подготовкой. Очевидно, самъ онъ не въ силахъ знать всего относящагося до функцій, возложенныхъ на него этимъ актомъ. Все будетъ оставлено на произволъ подчиненныхъ, опредѣляемыхъ по протекціи и въ неопредѣленномъ количествѣ въ силу ст. 79 акта. Невидимые и безотвѣтственные, прикрываемые именемъ министра, недопускающимъ апелляціи, эти чиновники будутъ предписывать странѣ все, что имъ заблагоразсудится» *).

На положеніи 1858 года законодательство покамѣстъ остановилось. Кромѣ незначительныхъ добавокъ, съ этого времени не издано органическаго закона для которой либо изъ отраслей мѣстнаго управленія. Какъ ни усилено вліяніе центральной администраціи, но нельзя сказать, что предшествовавшіе акты были навязаны общинамъ; даже законъ 1858 года предоставилъ имъ возможность свободнаго выбора. Прежде чѣмъ рѣшиться на принудительныя

*) *T. Smith:* The Local Government Act. Lond. 1858. Въ примѣръ того, какъ быстро разрастается бюрократическій элементъ подъ началомъ закона 1858 года, Смитъ приводитъ фактъ, что для одной переписки министра съ комитетами полагается особый чиновникъ съ 1,000 ф. с. ежегоднаго жалованья. «Странѣ обошлось бы несравненно дешевле, говоритъ Смитъ, для ея моральныхъ и соціальныхъ интересовъ было бы полезнѣе, если бы этому лицу опредѣлили пожизненную пенсію въ 1,000 ф. ежегодно, съ тѣмъ, чтобы оно оставило государственную службу и перестало бы вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла».

мѣры, законодатели выжидаютъ результатовъ своихъ повторенныхъ экспериментовъ. Но уже теперь очевидно, что большинство мѣстностей склонны остаться при стародавнихъ весьма несовершенныхъ учрежденіяхъ. Откуда этотъ индиферентизмъ, это пассивное сопротивленіе противъ мѣръ, которымъ, съ континентальной точки зрѣнія, трудно отказать въ либеральности?

Въ необходимости реформы не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Старые приходы черезъ-чуръ малы для нѣкоторыхъ отраслей земскаго управленія. Во многихъ приходахъ вліяніе гражданъ на общинную администрацію находится внѣ всякой связи съ ихъ участіемъ въ податной и иныхъ повинностяхъ. Эти два факта неоспоримы, они признаны самыми горячими приверженцами древнеанглійскихъ учрежденій. Поэтому нѣтъ ничего натуральнѣе мысли соединить приходы въ болѣе обширные округи и поставить во главѣ ихъ комитеты съ представительнымъ характеромъ. На реформу вызываютъ два принципа: *экономическій*, удешевленія администраціи черезъ централизацію и *политическій*—расширенія избирательныхъ правъ гражданъ. Мы видѣли, что эти двѣ капитальныя черты повторяются во множествѣ законоположеній, быстро смѣнявшихся одно другимъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ.

Гдѣ же причины неуспѣха?

Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо возвратиться къ соображеніямъ, высказаннымъ уже разъ по поводу реформы дѣла призрѣнія: такъ сильно воздѣйствіе этой реформы на все послѣдующее законодательство. Характеръ всѣхъ этихъ реформъ заставляетъ сомнѣваться въ серьезности намѣренія оживить духъ мѣстной жизни. Если допустить, что къ этой ясно сознанной цѣли стремились авторы исчисленныхъ законовъ, то нельзя не признаться, что они странно ошибались въ выборѣ годныхъ къ тому средствъ. Начать съ внѣшней организаціи: новые выборы происходятъ письменно безъ предварительнаго совѣщанія, обсужденія, гласнаго счета голосовъ, не на публичной сходкѣ прихожанъ. Далѣе, въ видахъ ценза населеніе распредѣлено механически на 6 классовъ. Годовой доходъ въ 50 ф. с., подлежащій земскому налогу, сочтенъ былъ гранью, отдѣляющей низшій классъ отъ средняго. Избиратели съ податнымъ доходомъ менѣе этой суммы имѣютъ одинъ голосъ, получающіе болѣе дохода отъ двухъ до шести голосовъ, а если право собственности и пользованіе податнымъ имуществомъ сливаются въ одномъ лицѣ, то даже до 12 голосовъ. Вслѣдствіе такого размѣ

нія, въ послѣднемъ классѣ очутились около $^7/_8$ всего податнаго населенія, въ томъ числѣ многіе элементы, не только платящіе налогъ, но и несущіе бремя безплатной общественной службы въ качествѣ присяжныхъ и въ мѣстныхъ должностяхъ. Эти почтенные элементы соединены въ одну категорію съ остальными, не несущими этихъ тягостей и, благодаря системѣ *plurality of votes*, отдѣлены отъ другихъ, отправляющихъ повинности приблизительно на одинаковомъ основаніи.

Къ равнодушію общественныхъ массъ въ дѣлѣ общинной организаціи ведетъ еще другое обстоятельство, съ виду неважное, на самомъ же дѣлѣ довольно серьезное. О немъ уже было упомянуто въ отдѣлѣ налоговъ. Это система такъ называемыхъ *compounding rates*. Въ видахъ облегченія раскладки налоговъ, вмѣсто множества мелкихъ жильцовъ, въ податныя книги вносится лишь имя домовладѣльца. Такимъ путемъ цѣлая треть мелкихъ избирателей вычеркнуты изъ податныхъ, а слѣдовательно и избирательныхъ списковъ: около милліона лишились незамѣтнымъ образомъ своего избирательнаго права. Или, какъ выражается Гнейстъ: «стремленію за нѣсколько грошей, уплаченныхъ въ видѣ налога, пріобрѣсти полное право парламентскихъ выборовъ соотвѣтствуетъ противоположное стремленіе, посредствомъ простой хозяйственной операціи, избавиться отъ массы мелкихъ избирателей». Этимъ путемъ въ старомъ приходѣ нѣкогда возникли клики подъ названіемъ Select Vestries и замѣнили собой дѣятельность приходскаго схода.

Таковы причины, объясняющія, почему, не смотря на либеральность реформы, народныя массы Англіи не воспрянули отъ сна, въ который погрузило ихъ вѣковое преобладаніе сильной поземельной аристократіи въ земскомъ управленіи. Но, кромѣ этихъ, есть еще причины, объясняющія, почему дѣятельность передовыхъ классовъ, выдвинутыхъ на сцену промышленнымъ развитіемъ новой Англіи, оказалась не очень плодотворной для развитія мѣстныхъ учрежденій. И тутъ результаты общинной реформы представляютъ любопытную аналогію съ реформой призрѣнія бѣдныхъ.

Въ мысли законодателей новое самоуправленіе, очевидно, сложилось по такой схемѣ: масса платитъ налоги и избираетъ передовыхъ людей для управленія дѣлами общества, но передовые люди не обременяются непосредственнымъ управленіемъ, а довольствуются опредѣленіемъ чиновниковъ, назначеніемъ имъ жалованья и «надзоромъ» за ихъ дѣятельностью. «Ужъ не считалось необходимымъ,

чтобы избиратель, кромѣ уплаты податей, самолично потрудился къ бѣдному, самолично увѣрился въ состояніи путей сообщенія, самъ убѣдился, нѣтъ ли грязи и копоти въ закоулкахъ тѣсныхъ улицъ, самъ провѣрялъ счеты и посѣщалъ школы. Все это можно безъ труда возложить на городскихъ писарей, инспекторовъ и конторскихъ чиновниковъ за отвѣтственностью мера, на наемнаго *relieving officer'a* и еще 12 другихъ сортовъ чиновниковъ призрѣнія, на наемныхъ чиновниковъ полиціи и общественнаго здравія, на наемныхъ смотрителей путей сообщенія, на наемныхъ сборщиковъ податей и контролеровъ, тогда какъ выборный мѣстный комитетъ довольствуется подписомъ бумагъ и раздачей подвѣдомственныхъ должностей» *).

Трудно было вообразить что либо привлекательнѣе этого плана. Подати очень незначительно увеличивались, расходы по нѣкоторымъ частямъ даже сокращены, а съ гражданъ снято страшное бремя личнаго управленія, т. е. безпрестанныя хлопоты о безчисленныхъ скучныхъ мелочахъ вседневной администраціи. Въ замѣнъ этого, масса получаетъ право выбора, а избранные—право опредѣленія, т. е. почетъ и возможность усилить свое вліяніе замѣщеніемъ прибыльныхъ должностей. Удивлялись, какъ это въ 500 лѣтъ своей конституціонной жизни, прежняя Англія не коснулась такого сподручнаго и неисчерпаемаго источника общественнаго благоденствія и довольства.

Но прежніе органы англійскаго самоуправленія самолично управляли, а эти только подписываютъ бумаги, подносимыя имъ наемными секретарями, бухгалтерами и писцами. Для прежнихъ органовъ занятіе дѣлами вседневной администраціи служило школой политическаго воспитанія, и въ этомъ смыслѣ земскія должности всегда были преддверіемъ къ парламентской дѣятельности. О вновь созданныхъ органахъ этого нельзя сказать. Они не только не управляютъ сами, они даже не въ силахъ контролировать дѣйствія своихъ подчиненныхъ: на это у нихъ не хватаетъ ни желанія, ни безпристрастія, ни технической подготовки. Они по большей части даже оказались безсильными сдѣлать удачный выборъ чиновникамъ. Должности раздавались по соображеніямъ родства, дружбы, покровительства, политической партіи. Дѣло дошло до того, что такіе города какъ Соутгэмптонъ, Доверъ, во избѣжаніе злоупотребле-

*) Слова Гнейста: *Englische Communalverfassung.* II. p. 1311.

ній, уступаютъ правительству право замѣщенія вакантныхъ должностей.

Такіе факты доказываютъ, что организмы, лишенные внутренняго сознанія своего достоинства и своей самостоятельности, наклонны искать опоры выше. Вся исторія новаго общиннаго законодательства свидѣтельствуетъ, что развитіе бюрократической опеки идетъ рука объ руку съ развитіемъ бюрократическаго элемента въ мѣстномъ самоуправленіи. Хотя независимость мѣстныхъ органовъ старой Англіи далека отъ представленій континентальныхъ теоретиковъ объ автономіи, но эти органы были независимы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о независимости судебной власти. Издревле, англійское законодательство съ удивительной энергіей силилось обнять всю совокупность бытовыхъ отношеній. Гдѣ есть законъ, тамъ дана не только грань, но и опредѣленная сфера, въ предѣлахъ которой община, наравнѣ со всѣми другими субъектами права, могла двигаться свободно. Гдѣ всякое право и всякая обязанность нормированы закономъ, тамъ даже административный контроль принимаетъ судебныя формы: это объясняетъ, какъ впродолженіе вѣковъ земскія учрежденія прежней формаціи могли, безъ ущерба для хода государственнаго управленія, состоять подъ апелляціонной инстанціей мировой юстиціи и вестминстерскихъ судовъ.

Напротивъ, выборные комитеты новаго покроя напоминаютъ континентальныя учрежденія еще и тѣмъ, что ихъ функціи относительно настоящихъ агентовъ администраціи не очерчены закономъ: чиновникъ состоитъ подъ «надзоромъ» мѣстнаго комитета во всей неопредѣленности этого слова. Мѣстные комитеты, въ свою очередь, подлежатъ такому же «надзору» со стороны центральнаго комитета или министерства внутреннихъ дѣлъ и его органовъ. Такимъ образомъ, съ замѣной самоличной дѣятельности общества въ мѣстномъ управленіи, мѣстное управленіе подпало подъ контроль, утратившій и тѣнь прежнихъ судебныхъ гарантій.

Общинная реформа, можно сказать, осуждена равнодушіемъ общественныхъ массъ. Гнейстъ склоненъ отчаяваться въ возможности создать великія, прочныя, органическія учрежденія при помощи неповоротливой законодательной машины парламентарнаго режима. Чѣмъ согласиться съ этимъ, мы скорѣе готовы принять въ расчетъ громадность задачи и отсутствіе годныхъ прецедентовъ въ исторіи другихъ, особенно континентальныхъ, народовъ. Но Гнейстъ обнаружилъ глубокое пониманіе условій вообще государственной жизни,

утверждая, что на ходѣ современнаго законодательства наглядно повторяется процессъ возникновенія бюрократическаго порядка въ европейскихъ государствахъ. Въ свободномъ государствѣ никто не можетъ восполнить отсутствія самоличнаго участія передовыхъ людей въ земскомъ управленіи. Платежъ податей, право опредѣленія чиновниковъ — плохой тому суррогатъ. Гдѣ передовые классы отшатнулись отъ бремени личной безплатной службы на пользу общества, гдѣ подъ самоуправленіемъ понимаютъ лишь избирательныя права и право раздачи должностей, тамъ передовые классы отреклись отъ своего естественнаго призванія, а общество теряетъ возможность контроля и вызываетъ опеку центральныхъ властей. Но такъ или иначе, административныя дѣла страны должны получить «исполнительное движеніе». Не успѣетъ общество оглянуться, въ замѣну его самодѣятельности, самымъ натуральнымъ, самымъ *законнымъ* образомъ вырастаетъ бюрократія.

Берлинъ, $^{17}/_{29}$ апрѣля 1866 года.

26) Толмачева.

(*За первую четверть 1866 года*).

Министерство народнаго просвѣщенія поставило задачею заграничныхъ занятій моихъ изученіе частной патологіи и терапіи. Для выполненія задачи я выбралъ Тюбингенъ; поводомъ къ выбору послужила извѣстность профессора Нимайера, какъ автора одного изъ лучшихъ учебниковъ по частной патологіи и терапіи и какъ клиническаго учителя.

Прибывъ въ Тюбингенъ, я, въ декабрѣ здѣшняго стиля, приступилъ къ занятіямъ; наступившая вскорѣ зимняя вакація была причиною перерыва ихъ и того обстоятельства, что постоянныя занятія могли начаться только съ 8-го января.

Для изученія частной патологіи и терапіи дѣтей и взрослыхъ я посѣщалъ теоретическій курсъ этого предмета, читанный профессоромъ Нимайеромъ, и двѣ клиники: терапевтическую того же профессора и поликлинику профессора Келера, изъ которыхъ въ 1-й пользуются по преимуществу взрослые, а во 2-й по преимуществу дѣти; и знакомился съ текущею литературою предмета.

Въ теоретическомъ курсѣ я прослушалъ ученіе о болѣзняхъ пищеварительныхъ органовъ; въ клиникахъ, не смотря на незначительное населеніе города, встрѣтилъ очень много поучительныхъ

случаевъ и въ числѣ ихъ нѣсколько рѣдкихъ; нѣкоторые изъ нихъ, именно случаи абсцесса печени и пузырно-глистной опухоли того же органа предполагаю по окончаніи наблюденія сдѣлать предметомъ подробнаго описанія.

Изъ спеціальныхъ приватныхъ курсовъ я посѣщалъ практическій курсъ ларингоскопіи профессора Брунса. Брунсъ, основатель ларингоскопической хирургіи, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу первыхъ авторитетовъ въ этой отрасли медицины, и въ курсѣ его мнѣ удалось видѣть много разнообразныхъ болѣзней гортани и глотки и много отчасти вновь придуманныхъ, отчасти усовершенствованныхъ имъ аппаратовъ, инструментовъ и методовъ леченія.

Занятія частною патологіею и терапіею привели меня къ убѣжденію въ необходимости воспользоваться пребываніемъ за границею для подробнѣйшаго ознакомленія со вспомогательными науками, изъ которыхъ черпаетъ эта часть медицины объясненія наблюдаемыхъ ею явленій. Двумъ изъ нихъ, въ особенности важнымъ для моего предмета, предполагаю я по преимуществу удѣлять время, которое будетъ оставаться отъ прочихъ занятій: патологической химіи и патологической микроскопіи. Для отклоненія упрековъ въ правильности выбора, почитаю нужнымъ прибавить, что поводомъ къ этому послѣднему послужило то, слишкомъ извѣстное всѣмъ патологамъ, обстоятельство, что безъ достаточнаго знанія этихъ наукъ, въ настоящее время, невозможно не только содѣйствіе движенію науки впередъ, но даже распознаваніе, при постели больнаго, нѣкоторыхъ очень обыкновенныхъ болѣзней.

Будущимъ занятіямъ этими предметами я нашелъ возможнымъ въ этомъ семестрѣ предпослать посѣщеніе практическаго курса гистологіи профессора Лейдига и, въ оставшееся затѣмъ свободнымъ время, работы въ химической лабораторіи профессора Гоппе.

Тюбингенъ, $^{18}/_{30}$ марта 1866 года.

27) Кандидата Григорія Кустовскаго.

Занятія мои во второй половинѣ зимняго учебнаго семестра при Берлинскомъ университетѣ, кромѣ слушанія университетскихъ лекцій, были посвящены той долѣ самостоятельной работы по предметамъ избранныхъ для слушанія курсовъ, безъ которой эти курсы не могутъ быть ни поняты, ни усвоены надлежащимъ образомъ.

Профессорскія чтенія, каковы напр. Гаупта — «Персы» Эсхила, Кирхгофа — генезисъ Одиссеи, нельзя только слушать. Представляя собой итогъ научныхъ работъ по извѣстному предмету науки, составляющихъ ея исторію, чтенія эти поставляютъ слушателя въ необходимость пройти, въ нѣкоторой степени, самому тотъ путь эрудиціи, который является въ нихъ какъ бы законченнымъ; а потому, записанная лекція составляетъ, въ такомъ случаѣ, только программу для занятій, вполнѣ удовлетворить которой можно было бы при значительно большемъ спеціализированіи предмета, чѣмъ какое я нахожу для себя возможнымъ.

Курсъ г. Кирхгофа, по существу задачи рѣшаемой имъ, представляетъ важный моментъ въ исторіи гомеровскаго вопроса, и потому изложу здѣсь нѣкоторые результаты и методъ его.

Общій взглядъ г. Кирхгофа на происхожденіе всего текста настоящей Одиссеи я изложилъ въ предъидущемъ отчетѣ. Во второй половинѣ своего курса, г. Кирхгофъ занимался разсмотрѣніемъ генезиса той части Одиссеи, которая извѣстна подъ названіемъ апологовъ, составляющихъ содержаніе IX, X, XI и XII пѣсней Одиссеи: разсказъ Одиссея о своихъ приключеніяхъ со времени отплытія отъ Трои до того времени, когда онъ бурей былъ выброшенъ на островъ Фэаковъ. Разсказъ этотъ, представляющій изложеніе событій отъ лица самаго героя, въ первомъ лицѣ, долгое время служилъ въ наукѣ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ цѣлостнаго происхожденія всей поэмы, задуманной и исполненной однимъ поэтомъ по обширному плану, доколѣ его органическая, неразрывная связь съ другими частями поэмы не была подвержена сомнѣнію. Такое значеніе апологовъ по отношенію къ вопросу о происхожденіи Одиссеи г. Кирхгофъ совершенно уничтожаетъ и находитъ въ нихъ ясное доказательство противоположнаго взгляда, съ очевидностію доказывая, что разсказъ этотъ, за немногими исключеніями, есть передѣлка поэмы, изображавшей первоначально приключенія героя въ формѣ разсказа отъ лица поэта, въ разсказъ героя о самомъ себѣ.

Слѣды этой передѣлки нигдѣ такъ рѣзко не замѣтны, какъ въ XII пѣсни. На возвратномъ пути изъ подземнаго царства, слѣдуя наставленіямъ Цирцеи, Одиссей счастливо избѣгаетъ угрожавшихъ ему опасностей у острова сиренъ, при проходѣ между Сциллой и Харибдой, и наконецъ, противъ собственнаго желанія, пристаетъ къ берегамъ Тринакріи, взявъ со спутниковъ своихъ клятву воздер-

жаться отъ святотатственнаго похищенія быковъ Геліоса. Но голодъ заставляетъ спутниковъ пренебречь данною клятвою, и въ отсутствіе Одиссея, которому сладкій на вѣжды сонъ низвели нечувствительно боги, совершить святотатство. Возвращаясь изъ кратковременной отлучки, герой узнаетъ о поразившемъ его несчастіи, и разсказъ свой объ этомъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

μ, 366 *) καὶ τότε μοι βλεφάρων ἐξέσσυτο νήδυμος ὕπνος,
βῆν δ᾽ ἰέναι ἐπὶ νῆα θοὴν καὶ θῖνα θαλάσσης.
ἀλλ᾽ ὅτε δὲ σχεδὸν ἦα κιὼν νεὸς ἀμφιελίσσης,
καὶ τότε με κνίσσης ἀμφέλυθεν ἡδὺς ἀυτμή
370. ὀιμώξας δὲ θεοῖσι μετ᾽ ἀθανατοῖσι γεγώνευν.
«Ζεῦ πάτερ ἠδ᾽ ἄλλοι μάκαρες θεοὶ αἰὲν ἐόντες,
ἦ με μάλ᾽ εἰς ἄτην κοιμήσατε νήλει ὕπνῳ,
οἱ δ᾽ ἔταροι μέγα ἔργον. ἐμητίσαντο μένοντες.»
ὠκέα δ᾽ ἠελίῳ ὑπερίοντ᾽ ἄγγελος ἦλθεν
375. Λαμπετίη τανύπεπλος, ὅ οἱ βόες ἔκταμεν ἡμεῖς·
αὐτίκα δ᾽ ἀθανάτοισι μετηύδα χωόμενος κῆρ.
«Ζεῦ πάτερ ἠδ᾽ ἄλλοι μάκαρες θεοὶ αἰὲν ἐόντες,
τίσαι δὴ ἑτάρους Λαερτιάδεω Ὀδυσῆος,
οἵ μευ βοῦς ἔκτειναν ὑπέρβιον, ἧσιν ἔγωγε
380. χαίρεσκον μὲν ἰὼν εἰς οὐρανὸν ἀστερόεντα,
ἠδ᾽ ὁπότ᾽ ἂψ ἐπὶ γαῖαν ἀπ᾽ οὐρανόθεν προτραποίμην.
εἰ δέ μοι οὐ τίσουσι βοῶν ἐπιεικὲ ἀμοιβήν,
δύσομαι εἰς Ἄϊδαο καὶ ἐν νεκύεσσι φαείνω.»
τὸν δ᾽ ἀπαμειβόμενος προσέφη νεφεληγερέτω Ζεύς.
385. ἠέλι᾽, ἦτοι μὲν σὺ μετ᾽ ἀθανάτοισι φάεινε
καὶ θνητοῖσι βροτοῖσιν ἐπὶ ξείδωρον ἄρουραν.
τῶν δε κ᾽ ἐγὼ τάχα νῆα θοὴν ἀργῆτι κεραυνῷ
τοτθὰ βαλὼν κεάσαιμι μέσῳ ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ.»
ταῦτα δ᾽ ἐγὼν ἤκουσα Καλυψοῦς ἠκόμοιο
390. ἣ δ᾽ ἔφη Ἑρμείαο διακτόρου αὐτὴ ἀκοῦσαι.

Стихи 374—390 Аристархъ призналъ подложными. Правда, относящіяся къ нимъ схоліи ничего не говорятъ объ этомъ, но въ венеціанской рукописи M стихи 375—389 сопровождаетъ знакъ обелосъ **). Основанія, на которыхъ Аристархъ считаетъ эти стихи

*) По принятому обыкновенію, строчными буквами греческаго алфавита мы будемъ означать пѣсни Одиссеи, прописными — Иліады.

**) Критическіе знаки Аристарха, дошедшіе до насъ въ венеціанской рукописи Иліады A были слѣдующіе:

—— *οβελός*. Аристархъ употреблялъ этотъ знакъ для отмѣтки стиховъ, по его мнѣнію, подложныхъ. Самое признаніе подложности выражалось словомъ: *ἀθέτησις*.

подложными, мы находимъ въ другомъ мѣстѣ. 277 стихъ III пѣсни Иліады:

Ζεῦ πάτερ, Ἰδηθεν μεδέων, κύδιστε, μέγιστε,
Ἥλιος θ', ὅς πάντ' ἐφορᾷς, καὶ πάρτ' ἐπακούεις

сопровождаетъ схоліонъ: *ἡ διπλῆ περιεστιγμένη, ὅτι ἥλιος ἀρτὶ τοῦ ἥλιε,— καὶ πρὸς τὴν ἀθέτησιν τῶν ἐν Οδυσρείᾳ ὠκέα δ' ἠελίω..... ἄγγελος ἦλθεν περὶτῆς ἀπωλείας τῶν βῶν τῷ πάντα ἐφορῶντι.*

Другое основаніе къ признанію подложности, какое Аристархъ находилъ въ стихѣ 390, указываетъ схолій къ ε, 79. *οὐ γὰρ τῷ προεωρακέναι, ἀλλὰ κατὰ τινα θείαν δυνάμιν ἐγνώρισεν ἰδοῦσα ἡ Καλυψὼ τὸν Ἑρμῆν. Ψεύδεται οὖν Ὀδυσσεύς, ὅταν λέγῃ ταῦτα δ' ἐγὼν ἤκουσα Καλυψοῦς..... οὐδέπω γὰρ αὐτὸν ἑωράκει.* И такъ, съ одной стороны представленіе, по которому всевидящій Геліосъ извѣщается о томъ, о чемъ онъ самъ долженъ знать въ силу своего всевѣдѣнія, съ другой анахронизмъ, заключающійся въ ст. 389 и 390 выписаннаго нами мѣста, служили для Аристарха достаточными основаніями признать подложными эти стихи, а по связи съ ними и все мѣсто 375—390.

Первое основаніе, очевидно, не имѣетъ большаго значенія, второе — очень важно. Для всякаго безпристрастнаго читателя очевидно, что изображаемое въ пятой пѣсни Одиссеи посѣщеніе Меркуріемъ Калипсо, которое авторъ разсматриваемаго нами мѣста безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду, представляется въ пятой пѣсни какъ первое и вообще единственное. Въ контекстѣ всего мѣста нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, будто бы Меркурій, при этомъ посѣщеніи, разсказалъ Калипсо эпизодъ на Олимпѣ, изображаемый въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ. Это обстоятельство очевидно придумано и, вставкой стиховъ 389 и 390, навязано автору пятой пѣсни. Между тѣмъ поводъ къ такому искусственному вымыслу очевиденъ. Онъ

÷ *διπλῆ περιεστιγμένη* означаетъ различіе въ изданіи Аристарха отъ изданія Зенодота.

⁜ *ἀστερίσκον* означаетъ стихи, признаваемые подлинными, въ противоположность тѣмъ же самымъ стихамъ, употребленнымъ интерполяторомъ въ другомъ мѣстѣ для своихъ цѣлей. Послѣдніе отмѣчались посредствомъ *ἀστερίσκον* и *ὀβελός* вмѣстѣ.

) и . *ἀντίσιγμα* и *στιγμή*— употреблялись для означенія параллельныхъ мѣстъ, выражающихъ дважды одну и ту же мысль, такъ что необходимо отвергнуть одно изъ нихъ, но какое— неизвѣстно. Первое изъ нихъ означалось первымъ, второе — вторымъ знакомъ.

— *διπλῆ ἀπερίστικτος* или *καθαρά* — употребленіе ея различно. 25.

долженъ объяснить возможность страннаго перехода въ разсказѣ Одиссея отъ описанія своихъ собственныхъ приключеній къ изложенію современныхъ происшествій на Олимпѣ, въ совѣтѣ боговъ. Надобно было какимъ нибудь образомъ отвѣчать на естественный у всякаго слушателя или читателя вопросъ: какимъ образомъ Одиссей, въ томъ положеніи, въ какомъ мы представляемъ его себѣ на основаніи его собственнаго разсказа, могъ знать и съ такою подробностію излагать то, что въ то же самое время происходитъ на Олимпѣ? Стихи 377—88 съ одной стороны, и 388—90 съ другой, условливаютъ себя взаимно, такъ что, когда первые вошли въ составъ текста, вторые сдѣлались совершенно необходимыми. Такое взаимное отношеніе ихъ ясно сознавалъ Аристархъ, и потому, убѣдясь, на своихъ основаніяхъ, въ подложности вторыхъ, призналъ все мѣсто подложнымъ.

Дѣйствительно, разсматривая все это мѣсто нѣсколько повнимательнѣе, мы находимъ въ немъ много несообразностей. Во-первыхъ, заставлять повѣствователя какъ бы оправдываться предъ своими слушателями — въ высшей степени непоэтично и представляется, ужъ само по себѣ, вынужденнымъ средствомъ. Недостатокъ этотъ можно бы было извинить, еслибъ обстоятельность, съ какой описывается эпизодъ на Олимпѣ, была почему бы то ни было необходимою для полноты разсказа и могла бы быть разсматриваема какъ поэтическая необходимость. Но такой необходимости въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ рѣшительно нѣтъ. Напротивъ, самый легкій намекъ, вмѣсто обстоятельнаго разсказа, гораздо болѣе соотвѣтствовалъ бы цѣли. Этотъ намекъ можно бы было помѣстить тамъ, гдѣ Зевсъ дѣйствительно совершаетъ свою месть надъ преступными. Въ этомъ мѣстѣ не было бы необходимости приписывать повѣствователю знаніе происшествій на Олимпѣ, пріобрѣтаемое такимъ неестественнымъ путемъ; потому что было бы совершенно въ порядкѣ вещей, еслибъ достаточно снабженный предостереженіями Цирцеи Одиссей отъ исполненія мести заключилъ къ причинѣ ея. Если же поэтъ, не смотря на то, избралъ форму изложенія, которая, не будучи необходима по существу дѣла, заставляетъ его прибѣгать къ неудачному вымыслу, то это можно объяснить, въ крайнемъ случаѣ, развѣ только недостаткомъ его поэтической изобрѣтательности. Многіе, конечно, предпочтутъ видѣть въ этомъ неразвитость технической стороны, характеризующую древнихъ поэтовъ, но такое объясненіе, какъ бы ни естественнымъ казалось оно съ перваго

взгляда, оказывается несостоятельнымъ въ виду факта, который открывается при внимательнѣйшемъ наблюденіи и который нельзя объяснить недостаткомъ таланта у поэта: это совершенная, ничѣмъ необъяснимая, безтактность, съ какой описанный эпизодъ вставленъ въ самомъ неудобномъ, какое только можно придумать, мѣстѣ. Но и признать, вмѣстѣ съ Аристархомъ, эти стихи подложными, никакъ нельзя, потому что съ уничтоженіемъ ихъ устраняется элементъ, безъ котораго не можетъ обойтись связное, поэтическое изображеніе. Спутники Одиссея святотатственно похищаютъ быковъ Геліоса. Если же, вскорѣ затѣмъ, ихъ постигаетъ буря, въ которой всѣ они погибаютъ вмѣстѣ съ кораблемъ, то очевидно, что, по смыслу легенды и съ полнымъ сознаніемъ пользующагося ею поэта, буря эта есть средство мести Геліоса надъ преступными и потому стоитъ въ причинномъ, а не временномъ только, отношеніи къ происшествіямъ на островѣ. Это внутренное отношеніе непремѣнно должно быть указано поэтомъ, и буря необходимо должна быть изображена какъ актъ мести Геліоса. Такъ какъ при описаніи самой бури поэтъ не даетъ никакихъ указаній относительно причины ея, то эти указанія должны быть даны прежде, изъ которыхъ ясно, а не *κατὰ συμπώμενον*, видно было бы, что Зевсъ является въ бурѣ только мстителемъ за оскорбленнаго Геліоса. На этомъ основаніи, разсматриваемое мѣсто не только не есть интерполяція, но и составляетъ существенную, неразрывную часть цѣлаго.

Отсюда естественное заключеніе то, что трудности, представляемыя теперешнимъ состояніемъ текста, не могутъ быть первоначальны, но явились въ немъ только современемъ, вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ причинъ, подѣйствовавшихъ разрушительно на первоначальный организмъ. Въ чемъ состоитъ эта причина, становится очевиднымъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всѣ представляющіяся здѣсь трудности находятся въ тѣснѣйшей связи съ принятой формой изложенія, по которой герой разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ отъ своего лица; что, напротивъ, не останется ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было рода неестественности, коль скоро мы разсказъ Одиссея о самомъ себѣ, въ первомъ лицѣ, превратимъ въ разсказъ поэта объ Одиссеѣ, въ третьемъ. Поэтъ, вдохновляемый музой, знаетъ не только то, что происходитъ предъ его глазами, но и сокровенныя тайны жизни, и притомъ не имѣетъ надобности давать отчета въ источникѣ своихъ свѣдѣній. Группировкой фактовъ и подробностей своего изо-

браженія онъ располагаетъ также по своему произволу, который также безграниченъ, какъ и его вѣдѣніе. Для нагляднаго доказательства справедливости развитыхъ соображеній г. Кирхгофъ представляетъ попытку возстановленія первоначальной формы разсказа относительно выписаннаго нами мѣста въ слѣдующемъ видѣ:

καὶ τότε Ὀδυσσῆος βλεφάρων ἐξέλυθεν νήδυμος ὕπνος,
βῆ δ' ἰέναι ἐπι νῆα θοὴν καὶ θῖνα θαλάσσης
ἀλλ' ὅτε δὴ ῥχεδὸν ἦεν κιὼν νεὸς ἀμφιελίσσης,
καὶ τότε μιν κνίσσης ἀμφήλυθεν ἡδὺς ἀυτμή и т. д.

Къ тому же результату приводитъ анализъ, какому г. Кирхгофъ подвергаетъ мѣста: μ, 339 ff. — обстоятельный до подробностей разсказъ Одиссея о томъ, что случилось во время сна его; $\varkappa$, 208 ff. — разсказъ объ участи, постигшей спутниковъ его въ домѣ Цирцеи, и наконецъ $\varkappa$, 78 — 132, разсказъ о приключеніяхъ у лестригоновъ. Слѣды передѣлки всего менѣе замѣтны въ послѣднемъ мѣстѣ, но и здѣсь внимательное, такъ сказать, микроскопическое разсмотрѣніе предмета открываетъ слѣды ея. Одиссей приближается — такъ разсказываетъ онъ самъ въ послѣднемъ указанномъ нами мѣстѣ — къ области лестригоновъ; всѣ спутники его входятъ на своихъ корабляхъ въ узкую, безопасную гавань и бросаютъ якорь; одинъ только Одиссей, какъ будто предчувствуя бѣду, пристаетъ своимъ кораблемъ къ берегу, внѣ гавани. Высланные имъ затѣмъ, для разузнанія мѣстности, лазутчики, въ числѣ троихъ, попадаютъ въ руки царя лестригоновъ, который одного изъ нихъ пожираетъ, между тѣмъ какъ остальные спасаются бѣгствомъ къ кораблямъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ нападеніи лестригоновъ всей массой на флотъ Одиссея, гибнутъ всѣ корабли его, и только одному Одиссею удается съ однимъ кораблемъ удалиться въ морѣ. Нельзя не согласиться, что разсказъ о несчастіи, постигшемъ лазутчиковъ, передается здѣсь довольно естественно и не вдается въ подробности, представляющіяся такъ неестественными въ другихъ указанныхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, при всей краткости изложенія, кажется страннымъ названіе по имени источника, при которомъ лазутчики встрѣчаются съ дочерью царя лестригоновъ; имя источника, однакожъ, во всемъ этомъ разсказѣ имѣетъ такое незамѣтное значеніе, что если мы освѣдомленіе о немъ и припишемъ необыкновенному, въ настоящемъ ихъ положеніи, любопытству лазутчиковъ, то все таки такая обстоятельная точность ихъ извѣстія

кажется странною, а также странно и то, что самъ Одиссей особенно упоминаетъ въ своемъ разсказѣ объ этомъ обстоятельствѣ, о которомъ онъ получилъ свѣдѣніе только изъ вторыхъ рукъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія поэта-повѣствователя, указаніе и на это мѣстное обстоятельство представляется совершенно естественнымъ. Для него знаніе такихъ подробностей было бы непосредственное, и употребленіе ихъ зависитъ отъ его произвола, который, необходимо, долженъ извѣстнымъ образомъ ограничиваться условіями положенія, въ которомъ находится Одиссей. Далѣе, самый источникъ, изъ котораго, какъ предполагается, Одиссей почерпаетъ свои свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ, представляется естественнымъ только на первый взглядъ. Двое изъ спасшихся лазутчиковъ сообщаютъ ему эти свѣдѣнія. Но упоминаніе объ этомъ спасеніи является въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ совершенно неожиданно. На основаніи ст. 115, *ὅς θε τοῖσι ἐμήσατο λυγρὸν ἄλεθρον*, читатель представляетъ себѣ дѣло не иначе, какъ что чудовище пожрало всѣхъ троихъ лазутчиковъ, и естественно долженъ быть удивленъ, если въ слѣдующемъ стихѣ узнаетъ, что два изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ. Это извѣстіе довольно запоздало, чтобъ устранить необходимость поправки въ представленіи читателя, сдѣланномъ на основаніи предъидущаго стиха. Съ другой стороны, поправка эта не въ такой степени измѣняетъ дѣло, чтобы въ цѣломъ не осталось слѣдовъ прежняго соотношенія частностей. Дѣйствительно, при допущеніи ея, становится непонятной самая возможность нападенія на флотъ Одиссея, который, какъ естественно было бы ожидать, долженъ быть предупрежденъ спасшимися о грозящей опасности; между тѣмъ, какъ видно изъ разсказа, онъ обязанъ своимъ спасеніемъ не предостереженію, полученному отъ убѣжавшихъ, но единственно своей предусмотрительности.

Единственный выходъ изъ этихъ затрудненій подаетъ намъ аналогія прежде разсмотрѣнныхъ мѣстъ: все становится какъ нельзя болѣе естественнымъ, если мы перемѣнимъ точку зрѣнія повѣствующаго о своихъ приключеніяхъ героя на точку зрѣнія поэта и признаемъ, что стихи 116 и 117 или прибавлены передѣлывателемъ отъ себя, или переработаны для своей цѣли.

Что же касается той части апологовъ, въ которой Одиссей разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ у киконовъ, лотофаговъ, киклоповъ, то она и первоначально была составлена какъ разсказъ отъ лица героя и въ другой формѣ никогда не существовала. Отри-

цательное доказательство этого мнѣнія г. Кирхгофъ представляетъ разсмотрѣніемъ самаго текста, въ которомъ нѣтъ тѣхъ затрудненій, условливаемыхъ перемѣною формы, какія встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Положительное же доказательство является у него только какъ вѣроятный результатъ довольно обширной комбинаціи въ связи съ анализомъ другихъ мѣстъ.

Одиннадцатая пѣснь Одиссеи, *Νεκυια*, содержаніе которой составляетъ посѣщеніе героемъ подземнаго царства, для вопрошенія тѣни прорицателя Тирезія о своей дальнѣйшей судьбѣ, составляла предметъ особенно подробнаго анализа г. Кирхгофа. Пользуясь обыкновеннымъ своимъ методомъ сравненія повторяющихся мѣстъ, онъ обыкновенно подвергаетъ всестороннему разбору ихъ характеристическія, условливаемыя обстоятельствами мѣста, различія, и на этомъ основаніи опредѣляетъ, какое мѣсто должно быть оригинальнымъ, какое повтореніемъ и передѣлкой. Одиннадцатая пѣснь Одиссеи представляетъ нѣсколько пунктовъ для такого сравненія. Такъ, *κ*, 516 — 537, Цирцея даетъ Одиссею нужныя наставленія относительно мѣръ для вызыванія тѣней; *λ*, 24—50, исполненіе этихъ мѣръ описывается тѣми же словами, какъ и въ *κ*, 516 — 537. Въ *λ*, 121 — 137, тѣнь Тирезія предрекаетъ послѣднюю судьбу героя и указываетъ на средство къ окончательному умилостивленію Поссейдона, гнѣвъ котораго есть источникъ всѣхъ бѣдствій его; *ψ*, 268—284, Одиссей сообщаетъ объ этомъ Пенелопѣ въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Такого рода анализъ всей одиннадцатой пѣсни приводитъ къ тому результату, что *Νέκυια* составляетъ интегральную часть поэмы въ ея древнѣйшемъ видѣ, но, сообразно съ цѣлями редакціи, вырванную изъ ея первоначальной связи и сильно интерполированную.

Во всемъ мною изложенномъ я имѣлъ въ виду дать нѣкоторое понятіе о характерѣ и методѣ чтеній г. Кирхгофа, ограничиваясь одними результатами многосторонняго анализа, какому онъ подвергаетъ всякое разсматриваемое мѣсто со стороны языка и мысли. Бо́льшая или меньшая степень убѣдительности этихъ результатовъ чувствуется только подъ вліяніемъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ частныхъ моментовъ многосложнаго процесса, употребленнаго для достиженія ихъ, и вообще условливается особенностями самаго предмета. Еще въ періодъ александрійской учености, грамматикъ Апіонъ увѣрялъ, будто бы онъ отъ самаго Гомера, вызваннаго имъ изъ царства тѣней, получилъ—безъ права однакожъ выдавать другимъ—

тайну его рожденія и отечества *),—увѣреніе, въ которомъ невольно высказалось, съ одной стороны, утомленіе, порожденное разнорѣчіемъ предшествовавшихъ вѣковъ относительно вопросовъ, резюмируемыхъ теперь въ вопросѣ «гомеровскомъ», съ другой—какъ бы отрицаніе возможности достигнуть здѣсь ясныхъ результатовъ путемъ обыкновеннымъ. Но путь и средства, употребляемыя въ этомъ вопросѣ наукой въ наше время, имѣютъ нѣчто аналогическое съ процедурой Апіона. Сознаніе важности и связи этого вопроса съ вопросами древней литературы и жизни вообще составляютъ и, конечно, будутъ составлять источникъ новыхъ попытокъ рѣшенія. Если же положительныхъ, говорящихъ за себя фактовъ, въ этомъ случаѣ, или вовсе нѣтъ, или же значеніе ихъ стерто условіями исторической передачи, то критика, по необходимости, вступаетъ на нѣсколько рискованный путь, гдѣ посредствомъ комбинацій, разсѣянныхъ указаній, находящихся иногда въ самой отдаленной связи съ занимающимъ вопросомъ, она достигаетъ иногда болѣе или менѣе удачныхъ результатовъ, точно такъ же какъ изъ лоскутка стариннаго пергамента иногда удавалось вызвать потерянныя слова и мысль древняго писателя употребленіемъ химическихъ средствъ. Такое сближеніе невольно вызывается тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ характеръ и методъ рѣшенія задачи, преслѣдуемой г. Кирхгофомъ въ его курсѣ объ Одиссеѣ.

Промежутокъ свободнаго времени до начала университетскихъ курсовъ лѣтняго семестра я употребилъ на поѣздку въ Дрезденъ и Мюнхенъ, съ цѣлію осмотрѣть ихъ богатые памятниками древности музеи, и по возвращеніи остаюсь на лѣтній академическій семестръ въ Гейдельбергѣ.

Гейдельбергъ, 22-го апрѣля 1866 года.

28) Доктора медицины Выводцева.

Выѣхавъ изъ Петербурга $^{15}/_{27}$ февраля 1866 года, я на третій день прибылъ въ Берлинъ съ цѣлью явиться къ Н. И. Пирогову, чтобы принять отъ него совѣты, необходимые для моихъ занятій по части хирургіи.

Николай Ивановичъ указалъ мнѣ Цюрихъ и Гейдельбергъ, гдѣ я преимущественно долженъ заняться у гг. профессоровъ Бильрота и

*) Sengeb. D. Pr. 25.

О. Вебера. Имѣя однако въ виду, что чрезъ двѣ недѣли прекратятся лекціи по случаю наступающихъ праздниковъ Пасхи, и зная впередъ, что, прежде чѣмъ приступлю къ спеціальнымъ занятіямъ въ одномъ изъ указанныхъ мнѣ городовъ, мнѣ необходимо будетъ пожертвовать нѣкоторымъ временемъ для того, чтобы познакомиться съ удобствами для занятій и направленіемъ преподавателей, я почелъ нужнымъ это короткое время пробыть въ Вѣнѣ. Въ послѣднемъ городѣ я еще прежде познакомился достаточно съ тѣми условіями, которыя необходимы, чтобы тамъ извлечь научную пользу безъ потери времени.

Въ Вѣнѣ я преимущественно посѣщалъ клинику проф. Пита въ военно-медицинской академіи и клинику проф. Думрайхера во всеобщей вѣнской больницѣ.

Подробно говорить о Питѣ, какъ о превосходномъ практикѣ и операторѣ, значило бы повторять давно извѣстное, но я долженъ сказать, что на лекціяхъ онъ очень мало обращаетъ вниманіе на патологическую гистологію. Искусное производство операціи, безъ всякаго сомнѣнія, есть великая заслуга оператора и приноситъ значительную пользу больному, но учащійся извлекаетъ больше пользы, если онъ самъ упражняется въ операціяхъ на трупѣ, нежели изъ того, что присутствуетъ въ почтительномъ удаленіи отъ профессора при производствѣ операціи; особенно, если профессоръ оперируетъ въ клиникѣ и не демонстрируетъ данный случай на готовыхъ препаратахъ ни макроскопическихъ, ни микроскопическихъ. Клиника проф. Пита не можетъ похвалиться ни особенною чистотою, ни удобствами для больныхъ, ни богатствомъ матеріала. Особенность въ леченіи заключается только въ томъ, что Пита преимущественно употребляетъ неподвижныя повязки Лоренцера, вмѣсто гипсовыхъ; по его убѣжденію, эта повязка легче вѣсомъ, чѣмъ гипсовая, и поэтому менѣе обременительна для больнаго. Я бы вышелъ изъ предѣловъ этого отчета, еслибъ захотѣлъ исчислить преимущества гипсовой повязки предъ всѣми другими; достаточно указать здѣсь на отзывы о ней Пирогова, Дидо, Ванъ-де-Лоо и Шимановскаго, чтобы опровергнуть неточное мнѣніе проф. Пита.

Я прохожу молчаніемъ клинику Думрайхера, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ современному требованію хирургіи. Также поликлиника доцента Штерка, преподающаго ларингоскопію, не заслуживаетъ особеннаго вниманія; онъ на своихъ лекціяхъ упражняетъ слушателей преимущественно въ пріемахъ механическаго введенія

ларингоскопа, что въ настоящее время всякому врачу болѣе или менѣе извѣстно, но онъ весьма поверхностно указываетъ на патологическія измѣненія, видимыя ларингоскопомъ.

Болѣе интересна поликлиника доцента Политцера; его преподаваніе ушныхъ болѣзней совершенно соотвѣтствуетъ новѣйшимъ требованіямъ науки, и своею неутомительною дѣятельностію онъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Изслѣдованіе больныхъ Политцеръ производитъ самымъ рачительнымъ образомъ и особенно обращаетъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) на продолжительность болѣзни; 2) на глухоту, и появилась ли она вдругъ или постепенно; 3) на причины болѣзни; 4) на боль въ ухѣ; 5) на жужжаніе, которое часто слышится больнымъ; 6) на истеченіе изъ уха; 7) на наслѣдственную наклонность къ болѣзни.

Затѣмъ онъ переходитъ къ объективному изслѣдованію барабанной перепонки посредствомъ ушнаго зеркала Tröltsch'a, при чемъ старается узнать помутнѣніе, продырявливаніе, известковое отложеніе и нѣтъ ли рубцевъ отъ предшествовавшей othorroeae. Далѣе онъ весьма точно опредѣляетъ дальность слуха у больнаго, заставляя его повторять слова, сказанныя ему на извѣстномъ разстояніи. Чтобы узнать звукопроводимость черепныхъ костей, онъ прикладываетъ рукоятку звучащаго камертона къ разнымъ частямъ черепа больнаго. Политцеръ недавно этими манипуляціями доказалъ, что, если глухота зависитъ отъ извѣстнаго страданія наружнаго уха, или барабанной полости, звукъ камертона лучше ощущается больнымъ ухомъ, нежели здоровымъ; въ противномъ же случаѣ, т. е. если больной яснѣе ощущаетъ звукъ камертона здоровымъ ухомъ, то это доказываетъ первичное или вторичное страданіе лабиринта въ больномъ ухѣ. При осмотрѣ больнаго Политцеръ придаетъ особенную важность изслѣдованію проходимости воздуха въ евстахіеву трубу. Для этой цѣли онъ употребляетъ, кромѣ катетеризма, еще свой собственный способъ, который заключается въ томъ, что онъ вгоняетъ воздухъ въ барабанную полость чрезъ евстахіеву трубу, не касаясь инструментомъ самой трубы. Этотъ способъ извѣстенъ въ медицинѣ подъ названіемъ Das einfache Politzer'sche Verfahren, и извѣстные спеціалисты, какъ Tröltsch, Toynbee, Schwarze, Moos и Anderson, отзываются о немъ весьма благопріятно. Способъ Politzer'a имѣетъ слѣдующія преимущества предъ катетеризмомъ: онъ 1) гораздо легче переносится больными, 2) удобнѣе въ дѣтской практикѣ, 3) для производства его рѣдко служатъ препят-

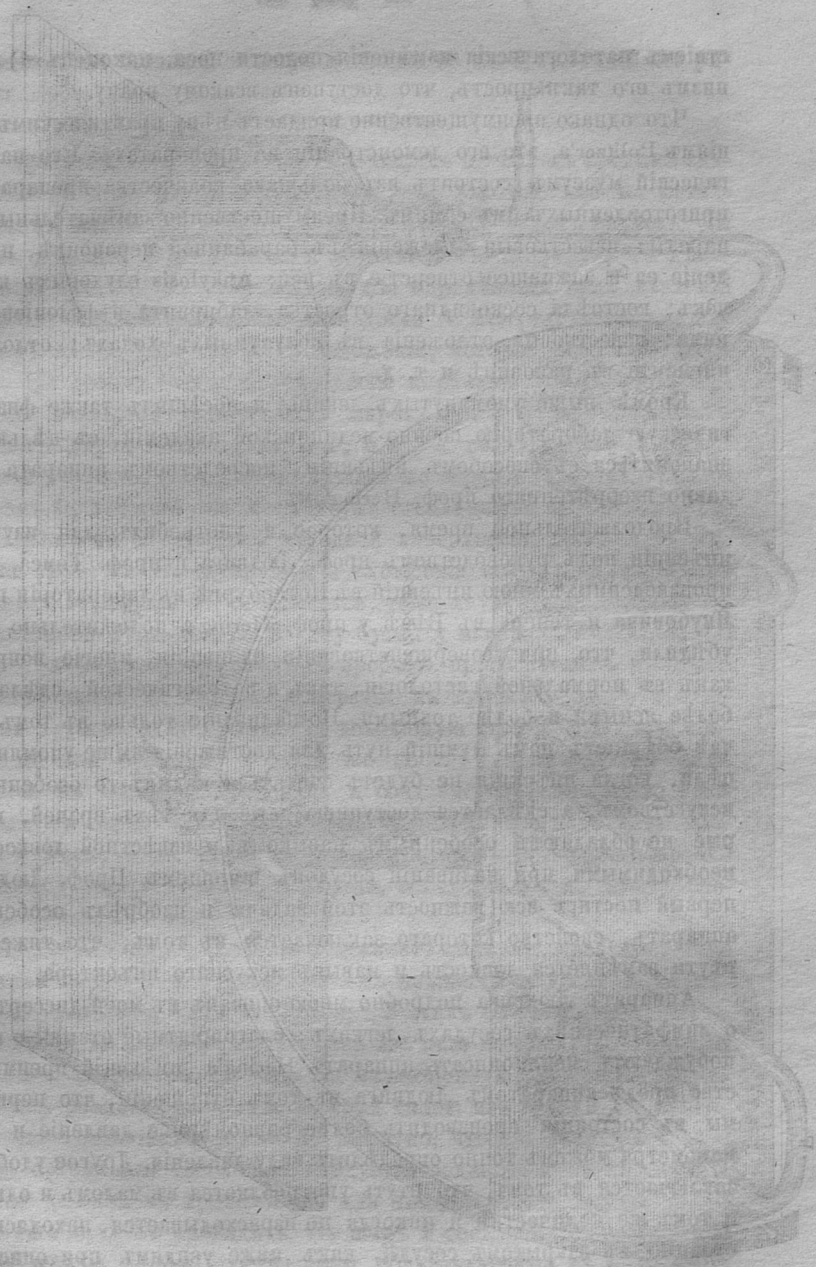
ствіемъ патологическія измѣненія полости носа, наконецъ 4) механизмъ его такъ простъ, что доступенъ всякому врачу.

Что однако преимущественно придаетъ цѣну практическимъ лекціямъ Politzer'a, это его демонстраціи на препаратахъ. Его патологическій музеумъ состоитъ изъ большаго количества препаратовъ, приготовленныхъ имъ самимъ. Преимущественно замѣчательны препараты: известковыя отложенія въ барабанной перепонкѣ, прободеніе ея и зажившее отверстіе въ ней; Ankylosis слуховыхъ косточекъ; костоѣда сосковиднаго отростка, лабиринта и фалопіева канала; известковыя отложенія въ полулунныхъ ходахъ; отложеніе пигмента въ раковинѣ и т. д.

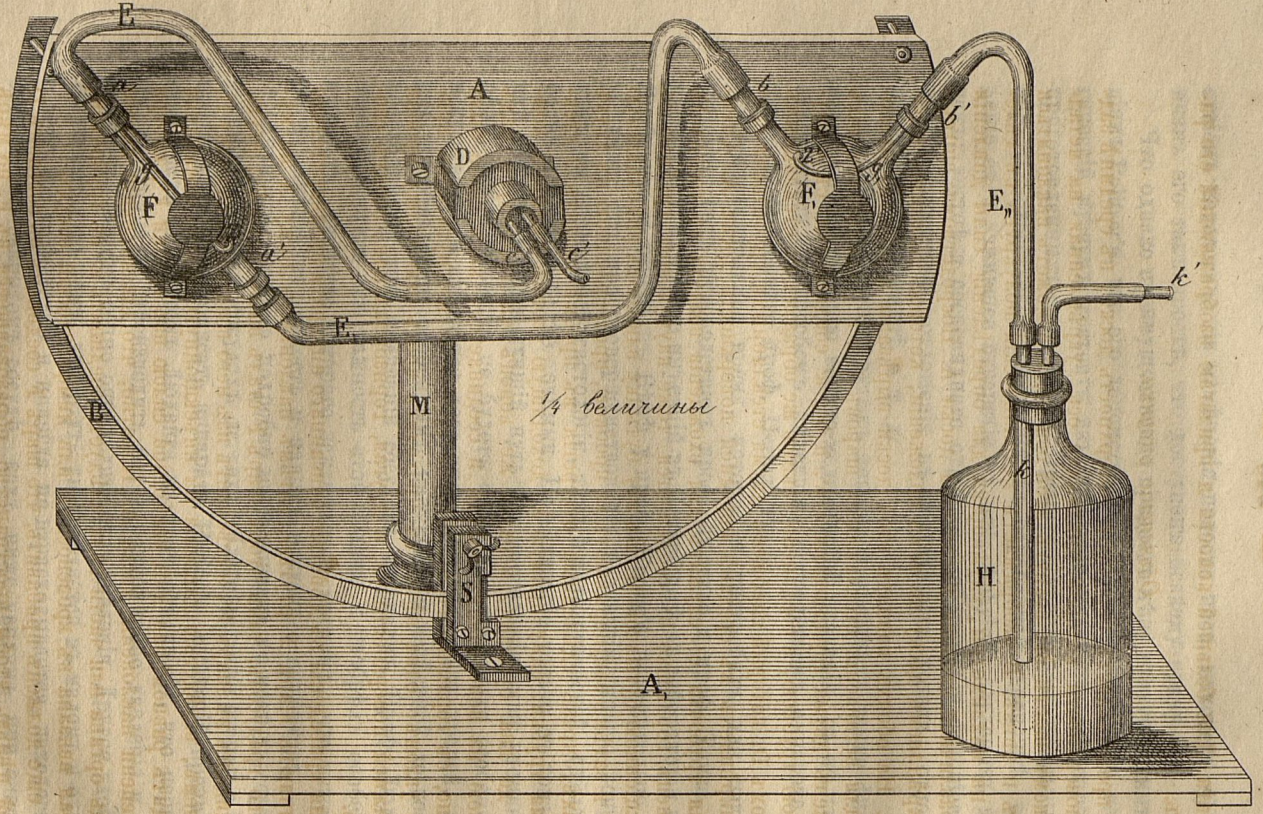
Кромѣ выше упомянутыхъ лекцій, я посѣщалъ также физіологическую лабораторію военно-медицинской академіи, съ цѣлью познакомиться съ способомъ инъекціи, посредствомъ аппарата, недавно изобрѣтеннаго проф. Hering'омъ.

Продолжительное время, которое я употребилъ для изученія инъекціи подъ руководствомъ проф. Людвига и проф. Томса, рядъ произведенныхъ мною инъекцій въ Петербургѣ въ лабораторіи проф. Якубовича и теперь въ Вѣнѣ у проф. Hering'а положительно меня убѣдили, что, при усовершенствованіи наливанія, многіе вопросы, какъ въ нормальной гистологіи, такъ и патологической, сдѣлаются болѣе ясными и болѣе точными. Но наливаніе только въ томъ случаѣ обѣщаетъ намъ лучшій путь для достиженія выше упомянутой цѣли, когда инъекція не будетъ считаться какимъ-то особеннымъ искусствомъ, а сдѣлается доступною даже для тѣхъ врачей, которые не обладаютъ особеннымъ навыкомъ и извѣстной ловкостью, необходимыми при наливаніи сосудовъ шприцемъ. Проф. Людвигъ первый постигъ всю важность этой задачи и изобрѣлъ особенный аппаратъ, свойство котораго заключается въ томъ, что тяжестью ртути замѣняется ловкость и навыкъ искуснаго инъектора.

Аппаратъ Людвига подробно мною описанъ въ моей диссертаціи о лимфатическихъ сосудахъ легкихъ; благопріятные отзывы о немъ побуждаютъ меня описать аппаратъ Hering'а, имѣющій преимущество предъ аппаратомъ Людвига въ томъ отношеніи, что первымъ мы въ состояніи производить болѣе равномѣрное давленіе и безъ манометра можемъ точно опредѣлить силу давленія. Другое удобство заключается въ томъ, что ртуть употребляется въ маломъ и одномъ и томъ же количествѣ и никогда не израсходывается, находясь постоянно въ закрытомъ сосудѣ, какъ ниже увидимъ при описаніи



ИНЪЕКЦІОННЫЙ АППАРАТЪ



Лит. И. Лахтинск. С.Петерб. на углу Коковской ул. и упраздненнаго переулка № 10 и 15.

аппарата. Для большей ясности я прилагаю изображающій его рисунокъ.

Объясненіе рисунка.

A представляетъ переднюю поверхность доски, къ срединѣ задней поверхности которой придѣлана ось, укрѣпленная на металлическомъ шестѣ M; вокругъ этой оси доска A можетъ наклоняться вверхъ и внизъ. B изображаетъ металлическій полукругъ съ дѣленіями на миллиметры, служащими для опредѣленія силы давленія при различной степени наклоненія доски A. Посредствомъ винта s мы укрѣпляемъ доску въ томъ положеніи, которое находимъ удобнымъ. На обоихъ концахъ этой доски вырѣзаны 2 круглыя отверстія для вставленія стеклянныхъ шаровъ F и F′; каждый изъ нихъ снабженъ двумя горлышками a a′, b b′; a′ соединяется съ b каучуковою трубкою, а соединено такимъ же образомъ съ стекляннымъ сосудомъ D, который снабженъ двумя стеклянными трубочками c, c′ и прикрѣпленъ къ срединѣ передней поверхности доски A. Стеклянная трубочка c′ служитъ для вхожденія воздуха въ сосудъ D. Наконецъ горлышко b′ соединяется тоже каучуковою трубкою съ инъекціонною бутылкою H. Въ эту бутылку вливаютъ инъекціонную массу и затѣмъ закупориваютъ ее пробкою, просверленною въ двухъ мѣстахъ; чрезъ сдѣланныя отверстія въ пробкѣ вводятъ 2 стеклянныя трубки: одну прямую k, доходящую своимъ нижнимъ концемъ до дна бутылки, верхній же конецъ ея выдвинутъ надъ пробкою на поперечникъ пальца и соединяется, какъ выше было сказано, съ горлышкомъ b′. Вторая трубка k′ изогнута подъ прямымъ угломъ: одна вѣтвь ея проходитъ чрезъ всю толщу пробки до нижней поверхности ея, а другая, горизонтальная, стоитъ свободно.

Для приведенія въ дѣйствіе описаннаго аппарата предварительно наполняютъ шаръ F ртутью, затѣмъ наклоняютъ доску A на нѣсколько градусовъ, такъ чтобы шаръ F сталъ выше шара F′; ртуть, переливаясь въ шаръ F′, вытѣсняетъ изъ него воздухъ въ бутылку H, при чемъ, вслѣдствіе давленія на инъекціонную массу, послѣдняя выходитъ равномѣрно и съ извѣстной силою изъ трубки k′, смотря по степени наклоненія доски A. Понятно, что для инъекціи какого нибудь органа или части тѣла слѣдуетъ соединить k′ съ трубочкою, которая ввязана въ кровеносный или лимфатическій сосудъ.

Я еще долженъ прибавить, что шаръ F соединенъ съ сосудомъ D съ той цѣлью, чтобы пространство, образовавшееся въ F, по мѣрѣ

переливанія ртути въ F′, могло пополняться внѣшнимъ воздухомъ, который свободно входитъ въ сосудъ D чрезъ сквозную трубку c′. Для того, чтобы ртуть, при переливаніи изъ одного шара въ другой, не могла попасть ни въ трубку E ни E″, то къ горлышкамъ a, b′ придѣланы сквозныя трубочки z, z′, загнутыя на свободныхъ концахъ.

Аппаратъ имѣетъ еще ту выгоду, что имъ можно наполнить пустую бутылку H инъекціонною массою; для этой цѣли погружаютъ одинъ конецъ какой либо эластической трубки въ инъекціонную массу, а другой соединяютъ съ k′, и наклоняютъ доску A такъ, чтобы шаръ F′, наполненный ртутью, стоялъ выше чѣмъ шаръ F. Понятно, почему бутылка въ данномъ случаѣ наполняется инъекціонною массою.

На бумагѣ этотъ аппаратъ кажется довольно сложнымъ, но на дѣлѣ онъ проще аппарата Людвига. Его можно заказать за 15—20 ₰. у механика Heinitz'a въ Вѣнѣ — Taubstummengasse № 10.

Вотъ общій очеркъ того, въ чемъ я успѣлъ во время моего краткаго пребыванія въ Вѣнѣ; затѣмъ, согласно совѣту Н. И. Пирогова, я отправился въ Цюрихъ.

Имѣя въ виду изучить за границей преимущественно хирургическую патологію, я не могъ избрать лучшаго мѣста, какъ Цюрихъ, гдѣ я у проф. Бильрота нашелъ ничѣмъ и нигдѣ незамѣнимыя и истинно драгоцѣнныя пособія. Я пріѣхалъ въ Цюрихъ, когда начались уже весеннія каникулы, которыя продолжаются почти шесть недѣль. Хотя всѣ лекціи въ университетѣ были закрыты, но это время провелъ я не безъ пользы. Благодаря любезности Бильрота, я получилъ удобное мѣсто въ его кабинетѣ при клиникѣ для микроскопическихъ изслѣдованій патологическихъ препаратовъ, которыми онъ снабдилъ меня въ большомъ количествѣ; препараты были по большей части инъецированы. Кромѣ того, онъ былъ такъ обязателенъ, что содѣйствовалъ мнѣ своими совѣтами при моихъ занятіяхъ въ экспериментальной патологіи.

Въ продолженіе этого времени я изслѣдовалъ микроскопомъ: 1) Процессъ воспаленія роговой оболочки въ разныхъ періодахъ; для этой цѣли я продѣвалъ нитку чрезъ роговую оболочку живаго кролика и изслѣдовалъ сію послѣднюю послѣ извѣстнаго времени. 2) Искусственно произведенные тромбусы въ венахъ у собакъ; я не въ правѣ описать опыты, которые сдѣланы проф. Бильротомъ для этой цѣли, такъ какъ онъ теперь спеціально занимается этимъ вопросомъ и вѣроятно его результаты будутъ скоро напечатаны.

3) Заживленіе первымъ сращеніемъ, начиная отъ 4-го дня раненія до образованія рубца; подобные препараты какъ и патологическія опухоли я получалъ изъ патологическаго музеума проф. Бильрота. Изъ значительнаго количества приготовленныхъ мною микроскопическихъ препаратовъ, особенно наглядны тѣ, которые взяты изъ инъецированныхъ фиброидовъ, эпителіумовъ, остроконечныхъ кондиломъ и роговой оболочки въ воспалительномъ состояніи. Всѣ вышеупомянутыя изслѣдованія служили мнѣ только къ изученію тѣхъ данныхъ, которыя уже давно извѣстны; но я также приложилъ особенное стараніе къ изученію образованія кровеносныхъ сосудовъ при заживленіи ранъ. Этотъ вопросъ, занимающій меня и въ настоящее время, принадлежитъ, какъ и многіе вопросы въ наукѣ, къ числу тѣхъ, которые уже давно занимали умы многихъ ученыхъ; но, не смотря на это, я надѣюсь, что новѣйшій способъ инъекціи дастъ мнѣ возможность ступить на новую, болѣе широкою дорогу къ разработыванію этого важнаго вопроса. Nec illi nato post mille secula praecluditur occasio aliquid adjiciendi.

Кромѣ моихъ теоретическихъ занятій по хирургической патологіи я ежедневно посѣщалъ клинику во время визитаціи больныхъ проф. Бильротомъ и присутствовалъ при операціяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ продолженіи каникулъ.

Хирургическая клиника Бильрота отличается преимущественно удобствами для больныхъ; въ ней не видать ни педантической чистоты, ни лишней роскоши, которыя только стѣсняютъ больныхъ, но за то пища отличная и воздухъ какъ нельзя лучше. Наконецъ обхожденіе профессора и ассистентовъ съ больными безъ всякой натяжки, и больной совершенно не чувствуетъ, что онъ находится въ публичномъ заведеніи. Въ упомянутой клиникѣ находятся три отдѣленія: мужская для 45-ти кроватей, женская для 20-ти и дѣтская для 10-ти. Замѣчательно еще то, что всякій интересный больной обязывается по выздоровленіи писать отъ времени до времени директору клиники о состояніи *своего* здоровья, или же лично явиться, если профессоръ этого пожелаетъ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ разъ проф. Бильротъ отправилъ 50 писемъ въ день къ своимъ клиническимъ паціентамъ, и затѣмъ ежедневно являлись бывшіе больные изъ разныхъ кантоновъ или же прислали письменные отвѣты. Это постановленіе весьма важно для составленія статистическихъ отчетовъ и достойно подражанія не только для нашихъ клиникъ, но и для всѣхъ гражданскихъ госпиталей въ Имперіи.

Я оставляю для будущаго моего отчета описаніе клинической дѣятельности проф. Бильрота, надѣясь поближе съ нею познакомиться во время наступающаго лѣтняго семестра. Въ заключеніе я хочу еще передать замѣчательнѣйшую операцію изо всѣхъ, которыя были сдѣланы въ клиникѣ во время каникулъ.

Яковъ Голенштейнъ, каретникъ, 29-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ клинику 28-го марта н. с.. въ 6-ть часовъ пополудни.

Восемь днѣй тому назадъ больной заболѣлъ отъ неизвѣстной причины; у него сначала показалась боль живота, особенно въ сторонѣ пупка, затѣмъ рвота съ изверженіемъ фекальныхъ массъ, запоръ на низъ, наконецъ онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ больше держаться на ногахъ, и его принесли въ клинику. До поступленія въ клинику ему приставлены были піявки къ животу, внутрь назначено было какимъ-то врачемъ opium въ порошкахъ. Больной разсказываетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ заболѣлъ ущемленіемъ грыжи въ правомъ паховомъ каналѣ; послѣ удачнаго вправленія ея онъ скоро выздоровѣлъ и до настоящаго времени ничѣмъ не страдалъ.

Въ настоящее время при изслѣдованіи оказывается, что больной крѣпкаго тѣлосложенія; въ сторонѣ праваго паха видна незначительная опухоль, мягкая на ощупь, наружные покровы не измѣнены и при перкуссіи этой опухоли будто слышенъ тимпаническій тонъ.

На основаніи выше сказаннаго проф. Бильротъ предполагаетъ въ данномъ случаѣ ущемленную грыжу въ правомъ паховомъ каналѣ и приступаетъ безъ отлагательства къ операціи herniotomiæ, такъ какъ жизнь больнаго находится въ опасности. Разрѣзъ наружныхъ покрововъ и вскрытіе грыжеваго мѣшка производились lege artis, но въ мѣшкѣ больше ничего не нашли, какъ только малый кусокъ сальника, приросшаго къ стѣнкамъ. Послѣ этого осталось предполагать или заворотъ кишекъ, или ущемленіе петли кишки внутри брюшной полости. Не теряясь въ догадкахъ, проф. Бильротъ удлиняетъ сдѣланный разрѣзъ вверхъ чрезъ брюшныя стѣнки, доходя до средины линіи, проведенной между пупкомъ и Spin. os. il. ant. sup. Чрезъ сдѣланное отверстіе выступаетъ большая петля тонкой кишки, темно-краснаго цвѣта, чрезмѣрно растянутая газами. Для отыскиванія ущемленной части вытянута была наружу почти половина тонкихъ кишекъ; наконецъ удалось найти какое-то отверстіе внутри брюшной полости, въ которомъ была ущемлена

петля кишки. Въ то время, когда старались освободить ее, она разорвалась, и изъ нее вышло большое количество жидкаго испражненія, что значительно облегчило дальнѣйшій ходъ операціи. Можно было тогда видѣть, какъ одна петля кишекъ ущемилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовалось отверстіе отъ сращенія корня брыжейки съ близлежащею петлею тонкой кишки въ видѣ плотной перекладины. Когда эта перекладина была перерѣзана, ущемленная часть освободилась и видно было, что вокругъ разорваннаго мѣста, кишка была поражена гангреною; ясно, что въ данномъ случаѣ нельзя было наложить кишечный шовъ. Вправивъ кишки, Бильротъ сдѣлалъ искусственный свищъ для выдѣленія кала, сшивъ сравненные края отверстія кишки съ краями раны брюшной стѣнки. Операція продолжалась почти $1^1/_2$ часа, кровотеченіе было незначительное, больной легко былъ приведенъ въ чувство послѣ наркотизаціи.

29-го марта. Послѣ операціи больной жаловался на общую слабость и тошноту; пульсъ малъ и ускоренъ; температура 36,7. Ему назначено горячее кофе, бульонъ и вино. Къ вечеру показался collapsus, конечности охладѣли; назначено Moschus gr. IV, pro dosi gr. j. чрезъ часъ принимать.

30-го марта. Ночью больной былъ спокоенъ, но не спалъ; сегодня пульсъ полнѣе, тошнота прошла, кишечное испражненіе выходитъ въ большомъ количествѣ чрезъ фистулу. Температура 37,0. Къ вечеру того же дня пульсъ значительно упалъ, температура 36,0. Назначено: Moschus gr. jj pro dosi, подкожная инъекція морфія gr. $^1/_8$ и теплыя припарки къ ногамъ.

31-го марта. Больной спалъ ночью часа два, общее состояніе хуже, температура 35,5. Онъ принимаетъ Moschus чрезъ полчаса по gr. jj и послѣ каждаго пріема полъ-стакана крѣпкаго вина. Къ вечеру температура 34,0.

Въ слѣдующіе затѣмъ четыре дни состояніе больнаго было то лучше, то хуже; къ утру температура возвышается до 36,0, а къ вечеру понижается до 35,3.

5-го апрѣля. Больной находится въ апатическомъ состояніи, на предложенные ему вопросы онъ неохотно отвѣчаетъ и пищи не принимаетъ. Пульсъ слабъ и скоръ, температура 34,0; края раны гангренозны, по удаленіи швовъ они разошлись, и изъ зіяющаго отверстія раны вытекаетъ эксудатъ изъ брюшной полости. Больной

получаетъ три раза въ день по стакану пуншу и продолжаетъ принимать Moschus.

6-го апрѣля. Въ 7-мь часовъ утра больной скончался.

Вскрытіе сдѣлано профессоромъ патологіи Эбертомъ 6-го апрѣля н. с. въ $11^1/_2$ часовъ утра.

Субъектъ тѣлосложенія крѣпкаго, мускулы въ окоченѣніи, вокругъ пупка синеватыя пятна отъ укушенія приставленныхъ піявокъ. Начиная отъ средины правой паховой складки вверхъ и наружу отъ бѣлой линіи видна рана длиною 18ctm шириною 4ctm. Въ глубинѣ раны находится петля вскрытой кишки. Сосѣдственные мускулы и другія мягкія части, ограничивающіе рану, относительно нормальны, мѣстами только они гнойно инфильтрованы. Peritoneum какъ viscerale, такъ и parietale въ сильной степени инфильтрованъ. Omentum majus плотно приросъ къ стѣнкамъ живота по лѣвой сторонѣ и къ одной петли тонкихъ кишекъ. Вся брюшина, покрывающая тонкія кишки, сильно налита; кишки по большей части склеены между собою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты гнойной жидкостію. У корня брыжейки видно сращеніе съ близлежащею петлею тонкой кишки въ видѣ перекладины, которая перерѣзана пополамъ.

Малый кусокъ сальника вросъ въ fos. epig. exter.

Селезенка немного увеличена въ поперечномъ разрѣзѣ; мякоть плотна, темно-краснаго цвѣта; мальпигіевы тѣльца находятся въ большомъ количествѣ.

Печень срощена съ діафрагмою и сосѣдственными кишками; правая доля печени немного утолщена, паренхима почти нормальна и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно инъецирована. Обѣ почки припухши и переполнены кровью.

Въ грудной полости верхушки легкихъ срощены съ стѣнками грудной клѣтки; изъ лѣвой вѣтви дыхательнаго горла изливается немного слизистой жидкости; слизистая оболочка его слегка инъецирована. Всѣ остальные органы не представляютъ ничего ненормальнаго.

Цюрихъ, $^{20}/_{8}$ апрѣля 1866 года.

29) Приватъ-доцента И. Смирнова.

(За январь, февраль и мартъ 1866 года).

Въ предъидущемъ своемъ отчетѣ я имѣлъ честь донести департаменту народнаго просвѣщенія о началѣ своихъ занятій по

земному магнетизму въ Мюнхенской обсерваторіи (въ Богенгаузенѣ) у проф. Ламона. Въ настоящее время я почти что окончилъ эти занятія и потому нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ способовъ здѣшней магнитной обсерваторіи, которые не употребляются въ русскихъ обсерваторіяхъ.

Въ магнитныхъ инструментахъ необходимо, чтобы мѣдь была безъ примѣси желѣза; но это условіе весьма трудно выполнить, потому что всѣ инструменты обработываются желѣзомъ, и часть желѣза всегда остается на мѣди. Кромѣ того, литейщикъ, не смотря на его желаніе, не въ состояніи выдѣлить все желѣзо изъ мѣди; поэтому наблюдатель можетъ получить неудовлетворительные результаты даже инструментомъ, сдѣланнымъ механикомъ-спеціалистомъ. Чтобы не придти въ отчаяніе отъ неудачи и не винить себя въ ея причинахъ, наблюдатель прежде всего долженъ изслѣдовать свой инструментъ.

Такъ какъ въ бо́льшей части инструментовъ желѣза находится незначительное количество, то имъ можно и пренебречь, если оно расположено симметрично въ отношеніи магнитной стрѣлки; но если, къ сожалѣнію, желѣзо заключается въ одной или двухъ точкахъ, то тогда изслѣдованіе инструмента должно рѣшить вопросъ: годенъ инструментъ или нѣтъ? Положимъ, что это инструментъ для опредѣленія магнитныхъ склоненій; для его изслѣдованія установимъ инструментъ въ надлежащемъ положеніи и опредѣляемъ склоненіе. Пусть подъемные винты 1, 2 и 3-й лежатъ соотвѣтственно въ точкахъ a, b, c; опредѣливъ склоненіе, поправимъ его отъ измѣненій $\begin{matrix} a \\ \cdot \\ c \end{matrix} \begin{matrix} b \\ \cdot \\ \cdot \end{matrix}$ склоненія во время наблюденій и приведемъ къ какому нибудь опредѣленному стоянію варьяціоннаго инструмента. Потомъ опредѣлимъ склоненіе, когда подъемные винты 1, 2 и 3-й лежатъ соотвѣтственно въ точкахъ b, c, a; въ третій разъ сдѣлаемъ опредѣленіе склоненія, когда подъемные винты 1, 2 и 3-й лежатъ соотвѣтственно въ точкахъ c, a, b. Поправивъ каждое отдѣльное наблюденіе отъ измѣненія склоненія и приведя вычисленное склоненіе къ одному и тому же стоянію варьяціоннаго инструмента, сличеніе результатовъ дастъ понятіе о годности инструмента. Если разности результатовъ болѣе случайныхъ погрѣшностей наблюденія, то инструментъ долженъ быть брошенъ. Бросить инструментъ!— но инструментъ очень дорогъ; поэтому, чтобы не бросать денегъ, одно средство—не выписывать инструмента: хорошій инструментъ можно купить только на мѣстѣ; а еще лучшій инструментъ и бо-

лѣе дешевый можно получить тогда, когда наблюдатель умѣетъ его самъ сдѣлать...

Въ варьяціонныхъ инструментахъ нужно только, чтобы въ магнитномъ домикѣ не было желѣза, особенно въ мѣстахъ около полюсовъ стрѣлки. Въ инструментахъ Ламона это условіе выполняется тѣмъ, что эти части домика сдѣланы изъ стекла.

Варьяціонные инструменты Ламона состоятъ изъ слѣдующихъ трехъ частей:

1) изъ толстаго мѣднаго кольца, въ которомъ находятся три подъемныхъ винта для установки инструмента;

2) изъ мѣднаго магнитнаго домика abcd (фиг. 1) съ мѣдной высокой трубкой. Когда магнитная стрѣлка съ зеркаломъ (фиг. 2) вставлена въ свое мѣсто (для чего инструментъ опрокидывается), къ винтовому полуцилиндру abc прикрѣпляется ef и въ отверстіе ввинчиваются—

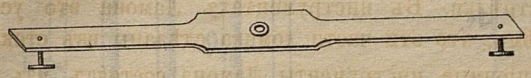
3) двѣ стеклянныхъ трубочки gg, служащія отлетомъ магнитнаго домика.

Слѣдовательно, если даже мѣдь этого инструмента и содержитъ желѣзо, то вліяніе его незначительно; ибо оно находится около точки безразличія магнитной стрѣлки. Къ тому же это вліяніе, равно какъ и вліяніе желѣза, находящагося въ мѣдномъ кругѣ, вносится въ выраженіе, по которому вычисляется величина одного дѣленія шкалы.

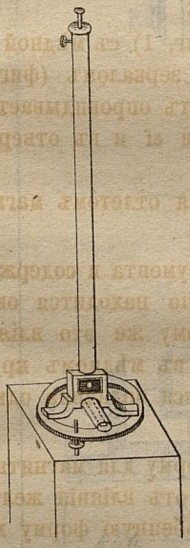
Въ теодолитахъ Ламонъ сохраняетъ ту же форму для магнитнаго домика и чтобы еще болѣе обезопасить себя отъ вліянія желѣза, находящагося въ инструментѣ, онъ даетъ особенную форму магнитной стрѣлкѣ. Изъ употребительныхъ формъ магнита: цилиндрической, параллелепипедической и пластинчатой, при одномъ и томъ же вѣсѣ, наибольшая сила принадлежитъ пластинчатому магниту. Такъ, если черезъ 1 означимъ моментъ свободнаго магнетизма цилиндрическаго магнита, то магнитный моментъ параллелепипедическаго магнита увеличивается отъ 0.9315, съ уменьшеніемъ толщины, и для пластинчатаго магнита бываетъ болѣе 1.0617; магнитный моментъ стрѣлки еще болѣе увеличится, если мы составимъ ее изъ нѣсколькихъ пластинчатыхъ магнитовъ, обращенныхъ одноименными полюсами въ одну и ту же сторону. Слѣдовательно, употребляя такую стрѣлку, можно надѣяться получить утѣшительные результаты даже въ такомъ случаѣ, когда инструментъ съ цилиндрической

Фиг. 1.

Фиг. 2.

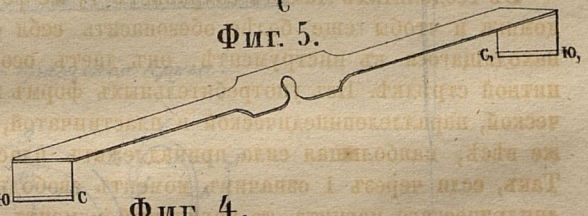


Фиг. 3.

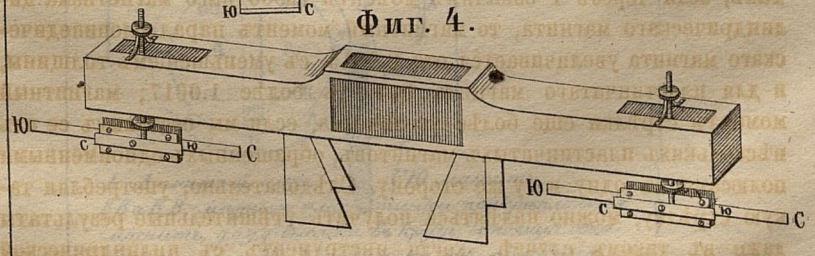


Фиг. 6.

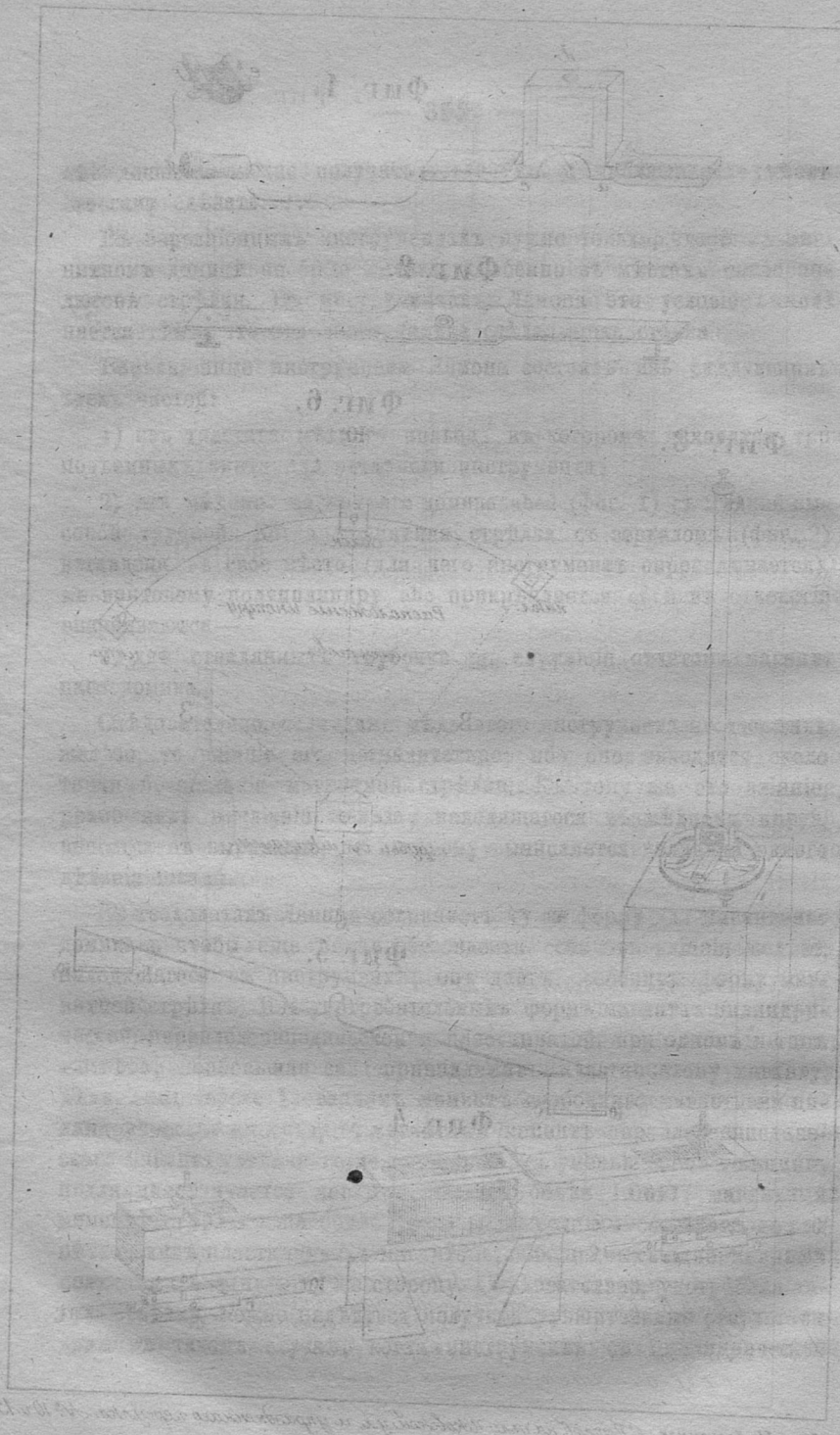
Фиг. 5.



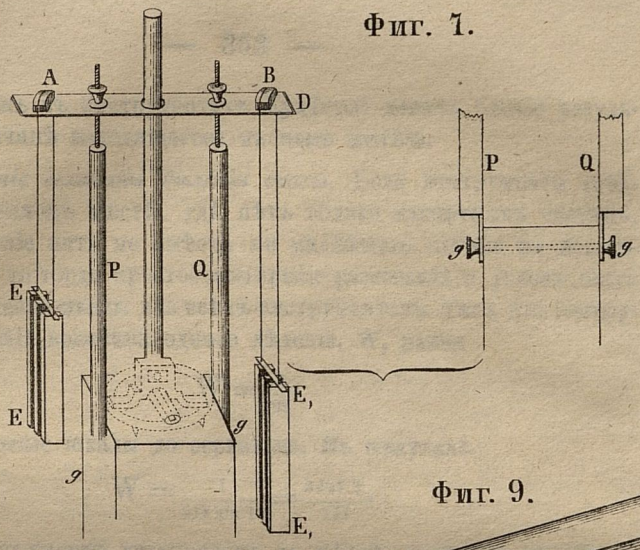
Фиг. 4.



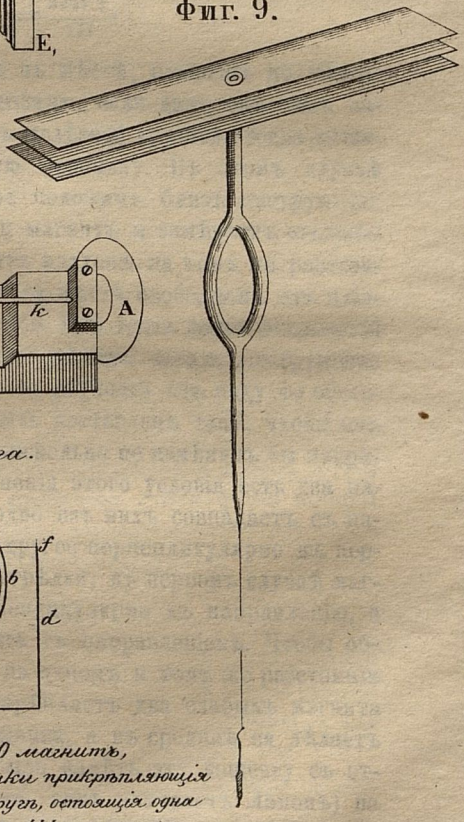
Лит. И. Лаппингъ, С.Петерб. на углу Псковской ул. и упраздненнаго переулка № 10 и 15.



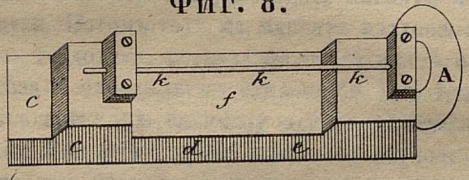
Фиг. 7.



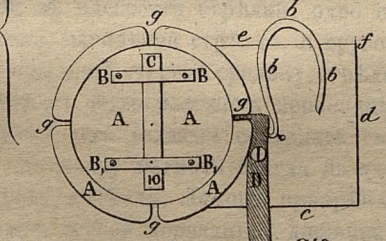
Фиг. 9.



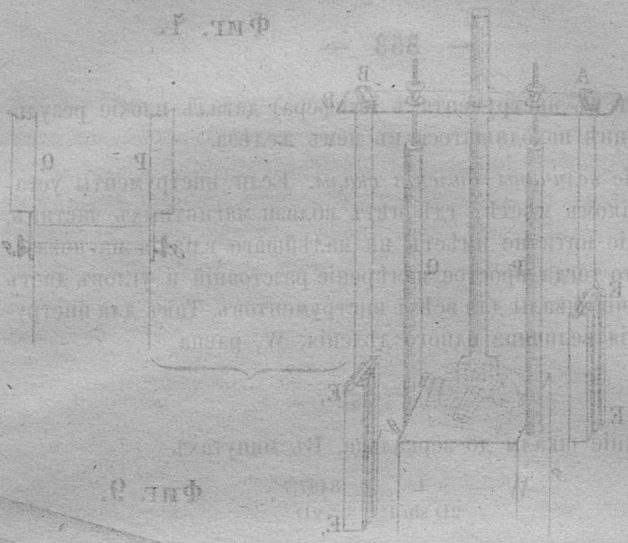
Фиг. 8.

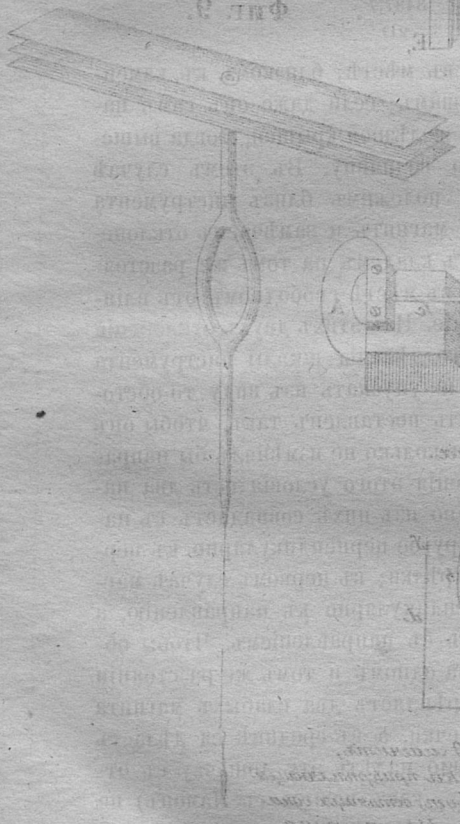


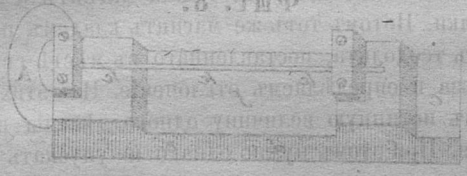
kkk - ось вращенія круга.

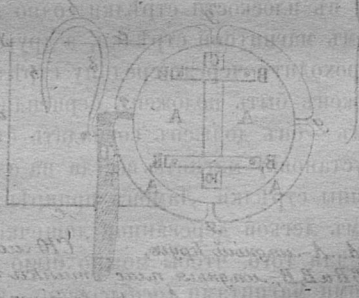


A...A - мѣдный кругъ, СЮ магнитъ, BB и B,B, - мѣдныя пластинки прикрѣпляющія магнитъ, g,g,g,g - выемки въ кругѣ, остоящія одна отъ другой на 90°, Д - рычажекъ, bbb - пружина, c d ef - деревяшка, на которой укрѣпленъ кругъ.


A
B
C
D
E
F




A
B
C


A
B
C
D

стрѣлкой (какъ въ инструментахъ Купфера) давалъ плохіе результаты, по причинѣ находящагося въ немъ желѣза.

Опредѣленіе величины дѣленія скалы. Если инструменты установлены въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ вблизи магнитныхъ частицъ, и если кручение нити не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на показанія стрѣлки, то тогда простое измѣреніе разстояній и угловъ дастъ величину дѣленія шкалы для всѣхъ инструментовъ. Такъ для инструмента склоненія величина одного дѣленія, W, равна

$$W = \frac{1}{22},$$

гдѣ D разстояніе шкалы до зеркальца. Въ минутахъ

$$W = \frac{1}{2D \sin 1'} = \frac{3437.7}{2D}.$$

Но, если инструментъ установленъ въ мѣстѣ, близкомъ къ каменнымъ зданіямъ, къ желѣзнымъ крышамъ; если даже онъ самъ находится въ каменномъ домѣ и подъ желѣзной крышей, тогда вышеупомянутый способъ дастъ ложную величину. Въ этомъ случаѣ нужно поступить иначе, а именно: положимъ близъ инструмента склоненія на извѣстномъ разстояніи магнитъ и замѣчаемъ отклоненіе стрѣлки. Потомъ тотъ же магнитъ кладемъ на томъ же разстояніи близъ теодолита, поставленнаго въ мѣстѣ свободномъ отъ вліянія желѣза и опредѣляемъ отклоненіе. Изъ этихъ двухъ отклоненій получаемъ истинную величину одного дѣленія шкалы инструмента склоненія. При этомъ нужно однако не упускать изъ виду то обстоятельство, что магнитъ долженъ быть поставленъ такъ, чтобы онъ производилъ только отклоненіе, но нисколько не измѣнялъ бы направляющей силы стрѣлки. Для выполненія этого условія есть два направленія въ плоскости стрѣлки: одно изъ нихъ совпадаетъ съ направленіемъ магнитной стрѣлки, а другое перпендикулярно къ первому и проходитъ черезъ средину стрѣлки; въ первомъ случаѣ магнитъ долженъ быть положенъ перпендикулярно къ направленію, а во второмъ — онъ долженъ совпадать съ направленіемъ. Чтобы облегчить установку магнита всегда на одномъ и томъ же разстояніи отъ средины стрѣлки, Ламонъ прикрѣпляетъ два слабыхъ магнита къ концамъ легкой деревянной дощечки, а въ срединѣ ея дѣлаетъ отверстіе для того, чтобы можно было надѣть эту дощечку съ отклоняющими магнитами (*дефлекторъ*, какъ называетъ Ламонъ) на магнитный домикъ инструмента (фиг. 2). Самый способъ опредѣ-

ленія дѣленія шкалы состоитъ въ слѣдующемъ: замѣчаемъ сначала положеніе стрѣлки, m, потомъ накладываемъ дефлекторъ на магнитный домикъ такъ, чтобы направленіе его было перпендикулярно направленію стрѣлки, и замѣчаемъ положеніе стрѣлки n, отсюда опредѣляемъ отклоненіе.

Примѣръ. 5-го декабря 1865 года на сѣверной сторонѣ обсерваторіи, во второмъ домикѣ, инструментъ показалъ:

		m	=	71.0 дѣленій
при дефлекторѣ, конецъ	A на право	n	=	117.5 »
»	A » лѣво	n	=	24.8 »
»	A » право	n	=	117.3 »
»	A » лѣво	n	=	24.6 »
	безъ дефлектора	m	=	71.2 »

Отсюда среднее отклоненіе равно 46.35 дѣленій шкалы.

Уставивъ на другой день въ домикѣ, служащемъ для опредѣленія абсолютнаго склоненія, получили среднее отклоненіе отъ дефлектора равнымъ 32′.3. Слѣдовательно величина одного дѣленія равна 32′.3 : 46.35 = 0′.6969. Чтобы избавить себя отъ постоянной редукціи, нужно сдѣлать другую шкалу, одно дѣленіе которой равнялось бы точно одной минутѣ. Для этого нужно длину 46.35 дѣленій раздѣлить на 32.3 части, или, что все равно, длину 14.35 дѣленій прежней шкалы раздѣлить на 10 частей, что при помощи дѣлительной машины не составитъ ни малѣйшаго затрудненія.

Для измѣренія измѣненій горизонтальной напряженности земнаго магнетизма существуетъ два инструмента: бифилярный магнетометръ Гаусса и магнетометръ съ отклоняющими магнитами Ламона. Первый инструментъ занимаетъ очень много мѣста и требуетъ постоянства температуры не только въ теченіе сутокъ, но и въ теченіе года; а потому для него нужно устроить обсерваторію подъ землей, гдѣ температура постоянная. Если же температура измѣняется, нужно вносить поправку въ показанія инструмента — а поправки, какъ извѣстно, всегда сами болѣе или менѣе сомнительны. Инструментъ же Ламона можетъ быть установленъ во всякомъ мѣстѣ и можетъ подвергаться какимъ угодно измѣненіямъ температуры; ибо показанія его не зависятъ отъ измѣненія температуры. Инструментъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей:

1) изъ инструмента склоненія (фиг. 3).

2) изъ деревянной шины, которая надѣвается на магнитный домикъ инструмента склоненія. На обоихъ концахъ шины находится по магниту съ компенсаціей (фиг. 4).

Компенсація магнитовъ заключается въ томъ, что къ главнымъ магнитамъ СЮ и $C_1Ю_1$ прикладываются слабые магниты сю и $с_1ю_1$. Если магнитный моментъ главнаго магнита $= M$, и его коэффиціентъ температуры $= \alpha$, магнитный моментъ прибавочнаго магнита $= M_1$, его коэффиціентъ температуры $= \alpha_1$, тогда магнитный моментъ сложнаго магнита

$$= M(1 - \alpha t) - M_1(1 - \alpha_1 t), \text{ или}$$

$$= M - M_1 - (\alpha M - \alpha_1 M_1)t.$$

Чтобы сдѣлать моментъ сложнаго магнита независимымъ отъ измѣненій температуры, нужно, чтобы $\alpha M - \alpha_1 M_1 = 0$.

Это достигается слѣдующимъ образомъ: установивъ шину на инструментѣ перпендикулярно къ стрѣлкѣ, замѣчаютъ показанія стрѣлки; передвигая шину на магнитномъ домикѣ инструмента вправо и влѣво, мы замѣчаемъ, что вмѣстѣ съ движеніемъ шины движется и стрѣлка инструмента; поэтому нужно поставить шину въ такомъ положеніи, при которомъ стрѣлка инструмента показываетъ наименьшее отклоненіе отъ магнитнаго меридіана. Окончивъ это, подставимъ подъ одинъ изъ магнитовъ сосудъ сначала съ холодной водой; если въ обоихъ случаяхъ показанія будутъ, тогда значитъ, что $\alpha M - \alpha_1 M_1 = 0$; въ противномъ случаѣ нужно моментъ прибавочнаго магнита или немного ослабить или немного увеличить (прибавочный магнитъ синій, главный очень жесткій, поэтому α и α_1, M и M_1 — различны). Чтобы узнать, что̀ нужно сдѣлать, выгодно поставить прибавочный магнитъ во время этихъ операцій подъ небольшимъ угломъ къ главному магниту.

Сдѣлавъ показанія инструмента независимыми отъ измѣненій температуры, нужно сдѣлать еще, чтобы показанія его не зависѣли отъ мѣстныхъ вліяній (желѣза окружающихъ стѣнъ, крученія нити). Для этого нужно внести эти вліянія въ величину дѣленій шкалы, т. е. дать одному дѣленію шкалы такое значеніе, чтобы показанія стрѣлки инструмента, выраженныя числомъ дѣленій этой шкалы, давали истинныя измѣненія горизонтальной напряженности земнаго магнетизма.

Здѣсь, для избѣжанія взаимной индукціи, употребляется другой дефлекторъ (фиг. 5) при опредѣленіи величины одного дѣленія

шкалы. Этотъ дефлекторъ, точно также какъ и первый, нужно поставить въ такомъ положеніи, чтобы онъ не могъ вліять на направляющую силу стрѣлки инструмента; слѣдовательно его нужно поставить въ направленіи стрѣлки, причемъ магниты дефлектора должны быть поставлены перпендикулярно къ длинѣ дефлектора. Способъ опредѣленія величины дѣленія шкалы слѣдующій. Пусть стрѣлка подъ вліяніемъ силы P, которая есть совокупность силъ крученія нити и мѣстнаго желѣза, дѣлаетъ уголъ ψ съ магнитнымъ меридіаномъ, и пусть истинная горизонтальная напряженность земнаго магнетизма $= X$, дѣйствительная же горизонтальная сила въ обсерваторіи $= pX$ и уголъ отклоненія $= \varphi$; тогда положеніе равновѣсія стрѣлки обусловливается слѣдующимъ уравненіемъ:

$$pX \sin \varphi = P \sin (\psi - \varphi) \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (1)$$

Если поставимъ на инструментъ дефлекторъ, то онъ измѣнитъ положеніе стрѣлки на величину $h_1\varepsilon_1$ (h_1 — число дѣленій шкалы, ε_1 — величина одного дѣленія). И такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣйствующихъ силъ три: pX, P и сила магнитовъ дефлектора, то для равновѣсія стрѣлки нужно, чтобы сумма моментовъ этихъ силъ была равна нулю, т. е. чтобы

$$pX \sin \varphi = P \sin (\psi - \varphi) + \mu \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (2)$$

Чтобы узнать моментъ силы дефлектора, μ, поставимъ дефлекторъ на инструментъ склоненія, точно также какъ онъ былъ на инструментѣ напряженности, и замѣчаемъ отклоненіе стрѣлки $h\varepsilon$ (h — число дѣленій, ε — величина одного дѣленія шкалы инструмента склоненія).

Тогда $$\mu = X \sin h\varepsilon,$$

или, по малости угла $h\varepsilon$,

$$\mu = Xh\varepsilon \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (3)$$

Принявъ $\sin h_1\varepsilon_1 = h_1\varepsilon_1$ и $\cos h_1\varepsilon_1 = 1$, изъ уравненій (1), (2) и (3) получаемъ:

$$\frac{pX \cos \varphi + P \cos (\psi - \varphi)}{X} = \frac{h\varepsilon}{h_1\varepsilon_1} \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (4)$$

Когда X измѣняется въ $X + \delta X$, и φ соотвѣтственно въ $\varphi + \delta\varphi$, тогда (1) напишется:

$$p(X + \delta X) \sin (\varphi + \delta\varphi) = P \sin (\psi - \varphi - \delta\varphi) \quad . \quad (5)$$

Вычитая отсюда (1), получаемъ измѣненіе горизонтальной силы въ частяхъ этой силы:

$$p\frac{\delta X}{X} = \frac{-[pX\cos\varphi + P\cos(\psi-\varphi)]}{X\sin\varphi}\delta\varphi;$$

вставивъ вмѣсто $\frac{pX\cos\varphi + P\cos(\psi-\varphi)}{X}$ ея величину изъ (4), получаемъ:

$$\frac{\delta X}{X} = -\frac{h\varepsilon}{ph_1\varepsilon_1\sin\varphi}\delta\varphi \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (6)$$

Здѣсь предполагалось, что магнитный меридіанъ не измѣняется; но пусть онъ измѣнился, тогда это измѣненіе произвело измѣненіе и въ инструментѣ напряженности на величину $\delta_1\varphi$; пусть при этомъ измѣняется также и горизонтальная сила на величину $\delta\varphi$. Стрѣлка въ инструментѣ напряженности, подъ вліяніемъ этихъ двухъ измѣненій, подвинется на n_1 дѣленій шкалы и

$$n_1\varepsilon_1 = \delta\varphi + \delta_1\varphi \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (7)$$

Вслѣдствіе измѣненія положенія меридіана, стрѣлка въ инструментѣ склоненія двигается на $n\varepsilon$ дѣленій. Это движеніе можно разсматривать такъ, какъ будто оно произошло вслѣдствіе силы $X\sin n\varepsilon$ или $Xn\varepsilon$, дѣйствующей перпендикулярно къ магнитному меридіану или подъ угломъ $90^0 - \varphi$ къ стрѣлкѣ инструмента напряженности; поэтому величина $\delta_1\varphi$ опредѣляется изъ уравненія.

$$pX\sin(\varphi + \delta_1\varphi) = P\sin(\psi - \varphi - \delta_1\varphi) + Xn\varepsilon\cos\varphi,$$

которое произошло изъ (1) измѣненіемъ φ на $\varphi + \delta_1\varphi$ и прибавкой къ нему момента силы, произведшаго измѣненіе склоненія. По малости $\delta_1\varphi$, это уравненіе принимаетъ видъ:

$$[pX\cos\varphi + P\cos(\psi-\varphi)\,\delta_1\varphi = Xn\varepsilon\cos\varphi].$$

Отсюда

$$\frac{[pX\cos\varphi + P\cos(\psi-\varphi)]}{X}\delta_1\varphi = n\varepsilon\cos\varphi, \text{ или}$$

$$\frac{h\varepsilon}{h_1\varepsilon_1}\delta_1\varphi = n\varepsilon\cos\varphi, \text{ или}$$

$$\delta_1\varphi = n\varepsilon\cos\varphi.\frac{h_1\varepsilon_1}{h\varepsilon}.$$

Вставляя это выраженіе въ уравненіе (7), получаемъ

$$\delta\varphi = n_1\varepsilon_1 - n\varepsilon\cos\varphi.\frac{h_1\varepsilon_1}{h\varepsilon}.$$

Вставляя это выраженіе въ уравненіе (6), получаемъ

$$\frac{\delta X}{X} = \frac{h\varepsilon}{ph_1\varepsilon_1 \sin \varphi}\left(n\varepsilon \cos \varphi . \frac{h_1\varepsilon_1}{h\varepsilon} - n_1\varepsilon_1\right), \text{ или}$$

$$\frac{\delta X}{X} = \frac{\varepsilon \sin 1'}{tg\ \varphi}\left[n - n_1 \frac{h}{ph_1 \cos \varphi}\right], \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (8)$$

гдѣ величина ε выражена въ минутахъ. Въ этой формулѣ, которая служитъ для опредѣленія измѣненій горизонтальной составляющей силы земнаго магнетизма, n дается изъ отчета на шкалѣ инструмента склоненія, n_1 — изъ отчета на шкалѣ инструмента напряженности, ε, p, φ, h, h_1 опредѣляются предварительно.

Мы уже видѣли, какъ опредѣляется величина ε, и видѣли, что ее полезно сдѣлать = 1′; для опредѣленія же угла φ нужно установить теодолитъ въ мѣстѣ свободномъ отъ вліяній желѣза и поставить на него шину съ отклоняющими магнитами (фиг. 4). Передвигая шину вправо и влѣво, мы найдемъ наименьшій уголъ отклоненія. Этотъ уголъ и есть φ. Для опредѣленія p нужно опредѣлить горизонтальную напряженность два раза: одинъ разъ тамъ, гдѣ хотимъ установить варьяціонный инструментъ напряженности, и во второй разъ тамъ, гдѣ нѣтъ желѣза. Первое опредѣленіе даетъ pX, второе — X, и отношеніе этихъ величинъ дастъ p. Величины h и h_1 опредѣляются наложеніемъ на инструменты склоненія и напряженности.

Примѣръ: $\varphi = 57^0\ 49'$, $\varepsilon = 1'$, $h = 35.42$, $h_1 = 65.90$, $p = 0.98605$

$\log \varepsilon = 0.00000$	$\log h = 1.54925$
$\log \sin 1' = 6.46373$	compl. $\log h_1 = 8.18111$
compl. $\log tg\ \varphi = 9.79888$	» » $p = 0.00610$
6.26261	» » $\cos \varphi = 0.27357$
	0.01003

$$\frac{\delta X}{X} = (n - 1.0234\ n_1)\ 1.8307 = (n - n_1)\ 1.8307 - 0.0427\ n_1.$$

Въ этомъ выраженіи измѣненія напряженности даются въ десятитысячныхъ доляхъ горизонтальной напряженности.

Здѣсь нужно еще замѣтить, что магниты на шинѣ инструмента напряженности отклоняютъ стрѣлку отъ меридіана на уголъ φ съ силой $\frac{M}{X}$, гдѣ M — магнитный моментъ системы отклоняющихъ магнитовъ, X — горизонтальная напряженность земнаго магнетизма.

Сила эта уменьшается, когда увеличивается X; поэтому, увеличенію горизонтальной напряженности соотвѣтствуетъ уменьшеніе угла φ. Кромѣ того, нужно еще условиться, какъ поставить числа при дѣленіяхъ шкалы: отъ В къ З или отъ З къ В. Положимъ, что числа дѣленій увеличиваются отъ В. къ З (см. фиг. 6); тогда съ увеличеніемъ X (слѣдовательно съ уменьшеніемъ φ) стрѣлка идетъ отъ меньшихъ чиселъ къ бо́льшимъ, и измѣненія напряженности опредѣляются по выраженію (8). Если же числа дѣленій увеличиваются отъ З къ В, тогда съ увеличеніемъ X стрѣлка идетъ отъ бо́льшихъ чиселъ къ меньшимъ; слѣдовательно здѣсь эти числа надо принимать въ отрицательномъ смыслѣ и потому для такой шкалы выраженіе (8) нужно написать такъ:

$$\frac{\partial X}{X} = -\frac{\varepsilon \sin 1'}{\operatorname{tang} \varphi}\left[n - n_1 \frac{h}{ph_1 \cos \varphi}\right],$$

или

$$\frac{\partial X}{X} = \frac{\varepsilon h \sin 1'}{ph_1 \sin \varphi}\left[n_1 - n \frac{ph_1 \cos \varphi}{h}\right].$$

Для взятаго примѣра это выраженіе будетъ

$$\frac{\partial X}{X} = (n_1 - 0.9772\, n)\ 1.8734 = (n_1 - n)\ 1.8734 + 0.0427 n.$$

И такъ, чтобы опредѣлить измѣненіе горизонтальной силы въ десятитысячныхъ доляхъ этой силы нужно только разность отчетовъ инструмента напряженности и склоненія помножить на постоянный множитель *) и иногда (при магнитныхъ буряхъ) прибавить поправочный членъ.

Варьяціонный инструментъ наклоненія составляется слѣдующимъ образомъ (фиг. 7): обыкновенный инструментъ склоненія ставится на подставку, ширина которой только немногимъ болѣе діаметра круга инструмента, къ столбу прикрѣпляются двѣ мѣдныхъ трубки P и Q винтами gg; къ трубкамъ привинчивается горизонтально деревянная пластинка CD; черезъ деревянныя подставочки A и B перекинуты мѣдныя нити, на которыхъ висятъ желѣзныя пластинки EE и E_1E_1. Чтобы избѣгнуть колебанія пластинокъ, нужно ихъ поставить въ сосудъ съ водой или масломъ (зимой); это необходимо,

*) Числа дѣленій на всѣхъ 3-хъ шкалахъ должны идти въ одну сторону, угловая величина дѣленій для разныхъ шкалъ можетъ быть различна; но, чтобы избѣжать поправочнаго члена, выгодно взять шкалы съ одинаковой угловой величиной, тогда поправочный членъ будетъ зависѣть только отъ мѣстныхъ вліяній.

конечно, только тогда, когда обсерваторія устроена на живую нитку, т. е. когда вѣтеръ проникаетъ внутрь обсерваторіи. Впрочемъ, можно значительно упростить и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить этотъ инструментъ, если системы желѣзныхъ пластинокъ будутъ установлены на особыхъ деревянныхъ подставкахъ; ибо тогда мы избѣгнемъ и колебанія пластинокъ и удлиненія нитей.

Такъ какъ стрѣлка инструмента наклоненія находится весьма близко къ желѣзнымъ пластинкамъ, то она возбуждаетъ магнетизмъ въ этихъ пластинкахъ; магнетизмъ, возбужденный въ пластинкахъ, вліяетъ на движеніе стрѣлки. Чтобы опредѣлить это вліяніе, сдѣлаемъ отчеты при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда положенъ большой магнитъ около трубы перпендикулярно къ направленію стрѣлки; 2) когда этотъ магнитъ снятъ; 3) когда сняты съ инструмента желѣзныя пластинки и магнитъ, который былъ около трубы, а вмѣсто пластинокъ положенъ большой магнитъ въ направленіи перпендикулярномъ къ стрѣлкѣ и проходящемъ черезъ ея средину (третій и второй отчеты должны быть равны, потому что магнитъ кладется съ цѣлію замѣнить моментъ крученія желѣзныхъ пластинокъ); 4) когда, кромѣ этого магнита, положенъ магнитъ около трубы (тотъ же самый какъ и въ первомъ случаѣ). Означимъ отчеты: первый черезъ A, второй черезъ B, третій черезъ C, четвертый черезъ D; и $A - B = m$, отклоненіе измѣненное возбужденіемъ стрѣлки; $D - B = m_1$, истинное отклоненіе. Слѣдовательно, чтобы получить m_1, истинное отклоненіе стрѣлки отъ вліянія земнаго магнетизма, нужно наблюденное отклоненіе, m, умножить на постояннаго множителя, q, который есть

$$q = \frac{m_1}{m}.$$

Примѣръ 16-го декабря 1865 года.

B = 83.7	C = 83.6	m = 8.65	m_1 = 7.35
A = 74.7	D = 76.2	= 8.55	= 7.65
A = 91.9	D = 91.2	= 8.30	= 7.75
B = 83.0	C = 83.5	= 8.20	= 7.75
A = 90.6	D = 75.5	средн. = 8.42	средн. = 7.62
A = 74.1	D = 91.0		
B = 81.6	C = 83.0		

$$q = \frac{m_1}{m} = 0.9050$$

Такъ какъ желѣзныя пластинки, съ которыми получены эти результаты, были только что сдѣланы изъ обыкновеннаго желѣза, встрѣчающагося въ продажѣ, то на другой день онѣ были отварены (охлаждались въ вертикальномъ положеніи). Въ слѣдующіе дни я получилъ:

18-го	декабря	$q = 0.9770$
19-го	»	$q = 0.9765$
20-го	»	$q = 0.9762$
	средн.	$q = 0.9766$

Уменьшеніе коэффиціента возбужденія стрѣлкой сначала происходитъ быстро, а потомъ продолжается незамѣтно въ теченіи мѣсяца и болѣе.

Теперь можно опредѣлить коэффиціентъ возбужденія магнетизма отъ земной силы. Для этого укрѣпляется вертикально надъ стрѣлкой инструмента наклоненія мѣдный кругъ (фиг. 3), куда вставляется магнитъ. Когда этотъ магнитъ стоитъ вертикально, измѣримъ отклоненіе n_0; когда желѣзныя пластинки сняты и ихъ моментъ вращенія замѣщенъ магнитомъ, магнитъ вверху, стоя вертикально, не производитъ никакого отклоненіе. Причина, почему, однако, въ этомъ случаѣ замѣчается небольшое отклоненіе, n_1, лежитъ въ плохой установкѣ вертикальнаго магнита. Когда же верхній магнитъ поставленъ горизонтально, онъ производитъ большое отклоненіе, n_2. Внеся эти величины въ формулу Ллойда (см. Handbuch des Erdm. Ламона, стр. 264), мы получимъ искомый коэффиціентъ. Однако, формула Ллойда не заключаетъ поправки отъ вліянія магнетизма, возбужденнаго стрѣлкой инструмента; поэтому Ламонъ измѣняетъ ее въ слѣдующую:

$$a = \frac{1}{2}\frac{n_0 q - n_1}{n_2}\left[1 - \frac{2.1\lambda^2 + 0.9\lambda_1^2 + 2\lambda_2^2 - 3k^2 + 3h^2}{c^2}\right],$$

гдѣ c означаетъ разстояніе верхняго магнита отъ стрѣлки инструмента, 2λ — длину верхняго магнита, $2\lambda_1$ — длину стрѣлки, $2\lambda_2$ длину желѣзныхъ пластинокъ, $2k$ — разстояніе желѣзныхъ пластинокъ, $2h$ — вертикальное разстояніе срединъ желѣзныхъ пластинокъ.

Изъ этой формулы я получилъ

19-го	декабря	$a = 0.1839$
21-го	»	$a = 0.1855$
	средн.	$a = 0.1847$

Коэффиціентъ возбужденія, a, означаетъ моментъ вращенія стрѣлки отъ дѣйствія магнетизма пластинокъ, возбужденнаго вертикальной силой земнаго магнетизма, $Y = 1$; если же сила возбужденія $= \delta Y$, тогда моментъ вращенія стрѣлки $= a\delta Y$.

Опредѣливъ коэффиціентъ возбужденія независимо отъ мѣстныхъ вліяній, остается найдти величину одного дѣленія шкалы въ инструментѣ наклоненія. Это опредѣленіе дѣлается совершенно подобно тому, какъ въ инструментѣ напряженности, и съ тѣмъ же самымъ дефлекторомъ. Пусть Y — вертикальная составляющая земнаго магнетизма, δY — измѣненіе этой силы; P — составная силъ: постояннаго магнетизма въ желѣзныхъ пластинкахъ; магнетизма, возбужденнаго въ нихъ силой Y; крученія нити, на которой подвѣшена стрѣлка инструмента, и мѣстныхъ магнитныхъ вліяній обсерваторіи; ψ, φ и p — такія же величины какъ и прежде. Поэтому получаемъ, подобно уравненію (1), слѣдующее условіе равновѣсія для стрѣлки:

$$pX \sin \varphi = P \sin (\psi - \varphi) \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (9)$$

Когда Y измѣняется въ $Y + \delta Y$, тогда ко второй части прибавляется еще моментъ $a\delta Y$, а X и φ измѣняются въ $X + \delta X$ и $\varphi + \delta\varphi$, и уравненіе (9) измѣняется въ

$$p(X + \delta X) \sin (\varphi + \delta\varphi) = P \sin (\psi - \varphi - \delta\varphi) + a\delta Y \, . \quad (10)$$

Разность (10) и (9) даетъ

$$\delta X \sin \varphi + [pX \cos \varphi + P \cos (\psi - \varphi)] \, \delta\varphi = a\delta Y \quad . \quad . \quad (11)$$

Если наложимъ дефлекторъ на инструментъ, то стрѣлка отклонится на h_2 дѣленій, и (9) будетъ

$$pX \sin (\varphi + h_2\varepsilon_2 q) = P \sin (\psi - \varphi - h_2\varepsilon_2 q) + \mu, \quad . \quad . \quad (12)$$

гдѣ $\varepsilon_2 q$ величина одного дѣленія шкалы и $\mu = X \sin h\varepsilon$ моментъ силы дефлектора, который опредѣляется, какъ прежде, наложеніемъ дефлектора на инструментъ склоненія. Взявъ вмѣсто синуса дугъ самыя дуги, предъидущее уравненіе напишется:

$$pX \cos \varphi + P \cos (\psi - \varphi) = X \frac{h\varepsilon}{h_2\varepsilon_2 q}.$$

Вставляя это въ (11), получаемъ

$$\delta X \sin \varphi + X \frac{h\varepsilon}{h_2\varepsilon_2 q} \delta\varphi = a\delta Y;$$

такъ какъ $Y = X \text{ tang } i$, гдѣ i — наклоненіе, то

$$\delta Y = \delta X \text{ tang } i + \frac{X}{\cos^2 i}\delta i;$$

слѣдовательно

$$\delta X \sin\varphi + X\frac{h\varepsilon}{h_2\varepsilon_2 q}\delta\varphi = a\delta X \text{ tg } i + \frac{aX}{\cos^2 i}\delta i.$$

Отсюда

$$\delta i = \frac{h\varepsilon\cos^2 i}{aqh_2\varepsilon_2}\delta\varphi + \frac{\delta X}{X}\left[\frac{\sin\varphi\cos^2 i}{a} - \frac{1}{2}\sin 2i\right] . \quad (13)$$

Это уравненіе выведено въ предположеніи, что измѣняется только наклоненіе, поэтому нужно еще ввести въ него членъ, зависящій отъ измѣненія склоненія. Означивъ черезъ n_2 движеніе стрѣлки отъ совокупнаго измѣненія склоненія $\delta_1\varphi$ и наклоненія $\delta\varphi$, получаемъ, какъ прежде

$$n_2\varepsilon_2 q = \delta\varphi + \delta_1\varphi.$$

$\delta_1\varphi$, какъ прежде, опредѣляется изъ уравненія

$$pX \sin(\varphi + \delta_1\varphi) = P \sin(\psi - \varphi - \delta_1\varphi) + X n\varepsilon \cos\varphi;$$

Откуда

$$\delta_1\varphi + \frac{h_2\varepsilon_2 q\cos\varphi}{h} n$$

и

$$\delta\varphi = n_2\varepsilon_2 q - \frac{h_2\varepsilon_2 q\cos\varphi}{h} n.$$

Вставивъ это въ (13), получаемъ

$$(14)\quad \delta i = \frac{h\varepsilon\cos^2 i}{ah_2}\left[n_2 - n\frac{h_2\cos\varphi}{h}\right] + \frac{\delta X}{X}\left[\frac{\sin\varphi\cos^2 i}{a} - \frac{1}{2}\sin 2i\right],$$

гдѣ $\frac{\delta X}{X}$, измѣненіе горизонтальной напряженности, выражается въ десятитысячныхъ доляхъ этой силы; i — среднее наклоненіе; φ — отклоненіе стрѣлки отъ магнитнаго меридіана. Болѣе надежное опредѣленіе φ можно получить измѣреніемъ разстояній инструментовъ.

Мюнхенская магнитная обсерваторія имѣетъ то большое преимущество передъ другими, что ея устройство не представляетъ большихъ затрудненій и, главное, не требуетъ большихъ денегъ — всѣ варьяціонные инструменты стоятъ 120 гульденовъ; къ тому же, нѣтъ надобности выписывать эти инструменты изъ за границы: они до того просты въ принципѣ, что ихъ можно вездѣ сдѣлать.

Опредѣленіе абсолютныхъ величинъ элементовъ Мюнхенской обсерваторіи отличается безукоризненностью: каждое отдѣльное наблюденіе поправляется отъ измѣненій элементовъ; при наблюденіи качанія магнита время оцѣнивается по пространству, съ точностію до одной десятой секунды, что позволяетъ выполнить условіе земнаго магнетизма — опредѣлить горизонтальную напряженность съ точностью до 0.0001; для опредѣленія момента инерціи магнита употребляются кольца совершенно геометрическія — безъ всякихъ крючковъ и прицѣпочекъ для привѣшиванія къ магниту, вносящихъ сомнѣніе въ точности получаемыхъ результатовъ. Кольца дѣлаются центрирующимъ суппортомъ *), измѣренія ихъ діаметровъ дѣлаются съ помощью дѣлительной машины. Такъ какъ наблюденія дѣлаются на дворѣ, въ особомъ досчатомъ домикѣ, и, слѣдовательно, при разныхъ температурахъ, то всѣ наблюденія при опредѣленіи горизонтальной напряженности приводятся къ 0^0.

При изученіи всѣхъ этихъ манипуляцій самое трудное для меня было наблюденіе надъ качаніемъ магнита. Въ Россіи я привыкъ считать каждый ударъ хронометра, а слѣдовательно могъ достигнуть точности только до $0''.5$ здѣсь же мнѣ приходилось считать черезъ ударъ (каждый ударъ секунды) и оцѣнивать доли секунды по пространству. Въ настоящее время, благодаря внимательности ко мнѣ профессора Ламона, я достигъ наконецъ того, что могу записывать время десяти послѣдовательныхъ прохожденій (или каждое третіе прохожденіе) магнита черезъ меридіанъ съ точностію до $0''.1$, не смотря даже на хронометръ.

Мюнхенъ, $^{23}/_{11}$ марта 1866 года.

30) А. Орлова.

$^{17}/_{5}$ марта покончилъ Миттермайеръ свои интереснѣйшія чтенія, которыя мнѣ удалось прослушать въ теченіе цѣлаго (третьяго) семестра, проведеннаго мною, какъ извѣстно уже департаменту, въ Гейдельбергѣ. Вслѣдъ затѣмъ я оставилъ Германію и переѣхалъ въ Парижъ, съ цѣлію изучить на мѣстѣ прототипъ уголовнаго процесса, дѣйствующаго почти на всемъ континентѣ западной Европы.

Въ предъидущихъ своихъ отчетахъ я не сообщалъ собственно о своихъ занятіяхъ, а лишь ограничивался небольшими изысканіями о разныхъ отдѣльныхъ вопросахъ по моей спеціальной наукѣ.

*) Я пріобрѣлъ для себя нѣсколько колецъ.

Вотъ почему въ настоящее время я считаю не безполезнымъ изложить въ краткомъ очеркѣ постепенный ходъ своихъ работъ, начиная съ самаго своего выѣзда за границу, или, другими словами, съ самаго начала своей командировки.

Первый университетскій городъ, въ которомъ я остановился для своихъ цѣлей, былъ Берлинъ. Здѣсь я рѣшился провести зимній семестръ, въ продолженіе котораго слушалъ гг. проф. Бернера и фонъ-Гольцендорфа, о чемъ впрочемъ я уже имѣлъ честь вкратцѣ сообщить въ моемъ первомъ отчетѣ. Первый читалъ лекціи уголовнаго права и процесса и, кромѣ того, курсъ уголовной психологіи, второй — курсъ уголовнаго процесса.

Что касается до лекцій г. Бернера, то, нисколько не умаляя ученыхъ заслугъ почтеннаго профессора, которому я многимъ обязанъ, а все же долженъ сознаться, что онѣ не оправдали вполнѣ моихъ ожиданій. Обыкновенно въ профессорской дѣятельности мы различаемъ два качества — какъ хорошаго ученаго и какъ хорошаго преподавателя, или, лучше сказать, наставника, учителя. Въ первомъ г. Бернеру никакъ нельзя отказать, но за то онъ вовсе не такъ замѣчателенъ во второмъ отношеніи. Его лекціи уголовнаго права весьма сухи и не выходятъ изъ рамокъ его учебника, хотя и отличающагося добросовѣстностію, но и вмѣстѣ съ тѣмъ краткостію и сжатостію. Но еще кратче его курсъ уголовнаго судопроизводства. По видимому г. профессоръ мало интересуется этою областію своей спеціальной науки; она не пользуется, кажется, его расположеніемъ: между тѣмъ какъ въ области уголовнаго права г. Бернеръ своею авторскою дѣятельностью составилъ себѣ почтенное имя въ наукѣ, — по уголовному процессу мы не знаемъ до сихъ поръ ни одного труда его. Въ своемъ же университетскомъ курсѣ онъ болѣе ограничивается догматическимъ изложеніемъ прусскаго дѣйствующаго законодательства, даже безъ всякой ученой критики, и такимъ образомъ для своихъ слушателей нисколько не облегчаетъ сравнительнаго изученія процесса, а между тѣмъ таковое необходимо.

Этого недостатка въ нѣкоторой степени избѣгъ въ своемъ курсѣ уголовнаго судопроизводства г. фонъ-Гольцендорфъ. Но и его лекціи страдаютъ также слишкомъ большою краткостію. Вообще нельзя не сознаться, что какъ Бернеръ, такъ и Гольцендорфъ, поставивши себѣ задачею прочесть, во чтобы то ни стало, цѣлый курсъ уголовнаго процесса въ полной законченной системѣ, а между тѣмъ

назначивши весьма недостаточное число часовъ въ недѣлю — по три каждый—принуждены ограничиваться во многихъ и весьма важныхъ отдѣлахъ науки лишь одними краткими указаніями и вовсе не знакомятъ слушателей съ богатою литературою предмета, указывая лишь во введеніи на нѣсколько жидкихъ учебниковъ.

По окончаніи этого семестра я собралъ справки о лекціяхъ въ другихъ германскихъ университетахъ и намѣревался уже переѣхать на слѣдующій семестръ въ Гёттингенъ, но по совѣту г. Бернера и другихъ берлинскихъ профессоровъ я рѣшился измѣнить свое намѣреніе и провелъ въ Берлинѣ и другой лѣтній семестръ, выслушавши тамъ еще курсъ уголовнаго процесса у г. Гнейста, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаясь практически въ тамошнихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Лекціи г. Гнейста произвели на меня уже болѣе выгодное впечатлѣніе; методъ его изложенія совмѣщаетъ въ себѣ два элемента: историческій и догматическо-критическій; кромѣ того, онъ большой знатокъ англійскихъ судебныхъ учрежденій, для изученія которыхъ, какъ и всего англійскаго общественнаго быта, онъ провелъ въ Англіи одновременно съ Миттермайеромъ довольно долгое время. Но, къ сожалѣнію, его курсъ, и безъ того не могшій быть подробнымъ по обыкновенной непродолжительности лѣтняго семестра (май, іюнь, іюль) и по небольшому числу часовъ, назначенныхъ г. профессоромъ (по 4 часа въ недѣлю), былъ неоднократно прерываемъ занятіями его во второй камерѣ.

Самый берлинскій университетъ носитъ на себѣ слишкомъ уже казенный характеръ, и вслѣдствіе этого существуютъ тамъ излишнія формальности: напр., къ слушанію лекцій никто не допускается безъ имматрикуляціи, что иногда можетъ быть стѣснительно; гонорарій профессорамъ за слушаніе лекцій долженъ быть взносимъ въ квестуру не иначе какъ прусскимъ золотомъ и т. п. Самые профессора, по крайней мѣрѣ юридическаго факультета (о другихъ факультетахъ я не могу сказать ничего), къ существу дѣла, т. е. къ чтенію лекцій, относятся съ меркантильной точки зрѣнія, предлагая въ одинъ и тотъ же семестръ нѣсколько курсовъ иногда по разнороднымъ предметамъ, вслѣдствіе чего хотя, по мнѣнію иныхъ, и выигрываютъ слушатели, имѣющіе такимъ образомъ возможность выбора между нѣсколькими курсами по одному и тому же предмету, но за то, съ другой стороны, страдаетъ самая наука, ибо научныя силы, которыя могли бы быть съ бо́льшею пользою направлены на

извѣстную отдѣльную отрасль науки, раздробляются и такимъ образомъ употребляются непроизводительно.

Что же касается до моихъ практическихъ занятій въ берлинскихъ судебно-уголовныхъ учрежденіяхъ, то мнѣ удалось въ этомъ отношеніи устроить дѣла довольно удачно. По моей просьбѣ русское посольство при прусскомъ дворѣ снабдило меня рекомендательнымъ письмомъ къ министру юстиціи графу Липпе, и рекомендація увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Мнѣ было оказано всевозможное вниманіе: въ залахъ засѣданій какъ суда присяжныхъ, такъ и суда исправительной полиціи, мнѣ было назначено особенное, весьма удобное мѣсто, я имѣлъ позволеніе просмотра актовъ, присутствовалъ даже нѣсколько разъ при предварительномъ слѣдствіи и осмотрѣлъ какъ тюрьму слѣдственныхъ арестантовъ, такъ и образцовую целлюлярную тюрьму въ Моабитѣ. За все это я считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь мою усердную благодарность президенту городскаго берлинскаго суда г. Брейтгаупту, директору уголовнаго отдѣленія того же суда фонъ-Мюллеру и старшему слѣдственному судьѣ Штейнгаузену. Результатъ моихъ наблюденій я уже имѣлъ честь сообщить въ краткомъ очеркѣ въ одномъ изъ моихъ предъидущихъ отчетовъ.

Третій же (зимній) семестръ, какъ я уже упомянулъ въ началѣ, я провелъ въ Гейдельбергѣ. Гейдельбергскій университетъ, одинъ изъ древнѣйшихъ нѣмецкихъ университетовъ, не безъ основанія считается однимъ изъ лучшихъ въ Германіи. Самый характеръ его, болѣе домашній, семейный, весьма благопріятствуетъ занятіямъ. Профессора относятся къ своему дѣлу болѣе серьезно и сосредоточенно, каждый изъ нихъ исключительно занимается своею спеціальною наукою, а потому и самое преподаваніе плодотворнѣе. Въ лекціяхъ почтеннаго Миттермайера я нашелъ то, чего тщетно искалъ въ Берлинѣ. Этотъ маститый старецъ до сихъ поръ счастливо совмѣщаетъ въ себѣ качества и первокласснаго ученаго и отличнаго наставника. Профессорствуя съ 1808 года, онъ до сихъ поръ сохранилъ изумительную свѣжесть умственныхъ способностей и до сихъ поръ съ горячею любовію относится къ своему дѣлу. Не стану распространяться о его ученыхъ заслугахъ: его имя, пользуясь европейскою извѣстностію, столь уже знакомо всякому образованному человѣку. Лишь мимоходомъ замѣчу, въ видѣ примѣра, что его замѣчательный трудъ о смертной казни въ недавнемъ времени переведенъ на французскій и англійскій и, кажется, на русскій языкъ;

его извѣстное сочиненіе объ англійскомъ, шотландскомъ и сѣверо-американскомъ уголовномъ судопроизводствѣ переводится на французскій языкъ, а такъ какъ оно вышло въ свѣтъ еще въ 1851 г., то авторъ его по просьбѣ переводчиковъ послѣднее время работалъ надъ указаніями новѣйшихъ измѣненій въ уголовномъ законодательствѣ этой страны. Считаю не лишнимъ упомянуть, что весьма недавно появилось въ Швеціи важное сочиненіе о смертной казни, посвященное ему. Изумительная плодовитость его литературной дѣятельности до сихъ поръ не ослабѣла, а скорѣе все усиливается. Много работъ его существуетъ по уголовному праву, по уголовному же процессу нѣтъ почти ни одного вопроса, по которому бы не существовало его добросовѣстнаго труда. Нѣтъ почти ни одного европейскаго законодательства, которымъ бы онъ не интересовался, котораго бы онъ не цитировалъ въ своихъ сочиненіяхъ и не подвергалъ бы его строго научной критикѣ. Не смотря на весьма малую распространенность между заграничными учеными нашего отечественнаго языка, онъ познакомился и съ нашими какъ проектомъ, такъ и новымъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, изъ которыхъ о первомъ онъ напечаталъ свою статью въ журналѣ, издаваемомъ берлинскимъ профессоромъ фонъ-Гольцендорфомъ за 1864 г. [1]), а послѣднему посвятилъ нѣсколько страницъ въ своемъ обширномъ, заслуживающемъ всеобщаго вниманія, новѣйшемъ трудѣ «Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und America» (стр. 629—635).

Перехожу къ самымъ его чтеніямъ. Онъ читалъ 6 часовъ въ недѣлю, по часу ежедневно, изъ которыхъ первые четыре были посвящены нѣмецкому и французскому уголовному процессу (Strafprocess, gemeiner deutscher und französischer, und das in den deutschen Gesetzgebungen seit 1848, vorzüglich in Preussen, Bayern, Baden u. a. geordnete Strafverfahren — nach seinem Werke: «das Strafverfahren in den deutschen Gerichten. 4 Aufl., mit Hinweisung auf sein Werk: «die Gesetzgebung und Rechtsübung im Strafverfahren. Erlangen 1856); пятница — англійскому уголовному судопроизводству (Englischer Strafverfahren im Zusammenhang mit den socialen, sittlichen und politischen Zuständen Englands, mit Hinweisung auf sein Werk: das englische Strafverfahren, Erlangen 1851); суббота—разбору замѣчательныхъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ уголовныхъ случаевъ (Zerglie-

[1]) Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung.

derung merkwürdiger in Deutschland, England und Frankreich verhandelter Strafrechtsfälle). Послѣдніе два курса были публичные и безплатные, и особенно послѣдній посѣщался многочисленными слушателями.

Для меня лично были преимущественно интересны первыя его чтенія, которыя можно назвать образцовыми. Правда, у него своеобразная система и своеобразный методъ чтенія, но за то вездѣ проведена параллель между различными законодательствами, и такимъ образомъ сравнительное изученіе уголовнаго процесса, какое, повторяю, по моему мнѣнію, лишь и можетъ имѣть смыслъ, весьма облегчается для слушателей. Каждое научное положеніе освѣщается имъ многочисленными примѣрами, тщательно имъ собранными или изъ долголѣтней его практики въ Spruchcollegien юридическаго факультета Гейдельбергскаго университета, которыхъ онъ пожизненный президентъ, или изъ прежней его дѣятельности въ качествѣ защитника, университетскаго судьи и т. п., или сообщенными ему юристами-практиками, его друзьями, бывшими его слушателями и учениками. Притомъ онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ ссылки и указанія на новѣйшую литературу не только нѣмецкую но и иностранную, за которой вообще онъ до сихъ поръ слѣдитъ весьма зорко. Ни одинъ замѣчательный трудъ по его спеціальной наукѣ не ускользаетъ отъ его вниманія; свои добросовѣстные разборы таковыхъ онъ обыкновенно помѣщаетъ въ Heidelberger Jahrbücher der Litteratur [1]). Особенное вниманіе онъ обратилъ на ученіе о предварительномъ слѣдствіи, по которому, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не существуетъ полнаго научнаго труда, и на ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Подробно изложилъ онъ ученіе объ искусственныхъ доказательствахъ, о мнѣніяхъ врачей - и химиковъ - экспертовъ. Нельзя не сознаться, что послѣдній родъ доказательства играетъ весьма важную роль въ новѣйшемъ уголовномъ процессѣ, и потому желательно бы было, чтобы и наше законодательство обратило на него свое особенное вниманіе. Въ этомъ отношеніи Баденъ стоитъ впереди всѣхъ европейскихъ государствъ: на все великое герцогство существуютъ два коронные эксперта-химика — въ Гейдельбергѣ Delffs и во Фрейбургѣ — Babo, снабженные всѣми необходимыми средствами для судебно-медицинскихъ из-

[1]) Одинъ изъ его отзывовъ о весьма важномъ сочиненіи бельгійскаго криминалиста-практика — Гоффмана я помѣстилъ въ переводѣ въ январьской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи за 1866 годъ.

слѣдованій. Нѣтъ сомнѣнія, что для новѣйшаго уголовнаго процесса необходимъ и особый институтъ судебныхъ врачей, члены котораго должны обладать особенными спеціальными свѣдѣніями не только по судебной медицинѣ, судебной химіи и т. п., но и по психіатріи, что впрочемъ никакимъ образомъ не освобождаетъ и самихъ криминалистовъ-практиковъ отъ обязательнаго знакомства съ этими науками. Только тогда возможно будетъ избѣжать всѣхъ тѣхъ промаховъ, которые такъ не рѣдко могутъ случаться при иномъ порядкѣ вещей [1]).

Въ своихъ частныхъ отношеніяхъ къ своимъ слушателямъ г. Миттермайеръ заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія. Онъ всегда охотно готовъ служить имъ своею опытностію, руководить ихъ своими совѣтами въ ихъ занятіяхъ, его богатая библіотека всегда къ ихъ услугамъ. При этомъ онъ не дѣлаетъ никакого различія между соотечественниками и иностранцами, къ послѣднимъ даже онъ относится еще съ большею внимательностію и возможною предупредительностію. По крайней мѣрѣ я не могу найти словъ для выраженія всѣхъ чувствъ моей почтительной признательности за ту любезность и вниманіе, которыми я пользовался отъ него во все время моего пребыванія въ Гейдельбергѣ. Мало того, при прощаніи онъ снабдилъ меня рекомендательными письмами въ Парижъ къ двумъ здѣшнимъ весьма вліятельнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, одно изъ нихъ къ первому французскому криминалисту-практику Faustin Hélie. Я увѣренъ, что эта рекомендація будетъ мнѣ въ высшей степени полезна при имѣющихся у меня въ виду практическихъ занятіяхъ.

Во время моего пребыванія въ Гейдельбергѣ мнѣ удалось побывать и въ тамошнихъ судебно-уголовныхъ учрежденіяхъ, а именно

---

[1]) Прискорбно было намъ прочесть сообщенное въ октябрской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи за 1865 г. извлеченіе изъ уголовнаго дѣла о дворовой дѣвицѣ Ѳедосьѣ Григорьевой, судившейся и осужденной за дѣтоубійство. Мы сдѣлаемъ лишь здѣсь только одинъ вопросъ: возможенъ ли по такому дѣлу обвинительный приговоръ, если не опредѣленъ настоящимъ образомъ объективный составъ преступленія? А въ вышеупомянутомъ дѣлѣ этого именно и не было сдѣлано. Правда, подсудимая сдѣлала признаніе, что она лишила жизни своего новорожденнаго ребенка, но здѣсь снова возникаетъ вопросъ, можетъ ли таковое показаніе подсудимой быть принято въ смыслѣ закона за признаніе, т. е. за совершенное доказательство? Мы не сомнѣваемся отвѣтить здѣсь отрицательно, ибо для опредѣленія причины смерти извѣстнаго лица необходимы не только медицинскія свѣдѣнія, но и вскрытія и изслѣдованія самаго трупа.

одинъ разъ я присутствовалъ при засѣданіяхъ суда присяжныхъ въ Мангеймѣ, къ округу котораго приписанъ и Гейдельбергъ, а равно былъ и при судоговореніи суда засѣдателей (Schöffengericht). Что касается до суда присяжныхъ, то я вынесъ оттуда непріятное впечатлѣніе, какъ разъ попавши на оригинальный случай. Рѣшалось дѣло объ убійствѣ. Государственный прокуроръ старался доказать существованіе въ дѣяніи заранѣе обдуманнаго намѣренія и требовалъ признанія подсудимаго виновнымъ въ Mord. Защитникъ отрицалъ доводы прокурора и доказывалъ существованіе лишь Todtschlag. Самыя же существовавшія въ дѣлѣ доказательства были неясны. Президентъ суда, резюмируя доказательства обвиненія и защиты, довольно ясно высказался въ пользу воззрѣнія, высказаннаго защитникомъ. Затѣмъ присяжнымъ были предложены три эвентуальныхъ вопроса: 1) Mord съ опредѣленнымъ dolus, 2) Mord съ неопредѣленнымъ dolus, 3) Todtschlag. Присяжные отправились въ свою совѣщательную камеру и черезъ 20 минутъ возвратились въ залу засѣданія. Старшина ихъ читаетъ вередиктъ — и именно въ отвѣтъ на первый вопросъ: «Да, подсудимый виновенъ съ большею вѣроятностію (mit grosser Wahrscheinlichkeit)». Президентъ, растолковавши имъ всю нелѣпость ихъ отвѣта, отослалъ ихъ снова къ совѣщанію. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ присяжные снова возвратились въ залу засѣданія, лишь вычеркнувъ свое послѣднее прибавленіе и такимъ образомъ утвердивши первый вопросъ, не смотря на то, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ они имѣли сомнѣнія въ виновности подсудимаго, ясно выразившіяся въ томъ прибавленіи, и не смотря на предупрежденія президента, что сомнѣнія должны быть ими приняты въ пользу подсудимаго. Судъ, конечно, долженъ былъ по закону присудить подсудимаго къ смертной казни.

Съ совершенно инымъ настроеніемъ духа я выходилъ изъ залы засѣданія суда засѣдателей. На этомъ-то предметѣ, какъ на заслуживающемъ всеобщаго вниманія, я намѣренъ остановиться по возможности подробно и посвятить ему настоящій мой отчетъ. Не имѣя впрочемъ данныхъ объ этомъ учрежденіи въ другихъ государствахъ, я ограничусь здѣсь преимущественно Баденомъ.

Предварительно предпосылаю здѣсь небольшія историческія указанія.

Участіе народнаго элемента въ судебной расправѣ было древнегерманскимъ институтомъ. Засѣдатели изъ народа (Schöffen) встрѣ-

чаются не только въ Швабскомъ зерцалѣ [1]), но еще и въ самой Каролинѣ [2]).

Что касается въ частности до нынѣшняго великаго герцогства Баденскаго, то Baden-Badische Landrecht 2-го января 1588 г. въ своей V части — Peinliche Malefizordnung равнымъ образомъ утверждаетъ древне-германское судоустройство съ участіемъ тѣхъ засѣдателей, а, между тѣмъ какъ съ упадкомъ вообще въ Германіи политической жизни и съ полнымъ тамъ торжествомъ тайнаго, письменнаго инквизиціоннаго процесса, этотъ народный элементъ изчезъ безслѣдно въ большей части нѣмецкихъ государствъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ нынѣшняго Бадена онъ удержался до новѣйшаго времени [3]). Въ маркграфствѣ Baden-Durlach эти Schöffengerichte были уничтожены лишь въ 1753 году, въ маркграфствѣ же Baden-Baden они существовали даже до 1786 года [4]). Въ силу баденскаго VIII Organisationsedict или уголовнаго эдикта 4-го апрѣля 1803 г., вмѣстѣ съ отмѣною обвинительнаго процесса, во всей странѣ были уничтожены и суды засѣдателей. Мѣсто ихъ теперь заняли, смотря по тяжести преступленія, Bezirks- и Oberämter, Hofgerichte и Oberhofgerichte. При всемъ томъ, однако, остатокъ Schöffengerichte сохранялся до послѣдняго времени (1851), такъ какъ по §§ 3 и 17 упонянутаго уголовнаго эдикта мѣсто старыхъ формъ при слѣдствіяхъ по преступленіямъ, влекущимъ за собою наказанія выше двухлѣтняго тяжкаго тюремнаго заключенія (Zuchthausstrafe), заступилъ заключительный допросъ, при которомъ для выслушанія вторичнаго прочтенія и утвержденія показаній подсудимаго были приглашаемы два лица —

---

[1]) «Wo schöffen sind, die sollen urtheil sprechen über ein jeglich ding und niemand anders». Schwabenspiegel. Cap. 80. и другія.

[2]) Item so eyn person durch unzweiffeliche entliche überwindung (die auch nach laut dieser unser ordnung geschehen) an irem leib oder gliedern, peinlich gestrafft werden soll, dass sie dannocht bei dem leben bleiben möge, solch urtheil (soll) der richter doch nit anderst, denn mit wissentlichem radt oder beuelch seiner oberkeyt und der rechtverstendigen zum wenigstens mit vier auss den urtheilern oder shöffen... См. Zachariae—über die Schöffenverfassung nach der peinlichen Gerichtsordnung Carl V 1532, въ Archiv der cr. Rechts 1857, стр. 85—120 и его же Handbuch I. §§ 23 и слѣд. Mittermaier — Deutsches Strafverfahren 4. Aufl. B. I. §§ 15, 36.

[3]) Указанія объ этомъ въ сочиненіи — Zentner. Über Geschwornengerichte, p. 145—175.

[4]) Въ Duttlinger's Archiv für die Rechtspflege und Gesetzgebung in Grossherzogthum Baden B. I. стр. 547 и слѣд. сообщено рѣшеніе суда засѣдателей въ Карлсруэ отъ 14-го августа 1726 года.

Urkundspersonen, которыя въ подтвержденіе правильности производства должны были подписывать протоколъ допроса.

Въ 1843 году нравительство великаго герцогства предложило собранію сословій проектъ новаго кодекса уголовнаго судопроизводства съ государственною прокуратурою и публичнымъ гласнымъ судоговореніемъ, вмѣстѣ и съ новымъ проектомъ судоустройства. При обсужденіи этихъ проектовъ во второй камерѣ было сдѣлано предложеніе о введеніи института засѣдателей при единоличныхъ судьяхъ, и въ пользу этого было выставлено главнымъ образомъ, что участіе гражданъ въ судебной расправѣ будетъ болѣе способствовать распространенію юридическихъ свѣдѣній въ самомъ народѣ, что оно будетъ благодѣтельно содѣйствовать развитію сознанія права и законности, а въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ увеличитъ отвращеніе и къ незначительнымъ проступкамъ, что вслѣдствіе этого большее число гражданъ будетъ интересоваться искорененіемъ преступныхъ дѣйствій, что, далѣе, посредствомъ привлеченія такихъ общественныхъ судебныхъ засѣдателей, влекущаго за собою лишь незначительные расходы, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ достигаемо и другое стоящее вездѣ въ связи съ коллегіальностію преимущество обоюднаго поясненія и контроля, въ особенности въ фактическихъ вопросахъ, и что вообще то можетъ лишь благодѣтельно вліять на увеличеніе уваженія къ судебнымъ приговорамъ, если судебныя учрежденія вслѣдствіе ихъ замѣщенія и упорядоченія производства въ нихъ представляютъ всѣ возможныя ручательства за довѣріе къ нимъ, но таковыя ручательства, конечно, скорѣе имѣютъ мѣсто въ отношеніи къ коллегіямъ нежели къ единоличнымъ судьямъ [1]). Первая камера однако не согласилась съ этимъ предложеніемъ. По судоустройству 6-го марта 1845 г. судебная расправа въ судебно-уголовныхъ дѣлахъ была вручена, сообразно съ тяжестію преступленія. единоличнымъ судьямъ (Amtsgerichte), окружнымъ уголовнымъ судамъ (Bezirkstrafgerichte), Hofgericht'амъ и, какъ аппеляціонной инстанціи, высшему суду—Oberhofgericht'у. Впрочемъ, какъ это судоустройство, такъ и уставъ уголовнаго судопроизводства 1845 г. не вступили въ дѣйствіе вслѣдствіе разразившейся въ 1849 г. революціи; по возстановленіи же законнаго порядка, законъ 5-го февраля 1851 г. внесъ съ собою существенныя улучшенія. Для всѣхъ тяжкихъ преступленій были вве-

[1]) Thilo—Badische Gerichtsverfassung von 1845, стр. 431.

дены суды присяжныхъ, что было еще опредѣлено закономъ 17-го февраля 1849 года и уже было примѣнено къ процессамъ о государственной измѣнѣ.

По закону 5-го февраля 1851 года:

1) Маловажнѣйшія уголовныя дѣла съ изъятіемъ нарушеній полицейскихъ предписаній (обсуждаемыхъ полицейскими властями) были рѣшаемы, съ сохраненіемъ права аппеляціи къ Hofgericht'амъ, единоличными судьями (Amtsgericht'ами), которые имѣли право присуждать къ денежнымъ наказаніямъ неограниченно, къ наказанію же лишенія свободы — лишь до 8-ми недѣль легкаго тюремнаго заключенія (Amtsgefängniss).

2) Среднія уголовныя дѣла обсуждали Hofgerichte въ коллегіяхъ трехъ судей. Какъ подсудимому, такъ и государственному прокурору принадлежало право аппеляціи высшему суду (Oberhofgericht), который въ такомъ случаѣ разсматривалъ дѣло въ коллегіи 5 судей.

3) Тяжкія же уголовныя преступленія подлежали судамъ присяжныхъ, противъ рѣшенія которыхъ уже не допускалось аппеляціи, а лишь возможна была просьба о кассаціи (Nichtigkeitsbeschwerde).

Въ 1861 году воззрѣнія измѣнились. 22-го января 1862 года, правительство великаго герцогства предложило сословіямъ и именно сперва второй камерѣ проектъ новаго судоустройства. Главныя основанія его въ отношеніи къ судебно-уголовной расправѣ суть слѣдующія:

Подсудность и производство уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ суду присяжныхъ, въ существенномъ должны слѣдовать и впредь прежнему законодательству. Напротивъ уголовныя дѣла, которыя до настоящаго времени поступали на обсужденіе Hofgericht'овъ въ тайномъ засѣданіи передъ коллегіею трехъ судей, должны обсуждаться окружными судами (Kreisgerichte) въ присутствіи 5 судей, гласно и устно. Для обвинительнаго приговора необходимы четыре голоса. Но за то уже обжалованіе рѣшеній должно быть ограничено случаями нарушенія законныхъ правилъ судопроизводства, неправильнаго истолкованія закона или неправильнаго примѣненія его къ принятымъ судомъ за истинные фактамъ.

Подсудность Amtsgericht'овъ въ существѣ не измѣняется, однако и для нихъ должно быть введено обвинительное производство съ гласнымъ судоговореніемъ въ такомъ родѣ, что здѣсь должны участвовать съ правомъ голоса два засѣдателя изъ народа (Schöffen). Но

во всякомъ случаѣ противъ рѣшенія этого суда засѣдателей должна быть допущена аппеляція коллегіи трехъ судей окружнаго суда.

Въ мотивахъ къ проекту закона относительно суда засѣдателей высказано слѣдующее:

«Большинство законодательствъ, имѣющихъ своимъ основаніемъ устное и гласное обвинительное производство, перенесли всѣ уголовныя дѣла, неподлежащія суду присяжныхъ, исключая лишь нарушенія полицейскихъ предписаній, на тѣ коллегіальныя, судебныя учрежденія, которыя обозначены въ проектѣ окружными судами. Сдѣлать то же самое, было бы для проекта легкою и простою въ отношеніи къ издержкамъ и тягостямъ судебно-уголовной расправы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма тяжелою задачею, ибо, такимъ образомъ, едва ли могла бы быть достигнута лучшая юстиція для маловажныхъ дѣлъ.

«По статистическимъ таблицамъ, число обсуждаемыхъ Hofgericht'ами уголовныхъ дѣлъ достигаетъ круглымъ числомъ 1500 въ годъ, число же уголовныхъ случаевъ, рѣшаемыхъ Amtsgericht'ами, доходитъ ежегодно до 3,000, и еще къ послѣднимъ должно прибавить полицейскіе проступки въ томъ случаѣ, когда они передаются судебнымъ учрежденіямъ.

«Изъ этихъ числовыхъ отношеній легко видѣть, какая страшная тягость занятій пала бы на окружные суды, если бы они обязаны были къ обсужденію всѣхъ этихъ уголовныхъ дѣлъ. Существующій теперь составъ лицъ долженъ бы былъ, конечно, быть увеличеннымъ вдвое. Впрочемъ, если бы это было необходимо и полезно для лучшей судебной расправы, то конечно издержки не могли бы имѣть рѣшительнаго вліянія. Но на самомъ дѣлѣ именно оказывается противное. Опытъ свидѣтельствуетъ, что такъ называемыя незначительныя дѣла (Bagatellsachen), въ сравненіи съ важнѣйшими дѣлами, въ этихъ коллегіальныхъ судахъ большею частію разсматриваются и обсуждаются столь поверхностно, что еще далеко должно предпочесть ихъ обсужденіе единоличнымъ судьей. Такое явленіе есть не только слѣдствіе чрезмѣрности занятій и потому большой ограниченности во времени, но, кромѣ того, это лежитъ и въ существѣ дѣла и самаго человѣка, что онъ мало обращаетъ вниманія на маловажное сравнительно съ важнымъ. Кромѣ того, съ этимъ связана и дальнѣйшая опасность, что поверхностное обсужденіе маловажнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ заразительно будетъ воздѣйствовать и на всю дѣятельность коллегіи. Основанія послѣ-

довательности и равенства, конечно, говорятъ за эту систему, однако въ судоустройствѣ основаніе цѣлесообразности должно стоять выше тѣхъ соображеній. А послѣднее основаніе именно требуетъ, чтобы торжественность процессуальныхъ формъ находилась въ соразмѣрномъ отношеніи съ объективнымъ значеніемъ дѣла, иначе слѣдовало бы передать всѣ уголовныя дѣла суду присяжныхъ и всѣ процессы Oberhofgericht'у. Такимъ образомъ, по соображенію, что передачею всѣхъ этихъ уголовныхъ дѣлъ окружнымъ судамъ самая судебная расправа не выигрываетъ ничего, а лишь вмѣстѣ съ тѣмъ весьма бы значительно увеличились сравнительно съ настоящими какъ издержки для государства, такъ и тягости гражданъ, и такъ какъ даже и тѣ государства, которыя въ своихъ провинціяхъ по лѣвому берегу Рейна усвоили себѣ эту французскую систему, но при всемъ томъ не приняли таковой при введеніи публичнаго и устнаго обвинительнаго процесса въ другихъ частяхъ своихъ территорій, то и правительство великаго герцогства равнымъ образомъ полагаетъ, что уголовныя дѣла, подлежащія Amtsgericht'амъ, должно по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первой истанціи и на будущее время держать вдали отъ окружныхъ судовъ. Нельзя однако не признать, что это имѣетъ и свои трудности. Если удовольствоваться прежнимъ родомъ разсмотрѣнія этихъ уголовныхъ дѣлъ, то тогда не будетъ вполнѣ осуществлено гласное и устное обвинительное производство. Столь же мало возможно приложить эту форму процесса къ судоговоренію передъ единоличнымъ судьей. Процессъ былъ бы лишь каррикатурой или химерой, если судъ не составляла бы коллегія по крайней мѣрѣ трехъ судей. Мы испробовали уже это, примѣнивши принципъ устности и гласности къ Amtsgericht'амъ относительно гражданскихъ дѣлъ. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и соображеніямъ правительство великаго герцогства нашло цѣлесообразнымъ предложить: для обсужденія менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ ввести Schöffengerichte въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и съ хорошимъ результатомъ въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Ганноверѣ и Ольденбургѣ. Amtsrichter долженъ обсуждать дѣло и постановлять рѣшеніе въ открытомъ засѣданіи и не иначе, какъ съ участіемъ назначаемыхъ по жребію для каждаго засѣданія двухъ присяжныхъ, вмѣстѣ съ нимъ имѣющихъ и право голоса. Этимъ будетъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ для привлеченія народнаго элемента къ управленію общественными дѣлами, что можетъ имѣть

лишь благодѣтельное вліяніе на образованіе народа и на оживленіе общественнаго юридическаго смысла. Принятіе этого института въ проектъ могло бы возбудить къ себѣ сомнѣніе лишь на столько, что на эту почетную должность могли бы смотрѣть какъ на обременительную тягость для гражданъ. Однако, такъ какъ это учрежденіе, къ всеобщему удовольствію, существуетъ уже въ другихъ государствахъ нѣсколько лѣтъ, то слѣдуетъ надѣяться, что и у насъ оно найдетъ всеобщее расположеніе въ народѣ и тотчасъ же пріобрѣтетъ себѣ право гражданства».

Большинство коммиссіи второй камеры согласилось съ главными опредѣленіями правительственнаго проекта, именно съ уничтоженіемъ аппеляціи противъ уголовныхъ приговоровъ коллегіальныхъ судовъ; оно предложило лишь измѣненіе въ томъ, чтобы относительно уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ Amtsgericht'амъ, было сохранено прежнее производство безъ засѣдателей; въ случаѣ же аппеляціи относительно фактическихъ вопросовъ и опредѣленія мѣры наказанія во всякомъ случаѣ должно имѣть мѣсто устное и гласное судебное слѣдствіе передъ высшимъ судомъ. Въ составленномъ депутатомъ Престинари коммиссіонномъ докладѣ представлено, что если въ подлежащихъ Amtsgericht'амъ уголовныхъ дѣлахъ, Amtsrichter, произведши предварительные розыски, долженъ бы былъ разсматривать дѣло въ публичномъ засѣданіи съ участіемъ засѣдателей и вмѣстѣ съ ними постановлять приговоръ, то это повлекло бы за собою чрезвычайныя траты во времени и трудѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло бы слѣдствіемъ и значительное увеличеніе чиновниковъ и большее отягощеніе гражданъ; а также было бы весьма затруднительно и найти способныхъ лицъ для замѣщенія столь большаго количества мѣстъ Amtsrichter'овъ и государственныхъ прокуроровъ.

«Не смотря на то, такъ продолжаетъ въ коммиссіонномъ докладѣ Престинари, коммиссія имѣла бы основаніе согласиться съ предложеніемъ правительства великаго герцогства, въ виду приведенныхъ имъ въ пользу того доводовъ, если такимъ образомъ могъ бы быть вполнѣ и со всѣми своими послѣдствіями проведенъ принципъ устности и гласности. Но для этого было бы необходимо, чтобы противъ уголовныхъ приговоровъ Amtsgericht'овъ столь же мало могла имѣть мѣсто аппеляція въ отношеніи къ фактическимъ вопросамъ и къ мѣрѣ наказанія, какъ и противъ рѣшеній высшихъ судовъ. Потому большинство коммиссіи полагало бы возмож-

нымъ высказаться въ пользу проекта лишь подъ тѣмъ предположеніемъ:

1) чтобы допускался хотя и ограниченный отводъ засѣдателей безъ объявленія основаній, какъ и при образованіи судовъ присяжныхъ;

2) для обвинительнаго приговора необходимо согласіе всѣхъ трехъ членовъ суда засѣдателей.

Однако правительство великаго герцогства рѣшительно воспротивилось отмѣнѣ аппеляціи противъ уголовныхъ приговоровъ этихъ судебныхъ учрежденій, а равнымъ образомъ и коммиссія не можетъ не принять во вниманіе, что

во первыхъ, едва ли будетъ возможно признать за подсудимымъ и обвинителемъ право отвода засѣдателей безъ слишкомъ большаго отягощенія послѣднихъ, и что

во вторыхъ, требованія единогласія для обвинительнаго приговора подъ обстоятельствами имѣло бы слѣдствіемъ слишкомъ частые очистительные приговоры, особенно при нѣкоторыхъ полицейскихъ проступкахъ и при нарушеніяхъ законовъ о налогахъ и пошлинахъ.

«Если же противъ уголовныхъ приговоровъ Amtsgericht'овъ должна допускаться аппеляція въ отношеніи къ фактическимъ вопросамъ и къ мѣрѣ наказанія и въ томъ случаѣ, если они постановлены по словесномъ судоговореніи и съ участіемъ засѣдателей, то коммиссія находитъ болѣе неслѣдовательнымъ, чтобы то судоговореніе, которое въ случаѣ таковой аппеляціи должно происходить передъ аппеляціонной инстанціей, если только право обжалованія должно имѣть значеніе, и было бы таковымъ, посредствомъ котораго бы осуществлялся принципъ гласности и устности и относительно уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ Amtsgericht'амъ. Такъ какъ подсудимый во всякомъ случаѣ, когда онъ не хочетъ согласиться съ уголовнымъ рѣшеніемъ Amtsgericht'а, имѣетъ право и возможность аппелировать какъ относительно фактическаго вопроса, такъ и въ отношеніи къ мѣрѣ наказанія, и такимъ образомъ достичь устнаго и гласнаго судоговоренія въ аппеляціонной инстанціи, то посредствомъ этого учрежденія принципъ устности и гласности будетъ осуществленъ въ той мѣрѣ, въ какой вообще ему можетъ быть удовлетворено въ этихъ незначительныхъ дѣлахъ. Иначе, они пользовались бы излишнею заботливостію, если относительно ихъ было бы предписано въ случаѣ аппеляціи вторичное публичное су-

договореніе, тогда какъ во всѣхъ другихъ и важнѣйшихъ дѣлахъ таковое происходитъ лишь однажды. Если же передъ Amtsgericht'омъ гласное и устное судебное слѣдствіе не будетъ имѣть мѣста, то вмѣстѣ съ этимъ само собою становится ненужнымъ и участіе засѣдателей. Хотя объ этомъ можно будетъ сожалѣть на столько, что участіе лицъ изъ народа предоставляло бы таковымъ дальнѣйшую возможность участія въ управленіи общественными дѣлами и болѣе короткаго ознакомленія съ судебно-уголовной расправой; однако при всемъ томъ, во первыхъ, нельзя не принять во вниманіе, что эти засѣдатели имѣли бы характеръ не присяжныхъ, а французскихъ дополнительныхъ судей, и отъ послѣднихъ они собственно не въ свою пользу отличались бы недостаткомъ въ юридическихъ свѣдѣніяхъ; потомъ, нѣтъ сомнѣнія, что у тѣхъ засѣдателей естественно долженъ будетъ родиться вопросъ, зачѣмъ отнимается у нихъ и время и эксплуатируется ихъ трудъ, если ихъ участіе цѣнится до того низко, что та апелляція, которая по принципу вовсе не должна болѣе существовать въ нашемъ будущемъ уголовномъ процессѣ, которая равнымъ образомъ не допускается противъ приговоровъ, постановленныхъ коллегіями государственныхъ судей въ важнѣйшихъ случаяхъ, именно считается необходимою только относительно приговоровъ суда засѣдателей, не смотря на то, что ему подлежатъ самые незначительные случаи? При томъ особенномъ недовѣріи, которое законодатель выразилъ бы къ ихъ приговорамъ, они всего менѣе могли бы считать себя людьми довѣрія. Идея, которая по мнѣнію большинства коммиссіи должна лежать въ основаніи взгляда на уголовныя дѣла, подлежащія Amtsgericht'амъ, была бы самымъ яснымъ образомъ выражена въ слѣдующемъ производствѣ: Amtsrichter по краткомъ изслѣдованіи дѣла объявляетъ подсудимому содержаніе постановленнаго имъ по своему благоусмотрѣнію приговора, затѣмъ подсудимый въ продолженіе краткаго срока долженъ объявить, подчиняется ли онъ этому приговору, или требуетъ гласнаго судоговоренія передъ коллегіальнымъ судомъ. Если подсудимый подчиняется приговору Amtsrichter'а или пропускаетъ назначенный ему для объясненія срокъ, то приговоръ вступаетъ въ законную силу; если же онъ требуетъ устнаго судоговоренія передъ коллегіальнымъ судомъ, то приговоръ Amtsrichter'а теряетъ всякое значеніе, и коллегіальный судъ постановляетъ свое рѣшеніе на основаніи уже судоговоренія. Однако правительственною коммиссіею великаго гер-

цогства противъ этого производства выставлено возраженіе, частію, что оно вслѣдствіе своей новизны не легко можетъ быть упорядочено закономъ, частію, что, предоставляя произволу подсудимаго, подчиниться или нѣтъ постановленному приговору, лишь можно подорвать всякое уваженіе къ Amtsrichter'у. Но понынѣ существующее аппеляціонное производство, которое предпочитаетъ правительственная коммиссія великаго герцогства, различается отъ изложеннаго нами лишь въ формѣ. И въ немъ предоставляется подсудимому или удовольствоваться приговоромъ Amtsrichter'а, или черезъ посредство аппеляціи требовать приговора аппеляціонной инстанціи на основаніи уже устнаго судоговоренія. Устнаго или письменнаго изложенія самого обжалованія приговора не требуется, и если при вышеизложенномъ производствѣ опасеніе инаго подсудимаго, что коллегіальный судъ можетъ осудить его строже Amtsrichter'а, и могло бы побудить его удовольствоваться приговоромъ этого послѣдняго, то это можетъ быть достигаемо и при доселѣ дѣйствующемъ производствѣ предоставленіемъ государственному прокурору права посредствомъ присоединенія къ аппеляціи подсудимаго выставлять предложеніе о строжайшемъ приговорѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ большинство коммиссіи предлагаетъ для уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ Amtsrichter'амъ, удержать въ существенномъ прежнее производство съ тѣмъ только измѣненіемъ, что если будетъ подаваема аппеляція относительно фактическихъ вопросовъ или опредѣленія мѣры наказанія, передъ аппеляціонною инстанціею должно слѣдовать гласное и устное судоговореніе. Что касается до состава суда, то безъ всякаго сомнѣнія замѣщеніе его тремя судьями вполнѣ удовлетворитъ цѣли при малой важности уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ Amtsgericht'амъ».

Въ засѣданіи второй камеры, 13 мая 1865 г., депутатъ Häusser сдѣлалъ предложеніе о возстановленіи правительственнаго проекта касательно введенія института засѣдателей при Amtsgericht'ахъ, и въ пользу этого предложенія въ особенности высказался депутатъ Lamey (государственный совѣтникъ и президентъ министерства внутреннихъ дѣлъ).

«Прежде всего, говоритъ онъ, должно освободить защитниковъ института засѣдателей отъ упрека въ непослѣдовательности; скорѣе непослѣдовательна сама коммиссія. Доводъ противъ института засѣдателей, выведенный изъ удержанія аппеляціи, не доказываетъ ничего, ибо, допуская аппеляцію противъ Amtsrichter'а, почему же

отвергать ее противъ засѣдателей? Скорѣе результатъ, къ которому должна бы была придти коммиссія, былъ бы не удержаніе института единоличнаго судьи, а передача дѣлъ, подлежащихъ въ настоящее время Amtsgericht'амъ, окружнымъ судамъ, ибо отмѣна аппеляціи основывается на идеѣ, что съ самаго начала рѣшеніе дѣла поручается лучшему суду. Но такъ какъ таковая передача этихъ дѣлъ окружному суду невозможна вслѣдствіе слишкомъ большой тягости занятій, то мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, что передъ окружными судами должно учредить другой судъ, рѣшенія котораго должны бы были обусловливаться тѣмъ, удовлетворяются ли ими прикосновенныя къ дѣлу лица. Можно бы сказать, что уже судъ засѣдателей достаточно хорошій судъ, что онъ пользуется необходимымъ довѣріемъ, что онъ постановляетъ круглымъ числомъ правильныя рѣшенія; однако во всякомъ случаѣ при простомъ замѣщеніи суда лишь двумя засѣдателями не можетъ быть всѣхъ необходимыхъ гарантій, и потому должна имѣть мѣсто и аппеляція. Непостижимо однако, какимъ образомъ вслѣдствіе этого могла бы оскорбляться честь засѣдатезей; аппеляція направляется противъ приговора суда засѣдателей, а членомъ таковаго является и Amtsrichter, честь котораго никто не считаетъ затронутою аппеляціей, засѣдатели же стоятъ съ нимъ на одной линіи; они, конечно, будутъ считать это за честь и не захотятъ стоять выше. Кромѣ того, въ незначительныхъ полицейскихъ дѣлахъ никто и не станетъ слишкомъ часто пользоваться правомъ аппеляціи. Такимъ образомъ существуютъ всѣ причины для высокой оцѣнки достоинства и значенія засѣдателей, ибо только черезъ нихъ можетъ быть понято значеніе суда и уваженіе къ нему. Институтъ единоличнаго судьи представляетъ собою лишь призракъ осуществленія принципа устности и гласности. Возраженіе, что въ среднихъ уголовныхъ дѣлахъ существуетъ недостатокъ системы, вовсе не ведетъ, какъ утверждаютъ, къ исключенію института засѣдателей для низшей инстанціи, напротивъ, именно къ введенію его, ибо тогда дополненіе среднихъ пробѣловъ тѣмъ легче найдетъ себѣ надлежащій путь. Нерасположеніе къ учрежденію не обнаружится никакимъ образомъ, а скорѣе окажется противное. Если дѣйствительно съ полною послѣдовательностію проводить принципъ гласности и устности, то, само собою разумѣется, нельзя ограничиваться одними полумѣрами, а прежде всего заботиться о возведеніи для него широкаго основанія, а его то образуютъ за-

сѣдатели скорѣе, нежели присяжные. Настоящій способъ рѣшенія уголовно-полицейскихъ дѣлъ нигдѣ не пользуется довѣріемъ; это будетъ иначе, если таковыя дѣла будутъ обсуждаться гласно и устно; въ этомъ-то именно и состоитъ чрезвычайная заслуга устности и гласности, что съ помощію ихъ обсужденіе полицейско-уголовныхъ случаевъ потеряетъ въ глазахъ народа до сихъ поръ еще связанный съ нимъ характеръ недовѣрія и нерасположенія и явится тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, какъ истинная и справедливая судебная расправа. Ораторъ самъ большой почитатель суда засѣдателей, онъ имѣетъ самое лучшее убѣжденіе о могущественномъ вліяніи его и высокомъ значеніи института. Но Schöffengericht имѣетъ свое великое значеніе не только для народа, но какъ прекрасная и достойная школа и для самыхъ государственныхъ судей-юристовъ. Вездѣ требуютъ гласности и устности не только въ окружныхъ судахъ и судахъ присяжныхъ, но и въ администраціи; какимъ же образомъ можно пренебрегать первоначальною для этого школою, безъ которой является безпомощность и во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ вслѣдствіе недостатка въ достойныхъ выработавшихся силахъ! Даже наши во всѣхъ другихъ отношеніяхъ столь достойные суды присяжныхъ страдаютъ еще недостаткомъ медленности и неповоротливости, и это не измѣнится до тѣхъ поръ, пока принципъ гласности и устности не будетъ вполнѣ проведенъ уже съ самой низшей ступени. Коммиссія упустила однако это изъ виду, и это должно поставить ей въ упрекъ. Противъ же устраненія аппеляціи должно высказаться собственно не потому, что способность засѣдателей не возбуждаетъ къ себѣ довѣрія, а потому что мѣстный характеръ и обусловленное тѣмъ невольное пристрастіе суда засѣдателей побуждаетъ желать аппеляціи. Относительно присяжныхъ нѣтъ основанія опасаться пристрастія вслѣдствіе величины округа; засѣдателю же весьма близки множество мѣстныхъ отношеній, отъ вліянія которыхъ онъ не легко можетъ освободиться; и это имѣетъ значеніе особенно во времена возрожденія, въ которыхъ допущеніе суда засѣдателей безъ аппеляціи было бы не только сомнительно для подсудимаго, но и опасно для государственной власти. Поэтому аппеляція должна быть удержана по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ случаяхъ.

Обремененіе засѣдателей вовсе не будетъ чрезмѣрно; необыкновенной дѣятельности отъ нихъ не будетъ требоваться; въ городѣ они должны бы были собираться чаще, а въ деревняхъ, конечно,

не чаще четырехъ недѣль. Хотя сначала можетъ быть институтъ и не найдетъ себѣ сочувствія въ народѣ, но за то оно во всякомъ случаѣ обнаружится скоро; каждый будетъ считать за честь принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и самый институтъ весьма скоро пріобрѣтетъ себѣ уваженіе и значеніе».

Въ пользу судовъ засѣдателей, въ томъ же смыслѣ, высказались депутаты Екгардъ (адвокатъ), Гаагеръ и ф. Роггенбахъ (президентъ министерства иностранныхъ дѣлъ); противъ же института депутаты Фингадо, ф. Стокгормъ, Кинесъ.

Вторая камера значительнымъ большинствомъ приняла предложеніе о возстановленіи правительственнаго проекта о введеніи суда засѣдателей для первой инстанціи и вмѣстѣ съ удержаніемъ права аппеляціи за сторонами. Съ этимъ заключеніемъ согласилась и первая камера. Г. Блюнчли въ составленномъ имъ въ первой камерѣ докладѣ коммиссіи говоритъ относительно этого слѣдующее:

«Въ новой организаціи судебныхъ учрежденій кромѣ названій должно подвергнуться измѣненію лишь то, что Amtsgericht преобразовывается и расширяется въ судъ засѣдателей.

Настоящая организація.

1. *Степень:* Amtsrichter, какъ единоличный судья.
2. *Степень:* Четыре Hofgericht'а (коллегіальные суды).
3. *Степень:* Четыре Hofgericht'а съ присяжными.
4. *Степень:* Oberhofgericht:

Будущая организація.

Суды засѣдателей.

Бо̀льшее число окружныхъ судовъ (коллегіальные суды).

Четыре окружныхъ суда съ присяжными.

Oberhofgericht.

«Въ этой новой организаціи, конечно, каждый обратитъ вниманіе на то, что на высшей и низшей ступени уголовной подсудности къ свѣдущимъ въ правѣ коронным судьямъ присоединяются еще частныя лица изъ народа, отъ которыхъ вовсе не требуется юридическаго образованія, тамъ какъ засѣдатели, здѣсь какъ присяжные, между тѣмъ какъ на средней ступени судебная расправа отправляется коллегіями, исключительно состоящими изъ судей-юристовъ. Однако, должно признаться, что выборъ трехъ различныхъ стилей для трехъ различныхъ ярусовъ одного и того же судебнаго

зданія имѣетъ свое основаніе не только въ томъ, что старое среднее учрежденіе оставлено изъ удобства и сначала надъ нимъ возведенъ верхній новый ярусъ (суды присяжныхъ), а потомъ въ настоящее время и въ основаніи захотѣли ввести новѣйшее измѣненіе (суды засѣдателей). Существуютъ и внутреннія основанія, которыя говорятъ еще противъ преобразованія средняго учрежденія въ судъ засѣдателей или присяжныхъ, по крайней мѣрѣ отлагаютъ это на время. Коллегія ученыхъ судей-юристовъ хотя представляетъ собою менѣе обезпеченій для хорошей судебной расправы, нежели судъ присяжныхъ, но въ то же время заключаетъ въ себѣ высшія гарантіи нежели судъ засѣдателей, и эти-то гарантіи при надлежащемъ осуществленіи обвинительнаго процесса, равно какъ гласности и устности, вполнѣ удовлетворяютъ цѣли. Таковыя судебныя учрежденія должны и могутъ въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствовать правильному среднему состоянію хорошо устроенной судебно-уголовной расправы. Обыкновенно они обсуждаютъ дѣла одни безъ присяжныхъ. Но если особенная тяжесть преступленія или особенный характеръ преступнаго дѣйствія требуетъ большаго вниманія при его обсужденіи, тогда приглашаются присяжные, а если въ противномъ случаѣ являются маловажные случаи, обсужденіе которыхъ этими коллегіальными судами становится для послѣднихъ слишкомъ обременительнымъ или для самаго дѣла несоразмѣрно дорогимъ, то предпочитается разрѣшать подобные случаи въ ближе стоящемъ къ народу судѣ засѣдателей. Такимъ образомъ и мы въ настоящемъ случаѣ не можемъ ничего сказать противъ основнаго плана этой организаціи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣждены въ возможности, что со временемъ, когда въ народѣ еще болѣе увеличится смыслъ и средства къ большему его участію въ судебной расправѣ, привлеченіе присяжныхъ будетъ цѣлесообразнымъ и приложимымъ и къ средней ступени, лишь только въ простѣйшихъ формахъ нежели въ теперешнемъ судѣ присяжныхъ (напримѣръ, одинъ судья съ 6-ю присяжными, или три судьи съ 5-ю присяжными).

«Совершенно ново предложеніе о введеніи судовъ засѣдателей. Основанія этого института не развиты подробно ни въ проектѣ закона, ни даже въ самыхъ мотивахъ къ нему. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что при этомъ имѣлось въ виду ганноверское судоустройство. Конечно, это учрежденіе еще слишкомъ молодо и въ Ганноверѣ, однако, судя по отзывамъ, оно тамъ уже оправдало себя.

Хотя весьма возможно, что въ нашей странѣ къ введенію этого института иные граждане сначала будутъ относиться съ недоброжелательствомъ, какъ къ непріятному и излишнему отягощенію, и что также и нѣкоторые Amtsrichter'ы сначала лишь съ трудомъ будутъ преодолѣвать въ себѣ нѣкотораго рода недовѣріе и нерасположеніе къ участію засѣдателей. Но таковъ уже законъ нравственнаго міроваго порядка, что каждый шагъ впередъ на пути къ образованію и свободѣ обусловливается усиліями самихъ гражданъ, а потому и высокаго преимущества народной судебной расправы нельзя иначе достигнуть, какъ посредствомъ живаго участія народа въ ея трудахъ и работахъ. Многіе граждане уже съ самаго начала будутъ видѣть въ этомъ новомъ участіи важное право народа, вовсе не дорого искупаемое отправленіемъ соотвѣтствующей ему народной обязанности; самая же практика будетъ способствовать развитію способностей къ тому участію, и свѣдущіе въ правѣ Amtsrichter'ы скоро убѣдятся, что вслѣдствіе такой связи съ народною жизнію и народными воззрѣніями усиливаются уваженіе и здравый смыслъ судебной расправы. Но вообще безъ участія засѣдателей едва ли было бы возможно и самое осуществленіе гласности, устности и обвинительнаго процесса. Если только желать этого серьезно, то Amtsrichter необходимо долженъ быть перемѣщенъ изъ атмосферы теперешней его тѣсной оффиціальной камеры въ атмосферу публичнаго судебнаго зала; между розысками, которые онъ предварительно предпринимаетъ одинъ, и самымъ обсужденіемъ дѣла, котораго онъ не долженъ предпринимать одинъ, должно существовать болѣе строгое различіе; средство къ этому и суть засѣдатели. Если далѣе желать дѣятельность уголовной полиціи, которая до сихъ поръ нигдѣ не была популярна и нигдѣ не пользовалась всеобщимъ довѣріемъ, приблизить къ народному сознанію и пробудить въ народѣ къ ней довѣріе, то для этого участіе почтенныхъ, пользующихся уваженіемъ лицъ изъ народа, можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ. Принимая во вниманіе эти основанія, и тѣ члены коммиссіи, которые еще имѣютъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно продолжительности существованія и успѣшнаго дѣйствія судовъ засѣдателей, при всемъ томъ соглашаются на попытку къ ихъ введенію. При этомъ, впрочемъ, мы считаемъ полезнымъ высказать общее воззрѣніе правительства и камеръ, что подъ засѣдателями никакимъ образомъ не должно разумѣть постоянныхъ, а именно перемѣнныхъ, очередныхъ судей изъ народа, по болѣе или менѣе подвижному по-

рядку приглашаемыхъ къ засѣданіямъ суда на основаніи подробнѣйшаго списка способныхъ къ тому гражданъ. Даже постановленіе, существующее въ Ганноверѣ о дозволеніи назначеннымъ засѣдателямъ избирать изъ среды себя нѣкоторыхъ какъ бы постоянными представителями, признано коммиссіею вообще сомнительнымъ и нарушающимъ самый принципъ. Относительно компетентности судовъ засѣдателей обнаружилось въ коммиссіи сначала различіе воззрѣній. Большинство было того мнѣнія, что компетентность судовъ засѣдателей должна быть строго ограничена уголовно-полицейскими случаями и такими проступками, наказуемость которыхъ ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ полицейскихъ наказаній. Согласно съ этимъ компетентность судовъ засѣдателей должна бы простираться не далѣе, на сколько этого требуетъ поддержаніе общественнаго благоустройства и благочинія, или если при менѣе значительныхъ проступкахъ интересъ быстрой наказуемости перевѣшиваетъ интересъ болѣе подробнаго и внимательнаго юридическаго обсужденія. Вмѣстѣ съ этимъ именно обусловливается краткое, по возможности безформенное и дешевое производство. Но какъ скоро уголовные случаи становятся важнѣе, то они, по мнѣнію большинства, необходимо требуютъ болѣе внимательнаго юридическаго обсужденія, которое, конечно, можно скорѣе ожидать отъ окружныхъ судовъ, а не отъ судовъ засѣдателей. Такъ какъ, по слухамъ, правительство намѣревается ограничить полицейское наказаніе денежнымъ штрафомъ, высшею мѣрою ста гульденовъ, и наказаніемъ лишенія свободы до 4 недѣль, и такъ какъ этотъ предѣлъ наказанія вполнѣ достаточенъ для полицейскихъ проступковъ, то большинство желало, чтобы и компетентность судовъ засѣдателей была строго ограничена этою мѣрою наказанія. И въ Ганноверѣ компетентность этихъ судовъ не переходитъ за предѣлы наказуемости уголовно-полицейскихъ дѣлъ. Меньшинство, напротивъ, болѣе было склонно согласиться съ правительственнымъ проектомъ, который предлагаетъ гораздо высшую мѣру наказанія — до 300 гульденовъ штрафа и до 8 недѣль тюремнаго заключенія, частію съ цѣлію доставить судамъ засѣдателей бо̀льшую уголовную юрисдикцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бо̀льшій авторитетъ, частію, чтобы по возможности менѣе измѣнить прежнюю компетентность. Впрочемъ, по совѣщаніи съ г. министромъ юстиціи и большинство отказалось отъ предложенія измѣненій въ этомъ отношеніи. Г. министръ указалъ именно на то, что противъ строгаго осуществленія въ себѣ самой справе-

дливой мысли большинства въ настоящее время существуютъ весьма важныя сомнѣнія, такъ какъ такое ограниченіе прежней компетентности Amtsrichter'овъ тѣмъ менѣе нашло бы себѣ въ настоящее время сочувствіе, что вслѣдствіе привлеченія засѣдателей къ участію въ судебной расправѣ увеличиваются гарантіи для хорошаго употребленія компетентности, далѣе, что вслѣдствіе этого значительно увеличились бы издержки судебно-уголовной расправы и и что наконецъ въ настоящее время весьма важно не обременять съ самаго начала подавляющею тяжестію занятій вновь учреждаемые окружные суды. Что же касается до аппеляціи, то производство въ судахъ засѣдателей, которое по существу дѣла должно предотвращать всякую бо́льшую, далеко несоразмѣрную трату во времени и силахъ, конечно представляетъ собою менѣе гарантій, нежели производство въ судахъ присяжныхъ или окружныхъ судахъ. Потому здѣсь, по нашему мнѣнію, необходимо болѣе свободное аппеляціонное производство, хотя конечно законъ долженъ обратить свое вниманіе на то, чтобы вторая инстанція окружныхъ судовъ, при вторичномъ обсужденіи дѣла, по возможности сберегала и время и издержки и не принимала излишняго повторенія доказательнаго производства. Мы не раздѣляемъ опасенія, что вслѣдствіе предоставленія права подобной аппеляціи будетъ страдать авторитетъ суда засѣдателей, а скорѣе считаемъ такое право необходимымъ для развитія самаго института и для правильной его дѣятельности». Съ мнѣніемъ г. Блюнчли согласилась безъ дальнѣйшихъ преній и первая камера. Такимъ образомъ вышеприведенныя положенія правительственнаго проекта были приняты обѣими камерами, и высочайше утвержденное 19-го мая 1864 года судоустройство, § 7, опредѣляетъ, что къ публичному судоговоренію и обсужденію уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ Amtsgericht'амъ, за исключеніями, обозначенными въ законѣ, должны быть приглашаемы и принимать участіе два засѣдателя. Самый институтъ судовъ засѣдателей получилъ подробнѣйшее развитіе въ санкціонированномъ 18-го мая 1864 года кодексѣ уголовнаго судопроизводства, въ законѣ о подсудности и судоустройствѣ въ уголовно-полицейскихъ дѣлахъ отъ 28-го мая 1864 года, равно какъ и въ предписаніи министерства юстиціи отъ 26-го іюля 1864 года, о составленіи списковъ присяжныхъ и засѣдателей и въ изданной министерствомъ юстиціи инструкціи для Amtsgericht'овъ отъ 30-го августа 1864 г., касательно судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ, подлежащимъ Amtsgericht'амъ.

Существеннѣйшія постановленія суть слѣдующія:

1) Судебно-уголовная расправа въ менѣе важныхъ (обозначенныхъ въ 1—26 цифрахъ I. Приложенія къ судоустройству) уголовныхъ [1]) и въ уголовно-полицейскихъ дѣлахъ отправляется Amtsrich-

[1]) Таковы суть:

1) Нарушеніе запрещенія въѣзда въ страну (§ 20, уголов. код.).

2) Нарушеніе правилъ полицейскаго надзора (§ 28).

3) Тѣлесное поврежденіе съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, если посредствомъ его не причинено ни постояннаго ущерба, ни болѣзни или неспособности къ работѣ (§ 227); тѣлесное поврежденіе, совершенное въ аффектѣ, или таковое же, нанесенное въ дракѣ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, если причиненная этимъ болѣзнь или неспособность къ работѣ не простиралась далѣе 14 дней (§ 232, циф. 3 и 4, § 240) и неосторожное тѣлесное поврежденіе.

4) Недозволенное отправленіе врачебнаго искусства (§§ 255 или 256—1).

5) Насиліе (§ 278) и самоуправство (§ 279).

6) Ложное обвиненіе, клевета и оскорбленіе чести (титулъ XIX уголов. код.), исключая случаевъ обозначенныхъ въ §§ 299, 303, 319, и при оскорбленіяхъ чести, совершенныхъ противъ оффиціальныхъ лицъ или оффиціальными лицами при отправленіи ими должности, если только эти лица принадлежатъ къ обозначеннымъ въ § 658.

7) Возбужденіе общественнаго соблазна (§§ 358 и 359), исключая случай, въ которомъ существуетъ преступленіе противъ печати.

8) Обозначенные въ §§ 369, 370 уголов. код. проступки публичныхъ женщинъ.

9) Простое воровство до 26 гульденовъ (§ 377, цифра 1), если оно не совершено подъ отягчающими обстоятельствами обозначеннаго въ § 385, циф. 1, 2, 3, 10, 11 и 14, рода.

10) Утайка до 25 гульденовъ (§ 403, цифра 1, § 407).

11) Утайка клада (§ 408, 409).

12) Подлогъ въ случаяхъ § 429 и употребленіе фальшивыхъ документовъ обозначенныхъ въ этомъ § родовъ (§§ 436, 437).

13) Употребленіе чужихъ фабричныхъ знаковъ (§ 444).

14) Обманъ до 25 гульденовъ (тит. XXXI уголов. код.) за исключеніемъ отказа въ уплатѣ между торговыми людьми (§§ 467, 468).

15) Угрожаемая наказаніемъ въ § 527 выдача фальшивыхъ монетъ или фальшивыхъ ассигнацій, если нанесенный вредъ не превышаетъ суммы 25 гульденовъ.

16) Обнаруженіе фабричныхъ секретовъ (§ 544).

17) Сокрытіе или похищеніе чужихъ писемъ или другихъ запечатанныхъ документовъ (§ 545).

18) Неосторожное нарушеніе телеграфнаго сообщенія (§ 569 е.).

19) Поврежденіе чужаго имущества изъ злости, мести или своекорыстія до 25 гульденовъ (§ 570, циф. 1), если дѣяніе не совершено подъ отягчающими обстоятельствами обозначеннаго въ § 571, циф. 1, 2, 12 и 13, или въ § 573 рода.

20) Поврежденіе имущества изъ шалости (§ 575), исключая случаи § 573.

21) Нарушеніе церковной службы (§ 585), исключая тѣ случаи, когда дѣяніе совершено большимъ числомъ участниковъ, заранѣе между собою о томъ согла-

ter'омъ съ участіемъ двухъ засѣдателей. Уголовная власть въ этихъ дѣлахъ, подлежащихъ Amtsgericht'амъ, простирается въ отношеніи къ наказанію лишенія свободы до 8 недѣль тюремнаго заключенія и въ отношеніи къ денежнымъ штрафамъ до 300 гульденовъ. Напротивъ, въ дѣлахъ уголовно-полицейскихъ можетъ быть опредѣляемо и высшее, опредѣленное въ уголовномъ кодексѣ или въ особенныхъ законахъ, наказаніе какъ лишенія свободы, такъ и денежный штрафъ (§ 7, 15 судоустройства; § 304 кодекса уголовнаго судопроизводства; § 1 закона о судопроизводствѣ въ уголовно-полицейскихъ дѣлахъ; § 9 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

2) Нѣкоторые проступки, какъ, напр., всѣ нарушенія законовъ о пошлинахъ, акцизахъ и налогахъ, лѣсныхъ законовъ, проступки противъ устава о судоходствѣ по Рейну, нарушенія законовъ о правѣ публичныхъ сходокъ и собраній, о военномъ положеніи, объ обязанностяхъ гражданъ къ военнымъ повинностямъ, и нарушенія полицейскихъ предписаній о печати обсуждаетъ Amtsrichter одинъ безъ участія засѣдателей. Но и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ участіе засѣдателей признается вообще необходимымъ, Amtsrichter можетъ тотчасъ приступить къ постановленію приговора безъ приглашенія засѣдателей и безъ публичнаго судоговоренія:

а) Если онъ находитъ, что дѣяніе подсудимаго ведетъ за собою лишь денежный штрафъ или только тюремное заключеніе не выше 8 дней, и если подсудимый сдѣлалъ признаніе по существу дѣла, т. е. если онъ утверждаетъ существенные факты, на которыхъ основывается обвиненіе;

б) Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, и при всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою и высшее наказаніе, если обсужденіе его нельзя отсрочить до ближайшаго обычнаго засѣданія безъ вреда для подсудимаго или для самаго дѣла; такимъ образомъ, если напр. подсудимый содержится подъ стражей, или если

сившихся, или съ употребленіемъ, или съ угрозою насилія противъ лицъ, или и съ поврежденіемъ вещей.

22) Сопротивленіе въ случаяхъ § 615.

23) Поврежденіе публичныхъ объявленій (§ 620).

24) Поврежденіе правительственныхъ печатей (§ 621).

25) Недозволенная охота въ случаѣ § 643, воровство дичи (§ 651), нарушенія законовъ объ охотѣ (§ 644) и рыбной ловлѣ (§ 653).

26) Подкупъ и подлежащее наказанію принятіе подарковъ низшими оффиціальными лицами (§§ 663, 664, 667).

существуютъ въ дѣлѣ свидѣтели, которые очевидно въ послѣдствіи къ судоговоренію явиться не могутъ, или если засѣдатели, находясь болѣе дня ѣзды отъ мѣста засѣданія суда, не являются къ засѣданію или явившійся засѣдатель заболѣваетъ, или отведенъ законнымъ образомъ, а необходимые кандидаты не могутъ быть вызваны къ надлежащему времени. Однако, во всѣхъ этихъ случаяхъ обсужденіе дѣла безъ публичнаго судоговоренія и безъ участія засѣдателей можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если ясно съ этимъ соглашается подсудимый, что и должно быть внесено въ протоколъ (§ 305 кодекса уголовнаго судопроизводства; § 11, II, къ нему приложенія; § 17 закона объ уголовно-полицейскомъ производствѣ; §§ 9, 10, инструкціи Amtsgericht'амъ).

3) Должность засѣдателя есть почетная должность, къ отправленію которой имѣютъ право и обязанность всѣ баденскіе граждане, имѣющіе таковое право и обязанность въ отношеніи къ должности присяжнаго [1]) (§ 1 приложенія II къ кодексу уголовнаго судопроизводства).

4) Основанія освобожденія и неспособности для должности засѣдателя суть тѣ же самыя, какъ и для должности присяжнаго. Кто былъ разъ уже приглашаемъ къ оффиціальной дѣятельности въ качествѣ присяжнаго или засѣдателя и исполнялъ эту обязанность, или кто въ теченіе одного года по крайней мѣрѣ три засѣданія исправлялъ должность запаснаго, имѣетъ право на освобожденіе отъ должности засѣдателя на слѣдующій годъ (§ 3, 16 приложенія II къ кодексу уголовнаго судопроизводства).

5) Одновременно съ образованіемъ окружнаго списка для должности присяжныхъ, окружный совѣтъ (состоящій изъ окружнаго на-

[1]) Это дѣйствуетъ также въ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, однако съ тѣмъ различіемъ, что тамъ имущественный цензъ (состоящій въ Баденѣ для присяжныхъ и засѣдателей въ 20 гульденахъ прямыхъ государственныхъ налоговъ) не примѣняется къ засѣдателямъ, между тѣмъ какъ присяжные тамъ избираются изъ лицъ подлежащихъ высшему цензу. Это различіе признали неосновательнымъ. Самая способность какъ къ той такъ и къ другой судебной дѣятельности не обусловливается платежомъ налога съ извѣстнаго имущества, однако таковое условіе имѣетъ то основаніе, что оно опредѣляетъ общинному начальству границы для выбора кандидатовъ въ должности засѣдателей и присяжныхъ, а равно и относительно лицъ, платящихъ 20 гульденовъ прямыхъ налоговъ, даетъ возможность предполагать, что они въ состояніи безъ затрудненія нести связанныя съ тѣми обязанностями денежныя пожертвованія. Сравни коммиссіонный докладъ Престинари къ § 1 приложенія II къ уставу уголовнаго судопроизводства.

чальника—чиновникъ администраціи—вмѣстѣ съ 6—9 состоящими при немъ для участія въ управленіи общественными дѣлами жителями округа) избираетъ изъ первоначальнаго списка и засѣдателей на будущій годъ. Изъ внесенныхъ въ первоначальный списокъ жителей мѣста, въ которомъ имѣетъ свои засѣданія Amtsgericht, избирается одинъ засѣдатель на каждые 250 жителей этого мѣста; изъ внесенныхъ же въ первоначальный списокъ жителей прочихъ мѣстъ округа на каждые 500 жителей этой части округа одинъ засѣдатель. Если получится для одного изъ обоихъ классовъ нечетное число, то назначается еще одинъ засѣдатель. Число засѣдателей, имѣющихъ быть избранными изъ прочихъ общинъ округа, кромѣ мѣста засѣданія Amtsgericht'а, исчисляется не по отдѣльнымъ общинамъ, но по общей суммѣ жителей всей этой части округа, и нѣтъ надобности, чтобы именно изъ каждой общины было выбрано пропорціональное число засѣдателей (§ 4 II приложенія къ кодексу уголовнаго судопроизводства; § 22 исполнительнаго предписанія объ образованіи списковъ присяжныхъ и засѣдателей).

6) Изъ внесенныхъ въ первоначальный списокъ жителей мѣста засѣданія суда окружной совѣтъ избираетъ далѣе запасныя лица, число которыхъ должно быть равно четвертой части имѣющихъ быть избранными засѣдателей (§ 5 II приложенія къ кодексу уголовнаго судопроизводства; § 23 упомянутаго исполнительнаго предписанія).

7) Если число внесенныхъ въ первоначальный списокъ жителей мѣста засѣданія суда недостаточно для выбора изъ него засѣдателей и запасныхъ лицъ въ числѣ, опредѣленномъ въ §§ 4 и 5 II приложенія къ кодексу уголовнаго судопроизводства, то запасныя лица должны быть замѣщены внесенными въ первоначальный списокъ жителями ближайшихъ общинъ (§ 6 приложенія II къ кодексу уголовнаго судопроизводства; § 24 упомянутаго исполнительнаго предписанія).

8) По окончаніи выборовъ начальство округа пересылаетъ акты въ Amtsgericht. Послѣдній затѣмъ въ публичномъ засѣданіи опредѣляетъ жребіемъ очередь, въ которой засѣдатели должны принимать участіе въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ уголовнаго суда на слѣдующій годъ. Засѣдатели извѣщаются о выборѣ ихъ въ эту должность, равно о тѣхъ недѣльныхъ дняхъ, въ которые имѣютъ мѣсто обыкновенныя засѣданія, и объ опредѣленной между ними жребіемъ очереди. Но кромѣ того каждый засѣдатель еще особенно извѣщается объ отдѣльномъ засѣданіи, къ которому онъ долженъ

явиться (§ 7, II приложенія къ кодексу уголовнаго судопроизводства; § 27 упомянутаго исполнительнаго предписанія; § 14 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

9) Измѣненіе опредѣленной жребіемъ очереди службы можетъ быть разрѣшено Amtsgericht'омъ по просьбѣ заинтересованныхъ засѣдателей до тѣхъ поръ, пока еще не назначены дѣла, подлежащія обсужденію въ опредѣленныхъ засѣданіяхъ [1]). Amtsrichter можетъ разрѣшить неявку къ судебному засѣданію тому засѣдателю, который вслѣдствіе крайней необходимости желаетъ быть освобожденнымъ отъ этой обязанности, однако за то послѣдній можетъ быть впослѣдствіи приглашенъ въ качествѣ запаснаго засѣдателя [2]). (§ 9 приложенія II къ кодексу уголовнаго судопроизводства).

10) Засѣданіе суда должно быть назначаемо лишь тогда, когда накопилось уже столь достаточное количество готовыхъ для обсужденія дѣлъ, что они могутъ занять собою цѣлое засѣданіе. Судоговореніе обыкновенно должно быть назначаемо до обѣда, но въ случаѣ нужды засѣданія могутъ быть продолжаемы и въ послѣобѣденное время. Если Amtsgericht усмотритъ, что обыкновенно на его обсужденіе поступаетъ столько уголовныхъ дѣлъ, что изъ нихъ можетъ быть образовано еженедѣльно по крайней мѣрѣ одно засѣданіе, то долженъ быть назначенъ и обычный день засѣданія, о чемъ должно быть публиковано во всеобщее свѣдѣніе (§ 11 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

11) Уголовно-полицейскія дѣла и уголовныя дѣла инаго рода, подлежащія Amtsgericht'амъ, должны быть обсуждаемы въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ, за исключеніемъ впрочемъ того случая, когда готовыхъ къ обсужденію уголовныхъ дѣлъ обоего рода существуетъ лишь на столько, что они могутъ составить собою только одно засѣданіе (§ 12 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

---

[1]) Посредствомъ этого должно быть воспрепятствовано мѣнѣ между засѣдателями относительно извѣстныхъ уголовныхъ дѣлъ, имѣющихъ быть рѣшенными въ опредѣленномъ засѣданіи. (Сравни коммиссіонный докладъ Престинари къ § 9 приложенія II къ кодексу уголовнаго судопроизводства).

[2]) Предполагается, что Amtsrichter и при приглашеніи запасныхъ лицъ будетъ наблюдать опредѣленную очередь, что онъ не будетъ приглашать одно и то же лицо два раза, имѣя въ своемъ распоряженіи другое, которое не было вовсе приглашаемо. Законное же предписаніе этого содержанія не признано необходимымъ; таковаго же не существуетъ ни въ ганноверскомъ, ни въ ольденбургскомъ законодательствѣ. (Сравни коммиссіонный докладъ Престинари l. c.).

12) Засѣдатель, неявившійся къ засѣданію безъ достаточнаго оправданія, подлежитъ денежному штрафу отъ 5 до 25 гульденовъ. Кромѣ того, онъ обязанъ возмѣстить и всѣ издержки, возникающія вслѣдствіе оказавшейся необходимою отсрочки дѣла. О наказаніи и издержкахъ рѣшаетъ Amtsrichter (§ 10 приложенія II къ код. уголовн. судопроизв.).

13) Мѣсто засѣдателей, не явившихся безъ оправданія, если ихъ нельзя тотчасъ пригласить вторично, Amtsrichter долженъ замѣнить необходимыми кандидатами изъ запасныхъ лицъ. То же самое имѣетъ мѣсто, если явившійся засѣдатель заболѣваетъ или законнымъ образомъ отведенъ (§ 11 приложенія II къ код. уголовн. судопроизв.).

14) Къ чрезвычайнымъ засѣданіямъ суда, необходимымъ для разрѣшенія нетерпящихъ отлагательства уголовныхъ случаевъ, Amtsrichter приглашаетъ въ качествѣ засѣдателей два запасныхъ лица [1]) (§ 12 прилож. II къ код. уголовн. судопроизв.).

15) Засѣдатели, живущіе по крайней мѣрѣ на разстояніи часа времени отъ мѣста засѣданія суда, получаютъ то же вознагражденіе путевыхъ издержекъ, какъ и присяжные. Вознагражденіе инаго рода не имѣетъ мѣста (§ 13 прилож. II къ код. уголовн. судопроизв.).

16) Засѣдатели и запасныя лица при первомъ отправленіи своихъ оффиціальныхъ обязанностей приводятся Amtsrichter'омъ къ присягѣ слѣдующаго рода:

«Клянусь, что я добросовѣстно исполню возложенную на меня обязанность засѣдателя, съ полнымъ вниманіемъ буду слѣдить за судебнымъ производствомъ и подамъ свой голосъ безъ ненависти, потворства и не взирая ни на какое лицо, лишь на основаніи моего добросовѣстнаго убѣжденія. Да поможетъ мнѣ по истинѣ Богъ!»

Это присяжное обязательство имѣетъ силу на цѣлый годъ, на который засѣдатель или запасное лицо приглашаются къ отправле-

---

[1]) Для спѣшныхъ уголовныхъ дѣлъ, обсужденіе и рѣшеніе которыхъ не можетъ быть съ удобствомъ отложено до ближайшаго засѣданія, могутъ быть необходимыми и чрезвычайныя засѣданія. Хотя по § 305 код. уголов. судопроизв. Amtsrichter и можетъ въ такихъ случаяхъ приступить къ рѣшенію, не приглашая засѣдателей, но это можетъ быть лишь тогда, когда съ этимъ соглашается подсудимый. Поэтому во всякомъ случаѣ должно существовать постановленіе о приглашеніи засѣдателей къ могущимъ случиться чрезвычайнымъ засѣданіямъ, подобно тому, какъ это существуетъ въ законодательствѣ Ганновера и Ольденбурга, по которымъ въ такихъ случаяхъ Amtsrichter долженъ приглашать запасныхъ лицъ.)Сравни коммиссіонный докладъ Престинари къ § 12 приложенія II къ код. уголовн. судопроизв.).

нію своихъ оффиціальныхъ обязанностей (§ 14 прилож. II къ код. уголовн. судопроизв.).

17) О приводѣ къ присягѣ засѣдателей и запасныхъ лицъ долженъ быть составленъ особенный протоколъ. На него должна быть дѣлаема ссылка въ протоколѣ объ обсужденіи отдѣльныхъ уголовныхъ дѣлъ, въ которомъ участвуютъ тѣ засѣдатели и запасныя лица. Протоколы о приводѣ къ присягѣ должны быть соединяемы въ одну общую тетрадь актовъ, которая должна быть для каждаго года заводима вновь (§ 15 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

18) Отводъ засѣдателя имѣетъ мѣсто лишь по тѣмъ основаніямъ, по которымъ можетъ быть отводимъ судья, и лишь до начала обсужденія дѣла. Относительно просьбы объ отводѣ рѣшаетъ Amtsrichter одинъ (§ 15 прилож. II къ код. уголовн. судопроизв.).

19) Во время судоговоренія засѣдатели могутъ съ согласія Amtsrichter'а дѣлать отдѣльные вопросы подсудимому, свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ (§ 310 код. уголовн. судопроизв.).

20) По окончаніи судоговоренія рѣшеніе постановляется Amtsrichter'омъ совмѣстно съ обоими засѣдателями, по большинству голосовъ. Amtsrichter подаетъ свой голосъ первый. Онъ даетъ засѣдателямъ нужное объясненіе и наставленіе въ правѣ. Совѣщаніе и подача голосовъ происходитъ не гласно (§ 311, 312 код. уголовн. судопроизводства).

21) Основанія рѣшенія должны указывать тѣ факты, которые Amtsgericht принялъ за доказанные и положилъ въ основаніе своего приговора, а равно и примѣненныя имъ мѣста закона. При словесномъ объявленіи приговора Amtsrichter можетъ ограничиться лишь объясненіемъ самаго существа тѣхъ основаній рѣшенія; но тотчасъ же по окончаніи судоговоренія онъ обязанъ присоединить къ актамъ подробнѣйшее ихъ изложеніе, а равнымъ образомъ приложить таковое и къ письменно изготовленному приговору (§ 313 код. уголовн. судопр., § 18 инструкціи для Amtsgericht'овъ).

22) Противъ приговоровъ Amtsgericht'овъ, хотя бы постановленныхъ и съ участіемъ засѣдателей, какъ осужденный, такъ и государственный прокуроръ или частный обвинитель могутъ воспользоваться аппеляціей (Recurs) окружному суду и такимъ образомъ выставить всѣ тѣ основанія, которыя имѣютъ цѣлію отмѣну или измѣненіе приговора (§ 386 код. уголовн. судопроизв.).

23) Не допускается аппеляція лишь при полицейскихъ денежныхъ наказаніяхъ суммою не выше 5 гульденовъ и при жалобахъ,

имѣющихъ предметомъ лишь осужденіе къ издержкамъ производства, если только не указывается тѣмъ основанія къ кассаціи приговора, т. е. или недостатокъ въ замѣщеніи суда, или недостатокъ предписанной закономъ жалобы, обвиненія или полномочія, или нарушеніе существенныхъ правилъ судопроизводства при публичномъ судоговореніи или обсужденіи дѣла, или нарушеніе процессуальныхъ правъ заинтересованныхъ лицъ вслѣдствіе отказа въ извѣстномъ рѣшеніи (§ 387 код. уголовн. судопр.).

Съ перваго октября 1864 года, суды засѣдателей вступили въ дѣйствіе въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, и нельзя не сознаться, что этотъ новый родъ судебной расправы снискалъ уже себѣ полное расположеніе и сочувствіе въ народѣ. Намъ удалось присутствовать при этихъ судебныхъ засѣданіяхъ и лично убѣдиться въ этомъ. Въ особенности и сами судьи отзываются объ институтѣ съ полнымъ уваженіемъ: засѣдатели по ихъ отзывамъ до сихъ поръ отправляютъ свои функціи и исполняютъ связанныя съ ними обязанности вполнѣ удовлетворительно, и рѣшенія этихъ судовъ обыкновенно пользуются всеобщимъ довѣріемъ.

Таковое же учрежденіе существуетъ довольно давно уже въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Кургессенѣ и Бременѣ. Кромѣ того, австрійское и вюртембергское правительства приняли его въ свои новые проекты уголовнаго судопроизводства.

Такимъ образомъ Германія, отвергнувшая, по словамъ Эйхгорна [1]), въ безумномъ заблужденіи и рабскомъ поклоненіи римскому праву свой древне-національный институтъ, мало по малу снова возвращается къ нему лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Мы считаемъ необходимымъ указать здѣсь и оцѣнку нашего учрежденія почтеннаго Миттермайера [2]), тѣмъ болѣе, что таковая является результатомъ собранныхъ имъ многочисленныхъ данныхъ [3]).

«Всѣ отзывы, говоритъ этотъ почтенный криминалистъ, весьма въ пользу учрежденія, и преимущественно, что постановленные засѣдателями приговоры, особенно въ отношеніи къ дѣламъ оскорбленія чести, находятъ для себя полное сочувствіе въ народѣ, такъ что полицейско-судебная расправа, до сихъ поръ часто не пользовав-

---

[1]) Eichhorn — Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. T. IV, § 620.

[2]) Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika, p. 778.

[3]) Тамъ же см. стр. 778, примѣчаніе 21.

шаяся уваженіемъ, существенно выиграла въ своемъ дѣйствіи вслѣдствіе участія засѣдателей. Многія жалобы, которыя были выставляемы прежде, напр. объ оскорбленіи чести, теперь отвращаются. Аппеляціи противъ приговоровъ судовъ засѣдателей встрѣчаются рѣдко [1]). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Amtsrichter'ами, засѣдатели относятся ко мнѣнію единоличнаго судьи, который подаетъ голосъ первый, съ уваженіемъ; но не рѣдко признаются Amtsrichter'ы, что и они уклоняющимися мнѣніями засѣдателей побуждаются отказаться отъ своего первоначальнаго воззрѣнія. По большей части различіе воззрѣній Amtsrichter'а и засѣдателей обнаруживается въ отношеніи къ основаніямъ рѣшенія, гдѣ часто засѣдатели, хотя и соглашаются съ приговоромъ судьи, однако представляютъ другія основанія; преимущественно является таковое различіе и въ отношеніи къ наказанію, гдѣ почти вездѣ засѣдатели гораздо мягче, нежели судьи, и не такъ легко отступаютъ отъ своего мнѣнія».

Однако, при всѣхъ этихъ отзывахъ въ пользу института, можно ли выводить какія нибудь дальнѣйшія предположенія и заключенія, какъ напр. что нашъ институтъ долженъ быть приложенъ и что онъ оправдаетъ себя и въ другихъ, болѣе важныхъ и трудныхъ уголовныхъ дѣлахъ? Этотъ вопросъ, который, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ быть рѣшенъ утвердительно, рѣшаютъ именно въ этомъ смыслѣ нѣкоторые извѣстные криминалисты, какъ напр. саксонскій генералъ-прокуроръ Шварце [2]), который, вслѣдствіе своего нерасположенія къ суду присяжныхъ, уже слишкомъ пристрастно относится къ институту засѣдателей и, указывая на недостатки жюри, ратуетъ за замѣну его судомъ засѣдателей. Мы приводимъ здѣсь его доводы намѣренно подробно, такъ какъ вопросъ этотъ довольно новъ и привлекаетъ общее вниманіе.

Доказывая превосходство суда присяжныхъ передъ коллегіею ученыхъ коронныхъ судей, онъ однако замѣчаетъ, что теперешнее осуществленіе института не совсѣмъ счастливо. «Оно начинаетъ съ того, говоритъ онъ, что обсужденіе дѣла раздѣляетъ между двумя различными коллегіями (коллегіею судей и скамьею присяжныхъ) и такимъ образомъ грозитъ опасностію единству рѣшенія. Далѣе, оно ставитъ другъ противъ друга двѣ коллегіи, недостигая лежащаго

[1]) По новѣйшей уголовной статистикѣ Ганновера за 1863 г., въ этомъ году постановлено 45,370 уголовныхъ приговоровъ этого рода; 981 лицъ подали аппеляціи и 375 приговоровъ были измѣнены.

[2]) Schwarze — Geschwornen - Gericht und Schöffengericht. Leipzig. 1864.

въ основной идеѣ уравненія и соединенія раздѣльныхъ функцій, предоставленныхъ обѣимъ коллегіямъ. Оно не способствуетъ ни полному развитію общественнаго элемента, а равно и не даетъ возможности юридическому элементу руководить дѣятельность общественнаго элемента въ предназначенномъ ему направленіи и дѣлать его въ надлежащей степени полезнымъ для рѣшенія.

«Соединеніе юридическаго и общественнаго элемента въ одну и ту же коллегію во всякомъ случаѣ было бы самымъ цѣлесообразнымъ смягченіемъ недостатковъ каждой изъ нихъ и препятствовало бы одностороннему ихъ развитію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ ошибкамъ. Конечно, при этомъ должно отправляться отъ того, что юридическій элементъ долженъ сохранить свое превосходство, однако въ общественномъ элементѣ онъ найдетъ себѣ сильную коррективу, противодѣйствующую вреднымъ послѣдствіямъ того превосходства.

«Уже весьма вредное явленіе видимъ въ обнаруживающемся во внѣ раздѣленіи судей-юристовъ и присяжныхъ. Оно ставитъ обѣ коллегіи другъ противъ друга и какъ бы въ оппозицію, ихъ трудъ раздѣляется. Гораздо лучше, если обѣ части съ самаго начала представлялись бы какъ подсудимому, такъ и публикѣ, какъ нѣчто цѣлое, призванное къ общему труду, и присяжный занялъ бы такимъ образомъ одно и то же мѣсто съ ученымъ судьей, уже не говоря даже о томъ, что такая коллегіальность, конечно, въ глазахъ публики дѣйствовала бы скорѣе благодѣтельно нежели вредно для значенія присяжнаго.

«Соединеніе общественнаго и юридическаго элемента мы находимъ въ судахъ засѣдателей. Въ нихъ-то и получаетъ лежащая въ основаніи института присяжныхъ истинная идея свое полное и настоящее выраженіе. Если въ пользу суда присяжныхъ выставляли привиллегію національнаго происхожденія, указывая при этомъ на древне-германское судоустройство, то таковая съ гораздо большимъ правомъ могла бы быть отнесена къ суду засѣдателей.

«Въ настоящее время суды засѣдателей введены только для уголовно-полицейскихъ дѣлъ, т. е. для тѣхъ незначительныхъ проступковъ, наказаніе которыхъ хотя и опредѣлено въ уголовномъ кодексѣ, обсужденіе которыхъ однако предоставлено единоличнымъ судьямъ. Но возникаетъ вопросъ, не цѣлесообразно ли было бы суды засѣдателей ввести и вмѣсто судовъ присяжныхъ для обсужденія перваго класса преступныхъ дѣяній и во всякомъ случаѣ для втораго.

«Еще и прежде думали о соединеніи здѣсь юридическаго и общественнаго элемента. Предлагали, напр., соединить присяжныхъ и судей-юристовъ въ одну коллегію, впрочемъ лишь для рѣшенія фактическихъ вопросовъ; напротивъ, вопросъ о правѣ, по тому предложенію, долженъ быть предоставленъ исключительной компетенціи судей-юристовъ. Это предложеніе, проводимое въ новѣйшее время преимущественно президентомъ оберъ-трибунала Гётцомъ въ Берлинѣ, скоро по введеніи суда присяжныхъ въ Пруссіи, испытало разнообразныя возраженія. Конечно, этимъ предложеніемъ не устраняется раздѣленіе фактическихъ и юридическихъ вопросовъ: раздѣленіе двухъ частей должно продолжаться и въ этой коллегіи, и вслѣдствіе безпрестанной, возобновляющейся съ каждымъ отдѣльнымъ дѣломъ перемѣны въ замѣщеніи скамьи присяжныхъ, это соединеніе въ одну коллегію становится лишь иллюзіей. И стоитъ лишь представить себѣ практически самое производство, какъ присяжные по рѣшеніи вопроса о фактѣ принуждены были бы или удаляться изъ совѣщательной камеры, или быть нѣмыми зрителями, такъ и невольно рождается вопросъ, возвысится ли вслѣдствіе такого производства уваженіе къ жюри?

«Далѣе, дѣлали предложеніе, однаго судью и именно президента посылать въ совѣщательную комнату присяжныхъ, съ цѣлію руководства совѣщаніями, но безъ права голоса. Это предложеніе было принято въ прусскомъ проектѣ кодекса уголовнаго судопроизводства 1851 года. Но вслѣдствіе этого лишь существенно и сомнительно усилилось бы уже и въ самомъ себѣ значительное вліяніе президента на присяжныхъ и именно безъ контроля прочихъ судей. Съ другой стороны, его положеніе, какъ свѣдущаго совѣтника, именно при столкновеніяхъ его мнѣнія съ мнѣніемъ присяжныхъ, было бы весьма тяжело и для него самого непріятно. Въ общественномъ же мнѣніи его конечно скоро сдѣлали бы отвѣтственнымъ за вередикты присяжныхъ, не смотря на то, что ему при этомъ совѣщаніи не было бы предоставлено права голоса, а самая его дѣятельность здѣсь легко подвергалась бы между другими судьями невѣрной оцѣнкѣ, вредной для значенія его функціи. Его такая роль напоминала бы собою положеніе аудиторовъ при военныхъ судахъ; даже въ послѣднихъ еще существуютъ моменты, ослабляющіе выше указанныя сомнѣнія.

«Далѣе, предлагали командировать въ совѣщательную комнату присяжныхъ, какъ свѣдущаго въ правѣ совѣтника, одного изъ су-

дей (не президента) и обязать его равнымъ образомъ и къ составленію протокола совѣщанія и къ краткому сообщенію основаній рѣшенія (послѣднее во имя и по предложенію присяжныхъ). Подобное учрежденіе существовало уже нѣсколько времени во время французской революціи и не оправдало себя. Большая часть выше указанныхъ сомнѣній прилагается и къ этому предложенію.

«Вообще, предоставленіе судьѣ-юристу руководства совѣщаніемъ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ указывалъ присяжнымъ предметы обсужденія и конечно самъ выставлялъ бы подлежащіе рѣшенію вопросы, равнымъ образомъ, чтобы онъ исправлялъ могущія здѣсь встрѣтиться ошибки и предлагалъ бы рѣшительныя точки зрѣнія,— все это вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ, что присяжные связаны этими совѣтами и руководствомъ. Но такимъ бы образомъ юристу предоставлялось право, посредствомъ котораго онъ получилъ бы вліяніе, часто обусловливающее содержаніе самаго рѣшенія, и притомъ не имѣлось бы вовсе никакой гарантіи противъ его ошибки, или неправильнаго пониманія. Ему предоставлялась бы власть, весьма опасная для отдѣльнаго лица и просто безпримѣрная въ судопроизводствѣ.

«Если же, какъ требуютъ, подача голосовъ присяжныхъ должна происходить въ присутствіи этого коммиссара, то это послѣднее будетъ собственно контролемъ вліянія коммиссара на присяжныхъ и въ извѣстной мѣрѣ повѣркою задачи. Чѣмъ бо́льшимъ значеніемъ пользуется судья, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ дѣйствовать этотъ контроль.

«Равнымъ образомъ не безъ основанія, конечно, было бы опасеніе, что въ глазахъ народа такому судьѣ былъ бы приписанъ характеръ директора присяжныхъ (directeur du jury), а самое жюри стали бы разсматривать какъ вполнѣ отъ него зависимое, въ себѣ самомъ неспособное для рѣшенія вопросовъ, общество, которое приглашается лишь для признаннаго необходимымъ популяризированія судейскаго, уже готоваго и представляемаго судьею приговора.

«Мы же, продолжаетъ Шварце, дѣлаемъ слѣдующее предложеніе:

«Мы бы образовали коллегію совмѣстно изъ извѣстнаго числа судей-юристовъ и извѣстнаго числа засѣдателей (не присяжныхъ) и предоставили бы ей рѣшеніе и фактическихъ и юридическихъ вопросовъ.

«Эта коллегія, по нашему мнѣнію, должна быть составлена изъ 9 судей и именно изъ 6 засѣдателей и 3 судей-юристовъ, или изъ

4 засѣдателей и 3 коронныхъ судей, слѣдовательно изъ 7 судей. Первое мѣсто должно принадлежать одному изъ судей-юристовъ. Совѣщаніе должно происходить по окончаніи доказательнаго производства въ закрытомъ засѣданіи, въ которомъ должны принимать участіе 9 (7) судей. Раздѣленіе общественныхъ и коронныхъ судей не должно приэтомъ имѣть мѣста: 9 (7) судей должны рѣшать дѣло послѣ общаго совѣщанія, и въ томъ же самомъ засѣданіи, подачею голосовъ, и именно устно. Для осужденія подсудимаго необходимо 6 (5) голосовъ.

«Этому производству вовсе не будутъ грозить тѣ опасности, которыя связаны съ раздѣленіемъ фактическихъ и юридическихъ вопросовъ въ настоящихъ судахъ присяжныхъ. Общность совѣщанія не будетъ требовать этого раздѣленія и обезпечитъ возможность всегда снова возобновить пренія о каждомъ фактѣ, встрѣчающемся при юридическомъ вопросѣ, и, смотря по ходу и результату того обсужденія, можно будетъ поднять новые фактическіе вопросы, или расширить ихъ, исправить и подвергнуть обсужденію (общно съ засѣдателями). Раздѣленіе фактическихъ и юридическихъ вопросовъ, вообще, не можетъ явиться и со внѣшней стороны, и въ самой коллегіи не становится руководящимъ факторомъ; постановленное коллегіей рѣшеніе есть нераздѣльное цѣлое, оно есть именно рѣшеніе суда засѣдателей.

«Обсужденіе фактическаго вопроса выиграетъ вслѣдствіе совмѣстнаго труда въ сосредоточенности и будетъ ограждено отъ поверхностности, а равно отъ уклоненія съ истиннаго пути: conviction intime по истинѣ станетъ, какъ оно и должно быть, conviction raisonnée.

«Недостойное вліяніе, которое иногда по опыту оказываютъ на присяжныхъ и ихъ чувства государственные прокуроры и защитники, злоупотребляя своимъ краснорѣчіемъ, будетъ ослаблено. Руководство совѣщаніемъ въ рукахъ искуснаго и испытаннаго уже на дѣлѣ президента устранитъ тотъ родъ совѣщанія, который, къ сожалѣнію, такъ часто случается въ совѣщательныхъ камерахъ присяжныхъ.

«Но это соединеніе представляетъ еще дальнѣйшія выгоды. Гласность, вмѣстѣ съ великимъ преимуществомъ, которое она предоставляетъ судьямъ для собранія и оцѣнки доказательствъ, имѣетъ въ себѣ и тотъ вредъ, что здѣсь цѣлостное созерцаніе доказательствъ невозможно, и судьи по большей части должны руководствоваться своею памятью и сдѣланными ими при судоговореніи замѣтками.

Еще рѣшительнѣе обнаруживается эта темная сторона у присяжныхъ, особенно при продолжительныхъ судебныхъ преніяхъ, такъ какъ они, при недостаткѣ упражненія въ подобной умственной работѣ, должны бороться со слабостію памяти болѣе, нежели ученые судьи. Напротивъ, по нашему предложенію, посредствомъ соединенія судей и засѣдателей пріобрѣтается новое средство для уравненія и разрѣшенія сомнѣній и ошибокъ относительно отдѣльныхъ частей доказательнаго производства. Именно болѣе продолжительное упражненіе судей въ сопоставленіи и оцѣнкѣ результатовъ отдѣльныхъ средствъ доказательства въ ихъ связи и въ ихъ взаимномъ отношеніи, равно какъ и въ общемъ изложеніи тѣхъ результатовъ, будетъ доставлять хорошій матеріалъ для общихъ совѣщаній.

«Съ этимъ стоитъ въ связи и другая вредная сторона настоящаго устройства; мы разумѣемъ résumé президента, въ которомъ онъ по окончаніи доказательнаго производства предлагаетъ присяжнымъ еще разъ въ сжатомъ очеркѣ результаты собранныхъ доказательствъ. Нельзя не сознать всю важность и значеніе этого учрежденія, равно какъ и его опасность. Извѣстно, что отмѣна этого учрежденія предлагалась неоднократно, и нѣкоторыя законодательства даже сдѣлали попытки для отклоненія опасностей resumé посредствомъ извѣстныхъ правомочій обвиненія и защиты. Они оказались безполезными, и употребленіе ихъ подало лишь поводъ къ утомительнымъ пререканіямъ и спорамъ при производствѣ. Посредствомъ этого résumé президентъ пріобрѣтаетъ не слишкомъ достойное вліяніе на совѣщаніе присяжныхъ и ихъ взглядъ. При всемъ безпристрастіи президента часто проводится здѣсь его собственное воззрѣніе о силѣ доказательствъ а вмѣстѣ съ тѣмъ о виновности или невинности, и само собою понятно, что это не остается безъ впечатлѣнія на присяжныхъ, тѣмъ болѣе еще, если президентское кресло занимаетъ лицо, заслуживающее уваженіе. Во всякомъ случаѣ, воззрѣніе президента относительно объема и направленія résumé, равно какъ и въ особенности относительно группированія моментовъ доказательствъ, не остается безъ вліянія, и именно слѣдуетъ признать всю важность группировки. Мы не говоримъ здѣсь о томъ еще, что въ resumé легко примѣшиваются моменты изъ актовъ предварительнаго слѣдствія, которые хотя и вполнѣ знакомы президенту изъ изученія имъ актовъ, но не воспроизводятся вовсе или не въ полномъ составѣ въ словесномъ судоговореніи. Далѣе, мы не останавливаемся и на томъ, что здѣсь легко могутъ слу-

читься и довольно часто случаются недоразумѣнія относительно отдѣльныхъ пунктовъ résumé. Не менѣе должно отнести сюда право и обязанность президента давать присяжнымъ по ихъ требованію наставленія о смыслѣ и проч. выставленныхъ вопросовъ. И здѣсь, особенно въ новѣйшее время, различнымъ образомъ ограничили это право посредствомъ коррективъ, въ особенности съ цѣлію предотвращенія вліянія ложныхъ взглядовъ президента на воззрѣнія присяжныхъ. Но и эти коррективы не вполнѣ достигли своей цѣли; вообще она вполнѣ и не достижима.

«При общемъ же совѣщаніи судей и засѣдателей нѣтъ необходимости ни въ résumé, ни въ наставленіи президента. Если онъ и намѣренъ сдѣлать при совѣщаніи очеркъ результатовъ доказательствъ, то это будетъ происходить въ закрытомъ засѣданіи, гдѣ слѣдовательно ни судья ни засѣдатель не будутъ имѣть препятствія указать на пробѣлы и ошибки въ этомъ очеркѣ, возбудить сомнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ дать поводъ выказаться и прочимъ членамъ суда объ отдѣльныхъ сомнительныхъ пунктахъ или поднятыхъ вопросахъ. Наставленіе о смыслѣ поставленныхъ вопросовъ при общемъ совѣщаніи не будетъ вообще имѣть мѣста въ той мѣрѣ, какъ въ настоящее время; соглашеніе о подлежащихъ разсмотрѣнію и рѣшенію главныхъ частяхъ доказательства легко можетъ быть достигнуто и по крайней мѣрѣ не будетъ зависѣть отъ формулированія вопросовъ.

«Во всѣхъ этихъ направленіяхъ предлагается не устраненіе юридическаго элемента отъ рѣшенія фактическихъ вопросовъ, а лишь подновленіе его посредствомъ привлеченія лицъ, присоединяющихъ свои, пріобрѣтенные ими изъ обыденной жизни, опыты къ опытности юриста. Разнородность въ жизненномъ положеніи отдѣльныхъ присяжныхъ, въ сравненіи съ болѣе или менѣе существующею однородностію въ развитіи и жизненныхъ отношеніяхъ юриста, вообще обезпечиваетъ для первыхъ обыкновенно большее богатство воззрѣній на жизнь и практическихъ опытовъ, равно какъ и большую легкость для созерцанія подсудимаго и обсужденія его дѣянія.

«Съ этимъ привлеченіемъ засѣдателей и ихъ участіемъ въ приговорѣ мы не будемъ далѣе имѣть нужды въ принятой теперь повсюду мѣрѣ, а именно, что коронные судьи, если они единогласно того мнѣнія, что присяжные при своемъ «виновенъ» находились въ заблужденіи относительно главнаго вопроса, имѣютъ право и обязанность не давать никакого слѣдствія вередикту, а совмѣстно съ

уничтоженіемъ этого приговора возобновить еще разъ обсужденіе и рѣшеніе дѣла другимъ судомъ присяжныхъ. Эта мѣра, вслѣдствіе которой такимъ образомъ приговоръ о фактахъ подлежитъ разсмотрѣнію судей (хотя только и въ интересѣ объявленнаго виновнымъ), въ практикѣ справедливо признается сомнительною. Еще неосновательнѣе и сомнительнѣе принятое большинствомъ законодательствъ опредѣленіе, по которому, въ случаѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ въ числѣ 7-ми голосовъ противъ 5-ти, рѣшеніе фактическихъ вопросовъ передается судьямъ-юристамъ, слѣдовательно въ болѣе трудныхъ и сомнительныхъ случаяхъ оно отнимается у присяжныхъ и передается такимъ образомъ признаваемымъ для того способнѣйшими ученымъ судьямъ, даже не принимая здѣсь во вниманіе то злоупотребленіе, которое, извѣстно, не рѣдко дѣлаютъ присяжные изъ этого права. Все это — крайнія вспомогательныя мѣры, которыя становятся необходимыми вслѣдствіе неестественнаго раздѣленія должности судьи на двѣ части и выражаютъ собою лишь не болѣе какъ подчиненіе присяжныхъ судьямъ-юристамъ.

«Въ настоящее время жюри посредствомъ своего вередикта не вполнѣ исчерпываетъ фактическій вопросъ; его приговоръ рѣшаетъ только предложенный ему вопросъ, въ который включаются лишь обусловливающіе составъ преступленія факты, а никакъ не моменты, обусловливающіе особенную природу и индивидуальность дѣянія и преступника. Полное принятіе ихъ въ поставленный вопросъ было бы вовсе невозможно. Но здѣсь то именно и долженъ обнаружить элементъ засѣдателей свое вышеобозначенное особенное преимущество.

«Далѣе, съ соединеніемъ юридическаго и общественнаго элемента мы достигнемъ и того преимущества, что вопросъ о полнотѣ и ясности доказательнаго производства будетъ подвергаться болѣе глубокому изслѣдованію, и въ случаѣ нужды собраніе доказательствъ можетъ быть сново повторено, дополнено и исправлено самою коллегіею. Засѣдатели здѣсь не связаны, какъ присяжные, предварительнымъ опредѣленіемъ судьи (при составленіи списка средствъ доказательства) о важности отдѣльныхъ фактовъ и средствъ доказательства, равно какъ (въ самомъ судоговореніи) о направленіи и объемѣ доказательнаго производства.

«Даже мы полагали бы еще, что отвращенію отъ обвинительныхъ приговоровъ, которымъ легко можетъ руководиться неюристъ и которое весьма часто встрѣчается у присяжныхъ, вслѣдствіе участія сословныхъ судей и установленной такимъ образомъ для совѣ-

щанія засѣдателей точки опоры, будетъ указана правильная и справедливая мѣра.

«Кромѣ того, должно согласиться, что сомнѣнія противъ раздѣленія фактическихъ и юридическихъ вопросовъ увеличиваются еще вслѣдствіе того, что въ настоящее время рѣшенію присяжныхъ необходимо предоставляется и часть юридическаго вопроса. Уравненія и уничтоженія этихъ сомнительныхъ трудностей равнымъ образомъ мы достигаемъ посредствомъ учрежденія суда засѣдателей. Мы предоставляемъ ему и вопросъ о правѣ.

«Противорѣчію между «юридическимъ вопросомъ» и «судьями неюристами» нельзя уже придавать большаго значенія, послѣ того какъ уже важная часть юридическаго вопроса передана въ руки присяжныхъ. Но жюри при рѣшеніи этой задачи предоставлено рѣшительно самому себѣ, совершенно оставлено безъ поддержки въ дѣйствительно руководящей дѣятельности юристовъ, такъ какъ отъ присяжныхъ зависитъ, на сколько они желаютъ подчинить свое мнѣніе юридическому наставленію президента.

«Въ нашемъ предложеніи мы предоставляемъ суду засѣдателей юридическій вопросъ *вполнѣ*. Засѣдатели обсуждаютъ его безъ ограниченія, но съ участіемъ и наставленіемъ свѣдущихъ въ правѣ товарищей. Мы предполагаемъ, что лучше предоставить несвѣдущимъ въ правѣ судьямъ юридическій вопросъ вполнѣ подъ этимъ участіемъ юристовъ, нежели лишь отчасти и безъ того участія.

«Мы надѣемся на взаимное дружелюбное отношеніе судей и засѣдателей, а вслѣдствіе этого и на быстрое ихъ соглашеніе о юридическихъ вопросахъ.

«Но не должно забывать, что засѣдатели должны быть избираемы изъ образованнѣйшихъ классовъ общества, и въ этомъ случаѣ, конечно, за ними можно вообще предполагать на столько способности, чтобы выяснить себѣ юридическій вопросъ и такимъ образомъ усвоить себѣ объясненія даже, можно сказать, наставленія судей. Новые торговые суды представляютъ въ пользу этого убѣдительное доказательство.

«Законъ же, который не могъ бы быть выразумленъ образованнымъ человѣкомъ, даже при помощи объясненій юриста, и безъ того долженъ быть отмѣненъ въ наискорѣйшемъ времени.

«Въ англійскомъ процессѣ предсѣдательствующій судья до сихъ поръ пользовался такимъ полнымъ довѣріемъ присяжныхъ, что его charge, который не только имѣетъ своимъ предметомъ собственно

юридическіе вопросы, но (что должно припять во вниманіе) и (существующія тамъ) правила о доказательствахъ, почти всегда имѣлъ рѣшительное вліяніе на присяжныхъ и на ихъ вердиктъ. Если въ послѣднее время слышатся жалобы объ уменьшеніи этого довѣрія, то причина этого заключается по большей части, конечно, въ томъ положеніи, въ которое становится теперь и англійскій судья въ отношеніи къ присяжнымъ. Пособіе и въ этомъ случаѣ равнымъ образомъ существуетъ въ судѣ засѣдателей. Мы полагаемъ и надѣемся, что въ судѣ засѣдателей разовьются дружелюбныя отношенія, и потому не будетъ имѣть основанія то опасеніе, что принадлежащее засѣдателямъ большинство суда будетъ злоупотреблять своимъ численнымъ превосходствомъ въ видѣ оппозиціи противъ наставленій въ правѣ судей-юристовъ. И здѣсь торговые суды впередъ даютъ право на такія пріятныя надежды. Равнымъ образомъ, здѣсь мы придаемъ большое значеніе болѣе частому и болѣе продолжительному участію засѣдателей и пріобрѣтенному такимъ образомъ ими большему навыку.

«Но прежде всего и здѣсь весьма многое будетъ зависѣть отъ полной преданности судейской функціи, свободной отъ всякой ревности и педантизма, и отъ живаго убѣжденія въ важности поставленной задачи въ связи съ сознаніемъ, что судья и засѣдатели должны взаимно дополнять другъ друга и что обѣ части въ ихъ совмѣстномъ содѣйствіи оказываютъ одинаково важное пособіе для справедливой оцѣнки и обсужденія дѣла.

«При опредѣленіи мѣры наказанія мы предоставили бы засѣдателямъ лишь совѣщательный голосъ. Конечно, опредѣленіе мѣры наказанія внутри опредѣленныхъ закономъ границъ совершается, смотря по степени нравственной вины преступника, и изысканіе той мѣры собственно не есть юридическій трудъ; безпристрастный приговоръ лицъ изъ народа часто оказываетъ здѣсь великую услугу.

«Нельзя также не признать, что судьи-юристы при нѣкоторыхъ преступленіяхъ склонны исходить изъ пониманія наказуемости, несоотвѣтствующаго воззрѣніямъ обыденной жизни. Стоитъ только вспомнить здѣсь, напримѣръ, о преступныхъ угрозахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прикосновенныя лица принадлежатъ къ низшимъ слоямъ общества.

«Однако, съ другой стороны, нельзя также сомнѣваться, что тѣ, которые лишь въ видѣ исключенія принимаютъ участіе въ обсужденіи уголовныхъ дѣлъ, при извѣстныхъ преступленіяхъ, въ осо-

бенности при преступленіи противъ собственности (сюда же мы причисляемъ въ этомъ случаѣ и поджигательство) склонны къ чрезмѣрной строгости, а при преступленіяхъ противъ лицъ равнымъ образомъ къ чрезмѣрной слабости. Auctoritas rerum similiter judicatarum, постоянное соображеніе уже встрѣчавшихся прежде уголовныхъ случаевъ, ихъ индивидуальной тяжести, тогдашней наказуемости и ея мѣры, однимъ словомъ постоянство и равномѣрность въ опредѣленіи наказанія есть условіе хорошей судебной расправы. Принятіе во вниманіе индивидуальной природы случая и опытъ при опредѣленіи тяжести его, сравнительно съ рѣшенными уже прежде случаями, должны здѣсь взаимно дополнять другъ друга.

«Но, кромѣ того, нельзя оспаривать, что выгоды предложеннаго учрежденія не ограничиваются однимъ интересомъ хорошей и справедливой судебной расправы, но касаются и области уголовной политики. Довѣріе къ справедливости и безпристрастію судебной расправы усилится въ народѣ, если онъ увидитъ на судейскихъ мѣстахъ благороднѣйшихъ и лучшихъ изъ среды его самаго. Засѣдатели будутъ способствовать въ самомъ народѣ попеченіямъ объ авторитетѣ законовъ и правительства. То, что въ этомъ отношеніи преимущественно восхваляется въ судѣ присяжныхъ даже противниками его, будетъ достигаться здѣсь еще въ большей мѣрѣ, такъ какъ засѣдатели будутъ членами самой судебной коллегіи и будутъ считаться равноправными товарищами судей-юристовъ.

«Еще прежде предлагали, какъ уже замѣчено выше, соединить судей и присяжныхъ въ одну коллегію. Въ нашемъ предложеніи мы полагаемъ особенное значеніе въ долѣе продолжающемся и чаще повторяющемся участіи засѣдателей; между тѣмъ существенный элементъ суда присяжныхъ заключается именно въ новомъ образованіи скамьи присяжныхъ для каждаго отдѣльнаго дѣла.

«Противъ того предложенія было высказано опасеніе, которое относилось бы и къ нашему предложенію. Именно полагали, что юридическій элементъ легко бы могъ подавить общественный. Учрежденіе, нѣкоторое время существовавшее во время французской революціи, гдѣ подача голосовъ совершалась въ присутствіи судьи и королевскаго коммиссара (le directeur du jury), имѣло тенденцію наблюденія за присяжными и подчиненія ихъ вліяніямъ правительства. Въ нашемъ же предложеніи засѣдатели и судьи приглашаются къ общему труду; они товарищи. Не смотря на это, вышеуказанное опасеніе, однако, не должно считать вполнѣ неосновательнымъ.

Но во всякомъ случаѣ оно преувеличивается, и отдѣльные случаи, въ которыхъ это опасеніе оправдывается, не могутъ быть общимъ правиломъ, такъ какъ, конечно, они будутъ рѣдки. Мы замѣтимъ относительно этого еще слѣдующее:

«Въ новѣйшее время часто граждане принимаютъ участіе въ управленіи важными общественными дѣлами въ соединеніи съ юристами и чиновниками. Новѣйшее время возвратило бо̀льшую часть общиннаго управленія самимъ общинамъ, и представительство ихъ нигдѣ не ограничено юристами. Монополія и подавляющее вліяніе людей «ученыхъ» мало по малу изчезла такимъ же образомъ, какъ и нѣкоторыя другія учрежденія, которыя основывались лишь на участіи ученыхъ людей, какъ исключительныхъ представителей и хранителей необходимой способности. Превосходство силъ, которое въ судебномъ производствѣ принадлежитъ юристу сравнительно съ неюристомъ, можетъ быть выражено мягкимъ и полезнымъ для существа дѣла образомъ, на сколько навыкъ и свѣдѣнія въ правѣ ученыхъ судей постоянно могутъ давать совѣщанію необходимое направленіе и сосредоточенность и въ особенности устранять ошибки, которыя являются при совѣщаніи относительно значенія встрѣчающихся здѣсь юридическихъ принциповъ. И потому здѣсь вовсе нѣтъ оправданія ни для монополіи, ни для превосходства юристовъ надъ засѣдателями, и слѣдовательно ни для подавленія самостоятельности засѣдателей. Въ преніяхъ же скорѣе оба элемента будутъ соединяться и объяснять другъ друга.

«Благоразумный судья съ благодарностію будетъ привѣтствовать въ своихъ товарищахъ-гражданахъ то участіе, которое предохранитъ его отъ заблужденій въ обсужденіи фактическихъ отношеній и поддержитъ его въ непосредственной связи съ жизнію. Засѣдатель, напротивъ, пріобрѣтетъ большую опытность и проницательность въ комбинаціяхъ, которыми владѣетъ его свѣдущій въ правѣ товарищъ; онъ съ охотою приметъ къ свѣдѣнію наставленія и руководство при преніяхъ и увидитъ себя огражденнымъ отъ ложнаго пониманія рѣшающихъ моментовъ. Въ обоихъ направленіяхъ, какъ тотъ, такъ и другой будутъ ограждены отъ тѣхъ упрековъ, которые слышатся въ настоящее время не рѣдко.

«Главнымъ средствомъ для предотвращенія или же для ослабленія того подавляющаго вліянія служитъ и то, чтобы засѣдатели избирались не на одно засѣданіе и не для одного дѣла. Служба ихъ должна простираться на цѣлый рядъ дѣлъ; каждый изъ нихъ

можетъ быть призываемъ на эту службу въ продолженіе года чаще, вслѣдствіе чего онъ станетъ въ болѣе близкое и тѣсное отношеніе къ судьямъ, онъ болѣе познакомится съ ними, какъ и съ ходомъ дѣла. Это сближеніе во всякомъ случаѣ будетъ выгодно для обѣихъ сторонъ и облегчитъ самое веденіе дѣла; оно будетъ способствовать и устраненію всякаго покушенія на подавляющее вліяніе со стороны судей-юристовъ, и засѣдатель будетъ чувствовать себя увѣреннѣе и тверже.

«Съ этимъ расширеніемъ служебной обязанности, конечно, несовмѣстимо призывать засѣдателей на службу изъ большихъ участковъ. Уже и теперь присяжные жалуются на потерю времени и денегъ, которая необходимо соединяется съ ихъ службою; подобныя жалобы неоднократно влекли за собою ограниченія компетентности суда присяжныхъ путемъ законодательства; съ другой стороны, покушенія иныхъ присяжныхъ къ отклоненію отъ себя этой обязанности часто подавали поводъ къ страннымъ и сомнительнымъ сдѣлкамъ ихъ съ государственнымъ прокуроромъ и защитникомъ относительно отправленія послѣдними права отвода.

«Такимъ образомъ, цѣлесообразно обязанность къ засѣдательской службѣ ограничить жителями города, составляющаго мѣсто засѣданія суда, и жителями ближайшихъ мѣстъ, прочихъ же жителей участка (въ себѣ самихъ имѣющихъ на то право) принимать въ списокъ засѣдателей лишь вслѣдствіе ихъ яснаго требованія. Вслѣдствіе этого ограниченія засѣдателю дается возможность вблизи своего дома и своего мѣста занятій быть въ постоянной связи съ своимъ семействомъ и своимъ призваніемъ. Въ тѣ дни и часы, въ которые онъ не долженъ засѣдать въ судѣ, онъ не отвлекается отъ своей семьи и своихъ занятій, но и въ служебное время его тотчасъ могутъ видѣть въ случаѣ нужды и семья и лица, съ которыми онъ ведетъ дѣла. Онъ не принуждается жить и содержать себя въ гостинницѣ незнакомаго ему мѣста и такимъ образомъ ограждается отъ большихъ денежныхъ издержекъ, съ которыми въ настоящее время соединена должность присяжнаго.

«При этомъ мы ограничимся еще указаніемъ, что при такомъ учрежденіи избѣгается и другой весьма важный недостатокъ настоящаго суда присяжныхъ. Въ настоящее время судъ присяжныхъ созывается лишь quartaliter. Всѣ слѣдствія, которыя оканчиваются и такимъ образомъ изготовляются къ судоговоренію непосредственно по созваніи суда присяжныхъ, откладываются до ближайшихъ асси-

зовъ, равно какъ и всѣ слѣдствія, которыя оканчиваются въ теченіе слѣдующей затѣмъ четверти года. Вслѣдствіе этого часто случается, что по заключеніи слѣдствія и по преданіи подсудимаго суду цѣлые три мѣсяца протекаютъ прежде, нежели дѣло поступаетъ на обсужденіе присяжныхъ. И впродолженіи этого времени подсудимые содержатся подъ стражей! Но впродолженіи этого промежутка легко ослабѣваетъ воспоминаніе у свидѣтелей, и такимъ образомъ теряются средства доказательства. При предложенномъ же нами учрежденіи, напротивъ, всѣ дѣла, какъ скоро они являются готовыми къ судоговоренію, могутъ быть тотчасъ подвергнуты ему, такъ какъ не будетъ существовать никакого затрудненія тотчасъ созвать и составить судъ.'

«Въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ — а только въ такихъ городахъ и существуютъ высшіе уголовные суды — конечно, найдется достаточное число способныхъ и готовыхъ гражданъ, которые примутъ на себя службу въ качествѣ засѣдателей. При составленіи списковъ этого рода, можетъ быть по аналогіи примѣнено настоящее производство при выборѣ присяжныхъ. При выше же указанномъ уменьшеніи участка, изъ котораго должны избираться засѣдатели, производство можетъ быть легко упрощено, и явится возможность нѣкоторыхъ улучшеній, равно какъ ближайшее знакомство съ отдѣльными личностями будетъ способствовать болѣе точному приговору о личныхъ качествахъ извѣстнаго лица, нежели при настоящемъ выборѣ присяжныхъ, обнимающемъ бо́льшій участокъ и большее число лицъ.

«Засѣдатели могли бы быть приглашаемы всякій разъ къ двухъ и трехнедѣльной службѣ, по очереди внесенія ихъ именъ въ списокъ, однако не чаще одного или двухъ разъ въ годъ. Имена приглашенныхъ засѣдателей должны быть объявлены въ общее свѣдѣніе; при этомъ можетъ быть допущено ограниченное право отвода.

«Рѣшенію коллегіи должны быть присоединены и основанія рѣшенія. Въ настоящее время ихъ замѣняютъ вопросы и отвѣты. Но въ нихъ не можетъ быть исчерпанъ постулятъ основаній. Изъ ихъ недостатка слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно большое ограниченіе просьбъ о кассаціи, и многія тяжкія правонарушенія остаются неисправимыми, потому что они не распознаваемы или не могутъ быть опредѣлены съ полною достовѣрностію. Это ограниченіе въ настоящее время есть главный недостатокъ суда присяжныхъ; вслѣдствіе этого очевидно страдаетъ справедливость. Та только процессуальная

форма и заслуживаетъ предпочтенія, заключаетъ Шварце, которая имѣетъ въ себѣ бо́льшія гарантіи для справедливаго обсужденія!»

Съ полнымъ основаніемъ высказываются противъ приведеннаго нами предложенія почтенный Миттермайеръ и профессоръ Вѣнскаго университета Глазеръ.

«Не смотря на всѣ благопріятныя данныя относительно суда засѣдателей, говоритъ первый [1]), слѣдуетъ имѣть въ виду, 1) что отсюда еще нельзя выводить никакого заключенія, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ участвуетъ жюри, слѣдовательно при тяжкихъ преступленіяхъ, предложенные суды засѣдателей могли бы замѣнить собою судъ присяжныхъ. Уголовные случаи, въ которыхъ до сихъ поръ судили засѣдатели, просты и такого рода, что въ нихъ не встрѣчается ни запутанныхъ доказательствъ, ни трудныхъ юридическихъ вопросовъ; такъ что данное двумъ засѣдателямъ наставленіе въ правѣ единоличнаго судьи можетъ быть весьма благодѣтельнымъ, но не легко собъетъ ихъ съ толку, а скорѣе между этими обоими факторами слѣдуетъ соглашеніе. Но если же распространить учрежденіе засѣдателей и на уголовные случаи, подлежащіе судамъ присяжныхъ, то положеніе дѣла было бы совершенно иное. Доказательства здѣсь весьма трудны и сложны, какъ, напр., при мнѣніяхъ свѣдущихъ людей, въ особенности въ случаяхъ отравленія, или если въ дѣлѣ подлежатъ рѣшенію и вопросы психіатріи, или и при циркумстанціальныхъ доказательствахъ — уликахъ; родъ пониманія присяжныхъ, которые разсматриваютъ отдѣльный случай болѣе индивидуально, на основаніи жизненныхъ отношеній, совершенно отличенъ отъ пониманія судей-юристовъ, которые болѣе склонны къ обобщенію и легко руководствуются коллегіальными преюдиціями; различіе это еще болѣе обнаружится при рѣшеніи юридическихъ вопросовъ, гдѣ народное правовое воззрѣніе присяжныхъ часто несогласно съ пониманіемъ судей-юристовъ. Такимъ образомъ, здѣсь неизбѣжно будутъ встрѣчаться пререканія, въ которыхъ судьи посредствомъ своей опытности, посредствомъ рода своего обращенія, съ извѣстной кастическою гордостію, будутъ имѣть возможность сбивать присяжныхъ. 2) Всѣ тѣ основанія противъ учрежденія, по которому извѣстное число свѣдущихъ въ правѣ судей соединяются съ присяжными въ одну коллегію, находятъ здѣсь, гдѣ должны при-

[1]) Mittermaier—Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte. стр. 779.

нимать участіе засѣдатели, еще большее примѣненіе. Должно уже напередъ предвидѣть, что тамъ, гдѣ нѣсколько судей составляютъ собою коллегію, они часто при совѣщаніи и подачѣ голосовъ, вслѣдствіе различія научныхъ воззрѣній, весьма различнымъ образомъ высказываются относительно одного и того же юридическаго вопроса и такимъ образомъ скорѣе сбиваютъ, нежели наставляютъ засѣдателей. Но и при томъ обстоятельствѣ, что многіе судьи станутъ подвергать критикѣ воззрѣнія слѣдующихъ своему естественному юридическому чувству засѣдателей, должно опасаться, что вслѣдствіе такой критики можетъ страдать ясность и самостоятельность засѣдателей. Если судъ засѣдателей будетъ замѣщенъ такимъ образомъ, что государственные судьи составятъ большинство, то уже никакъ нельзя будетъ расчитывать на то довѣріе, которымъ должны пользоваться въ народѣ, для своего вліянія, уголовные приговоры, потому что распространится воззрѣніе, что приговоръ былъ постановленъ лишь юристами. Если же судъ будетъ состоять (какъ хотятъ новѣйшіе проекты) изъ большинства засѣдателей (напр., изъ 4-хъ) и 3-хъ государственныхъ судей, то слѣдуетъ предвидѣть, что нерѣдко судьи будутъ употреблять всевозможное, чтобы посредствомъ крѣпкой взаимной поддержки доставить побѣду своему юридическому воззрѣнію противъ несвѣдущихъ въ правѣ засѣдателей, и съ помощію всѣхъ зависящихъ отъ нихъ средствъ пріобрѣсть отдѣльныхъ засѣдателей въ пользу своего воззрѣнія и такимъ образомъ достичь большинства голосовъ. 3) Нельзя также упускать изъ виду, что предложенный судъ засѣдателей даже представляетъ собою менѣе преимуществъ, нежели судъ, состоящій изъ однихъ коронныхъ судей, и въ то же время не имѣетъ тѣхъ выгодъ, которыя можетъ дать судъ присяжныхъ. Уже самый характеръ судоговоренія не можетъ быть проведенъ строго, потому что эксперты, государственные прокуроры и защитники будутъ находиться въ неловкомъ положеніи относительно того, какъ они должны направлять свои предложенія, болѣе ли для свѣдущихъ въ правѣ судей, или имѣя при этомъ въ виду неюристовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ судѣ засѣдателей несвѣдущіе въ правѣ его члены весьма сомнительнымъ образомъ были бы привлекаемы къ рѣшенію трудныхъ, возникающихъ при руководствѣ процессомъ юридическихъ вопросовъ, съ чѣмъ они однако вовсе незнакомы. Удовлетворяющее незначительнымъ уголовнымъ случаямъ учрежденіе суда засѣдателей привело бы при тяжкихъ преступленіяхъ къ непослѣ-

довательности: несвѣдущіе въ правѣ были бы ограничены, вслѣдствіе вполнѣ неосновательнаго недовѣрія, въ принадлежащемъ лишь однимъ имъ рѣшеніи вопроса о виновности, но вмѣстѣ съ тѣмъ были бы принуждены къ участію въ той дѣятельности, которая принадлежитъ лишь однимъ юристамъ. Всякій, кто дѣйствовалъ въ коллегіи, знаетъ, какое большое вліяніе можетъ имѣть ловкій президентъ въ судѣ, при подачѣ голосовъ. Кто же станетъ отрицать, что въ судѣ засѣдателей свѣдущій въ правѣ предсѣдатель можетъ имѣть еще гораздо большее вліяніе на засѣдателей? Какъ будетъ важенъ для подачи голосовъ родъ постановки вопросовъ, а это въ судѣ засѣдателей, конечно, будетъ совершенно въ рукахъ президента. Кромѣ того, должно быть принято во вниманіе и то, что въ судѣ засѣдателей они должны будутъ подавать также голоса и о наказаніи и о мѣрѣ его; однако, именно здѣсь, и возникли бы въ судѣ засѣдателей новыя затрудненія, такъ какъ по опыту засѣдатели, какъ и присяжные, гораздо мягче государственныхъ судей, и потому послѣдніе при подачѣ голосовъ стали бы пользоваться всѣми возможными средствами для противодѣйствія перевѣсу болѣе мягкаго воззрѣнія. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что предложенные суды засѣдателей ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы тѣхъ преимуществъ, которыя могутъ обезпечить хорошо организованные суды присяжныхъ; ихъ примѣненіе обнаружило бы скоро ихъ вредныя послѣдствія, которыя лишь ослабятъ уваженіе къ народному элементу въ судебной расправѣ».

Еще съ большею подробностію и энергіею возражетъ противъ того проекта Глазеръ.

«Намъ кажется, говоритъ онъ [1]), что проектъ этотъ именно заимствуетъ лишь отрицательную, слабую сторону института присяжныхъ и отказывается отъ существа его, того самаго, на чемъ основываются, главнымъ образомъ, его преимущества. Отрицательная сторона суда присяжныхъ — что присяжные неюристы; но это отрицательное качество, какъ извѣстно, не составляетъ необходимаго аттрибута присяжныхъ, ибо только немногія законодательства касательно этого института отстраняютъ юристовъ, какъ таковыхъ, отъ должности присяжнаго. Положительная же сторона института, напротивъ, есть раздѣленіе судебной власти между сословными и несословными судьями. Идея этого учрежденія коренится на са-

[1]) Glaser — Zur Juryfrage. 1864. Wien, стр. 64 и слѣд.

момъ дѣлѣ не въ недовѣріи къ способности и, конечно, лишь только совершенно въ видѣ исключенія, въ нѣкоторомъ опасеніи передъ зависимостію судей; лучше сказать, она возникаетъ самымъ естественнымъ образомъ въ виду слишкомъ произвольной власти, переданной небольшому числу людей, постоянно связанныхъ между собою общими интересами, именно тамъ, гдѣ сословные судьи рѣшаютъ дѣла въ словесномъ судоговореніи, не связанные правилами о доказательствахъ, даже иногда и безъ аппеляціи. Представимъ себѣ судей, которые въ полнѣйшемъ смыслѣ слова безсмѣнны, то вслѣдствіе этого, конечно, уже исключаются нѣкоторыя опасенія; однако же, съ другой стороны, весьма возростетъ и непреодолимая сила такой коллегіи; весьма возможно и безъ близкаго знакомства съ сословіемъ судей представить себѣ случай, что внезапно такой коллегіею овладѣло дурное направленіе и настроеніе, будь это чрезмѣрная строгость или чрезмѣрная слабость, что она стала въ разрѣзъ съ народомъ или правительствомъ; тогда такой коллегіи были бы принесены въ жертву, на все время жизни многихъ ея членовъ, самые важнѣйшіе интересы ея участка. Жюри имѣетъ то же значеніе, какъ и конституціонныя государственныя учрежденія. Монархи и сами министры давно уже перестали, въ требованіи участія народнаго представительства въ извѣстныхъ государственныхъ дѣлахъ, видѣть выраженіе недовѣрія къ нимъ; никто не станетъ утверждать, что народной камерѣ необходимо присуще большее знаніе дѣла и болѣе доброй воли, нежели министерству; а скорѣе въ совокупномъ дѣйствіи многихъ, другъ отъ друга обособленныхъ, и именно потому другъ отъ друга независимыхъ факторовъ лишь обѣщаютъ лучшее веденіе дѣлъ. Предложеніе помѣстить присяжныхъ на скамьѣ судей, рядомъ съ сословными судьями, даже сдѣлать ихъ самихъ сословными судьями, можетъ быть понято приверженцами жюри едва ли иначе, какъ, напр., друзьями репрезентативной системы — предложеніе посадить нѣсколькихъ выборныхъ народныхъ представителей съ правомъ голоса въ кабинетѣ или какъ, напр., защитниками системы двухъ камеръ — предложеніе о соединеніи обѣихъ камеръ въ одномъ и томъ же залѣ.

«Однако, мы спѣшимъ покончить съ этими сравненіями, которыя, какъ таковыя, естественно сходятся между собою лишь отчасти и кромѣ того могли бы возбудить ложное толкованіе, что мы хотимъ перенести нашъ вопросъ на политическую почву.

«Мы весьма далеки отъ этого, а скорѣе имѣемъ въ виду, по-

средствомъ сравненія обоихъ учрежденій, лишь показать, какъ вновь предложенный институтъ весьма различается, къ своему вреду, отъ давно уже извѣстнаго.

«Если искать существа жюри, то должно, конечно, прежде всего держаться англійскаго прототипа, потому что только онъ сохранился въ своей чистотѣ отъ тѣхъ искаженій, какимъ подвергся институтъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе политическихъ колебаній, мѣстныхъ отношеній и далеко распространенныхъ ошибокъ. Существо же англійскаго жюри мы полагаемъ въ томъ, что тамъ уголовный приговоръ вытекаетъ и является результатомъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ самостоятельныхъ факторовъ; каждому изъ этихъ факторовъ предоставлена область, въ которой онъ является управомоченнымъ по преимуществу, въ отношеніи къ которой онъ долженъ высказать свое рѣшающее слово, и однако при этомъ не вполнѣ исключается и дѣятельность другаго фактора. Только въ этомъ ограниченномъ смыслѣ и можно считать фактическій вопросъ областію жюри, вопросъ о правѣ — областію суда. По истинѣ, судъ имѣетъ существенное участіе и въ рѣшеніи фактическихъ вопросовъ, по скольку онъ заботится о соотвѣтствующемъ процессуальнымъ законамъ производствѣ и о томъ, чтобы рѣшеніе присяжныхъ основывалось лишь на матеріалѣ, соотвѣтствующемъ общимъ законамъ о доказательствахъ. Съ другой стороны, рѣшеніе юридическихъ вопросовъ принадлежитъ преимущественно суду, который представляетъ принадлежащее ему вліяніе посредствомъ рѣшенія о допущеніи обвиненія и о существованіи доказательства, обнимающаго собою всѣ важныя фактическія обстоятельства, преимущественно же посредствомъ даваемаго присяжнымъ юридическаго наставленія, которое обязываетъ ихъ въ совѣсти. Присяжные, съ своей стороны, хотя и постановляютъ приговоръ, обнимающій собою и вопросъ о правѣ на столько, на сколько это необходимо для обезпеченія имъ приговора о фактическомъ вопросѣ, для обсужденія и характеристики конкретныхъ фактовъ; однако они знаютъ, что они не должны ни находить, ни сами объяснять то юридическое положеніе, которое должно быть примѣнено къ данному случаю; они могутъ юридическое наставленіе судьи, по скольку оно является таковымъ, только или принять, или отказаться отъ него посредствомъ спеціальнаго вередикта; уклониться же отъ него они могутъ лишь олько посредствомъ клятвопреступленія. И во французско-нѣмецкомъ жюри суду предоставлено

преимущество въ юридическомъ вопросѣ посредствомъ рѣшенія о постановкѣ вопросовъ, а въ фактическомъ вопросѣ ему принадлежитъ вліятельное veto. Здѣсь, слѣдовательно, задачи и права ясны: каждый имѣетъ свою часть въ окончательномъ рѣшеніи, и такъ какъ эта часть для всѣхъ распознаваема, то онъ только за нее и отвѣтственъ предъ своею совѣстію и обществомъ. Присяжный освобождаетъ судью отъ тяжелой обязанности оцѣнки доказательствъ, но за то послѣдній вноситъ въ окончательный приговоръ все то, что предполагаетъ знаніе дѣла и юридическія свѣдѣнія и потому не можетъ быть требуемо отъ присяжнаго. Это совмѣстное дѣйствіе судей и присяжныхъ, конечно, предполагающее высокую степень умѣренности, терпѣнія и такта, естественно обусловливаетъ судьбу процесса и съ полною справедливостію подробно упорядочено, какъ самый важный моментъ его, подлежитъ содѣйствію сторонъ, контролю высшихъ судовъ, критикѣ общественнаго мнѣнія. Противоположность всему этому представляетъ такъ называемый судъ засѣдателей; неюристъ вслѣдствіе всесильнаго постановленія закона дѣлается членомъ судейской коллегіи, т. е. слѣдовательно равноправнымъ и равнообязаннымъ товарищемъ судей-юристовъ; онъ долженъ принимать участіе какъ въ обсужденіи, такъ и въ рѣшеніи; кто изъ свѣдущихъ въ правѣ членовъ этой коллегіи приметъ на себя восполненіе недостатка свѣдѣній отдѣльнаго засѣдателя, будетъ ли это и вообще имѣть мѣсто, или ему самому будетъ предоставлено найти свою нить Аріадны въ лабиринтѣ юридическихъ преній между учеными сотоварищами, все это предоставляется случаю. Ни одна процессуальная норма не заботится о томъ, чтобы этого не недоставало, что однако необходимо; и притомъ, съ другой стороны, свѣдущій въ правѣ судья долженъ примириться съ тѣмъ, чтобы неюристы, безъ всякаго ограниченія управомоченные къ обсужденію всего юридическаго вопроса и къ отстраненію отъ себя всякаго относительно этого наставленія, составляли большинство и такимъ образомъ постановляли приговоръ, который, если судьѣ не будетъ предоставлено права публично высказывать свое несогласіе, лишь подвергаетъ сомнѣнію его значеніе какъ спеціалиста въ этомъ дѣлѣ.

«Вдаваясь въ подробности предложенія Шварце, продолжаетъ Глазеръ, мы должны прежде всего указать на то, что проектъ этотъ надѣется избѣгнуть тѣхъ трудностей, которыя представляются законодательству при образованіи списковъ присяжныхъ. Это

для насъ неясно: трудность въ судахъ присяжныхъ лежитъ преимущественно не въ томъ, что будто существуетъ недостатокъ въ способныхъ людяхъ, а именно въ томъ, что вслѣдствіе вообще господствующаго разнообразія политическихъ тенденцій слишкомъ часто хотятъ лишь предоставить выборъ лучше случаю, нежели лицамъ или корпораціямъ, которыя при этомъ могли бы дѣйствовать пристрастно. Мы не видимъ, чтобы эта трудность была меньше относительно засѣдателей, напротивъ: такъ какъ здѣсь никто не можетъ основывать надеждъ на учрежденіи и на обусловленныхъ имъ формахъ, а каждый лишь будетъ надѣяться на личности, то право выбора засѣдателей будетъ еще болѣе сомнительнымъ, нежели право выбора присяжныхъ.

«Если обратить вниманіе на то, что по проекту для дѣйствительнаго отправленія служебныхъ обязанностей въ каждомъ засѣданіи необходимо 6 засѣдателей, и именно въ гораздо большемъ числѣ уголовныхъ дѣлъ, чѣмъ въ тѣхъ странахъ континента, которыя имѣютъ дѣйствительное жюри, то ясно, что сбереженіе въ лицахъ можетъ быть достигнуто лишь тогда, если эти лица будутъ чаще принимать участіе въ засѣданіяхъ, нежели теперь въ судѣ присяжныхъ, но для этого, далѣе, еще необходимо, чтобы дни, въ которыхъ должны фунгировать отдѣльные засѣдатели, были имъ объявлены за долго впередъ. Съ этимъ почти неизбѣжно стоитъ въ связи и фактическое ограниченіе при этомъ жителями самого мѣста засѣданія суда. Возможно ли провести вытекающее изъ этого исключеніе сельскаго населенія и его подчиненіе подсудности горожанъ, и заслуживаетъ ли это вообще оправданія; вопросъ этотъ зависитъ отъ мѣстныхъ отношеній, обсужденіе которыхъ мы не беремъ на себя; но вполнѣ достовѣрно, что оно будетъ слѣдствіемъ отсюда, ибо одна возможность, что найдутся желающіе и внѣ городовъ, не измѣняетъ существа учрежденія, и кромѣ того, та тягость, которую налагаетъ проектъ на этихъ охотниковъ, въ дѣйствительности несоразмѣрно велика. Но и въ самомъ мѣстѣ засѣданія суда число тѣхъ, относительно которыхъ можно предположить, что они въ теченіе цѣлаго года будутъ готовы для дѣятельности въ качествѣ членовъ суда, вовсе не будетъ весьма велико, и чѣмъ болѣе не будутъ стѣсняться приглашать однихъ и тѣхъ же лицъ, тѣмъ болѣе должны будутъ ограничиваться тѣснымъ кругомъ оставившихъ свои занятія людей, ищущихъ спокойствія, а въ немъ и не очень серьезнаго развлеченія; такимъ образомъ об-

разуется классъ юридическихъ диллетантовъ и полусвѣдущихъ людей, которые однако не будутъ совмѣщать въ себѣ ни заботливой добросовѣстности присяжнаго, ни основательнаго образованія судьи-юриста. Но за то исчезнутъ тѣ неоцѣненныя преимущества, обезпечиваемыя тѣмъ, что замѣщеніе скамьи присяжныхъ становится извѣстнымъ лишь въ послѣдній моментъ; что обѣимъ сторонамъ обезпечивается возможность широкаго отвода; что за образованіемъ суднаго жюри, равно какъ за рѣшеніемъ возраженій противъ отдѣльныхъ присяжныхъ, наблюдаетъ особенное судебное учрежденіе; между тѣмъ, какъ по тому проекту часть судебной коллегіи имѣетъ въ своихъ рукахъ формулированіе цѣлаго.

«Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самаго производства. Извѣстно, какъ затруднительно положеніе суда въ продолженіе процесса; каждому является здѣсь предъ глазами вся сомнительная сторона инквизиціоннаго принципа, по которому судъ, постановляющій рѣшеніе, самъ изыскиваетъ себѣ матеріалы для своего рѣшенія и такимъ образомъ подвергается опасности впасть въ односторонность, напередъ приготовить свой собственный приговоръ посредствомъ рѣшенія вопросовъ, встрѣчающихся во время судоговоренія; въ производствѣ передъ судомъ присяжныхъ это существенно смягчается именно посредствомъ раздѣленія занятій; по предложенному же проекту это преимущество не только исчезаетъ, но даже для руководства и упорядоченія сложнаго процессуальнаго хода, для наблюденія за кроющейся часто весьма далеко тактикою сторонъ, для рѣшенія самыхъ труднѣйшихъ вопросовъ процессуальнаго права, для заботы объ отвращеніи погрѣшностей, влекущихъ за собою ничтожность процесса, приглашаются лица безъ юридическихъ свѣдѣній и знакомства съ дѣломъ.

«Мы должны придать этому пункту большое значеніе, ибо иное дѣло — передать въ руки неюриста вопросъ матеріальнаго права и другое дѣло — предоставить ему руководство процессомъ; въ каждомъ отдѣльномъ уголовномъ дѣлѣ могутъ быть примѣнены лишь нѣсколько статей уголовнаго кодекса, относительно которыхъ не трудно предположить, что всякій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ уяснить ихъ себѣ, между тѣмъ какъ каждое уголовное дѣло есть предметъ цѣлаго процесса; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ получаетъ свое примѣненіе цѣлый кодексъ уголовнаго судопроизводства, и отдѣльныя процессуальныя нормы стоятъ между собою въ гораздо тѣснѣйшей связи, нежели отдѣльныя предписанія уголов-

наго кодекса; нельзя рѣшить ни одного процессуальнаго вопроса, не познакомившись съ цѣлымъ организмомъ уголовнаго процесса.

«Требованія, выставляемыя въ отношеніи къ юридическому образованію засѣдателей, слѣдовательно, уже гораздо болѣе тѣхъ, которыя должны имѣть мѣсто по отношенію къ присяжнымъ.

«Это обнаруживается еще во многихъ другихъ отношеніяхъ; въ производствѣ передъ судомъ присяжныхъ всѣ знаютъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы для людей несвѣдущихъ сдѣлать понятными какъ факты, такъ и до извѣстной степени ихъ юридическую сторону: объ этомъ заботится судъ, это должны имѣть въ виду и свѣдущіе люди и государственный прокуроръ и защитникъ. Но какой должно принять тонъ, если рѣчь обращается къ коллегіи, въ которой рядомъ съ новичками и несвѣдущими въ правѣ сидятъ и судьи-юристы? Должно ли болѣе заботиться о томъ, чтобы излишними подробностями не испытывать терпѣнія вліятельнѣйшихъ, или выражаться яснѣе, имѣя въ виду неопытныхъ ея членовъ?

«Законы о судѣ присяжныхъ стараются помочь меньшей опытности присяжныхъ между прочимъ черезъ посредство résumé президента; англійскій предсѣдательствующій судья, который не предпринимаетъ допросовъ самъ, самымъ старательнымъ образомъ записываетъ показанія свидѣтелей и почти никогда не упускаетъ случая прочесть эти замѣтки въ своей заключительной рѣчи. Пусть находятъ то и другое сомнительнымъ, и, смотря по тому, раздѣляетъ ли и законодательство это воззрѣніе, заключительная рѣчь президента можетъ быть ограничена или даже и уничтожена, что впрочемъ мы бы не рекомендовали. Но во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ весьма трудный; его должно разрѣшить законодательство, и никакимъ образомъ рѣшеніе его не можетъ зависѣть отъ одного благоусмотрѣнія участвующихъ лицъ. Имѣя, такимъ образомъ, это въ виду, трудно относительно этого пункта согласиться съ авторомъ вышеуказаннаго проекта. Неужели дѣйствительно résumé, обусловленное произволомъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ обязательнымъ, предоставленное индивидуальному вдохновенію передъ опредѣленнымъ закономъ, тайное передъ гласнымъ, только потому, что въ него также могутъ въ отсутствіи сторонъ вмѣшиваться еще и другіе судьи и дѣлать замѣчанія, которыя однако могутъ дѣйствовать равно вреднымъ, какъ и полезнымъ образомъ?

«Далѣе, также указывается и на то, и въ этомъ-то именно должно будто бы лежать достоинство учрежденія засѣдателей, что

при послѣднемъ становится ненужнымъ публичная постановка вопросовъ. Однако мы ограничимся здѣсь только тѣмъ замѣчаніемъ, что самыя неудобства постановки вопросовъ съ избыткомъ вознаграждаются посредствомъ обезпеченія великаго преимущества, что этотъ рѣшающій актъ процесса не исчезаетъ во мракѣ совѣщательной камеры, но окруженъ всѣми тѣми гарантіями, которыя, какъ всѣми уже признано, предоставляетъ гласное и устное обсужденіе юридическихъ дѣлъ. Впрочемъ, при коллегіи лишь изъ однихъ судей-юристовъ можно еще остаться при прежнемъ порядкѣ, правда, вытекшемъ болѣе изъ обычая; но если принять во вниманіе, какъ много зависитъ отъ правильной постановки вопросовъ; вопросы могутъ быть формулированы словесно или изложены на бумагѣ; если имѣть въ виду, какъ трудно бываетъ часто и самому спеціалисту тотчасъ понять значеніе вопроса, особенно, если должны быть постановлены напр. нѣсколько вопросовъ, и объ одномъ уже собираются голоса, прежде нежели еще выслушаны остальные, то должно сознаться, что засѣдатели нуждаются въ гораздо бо́льшей степени твердости и ловкости, нежели присяжные, для независимаго рѣшенія, выражающаго ихъ истинную волю. При этомъ, впрочемъ, мы беремъ еще лишь самый простой случай: представимъ себѣ, что относительно юридическаго вопроса, или относительно цѣлесообразности постановки вообще вопросовъ, обнаруживается различіе въ мнѣніяхъ между президентомъ и другими судьями; что между ними начинаются пренія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть ведены въ уровнѣ пониманія засѣдателей, и что теперь послѣдніе видятъ себя призванными своими голосами рѣшить споръ юристовъ! И наконецъ другой, вовсе не невозможный случай: какъ напр. если въ случаѣ столкновеній между засѣдателями и юристами первые захватываютъ въ свои руки самый порядокъ постановки вопросовъ, какъ это возможно для большинства коллегіи, если они даютъ фактамъ юридическое обсужденіе, лежащее совершенно внѣ предъидущихъ изслѣдованій и понятое ими совершенно ложно, и юридическому меньшинству лишь предоставляютъ задачу, опредѣлить наказаніе по совершенно не подходящему къ дѣлу уголовному закону и найти основанія рѣшенія? Мы не утверждаемъ, что подобные случаи встрѣчались бы безпрестанно; но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не можетъ сказать, что это не мыслимо, и вотъ мы предлагаемъ вопросъ, гдѣ же долженъ быть найденъ оплотъ противъ возможности таковыхъ золъ?

«Просьба о кассаціи едва ли можетъ основываться на скрытыхъ отъ сторонъ фактахъ, происходящихъ въ совѣщательной камерѣ рѣшающей коллегіи, и однако они на столько же важны какъ и сомнительны; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ право обжалованія, конечно, можетъ быть обезпечиваемо присоединеніемъ основаній рѣшенія; однако значеніе этихъ основаній рѣшенія при всемъ томъ будетъ весьма проблематично именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ или юристы не согласны съ рѣшеніемъ большинства, или гдѣ послѣднему не удастся высказать свои основанія столь же ясно, какъ и свою волю.

«Но кромѣ всего этого намъ кажется, что то преимущество, которое можетъ обезпечить предложенный институтъ въ томъ, что при безформенномъ совѣщаніи, которое будетъ имѣть мѣсто между судьями и засѣдателями, первымъ иногда можетъ удасться убѣдить послѣднихъ къ тому рѣшенію, которое они считаютъ болѣе справедливымъ, или по крайней мѣрѣ соединить формулу, удаляющуюся лишь по мѣрѣ необходимости отъ того, что требуетъ каждая изъ обѣихъ сторонъ, — это преимущество, кажется намъ, далеко превышается темными сторонами института. Законы о судѣ присяжныхъ знаютъ слабую сторону упорядочиваемаго ими института: меньшую способность присяжныхъ къ формальному обращенію съ дѣлами и къ рѣшенію юридическихъ вопросовъ, равно какъ и возможность отдѣльныхъ несчастныхъ выборовъ; они поэтому принимаютъ и мѣры для надежнаго отвращенія этихъ недостатковъ и лучшее средство находятъ именно въ томъ, что предоставляютъ суду вполнѣ самостоятельное положеніе, недоступное вліянію присяжныхъ, вслѣдствіе котораго онъ руководитъ, наставляетъ, имѣетъ право пресѣкать окольные пути, а въ случаѣ нужды посредствомъ veto даже исправлять сдѣланныя ошибки. Судъ засѣдателей раздѣляетъ съ жюри ту слабую сторону, однако ему недостаетъ той корректива, и между тѣмъ какъ не существуетъ никакого твердаго основанія для того, чтобы отъ отдѣльнаго засѣдателя ожидать болѣе, нежели отъ отдѣльнаго присяжнаго, ему предоставляются такія права, для которыхъ онъ никакъ не можетъ быть способнымъ и которыя далеко превосходятъ права присяжнаго. Подъ этими обстоятельствами можно только желать, чтобы засѣдатели были тѣми, какими они были столь долгое время въ прежнемъ нѣмецкомъ инквизиціонномъ процессѣ, т. е. вполнѣ подчиненными совѣтамъ и указаніямъ судей-юристовъ, но тогда ихъ приглашеніе оказалось бы не болѣе, какъ

излишнимъ. Но что будетъ изъ нашего столь сложнаго матеріальнаго и формальнаго уголовнаго права, если бы несвѣдущее въ правѣ большинство судей коллегіи серьезно захватило бы въ свои руки уголовно-судебную расправу, — этого нельзя представить себѣ, не исполняясь самаго живѣйшаго опасенія».

31) **Н. Скворцова.**

«Протагоръ» діалогъ Платона.

Ни въ одномъ изъ діалоговъ Платонъ не представляетъ софистовъ въ такой блестящей обстановкѣ какъ въ «Протагорѣ».

Софистъ Протагоръ, абдерскій уроженецъ, прибылъ въ Аѳины съ большимъ обществомъ разныхъ лицъ, которыхъ онъ увлекъ за собою изъ многихъ городовъ Греціи. Каллій, богатый аѳинскій гражданинъ, родственникъ Перикла, большой поклонникъ софистовъ, который, по словамъ Платона, истратилъ на нихъ болѣе денегъ, чѣмъ всѣ другіе взятые вмѣстѣ (Apolog. 20. A.), предложилъ Протагору помѣщеніе въ своемъ домѣ. Но домъ Каллія вѣроятно былъ открытъ и для другихъ ученыхъ и образованныхъ людей его времени; по крайней нѣрѣ, въ одно время съ Протагоромъ, тамъ помѣщались еще два софиста Продикъ и Гиппій. Остальное общество, при которомъ происходитъ описываемый въ діалогѣ диспутъ Сократа съ Протагоромъ, состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: самъ хозяинъ дома Каллій, Паралъ и Ксантиппъ сыновья Перикла, Хармидъ сынъ Главкона, Критій, Алкивіадъ, Эриксимахъ, Федръ, Павсаній, Агаѳонъ, Антимеръ изъ Мендеи, достойнѣйшій питомецъ Протагора, наконецъ Сократъ съ Гиппократомъ. Кромѣ того, здѣсь было много и другихъ любителей послушать ученыя рѣчи. Говоря о нихъ, Платонъ даетъ намъ понять то глубокое уваженіе, которое чувствовали они къ Протагору, почтительно идя позади его и не перебивая ему дороги, когда онъ обращался назадъ, прохаживаясь съ хозяиномъ дома по одну сторону и съ другими избранными лицами по другую (315. A. B.).

Платонъ не допустилъ читателя непосредственно присутствовать при диспутѣ: читатель узнаетъ его отъ Сократа, который, возвращаясь отъ Каллія, встрѣчается съ другомъ и передаетъ ему, по какому поводу онъ диспутировалъ съ Протагоромъ. Сократъ разсказываетъ, что рано утромъ явился къ нему пылкій и ревностный Гиппократъ и просилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ домъ

Каллія и представить его Протагору, чтобъ тотъ принялъ на себя попеченіе о его образованіи.

Но прежде чѣмъ продолжать изложеніе Платонова діалога, не мѣшаетъ намъ выяснить себѣ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, читая Платона, и какъ мы должны смотрѣть на его діалоги. Это тѣмъ болѣе необходимо, что во взглядѣ на сочиненія Платона есть, по видимому, очень большое заблужденіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Платонъ былъ названъ божественнымъ, въ глазахъ многихъ онъ получилъ значеніе болѣе какъ вдохновенный поэтъ, который рисуетъ будто бы какіе-то предметы «неуловимые вполнѣ никакими формами не только языка, но и самаго мышленія», чѣмъ какъ раціональный мыслитель, вполнѣ сознающій свою подлинно философскую задачу. Квинтиліану Платонъ казался non hominis ingenio sed quodam Delphico oraculo instinctus (X. 1.) Но Квинтиліанъ говорилъ такъ только о достоинствѣ рѣчи Платона; мало по малу, однако, воззрѣніе это было перенесено и на самое его мышленіе. Какъ ни почтенны труды о Платонѣ Шлейермахера, Аста, Германа, и другихъ, но я рѣшаюсь однако замѣтить, что доселѣ еще неясно сознанъ философскій смысль его діалоговъ. Такъ и Гротъ рѣшительно утверждаетъ, что въ діалогахъ Платона видѣнъ складъ его ума существенно поэтическій (Plato. Vol. 1. стр. 115). Много условій соединилось вмѣстѣ для того, чтобы затемнить философскую идею Платона. Важнѣйшее изъ нихъ—это сама идея, сама задача философскаго мышленія Платона, задача, которая вела къ воззрѣніямъ инаго порядка, къ спекулятивнымъ, къ трансцендентальнымъ воззрѣніямъ разума, которыя такъ чужды нашему мышленію, при обычномъ его эмпирическомъ употребленіи. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, при изученіи Платона, мы должны стараться понять его воззрѣнія и идеи въ ихъ подлинномъ спекулятивномъ элементѣ и отказаться отъ тѣхъ поэтическихъ образовъ, которые набрасываетъ на нихъ, вопреки духу Платона, наше собственное конструктивное воображеніе. Повѣствуютъ, что Платонъ, до знакомства съ Сократомъ, писалъ поэмы и трагическія тетралогіи, но, познакомившись съ Сократомъ, предалъ ихъ огню (Diog. L. III. 28). Такъ и всякій желающій изучить Платона не просто какъ историческое лицо, но какъ философа, долженъ, по моему мнѣнію, также рѣшительно отказаться видѣть въ немъ поэта и стараться уразу-

мѣть ту философскую его задачу, которую онъ самъ, безъ сомнѣнія, понималъ со всею ясностію глубокаго мыслителя. Безспорно однако, что въ сочиненіяхъ Платона много мѣстъ поэтическихъ — какъ этическаго, такъ и лирическаго колорита; но всѣ эти миѳы и поэтическія картины, равно какъ и встрѣчающіеся у Платона историческіе разсказы, не должны закрывать предъ нами философскаго значенія его произведеній.

Воззрѣнію на Платона болѣе съ поэтической, чѣмъ съ философской стороны, много помогла діалогическая форма его сочиненій, которой, по моему мнѣнія, придаютъ не то значеніе, какое она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Діалоги Платона обыкновенно разсматриваютъ какъ «драмы философскаго содержанія» (Henr. v. Stein. Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus. 1 Th. стр. 9). Самое сопоставленіе философскаго содержанія съ драматическою формою относительно сочиненій Платона даетъ понять, что если эти философскія сочиненія и драмы, то, какъ драмы, онѣ не высокаго качества. Но помимо этого, я надѣюсь, буду имѣть случай при анализѣ «Протагора» указать на то, какъ мало соблюдаетъ Платонъ условія драматическаго положенія дѣйствующихъ лицъ. Между тѣмъ подъ вліяніемъ этого воззрѣнія на драматизмъ платоновыхъ сочиненій ихъ дѣлили на трилогіи, тетралогіи. Въ свое время писали цѣлыя сочиненія о драматизмѣ Платона. Таково напримѣръ сочиненіе извѣстнаго филолога Тирша: Über die dramatische Natur der Platonischen Dialoge. 1837 г. Воззрѣніе на драматизмъ Платона, представителемъ котораго въ нѣмецкой литературѣ мы можемъ считать Шлейермахера, такъ знакомое всѣмъ по послѣднимъ изданіямъ сочиненій нашего философа, сдѣланнымъ Штальбаумомъ и Штейнгартомъ, воззрѣніе, которому такъ усердно послужилъ г. Карповъ въ своихъ введеніяхъ и примѣчаніяхъ къ переводу нѣкоторыхъ платоновыхъ діалоговъ (переводу, который—сказать кстати — при недостаточной вѣрности тексту страдаетъ, по моему мнѣнію, еще излишнею вульгарною простотою оборотовъ рѣчи). Это воззрѣніе представляетъ діалоги Платона какъ драмы съ комическимъ оттѣнкомъ; именно, съ одной стороны — круглые неучи софисты, а съ другой — всезнающій Сократъ, который ставитъ ихъ въ тупикъ, дурачитъ ихъ своимъ остроуміемъ и, потѣшась надъ ними, или оставляетъ ихъ въ смѣшномъ положеніи, или подъ конецъ вразумляетъ, какъ добрый учитель.

Гротъ отрицаетъ, чтобы по сочиненіямъ Платона можно было

составитъ истинное понятіе о дѣйствительномъ воззрѣніи того или другаго лица, разсуждающаго въ діалогѣ, и на этомъ основаніи укоряетъ, напримѣръ, Шлейермахера за его мнѣніе о томъ, что цѣль Платона въ «Протагорѣ» состояла въ доказательствѣ неразумности этого софиста; но въ другихъ случаяхъ также приписываетъ Платону комическія цѣли (Hip. Min. Vol. 1. стр. 395), или простое намѣреніе выставить превосходство Сократа предъ софистами (Hipparch. Ibid. стр. 416). Въ этомъ кажущемся противорѣчіи воззрѣнія Грота на самомъ дѣлѣ однако нѣтъ противорѣчія. Согласно съ общимъ своимъ воззрѣніемъ, что многія части платоновыхъ діалоговъ написаны имъ съ литературною или поэтическою цѣлію (Vol. 11. стр. 29), Гротъ признаетъ у Платона и комическія и вообще драматическія цѣли, но не признаетъ возможнымъ заключить отсюда о дѣйствительномъ взглядѣ даннаго лица и вообще о его подлинныхъ убѣжденіяхъ. Это положеніе Гротъ утверждаетъ не только относительно софистовъ и другихъ лицъ въ діалогахъ Платона, но и относительно Сократа. Общее положеніе Грота въ этомъ случаѣ таково, что у Платона всѣ лица являются такими или другими подъ условіемъ лишь цѣли самаго Платона (Vol. 1. стр. 290), такъ что о Платонѣ, по отношенію его къ изображеннымъ имъ лицамъ, можно сказать то же, что Мелетъ сказалъ о Сократѣ: *τὸ τὸν ἧττω λόγον κρέιττω ποιεῖν* (Vol. 1. стр. 177). Это мнѣніе Грота стоитъ въ связи съ его общимъ воззрѣніемъ на сочиненія Платона. Отрицая направленіе Шлейермахера объяснять діалоги Платона послѣдовательно одинъ изъ другаго, Гротъ утверждаетъ напротивъ, что въ разныхъ діалогахъ Платонъ стоялъ на разныхъ чисто противоположныхъ точкахъ взгляда, такъ что нельзя найти никакого предиката, который былъ бы одинаково приличенъ всѣмъ діалогамъ Платона. Всякій предикатъ можетъ быть вѣренъ только въ отношеніи къ тому или другому діалогу а не въ отношеніи ко всѣмъ. То скептикъ, то догматикъ, то религіозный мистикъ, то математикъ, то философъ, то поэтъ, то риторъ — таковъ Платонъ, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ своей философской дѣятельности. Онъ долженъ быть найденъ во всѣхъ и въ каждомъ изъ его діалоговъ, а не въ воображаемомъ типѣ, составленномъ чрезъ отвлеченіе только изъ нѣкоторыхъ съ исключеніемъ другихъ. На самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Гротъ, личный Платонъ существуетъ для насъ не болѣе какъ и личный Шекспиръ. Платонъ никогда не являлся предъ нами *и ни одного мнѣнія не высказываетъ какъ свое собственное.* Онъ — неви-

димый передатчикъ различныхъ *характеровъ лицъ*, которые разсуждаютъ вслухъ въ отдѣльныхъ драмахъ, и каждая драма есть отдѣльное произведеніе, предъявляющее свою особенную точку взгляда, утвердительную или отрицательную, согласную или несогласную съ другими, смотря по случаю. Драматическая живость и артистическія антитезы между говорящими лицами у Платона, по словамъ Грота, могли бы быть достаточны для того, чтобы онъ своими драмами съ успѣхомъ состязался о наградѣ на діонисіевыхъ празднествахъ (Vol. 1. стр. 207—214). Сообразно съ этимъ, Гротъ, какъ замѣчено, утверждаетъ, что Сократъ у Платона есть лицо идеальное. Еще въ «Исторіи Греціи» Гротъ коснулся вопроса объ отношеніи Сократа къ сочиненіямъ Ксенофонта о Платонѣ (Geschichte v. Griechenland. Übersetz. v. Meissner 4. Bd. стр. 624). Здѣсь Гротъ признаетъ, что вопросъ о томъ, на сколько Платоновъ Сократъ можетъ быть признанъ за вѣрное изображеніе дѣйствительнаго Сократа и на сколько съ другой стороны онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ созданіе Платона — что вопросъ этотъ составляетъ пунктъ, который не можетъ быть разрѣшенъ со всею точностію. Тѣмъ не мѣнѣе онъ категорически утверждаетъ, что Ксенофонтъ, сообразно со своею аналогическою цѣлію, изображаетъ Сократа съ практической стороны, какъ исправителя пороковъ, улучшителя нравовъ, а Платонъ оставляетъ практическаго Сократа и изображаетъ Сократа теоретическаго. Этотъ теоретическій Сократъ, какъ яснѣе оказывается это изъ сочиненія Грота о Платонѣ, есть для него тотъ идеальный Сократъ, который, по словамъ Кехли, исторически не болѣе вѣренъ, какъ Тассо Гёте или Валенштейнъ Шиллера. (Akademische Vorträge v. Koechly. Zürich. 1859. Socrates und sein Volk. стр. 225).

И такъ современная критика заставляетъ признать двухъ Сократовъ — реальнаго и идеальнаго. Но если нельзя утверждать, что Сократъ для Платона есть только одно имя, подъ которымъ онъ выдаетъ свои воззрѣнія, если напротивъ въ платоновомъ Сократѣ мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, то спрашивается могутъ ли быть чужды ему тѣ мысли, которыя высказываетъ чрезъ него Платонъ? и не теряемъ ли изъ виду дѣйствительнаго Сократа за Сократомъ Платона и Сократомъ Ксенофонта? Эти вопросы въ настоящее время не могутъ быть предметомъ нашего изслѣдованія, но тѣмъ не менѣе можно замѣтить слѣдующее. Для исторіи философіи, безъ сомнѣнія, нуженъ реальный Сократъ, какъ и реальный Платонъ, а

не идеальные. Но какой Сократъ, какой Платонъ въ этомъ случаѣ будутъ реальными — тѣ ли, какими они могутъ предстать предъ нами въ исторіи своей жизни — говорящіе и дѣйствующіе, или мыслящіе? Очевидно, что только мыслящіе Сократъ и Платонъ могутъ быть признаны реальными въ историко-философскомъ смыслѣ. Если самъ Сократъ не писалъ своихъ философскихъ думъ, или мы не имѣемъ его подлинныхъ сочиненій, за то мы имѣемъ показаніе о значеніи его философской дѣятельности со стороны такого свидѣтеля, въ критическомъ достоинствѣ котораго мы ни какъ не можемъ сомнѣваться. Я говорю объ Аристотелѣ, который въ своей метафизикѣ такъ опредѣляетъ философское значеніе Сократа: «Сократу по справедливости должно приписать двѣ вещи: индукцію и опредѣленіе; и то и другое составляетъ принципъ знанія». (М. А. XIII 4). Это свидѣтельство Аристотеля тѣмъ болѣе должно быть важно для критики, что самъ Сократъ подтверждаетъ его намъ. На судѣ Сократъ показалъ, что его философская миссія состояла въ изслѣдованіи ложныхъ воззрѣній на знаніе (Apol. стр. 23 и слѣд.) Отсюда ясно, что для опредѣленія, съ какимъ Сократомъ имѣемъ мы дѣло въ томъ или другомъ діалогѣ Платона, должно выяснить мысль самаго Платона—не окажется ли и она тою же критикою ложныхъ воззрѣній на знаніе, тою же критикою ненаучности мышленія, которой до того былъ преданъ Сократъ, что безъ нея, по его словамъ въ апологіи, онъ не считалъ бы себя достойнымъ и жизни. Если дѣйствительно откроется такое единство въ философской задачѣ Платона и Сократа, тогда не будетъ сомнѣнія, что въ данномъ по крайней мѣрѣ діалогѣ Платона мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ и дѣйствительнымъ Сократомъ, и освободимся отъ странной необходимости говорить заразъ о двухъ Сократахъ. Но возвратимся къ современному воззрѣнію на сочиненія Платона.

Сочиненія Платона суть поэтическія драмы, въ которыхъ дѣйствительныя историческія лица изображаются такъ или иначе, смотря по цѣли автора, и притомъ часто по простой комической цѣли — вотъ воззрѣніе на сочиненія Платона, съ которымъ мы встрѣчаемся доселѣ въ ихъ критикѣ. Но если лица въ діалогахъ Платона, какъ и самъ Сократъ, суть лица чисто идеальныя, то мы должны отказаться отъ желанія узнать когда либо философію Платона; намъ остается только разсматривать каждый его діалогъ въ отдѣльности, какъ особую драму или сцену, останавливаться по частямъ на его мнѣніяхъ о справедливости, о добрѣ, о храбрости, о добродѣтели

вообще, принимать или отвергать эти мнѣнія, смотря по близости ихъ къ нашимъ собственнымъ, или къ мнѣніямъ современныхъ авторитетовъ, каковы Милли, Бокли, Ренаны и т. д. Но соображая, что въ сочиненіяхъ Платона мы должны имѣть дѣло не столько съ историческимъ лицомъ, который когда либо сказалъ то или другое, а съ тѣмъ дѣйствительнымъ Платономъ философомъ, который, какъ всякій истинный философъ, выходилъ въ своемъ философскомъ мышленіи изъ извѣстнаго принципа и стремился утвердить опредѣленныя философскія воззрѣнія, — соображая это, я рѣшительно отвергаю ту историческую, или историко-литературную, ложную и негодную для изучающаго философію точку взгляда, съ которой Платоново мышленіе является мышленіемъ безъ предиката, или съ различными предикатами, смотря по содержанію мыслимаго и по возрасту мыслящаго — ту точку, съ которой Платонъ есть просто «мимикъ», являющійся предъ нами въ безконечномъ разнообразіи масокъ и контуръ, а не мыслитель, владѣющій своимъ мышленіемъ, на основаніи яснаго сознанія своего философскаго принципа. Вмѣстѣ съ этимъ я не допускаю замѣчанія французскаго ученаго Эрнеста Ренана, которымъ такъ авторитетно пользуется Гротъ, того замѣчанія, что смѣшно стараться поставить древнихъ въ согласіе съ самими собою, когда они сами мало заботились объ этомъ. Ибо древніе, по словамъ Ренана, философствовали часто, не ограничиваясь одною системою, и трактовали одинъ и тотъ же предметъ съ различныхъ точекъ взгляда, которыя представлялись имъ въ томъ или другомъ случаѣ, или которыя были даны имъ въ предшествующихъ школахъ, не безпокоясь о происходящемъ отсюда различіи въ ихъ воззрѣніи (Vol. 1 стр. 211. Прим.). Но пусть такъ, если кому нибудь такъ кажется. Древніе не объяснятъ сами себя тому, кто не хочетъ ихъ понимать. Я могу приписать Платону все, кромѣ философскихъ сочиненій — и я буду правъ, если мнѣ кажется напримѣръ, что «Протагоръ» его — простая комедія, въ которой онъ осмѣиваетъ неуча-софиста. Но въ томъ и дѣло, что мнѣ можетъ казаться многое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; такъ и Платоновы сочиненія могутъ казаться мнѣ драмами, тогда какъ онѣ философскія сочиненія. Если же нѣчто кажущееся кажется такимъ всѣмъ, то дѣло истинной критики объяснить, почему это такъ кажется. Точно также и въ отношеніи къ Платону вопросъ долженъ быть поставленъ такимъ образомъ: почему философскія сочиненія Платона могутъ казаться и кажутся намъ драмами? Имѣлъ

ли самъ Платонъ въ виду то драматитеское положеніе, въ которомъ представляются намъ лица, бесѣдующія въ его діалогахъ? Заботился ли онъ о томъ, чтобы его сочиненія были драмами философскаго содержанія? Если заботился, то онъ плохой драматургъ— вотъ нашъ судъ. Зачѣмъ онъ ставилъ своихъ героевъ въ такое исключительное положеніе, въ которомъ они рѣшительно не могли дѣйствовать (хотя бы и своимъ мышленіемъ), отказывались отъ своихъ прежнихъ понятій, поправлялись въ своихъ воззрѣніяхъ и съ очевиднымъ довольствомъ принимали то, что прежде отвергали? Что это за драматизмъ безъ дѣйствія, безъ намѣренія самихъ героевъ? Что за драматическія ихъ положенія, которыми они остаются такъ довольны, хотя попали въ нихъ противъ своего желанія? Но въ томъ и дѣло, что Платонъ никогда и не думалъ о драматизмѣ своихъ сочиненій, никогда не задавался этою задачею, и потому въ діалогахъ своихъ такъ мало соблюдалъ самыя первыя, самыя простыя правила драматургіи. Но тѣмъ не менѣе сочиненія его намъ кажутся драмами: въ этомъ случаѣ насъ обманываетъ прежде всего діалогическая форма, въ которой Платонъ излагаетъ свои мысли; насъ обманываетъ присутствіе живыхъ историческихъ лицъ, которыхъ мы знаемъ фактически. А между тѣмъ любое мѣсто изъ сочиненій Аристотеля можетъ принять этотъ quasi-драматическій характеръ при извѣстномъ изложеніи. Возьмите въ самомъ дѣлѣ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Аристотель, говоря отъ своего лица, разсуждаетъ, что съ одной стороны предметъ можно трактовать такъ, а съ другой иначе; въ этомъ отношеніи справедливо то, а въ другомъ — другое; не только теоретическіе, но и практическіе вопросы часто трактуются у Аристотеля въ томъ же духѣ: и то хорошо и это хорошо; въ одномъ отношеніи это справедливо, а въ другомъ несправедливо и т. д.; возьмите еще всѣ тѣ пункты въ его мышленіи, которые онъ называетъ апоріями (ἀπορίαι) и попробуйте все это переложить въ бесѣду разныхъ лицъ и вы получите произведенія похожія на діалоги Платона, но въ нихъ также мало будетъ собственно драматическаго, какъ и въ сочиненіяхъ Платона, и ничѣмъ не болѣе какъ въ настоящихъ сочиненіяхъ Аристотеля. Тайна драматизма, который кажется намъ въ Платоновыхъ діалогахъ, заключается въ особенностяхъ того діалектически-аналитическаго мышленія, въ переработкѣ котораго столь знакомыя намъ понятія получаютъ новыя опредѣленія, новыя сочетанія, противорѣчащія между собою, отрицающія другъ друга и вновь отрицаемыя дру-

гими. Эта діалектика понятій, излагаемая предъ нами въ діалогахъ Платона историческими, дѣйствительными лицами, и заставляетъ насъ видѣть драматичность въ самомъ положеніи этихъ лицъ и можетъ быть не видѣть того, что въ діалогахъ Платона есть собственно философскаго. Вслѣдствіе этого діалектико-аналитическаго процесса мысли Платона, многіе изъ его діалоговъ представляются какъ бы неоконченными изслѣдованіями безъ результата, драмами безъ конца. Но въ сущности читатель находится здѣсь въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ чувствуетъ себя и по прочтеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ сочиненій Аристотеля, когда остается еще все неяснымъ, на чемъ же бы остановиться, что взять какъ положительное пріобрѣтеніе столь продолжительнаго разсужденія.

Но мы были бы не правы предъ Платономъ, если бы, отказывая ему въ драматизмѣ его сочиненій, стали бы отвергать вмѣстѣ съ тѣмъ литературное достоинство его діалоговъ. Безспорно, Платонъ владѣлъ искусствомъ вести живой остроумный разговоръ — то ироническій, то патетическій, то шутливый, то серьезный; но все это не драматизмъ. Разговорная форма во время Сократа и Платона была общеупотребительною и въ высшей степени развитою формою ученыхъ изслѣдованій не только въ школьной, педагогической сферѣ, но и въ сферѣ литературы. Всѣ такъ называемые socratici viri писали очень много діалоговъ. Послѣ Аристотеля остались также фрагменты его діалогическихъ сочиненій. Монологическая какъ философская такъ и вообще ученая рѣчь не была тогда еще достаточно выработана, можетъ быть потому, что философія была дѣломъ популярнымъ, дѣломъ жизни людей способныхъ пользоваться досугомъ, и философствовали не въ кабинетахъ, но на площадяхъ, въ обществѣ, въ академіяхъ. «Всѣ вмѣстѣ мы способны и къ дѣлу и къ слову и къ мысли» — говоритъ Сократъ у Платона въ «Протагорѣ» (348. Д.). И вотъ когда всѣ молчатъ и хотятъ слушать лишь его, онъ представляетъ себя бесѣдующимъ съ кѣмъ-то воображаемымъ, а подъ конецъ рѣчи даже представляетъ себѣ, будто весь предшествующій разговоръ его съ Протагоромъ говоритъ ему свое мнѣніе..... Ясно, что такая живость воображенія Платона, такая пластичность въ выраженіи мысли не составляютъ еще драматизма его сочиненій.

Но возвратимся къ содержанію нашего діалога. Прежде чѣмъ отправиться къ Протагору, Сократъ у Платона бесѣдуетъ съ Гип-

пократомъ о софистикѣ. Это мѣсто діалога можетъ послужить для насъ точкою отправленія для объясненія софистики.

Если бы ты, говоритъ Сократъ Гиппократу, пожелалъ взять за деньги уроки у соименника своего Гиппократа, что изъ Коки, или у Поликлита, или у Фидія, какъ хочешь теперь брать уроки у Протагора, то ты заплатилъ бы одному какъ врачу, а другимъ какъ скульпторамъ, съ цѣлію самому сдѣлаться въ первомъ случаѣ врачемъ, а во второмъ скульпторомъ; скажи же, кому собственно въ лицѣ Протагора хочешь ты заплатить теперь деньги? Его называютъ софистомъ, отвѣчалъ Гиппократъ. Слѣдовательно и самъ ты хочешь быть софистомъ, замѣтилъ Сократъ. Гиппократъ, сконфузившись отвѣчалъ, что изъ сказаннаго дѣйствительно слѣдуетъ, что онъ идетъ къ Протагору съ цѣлію сдѣлаться софистомъ; но мнѣ и самому, прибавляетъ Гиппократъ, совѣстно.... При этомъ Сократъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ можно выставить и другое побужденіе — просто желаніе получить образованіе; по какому побужденію всѣ обыкновенно ходятъ въ школы граматистовъ, киѳаристовъ и гимнастовъ. Гиппократъ охотно подтверждаетъ, что онъ имѣетъ именно эту цѣль при посѣщеніи Протагора, т. е. свое личное образованіе. А если такъ, продолжаетъ Сократъ, то это значитъ, что ты довѣряешь себя не зная кому, ибо мудрено, чтобы ты понималъ, что такое софистъ, а слѣдовательно ты не знаешь, хорошему, или дурному человѣку поручаешь дѣло своего духовнаго образованія. Мнѣ кажется, напротивъ, я понимаю, что такое софистъ, возражаетъ Гиппократъ — это человѣкъ, знающій мудрыя вещи. Но въ какой сферѣ онъ знаетъ мудрыя вещи? говоритъ Сократъ. Я понимаю напримѣръ, что живописецъ знаетъ мудрыя вещи въ живописи; а софистъ? А софистъ, отвѣчаетъ Гиппократъ, это человѣкъ, который можетъ дать раціональное образованіе. Такъ, продолжаетъ Сократъ, но относительно чего онъ можетъ дать это раціональное образованіе? Очевидно, относительно того, что самъ знаетъ; но вопросъ въ томъ и состоитъ, что знаетъ софистъ и чему онъ учитъ? (311—312). Платонъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ ни чрезъ Гиппократа, ни чрезъ Сократа. Правда, Сократъ дѣлаетъ нѣкоторое описательное изображеніе софистовъ и указываетъ на ихъ общественное положеніе въ педагогическомъ отношеніи, что я приведу въ своемъ мѣстѣ, но собственный вопросъ: что такое софистика — оставленъ Сократомъ открытымъ, и я могу прибавить — остается открытымъ до нашихъ дней.

«Я не знаю, что сказать тебѣ на твой вопросъ о томъ, что такое софистъ» — отвѣчалъ Гиппократъ Сократу. Въ этомъ незнаніи всегда признавались современники софистовъ. Здѣсь можно указать на характеристическое мѣсто изъ «Облаковъ» Аристофана. «Что это за люди»? спрашиваетъ Фидиппидъ у Стрепсіада, говоря о софистахъ; «я не знаю навѣрно, какъ тебѣ ихъ опредѣлить, отвѣчаетъ Стрепсіадъ; но это глубокомысленные, благородные, достопочтенные люди» (Nubes v. 107). Равнымъ образомъ и самъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ явно признается въ трудности дать положительный отвѣтъ на вопросъ — что такое софистъ? (Soph. 218 C.). Но вопросъ тотчасъ потерялъ свою трудность, лишь только изъ сферы анализа и критики перенесли его въ сферу исторіи. Но хотя вопросъ упростился и пожалуй рѣшенъ уже исторически, но не рѣшенъ еще по сущности, и я повторяю — онъ остается для насъ такимъ же открытымъ вопросомъ, какимъ былъ и для Платона.

Извѣстно, что Гротъ, преимущественно предъ другими историками, старался освѣтить болѣе истиннымъ историческимъ свѣтомъ положеніе и значеніе софистовъ въ греческой жизни. Вотъ тѣ измѣненія, которыя дѣлаетъ Гротъ во взглядѣ на софистовъ. Вопреки господствовавшему до него популярному воззрѣнію на софистовъ какъ на секту, онъ признаетъ ихъ за классъ, или за сословіе. По прежнему воззрѣнію софисты распространяли деморализирующее ученіе, извѣстное по ихъ имени подъ названіемъ софистическаго; по Гроту они были вполнѣ соотвѣтствующими своему времени учителями греческаго общества. По прежнему воззрѣнію Сократъ былъ главный противникъ софистовъ, и Платонъ естественно наслѣдовалъ ему въ этой борьбѣ; по Гроту, напротивъ, Сократъ былъ главный представитель софистовъ, отличавшійся отъ нихъ только большею возвышенностію ума и особенностями своей жизни и воспитанія. По общему воззрѣнію Платонъ и его послѣдователи были естественными представителями греческой интеллигенціи въ данный періодъ, а софисты были иномыслящими; по Гроту, напротивъ, софисты были клиръ, а Платонъ былъ иномыслящій — соціалистъ, который нападалъ на софистовъ, не какъ на особенную секту, а какъ на одно изъ существующихъ сословій въ обществѣ. Я изложилъ воззрѣніе Грота на софистовъ по тому очерку, который былъ сдѣланъ нѣкоторымъ рецензентомъ его «Исторіи Греціи» и который одобренъ самимъ

Гротомъ во второмъ изданіи его исторіи (см. Uebersetz. v. Meissner 4. B. стр. 261). Къ этому прибавить можно только то, что этотъ взглядъ на софистовъ, на отношеніе ихъ къ Сократу и Платону, вполнѣ удержанъ Гротомъ и въ его новомъ сочиненіи о Платонѣ. Въ настоящее время взглядъ этотъ, какъ извѣстно, пользуется большою популярностію въ наукѣ, въ литературѣ и въ самой школѣ. Но, какъ было уже сказано, вопросъ этотъ, по сущности его, я признаю и доселѣ открытымъ вопросомъ философской критики.

Что софисты не были кастою, это вполнѣ оправдывается не только историческою, но и философскою критикою. Въ философскомъ отношеніи софисты не составляли изъ себя никакой школы. Целлеръ справедливо говоритъ, что «софистика состоитъ не въ какихъ либо принятыхъ научныхъ положеніяхъ (каковы положенія школы), къ которымъ бы одинаково тяготѣли всѣ ея приверженцы, но въ способѣ мышленія и въ методѣ» (Die Philos. der Griechen Th. 1, стр. 748). Не менѣе справедливо со стороны Целлера и то, что въ этомъ собственно онъ видитъ причину трудности опредѣленія софистики. Но Целлеръ оставилъ неразвитымъ свое положеніе о ходѣ и направленіи мышленія софистовъ: объясняя ихъ отношеніе къ наукѣ, онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ болѣе съ практической стороны, чѣмъ сколько анализируетъ самое ихъ мышленіе (тамъ же, стр. 753—755). Гротъ съ своей стороны рѣшительно отвергаетъ также, что можно признать какое либо ученіе, или основныя положенія, и даже методу—общія всѣмъ софистамъ. Онъ указываетъ при этомъ на то, что софисты нерѣдко далеко расходятся въ своихъ мнѣніяхъ, и утверждаетъ, что, кромѣ ихъ общественнаго положенія какъ учителей, которые учили юношество мыслить, говорить и дѣйствовать—между ними нѣтъ ничего общаго (Geschichte der Griechen. Bd. 4, стр. 598). Divide et impera—правило, упрощающее трудности политики, упрощаетъ, какъ видно, и трудности науки; но сомнительно еще, на сколько прочны тѣ результаты, которые такъ легко пріобрѣтаются, какъ въ политикѣ такъ и въ наукѣ, при помощи этого мудраго правила. Безъ сомнѣнія, однако, не только можно повторить за Гротомъ, что не всѣ софисты говорили одно и то же, особенно у Платона, на діалоги котораго ссылается Гротъ въ этомъ случаѣ, хотя, по его же собственному убѣжденію, они говорятъ здѣсь только то, что нужно самому Платону; но для ясности можно еще прибавить, что не всѣ софисты занимались однимъ и тѣмъ же: содержаніе, въ предѣлахъ котораго мышленіе можетъ участвовать софи-

стически, было и всегда можетъ быть различно. Извѣстно, что одни изъ софистовъ по преимуществу прославились въ риторикѣ, другіе — въ области граматики, тѣ въ сферѣ изящной литературы, а иные по преимуществу въ философіи; но на дѣятельности ихъ во всѣхъ этихъ сферахъ лежитъ одна печать, печать софистики. Попытки ученыхъ (Шлейермахера, Германа, Брандиса и друг.) привести различія софистики къ однимъ общимъ знаменателямъ оказались неумѣстными. Причина этого заключается впрочемъ не столько въ разнообразіи ихъ ученыхъ занятій, сколько въ томъ, что всѣ эти ученыя занятія совершились софистически. Въ этомъ характерѣ ихъ мышленія, въ самой софистикѣ, какова она по своей сущности, лежитъ условіе различія и противорѣчія софистическихъ воззрѣній даже въ однихъ и тѣхъ же областяхъ изслѣдованія. Но при всемъ томъ, какъ бы ни были различны между собою эти воззрѣнія, во всѣхъ ихъ критика можетъ имѣть дѣло только съ однимъ, именно съ тѣмъ, въ силу чего онѣ суть воззрѣнія софистическія. Такъ понимали вопросъ о софистикѣ Платонъ и Аристотель. Платонъ борется съ софистикой во всѣхъ ея видахъ, въ какой бы области вѣдѣнія она ни проявлялась. Въ сочиненіяхъ его, равно какъ и Аристотеля, нѣтъ и тѣни намѣренія понять софистику, какъ отдѣльное ученіе, какъ доктрину школы или касты; ихъ занималъ въ этомъ случаѣ одинъ вопросъ — вопросъ о томъ общемъ элементѣ, который, въ какихъ бы ученіяхъ ни выступалъ, одинаково дѣлаетъ его ученіемъ софистическимъ. Этотъ то вопросъ о сущности софистики, о складѣ софистическаго мышленія, безразлично ко всѣмъ областямъ знанія, какъ не разъ я говорилъ, остается открытымъ вопросомъ и въ наше время.

Между тѣмъ историческое объясненіе софистовъ, представленное Гротомъ, оставляетъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Онъ называетъ ихъ сословіемъ учителей. Оба эти понятія, по видимому, выражаютъ только тотъ историческій результатъ, который можетъ имѣть мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣніи на софистовъ. Что софисты, равно какъ вообще люди занимающіеся интеллектуальными занятіями, не были въ Греціи людьми фаха и не составляли изъ себя ученаго сословія подобно современнымъ ученымъ, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Интеллектуальныя занятія, какъ схолическое препровожденіе времени, не исключали возможности негоціальныхъ и другихъ общественныхъ занятій. Въ этомъ отношеніи софисты могутъ быть разсматриваемы наравнѣ со всѣми другими

учеными Греціи. Но какъ, въ нашемъ историческомъ воззрѣніи, относительно Сократа можетъ быть допущено напримѣръ понятіе иномыслящаго, такъ относительно Горгія и другихъ софистовъ можетъ быть допущено понятіе учителя. Между тѣмъ выраженіе, что софисты были учителями, можетъ значить только то, что софисты занимали въ исторіи общества роль учителей. Они были распространителями знаній, но въ извѣстномъ направленіи—въ софистическомъ. Софистика, какъ черта, должна остаться, какое бы мы ни приняли историческое воззрѣніе на софистовъ.

Гротъ дѣлаетъ очень важное наблюденіе, что запросъ на дѣятельность софистовъ шелъ со стороны общества, а равно и цѣль ихъ дѣятельности опредѣлялась его требованіями (Gesch. der Griech. стр. 586). Именно общество нуждалось въ людяхъ, которые бы могли дать ему образованіе, и притомъ образованіе практическое, — чтобы, какъ говоритъ напримѣръ Ксенофонтъ о Проксенѣ (Anabas. 11. 6.), можно было играть видную политическую роль въ государствѣ. Но въ интересахъ самаго общества, которыми въ наше время такъ много объясняютъ и такъ много оправдываютъ, должно замѣтить, что оно, какъ всегда и вездѣ, не могло и никогда не можетъ быть судьею педагогическаго достоинства своихъ учителей. Общество нуждается въ людяхъ, которые очищали бы его понятія, объясняли бы ему вопросы жизни и науки, доставляли бы ему эстетическое удовольствіе своими произведеніями; но въ сужденіяхъ о достоинствѣ всѣхъ этихъ людей общество тѣмъ менѣе компетентно, чѣмъ болѣе спеціальны тѣ вопросы, которые трактуютъ передъ нимъ его интеллектуальные представители. Образованію общества, говоритъ Протагоръ (пользуясь въ этомъ случаѣ неопредѣленностію имени софиста, о чемъ я скажу немедленно), давно уже служили софисты, являясь предъ нимъ подъ различными именами: то подъ именемъ поэтовъ, какъ Гомеръ и Гесіодъ; то подъ именемъ гимнастовъ, какъ Иккосъ Тарентскій, Иродикъ Силиврійскій; то подъ именемъ музыкантовъ, какъ Агаѳоклъ и Пиѳоклидъ. Протагоръ замѣчаетъ при этомъ что всѣ они, будучи софистами, только изъ страха преслѣдованія прикрывались этими именами; но все же кажется не избѣгли его, заключаетъ онъ (Protag. 316. D. E.). Трудно понять это мѣсто у Платона, если не сдѣлать слѣдующую индукцію.

Общество, какъ сказано, нуждалось въ людяхъ способныхъ дать ему всякаго рода образованіе — и всякій такой человѣкъ былъ для

него человѣкъ умный и образованный — *σοφός, σοφιστής*. Вотъ почему и Сократъ, какъ извѣстно, былъ называемъ софистомъ въ старомъ значеніи этого слова, или въ томъ его значеніи, какое оно имѣло на обыкновенномъ языкѣ общества. Но во второй половинѣ пятаго столѣтія словомъ софистъ стали обозначать умныхъ и образованныхъ людей только извѣстнаго направленія, придавая имъ это имя, можетъ быть, на томъ же основаніи, по какому слово lucus производится a non lucendo. Причемъ этотъ смыслъ слово софистъ имѣло болѣе на языкѣ литературы и критики, а общество съ своей стороны не ясно понимало различіе между старымъ и новымъ смысломъ слова. Въ обществѣ знали, что тотъ или другой — софистъ; но что такое софистъ — этого, какъ было показано выше на примѣрахъ, не понимали ясно. Въ обществѣ софисты разсматривались совершенно непосредственно и практически: это люди умные, благородные, многознающіе — вотъ что говорило общество, какъ мы слышали подобный отвѣтъ о нихъ отъ Стрепсіода. Между тѣмъ въ обществѣ были и такіе люди, которые почему бы то ни было поддерживали неблагопріятное воззрѣніе на софистическую пропаганду. Это ближайшимъ образомъ можно видѣть не только изъ словъ Протагора о преслѣдованіяхъ софистовъ, но и выше изъ словъ Сократа Гиппократу, что не совѣстно ли ему желать сдѣлаться софистомъ (312, A.). Протагоръ въ данномъ мѣстѣ у Платона пользуется неяснымъ понятіемъ, какое имѣлось въ обществѣ о современныхъ софистахъ, и сопоставляетъ себя съ Гомеромъ, Гесіодомъ и съ другими дорогими обществу лицами, которые, безъ сомнѣнія, оказали или оказываютъ ему большія услуги въ дѣлѣ его образованія — сопоставляетъ съ цѣлію показать, что преслѣдованіе, которому подвергаются теперь люди его имени, есть преслѣдованіе людей, доставляющихъ обществу образованіе, ибо оно постигало и тѣхъ, которые распространяли въ обществѣ образованіе, не называясь софистами, а нося имена поэтовъ, гимнастовъ, или музыкантовъ. Я же, заключаетъ Протагоръ, объявляю о себѣ прямо, что я софистъ, т. е. человѣкъ образованный и способный дать обществу требуемое имъ образованіе.

И дѣйствительно, мы видѣли, что Протагора окружаетъ большое общество желающихъ получить отъ него образованіе; то же было и съ другими софистами. Оказывается такимъ образомъ, что софисты дѣйствительно были учителями общества. При этомъ однако мы должны быть очень далеки отъ представленія современныхъ учи-

телей. Судя по возрасту людей, посѣщавшихъ софистовъ и по общему направленію классической педагогіи, наставленія софистовъ, не имѣли характера монологическихъ уроковъ въ нашемъ смыслѣ, и потому я не вижу основанія, почему Целлеръ полагаетъ, что показаніе Сократа, будто онъ слушалъ наставленія Продика, должно быть понято въ ироническомъ смыслѣ, ибо Сократъ, продолжаетъ Целлеръ, былъ просто знакомъ съ Продикомъ и участвовалъ въ его бесѣдахъ, какъ и въ бесѣдахъ съ другими софистами (Philos. d. Griech. I Th. стр. 741). Въ какомъ же иномъ видѣ могутъ быть опредѣлены педагогическія отношенія софистовъ къ Ѳукидиду, Периклу, Исократу и ко всѣмъ прочимъ ихъ посѣтителямъ. Понятно, что софисты вели съ своими посѣтителями ученые и эстетическіе разговоры, подобные тѣмъ, которые такъ живо изображены Платономъ. Переѣзжая изъ города въ городъ, софисты были дорогими гостями вездѣ, куда ни пріѣзжали; появленіе ихъ тамъ или здѣсь, какъ въ наше время появленіе какой нибудь статьи или книги, возбуждало шумъ и толкъ въ кружкахъ интеллигентнаго общества; и сами они представляются мнѣ какими-то движущимися одушевленными журналами нашего времени....

Но такъ или иначе, каково бы ни было историческое значеніе софистовъ для своего времени, во всякомъ случаѣ оно не рѣшаетъ еще вопроса о сущности софистики, и какъ бы ни велика была услуга, оказанная ими своему обществу, они могутъ подлежать нашей критикѣ, какъ подлежали они критикѣ Платона и Аристотеля — со стороны самаго ихъ мышленія. Вообще можно замѣтить, что историческая критика лицъ и событій никогда не можетъ ни оправдать ни осудить то или другое. Она можетъ только до нѣкоторой степени объяснить историческую законность даннаго лица или событія, т. е. указать на какія-нибудь ближайшія или отдаленныя причины и на ближайшія или отдаленныя слѣдствія. Такой критикѣ, очевидно, нельзя придавать большой цѣны, ибо въ ней всегда, только въ разныхъ выраженіяхъ, повторяется то, что говоритъ напримѣръ Целлеръ объ историческомъ значеніи софистовъ. «Броженіе времени, говоритъ Целлеръ, къ которому принадлежатъ софисты, вывело на поверхность много мутныхъ и нечистыхъ элементовъ; но духъ долженъ былъ пройдти это броженіе, прежде чѣмъ онъ выяснился до Сократовой мудрости: какъ мы, нѣмцы, безъ періода просвѣщенія едва ли имѣли бы Канта, такъ и Греки едва ли имѣли бы Сократа и сократическую философію безъ софистики» (Phil. d. Griech. I Th. стр. 497—498).

Вопросъ о софистахъ долженъ быть перенесенъ изъ области исторической въ область философской критики, изъ личнаго вопроса о софистахъ въ общій вопросъ о сущности софистики; однимъ словомъ, изъ вопроса жизни онъ долженъ быть сдѣланъ вопросомъ школы и рѣшаемъ какъ школьный вопросъ, каково было и самое дѣло софистовъ — дѣло науки, дѣло школы. Этотъ взглядъ, отдѣляющій школу отъ жизни, нѣкоторымъ можетъ показаться абсурднымъ. Non scholae discimus, sed vitae — повторяютъ они безъ смысла эту великую фразу. Дѣйствительно, гдѣ нѣтъ истинной школы, или гдѣ школа не имѣетъ преданій и не живетъ своею собственною педагогическою жизнію, тамъ жизнь доминируетъ надъ школой, наполняя ее своимъ хламомъ. Но истинно педагогическая школа есть такой же самостоятельный и неприкосновенный институтъ, какъ и многіе другіе институты въ жизни. Въ такой школѣ своя жизнь: здѣсь перерабатываются понятія, очищаются воззрѣнія, составляются сужденія, однимъ словомъ совершается особая школьная жизнь, жизнь незнающая страстей міра, та вѣчно юная, схолическая жизнь, которая обыкновенно вся посвящена интересамъ разума. Разумъ чистый и безстрастный, необремененный тяжестію негоціальной жизни — вотъ тотъ геній школы, который царитъ въ ней и создаетъ науку. Предъ этимъ-то разумомъ, царемъ школы и должна быть судима софистика, когда изъ вопроса историческаго, жизненнаго, она будетъ поставлена какъ вопросъ школы.

Для школы вопросъ о софистикѣ есть вопросъ объ извѣстномъ направленіи мышленія, вопросъ о научномъ его достоинствѣ. Такъ смотрѣли на этотъ вопросъ величайшіе критики научнаго мышленія — Платонъ и Аристотель. Общій характеръ взгляда этихъ философовъ на софистику состоитъ въ указаніи на то, что софистика есть только «кажущаяся мудрость» (Аристотель. Metaph. IV, 2. Soph. Elench. C. 1. Платонъ Soph. стр. 221 — 266 и друг.). Нѣтъ нужды указывать при этомъ на глубокую разницу между опредѣленіями софистовъ — какъ учителей греческаго общества и какъ людей, только кажущихся мудрыми. Первое есть мало говорящее описаніе, второе — опредѣленіе софистики по самой сущности. Понятіе мудрости, σοφία, въ отношеніи къ знанію, Ἐπιστήμη, на классическомъ языкѣ можетъ имѣть значеніе научности; поэтому софистика, какъ только кажущаяся мудрость, есть знаніе, не выдерживающее научной критики, ненаучное знаніе, или знаніе безъ научнаго достоинства. Вотъ тотъ глубокій смыслъ борьбы, которую вели Сократъ,

Платонъ и Аристотель съ софистами, — та борьба истинной мудрости съ кажущеюся, научнаго знанія съ ненаучнымъ. Эта кажущаяся мудрость, это ненаучное знаніе ближайшимъ образомъ могутъ быть разсматриваемы критикою, какъ извѣстное направленіе мышленія; въ этомъ-то опредѣленіи вопросъ о софистикѣ и есть тотъ школьный вопросъ, рѣшеніе котораго должно уяснить самую сущность софистическаго мышленія; ибо только школа, какъ хранительница чистыхъ научныхъ интересовъ разума, можетъ быть компетентна въ дѣлѣ суда надъ направленіями мышленія и степенью его научности, а не жизнь, не исторія. Но далѣе, софистика, какъ направленіе мышленія, интересуя школу и будучи обсуждаема ею со стороны своей научности, eo ipso подлежитъ ея суду и со стороны своего моральнаго достоинства: вотъ точка взгляда, которая въ состояніи совершенно измѣнить приспособленное Гротомъ историческое воззрѣніе на софистику. Школа не можетъ принять въ оправданіе софистики того обстоятельства, что софисты своимъ ученіемъ какъ нельзя лучше удовлетворяли требованіямъ современнаго общества. Школа не можетъ подчинить своего дѣла узкимъ, разнообразнымъ, часто не изъ интересовъ разума и науки идущимъ требованіямъ общества, и имѣетъ право подвергать своему педагогическому суду всѣхъ, кто, въ ущербъ чистымъ интересамъ научнаго знанія, мыслитъ и судитъ ненаучно, подъ вліяніемъ текущихъ интересовъ жизни. Эта ненаучность, эта измѣна кореннымъ задачамъ разума, на педагогическомъ судѣ школы можетъ быть разсматриваема какъ дѣло неморальное, какъ деморализація. Вопросъ о моральности въ наукѣ есть щекотливый вопросъ нашего времени. Но какъ бы мы ни называли людей ненаучнаго мышленія — софистами или какъ нибудь иначе, во всякомъ случаѣ судъ надъ ними принадлежитъ собственно школѣ, и успѣшная борьба со всѣми ненаучными направленіями мышленія возможна только при условіи высокаго положенія и процвѣтанія школы, которая могла бы выставить людей компетентныхъ въ дѣлѣ науки, способныхъ отличать истинную мудрость отъ мудрости кажущейся. Платонъ съ своей стороны ясно сознавалъ, что при всемъ достоинствѣ, какое бы мы ни приписали софистамъ, остается еще критика ихъ ученой дѣятельности; что общество, образованію котораго они служатъ, само не можетъ быть судьею школьнаго достоинства своихъ учителей; что вопросъ о софистикѣ, по сущности его, есть вопросъ школьный, который могутъ разсматривать только люди компетентные въ дѣлѣ научныхъ знаній. Въ этомъ

смыслѣ Сократъ въ Протагорѣ Платона, указавъ, что софисты для общества имѣютъ значеніе торговцевъ, которые удовлетворяютъ нуждамъ его духовной жизни, какъ обыкновенные торговцы удовлетворяютъ его физическимъ потребностямъ, говоритъ далѣе, что «какъ оцѣнка достоинства обыкновеннаго товара принадлежитъ человѣку опытному, напримѣръ врачу — оцѣнка достоинства пищи и питья, такъ и для оцѣнки достоинства знаній, предлагаемыхъ софистами для общественнаго образованія, требуется такой же врачъ — человѣкъ компетентный въ опредѣленіи истинной мудрости знанія, въ опредѣленіи его научнаго достоинства» (Prot. 313).

Изложенное доселѣ воззрѣніе Платона составляетъ въ діалогѣ конецъ предварительнаго разговора Сократа съ Гиппократомъ. Затѣмъ они представляются къ Протагору. Я уже выше изложилъ слѣдующій здѣсь разсказъ Платона объ обществѣ, окружавшемъ Протагора, и воззрѣніе самаго Протагора на общественное положеніе людей одной съ нимъ дѣятельности. Затѣмъ Сократъ повторяетъ въ слухъ присутствующихъ цѣль своего прибытія съ Гиппократомъ: это — желаніе Гиппократа получить образованіе у Протагора, для того, чтобы сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ въ государствѣ. Но ему хотѣлось бы узнать, прибавляетъ Сократъ, чего онъ достигнетъ, если будетъ въ твоемъ обществѣ? Протагоръ отвѣчаетъ на это, обращаясь къ Гиппократу, что, будучи подъ его вліяніемъ, онъ съ каждымъ днемъ будетъ дѣлаться лучше. Хорошо, говоритъ опять Сократъ, но въ чемъ лучше? Если бы онъ пришелъ къ живописцу Зевксиппу Гераклейскому, или къ флейтисту Ороагору Ѳивскому и, услыхавъ отъ нихъ, что, посѣщая ихъ, онъ будетъ дѣлаться все лучше, спросилъ бы затѣмъ: въ чемъ же лучше? — то они конечно, отвѣчали бы: въ живописи, въ игрѣ на флейтѣ; скажи же и ты, въ чемъ Гиппократъ будетъ день-отодня дѣлаться лучше отъ твоего общества? На это Протагоръ отвѣчаетъ, что онъ, не какъ другіе софисты, не заставляетъ молодыхъ людей заниматься чѣмъ они не хотятъ, напримѣръ, астрономіей, геометріей, но сообщаетъ имъ только тѣ свѣдѣнія, за которыми кто приходитъ. Моя наука Гиппократу будетъ состоять въ наставленіяхъ, какъ наилучшимъ образомъ вести дѣла своего дома и въ отношеніи къ государству быть какъ можно болѣе способнымъ и для дѣла и для слова. Стало быть, ты преподаешь по-

литику и обѣщаешь дѣлать людей хорошими гражданами — замѣтилъ Сократъ. Дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Протагоръ.

Я не могу останавливаться при этомъ на всей вообще дѣятельности Протагора какъ въ сферѣ теоретической, такъ и въ практической. Я избралъ этотъ діалогъ Платона не съ тою цѣлію, чтобы разбирать мнѣнія Протагора и Сократа со стороны ихъ абсолютнаго достоинства, а единственно лишь въ интересѣ различія ихъ философскаго мышленія, по отношенію къ формамъ и условіямъ научнаго знанія. Такимъ образомъ діалогъ этотъ можетъ быть для меня только тѣмъ мѣстомъ, въ границахъ котораго я намѣренъ изслѣдовать свою задачу, причемъ понятно, что цѣльное содержаніе діалога не можетъ быть обязательно для моего изложенія.

На заявленіе Протагора о тѣхъ наставленіяхъ, которыя онъ намѣренъ предложить Гиппократу, Сократъ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, относительно общественныхъ добродѣтелей нельзя давать никакихъ наставленій, и приводитъ два доказательства. Въ каждомъ спеціальномъ вопросѣ аѳиняне, люди несомнѣнно умные, совѣтуются только съ спеціалистами, а въ вопросахъ общественной и государственной жизни высказывать свои мнѣнія равно призываются люди всѣхъ званій и состояній. Кромѣ того, люди отличные въ дѣлахъ государства безъ сомнѣнія передавали бы политическую мудрость и своимъ дѣтямъ, но мы этого не видимъ; и вотъ же сыновья Перикла, продолжаетъ Сократъ, указывая на Парала и Ксантиппа, не имѣютъ общественныхъ добродѣтелей своего отца. Соображая все это, я думаю, заключаетъ Сократъ, что общественная добродѣтель не такой предметъ, которому бы можно было научиться (319, 320). По слѣдующей затѣмъ просьбѣ Сократа объяснить, какимъ же образомъ можно думать, что добродѣтели можно научиться, Протагоръ начинаетъ съ извѣстнаго миѳа о похищеніи Промѳѳемъ съ неба огня, какъ условія возможности процвѣтанія искусствъ на землѣ, и прибавляетъ еще сказаніе о дарованіи Зевсомъ чрезъ Эрмія стыда и правды людямъ, какъ условія политическихъ добродѣтелей, или, какъ выражается Протагоръ, для того, чтобы могли существовать государства (321, 322). Изъ разсказа Протагора слѣдуетъ, что всѣ люди одинаково

причастны политическимъ добродѣтелямъ. Положеніе это Протагоръ подтверждаетъ тѣмъ, что если о комъ нибудь и знаютъ, что въ немъ нѣтъ политическихъ добродѣтелей, однако трактуютъ его какъ безумнаго, если онъ самъ отказывается отъ нихъ; между тѣмъ, если кто либо, не имѣя спеціальныхъ добродѣтелей, объявляетъ, что владѣетъ ими, тогда всѣ смѣются надъ тѣмъ (323). Но если политическія добродѣтели свойственны всякому человѣку, то въ то же время нельзя думать, чтобы онѣ были въ насъ автоматически; напротивъ, общее мнѣніе то, что добродѣтели общественной жизни могутъ быть пріобрѣтаемы путемъ наставленій въ нихъ. На этомъ мнѣніи основывается общій обычай наказывать тѣхъ, которые поступаютъ вопреки требованіямъ добродѣтелей общественной жизни, съ тѣмъ, чтобы вразумить какъ ихъ самихъ такъ и другихъ поступать добродѣтельно (324). Возможность научить добродѣтелямъ, которыя требуются въ общественной жизни, доказывается еще какъ педагогіею такъ и законами; ибо цѣль педагогіи состоитъ въ томъ, чтобы дѣти усвоили себѣ всѣ условія добродѣтельной жизни; и законы съ своей стороны, предписывая дѣлать добродѣтельное и избѣгать постыднаго, существуютъ также для той же цѣли (325, 326). Что же касается до того, что у людей отличающихся добродѣтелями общественной жизни, дѣти часто бываютъ вовсе не таковы, то это объясняется тѣмъ, что этимъ добродѣтелямъ учатъ всѣ и никто въ отдѣльности, подобно тому какъ никто въ отдѣльности не учитъ говорить по гречески. Такъ если бы всѣ въ государствѣ должны были умѣть играть на флейтѣ и потому всѣ учились бы этому искусству, то дѣти хорошихъ игроковъ могли бы быть плохими, а дѣти плохихъ — хорошими (327, 328).

Изложенную доселѣ часть діалога въ формѣ монолога Протагора разсматривали обыкновенно, какъ очень искусную въ драматическомъ отношеніи поддѣлку Платона подъ языкъ софиста. Начиная съ Шлейермахера (Астъ, Штальбаумъ и друг.) всѣ съ презрѣніемъ отвергали отъ Платона мысли этого монолога и, указывая преимущественно на кажущееся противорѣчіе между положеніемъ Протагора, что политическія добродѣтели дарованы людямъ съ неба, и другимъ, что имъ можно научиться — аргументировали этимъ свое увѣреніе въ глупости софиста (См. Шлейермахеръ Einleitung zum Protagoras, стр. 233 — 234. Астъ Plat. Leben, стр. 71.

Штальбаумъ Praefat. ad Protagor., стр. 21, 22). Гротъ рѣшительно отвергаетъ это воззрѣніе. «Если бы я могъ быть увѣренъ, замѣчаетъ онъ, что эта часть діалога принадлежитъ самому Протагору, то уваженіе мое къ нему значительно увеличилось бы» (Vol. II, стр. 47. Примѣч.). Я же съ своей стороны вполнѣ убѣжденъ, что этотъ монологъ дѣйствительно принадлежитъ самому Протагору, хотя бы онъ никогда его не произносилъ. Онъ принадлежитъ ему по общему воззрѣнію, по характеру того отношенія и тѣхъ пріемовъ мышленія, которыми запечатлѣно все изслѣдованіе вопроса! Въ этомъ монологѣ, какъ справедливо замѣчаетъ и Гротъ (Vol II, стр. 45), мы имѣемъ дѣло съ воззрѣніемъ общаго смысла, которое (утверждаю это вопреки мнѣнію прежнихъ критиковъ) столько же принадлежитъ Протагору, сколько и самому Платону, съ тѣмъ однако различіемъ (утверждаю это противъ Грота), что Платонъ подвергаетъ его критикѣ научнаго мышленія, того философскаго мышленія, чрезъ которое опредѣляется научность нашихъ воззрѣній. Я говорю, что утверждаю это противъ Грота, ибо Гротъ не разсматриваетъ отношенія Платона къ изложенному имъ мнѣнію Протагора въ интересѣ философской критики его научнаго достоинства. «Освобожденіе отъ авторитетности, традиціонально освященной, и утвержденіе права самосужденія со стороны меньшинства людей мыслящихъ по своему (ἰδιογνώμονες) есть, по мнѣнію Грота, первое условіе существованія философіи, или раціональной истины» (Vol. I, стр. 254). Совершенно справедливо, и нельзя не согласиться, что Сократъ, Платонъ, какъ и всякій другой философъ суть именно ἰδιογνώμονες въ отношеніи къ общему смыслу. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что идіогномія сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ никакого достоинства: достоинство ея условливается присутствіемъ въ ней философскаго элемента критики, опредѣляющей степень научности данныхъ понятій, т. е. ихъ годности и необходимости. Мы увидимъ ниже, на чемъ держится эта критика; а теперь я укажу на то, что Сократъ, чрезъ котораго говоритъ Платонъ, именно такъ отнесся къ рѣчи Протагора, т. е. съ критикою научнаго достоинства высказаннаго имъ воззрѣнія: онъ указалъ въ отвѣтъ ту точку взгляда, въ которой возможно подлинно научное изслѣдованіе вопроса — это именно то замѣчаніе Сократа, что доселѣ онъ не думалъ, чтобы «добрые были добрыми вслѣдствіе человѣческаго попеченія». Въ этомъ отвѣтѣ Сократа, очевидно, заключается указаніе на недостатокъ тожества въ воззрѣніи

Протагора. Вотъ та точка взгляда, съ которой смотритъ Платонъ; вотъ то глубоко философское положеніе, которое, будучи необходимо для мышленія, дѣлаетъ возможнымъ какъ истинно научное изслѣдованіе вопроса, такъ и критику научнаго достоинства другихъ воззрѣній. Мы увидимъ, что это положеніе тожества въ воззрѣніи служитъ тѣмъ фокусомъ, вокругъ котораго группируется вся дальнѣйшая діалектика Сократа.

Разговоръ продолжается. Сократъ спрашиваетъ Протагора: есть ли добродѣтель нѣчто одно, а справедливость, благоразуміе и проч. суть только части ея, или все это только наименованія одного и того же; и даже — если части, то такія ли же части, какъ части лица, или какъ части золота? Протагоръ отвѣчаетъ, что разныя добродѣтели суть части одной и той же и притомъ какъ части лица. Здѣсь начинается та глубокая индукція Платона, которая пропедевтически убѣждаетъ мышленіе въ научномъ достоинствѣ тѣхъ началъ, на которыхъ держится все умовоззрѣніе Платона. Поэтому я оставляю форму діалогическаго изложенія, въ которую такъ трудно укладывается теперь наше умовоззрѣніе, и изложу мысли Платона въ привычной намъ формѣ ученой рѣчи.

Если разныя добродѣтели, разсуждаетъ Сократъ, какъ части лица, ни по значенію, ни по чему другому не походятъ одна на другую, то ни одна добродѣтель не такова какъ другая. Но такъ какъ справедливостію и честностію (ἰσότης — слово имѣющее, впрочемъ, нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ наше—честность, и во всякомъ случаѣ не тотъ, что́ слово — святость, какъ переводятъ нѣкоторые) мы называемъ нѣчто, то это нѣчто, какъ справедливость и честность, само прежде всего должно быть справедливо и честно, ибо едва ли что нибудь можетъ быть справедливымъ и честнымъ, если не честна честность и не справедлива справедливость. А между тѣмъ, если одна добродѣтель абсолютно не такова какъ другая, то честность, слѣдовательно, не есть нѣчто справедливое, и справедливость — нѣчто честное, или честность не справедлива и справедливость не честна. Протагоръ замѣчаетъ на это, что между справедливостію и честностію должно же быть различіе; впрочемъ, если угодно, прибавляетъ онъ, я согласенъ, что честность есть нѣчто справедливое и справедливость — нѣчто честное. На это Сократъ: не въ томъ дѣло, *что угодно, или что кому кажется, но въ томъ, что есть и для меня и для тебя, и притомъ безъ если.*

Этимъ замѣчаніемъ Платонъ рѣшительно отличаетъ свое мышленіе отъ мышленія софистовъ. Но, прежде чѣмъ разъяснить мышленіе Платона, не безъ интереса будетъ для насъ привести слова Грота относительно даннаго мѣста діалога. «То неопредѣленное положеніе, говоритъ Гротъ, что честность (Гротъ употребляетъ слово святость—holiness) честна и справедливость справедлива, положеніе, на которомъ держится доказательство (того, что справедливость есть нѣчто честное и честность—нѣчто справедливое), есть или просто тавтологическое, или ничего не значащее положеніе и не можетъ служить *реальнымъ* доказательствомъ чего бы то ни было. Дѣйствительно, оно такъ пусто, что если бы встрѣтилось въ рѣчи Протагора, а не Сократа, то комментаторы, конечно, цитировали бы его, какъ доказательство пустоты софистовъ» (Vol. II, стр. 51). Произнося эти слова, Гротъ не подумалъ, что онъ произноситъ приговоръ надъ всей философіей Платона; въ самомъ дѣлѣ, если его замѣчаніе справедливо, то оно должно подорвать всю философію Платона, какъ ничтожную и пустую, не дающую ни для чего никакого реальнаго основанія, ибо то положеніе, противъ котораго Гротъ дѣлаетъ свое замѣчаніе, есть коренное, основное положеніе всей философіи Платона. Честность честна, справедливость справедлива — это значитъ: а есть а, Ь есть Ь. Это то начало тожества, которое въ другомъ мѣстѣ Платонъ называетъ наикрѣпчайшею истиною, такъ что все созерцаемое въ мышленіи онъ признаетъ истиннымъ по стольку, по скольку оно согласно съ этою наикрѣпчайшею истиною (Phaed. 100). Это положеніе есть основа всего нашего мышленія во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и въ то же время начало критики научнаго его достоинства, ибо это положеніе, нося въ себѣ какъ въ зародышѣ всѣ прочія формы нашего мышленія, есть выраженіе не личнаго чьего нибудь воззрѣнія, даннаго въ частномъ опытѣ, но абсолютная форма чистаго, общаго разума, каковъ онъ по своей природѣ. Гротъ называетъ это положеніе «тавтологическимъ, или ничего не значащимъ»; да, А есть А — это тавтологія, но тавтологія только грамматическая, тавтологія выраженія; внутренно для мышленія оно имѣетъ значеніе того необходимаго акта, который данъ во всякомъ движеніи мышленія, такъ что отсутствіе въ мышленіи этого акта есть безусловный признакъ отсутствія въ немъ всякой истины, всякаго научнаго достоинства. Противъ направленія софистическаго мышленія, которое считаетъ возможнымъ держаться на томъ, что

для кого нибудь угодно, что кому нибудь кажется, Платонъ выставляетъ эту основную формулу общаго разума, обязательную для всѣхъ мыслящихъ. Онъ провелъ это положеніе по всей своей философіи и на немъ основалъ свое философское міровоззрѣніе. Глубокое сознаніе всего значенія, какое имѣетъ для достоинства мышленія какъ это положеніе, такъ и другія вытекающія изъ него, и составляетъ ту грань, которая отдѣляетъ мышленіе Платона отъ мышленія софистовъ, какъ мышленіе, владѣющее общими началами, свойственными природѣ чистаго разума, и такимъ образомъ способное провѣрять себя, отъ мышленія софистическаго, мотивируемаго содержаніемъ мыслимаго и потому безотчетнаго и невѣрнаго себѣ.

Разсматриваемое положеніе тожества отрицательно было высказано Сократомъ выше въ томъ выраженіи, что добрые добры не отъ человѣческаго попеченія. Высказывая это положеніе, какъ свое прежнее убѣжденіе, Сократъ прибавляетъ, что теперь его тревожитъ только небольшое недоумѣніе, мѣшающее ему признать ученіе Протагора. Какое же, спрашивается, могъ имѣть Сократъ недоумѣніе? Можно ли въ самомъ дѣлѣ сомнѣваться въ томъ, что излагалъ Протагоръ, въ томъ, что добродѣтели общественной жизни могутъ быть пріобрѣтаемы путемъ наставленій? Протагоръ правъ, какъ правы педагогія и законодательство, которыя имѣютъ въ виду наставить и руководить людей въ добродѣтеляхъ общественной жизни, и странно было бы, еслибъ Сократъ отвергъ это воззрѣніе, какъ странно то, что толкователи Платона и критики софистовъ думаютъ видѣть парадоксы въ этомъ ученіи Протагора. Между тѣмъ правъ и Сократъ, когда высказываетъ при этомъ нѣкоторое недоумѣніе. Недоумѣніе Сократа касается собственно того, чѣмъ оправдать для мышленія такое соединеніе понятій по ихъ содержанію, ибо мышленіе само по себѣ можетъ мыслить въ томъ случаѣ только то, что добрые добры отъ доброты. Платонъ требуетъ, чтобы найдена была форма тожества для ученія Протагора, такая форма, въ которой соединеніе данныхъ понятій по ихъ содержанію мыслилось бы съ необходимостію разума, а не по случайному опыту, на который опирается Протагоръ.

И такъ то положеніе, что справедливость справедлива, а честность честна не пустая тавтологія, и въ настоящемъ случаѣ имѣетъ значеніе глубокой индукціи мышленія къ тому, что добродѣтель вообще, будучи мыслима прежде всего какъ нѣчто добродѣтельное,

нѣчто равное, нѣчто тожественное, есть одна сама въ себѣ по скольку есть добродѣтель.

Еще путь къ этому заключенію сдѣланъ Платономъ въ виду другаго начала нашего мышленія, стоящаго въ непосредственной связи съ началомъ тожества. Платонъ указываетъ, что, не держась начала тожества при мысли о добродѣтели, мы становимся въ противорѣчіе съ другимъ началомъ нашего мышленія — съ тѣмъ, что одному противоположно только одно. Такъ слабости, говоритъ Сократъ, противоположна только сила, медленности—скорость, постыдному—похвальное и т. д. и наконецъ неблагоразумному—благоразумное. Всѣ эти противоположности стоятъ между собою въ такомъ отношеніи, что каждою изъ нихъ дѣлается нѣчто противоположное тому, что дѣлается другою; слѣдовательно, дѣлаемое благоразуміемъ должно быть совершенно противоположно тому, что дѣлается неблагоразуміемъ; а такъ какъ и дѣло мудрости, безъ всякаго сомнѣнія, также вполнѣ противоположно дѣлу неблагоразумія, то неблагоразуміе должно имѣть двѣ противоположности: благоразуміе и мудрость; такимъ образомъ всякій поступокъ можетъ быть разсматриваемъ или какъ благоразумный, или какъ неблагоразумный, или какъ мудрый: это значитъ, что А есть или В, или не В, или С, или — что́ то же — это онъ, или не онъ, или его другъ и т. д.— однимъ словомъ комбинація понятій не мыслимая. Потому Сократъ и говоритъ Протагору, что слѣдуетъ или отвергнуть законъ, что одному противоположно одно, или мудрость и благоразуміе не считать за такія части добродѣтели, которыя, какъ части лица, не похожи одно на другаго по своему значенію (332).

На это доказательство Платона Гротъ замѣчаетъ, что если понятіе неблагоразумія употребляется въ противоположность и благоразумію и мудрости, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы благоразуміе и мудрость были одно и то же. Ошибка Грота въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ разсматриваетъ эти понятія со стороны ихъ употребленія: съ этой стороны дѣйствительно не слѣдуетъ, чтобы вмѣсто выраженія «мудрость» всегда можно было употреблять выраженіе «благоразуміе», и наоборотъ. Но напрасно Гротъ думаетъ, что Аристотель не допустилъ бы подобнаго смѣшенія понятій, такъ какъ, по мнѣнію Грота, Аристотель стоитъ гораздо выше Платона въ различеніи понятій (Vol. I, стр. 500),—напрасно, ибо такъ называемая у Аристотеля *μολλαχῶς λεγόμενα* касаются соб-

ственно употребленія понятій въ рѣчи; но со стороны формальнаго отношенія понятій, со стороны внутреннихъ условій, данныхъ въ самомъ мышленіи для сочетанія ихъ, абсолютно необходимо, что если два качества противоположны третьему, то сами себѣ онѣ не противоположны, ибо иначе даны были бы три или болѣе противоположности, а что для мышленія то же, что квадратный кругъ.

Далекій отъ формальныхъ, часто философскихъ интересовъ мышленія, Гротъ въ своемъ анализѣ Платонова Протагора увлекается позитурою разговаривающихъ лицъ и кажущеюся драматичностію ихъ взаимныхъ отношеній. Должно замѣтить, что, послѣ изложенныхъ доказательствъ Сократа, разговоръ его съ Протагоромъ готовъ былъ прекратиться. Сократъ хотѣлъ уйти, такъ какъ Протагоръ явно не интересовался его индукціею и, увлекаясь рѣчью, говорилъ, что ему было угодно. Но присутствующіе уговорили Сократа остаться (335—339). Въ этомъ эпизодѣ нельзя видѣть ничего другаго, какъ только новое указаніе на то различіе, какое существуетъ между софистическимъ и научно-философскимъ мышленіемъ въ отношеніи къ изслѣдуемому ими предмету. Между тѣмъ какъ философская мысль Платона въ лицѣ Сократа хочетъ дать отчетъ себѣ въ себѣ самой, выяснить себѣ свои собственныя основанія и такимъ образомъ опредѣлить себя научно, мышленіе Протагора опредѣляется только содержаніемъ мыслимаго, какъ оно дано въ опытѣ — и вотъ онъ рапсодируетъ событія безъ критики ихъ положенія въ самомъ мышленіи. Отсюда коллизія между Сократомъ и Протагоромъ. Сократъ, преданный критикѣ мышленія, не хочетъ отказаться отъ діалектическаго пріема въ изслѣдованіи, ибо при этомъ яснѣе открывается, на сколько данная мысль вѣрна общей необходимости мышленія; а Протагоръ, резонируя понятія со стороны ихъ содержанія, держится въ предѣлахъ реторической (описательной, или повѣствовательной) формы рѣчи. Но эта коллизія интересуетъ насъ болѣе не въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, между которыми она изображена въ діалогѣ, а въ отношеніи къ самому мышленію: коллизія даже въ самомъ мышленіи, въ его отношеніяхъ къ своему предмету, а не въ позитурѣ и въ историческихъ особенностяхъ говорящихъ лицъ. Кто увлекается тою тѣнью драматизма, которую наше воображеніе накидываетъ на бесѣдующія лица у Платона, тотъ не понимаетъ той истинной коллизіи, которая со-

знана Платономъ въ предѣлахъ одного и того же человѣческаго мышленія. Поэтому нельзя согласится съ Гротомъ, что едва ли не главною цѣлію Платона въ діалогѣ было указать на превосходство Сократа предъ Протагоромъ въ діалектикѣ, которому однако онъ уступаетъ въ реторикѣ (Vol. II, стр. 57. То же стр. 48). Я думаю напротивъ, что здѣсь какъ и вездѣ цѣль и задача Платона одна: это — критика мышленія на основаніи тѣхъ началъ, тѣхъ крѣпчайшихъ истинъ, согласіе съ которыми нашего мышленія единственно только можетъ убѣдить насъ въ его истинѣ, въ его научномъ достоинствѣ. Живость разсказа, наглядная сценическая обстановка самаго глубокаго философскаго мышленія, составляя безъ сомнѣнія достоинство и прелесть Платоновыхъ діалоговъ, въ то же время никогда не можетъ увлекать насъ до того, чтобъ мы рѣшались видѣть въ нихъ произведенія драматическаго искусства и еще менѣе— приписывать Платону драматическія цѣли, состоящія будто бы въ изображеніи живыхъ людей съ ихъ характерами и съ отличительными особенностями. Если есть какой либо драматизмъ въ Платоновыхъ діалогахъ, то онъ держится только на глубокомъ анализѣ чисто философскаго мышленія, а внѣ этого есть драматизмъ безъ дѣйствія, безъ характеровъ, не стоющій своего названія. Такъ въ нашемъ діалогѣ Сократъ, хотѣвшій было уйти со сцены, потому будто бы, что онъ не можетъ слѣдовать за быстрымъ потокомъ длинной рѣчи Протагора, остается и мало по малу самъ начинаетъ говорить не только не менѣе продолжительно какъ и Протагоръ, но большею частію въ той же описательной или повѣствовательной формѣ, въ какой мы обыкновенно излагаемъ свою рѣчь, когда содержаніе ея составляютъ событія, а не критика мышленія (стр. 342—346). Отсюда явно, что такъ называемый драматизмъ Платоновыхъ сочиненій данъ въ самомъ мышленіи Платона, а не въ лицахъ, не въ характерѣ и положеніи ихъ. Противорѣчіе слова и дѣла въ сценическихъ лицахъ у Платона, явная невыдержка ихъ характеровъ можетъ, кажется, освободить Платона отъ затемняющаго дѣло величанія его произведеній драмами.

Одно изъ первыхъ условій драматическаго произведенія — единство дѣйствія не соблюдено Платономъ въ Протагорѣ самымъ неизвинительнымъ образомъ. Послѣ того какъ Сократъ остался бесѣдовать съ Протагоромъ, послѣдній указалъ на противорѣчіе двухъ мѣстъ въ сочиненіи поэта Симонида; послѣ взаимныхъ разсужденій Сократъ предложилъ свое объясненіе, которое, какъ уже замѣчено

выше, имѣетъ форму болѣе реторическаго, чѣмъ собственно философскаго мышленія (339—348). Хотя указанныя Протагоромъ мѣста изъ Симонида касаются также добродѣтели, но изъ всѣхъ разсужденій о нихъ въ діалогѣ, по моему мнѣнію, нельзя вывести никакого заключенія по отношенію къ его общей задачѣ. Прерывая ходъ изслѣдованія главнаго вопроса о добродѣтели, все это мѣсто въ діалогѣ можетъ служить такимъ образомъ только новымъ доказательствомъ отсутствія у Платона драматическихъ цѣлей въ его діалогахъ. Я оставляю эту часть діалога и рѣшаюсь утверждать, что она можетъ быть выкинута изъ него, какъ совершенно лишняя. Можно думать, что Платонъ хотѣлъ воспользоваться выраженіями Симонида о добродѣтели для своей цѣли, но вскорѣ увидалъ, что это трудно сдѣлать, что не будетъ ясно и убѣдительно, и потому оставилъ намѣреніе, не уничтоживъ однако этой части въ самой своей рукописи. Такъ сохранилась до насъ эта вставка, или начатая работа, но сохранился и судъ надъ ней самого Платона. «Оставимъ, говоритъ Сократъ, эту рѣчь о поэтахъ и поэмахъ: пусть говорятъ о подобныхъ вещахъ на пирахъ, когда люди не способны разсуждать отъ себя самихъ. Да и вообще подобные разговоры ни къ чему не ведутъ: каждый приписываетъ словамъ поэта свой смыслъ, и вопросъ остается неразрѣшеннымъ» (347. Д. Е.)

Разрѣшимые вопросы, по мнѣнію Платона, тѣ, въ отвѣтѣ на которые мы можемъ сообразоваться съ крѣпчайшими истинами, т. е. съ основными законами нашего мышленія. Платонъ дѣйствительно обращается теперь вновь къ этимъ вопросамъ. Но не могу вновь не замѣтить—несчастіе наше состоитъ въ томъ, что онъ излагаетъ свои мысли въ діалогической формѣ. Простѣйшія и безспорныя онѣ становятся менѣе понятны намъ въ этой формѣ. Мы не можемъ оторваться отъ разговора, какъ разговора, отъ положеній разговаривающихъ лицъ, теряемъ изъ виду мысль, которая какъ бы обрывается на ихъ короткихъ отвѣтахъ, и по прочтеніи діалога, вмѣсто философской идеи, удерживаемъ часто въ своемъ воображеніи какія-то дѣйствующія фигуры. Древнихъ безъ сомнѣнія, не заблуждала такъ эта діалогическая форма выясненія философской идеи, ибо въ этой формѣ, какъ было замѣчено, преимущественно совершался процессъ философскаго мышленія: оно было ближе, сроднѣе имъ, чѣмъ намъ. Имѣя это въ виду, я опять изложу здѣсь конецъ разговора въ болѣе привычной намъ формѣ ученой рѣчи.

Вопросъ все тотъ же—объ отношеніи разныхъ видовъ добродѣтели. Протагоръ соглашается, что мудрость, благоразуміе, справедливость и честность дѣйствительно близки одна къ другой, но мужество, замѣчаетъ онъ, есть нѣчто совершенно отличное отъ всѣхъ нихъ. Сократъ доказываетъ, что и мужество, какъ добродѣтель, можетъ быть мыслимо только какъ нѣчто то же со всѣми добродѣтелями, а не какъ другое. Для этой цѣли онъ беретъ общее понятіе отважности и дѣлитъ его на виды: отважность сознательную и безсознательную. А такъ какъ понятіе мужества подходитъ только подъ первый видъ понятія отважности, то признакъ, отличающій этотъ первый видъ, долженъ быть также признакомъ и того понятія, которое подходитъ подъ этотъ видъ, т. е. сознательность должна быть признакомъ мужества, и какъ признакъ можетъ служить ему предикатомъ; слѣдовательно можно сказать, что мужество есть сознательность, или какъ у Платона—мужество есть мудрость.

Здѣсь уже не мѣшаетъ замѣтить, что это сужденіе не аналитическое, а синтетическое: предикатъ здѣсь не есть понятіе тожественное съ субъектомъ, но какъ признакъ оно болѣе обширно, чѣмъ понятіе субъекта. Это замѣчаніе необходимо для яснаго пониманія послѣдняго вывода Сократа, что добродѣтель вообще есть знаніе—положеніе, которое, хотя часто повторяютъ, но, кажется, рѣдко понимаютъ.

Что положеніе о мужествѣ какъ знаніи добыто Платономъ по пути именно такого спекулятивнаго мышленія, т. е. путемъ формальнаго соединенія понятій, это со всею очевидностію доказывается слѣдующимъ затѣмъ примѣромъ у Платона, въ которомъ даны понятія не различныя, но одинаковыя и не тожественныя лишь по употребленію, таковы понятія силы и крѣпости. Протагоръ, отвергая положеніе Сократа, что мужество есть знаніе, говоритъ, что, разсуждая такимъ образомъ, можно пожалуй заключить, что и крѣпость есть знаніе, ибо крѣпкіе сильны, а изъ борящихся, напримѣръ, сильнѣе тѣ, кто знаетъ какъ бороться (330. Д. Е. 351. А.). На этомъ примѣрѣ мы еще разъ можемъ видѣть все различіе въ направленіи мышленія научнаго и софистическаго. Между тѣмъ какъ научное мышленіе руководится необходимыми началами разума, подъ условіемъ которыхъ извѣстное понятіе должно занять въ немъ то или другое мѣсто, софистическое мышленіе держится тѣхъ случайныхъ положеній, которыя разныя понятія принимаютъ въ нашемъ мышленіи, вслѣдствіе того или другаго историческаго

ихъ употребленія. Положеніе «крѣпость есть знаніе» нельзя приравнять къ положенію: «мужество есть знаніе»; ибо отношеніе понятія крѣпости къ понятію силы не таково, какъ отношеніе понятія мужества къ понятію отважности: крѣпость не подходитъ подъ видъ сознательной силы, какъ мужество подходитъ подъ видъ сознательной отважности. Къ понятію крѣпости стоятъ въ одинаковомъ отношеніи какъ понятіе безсознательной, такъ и сознательной силы, однимъ словомъ, сила и крѣпость суть понятія не субординарныя, а подобныя, и имѣютъ различіе только въ историческомъ употребленіи, а не во внутреннемъ своемъ опредѣленіи по признакамъ.

Распутывать подобные доводы Платона оказывается труднымъ не только потому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ понятіями въ ихъ чисто абстрактномъ опредѣленіи, но еще болѣе потому, что эти понятія большею частію давно уже не входятъ въ кругъ понятій нашего ученаго мышленія. Таковы понятія мужества, отважности, пріятнаго, силы и т. д. Во время Платона и вообще въ классическое время онѣ были ходячими понятіями и болѣе были знакомы мышленію, потому, можетъ быть, что явленія этихъ понятій въ дѣйствительности играли большую роль въ тогдашней жизни. Въ то время, эти понятія были болѣе опредѣленны, между тѣмъ какъ для насъ онѣ часто суть не что иное, какъ только техническіе термины для обозначенія разныхъ извѣстныхъ намъ историческихъ событій. Но дѣлать нечего: если хотимъ понимать Платона, то должны еще разъ принять на себя эту утомительную работу — выяснить взаимное отношеніе цѣлаго ряда такихъ понятій, которыя въ ихъ Платоновомъ употребленіи давно уже, можно сказать, забыты нашимъ мышленіемъ.

Предъ нами обширная сѣть индукціи, которую разстилаетъ Сократъ предъ слушателями, для опредѣленія научнаго воззрѣнія на мужество и добродѣтель вообще, для опредѣленія того мѣста, какое должно занять понятіе добродѣтели въ ряду другихъ однородныхъ понятій, вращающихся въ нашемъ мышленіи. Платонъ беретъ самыя общія понятія блага и зла. Эти понятія, будучи противоположны одно другому, взаимно исключаютъ себя, такъ что нѣчто, будучи благомъ, не можетъ быть мыслимо какъ зло, и нѣчто, будучи зломъ, не можетъ быть мыслимо какъ благо. Между тѣмъ въ опытѣ и благо разсматривается нами какъ зло, если оно лишаетъ насъ бо́льшихъ благъ, и зло разсматривается какъ благо, если оно освобождаетъ насъ отъ бо́льшихъ золъ. Такъ удовольствіе,

будучи видомъ блага, разсматривается нами какъ зло, если оно влечетъ за собой страданіе, и страданіе, будучи видомъ зла, разсматривается какъ благо, если освобождаетъ отъ бо́льшихъ страданій. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣчто одинъ разъ какъ благо, а другой разъ какъ зло, и нѣчто также — то какъ зло, то какъ благо. Это значитъ, что опытъ заставляетъ насъ мыслить нѣчто одно съ двумя предикатами противоположными одинъ другому, т. е. А какъ А и какъ не А, или нѣчто какъ то же и какъ не то же. Противорѣчіе разрѣшается такимъ образомъ: такъ какъ удовольствіе разсматривается нами какъ зло только потому, что оно приноситъ за собой страданіе, и страданіе разсматривается какъ благо только потому, что приноситъ за собой удовольствіе, то слѣдуетъ, что, въ первомъ случаѣ, зло служитъ предикатомъ собственно страданія, а не удовольствія, и во второмъ благо — предикатомъ собственно удовольствія, а не страданія; т. е. въ обоихъ случаяхъ родовыя понятія служатъ предикатами входящихъ въ нихъ видовыхъ. Ясно, продолжаетъ Платонъ, что если бы люди знали, что́ подлинно добро и что́ подлинно зло, то они дѣлали бы только первое и избѣгали бы послѣдняго. Но такъ какъ люди дѣлаютъ нѣчто, зная, по видимому, что благо противоположно ему, то, если для объясненія этого допустимъ общее мнѣніе — что люди поступаютъ такъ, побуждаемые удовольствіемъ — мы будемъ принуждены мыслить, что люди дѣлаютъ зло, побуждаемые благомъ, т. е., что благо есть причина зла, что́ не мыслимо, ибо нѣчто можетъ быть мыслимо какъ причина другаго только подъ тѣмъ условіемъ, когда хоть одинъ признакъ въ понятіи, разсматриваемомъ какъ причина, не исключается изъ понятія того, чего оно есть причина. А такъ какъ всѣ признаки понятія блага исключаются изъ понятія зла, на томъ основаніи, что оба эти понятія абсолютно противоположны другъ другу, то, мысля благо какъ причину зла, мы принуждены мыслить нѣчто какъ противоположное себѣ, т. е. А то какъ А, то какъ не А. Какъ же, спрашивается, правильно опредѣлить то состояніе человѣка, когда онъ дѣлаетъ зло, побуждаемый къ тому будто бы добромъ — это значитъ: какое мѣсто въ ряду сопредѣльныхъ понятій должно занять въ нашемъ мышленіи понятіе объ этомъ состояніи человѣка? Если человѣкъ доставляетъ себѣ страданіе, побуждаясь желаніемъ сдѣлать себѣ удовольствіе, то это возможно мыслить только такъ, что онъ принимаетъ бо́льшее зло за меньшее и меньшее благо за бо́льшее, т. е., что онъ ошибается въ измѣре-

ніи явленій, а не въ абсолютномъ ихъ значеніи; ибо иначе, если бы онъ не ошибался въ измѣреніи, онъ избралъ бы и страданіе, если бы только оно освобождало его отъ бо̀льшихъ страданій, и отвергнулъ бы удовольствіе, если бы оно лишало еще бо̀льшихъ удовольствій. Отсюда видно, что счастіе жизни, которое состоитъ въ удовольствіи, условливается умѣньемъ измѣрять относительное достоинство явленій; поэтому тотъ, кто подвергается страданію, между тѣмъ какъ ищетъ удовольствія, находится въ такомъ состояніи, которое должно быть опредѣлено — въ ряду другихъ сопредѣльныхъ понятій блага, зла, удовольствія и страданія — понятіемъ незнанія относительнаго достоинства явленій, т. е., только подъ этимъ понятіемъ оно можетъ занять мѣсто въ нашемъ мышленіи. Отсюда новая индукція къ тому, что мужество, будучи рѣшимостію на нѣчто страшное, т. е. на нѣчто, возбуждающее ожиданіе зла, въ отличіе отъ трусости, можетъ быть разсматриваемо какъ добродѣтель только при томъ условіи, если мы поймемъ эту рѣшимость какъ результатъ знанія относительнаго достоинства того зла, которое испытывается при отважности на страшное, сравнительно съ тѣмъ благомъ, которое получается чрезъ уклоненіе отъ него. Отсюда чрезъ новую индукцію можетъ быть открыто, что и понятіе добродѣтели вообще, въ ряду прочихъ сопредѣльныхъ понятій блага, зла, удовольствія, страданія и др., можетъ быть мыслимо только какъ понятіе объ актѣ воли, который опредѣляется знаніемъ относительнаго достоинства блага и зла. Если же такимъ образомъ добродѣтель есть знаніе, заключаетъ Сократъ, то она, по видимому, можетъ быть изучаема — результатъ, противорѣчащій тому, что доказывалъ Платонъ выше.

Но дѣйствительно ли Платонъ, увлекаемый будто бы своею индукціею, какъ наивно говоритъ это Сократъ, пришелъ къ противорѣчію съ самимъ собою, — это вопросъ, который не можетъ подлежать намъ въ настоящее время. Задача всего нашего анализа діалога состояла только въ томъ, чтобы указать на различіе научнаго мышленія Платона, критикующаго себя по непреложнымъ своимъ началамъ, отъ ненаучнаго мышленія софистовъ, получающаго свое направленіе отъ историческаго положенія предмета, а не отъ абсолютнаго положенія его въ мышленіи, какъ у Платона.

Если мы прослѣдимъ тѣ мнѣнія, которыя были когда либо высказаны толкователями Платона о его «Протагорѣ», то не можемъ

не замѣтить того великаго смущенія, какое производилъ на всѣхъ этотъ діалогъ. Источникомъ смущенія служило всегда то обстоятельство, что Сократъ разсуждаетъ здѣсь объ удовольствіи, или наименьшемъ страданіи, какъ о благѣ, а о страданіи, или наименьшемъ удовольствіи, какъ о злѣ; такимъ образомъ Сократъ, какъ кажется имъ, утверждаетъ, что благо есть удовольствіе или наименьшее страданіе, а зло есть страданіе, или наименьшее удовольствіе. Кромѣ того, добродѣтель, говорятъ они, по его мнѣнію, есть просто знаніе; отсюда должно слѣдовать, что кто болѣе знаетъ тотъ и добродѣтельнѣе. Все это по меньшей мѣрѣ не по-Платоновски, не говоря уже о томъ, что вовсе не по-христіански. Потому не отвергнуть ли Протагора, какъ не подлинное произведеніе Платона, такъ какъ оно не достойно его по своему содержанію, да и научиться отъ этого діалога нечему? Но будемъ снисходительны къ мудрости человѣка, стоявшаго ниже насъ и по цивилизаціи его времени, и по духу его религіи. «Дѣйствительно, тезисъ, защищаемый Сократомъ въ этомъ діалогѣ не Сократовскій и не Платоновскій, но діалогъ и написанъ-то, очевидно, только съ цѣлію осмѣять глупость софиста (Шлейермахеръ, Einleitung zum Protagor, 230). Впрочемъ и то можно сказать, что этотъ тезисъ — тожество блага съ удовольствіемъ, собственно не чуждъ ученію Сократа о добродѣтели, хотя конечно вѣроятнѣе, что Сократъ излагаетъ здѣсь только собственное мнѣніе софистовъ, чтобы потомъ легче разрушить его своею діалектикою (Штальбаумъ, Proleg. ad Protag. p. 33, 34). Во всякомъ случаѣ, это не Платоново мнѣніе, но взято имъ гипотетически изъ понятій свѣта о морали, изъ мнѣнія большинства (Штейнгартъ Einleit. zum Protag. p. 419). Если же Платонъ и держался этого воззрѣнія, то развѣ въ раннюю пору своей философской дѣятельности, когда онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Сократа (Германъ, Geschiechte und Syst. d. Plat. Philos., p. 462 — 463). Безъ сомнѣнія эта точка взгляда на добродѣтель, какъ точка взгляда его противниковъ, должна быть признана за случайную» (Целлеръ, Philos. der Griech. Vol. 11. стр. 380). Такъ успокоиваетъ критика свое возмущенное чувство.

Гротъ отвергаетъ всякое объясненіе, которое приписываетъ Платону ироническую цѣль въ этомъ діалогѣ. Онъ утверждаетъ, что Сократъ дѣйствительно защищалъ положеніе тожества блага съ удовольствіемъ или съ наименьшимъ зломъ, и зло со страданіемъ, или съ наименьшимъ удовольствіемъ. Но Протагоръ, по замѣчанію

Грота, не согласенъ вполнѣ съ Сократомъ въ тожествѣ блага съ удовольствіемъ и зла со страданіемъ, замѣчая, что удовольствіе только тогда благо, когда оно ощущается отъ почтенныхъ дѣйствій. Это замѣчаніе Протагора, говоритъ Гротъ, совершенно устраняетъ видѣть какія либо ироническія цѣли въ изслѣдованіи Сократа о добродѣтели. Да и вообще, говоритъ Гротъ, я никакъ не думаю, чтобы все, высказанное Платономъ подъ именемъ Протагора, было высказано имъ какъ образецъ ложныхъ воззрѣній, и напротивъ — все подъ именемъ Сократа, какъ образецъ истинныхъ воззрѣній. Что же касается до воззрѣнія Сократа на тожество блага съ удовольствіемъ, и зла со страданіемъ, то я съ своей стороны, замѣчаетъ Гротъ, совершенно согласенъ съ основнымъ положеніемъ Сократа о благѣ: оно дѣйствительно есть удовольствіе; но ошибка Сократа состоитъ въ томъ, что онъ разсматриваетъ удовольствіе какъ благо въ отношеніи лишь къ одному лицу, а не къ обществу, или внѣ общественнаго положенія лица. Эту ошибку, по мнѣнію Грота, поправляетъ воззрѣніе Протагора на справедливость и стыдъ, какъ на условія возможности общественныхъ добродѣтелей. Что же касается до отношенія Платона къ изложеннымъ имъ воззрѣніямъ Сократа и Протагора, то Гротъ говоритъ слѣдующее: мы не должны забывать, что обѣ части діалога — ученіе Протагора и теорія Сократа — суть произведенія Платона. Онъ изложилъ въ этомъ діалогѣ два воззрѣнія, отличныя одно отъ другаго и частію даже противоположныя — этическое, со стороны Сократа, и политическое, со стороны Протагора. Эту-то антитезу, замѣчаетъ онъ далѣе, между краснорѣчиво популярнымъ учителемъ и аналитическимъ изслѣдователемъ и совопросникомъ, кажется, и имѣлъ въ виду Платонъ въ нашемъ діалогѣ (Vol. 11. стр. 71 — 87). Таковъ въ краткихъ словахъ взглядъ Грота на смыслъ и значеніе Платонова «Протагора».

Понятно, чѣмъ отличается воззрѣніе Грота отъ воззрѣнія прежнихъ критиковъ. Гротъ признаетъ тожество блага съ удовольствіемъ и зла со страданіемъ, какъ положеніе въ основѣ своей истинное, и потому не видитъ никакой иронической цѣли въ діалогѣ. Во всемъ прочемъ онъ сходится съ прежними толкователями Платона. Что же касается до положенія о тожествѣ блага съ удовольствіемъ, то оно, будучи прежде всего личнымъ мнѣніемъ Грота, по собственнымъ этическимъ убѣжденіямъ, въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть для насъ никакого значенія, и тѣмъ болѣе не имѣетъ, что противъ Грота, защищающаго его, и противъ другихъ,

оправдывающихъ или снисходящихъ въ этомъ случаѣ къ Платону, слѣдуетъ сказать одно — именно, что положеніе Платона объ удовольствіи какъ благѣ и о страданіи какъ злѣ, которое встрѣчается въ путяхъ его индукціи, не имѣетъ у него того этическаго значенія, какое они ему приписываютъ. Истинное значеніе у Платона какъ этого, такъ и другихъ положеній о благѣ и злѣ, объ удовольствіи и страданіи, далѣе о мужествѣ и вообще о добродѣтели, не есть ни этическое и ни политическое, но, какъ я старался показать, формально логическое, т. е. всѣ эти понятія разсматриваются Платономъ со стороны положенія ихъ въ отвлеченномъ мышленіи, а не со стороны отношенія обозначаемыхъ ими событій въ моральномъ чувствѣ одного лица или цѣлаго общества. То же должно сказать и о положеніи Платона о добродѣтели какъ знаніи. Платонъ въ настоящемъ случаѣ не хочетъ знать объ этическомъ достоинствѣ этого положенія, онъ имѣетъ въ виду только формально логическое его достоинство, и собственно говоря, дѣло идетъ не о тожествѣ добродѣтели съ знаніемъ, а о томъ, что въ ряду другихъ сопредѣльныхъ понятій, понятіе добродѣтели не мыслимо безъ предиката знанія. Вотъ та точка взгляда, которая способна повернуть вверхъ дномъ все прежнее воззрѣніе на борьбу Платона съ софистами. Въ настоящемъ же случаѣ она прежде всего можетъ освободить философа отъ тѣхъ извиненій, которыя нѣкоторые считали нужнымъ дѣлать за него предъ потомствомъ.

Разсуждая о софистахъ въ отношеніи къ Сократу и Платону, обыкновенно утверждаютъ, что между тѣмъ какъ послѣдніе старались выяснить въ каждомъ случаѣ объективную истину, софисты довольствовались субъективною и потому высказывали пустыя, только формальныя воззрѣнія (Целлеръ, Philos. d. Griech. Th. 1. стр. 797). Эта точка взгляда можетъ вести къ неправильному пониманію философіи Платона. Формальное мышленіе, разумѣя подъ нимъ аналитическое изслѣдованіе положенія даннаго понятія въ нашемъ субъективномъ мышленіи, составляетъ какъ достоинство философіи Платона, такъ и абсолютное условіе всякаго философски-научнаго мышленія о предметѣ; ибо только такой формальный анализъ понятій можетъ вести къ убѣжденію въ необходимости быть чему нибудь такимъ, каково оно есть или не есть въ опытѣ, т. е. только при этомъ условіи возможно раціональное, научное отношеніе къ явленіямъ, даннымъ въ опытѣ — или какъ критика того, что есть, или какъ ученіе о томъ, что должно быть. Между тѣмъ ненаучное,

непровѣренное философской критикой мышленіе само опредѣляется опытомъ, и потому или только рапсодически повѣствуетъ о событіяхъ или просто резонируетъ понятія по смыслу ихъ историческаго употребленія. Таково мышленіе софистовъ и всякое другое не философское, не научное, каково бы ни было его имя. Борьба Сократа съ софистами, изображаемая Платономъ, есть такимъ образомъ борьба научнаго мышленіи съ ненаучнымъ, критики — съ общимъ смысломъ, школы — съ опытнымъ воззрѣніемъ, даннымъ въ жизни. Но — что́ особенно должно понять — борьба эта прежде всего совершается въ собственномъ мышленіи Платона, или лучше, она дана непосредственно въ тѣхъ положеніяхъ, какія можетъ принять наше мышленіе, при изслѣдованіи того или другаго предмета. Одно — простое, ненаучное, софистическое; другое — критическое, научное, философское. Отсюда общее предубѣжденіе въ драматизмѣ Платоновыхъ сочиненій; но драматизмъ данъ въ самомъ мышленіи, въ различіи его направленій, а не въ позитурѣ разговаривающихъ лицъ, не въ историческихъ ихъ особенностяхъ; или рѣшительнѣе: разговаривающія лица потому и кажутся намъ драматичными, что драматично само мышленіе Платона. Что же касается до значенія Сократа въ нашемъ діалогѣ, то дѣйствительность этой личности въ настоящемъ случаѣ для насъ должна быть внѣ всякаго сомнѣнія; я не ищу аргумента для этого мнѣнія въ повѣствованіи Ксенофонта о *реальномъ* Сократѣ, хотя во 2-й гл. 4-й кн. Memorabilia Ксенофонтъ описываетъ разговоръ Сократа съ Эвѳидимомъ о добродѣтели въ томъ же самомъ духѣ, и въ томъ же направленіи мышленія; я указываю только на то, что критика мышленія по непреложнымъ началамъ разума, будучи, какъ я старался доказать, ролью Платонова Сократа, со всѣмъ достоинствомъ отвѣчаетъ той философской мысли, которая, какъ было сказано, по признанію самого Сократа, состояла въ изслѣдованіи ложныхъ воззрѣній на знаніе.

Гейдельбергъ, 23-го іюня 1866 года.

32) Доктора А. Макѣева.

За описаніемъ современнаго состоянія акушерства, женскихъ и дѣтскихъ больницъ въ Лондонѣ мнѣ остается разсмотрѣть современное состояніе названныхъ спеціальностей въ Эдинбургѣ и Дублинѣ.

Я считалъ необходимымъ посѣтить Эдинбургъ, съ цѣлію познакомиться тамъ съ знаменитымъ англійскимъ акушеромъ и гинекологомъ — Симпсономъ.

Дѣятельность Симпсона есть достояніе общее. Его неутомимымъ трудамъ и классическимъ изслѣдованіямъ наука обязана объясненіемъ многихъ труднѣйшихъ вопросовъ по акушерству и гинекологіи, которые свидѣтельствуютъ о многостороннемъ знаніи этого замѣчательнаго дѣятеля. Нѣтъ ни одного лучшаго сочиненія по акушерству и гинекологіи во всѣхъ литературахъ, гдѣ бы авторитетъ Симпсона не былъ по достоинству оцѣниваемъ.

Огромная масса научныхъ трактатовъ его, разбросанная въ періодическихъ медицинскихъ изданіяхъ англійской литературы, собрана въ послѣднее время въ одно общее цѣлое, указывающее краснорѣчивѣе всего на тѣ заслуги, которыя оказаны наукѣ этою геніальною личностію.

Помимо спеціальныхъ изслѣдованій, такъ богатыхъ практическимъ значеніемъ, каждый врачъ съ глубокою благодарностію будетъ всегда относиться къ памяти того ученаго, которому практическая медицина вообще обязана открытіемъ хлороформа.

Для спеціалиста дѣятельность проф. Симпсона высоко поучительна въ двухъ отношеніяхъ: какъ профессора и какъ опытнѣйшаго практическаго врача при его ежедневныхъ консультаціяхъ на дому.

Какъ профессоръ, Симпсонъ читаетъ ежедневно теоретическій курсъ акушерства и женскихъ болѣзней. Тотъ и другой курсъ характеризуется замѣчательною образностію преподаванія. Чтеніе каждаго отдѣла излагаемой имъ спеціальности сопровождается массою научныхъ пособій, состоящихъ въ объясненіи излагаемаго при помощи рисунковъ, препаратовъ, моделей, которые слушатель встрѣчаетъ здѣсь во множествѣ. Очевидно, что такія чтенія много облегчаютъ для слушателя теоретическія, иногда трудно понятныя для него стороны науки.

Громадная опытность проф. Симпсона, соединенная съ замѣчательною способностію излагать отчетливо и ясно имъ передаваемое, дѣлаютъ его чтенія полными научнаго интереса. Какъ часто приходилось профессору заявлять своимъ слушателямъ выработанныя имъ самостоятельныя изслѣдованія, которыя только съ его времени достаточно уяснили многія трудныя стороны акушерства и гинекологіи.

Густая масса слушателей собирается ежедневно на лекціи своего любимаго наставника и съ большимъ усердіемъ слѣдитъ за рѣчью профессора, полною ума, энергіи и остроумія.

Лекціи проф. Симпсона идутъ только въ теченіе одного зимняго семестра, въ продолженіи котораго онъ знакомитъ слушателей со всѣми существенными отдѣлами акушерства и гинекологіи.

Для практическихъ занятій профессоръ имѣетъ только одну гинекологическую клинику, а акушерство практическое изучается слушателями на домахъ роженицъ и въ отдѣльной акушерской клиникѣ (Maternity), не находящейся въ вѣдѣніи проф. Симпсона. О ней я поговорю нѣсколько ниже.

Что касается до гинекологической клиники въ Эдинбургѣ, то въ ней я нашелъ подтвержденіе высказанныхъ уже мною мыслей, что въ настоящее время въ составъ гинекологической клиники входятъ всѣ патологическія формы половыхъ отправленій женщины, будетъ ли это въ сферѣ внутренней патологіи или хирургіи. Въ гинекологической клиникѣ проф. Симпсона мнѣ удалось видѣть не малое число весьма интересныхъ случаевъ, такъ какъ по громадному довѣрію къ Симпсону каждая больная желаетъ быть помѣщенною въ клинику, находящуюся въ непосредственномъ вѣдѣніи профессора. Среди больныхъ, страдавшихъ разнообразными формами половой ихъ сферы, многія изъ нихъ были лечимы путемъ хирургическимъ; изъ нихъ я могу назвать нѣсколько операцій fistulæ vesicovaginalis, нѣсколько случаевъ отнятія млечныхъ желѣзъ, пораженныхъ новообразованіями, операцій для удаленія съуженій или сращенія влагалища и нѣкоторыя другія.

Изъ числа названныхъ операцій я остановлюсь нѣсколько на операціи отнятія млечныхъ желѣзъ, такъ какъ проф. Симпсонъ прибѣгаетъ тутъ для остановленія кровотеченія изъ сосудовъ ко вновь изобрѣтенному имъ способу, названному acupressura. Симпсонъ пришелъ къ убѣжденію, что раны съ широкими лоскутами трудно залечиваются черезъ первичное натяженіе, потому что лигатуры, накладываемыя на кровоточащіе сосуды въ лоскутѣ, проходятъ иногда на большомъ протяженіи раны и служатъ механическимъ препятствіемъ для быстраго зарощенія ея. Съ цѣлью удалить такое препятствіе, проф. Симпсонъ производитъ прижатіе сосудовъ въ ранѣ при помощи булавокъ разнообразнаго устройства такимъ образомъ, что каждая булавка прижимаетъ сосудъ на мѣстѣ его прохожденія и тѣмъ устраняетъ необходимость проводить лигатуру черезъ значительное протяженіе раны. Я не могу входить въ подробности описываемаго метода, который во всей полнотѣ из-

ложенъ Симпсономъ въ его значительномъ трудѣ, много цѣнимомъ лучшими спеціалистами по хирургіи.

Выше было сказано, что практическое акушерство изучается слушателями на дому роженицъ и въ акушерской клиникѣ, причисленной къ университетскимъ клиникамъ. Въ предъидущемъ отчетѣ я имѣлъ случай замѣтить, что въ Англіи предпочитаютъ подавать пособіе роженицамъ на ихъ квартирахъ, изъ опасенія скучивать родильницъ въ одномъ зданіи и черезъ то предотвратить появленіе опасныхъ формъ послѣродоваго періода. Поэтому акушерская клиника въ Эдинбургѣ служитъ для тѣхъ же цѣлей, о которыхъ я упоминалъ при обозрѣніи акушерскихъ отдѣленій въ госпиталяхъ Лондона. Въ нее принимаются по преимуществу роженицы, для которыхъ необходимо особое попеченіе со стороны акушера, вызываемое какими-либо уклоненіями со стороны матери или плода. Съ другой стороны, назначеніе клиники состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за беременными въ городѣ, а ко времени наступленія родовъ посылать университетскихъ слушатей на квартиры роженицъ, гдѣ послѣдніе и упражняются въ правильномъ теченіи родоваго процесса. Если бы случай потребовалъ какой-либо помощи, то врачи, служащіе при акушерской клиникѣ, обязаны подавать научное пособіе въ присутствіи слушателя.

Дѣятельность проф. Симпсона при его домашнихъ консультаціяхъ приноситъ немалую пользу спеціалисту. Необыкновенно привѣтливый и добродушный профессоръ даетъ возможность пріѣзжающему иностранцу посѣщать ежедневно его домашнія консультаціи и обращаетъ вниманіе спеціалиста на каждый интересный случай его частной практики. При большомъ стеченіи больныхъ представляется возможность познакомиться со многими поучительными формами и съ тѣми пособіями, которыя проф. Симпсонъ, на основаніи опыта, признаетъ наиболѣе существенными. Помимо домашней консультаціи, профессоръ приглашаетъ нерѣдко во многіе дома своей городской практики, гдѣ представляется прекрасный случай наблюдать многостороннюю практическую опытность его при разнообразныхъ оперативныхъ пособіяхъ на дому роженицъ, равно какъ и другія операціи надъ больными, страдающими различными формами половыхъ ихъ отправленій.

Для дѣтскихъ болѣзней въ Эдинбургѣ существуетъ отдѣльный госпиталь (Hospital for sick children) на 40 кроватей, приспособленный съ замѣчательнымъ удобствомъ къ спеціальной цѣли. Вновь

возведенное зданіе, при самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, представляетъ все необходимое для успѣшнаго веденія дѣла. Больныя дѣти размѣщены по роду ихъ болѣзней въ отдѣльныхъ палатахъ, отличающихся безупречною чистотою и прекрасною вентиляціею. При каждой кровати дитяти придѣланъ подвижной деревянный столикъ, который свободно передвигается по желѣзнымъ окраинамъ ея; на этомъ столикѣ ребенокъ получаетъ больничную пищу или дозволенныя ему игрушки, не нарушая своего покойнаго положенія въ кроваткѣ. Въ госпиталѣ находятся опрятныя ванны и обширная палата для выздоравливающихъ дѣтей, снабженная разнообразными дѣтскими забавами. Врачебное пособіе въ госпиталѣ не отличается въ существенномъ отъ сходныхъ ему учрежденій другихъ странъ; рѣзче всего бросается въ глаза довѣріе къ укрѣпляющему методу леченія, къ которому въ Англіи прибѣгаютъ при первой возможности.

Перехожу къ Дублину.

Въ Дублинъ привлекала меня исключительно тамошняя акушерская клиника—Rotunda или Hospital for the relief of poor lying—in women. Еще за долго до моего личнаго ознакомленія съ этой клиникой мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ многихъ врачей (въ томъ числѣ и отъ соотечественниковъ), что дублинская акушерская клиника при значительномъ научномъ матеріалѣ снабжена всѣми необходимыми больничными потребностями и между прочимъ образцовою вентиляціею. Такіе отзывы побудили меня провѣрить переданные мнѣ разсказы личнымъ обозрѣніемъ клиники, къ чему я и получилъ полную возможность при замѣчательной обязательности директора клиники, профессора John Denham'a.

Акушерская клиника въ Дублинѣ существуетъ уже съ 1757 года и при теперешнемъ ея размѣрѣ вмѣщаетъ въ себѣ 130 кроватей, такъ что число родовъ достигаетъ въ ней ежегодно до 2,000. Большая часть зданія очевидно носитъ на себѣ слѣды давняго происхожденія; къ старому зданію пристроенъ въ послѣднее время отдѣльный корпусъ, соединенный съ главнымъ крытою галлереею. Клиника раздѣлена на систему отдѣльныхъ комнатъ, въ которыхъ число роженицъ различно, соотвѣтственно пространству палаты. Содержаніе клиники очень опрятное, какъ это встрѣчается во всѣхъ англійскихъ госпиталяхъ.

Что касается до особеннаго устройства пресловутой вентиляціи въ дублинской акушерской клиникѣ, я долженъ сказать, что при

всѣхъ моихъ стараніяхъ познакомиться ближе съ устройствомъ ея, я вынесъ очень немногое. Директоръ клиники, Dr Denham, объяснилъ мнѣ, что существеннымъ пособіемъ къ поддержанію чистоты воздуха въ родильномъ домѣ служитъ заботливое провѣтриваніе комнатъ при помощи открыванія оконъ въ палатахъ на болѣе или менѣе продолжительное время, а въ зимнее время для той же цѣли служитъ постоянное топленіе каминовъ и постоянное притеканіе свѣжаго воздуха извнѣ черезъ поперечные надрѣзы въ стеклахъ, вставленныхъ въ верхніе этажи оконныхъ рамъ. Сверхъ этого, Dr. Denham замѣтилъ мнѣ, что поддержанію возможной чистоты воздуха въ клиникѣ много содѣйствуетъ поперемѣнное опорожненіе нѣкоторой части палатъ, остающихся незанятыми въ теченіе нѣсколькихъ дней и притомъ при открытыхъ окнахъ въ продолженіи всего времени. Въ старомъ зданіи клиники замѣтны по угламъ палатъ какія-то трубы, значеніе которыхъ не могъ объяснить мнѣ и самъ директоръ, потѣшаясь надъ ихъ оригинальномъ устройствомъ.

Я съ намѣреніемъ вдался въ подробности, можетъ быть даже лишнія, относительно вентиляціи въ дублинской клиникѣ, съ цѣлью показать, что существующая въ настоящее время тамъ вентиляція не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и что слава, воздаваемая ей не по заслугамъ, проистекаетъ окончательно изъ неизвѣстнаго источника. Для самаго директора клиники, Dr Denham'а, было непонятно, почему вентиляція въ дублинской клиникѣ слыветъ за образцовую, и онъ со всѣмъ добродушіемъ пояснялъ мнѣ всѣ тайны принятаго тамъ способа очищенія воздуха въ палатахъ. Очевидно, что для нашихъ больницъ описанная выше вентиляція имѣетъ только ограниченное приложеніе по существенному различію климатическихъ условій.

Дублинская акушерская клиника посѣщается съ большимъ усердіемъ слушателями, гдѣ они находятъ все необходимое для практическаго изученія акушерства. Обширная опытность проф. Denham'а и его всегдашняя готовность помогать слушателямъ въ практическомъ изученіи излагаемой имъ спеціальности привлекаютъ къ нему ежедневно достаточное число слушателей.

При клиникѣ находится также и гинекологическое отдѣленіе, гдѣ слушатели имѣютъ полную возможность изучать разнообразныя патологическія формы женскихъ половыхъ органовъ. Если случаи требуютъ хирургическаго пособія, то проф. Denham выполняетъ операціи въ присутствіи слушателей.

Что касается дѣтскихъ болѣзней, то для нихъ въ Дублинѣ не существуетъ отдѣльнаго госпиталя; больныя дѣти помѣщаются въ общія больницы, при которыхъ находятся небольшія отдѣленія для дѣтскихъ болѣзней. Я посѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ; попеченіе о дѣтяхъ ничѣмъ не отличается въ существенномъ отъ прочихъ отдѣленій дублинскихъ госпиталей.

Берлинъ, $^{18}/_{30}$ іюня 1866 года.

33) А. Вейсмана.

Между различными отдѣлами классической филологіи, въ настоящее время пріобрѣла особое значеніе эпиграфика, т. е. наука о надписяхъ. Надписи уже издавна обращали на себя вниманіе филологовъ. Ученые XVI и XVII вѣка, какъ напр. Грушеръ, Гревій и Реннезій, или XVIII вѣка, какъ напр. Фабретти, Муратори и Маффеи, занимались собираніемъ и изданіемъ надписей. Но, имѣя въ виду одно только содержаніе ихъ, они пользовались ими для своихъ изслѣдованій археологическихъ и историческихъ, не обращая должнаго вниманія на языкъ и правописаніе, между тѣмъ какъ съ этой стороны, надписи представляютъ особенную важность для филолога. Понимая языкъ такъ, какъ нѣкогда понимала академія французская, то есть, какъ привиллегію ученыхъ, и осуждая все, что не подходило подъ норму условленнаго классическаго языка, они позволяли себѣ исправлять какъ орѳографію, такъ и формы языка въ надписяхъ, или же принимали за ошибку все, что отступало отъ ихъ знаній. И не смотря на то, что фактъ объ измѣняемости языка въ разные періоды его существованія былъ давно уже извѣстенъ (чему свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что уже издавна отмѣчали такъ называемые архаизмы въ языкѣ), однако фактъ этотъ остался простымъ фактомъ и не послужилъ основаніемъ къ историческому изслѣдованію языка. Этимъ состояніемъ языковѣдѣнія и объясняется недостатокъ всѣхъ прежнихъ трудовъ по части эпиграфики, который главнымъ образомъ заключается въ отсутствіи точнаго метода. Поэтому эпиграфика не могла играть важной роли въ классической филологіи прежняго времени. Ею занимались очень немногіе, и меньше всего та академія, которая носила громкое названіе Академіи Надписей. Большинству ученыхъ занятія этого рода, при всей своей трудности, казались безплодными и мелочными, — не потому, чтобы они на самомъ дѣлѣ были таковыми, а

потому, что не умѣли извлекать ихъ нихъ полезныхъ результатовъ. Въ настоящее время, когда наука старается свои изслѣдованія о языкѣ и жизни древнихъ основать на вѣрныхъ и точныхъ данныхъ, надписи, какъ единственные оригинальные памятники, дошедшіе къ намъ изъ древности, заняли весьма видное мѣсто между источниками лингвистики, археологіи и исторіи. Два обстоятельства придаютъ особенную важность надписямъ. Извѣстно, что памятники литературные сохранились не въ подлинныхъ спискахъ, а въ копіяхъ, притомъ исключительно средневѣковыхъ. Поэтому для палеографіи и орѳографіи, или, говоря иначе, для исторіи языка и письма, надписи составляютъ не только древнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный источникъ. Сверхъ того, памятники литературные, какіе мы имѣемъ, оставляютъ въ знаніи нашемъ много пробѣловъ, недомолвокъ или же невѣрностей. Большую часть этихъ недостатковъ можно восполнить только съ помощію надписей. Онѣ, по содержанію своему, касаются всѣхъ сторонъ жизни частной и общественной, заключая въ себѣ не только подробности, относящіяся къ семейному и гражданскому быту, но даже очень важные акты правительственные: законы, договоры и уставы. Отъ изученія надписей выиграла въ нѣкоторыхъ случаяхъ и критика текста писателей.

Такъ Ричль издалъ Плавта во многихъ мѣстахъ правильнѣе, единственно вслѣдствіе знакомства съ языкомъ и правописаніемъ древнихъ надписей. Съ помощію же надписей и Боргези, извѣстный итальянскій эпиграфикъ, сдѣлалъ нѣсколько значительныхъ поправокъ въ Анналахъ Тацита (напр. Ann. IV, 68). Короче сказать, современная филологія не можетъ обойтись безъ эпиграфики.

Наибольшимъ развитіемъ своимъ обязана эпиграфика ученымъ германскимъ и итальянскимъ. Въ Германіи эпиграфика вошла даже въ кругъ университетскихъ наукъ, по крайней мѣрѣ она преподается въ тѣхъ университетахъ, которые славятся своими филологическими факультетами (въ Берлинѣ, напримѣръ, Момзеномъ и Кирхгофомъ).

Эпиграфика представляетъ большія трудности и требуетъ усидчивыхъ занятій. Впрочемъ методъ и общія правила, выработанныя долгою практикою ученыхъ, значительно облегчаютъ эти трудности. Теперь, всякій начинающій легко узнаетъ, какъ по нѣкоторымъ признакамъ можно узнать древность или недревность надписи. Узнаетъ также главное о шрифтѣ, орѳографіи, интерпункціи, о сокращен-

номъ способѣ писанія именъ, титловъ, формулъ суммъ, наконецъ о слогѣ и языкѣ разнаго рода надписей. Всѣ эти предварительныя свѣдѣнія пріобрѣтаются теперь легко, между тѣмъ какъ въ прежнія времена каждый, занимавшійся эпиграфикой, долженъ былъ самъ доходить до нихъ путемъ долгимъ и нерѣдко безплоднымъ. Не смотря на эти облегченія, остается впрочемъ еще не мало трудностей при занятіи надписями. Во-первыхъ, многія надписи дошли до насъ въ копіяхъ, снятыхъ учеными и на вѣрность которыхъ не всегда можно положиться. Во-вторыхъ, многія надписи испытали на себѣ разрушительное дѣйствіе времени. Въ иныхъ недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ, въ иныхъ и цѣлыхъ строкъ. Есть и такія, отъ которыхъ остались одни осколки, фрагменты. Дѣло эпиграфика дополнить недостающее по другимъ надписямъ того же рода, или же, гдѣ это возможно, по литературнымъ памятникамъ. Въ-третьихъ, не всѣ надписи, преимущественно обязанныя происхожденіемъ своимъ частнымъ лицамъ, свободны отъ ошибокъ. Какъ теперь, такъ и въ древнія времена, и сочинявшій надпись и начертывавшій ее на мѣди или камнѣ могъ сдѣлать вольныя и невольныя ошибки. Отличить ошибку отъ того, что́ при нашихъ свѣдѣніяхъ въ древнемъ языкѣ на первый взглядъ можетъ показаться ошибкою, но на самомъ дѣлѣ не есть ошибка, не такъ-то легко. Для этого необходимо постоянно сличать языкъ надписей одного и того же вѣка и въ то же время не упускать изъ виду рукописи и замѣтки древнихъ грамматиковъ и схоліастовъ. Въ-четвертыхъ, многія надписи написаны такъ неразборчиво, что даже самые опытные эпиграфики не въ состояніи разоблачить ихъ удовлетворительно. Наконецъ встрѣчаются и поддѣлки. Спекуляція не пренебрегаетъ и наукой для увеличенія матеріальныхъ выгодъ. Въ особенности много явилось поддѣлывателей въ Италіи въ концѣ XV вѣка, когда надписи пріобрѣли большую цѣнность и когда даже вошло въ моду украшать ими сады и зданія. Между ними наибольшую извѣстность пріобрѣлъ Лигоріо.

Преподаваніе эпиграфики въ германскихъ университетахъ, сообразно съ цѣлью, бываетъ различно. Момзенъ разбираетъ надписи съ историческою цѣлью. Этимъ опредѣляется и его выборъ надписей и способъ интерпретаціи. Конечно, для филолога гораздо важнѣе было бы прослушать такой курсъ эпиграфики, какой два года тому назадъ читалъ Ричль въ Боннѣ. Лекціи его объ эпиграфикѣ, если исключить введеніе къ нимъ — о происхожденіи и литературѣ этой науки, заключали въ себѣ исторію древне-латинскаго языка и

письма въ періодъ до-Цицероновскій. Какъ извѣстно, Риль собралъ всѣ древнѣйшія надписи латинскія, которыя помѣщены въ 1-мъ томѣ Сборника Надписей, издаваемыхъ берлинской академіей подъ редакціей Момзена. Онъ же изслѣдовалъ во всѣхъ отношеніяхъ Плавта и Теренція, единственныхъ писателей, оставшихся не въ отрывкахъ отъ древне-римской литературы. Знакомый такимъ образомъ со всѣмъ матеріаломъ письменности римской архаическаго вѣка, Риль одинъ только и можетъ читать въ такой подробности исторію латинскаго языка. Подобныхъ лекцій объ эпиграфикѣ въ Берлинскомъ университетѣ искать напрасно.

Для меня занятіе эпиграфикой латинской, или, вѣрнѣе сказать, первое знакомство съ нею, имѣли кромѣ общаго и особенный интересъ. Занимаясь Ювеналомъ, я чувствовалъ необходимость поближе ознакомиться съ разными подробностями римскаго быта въ періодъ имперіи. Въ наукѣ такъ все тѣсно связано между собою, что, изучая одинъ какой нибудь вопросъ, постоянно приходится выходить изъ предначертаннаго круга и распространять свои занятія на предметы, находящіеся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ избранной задачею. Такъ въ текущемъ семестрѣ я, между прочимъ, изучалъ поэтовъ такъ называемаго серебрянаго вѣка римской литературы, который принято начинать съ Тиберія и оканчивать правленіемъ Гадріана. Это изученіе казалось мнѣ необходимымъ для вѣрной оцѣнки какъ внутренняго достоинства сатиры, такъ и ея внѣшней формы.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ хорошія качества Ювенала чувствуются вполнѣ только тогда, когда сравнишь съ нимъ прочихъ поэтовъ, какіе остались еще отъ разсматриваемаго періода. За исключеніемъ сатиры и эпиграммы, вся остальная поэтическая литература того времени крайне пуста и тривіальна. Въ лирикѣ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, много было дилеттантовъ, но никто изъ нихъ не пріобрѣлъ себѣ имени. Отъ драмы осталось нѣсколько піесъ, обыкновенно приписываемыхъ Сенекѣ, но вѣроятно принадлежащихъ разнымъ авторамъ. Всѣ они, хотя въ разной мѣрѣ, отличаются карикатурностью дѣйствующихъ лицъ, неестественностью паѳоса и высокопарностью языка. Всего болѣе поэты того времени занимались эпосомъ. Сохранились еще эпическія стихотворенія Лукана, Силія Италика, Валерія Флакка и Стація. Замѣчательно, что тотъ родъ поэзіи, который менѣе всего былъ своевременъ, болѣе всего привлекалъ къ себѣ таланты. Но эта любимая поэзія временъ им-

періи страдаетъ всѣми признаками упадка литературы. Объяснить себѣ такое жалкое состояніе поэзіи можно только духомъ времени, вліяніемъ неблагопріятныхъ условій политическихъ и общественныхъ и ложнымъ направленіемъ образованія.

Со временъ Тиберія литература подверглась гоненію. Самое скромное проявленіе свободы мысли считалось уже преступленіемъ и строго наказывалось. Въ особенности тяжки были для литературы времена Нерона и Домиціана. Поэтому, изъ одного уже чувства самосохраненія поэзія должна была сдерживать свои истинные порывы и обращаться къ такимъ темамъ, которыя ничего не имѣли общаго съ живою дѣйствительностью. Этимъ, между прочимъ, объясняется особенная привязанность того времени къ эпосу. «Энея съ Рутуломъ заставить сразиться, по выраженію Ювенала, не представляло никакой опасности. Точно также никому не надоѣдалъ раненный Ахилессъ» или какой нибудь другой герой баснословной старины. Впрочемъ, винить одни только политическія обстоятельства въ упадкѣ поэзіи было бы не справедливо. Поэзія, можетъ быть болѣе всякаго другаго рода литературы зависитъ отъ духа времени. Она можетъ процвѣтать только въ томъ народѣ, котораго міросозерцаніе проникнуто еще идеальными элементами, въ которомъ живетъ еще способность къ эстетическимъ наслажденіямъ. Этихъ идеальныхъ стремленій не находимъ мы въ римскомъ обществѣ разсматриваемаго періода. И въ высшихъ и въ низшихъ сферахъ своихъ было оно заражено самымъ крайнимъ цинизмомъ и самымъ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ идеаламъ жизни. Римляне того времени погрязли всецѣло въ матеріальныхъ интересахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ. Въ такомъ гниломъ обществѣ, каково было тогдашнее, было мѣсто только для сатиры и эпиграммы, но не для настоящей поэзіи. Наконецъ, на литературу дѣйствовала вредно и система школьнаго образованія. Школа, конечно, не производитъ писателей, но, подчиняясь всегда господствующему направленію въ литературѣ и жизни, она служитъ какъ бы проводникомъ всѣхъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ того и другаго фактора исторіи. Особенно во времена имперіи пріобрѣла она себѣ вліяніе на литературу. Школу древнюю въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ сравнивать съ нынѣшнею. Древняя школа преимущественно имѣла въ виду посредствомъ чтенія избранныхъ писателей, особенно поэтовъ, и систематическаго упражненія въ изустной и письменной декламаціи развить въ учащихся даръ изложенія. Въ періодъ республики практическая жизнь

во время прекращала пропедевтическія упражненія школы, да и сами эти упражненія сообразовались съ будущими потребностями дѣйствительной жизни. Оттого ученіе во времена республики было хотя и не сложно, но за то полезно. Съ уничтоженіемъ политической свободы, школа потеряла своего регулятора и должна была по неволѣ превратиться въ гимнастику самой безплодной эрудиціи и самаго непрактическаго словопренія. Если прежде учились для того, чтобы дѣйствовать на форумѣ и въ куріи, то теперь учились больше для того, чтобы умѣть сочинять и декламировать. Риторство въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова сдѣлалось главною задачею школы. Для упражненій придумывались самыя замысловатыя и нелѣпыя темы, такъ какъ онѣ представляли наиболѣе пищи для хитрой діалектики и высокопарной декламаціи. Неудивительно, что молодые таланты, прошедши эту школу риторически и въ жизни не видя ничего лучшаго, во всю жизнь свою не могли разстаться съ этимъ болѣзненнымъ направленіемъ. Ювеналъ можетъ служить примѣромъ дурнаго вліянія школы. Сатиры его и по композиціи и по фигурности рѣчи напоминаютъ очень часто рецепты риторики. А между тѣмъ Ювеналъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые сознавали недостатки литературы своего времени. Тѣмъ менѣе должно искать простоты и естественности у тѣхъ поэтовъ, которые, подобно эпикамъ, принуждены были пользоваться всѣми средствами эрудиціи и декламаціи, чтобы старыя и избитыя темы сдѣлались хоть сколько-нибудь интересными. Такимъ образомъ гнетъ политическій, испорченность общества и искаженность школьнаго образованія наложили особую печать на поэзію временъ имперіи. Она отличается безжизненностью содержанія, аффектаціею изложенія. Исключеніе составляетъ одна только сатира вмѣстѣ съ эпиграммой. Не смотря на то, что по формѣ она зависитъ отъ общаго направленія литературы, все же въ ней находимъ мы силу, жизнь и правдивое выраженіе чувствъ писателя.

Въ заключеніе замѣчу, что при изученіи поэтовъ такъ называемаго серебрянаго вѣка римской литературы, во-первыхъ чувствуется недостатокъ въ хорошихъ изданіяхъ, во-вторыхъ въ исторіи языка и слога письменнаго. Для опредѣленія лексикальныхъ, этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей въ языкѣ прозаиковъ означеннаго времени сдѣланы уже кое-какія попытки. Изъ нихъ можно указать на лексиконъ къ Квинтиліану Боннеля (Lexicon Quintilianeum. Leipz. 1834), лексиконъ къ Тациту Боттигера (Lexicon Taciteum.

Berl. 1830) и на брошюрку, впрочемъ очень неудовлетворительную, Опица: Specimen lexicologiæ argenteæ latinitatis (Programm des Domgymnasiums zu Naumburg 1852). Но поэты до сихъ поръ оставлены безъ вниманія.

Берлинъ, 28-го іюня н. ст. 1866 года.

34) Доктора медицины И. Догеля.

(За апрѣль, май и іюнь мѣсяцы 1866 года).

Въ Гейдельбергѣ, во время зимняго семестра, я окончилъ мои изслѣдованія о дѣйствіи хлороформа на животный организмъ вообще и на движеніе зрачка въ частности. Эта работа помѣщена въ *«Archiv für Anatomie und Physiologie von D-r Reichert und D-r Du Bois-Reymond, 1866, Heft II»;* содержаніе ея слѣдующее.

При дѣйствіи хлороформа на животный организмъ замѣчаются различныя явленія. Къ этимъ явленіямъ принадлежатъ: измѣненіе величины зрачка, ускореніе или замедленіе дыханія и сердцебіенія и наконецъ измѣненія въ нервной системѣ. Эти измѣненія зависятъ не только отъ способа хлороформированія и количества вдыхаемыхъ паровъ хлороформа, но тоже и отъ рода животнаго, употребляемаго для опыта. Мои наблюденія я производилъ надъ кроликами и лягушками. При дѣйствіи хлороформа на животный организмъ обыкновенно замѣчаютъ три періода: 1) возбужденіе, 2) наркозъ и 3) асфиксію. Продолжительность этихъ трехъ періодовъ бываетъ у различныхъ животныхъ различная. У кроликовъ замѣчаются явленія перваго періода уже при первыхъ вдыханіяхъ хлороформа.

Главнѣйшія явленія этого періода суть: съуженіе зрачка, замедленіе и остановка сердцебіенія и, наконецъ, прекращеніе дыханія. Лягушки же переносятъ очень хорошо хлороформированіе, хотя *О. Веберъ* (*«Erfahrungen und Untersuchungen» Berlin, 1857*), высказалъ совершенно противоположное мнѣніе. Я нашелъ, что явленія перваго періода у этихъ животныхъ почти незамѣтны и обнаруживаются только бо́льшимъ безпокойствомъ и движеніями мышицъ животнаго.

Чтобы удобнѣе у этихъ животныхъ наблюдать упомянутыя явленія, я прибѣгнулъ къ слѣдующему методу. Лягушка была положена спиною на досчечку и прикрѣплена къ ней; затѣмъ я осторожно разрѣзалъ кожу и другія части покрывающія сердце, которое дѣлалось вслѣдствіе этого совершенно свободнымъ для наблюденія, и, наконецъ, такъ прикрѣпленную лягушку я накрывалъ стекляннымъ

колпакомъ, подъ который помѣщался кусокъ губки пропитанной хлороформомъ.

Второй періодъ у кроликовъ обнаруживается расширеніемъ зрачка, ускореніемъ сердцебіенія и дыханія и потерею чувствительности; движенія оконечностей и головы дѣлаются незамѣтными, такъ что животное кажется спящимъ. У лягушекъ же, которыхъ я наблюдалъ въ этомъ періодѣ, было: незначительное расширеніе зрачка, замедленное сердцебіеніе и ускоренное дыханіе.

Если по наступленіи втораго періода продолжать хлороформировать кроликовъ, то у нихъ очень скоро замѣчались явленія третьяго періода, а именно: прекращеніе дыханія и сердцебіенія, и сильное расширеніе зрачка. Но если эти животныя будутъ съ большою осторожностію хлороформированы до наркоза, то нерѣдко удается повторить эти опыты нѣсколько разъ на одномъ и томъ же животномъ.

Лягушекъ же, напротивъ, можно всегда хлороформировать до совершеннаго прекращенія дыханія и почти до остановки сердцебіенія и до совершеннаго расширенія зрачка. Причемъ потеря чувствительности можетъ быть на столько уменьшенною, что уксусная кислота (дотрогиваясь кожи лягушки), не вызываетъ никакихъ рефлекторныхъ движеній. Лягушка, хлороформированная до такой степени, оживаетъ мало по малу, когда мы удалимъ ее изъ подъ стекляннаго колпака и положимъ на свѣжій, свободный отъ хлороформа, воздухъ. Сердцебіеніе постепенно опять возстановляется и доходитъ до 30 ударовъ въ минуту; дыханіе и чувствительность возвращаются, движенія дѣлаются совершенно свободными.

Замедленіе и остановка сердцебіенія отъ дѣйствія паровъ хлороформа замѣчались и тогда, если сердце совершенно было вырѣзано и положено подъ стеклянный колпакъ, гдѣ находилась губка съ хлороформомъ; на свободномъ же отъ хлороформа воздухѣ, опять сердцебіеніе постепенно возобновлялось. Впрыскиваніе хлороформа подъ кожу лягушки вызываетъ одинаково общія явленія, какъ и вдыханія его. Только явленія эти слѣдуютъ быстрѣе одно за другимъ и животное скоро погибаетъ. Кромѣ общаго дѣйствія впрыснутаго хлороформа на организмъ лягушки, замѣчается еще мѣстное непосредственное его дѣйствіе — окоченѣніе той конечности, подъ кожу которой будетъ впрыснутъ хлороформъ. При значительномъ количествѣ впрыснутаго подъ кожу лягушки хлороформа сердце этого животнаго замѣчается иногда сильно расширеннымъ.

Чтобы разрѣшить вопросъ, отчего у кроликовъ зависитъ съуженіе зрачка въ первомъ періодѣ и расширеніе во второмъ, я предпринялъ слѣдующій рядъ опытовъ.

Чтобы избѣжать сильнаго кровотеченія, я, за 3—4 дня до опытовъ, давалъ имъ только сухой кормъ (овесъ). Хлороформированіе я производилъ посредствомъ полотенца, въ которое клалъ губку, слегка смоченную хлороформомъ. Хлороформированіе слѣдуетъ производить, какъ я уже выше замѣтилъ, очень осторожно, потому что кролики весьма скоро умираютъ отъ хлороформа. Всякій разъ (въ періодъ возбужденія), когда хлороформъ начиналъ дѣйствовать, замѣчалось сильное съуженіе зрачка.

При продолжительномъ же дѣйствіи, во время періода наркоза и асфиксіи, зрачекъ постепенно расширялся такъ, что наконецъ доходилъ до *maximum*, почти какъ это бываетъ при раздраженіи симпатическаго нерва или въ минуту смерти.

У кролика, взятаго мною для опыта, былъ отпрепарированъ и перерѣзанъ на одной сторонѣ шеи симпатическій нервъ, причемъ зрачекъ значительно съузился. Напротивъ, раздражая этотъ нервъ получалось расширеніе зрачка. Затѣмъ, животное было хлороформировано до наркоза, причемъ зрачки обоихъ глазъ замѣтно расширились. Между тѣмъ какъ я раздражалъ верхній конецъ перерѣзаннаго симпатическаго нерва индукціоннымъ токомъ, который былъ столь же сильный, какъ и тѣ, которыми я раздражалъ тотъ же самый нервъ до хлороформированія, я замѣчалъ расширеніе соотвѣтствующаго нерву зрачка, не смотря на дѣйстіе хлороформа.

При дальнѣйшемъ хлороформированіи до асфиксіи, можно было каждый разъ, раздражая верхній конецъ шейнаго симпатическаго нерва, замѣтить явное увеличеніе расширенія зрачка.

И такъ, хлороформированіе не вызывало никакихъ видимыхъ измѣненій въ симпатическомъ нервѣ.

При накладываніи двойныхъ электродовъ [1]) на внутренній край радужной оболочки того же кролика, происходило съуженіе зрачка; напротивъ же, когда простые электроды были наложены на внѣшній край радужной оболочки, то зрачекъ расширялся.

И такъ, мышечныя волокна радужной оболочки, какъ во время наркоза, такъ и тотчасъ послѣ асфиксіи, оставались неизмѣненными.

[1]) Объ устройствѣ двойныхъ электродовъ было уже сказано въ прошломъ моемъ отчетѣ.

Другой рядъ опытовъ былъ произведенъ надъ *n. oculomotorius*. Вскрывъ кролику черепъ, я хлороформировалъ животное до наркоза; затѣмъ, вышеупомянутый нервъ былъ перерѣзанъ, и, послѣ перерѣзки, его периферическій конецъ былъ положенъ на два электрода и раздражаемъ, причемъ всякій разъ наступало съуженіе того зрачка, который вслѣдствіе хлороформированія сильно былъ расширенъ. Въ то же время дѣлалось непосредственное электрическое раздраженіе радужной оболочки того же животнаго, накладывая двойные электроды на внутренній край радужной оболочки, причемъ замѣчалось съуженіе; но когда я клалъ простые электроды на внѣшній край радужной оболочки, то происходило расширеніе. Слѣдовательно и теперь мышечныя волокна радужной оболочки оставались неизмѣнными.

Во второмъ періодѣ (періодъ совершеннаго наркоза), свѣтъ не имѣетъ вліянія на измѣненіе зрачка. Еще были произведены слѣдующіе опыты. У бѣлаго кролика средней величины, я вскрылъ черепъ, хлороформировалъ животное до наркоза, приподнялъ большія полушарія мозга и раздражалъ электричествомъ *n. opticus*. Раздраженіе этого нерва, во время наркоза, не производило никакого измѣненія въ зрачкѣ, напротивъ, какъ только наркозъ совершенно проходилъ, замѣчалось, при раздраженіи этого нерва, сильное съуженіе зрачка.

Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь наблюденій можно заключить, что отъ вдыханія паровъ хлороформа происходятъ измѣненія въ нервныхъ центрахъ, а именно: возбужденіе мозговыхъ центровъ въ первомъ періодѣ, полупараличное состояніе ихъ во время наркоза и совершенный параличъ этихъ центровъ въ періодъ асфиксіи.

Возбужденнымъ состояніемъ мозговыхъ центровъ объясняются измѣненія зрачка — съуженіе и расширеніе.

При возбужденіи мозга и *n. oculomotorius* тоже сильно возбуждается, причемъ происходитъ ясное съуженіе зрачка, такъ какъ *n. oculomotorius* не теряетъ своей раздражительности отъ дѣйствія хлороформа на организмъ. Во второмъ періодѣ, когда *n. oculomotorius* не въ состояніи быть возбужденнымъ, вслѣдствіе полупараличнаго состоянія мозговыхъ центровъ, перевѣсъ остается на сторонѣ симпатическаго нерва, а слѣдовательно по необходимости наступаетъ расширеніе зрачка.

Что касается прочихъ явленій при дѣйствіи хлороформа на организмъ животныхъ, то можно допустить, принявъ во вниманіе спеціальныя изслѣдованія гг. *Adorn'a*, *Amédée Forgett'a*, *Hitllert'a*, *Maurice Perrin'a* и *Ludger l'Allemand'a* (*l'Union Médicale. T. IX. № 8—13. 1835*), а также и опыты *О. Вебера* (Chirurg. Erfahr.) и другихъ, что всѣ эти явленія обусловливаются измѣненіемъ, происходящимъ въ нервныхъ центрахъ, похожимъ на то измѣненіе, которое вызывается дѣйствіемъ эфира, алкоголя и амилена. *Flourens*, который занимался изслѣдованіями дѣйствія эѳира на организмъ животныхъ, вывелъ заключеніе (*Séances de l'Acad. des Sciences.* Février, 1847), что у собакъ хлороформъ парализуетъ большія мозговыя полушарія, малый мозгъ, спинной и продолговатый мозгъ. Онъ же высказалъ мнѣніе, что при параличѣ продолговатаго мозга, дыханіе прекращается и наступаетъ смерть. Что же касается собственныхъ моихъ наблюденій надъ измѣненіями сердцебіенія у кроликовъ въ разные періоды дѣйствія хлороформа, то въ настоящее время я могу упомянуть только слѣдующее.

При дѣйствіи хлороформа на организъ кроликовъ я замѣтилъ, въ разные періоды, разныя движенія сердца. Въ періодѣ раздраженія, сердце бьется рѣже; въ періодѣ наркоза — ускоренное сердцебіеніе, и наконецъ, въ третьемъ періодѣ, послѣ короткой остановки сердцебіенія и дыханія, сердце начинаетъ опять биться, хотя и на весьма короткое время (отъ нѣсколькихъ секундъ до одной минуты).

Для объясненія замедленія и остановки сердцебіенія въ первомъ періодѣ дѣйствія хлороформа [1]) были сдѣланы слѣдующіе опыты:

I. У кролика на обѣихъ сторонахъ были перерѣзаны *n. laryngei superiores* и *n. laryngei inferiores*, и затѣмъ тотчасъ животное было хлороформировано. Замедленіе и остановка сердцебіенія наступали тотчасъ послѣ первыхъ уже вдыханій хлороформа; подобно тому, когда вышеупомянутые нервы оставались неповрежденными.

II. То же явленіе происходило вслѣдствіе вдыханія хлороформа, если, удаливъ у кролика незначительную часть черепа, соотвѣтствующую положенію обонятельныхъ нервовъ, перерѣзать послѣдніе нервы. Перерѣзка тройчатаго нерва съ обѣихъ сторонъ не имѣла тоже вліянія на остановку сердцебіенія.

---

[1]) Это явленіе замѣчается тоже если заставить животное дышать амміакомъ алкоголемъ, эфиромъ, уксусной кислотой и другими летучими веществами.

III. Третій опытъ состоялъ въ томъ, что я заставлялъ животное дышать не носомъ, а дыхательнымъ горломъ, посредствомъ мѣдной трубочки, обыкновено употребляемой при искусственномъ дыханіи. Одинъ конецъ этой трубки былъ прикрѣпленъ къ дыхательному горлу; другой же конецъ ея соединенъ съ каучуковой; эта же въ свою очередь со стеклянной, болѣе широкой трубкой, которой свободный конецъ соединялся, посредствомъ второй каучуковой трубки, съ прогоняющимъ воздухъ мѣхомъ. Въ стеклянную трубку я наливалъ незначительное количество хлороформа, пары котораго, при всякомъ нажиманіи мѣха, прогонялись въ дыхательное горло. При этомъ, почти мгновенно сердцебіеніе останавливалось на одну минуту.

IV. Наконецъ, если перерѣзать оба блуждающіе нерва и затѣмъ животное подвергнуть дѣйствію хлороформа, то остановка въ сердцебіеніи болѣе не замѣчается.

Изъ всѣхъ этихъ опытовъ можно заключить, что остановка сердцебіенія въ первомъ періодѣ дѣйствія хлороформа на животный организмъ (кролика) происходитъ не вслѣдствіе раздраженія обонятельнаго и тройчатаго нервовъ, но обусловливается раздраженіемъ блуждающаго нерва, чрезъ вхожденіе паровъ хлороформа въ легкія.

35) Докторанта фонъ-Траутфеттера.

Опредѣленіе, путемъ физіологическаго опыта, нерва, завѣдывающаго приспособленіемъ глаза.

Неизвѣстно, какой нервъ завѣдываетъ приспособленіемъ глаза. Относительно этого предмета сдѣланы были только нѣкоторые намеки, изъ которыхъ видно, что различные авторы приписывали различнымъ нервамъ вліяніе на приспособленіе глаза: одни изъ нихъ высказались въ пользу вліянія на аккоммодацію глаза одного, другіе — въ пользу другаго, наконецъ, третіе — въ пользу двухъ нервовъ. До чего мнѣнія и взгляды въ этомъ отношеніи еще шатки, слѣдуетъ уже изъ того, что нѣкоторые новѣйшіе писатели приписываютъ вліяніе на аккоммодацію *одновременно* всѣмъ нервамъ, прободающимъ глазное яблоко, и даже такимъ нервамъ, которые вовсе не прободаютъ его (такъ напр. Ruete [1]), Stellwag von Carion [2]),

[1]) Ruete. Lehrbuch der Ophthalmologie. Bd. I. стр. 321, 322, 329 и 229.

[2]) Stellwag von Carion. Lehrbuch der Augenheilkunde. II Aufl. 1864.

Wundt) [1]). Все, что объ инерваціи приспособительнаго аппарата было высказано, основано отчасти на наблюденіяхъ изъ области патологіи, большею частью же только на апріористическихъ заключеніяхъ. Сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ ни одной работы, ни одной монографіи по части инерваціи аккоммодаціи глаза, и все то, что по этому предмету обнародовано, было разбросано только въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ руководствахъ офтальмологіи, физіологіи и въ архивѣ Грефе (Graefe), гдѣ при описаніи механизма аккоммодаціи, паралича глазныхъ мышицъ и пр. были сдѣланы кое-какіе намеки объ инерваціи рѣсничной мышцы [2]). Поэтому, собственно говоря, литературы по части инерваціи аккоммодаціи глаза не существуетъ. Что касается моей работы, то сперва я въ ней упомяну все то, что различными авторами высказано было по части инерваціи приспособительнаго аппарата глаза, потомъ я опишу рядъ предпринятыхъ мною опытовъ и въ заключеніе кратко исчислю полученные мною результаты. Неизлишнимъ считаю еще прибавить, что такъ какъ все то, что каждымъ отдѣльнымъ писателемъ выражено было по части инерваціи аккомодаціи глаза, большею частію заключается

---

[1]) Wundt. Lehrbuch der Physiologie des Menschen, стр. 514.

[2]) По мнѣнію физіологовъ и офтальмологовъ рѣсничная мышца играетъ главную роль во время акта приспособленія глаза. Что радужная оболочка въ механизмѣ аккоммодаціи играетъ второстепенную роль, въ пользу того говорятъ слѣдующіе факты:

a) Dr. E. Müller сообщаетъ одинъ случай, въ которомъ при прирожденномъ отсутствіи радужной оболочки, ребенекъ хорошо видѣлъ (см. Archiv f. Ophthalm. Bd. II. Abth. II. стр. 159).

b) Сохраненіе полной способности приспособленія при coloboma congenitum, иридектоміяхъ, synechia anterior et posterior.

c) Ruete описываетъ три случая irideremiae totalis (см. Ruete, Lehrbuch d. Ophthalm. Bd. II. стр. 633), въ которыхъ приспособленіе, при полномъ отсутствіи радужной оболочки, не пострадало. Паціенты его были только очень близоруки. Ruete описываетъ еще четвертый случай irideremiæ totalis (см. l. c. Bd. I. стр. 93) и въ своемъ описаніи говоритъ, что его паціентка только страдала при яркомъ свѣтѣ, который ее ослѣплялъ, но что при умѣренномъ освѣщеніи зрѣніе ея было не только нормальное, но даже острое.

d) Болѣе же всего доказателенъ случай свѣжеприобрѣтенной анириды (Aniride), описанный Graefe (см. Archiv für Ophth. Bd. VII, Abth. II, стр. 153). У одного больнаго случайно была извлечена вся радужная оболочка. Послѣ полнаго выздоровленія глаза Graefe изслѣдовалъ силу приспособленія его Jäger'скимъ шрифтомъ, выпуклыми стеклами, оптометромъ и простымъ фиксированіемъ далеко и близколежащихъ предметовъ и вполнѣ убѣдился въ существованіи нормальной силы приспособленія.

только въ нѣсколькихъ короткихъ предложеніяхъ, то для краткости и большей точности я рѣшился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привесть слова самыхъ авторовъ.

Stellwag von Carion напечаталъ въ своемъ руководствѣ [1]) на стр. 146 слѣдующее: «Die Nerven der Iris und des Ciliarmuskels sind grösstentheils Zweige des Trigeminus und des Oculomotorius, ein Theil derselben gehört aber sicherlich dem Sympathicus und wahrscheinlich auch dem Abducens an». Но, какъ кажется, Stellwag считаетъ волокны тройнаго нерва, которыя развѣтвляются въ радужной оболочкѣ и рѣсничной мышицѣ, только чувствительными нервными вѣточками, такъ какъ на стр. 653 того же руководства онъ говоритъ, что сомнительно вліяніе n. trigemini на отправленія радужной оболочки и рѣсничной мышицы. Онъ основываетъ свое сужденіе на томъ фактѣ, что при полномъ параличѣ n. trigemini не замѣчали ни малѣйшаго нарушенія въ отправленіяхъ iridis и m. ciliaris. Что же касается глазодвигательнаго и сочувственнаго нерва радужной оболочки и рѣсничной мышицы, то Stellwag выражается объ этихъ нервахъ слѣдующимъ образомъ [2]): Es wäre ein Irrthum, wenn man den Sphincter pupill. allein vom dritten Paare, den Dilatator pupillae und den Accommodationsmuskel aber allein von dem Sympathicus und den ihm beigemischten Cerebrospinalästen beherrscht dächte, es handelt sich höchstens um ein *Vorwiegen* des einen und des anderen Nerven in dem einem und dem anderen Gebiete. Wäre nämlich der Sphincter pupill. bloss vom Oculomotorius beeinflusst, so müsste die complete Lähmung des genannten Nerwen in der Regel oder doch häufig mit maximaler Erweiterung des Sehloches einhergehen, und doch ist dieses eine seltene Ausnahme. Es ist auch nicht wahrscheinlich, dass der Simpathicus die accommodative Thätigkeit allein leite. Es stünde dies nämlich mit der täglichen Erfahrung in Widerspruch, nach welcher Oculomotoriuslähmungen mit wenigen Ausnahmen eine bedeutende Verminderung oder gänzliche Vernichtung des Accommodationsvermögens in Folge haben». Что касается отводящаго нерва, то, сколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ не существуетъ ни одного наблюденія, которое могло бы говорить въ пользу надѣленія радужной оболочки и рѣсничной мышицы вѣтвями отводящаго нерва. Можетъ быть Stellwag основалъ свое предположеніе на томъ фактѣ, что при параличѣ отводящаго нерва замѣчается нѣкоторая степень недостаточ-

[1]) Lehrbuch d. Augenheilkunde, II Aufl. 1864.
[2]) l. c. стр. 653.

ности приспособленія; но этотъ недостатокъ приспособленія объясняется съ одной стороны тѣмъ, что при параличѣ отводящаго нерва нарушается равновѣсіе между внутреннею и наружною прямою мышицею, вслѣдствіе чего оси глазъ дѣлаются болѣе конвергирующими, съ другой же стороны еще тѣмъ, что также нарушается тѣсная связь, существующая во время приспособленія между отправленіями внутренней прямой мышицы и рѣсничною мышцею.

Pilz въ своемъ руководствѣ [1]) описываетъ строеніе сосудистой оболочки (tunicae uveae, по Bruecke) и различаетъ въ ней три части: собственную сосудистую оболочку (tunic. chorioidea), рѣсничное тѣло (corpus ciliare) и радужную оболочку (iris). Въ этомъ общемъ описаніи tunicae uveae онъ говоритъ [2]), что нервы этой оболочки большею частью выходятъ изъ ganglionii ciliaris (исключая одной или двухъ вѣтвей, происходящихъ отъ Ramus nasociliaris nervi trigemini) и, прошедши сквозь склеротику, направляются впередъ, находясь въ самомъ поверхностномъ слоѣ сосудистой оболочки, и, раздѣляясь вилообразно, развѣтвляются α) въ рѣсничной мышцѣ, β) въ роговой оболочкѣ и γ) въ радужной оболочкѣ. Въ частномъ подробномъ описаніи отдѣльныхъ частей tunicae uveae Pilz, описывая направленіе и ходъ нервовъ въ радужной оболочкѣ, ничего не сказалъ о нервахъ рѣсничной мышицы. Въ своемъ руководствѣ, въ главѣ [3]), въ которой онъ описываетъ параличъ приспособительнаго аппарата, Pilz напечаталъ о нервахъ m. tensoris chorioideae слѣдующее: «Ueber ihre (der Paralysis der Nerven des m. tens. chor.) Ursache ist bisher wenig bekannt; jene, welche man nach Lähmung des n. oculomotorius beobachtet, ist durchaus nicht immer eine vollständige Aufhebung des Adoptionevermögens, sondern in den meisten Fällen eine namhafte Beschränkung desselben, *zumal man bisher noch immer nicht mit Bestimmtheit weiss, ob die innervirenden Elemente des tensor chorioideae blos vom Sympathicus oder zum Theil vom Oculomotorius herrühren*».

Arlt въ своемъ сочиненіи [4]), въ главѣ, въ которой онъ описываетъ строеніе и отправленія сосудистой оболочки (Anatomie u. Physiologie der Aderhaut), подробно излагая строеніе рѣсничной мышицы, вовсе не упоминаетъ о нервахъ m. tensoris chorioideae и только подъ

---

[1]) Lehrbuch d. Augenheilkunde. 1859.

[2]) l. c. p. 14.

[3]) Pilz l. c. p. 811.

[4]) Die Krankheiten des Auges, 1851—1859.

конецъ этой главы сообщаетъ слѣдующее [1]): «Von hohem Interesse, so dass es hier noch besonders hervorgehoben werden muss, ist das Verhältniss der Chorioidea zur Iris. Die Chorioidea ist es durch welche sämmtliche Nerven und meisten Gefässe zur Iris vordringen. Die Ciliarnerven sind in die äussere, vorwaltend zellige Schicht der Aderhaut eingelagert. Zwei derselben, durch besondere Entwickelung ausgezeichnet, verlaufen im horinzontalen Meridiane der eine an der Nasen-, der andere an der Schläfenseite». Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ объ органахъ приспособленія и движенія глазнаго яблока, говоря о мышцахъ глаза, Arlt упоминаетъ [2]) о нервахъ глазныхъ мышицъ слѣдующее: «Die Nerven, welche für die Bewegungsorgane des Bulbus bestimmt sind, sind bekanntlich der 3, 4 и 6 Hirnnerve. Der N. oculomotorius versieht den R. internus, superior, inferior und den Obliq. inferior (nebst den levator palpebrae superioris und mittelst der radix brevis des Ganglion ciliare die Iris und *den Ciliarmuskel*)». Arlt дальше вовсе не упоминаетъ о сочувственномъ нервѣ и о двигательныхъ волокнахъ глазной вѣтви тройнаго нерва, которые тоже образуютъ корешки ganglionii ciliaris, даютъ вѣтви радужной оболочкѣ и потому могли бы тоже имѣть вліяніе на отправленія рѣсничной мышицы. Наконецъ, еще въ третьемъ мѣстѣ, описывая явленія, замѣчаемыя при параличѣ n. oculomotorii, Arlt говоритъ, что при полномъ параличѣ глазодвигательнаго нерва замѣчается, въ большей или меньшей степени, недостаточность приспособленія; дальше, на той же страницѣ, Arlt выражается даже такъ: «Ich zweifle, dass man jemals Fälle von Oculomotoriuslähmung mit unversehrter oder auch nur relativ guter Accommodation finden werde». Изъ этого можно было бы заключить (хотя Arlt въ своемъ сочиненіи этого заключенія не дѣлаетъ), что глазодвигательный нервъ вліяетъ на приспособительный аппаратъ и что поэтому онъ, вѣроятно, даетъ вѣтви рѣсничной мышицѣ и есть главный нервъ приспособленія.

Ruete [3]), описывая нервы сосудистой оболочки, говоритъ, что m. tensor chorioideae весьма богатъ нервами и что нервы, развѣтвляющіеся въ сосудистой оболочкѣ, принадлежатъ къ такъ называемымъ рѣсничнымъ нервамъ, происходящимъ отчасти отъ рѣсничнаго узла, отчасти же отъ R. nasociliaris n. trigemini. Изъ этого описанія Ruete

---

[1]) l. c. Bd. II. p. 157.

[2]) l. c. Bd. III. p. 184.

[3]) Lehrbuch der Ophthalmologie. Zweite Aufl. Bd. I, p. 108.

нельзя однако заключить, управляютъ ли рѣсничною мышицею всѣ нервы, происходящіе отъ рѣсничнаго узла, или же только два, а можетъ быть только одинъ изъ нихъ. Дальше, въ другомъ мѣстѣ [1]), говоря объ отправленіяхъ, такъ называемыхъ, вспомогательныхъ нервовъ (Gehülfsnerven) глаза, Ruete утверждаетъ: «Der Einfluss, den der Nerv (nervus oculomotorius) auf das Accommodationsvermögen, also auf den musc. tensor chorioideae, ausübt *ist wenigstens sehr untergeordnet*». Черезъ страницу же Ruete пишетъ, что n. trochlearis «vermittelt *ohne Zweifel* zugleich mit dem Abducens die Accommodationsfähigkeit, wenn der Oculomotorius gelähmt ist». Въ этихъ двухъ, приведенныхъ мною цитатахъ, Ruete, нѣкоторымъ образомъ, противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ онъ сначала высказался въ пользу того мнѣнія, что n. oculomotorius имѣетъ весьма небольшое вліяніе на отправленія m. tensoris chorioideae, потомъ же утверждаетъ, что въ случаѣ паралича n. oculomotorii приспособленіемъ завѣдуютъ nn. trochlearis и abducens. Что же касается n. sympathici, то, какъ кажется [2]), Ruete считаетъ его главнымъ нервомъ приспособленія. Онъ основываетъ свое предположеніе, главнымъ образомъ, на томъ, что при страданіяхъ этого нерва, напр. у истерическихъ женщинъ и ипохондрическихъ мужчинъ, иногда замѣчалась скоропроходящая близорукость. И такъ, по Ruete, всѣ глазные нервы, исключая только n. trigeminus, имѣютъ вліяніе на приспособленіе глаза. Мнѣніе это основано имъ, какъ видно, или на однихъ только предположеніяхъ, или же только на наблюденіяхъ изъ области патологіи.

Warton-Jones [3]), въ своемъ руководствѣ, не излагаетъ анатоміи и физіологіи отдѣльныхъ частей глаза, а описываетъ только различныя патологическія состоянія глаза. Но и при описаніи болѣзненныхъ состояній приспособительнаго аппарата, онъ нигдѣ не упоминаетъ о нервахъ, завѣдывающихъ приспособленіемъ глаза. Изъ описанія явленій, замѣчаемыхъ при параличѣ n. oculomotorii, видно даже, что Warton-Jones не думаетъ, чтобы глазодвигательный нервъ имѣлъ бы какое нибудь вліяніе на приспособленіе. Онъ говоритъ слѣдующее [4]): «Lorsque les muscles, qui reçoivent leurs filets nerveux de la troisième paire, c'est-à-dire le releveur des paupières, les droits internes, superieurs et inferieurs, l'oblique inférieur et les fibres circulaires

[1]) l. c. p. 322.
[2]) l. c. p. 229 и 329.
[3]) Traité pratique des Maladies des yeux, traduit par M. Foucher. 1862.
[4]) l. c. p. 594.

de l'iris sont paralysés, on remarque: 1) un ptosis paralytique, 2) un strabisme fixe paralytique divergent, 3) une mydriase paralytique». Какъ видно изъ первой половины этой цитаты, Warton-Jones исчислилъ всѣ мышцы, которыя, по его мнѣнію, управляются глазодвигательнымъ нервомъ, но онъ не помѣстилъ между ними m. ciliaris; изъ второй же половины той же цитаты слѣдуетъ, что ему даже не извѣстны случаи, при которыхъ при параличѣ n. oculomotorii замѣчалась, въ большей или меньшей степени, недостаточность приспособленія.

Makenzie, въ своемъ довольно объемистомъ руководствѣ [1]), нигдѣ не упоминаетъ о нервахъ m. ciliaris. Въ главѣ «anomalies et altérations diverses de la vision» [2]) онъ собственно описываетъ только аномаліи рефракціи глаза, а объ аномаліяхъ аккоммодаціи умалчиваетъ. При описаніи Myosis и Mydriasis [3]) Makenzie приводитъ мнѣнія авторовъ, по которымъ sphincter pupillae управляется глазодвигательнымъ, dilatator pupillae, сочувственнымъ нервомъ. Но о вліяніи тройнаго нерва на величину зрачка онъ не вспоминаетъ.

Emile Martin написалъ офтальміатрію [4]), которая хотя и не объемиста, но принадлежитъ къ новѣйшимъ французскимъ руководствамъ по части офтальмологіи. Въ первой части, гдѣ онъ описываетъ анатомію и физіологію глаза, онъ говоритъ, что мышицы глаза получаютъ свои нервныя вѣтви только отъ трехъ нервовъ [5]): глазодвигательнаго, патетическаго и отводящаго. Рѣсничное тѣло надѣляется по Martin'у рѣсничными нервами [6]), происходящими отъ пятой и третьей пары головныхъ нервовъ. О двигательныхъ волокнахъ сочувственнаго нерва Martin умалчиваетъ. Въ третьей части своего сочиненія, описывая параличъ приспособленія, онъ говоритъ [7]): «La paralysie de l'accommodation n'est pour ainsi dire, que le dégrès le plus avancé de la kopiopie. Il y a paralysie de cette faculté, dans le myosis ou rétrécissement de la pupille, dans la mydriase ou dilatation de la pupille, et chez les opérés de la cataracte». И такъ, по

---

[1]) Traité pratique des maladies de l'oeil par W. Makenzie, traduit par E. Warlemont. Tome I et II. 1858.

[2]) l. c. p. 625.

[3]) l. c. p. 597 и 599.

[4]) Traité médical pratique de maladies des yeux par Emile Martin. 1863.

[5]) l. c. p. 9.

[6]) l. c. p. 17.

[7]) l. c. p. 275.

Martin'у какъ при болѣзненномъ съуженіи, такъ и при болѣзненномъ расширеніи зрачка замѣчали недостатокъ приспособленія. Но болѣзненное съуженіе зрачка, какъ извѣстно, обусловливается или спазмомъ n. oculomotorii (myosis spastica), или же параличемъ n. sympathici (myosis paralytica); болѣзненное же расширеніе зрачка зависитъ, какъ тоже извѣстно, или отъ спазма n. sympathici (mydriasis spastica), или же отъ паралича n. oculomotorii (mydriasis paralitica); поэтому Martin могъ бы по аналогіи предположить, что замѣченная при Myosis и Mydriasis недостаточность приспособленія обусловливается спазмомъ или же параличемъ соотвѣтственныхъ нервовъ iridis. Вотъ какое заключеніе можно вывесть изъ цитаты Martin'а; онъ же этого заключенія не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать уже потому, что онъ въ своемъ руководствѣ умолчалъ о вліяніи сочувственнаго нерва на радужную оболочку.

W. Henke, описавшій особенный механизмъ приспособленія [1]), находитъ въ строеніи m. ciliaris полную аналогію съ строеніемъ iridis. Въ концѣ своей статьи [2]) онъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что, вѣроятно, существуетъ такая же аналогія въ инервацiи этихъ двухъ органовъ.

A. von Graefe, въ своемъ архивѣ [3]), сообщаетъ интересный случай полнаго паралича всѣхъ шести глазныхъ мышицъ на обоихъ глазахъ, причемъ однако сохранилась полная способность приспособленія глазъ. Въ заключеніе своей статьи Graefe сообщаетъ, что въ настоящее время еще неизвѣстно, подъ вліяніемъ какого нерва находится приспособленіе глаза. Онъ полагаетъ, что приспособленіемъ не можетъ завѣдывать одинъ только нервъ. Въ отношеніи этого предмета Graefe выражается слѣдующимъ образомъ [4]): «Es liegt zur Zeit, glaube ich, überhaupt kein genügender Grund vor, dem Oculomotorius einen wesentlichen Antheil bei der Accommodation abzusprechen, und es mag die Differenz der Papillarcontraktion beim Lichteinfall und der accommodativen Irisbewegung nur in einem verschiedenen Zusamentritt der Oculomotoriusfunctionen mit der Innervation der Radialfasern beruhen. Ueberhaupt ist es unwahrscheinlich, dass den Accommodationsveränderungen ein einziger Nerv vorsteht, es sind dies combinirte, auf einen bestimmten

[1]) Archiv f. Ophthalmologie. Bd. VI. Abth. II, p. 53.
[2]) l. c. p. 72.
[3]) Archiv f. Ophthalm. Bd. II. Abth. II, p. 299.
[4]) l. c. p. 304.

Zweck hin tendirende Bewegungen, und wir haben zu deren Begründung im Nervensysteme keinen anderen Weg zu wählen, als uns an die Innervation der verschiedenen dabei betheiligten Muskeln zu wenden, ebenso wie wir es bei einer sonstigen kombinirten, auf die Erreichung eines bestimmten Zweckes hin tendirenden Körperbewegung zu thun pflegen».

J. Beclard, въ своей физіологіи, нигдѣ не приводитъ нервовъ, завѣдывающихъ приспособленіемъ глаза. Онъ довольно подробно описываетъ положеніе m. ciliaris [1]), но объ инерваціи этой мышицы даже не дѣлаетъ никакихъ предположеній. Говоря о нервахъ мышицъ глаза, Beclard насчитываетъ ихъ только три, именно n. oculomotorius, n. abducens и n. trochlearis. При описаніи же отправленій отдѣльныхъ нервовъ онъ упоминаетъ о вліяніи n. sympathici [2]) и n. trigemini [3]) на величину зрачка.

J. Budge, въ своемъ руководствѣ физіологіи [4]), подробно описываетъ нервы радужной оболочки [5]), но объ нервахъ, завѣдывающихъ приспособленіемъ, или, иначе говоря, о существованіи двигательныхъ нервовъ m. ciliaris онъ нигдѣ ничего не упоминаетъ. Чувствительныя волокна m. ciliaris по Budge [6]) получаетъ посредствомъ radix longa n. nasociliaris и посредствомъ волоконъ nn. ciliares longi.

Karl Vierordt, въ своемъ руководствѣ физіологіи [7]), въ особенномъ параграфѣ говоритъ о мускулатурѣ приспособленія (Accommodationsmusculatur), но о нервахъ приспособленія (Accommodationsinervation) у него нигдѣ и рѣчи нѣтъ. Отправленія же двигательныхъ нервовъ радужной оболочки (motorische Iris Nerven [8]) Vierordt описываетъ подробно.

L. Hermann, въ своемъ руководствѣ физіологіи [9]) на стр. 266, прямо говоритъ: «Die Nerven für den Accommodationsapparat sind noch nicht bekannt.

F. A. Longet, въ своемъ обширномъ руководствѣ физіологіи, отно-

---

[1]) Traité elementaire de Physiologie humaine. Édit. 4-e. 1862. I p. 786.
[2]) l. c. p. 1012.
[3]) l. c. p. 952.
[4]) J. Budge. Lehrbuch der speciell. Physiologie des Menschen. Aufl. 8. 1862.
[5]) l. c. p. 766.
[6]) l. c. p. 830.
[7]) K. Vierordt. Grundriss der Physiologie des Menschen. Aufl. 3-e 1864.
[8]) l. c. p. 349.
[9]) L. Hermann. Grundriss der Physiologie des Menschen. 1863.

сительно рѣсничной мышицы выражается слѣдующимъ образомъ [1]): «Mais, *même en admettant*, comme parfaitement démontrée la nature musculaire du cercle ciliaire, hâtons nous d'ajouter que jusqu'à présent tout ce qui est relatif à l'action ou aux effets de ce muscle est encore à l'état d'hypothèse». Изъ этой цитаты явствуетъ, что слова Longet «même en admettant» могутъ заставить подумать, что онъ не вполнѣ еще увѣренъ, что такъ называемый Brueck'овскій мускулъ обладаетъ всѣми свойствами гладкой мышицы. Что касается нервовъ этой мышицы, то объ нихъ въ его руководствѣ нигдѣ и помину нѣтъ. О вліяніи же n. oculomotorii [2]) и n. sympatici [3]) на iris Longet вспоминаетъ и въ подтвержденіе приводитъ рядъ наблюденій и физіологическихъ опытовъ.

Otto Funke, въ отношеніи нервовъ, завѣдывающихъ приспособленіемъ, выражается слѣдующимъ образомъ [4]): «Die Accommodation des Auges steht unter der Herrschaft des Willens, obwohl die Werkzeuge derselben glatte Muskeln sind; die Nervenbahnen durch welche der Wille auf den fraglichen Apparat wirkt, sind noch nicht mit Bestimmtheit nachgewiesen».

Adolf Fick, въ своемъ руководствѣ физіологіи [5]), о нервахъ приспособительнаго аппарата выражается слѣдующимъ образомъ: «Welche Nerven den Accommodationsapparat in Bewegung setzen, ist nicht bekannt». Тотъ же самый авторъ въ своемъ сочиненіи «Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane. 1864», совершенно умалчиваетъ о нервахъ приспособительнаго аппарата.

C. Ludwig, въ отношеніи нервовъ, завѣдывающихъ приспособительнымъ аппаратомъ глаза, напечаталъ въ своемъ руководствѣ физіологіи [6]) слѣдующее: «Die Nerven, welche den Accommodationsapparat in Bewegung setzen, sind unbekannt. Eine Beobachtung von Graefe, bei der die Aeste des n. oculomotorius zu den Augenmuskeln und der Iris gelähmt waren, und bei der dennoch ein nur im geringen Grade geschwächtes Accommodationsvermögen bestand, machen *wahrscheinlich*, dass der oculomotorius *keineswegs* der Einrichtungsnerv sei». Далѣе, объ инервціи m. ciliaris, Ludwig говоритъ слѣдующее [7]):

---

[1]) Longet. Traité de Physiologie. Deuxième édition. 1860 pag. 55. T. I.
[2]) l. c. p. 540. Tome II.
[3]) l. c. p. 583. Tome II.
[4]) Otto Funke. Lehrbuch der Physiologie. Dritte Aufl. Bd. II.
[5]) Compendium der Physiologie des Menschen. 1860 pag. 198.
[6]) Lehrbuch der Physiologie des Menschen. Bd. I. Abth. II. 1858, p. 287.
[7]) l. c. p. 284. Bd. I. Abth. II.

«Die Nerven sowohl wie die Bedingungen, unter welchen der Muskel (m. ciliaris) in Erregung kommt, sind unbekannt, weil die Erregbarkeit sehr rasch nach dem Tode erlischt». Въ другомъ же мѣстѣ [1]), говоря о мышцахъ, управляемыхъ глазодвигательнымъ нервомъ, Ludwig предполагаетъ, что *вѣроятно* m. tensor chorioideae получаетъ свои нервныя вѣтви отъ n. oculomotorius. Это предположеніе его находится въ прямомъ противорѣчіи съ мнѣніемъ, высказаннымъ Лудвигомъ въ первой мною приведенной изъ его руководства цитатѣ.

Для большей полноты сообщаю еще анатомическое описаніе, заимствованное мною изъ нѣсколькихъ новѣйшихъ руководствъ анатоміи, именно Hyrtl'я [2]), Langer'а [3]) и H. Meyer'а [4]), и въ концѣ упомяну еще о трудахъ H. Muller'а [5]) и W. Krause [6]), описавшихъ, найденныя ими въ рѣсничной мышицѣ, гангліозныя ячейки.

Hyrtl выражается о нервахъ iridis и m. ciliaris слѣдующимъ образомъ [7]): «Die animalen Irisnerven stammen aus den Nervis ciliaribus, welche die Sclerotica an ihrem hinterem Umfange durchbohren, zwischen ihr und Chorioidea nach vorn zum *m. ciliaris* ziehen, in welchen sie eindringen und sich in ihm in Aeste theilen, welche theils im Muskel bleiben, theils in die Iris übertreten, wo sie Netze bilden, aus welchen feinste Fasern in das Gewebe der Iris abtreten. Sympathische Nervenfasern werden gleichfalls in der Iris angenommen, obwohl sie noch Niemand gesehen hat».

Langer описываетъ анатомическое распредѣленіе нервовъ iridis и musc. ciliaris приблизительно вотъ какъ [8]): они, по Langer'у, суть вѣточки рѣсничныхъ нервовъ, прободающихъ глазное яблоко вокругъ глазнаго нерва и направляющихся къ m. ciliaris; здѣсь они дѣлятся на два ряда вѣточекъ; одинъ рядъ вѣточекъ развѣтвляется въ роговой оболочкѣ, а другой въ рѣсничной мышицѣ и радужной оболочкѣ; въ рѣсничной мышицѣ эти вѣточки образуютъ нѣжную нервную сѣть, которая содержитъ въ себѣ гангліозныя ячейки.

---

[1]) l. c. Bd. I. Abth. II. стр. 192.

[2]) Hyrtl. Lehrbuch der Anatomie des Menschen. Achte Aufl. 1863.

[3]) Langer. Lehrbuch der Anatomie des Menschen. 1865.

[4]) H. Meyer. Lehrb. der Anatomie des Menschen. Zweite Aufl. 1861.

[5]) Verhandlungen der physikalisch-medizinischen Gesellschaft in Würzburg. Bd. X. Heft. I.

[6]) Anatomische Untersuchungen, p. 91.

[7]) Hyrtl. Lehrbuch d. Anatomie des Menschen. Achte Aufl. p. 553.

[8]) l. c. p. 693.

H. Meyer [1]) описываетъ распредѣленіе рѣсничныхъ нервовъ въ рѣсничной мышицѣ слѣдующимъ образомъ: «In dem muscul. ciliaris zerspalten sich die nervi ciliares und enden 1) in dem muscul. ciliaris als dessen Bewegungsnerven, 2) in der Iris als Bewegungsnerven für diese, und 3) in der conjunctiva corneae als Empfindungsnerven desselben». Дальше, на той же страницѣ, Meyer предполагаетъ, что только одинъ n. oculomotorius управляетъ рѣсничною мышицею. Впрочемъ, причины, заставившей его сдѣлать это предположеніе, Meyer не приводитъ.

H. Müller [2]) и *W. Krause* [3]) описываютъ въ рѣсничной мышицѣ гангліозныя ячейки, которыя по ихъ описанію встрѣчаются въ двухъ видахъ въ довольно густой сѣти нервныхъ волоконъ рѣсничной мышицы. Если присутствіе нервныхъ клѣточныхъ элементовъ въ рѣсничной мышицѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то слѣдуетъ имъ тоже приписать какое нибудь физіологическое отправленіе, и особенно легко было бы приписать имъ какое нибудь вліяніе на приспособленіе глаза; но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ здѣсь быть осторожнымъ въ подобныхъ преждевременныхъ выводахъ и заключеніяхъ, такъ какъ, съ одной стороны, какъ видно изъ описанія H. Müller'a, число этихъ нервныхъ клѣточекъ довольно ограничено, съ другой же стороны не извѣстно, къ развѣтвленіямъ какихъ именно волоконъ (т. е. къ волокнамъ ли n. oculomotorii, или n. sympathici, или же n. trigemini) рѣсничныхъ нервовъ принадлежатъ эти гангліозныя ячейки.

Извлеченіями изъ сочиненій H. Müller'a и W. Krause я оканчиваю цѣлый рядъ мнѣній, взглядовъ и цитатъ, заимствованныхъ мною изъ довольно большаго числа новѣйшихъ сочиненій. Резюмируя все то, что въ этихъ сочиненіяхъ сказано въ отношеніи нервовъ, завѣдывающихъ приспособительнымъ аппаратомъ глаза, или, другими словами, все то, что сказано въ отношеніи инерваціи рѣсничной мышицы [4]), мы увидимъ, что вообще всѣ авторы согласны въ

---

[1]) l. c. p. 333.

[2]) l. c. p. 107.

[3]) l. c. p. 91.

[4]) Новѣйшіе писатели, говоря объ инерваціи аккоммодаціи глаза, подъ этимъ понимали инервацію рѣсничной мышицы, такъ напр. у Ruete (Lehrbuch der Ophthalmologie II Aufl. стр. 322) напечатано слѣдующее: «Der Einfluss den der Nerv (n. oculom.) auf das Accommodationsvermögen, *also auf den musc. tensor chorioideae*

томъ, что инервація приспособительнаго аппарата пока еще не извѣстна. Одни изъ нихъ, описывая подробное строеніе рѣсничной мышицы и приводя цѣлый рядъ самыхъ различныхъ теорій аккоммодаціи глаза, даже вовсе не упоминаютъ объ инерваціи приспособительнаго аппарата. Другая же часть ученыхъ (преимущественно физіологи) по крайней мѣрѣ коснулась вопроса объ инерваціи приспособительнаго аппарата, говоря прямо, что нервы аккоммодаціи глаза пока еще не извѣстны. Третья часть ученыхъ (сюда принадлежатъ анатомы) утверждаетъ, что musc. ciliaris получаетъ свои нервныя вѣтви изъ рѣсничнаго узла. Наконецъ, четвертая часть изъ вышеприведенныхъ писателей (сюда относятся преимущественно офтальмологи) хотя и сознается въ томъ, что нервы аккоммодаціи еще не опредѣлены, но при этомъ дѣлаетъ различныя предположенія. Такъ одни изъ нихъ (Stellwag, Ruete) [1]) считаютъ нервомъ приспособленія n. sympathic., другіе же (Arlt и пр.) считаютъ нервомъ аккоммодаціи n. oculomotorius, наконецъ есть и такіе изъ нихъ (Pilz, Graefe и проч.), которые полагаютъ, что приспособленіемъ глаза завѣдываютъ n. oculomotorius и n. sympathicus, и что въ этомъ случаѣ n. oculomotorius завѣдываетъ круговыми волокнами, а sympathicus продольными волокнами m. ciliaris (Henke). Всѣ предположенія, сдѣланныя въ отношеніи инервацiи m. ciliaris, основаны или 1) на наблюденіяхъ изъ области патологіи, или 2) на сходствѣ строенія iridis и m. ciliaris, или же 3) на одновременномъ дѣйствіи этихъ двухъ сложныхъ мышицъ во время акта приспособленія, или наконецъ 4) еще на томъ обстоятельствѣ, что, по положенію iridis, нервы, идущіе къ ней, если и не проходятъ черезъ самую рѣсничную мышицу, то должны, по крайней мѣрѣ, проходить очень близко отъ m. ciliaris и могли бы такимъ образомъ надѣлить рѣсничную мышцу тѣми же самыми нервными вѣтвями, какими надѣляется радужная оболочка. Мнѣ кажется, что изъ числа способовъ, служащихъ для опредѣленія инервацiи мышицъ, самыми вѣрными методами могутъ служить только слѣдующіе: a) анатомическое изслѣдованіе — какъ макроскопическое такъ и микроскопическое; b) физіологическій опытъ — сюда слѣдуетъ отнести вивисекціи и всѣ прочіе опыты,

---

«ausübt», и т. д. Кромѣ того, я уже выше исчислилъ причины, говорящія въ пользу того, что m. ciliaris, а не iris, играетъ главную роль во время акта приспособленія.

[1]) Ruete считаетъ даже n. trochlearis и n. abducens нервами аккоммодаціи глаза. См. Lehrbuch d. Ophthalmolog. 2 Aufl. p. 322.

имѣющіе цѣлью опредѣленіе нерва приспособительнаго аппарата глаза; с) наблюденія изъ области патологіи. Послѣдній методъ менѣе вѣренъ, такъ какъ онъ большею частью даетъ только отрицательные выводы и часто ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ. Для примѣра я избралъ слѣдующій случай, заимствованный мною изъ архива Graefe [1]). Graefe замѣтилъ, что при полномъ параличѣ всѣхъ 12-ти глазныхъ мышицъ сила приспособленія не пострадала — она осталась нормальною. Изъ этого наблюденія легко можно было бы заключить (какъ это Лудвигъ и сдѣлалъ), что глазодвигательный нервъ не завѣдываетъ приспособительнымъ аппаратомъ глаза. Но подобное заключеніе было бы нѣсколько опрометчиво, такъ какъ при параличѣ наружныхъ глазныхъ мышицъ еще могутъ быть не парализованы внутреннія глазныя мышицы, получающія нервныя волокна отъ глазодвигательнаго нерва. Другое наблюденіе Graefe [1]) подтверждаетъ вѣрность этого предположенія. Graefe сообщаетъ, что въ одномъ случаѣ, при полномъ параличѣ всѣхъ наружныхъ глазныхъ мышицъ, завѣдываемыхъ глазодвигательнымъ нервомъ, сохранилась полная подвижность зрачка, изъ чего слѣдуетъ, что въ этомъ случаѣ не были парализованы вѣточки n. oculomotorii, идущія къ m. sphincter pupillae. Изслѣдованія по первому методу хотя и были предприняты, но они не дали положительныхъ результатовъ. Второй методъ, такъ называемый физіологическій опытъ, сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не былъ примѣненъ къ опредѣленію нервовъ приспособительнаго аппарата глаза. Я избралъ его, и, какъ кажется, съ успѣхомъ. Сначала я не получалъ удовлетворительныхъ результатовъ, однако впослѣдствіи мои старанія получить положительные результаты увѣнчались успѣхомъ.

36) Доктора медицины Суботина.

(За апрѣль, май, іюнь мѣсяцы 1866 года).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я окончилъ мою 3-ю работу *«О вліяніи пищи на количественный составъ молока»* въ лабораторіи проф. Пфлюгера; результаты опытовъ будутъ приведены ниже. Краткое предварительное извѣщеніе о моихъ изслѣдованіяхъ уже явилось въ Centralblatt f. med. Wiss. 1866 г.; сама же работа послана для опубли-

[1]) Archiv f. Ophth. Bd. II. Abth. II. стр. 302.
[2]) Archiv f. Ophth. Bd. II. Abth. I, стр. 187.

кованія въ Военно-медицинскій журналъ и въ Virchow's Archiv. Съ началомъ семестра (1-го мая), я переѣхалъ въ Вюрцбургъ, гдѣ посѣщаю у проф. Реклингаузена 1) курсъ частной патологіи, 2) демонстративный курсъ, 3) занимаюсь патологической гистологіей въ его лабораторіи, 4) посѣщаю клинику внутреннихъ болѣзней проф. Бамбергера, 5) демонстративный курсъ патологіи ушныхъ болѣзней проф. Перлольша, 6) курсъ экспериментальной физіологіи проф. Бецольда и 7) его лабораторію, гдѣ работаю съ мышечнымъ и нервнымъ электричествомъ.

Спеціально меня занимаютъ у проф. Реклингаузена изслѣдованія дифтеритическаго процесса съ гистологической стороны; о результатахъ моихъ изысканій опредѣленно высказаться еще не могу, такъ какъ я при этой работѣ поставленъ въ зависимость отъ матеріала, котораго, до настоящаго времени, вскрытія доставили мнѣ еще немного (два раза было дифтеритическое воспаленіе матки, разъ кишекъ; во всѣхъ 3-хъ случаяхъ процессъ достигъ высокой степени развитія). Пока я пришелъ къ тому результату, что недавно высказанное мнѣніе о происхожденіи дифтеритическаго процесса, вслѣдствіе развитія на слизистыхъ оболочкахъ особеннаго рода микроскопическихъ грибковъ, зародыши которыхъ попадаютъ сюда изъ воздуха, невѣрно и на основаніи мною полученныхъ препаратовъ склоняюсь къ тому убѣжденію, что дифтеритическій процессъ есть простое омертвѣніе безъ предшествовавшаго фибринознаго выпотѣнія на свободную поверхность или между элементами ткани.

Что касается моихъ изслѣдованій о молокѣ, то они состоятъ въ слѣдующемъ:

Всѣ согласны въ томъ, что пища должна имѣть опредѣленное вліяніе на количественный составъ молока. Врачи и хозяева замѣтили это давно; но, не смотря на многочисленные анализы по этому предмету, цифры, приведенныя различными изслѣдователями, мало доказательны и часто противорѣчатъ другъ другу. Относящіеся сюда анализы сдѣланы всѣ почти съ сельско-хозяйственной цѣлью опредѣленія количества молока и жира въ немъ у травоядныхъ животныхъ (коровъ, ослицъ и пр.). Немногія изслѣдованія надъ женскимъ молокомъ произведены Vernois и Becquerel'емъ [1]). Судя по нимъ, родъ пищи имѣетъ лишь незначительное вліяніе на составъ молока; болѣе важно количество ея. Обильная пища увеличиваетъ

[1]) Annales d'hygiène publique, Apr. 1857. p. 294 — 296.

ежедневное количество молока и повышаетъ абсолютное и относительное содержаніе въ немъ сыровины и масла. Скудная пища имѣетъ противоположное вліяніе. У коровъ замѣчено то же самое. Кромѣ того, упомянутые наблюдатели нашли, что женское молоко, послѣ нѣкотораго голоданія, становится бѣднѣе солями и сахаромъ и обильнѣе сыровиной и масломъ. Съ этимъ согласны изслѣдованія Boussingault'a [1]) и La Bel'я; у коровъ, кормленныхъ различными родами пищи, какъ-то: сѣномъ, зеленой дятлиной, рѣпой, свекловицей и картофелемъ, они не замѣтили значительной разницы въ количествѣ жира и другихъ составныхъ частей молока. По опытамъ Péligot надъ ослицей количество масла и сахара при различныхъ родахъ пищи остается одинаковымъ. Но другіе изслѣдователи высказываются положительно за вліяніе рода пищи на количественный составъ молока: Percival говоритъ, что у коровъ, пасущихся на сырыхъ пастбищахъ, молоко жидко, съ малымъ количествомъ казеина; отъ кормленія стеблями маиса по Parmentier и Deyeux Hermbstädt'у, увеличивается количество молока и оно получаетъ сильный сладкій вкусъ. Thomson [2]) изъ ряда обширныхъ изслѣдованій заключаетъ, что количество молока и содержаніе въ немъ масла возрастаетъ съ увеличеніемъ азота въ пищѣ. Этотъ важный результатъ изъ 5-ти-дневныхъ наблюденій надъ двумя коровами выраженъ въ слѣдующей таблицѣ въ среднихъ цифрахъ.

Кормъ.	Колич. азота въ фунтахъ.	Колич. молока въ фунтахъ.	Колич. масла въ фунтахъ.
Ячмень съ сѣномъ . . .	3,89	107	3,34
Солодъ съ сѣномъ. . . .	3,34	102	3,20
Ячмень.	3,82	106	3,44
Ячмень, льняное сѣмя и сѣно	4,14	108	3,48
Бобы и сѣно.	5,27	108	3,72

Къ совершенно другому результату приводятъ изслѣдованія Playfarer'a, относящіяся, впрочемъ, къ весьма короткимъ періодамъ. Онъ заключаетъ изъ своихъ опытовъ, что при кормѣ, содержащемъ мало азота, животное даетъ большое количество обильнаго масломъ молока; покой имѣетъ подобное же вліяніе, между тѣмъ какъ движеніе на волѣ, на скудномъ пастбищѣ, даетъ молоко, содержащее больше сыровины.

---

[1]) Ann. de chim. et de phys. Octob. 1834, pag. 153.

[2]) Annalen der Chem. und Pharmacie. Bd. LXI, S. 242.

Противорѣчія въ такомъ важномъ вопросѣ, казалось, легче бы можно рѣшить опытами надъ животными всеядными, которыхъ можно по произволу подвергать вліянію животной и растительной пищи и поставить въ довольно постоянныя другія условія во время наблюденія. Такія изслѣдованія и были сдѣланы Beusch'емъ надъ собаками (Liebig's Ann. Bd. 61); изъ нихъ слѣдуетъ, что содержаніе сыровины въ молокѣ сукъ увеличивается при мясной пищѣ и уменьшается при кормѣ чисто растительномъ, въ послѣднемъ случаѣ возрастаетъ количество масла и сахара, который при мясной пищѣ несовершенно изчезаетъ (какъ думалъ Dumas), но содержаніе его спускается до minimum'a.

Важность знанія вліяній различныхъ условій, въ особенности пищи, на количественный составъ молока для практическаго врача такъ ясна въ дѣлѣ діэтетическаго содержанія кормилицъ, что я распространяться о ней не буду. Часто съ измѣненіемъ молока у кормящей женщины, улучшеніемъ его состава, и возможно только устраненіе болѣзненныхъ припадковъ, вызванныхъ у ребенка несоотвѣтственнымъ смѣшеніемъ этой жидкости; а между тѣмъ результаты, добытые различными изслѣдователями, до того противорѣчатъ другъ другу, что врачъ совершенно лишенъ научной опоры въ дѣлѣ діэтетики кормилицъ. Кромѣ того, изслѣдованія состава молока при различной пищѣ имѣетъ и другой физіологическій интересъ: оно указываютъ на роль (о которой мы еще мало знаемъ) железы при выдѣленіи.

Мной, въ лабораторіи проф. Пфлюгера, были предприняты изслѣдованія состава молока у собакъ при различной пищѣ; животныя эти по ихъ всеядности казались мнѣ всего удобнѣе для этихъ опытовъ. Но, прежде нежели я перейду къ описанію опытовъ, я долженъ сказать о способѣ анализа мной употребленномъ; такъ какъ понятно, что отъ выбора метода и его выполненія зависитъ достоинство цифръ имъ добытыхъ.

Суки во всѣхъ опытахъ получали пищу 3 раза въ сутки, всегда въ опредѣленные часы; отцѣживаніе молока производилось помощію высасывающей стклянки, въ 11-ть часовъ утра; передъ каждымъ отсасываніемъ собаки были оставлены на нѣсколько (во всѣхъ опытахъ одно и то же) часовъ безъ щенятъ.

Способовъ анализа молока существуетъ много; я выбралъ слѣдующій, дающій болѣе точные результаты. Осажденіе бѣлковыхъ веществъ изъ молока невозможно, если послѣднее не сильно разжи-

жено водой; поэтому, предварительно взвѣсивъ часть его на химическихъ вѣсахъ, я приблизительный объемъ, вычисленный изъ вѣса (расчитывая, что 1 grm. этой жидкости не много менѣе 1 cc. ея), разбавлялъ 20 объемами перегнанной воды и, помѣстивъ полученную жидкость въ достаточно высокій сосудъ, прибавлялъ къ ней при постоянномъ помѣшиваніи, по каплямъ, уксусную кислоту до тѣхъ поръ, пока на днѣ сосуда началъ являться хлопчатый осадокъ; затѣмъ проводился черезъ жидкость, впродолженіи $^1/_4$ — $^1/_2$ часа, токъ угольной кислоты, и оставлялся сосудъ съ содержимымъ на нѣсколько часовъ или сутки въ покоѣ; казеинъ осаждался въ видѣ хлопчатаго осадка, жидкость становилась прозрачной какъ вода и легко фильтровалась. Осадокъ собирался на взвѣшенную фильтру, просушивался въ воздушной банѣ при 110° C. и по охлажденіи подъ колоколомъ надъ сѣрной кислотой взвѣшивался; этимъ способомъ получалось количество казеина и жира вмѣстѣ. Отфильтрованная жидкость разгорячалась до кипяченія; створоженный albumin собирался на фильтру, просушивался и взвѣшивался.

Объемъ отцѣженной отъ бѣлковины жидкости измѣрялся, и въ ней опредѣлялся сахаръ титрированнымъ растворомъ жидкости Фелинга: въ фарфоровую чашку вливался опредѣленный объемъ (обыкновенно 10 cc.) этой жидкости и 40 cc. дистилированной воды; эта смѣсь разгорячалась на большомъ пламени лампы до кипяченія, и въ кипящій растворъ мѣди вливалась по немногу изъ калибрированной бюретки жидкость, назначенная для изслѣдованія. Необходимое при этомъ условіе—чтобы жидкость въ чашечкѣ находилась въ постоянномъ кипѣніи; иначе, часть уже возстановившейся закиси мѣди снова растворится въ жидкости. Конецъ реакціи опредѣлялся изчезаніемъ синяго оттѣнка въ цвѣтѣ жидкости. Я никогда не довольствовался однимъ анализомъ, а производилъ 2, 3 таковыхъ для одной и той же жидкости и отъ полученныхъ цифръ бралъ среднюю. Фелингова жидкость для анализа всегда была свѣжая, потому что если растворъ давно уже приготовленъ, то содержащаяся въ немъ виннокаменная кислота можетъ разложиться, вслѣдствіе чего при кипяченіи такого раствора со всякой жидкостью, не содержащей даже сахара, всегда будетъ образоваться по видимому реакція на сахаръ. Титръ передъ употребленіемъ его всегда повѣрялся на предварительно приготовленномъ извѣстной крѣпости сахарномъ растворѣ. Вычисленіе количества сахара производится легко, зная, что 10 cc. жидкости Фелинга редуцируютъ 0,067 grm. молочнаго сахара.

Жиръ опредѣлялся методой Haidlen'a; она даетъ самые точные результаты. Чистый, прожженный гипсъ смѣшивался съ большимъ количествомъ воды, и эта смѣсь помѣщалась на фильтру; оставшійся на послѣдней гипсъ высушивался при 105 — 110° С. и истирался въ порошокъ. Въ вывѣшенной небольшой чашечкѣ взвѣшивалась часть молока и затѣмъ къ нему прибавлялось точно взвѣшенное количество (отъ 1 до 3 grm.) сухаго гипса. Смѣсь эта на маломъ пламени лампы разгорячалась до кипяченія и потомъ высушивалась въ воздушной банѣ при 100 до совершенной сухости. Вѣсъ остатка безъ вѣса примѣшаннаго гипса давалъ количество плотныхъ веществъ въ молокѣ. Истеревъ сухую массу въ мелкій порошокъ, я помѣщалъ ее въ предварительно взвѣшенную съ пробкой сухую, небольшую колбу и, прибавивши туда эѳира, взбалтывалъ и оставлялъ въ покоѣ на нѣкоторое время. Затѣмъ эфиръ отфильтровывался черезъ взвѣшенную фильтру. Повторялись выщелачиванія эѳиромъ до тѣхъ поръ, пока нѣсколько капель эѳирной вытяжки испарялись безъ остатка. Затѣмъ фильтра, особенно края ея, промывались эѳиромъ. Колба съ остаткомъ и фильтра просушивались и взвѣшивались, и изъ этихъ цифръ вычислялась потеря вѣса въ плотномъ остаткѣ молока послѣ выщелачиванія его эѳиромъ. Эта потеря отвѣчала количеству жира. Повѣрка полученной цифры производилась часто выпариваніемъ собранной эѳирной вытяжки и взвѣшиваніемъ полученнаго при этомъ жира. Я употреблялъ только этотъ длинный путь при всѣхъ своихъ анализахъ. Другіе способы опредѣленія масла выполняются легче, но даютъ менѣе точные результаты; такъ выщелачиваніе эѳиромъ молока, къ которому прибавлено немного ѣдкаго кали, показываетъ всегда меньшее противу нормальнаго содержаніе жира. Я упомяну здѣсь еще о способѣ опредѣленія жира, который можетъ быть употребленъ во всѣхъ тѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибка въ $^1/_2\%$ не берется въ расчетъ, но который хорошъ по легкости выполненія: выдѣливъ казеинъ вмѣстѣ съ жиромъ вышеописаннымъ образомъ и просушивъ, выщелочить его эѳиромъ съ фильтрой вмѣстѣ, и изъ потери вѣса казеина получается количество жира.

Молоко собакъ тотчасъ послѣ родовъ, на 2, 3-й день, представляется слизистымъ, липкимъ, цвѣта бѣложелтоватаго. Черезъ недѣлю эта слизистость исчезаетъ, и молоко получаетъ видъ обыкновенный. Реакція во всѣхъ случаяхъ мной изслѣдованная была кислая.

Опытъ I. Сука породы лягавой, здоровая, большая, на 3-й недѣлѣ послѣ родовъ, съ однимъ щенкомъ. Я анализировалъ молоко до начала опыта; надо полагать, что на волѣ животное было подъ вліяніемъ больше растительной или смѣшанной пищи.

На 1000 частей найдено:

Воды	826,25
Плотныхъ веществъ	173,75
Казеину и жиру	101,94
Бѣлковины	39,02
Казеину	51,43
Жиру	50,51
Сахару	27,72
Солей и экстрактивныхъ веществъ	5,07

Собака кормлена сырымъ лошадинымъ мясомъ, очищеннымъ отъ жиру, въ продолженіи 8 дней. Въ день съѣдала она отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ. Железы полныя; молока безъ труда отдѣлено около 60 сс., между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ едва съ большимъ трудомъ отдѣлено 15 сс. Въ обоихъ опытахъ, передъ отсасываніемъ молока, было равное число часовъ (10) безъ щенка.

Анализъ на 1000 частей показалъ:

Воды	777,90
Плотныхъ веществъ	222,10
Казеину и жиру	160,45
Бѣлковины	32,11
Казеину	40,41
Жиру	120,04
Сахару	25,29
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,25

Послѣ четырехдневнаго кормленія супомъ изъ картофеля и крахмала, который животное жретъ охотно и получаетъ его, сколько съѣсть можетъ, желѣзы у суки найдены вялыми, молока въ нихъ гораздо меньше нежели въ предъидущемъ опытѣ, реакція его кислая.

На 1000 частей найдено:

Воды	842,60
Плотныхъ веществъ	157,40
Казеину и жиру	87,27
Бѣлковины	32,80

Казеину	34,99
Жиру	52,28
Сахару	33,08
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,36

Продолжено кормленіе растительной пищей еще на два дня. Молока въ железахъ почти не найдено, и едва черезъ 15 часовъ пребыванія безъ щенка возможно было отсосать 12 grm. молока.

На 1000 частей найдено:

Воды	843,85
Плотныхъ веществъ	156,15
Казеину и жиру	79,42
Бѣлковины	33,71
Казеину	35,60
Жиру	43,82
Сахару	38,50
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,52

Собака во все время опыта здорова, весела. Опять дано мясо въ томъ же количествѣ, и черезъ трое сутокъ молока найдено очень много, железы полныя, твердыя.

На 1000 частей найдено:

Воды	788,18
Плотныхъ веществъ	211,82
Казеину и жиру	145,84
Бѣлковины	37,02
Казеину	49,76
Жиру	96,08
Сахару	25,76
Солей и экстрактивныхъ веществъ	3,20

Послѣ трехдневнаго кормленія свинымъ саломъ ($2^1/_2$ фунта въ сутки) попытки добыть молока для анализа были безуспѣшны; я пробовалъ оставить суку на цѣлую ночь безъ щенка (18 часовъ) и нашелъ въ железѣ молока такъ мало, что объ анализѣ и думать было невозможно. Собакѣ дано мясо, и молоко въ железахъ явилось снова въ достаточномъ количествѣ для анализа. Животному дана въ пищу смѣсь $1^1/_2$ фунта жира и $1^1/_2$ фунта мяса въ сутки; черезъ два дня молока найдено въ железахъ мало, едва можно было его добыть въ количествѣ 8 grm. для изслѣдованія. При такомъ маломъ коли-

чествѣ нельзя было и думать объ отдѣльномъ анализѣ жира, а потому въ одномъ только этомъ опытѣ жиръ былъ опредѣленъ выщелачиваніемъ просушенной съ казеиномъ фильтры; ошибка при этомъ способѣ анализа можетъ доходить до $^1/_2\%$.

На 1000 частей найдено:

Воды	789,01 — соли
Плотныхъ веществъ	210,99 + соли
Казеину и жиру	148,97
Бѣлковины	40,01
Казеину	56,82
Жиру	92,15
Сахару	22,01
Солей и экстрактивныхъ веществъ	неопредѣлено.

II. Собака породы лягавой, большая, съ однимъ щенкомъ, на первой недѣлѣ послѣ родовъ. Молока въ груди мало, оно слизисто, кислой реакціи. Кормлена лошадинымъ тощимъ мясомъ въ продолженіи недѣли; молока прибыло, и можно было добыть его въ количествѣ достаточномъ для анализа.

На 1000 частей найдено:

Воды	750,02
Плотныхъ веществъ	249,98
Казеину и жиру	161,11
Бѣлковины	61,32
Казеину	71,40
Жиру	89,71
Сахару	22,33
Солей и экстрактивныхъ веществъ	5,22

Черезъ три дня кормленія варенымъ картофелемъ, который животное жретъ охотно.

На 1000 частей найдено:

Воды	805,51
Плотныхъ веществъ	194,49
Казеину и жиру	100,72
Бѣлковины	51,41
Казеину	48,05
Жиру	52,67
Сахару	37,29
Солей и экстрактивныхъ веществъ	5,07

Въ продолженіи недѣли кормлена сырымъ мясомъ (3—3½ фунта въ сутки). Во все время опыта собака здорова. Молока въ железахъ найдено очень много.

На 1000 частей найдено:

Воды	716,62
Плотныхъ веществъ	283,38
Казеину и жиру	218,31
Бѣлковины	42,31
Жиру	170,49
Казеину	47,82
Сахару	18,06
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,70

Въ продолженіи двухъ сутокъ кормлена свинымъ саломъ (2 фунта въ день), жретъ охотно, со стороны кишечнаго канала никакихъ болѣзненныхъ явленій. Въ железѣ молока такъ мало, что нельзя добыть его въ количествѣ достаточномъ для анализа. Оставлена сука безъ щенка на 10 часовъ; молока нѣтъ.

III. Сука породы пуделей, большая, жирная съ 3-мя щенками, на 3-й недѣлѣ послѣ родовъ. Железы очень полныя, молока въ нихъ чрезвычайно много.

Послѣ двухдневнаго кормленія мясомъ, на 1000 частей найдено:

Воды	810,44
Плотныхъ веществъ	189,56
Казеину и жиру	125,21
Бѣлковины	34,00
Казеину	54,38
Жиру	70,83
Сахару	25,23
Солей и экстративныхъ веществъ	5,12

Собакѣ данъ жиръ въ продолженіи двухъ сутокъ; жретъ неохотно, съѣдаетъ въ день 1½ фунта, здорова. Молока найдено гораздо меньше; железы вялы; едва возможно было отдѣлить 25 grm. молока, послѣ того какъ собака была безъ щенятъ 3½ часа.

На 1000 частей найдено:

Воды	758,47
Плотныхъ веществъ	241,53
Казеину и жиру	171,63

Бѣлковины	45,09
Казеину	61,53
Жиру	110,10
Сахару	20,90
Солей и экстрактивныхъ веществъ	3,91

Собака въ продолженіи 2-хъ дней кормлена мясомъ (2—2½ фунта въ сутки). Молока въ железахъ найдено очень много.

На 1000 частей найдено:

Воды	792,46
Плотныхъ веществъ	207,54
Казеину и жиру	139,40
Бѣлковины	31,23
Казеину	48,21
Жиру	91,19
Сахару	32,88
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,03

Собака оставлена на одинъ день совершенно безъ пищи, молока по видимому отъ этого не уменьшилось.

На 1000 частей найдено:

Воды	794,54
Плотныхъ веществъ	205,46
Казеину и жиру	141,02
Бѣлковины	39,66
Казеину	42,84
Жиру	98,18
Сахару	20,60
Солей и экстрактивныхъ веществъ	4,18

Всѣ приведенныя мной изслѣдованія, для болѣе нагляднаго показанія разницы въ цифрахъ содержанія составныхъ частей молока при различной пищѣ, я приведу въ одной таблицѣ съ выводомъ среднихъ чиселъ:

ОПЫТЫ.	КОРМЛЕНІЕ МЯСОМЪ.						КАРТОФЕЛЕМЪ.				ЖИРОМЪ.		БЕЗЪ ПИЩИ ОДНИ СУТКИ	СРЕДНІЯ ЧИСЛА ПРИ КОРМЛЕНІИ.		
	I	II	III	IV.	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	МЯСОМЪ.	КАРТОФЕЛЕМЪ.	ЖИРОМЪ.
Плотныхъ веществъ	222,10	211,82	249,98	283,38	189,56	207,54	157,40	156,15	194,79	173,75	210,99	241,53	205,46	227,39	170,47	226,26
Воды	777,90	788,18	750,02	716,62	810,44	792,46	842,60	843,85	805,21	826,25	789,01	758,47	794,54	772,61	829,53	773,74
Казеину и жиру .	160,45	145,84	161,11	218,31	125,21	139,40	87,27	79,42	100,72	101,94	148,97	17,163	141,02	158,38	92,33	160,30
Бѣлковины . . .	32,11	37,02	61,32	42,31	34,00	31,23	32,80	33,71	51,41	39,02	40,01	45,09	39,66	39,67	39,24	42,55
Казеину	40,41	49,76	71,40	47,82	54,38	48,21	34,99	35,60	48,05	51,45	56,82	61,53	42,86	51,99	42,51	59,17
Жиру	120,04	96,08	89,71	170,49	70,83	91,19	52,28	43,82	52,67	50,51	921,5	110,10	98,18	106,39	49,82	101,13
Сахару	25,29	25,76	22,33	18,06	25,23	32,88	33,08	38,50	37,29	27,72	22,01	20,90	20,60	24,92	34,15	21,45
Солей и экстрактивныхъ веществъ .	4,25	3,20	5,22	4,70	5,12	4,03	4,36	4,52	5,07	5,07	—	3,91	4,18	4,42	4,75	3,91

Разсматриваніе этихъ цифръ доказываетъ, въ противоположность многимъ прежнимъ изслѣдователямъ, огромное вліяніе пищи на количественный составъ молока.

Количество плотныхъ составныхъ частей увеличивается при животной пищѣ, и это приращеніе исключительно падаетъ на цифру содержанія жира. Содержаніе бѣлковины и солей остается почти одинаковымъ при растительной и животной пищѣ. Что касается сахара, то процентное содержаніе его у собакъ, при растительной пищѣ, не превышаетъ 3,5%, при животной же пищѣ, никогда, не смотря на самый тщательный анализъ, я не наблюдалъ уменьшенія его до minimum (какъ говоритъ Bensch), напротивъ содержаніе его падало только на одинъ процентъ (при растительномъ кормѣ 3,5%, при животномъ 2,5%). Мнѣніе Bensch'a, Playfaier'a и другихъ, что при растительной пищѣ увеличивается содержаніе жира, а при животной уменьшается — несправедливо: ни одинъ анализъ, произведенный мной, не говоритъ за него; напротивъ, съ переходомъ собакъ съ животной пищи на растительную количество плотныхъ составныхъ частей въ молокѣ относительно и абсолютно уменьшается, и въ особенности жира и казеина, и незначительно увеличивается содержаніе сахара.

При кормленіи жиромъ количество плотныхъ составныхъ частей, въ особенности жира, увеличивается; но это увеличеніе только относительное, такъ какъ ежедневное количество молока уменьшается.

Точное вѣсовое или объемное опредѣленіе ежедневнаго количества молока у собакъ, понятно, невыполнимо; потому мое сужденіе объ этомъ предметѣ выведено изъ наблюденія: что при животной пищѣ железы передъ отсасываніемъ молока полны, молоко при давленіи на нихъ выходитъ струею, отсасываніемъ легко получить отъ 40 до 100 cc. жидкости; при растительной же пищѣ железы вялы, съ большимъ трудомъ возможно отдѣлить изъ нихъ ½ или ⅓ упомянутаго количества, между тѣмъ какъ животное, за исключеніемъ пищи, находилось въ другихъ условіяхъ одинаковыхъ, въ одни и тѣ же часы получало кормъ, одинаковое число часовъ было безъ щенятъ. Если, накормивъ животное, еще продолжить (на 5—7 часовъ) пребываніе его безъ щенятъ, то и тогда никогда не получается изъ железы столько молока, сколько при кормленіи сукъ мясомъ. Если животному дать вмѣсто картофеля мяса, то черезъ два, три дня явится много молока, и отсасываніемъ возможно получить въ 3 раза больше чѣмъ при кормленіи картофелемъ.

Но особенно интересно *разительное уменьшеніе количества молока при кормленіи животныхъ жиромъ*. У двухъ собакъ, послѣ двухъ дней кормленія свинымъ саломъ, молоко совершенно изчезло изъ железъ и снова явилось при кормленіи животнаго мясомъ. Даже большая примѣсь жиру къ пищѣ (1½ фунта мяса и 1½ фунта жиру) уменьшаетъ до того молоко въ железахъ, что послѣ 3-хъ-дневнаго кормленія этой смѣсью, я не нашелъ молока въ железѣ въ количествѣ достаточномъ для анализа, между тѣмъ какъ до начала опыта, при другомъ содержаніи, собака имѣла много молока.

Сравнивая составныя части молока съ составными частями крови, видно, что не можетъ быть рѣчи объ образованіи молока черезъ простое просачиваніе; особенно это ясно, если сличить составъ золы обѣихъ жидкостей. Зола молока ближе подходитъ къ золѣ кровяныхъ шариковъ, нежели кровяной сыворотки: въ ней преобладаютъ соли кали, извести. Казеина и молочнаго сахара тоже нѣтъ въ крови; какъ являются эти составныя части въ молокѣ, какіе происходятъ при этомъ химическіе процессы и насколько железы принимаютъ участіе — совершенно неизвѣстно.

Что касается жира, то гистологи показали, что онъ находится въ молокѣ въ видѣ молочныхъ шариковъ, образующихся въ самой железѣ. Но откуда берется матеріалъ для ихъ воспроизведенія? Допущеніе прямо перехода жировъ изъ крови въ молоко встрѣчаетъ большое затрудненіе, такъ какъ съ этимъ допущеніемъ приходится предположить какія-то особыя эндосмотическія условія въ волосныхъ сосудахъ железы, потому что въ молокѣ нѣтъ и слѣдовъ холестеарина, постоянно встрѣчающагося въ крови, при томъ жиры въ крови находятся въ видѣ мылъ, чего о жирахъ молока сказать нельзя. Хотя при моихъ опытахъ, съ введеніемъ въ организмъ большаго количества жиру, процентное содержаніе масла въ молокѣ увеличивалось, но это увеличеніе было только относительное, притомъ же такое обильное введеніе жировъ, какъ при кормленіи саломъ, явленіе далеко не физіологическое. При употребленіи же животными пищи бѣдной жирами (при кормленіи мясомъ или картофелемъ) источникъ образованія жировъ долженъ быть другой. Мнѣніе Boussingault'a, что въ этихъ случаяхъ масло образуется на счетъ жира организма, встрѣчаетъ уже достаточное опроверженіе въ томъ фактѣ, что, при моихъ опытахъ, суки, кормленныя мясомъ, очищеннымъ

отъ жиру, при обильномъ отдѣленіи молока богатаго масломъ, значительно полнѣли, и послѣднее зависѣло отъ накопленія жира подъ кожей; онъ скоплялся притомъ въ большемъ количествѣ въ сальникѣ, въ оболочкѣ почекъ, проникая даже между пучками мышицъ. Образованіе жира въ молокѣ въ этихъ случаяхъ сводится на вопросъ большой важности въ физіологіи — образованія жировъ въ организмѣ вообще.

Оставляя въ сторонѣ мнѣніе о происхожденіи жировъ въ организмѣ изъ углеродовъ, высказанное Либихомъ и имѣющее нѣкоторое основаніе въ томъ, что пчелы, питающіяся медомъ, образуютъ воскъ, Pasteur'у удалось между продуктами разложенія сахара найдти глицеринъ, хотя ни то, ни другое тѣло не есть еще жиръ. Замѣчу, что въ молочныхъ железахъ, при растительной пищѣ, продукція жира уменьшается; огромное же увеличеніе масла въ молокѣ, замѣченное мною при кормленіи сукъ мясомъ, прямо говоритъ за то, что въ молочныхъ железахъ и въ тѣлѣ вообще жиръ можетъ образоваться изъ альбуминатовъ.

Въ наукѣ не существуетъ до настоящаго времени строгихъ данныхъ относительно возможности перехода бѣлковыхъ веществъ въ жиръ въ живомъ тѣлѣ; есть только нѣсколько основаній, позволяющихъ съ вѣроятностію заключать о существованіи такого процесса. Сюда принадлежатъ: 1) Образованіе въ трупахъ такъ называемаго жироваго воска; онъ встрѣчается въ мѣстахъ прежнихъ мягкихъ частей и сохраняетъ ихъ форму, поэтому можно допустить, что онъ произошелъ изъ мышечной ткани; но существуетъ и другое мнѣніе, по которому трупный воскъ ничто иное, какъ остатки прежнихъ жировъ. 2) Дондерсъ, R. Wagner, Wolff вводили въ брюшную полость живыхъ животныхъ створоженный бѣлокъ, куски мышицъ, кости и спустя нѣкоторое время находили ихъ обращенными въ жиръ. Долго эти опыты считались вполнѣ доказательными, но въ послѣднее время Burdach и др. показали, что и тѣла совершенно индиферентныя претерпѣваютъ подобное же измѣненіе и что здѣсь жиръ снаружи проникаетъ въ поры введеннаго тѣла. 3) Жировое перерожденіе мышицъ и различныхъ органовъ при нарушеніи нормальныхъ условій питанія; но эти наблюденія доказываютъ только, что въ замѣнъ изчезнувшихъ альбуминатовъ сталъ жиръ, но есть ли онъ продуктъ метаморфоза ткани или пришелъ снаружи, они не рѣшаютъ. 4) Большую доказательную силу имѣли бы изслѣдованія Бурдаха, показавшія, что количество жира въ яицахъ болотнаго озерника (limnaeus

stagnalis) увеличивается по мѣрѣ ихъ развитія, а количество бѣлковыхъ веществъ соотвѣтственно уменьшается. Но опытовъ было всего два, отъ чего ихъ значеніе уменьшается. 5) Увеличеніе жира въ молокѣ сукъ при кормленіи ихъ мясомъ прямо доказываетъ образованіе послѣднихъ изъ альбуминатовъ. 6) Въ особенности важно изслѣдованіе Норре [1]): совершенно освобожденное отъ газовъ молоко, съ извѣстнымъ объемомъ атмосфернаго воздуха или кислорода, оставлялось стоять на нѣкоторое время надъ ртутью въ газометрѣ. Изслѣдованіе затѣмъ заключеннаго въ газометрѣ воздуха показало, что свѣжее коровье молоко воспринимаетъ кислородъ и отдѣляетъ угольную кислоту. При обыкновенной температурѣ уже въ первые 24 часа процессъ идетъ быстро. Черезъ 3, 4 дня стоянія молока весь кислородъ изъ объема воздуха, превосходящаго нѣсколько объемъ молока, изчезаетъ. Образованіе угольной кислоты происходитъ здѣсь на счетъ одной какой нибудь плотной составной части молока, при одновременномъ образованіи тѣла бѣднѣйшаго содержаніемъ кислорода съ большимъ количествомъ водорода (судя потому, что объемъ выдѣленной угольной кислоты больше объема принятаго кислорода). Предполагать, что здѣсь образуется угольная кислота вмѣстѣ со спиртомъ, вслѣдствіе молочнокислаго броженія, какъ это было замѣчено Lippold'омъ, невозможно; такъ какъ послѣднее совершается чрезвычайно медленно. Для опредѣленія, какая плотная составная часть молока претерпѣваетъ измѣненіе при стояніи послѣдняго на воздухѣ, Норре къ одной части свѣжаго молока прибавлялъ въ избыткѣ алкоголь, другую же оставлялъ стоять на воздухѣ отъ 1 до 4 дней и затѣмъ анализировалъ обѣ порціи по способу Haidlen'a; онъ нашелъ во второй уменьшеніе плотныхъ составныхъ частей и увеличеніе жира. Хотя увеличеніе жира было незначительно, и въ способѣ анализа лежитъ возможность такой разницы въ цифрахъ при одинаковомъ содержаніи жира въ обѣихъ порціяхъ молока, но изъ постоянства явленія (изъ 7-ми опытовъ въ 6-ти было увеличеніе) Норре заключилъ, что въ молокѣ, подъ вліяніемъ окисленія, образуется нѣсколько жиру на счетъ распаденія казеина. Понятно, что этотъ фактъ, если изслѣдованія будутъ произведены въ бо́льшемъ размѣрѣ, послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ перехода альбуминатовъ въ жиръ въ организмѣ. Я произвелъ 10 анализовъ по способу Норре. Въ столбцѣ I помѣщены цифры процент-

[1]) Virchow's Arch. Bd. 17.

наго содержанія жира въ молокѣ тотчасъ по выдѣленіи его изъ железы, во II процентное содержаніе жира въ томъ же молокѣ послѣ стоянія его на воздухѣ, въ III время стоянія на воздухѣ въ часахъ.

	I.	II.	III.
1) . . .	4,72	4,85	24
2) . . .	3,17	3,49	96
3) . . .	1,99	2,27	96
4) . . .	6,25	6,29	96
5) . . .	3,14	3,56	48
6) . . .	4,11	4,30	96
7) . . .	4,82	5,03	36
8) . . .	1,88	1,90	96
9) . . .	3,50	3,42	96
10) . . .	4,04	4,28	96

Эти цифры подтверждаютъ прежде высказанное мною мнѣніе объ образованіи жира въ молокѣ.

Молочный сахаръ неизвѣстенъ какъ продуктъ распаденія; не удалось превратить въ него другихъ родовъ сахара, внѣ организма; въ тѣлѣ животнаго такое превращеніе совершается, какъ видно изъ опытовъ Кл. Бернара. Но принять образованіе молочнаго сахара изъ винограднаго въ физіологическомъ состояніи невозможно, ибо при этомъ необходимо предположеніе, что во все время кормленія грудью молочныя железы получаютъ изъ крови достаточное количество послѣдняго, а это можетъ быть не иначе какъ подъ условіемъ, чтобы сахаръ, образующійся въ печени, не окислялся въ крови съ той быстротой, съ которой онъ окисляется при обыкновенныхъ условіяхъ. Всего вѣроятнѣе, что молочный сахаръ въ железѣ образуется изъ разсчепленія альбуминатовъ; это не противорѣчитъ тому, что извѣстно намъ въ настоящее время о строеніи бѣлковыхъ тѣлъ. То обстоятельство, что при кормленіи сукъ мясомъ количество сахара въ молокѣ не увеличивается, а напротивъ содержаніе дѣлается менѣе, объясняется присутствіемъ въ молокѣ нерастворимаго фермента, возбуждающаго молочнокислое броженіе, которое начинается иногда, а у собакъ постоянно, еще внутри железы, и этимъ обусловливается кислая реакція ихъ молока. Можетъ быть, при кормленіи мясомъ количество таковаго фермента значительнѣе, и разложеніе идетъ быстрѣе. Случаи, гдѣ въ молокѣ

тотчасъ по выдѣленіи его изъ груди, находили едва слѣды сахара (Schlossberger), указываютъ, что при нѣкоторыхъ, еще не опредѣленныхъ условіяхъ, напряженіе процесса разложенія внутри железы можетъ быть очень значительно. Опредѣленіе степени такого разложенія количествомъ накопленія въ молокѣ при этомъ продуктовъ не выполнимо, такъ какъ послѣдніе быстро всасываются, и вслѣдствіе этого является возможность распаденія сахара внутри железы до полнаго уничтоженія его [1]). Этимъ объясняется, что Dumas совершенно не нашелъ сахара, а Bensch только слѣды его въ молокѣ сукъ при кормленіи ихъ мясомъ, и тотъ фактъ, что у собакъ молоко менѣе богато сахаромъ, чѣмъ у людей, коровъ, вообще у тѣхъ животныхъ, у которыхъ реакція его, свѣже выпущеннаго, щелочная.

Я прибавлю еще нѣсколько словъ о казеинѣ, веществѣ, стоящемъ очень близко къ натронному альбуминату, но отличающемся отъ тѣлъ, получаемыхъ дѣйствіемъ щелочи на различныя видоизмѣненія бѣлка, своимъ отношеніемъ къ поляризаціонному свѣтовому лучу. Замѣчено, что онъ при нѣкоторыхъ условіяхъ переходитъ въ albumin. Я нашелъ, что казеинъ, освобожденный совершенно отъ жира и растворенный въ водѣ, при прибавленіи незначительнаго количества щелочи, осаждался уксусной кислотой изъ этого раствора, при развитіи небольшаго количества сѣроводороднаго газа, со всѣми своими свойствами; но если черезъ щелочной растворъ сыровины я пропускалъ въ продолженіе 2 часовъ постоянный электрическій токъ, то казеинъ терялъ свои самыя характеристическія реакціи: изъ раствора онъ осаждался уксусной кислотой не совершенно и осажденный не растворялся въ избыткѣ уксусной кислоты, а разбухалъ въ студенистую массу, не совершенно растворялся въ соляной кислотѣ, не осаждался спиртомъ изъ раствора, растворялся въ слабыхъ растворахъ поваренной соли.

Воронежъ, [illegible] 1866 года.

[1]) Извѣстное количество молочной кислоты останавливаетъ броженіе.